

4764

Ся Книга
вѣдана за ученье
Аннату
Самодворнику
Томя 3 го дня
1868 года

Ведерниковъ

Самодворникъ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
МУЗЕЙ
Народного Общества

Учену Рыкарнао
Сельсано Дубинца

Мафаниу Само Стуану

Видана ова книга а
награду за отиудниа цену
ва учену и прекрасное по
свение отъ Франскаго Ун
наго Вестеба. Тохъ 3 дни
1868 года.

Председатель Управы Севериана

Мисеру Уману Селиову

Учено

ДѢТСКІЙ МІРЪ

и

ХРИСТОМАТІЯ. У-945

ред
49171(082)

КНИГА ДЛЯ КЛАССНАГО ЧТЕНІЯ,

ИСПОСОБЛЕННАЯ КЪ ПОСТЕПЕННЫМЪ УМСТВЕННЫМЪ УПРАЖНЕНІЯМЪ
И НАГЛЯДНОМУ ЗНАКОМСТВУ СЪ ПРЕДМЕТАМИ ПРИРОДЫ.

ИЗДАНИЕ ШЕСТОЕ.

кончательно исправленное и дополненное, со 105-ю рисунками
въ текстъ).

ВЪ ДВУХЪ ЧАСТЯХЪ ГОСУДАРСТВЕННАГО

СОСТАВИЛЪ

К. УШИНСКІЙ.

пущена къ употребленію въ первыхъ четырехъ классахъ гимназій и възд-
въ училищахъ, а также рекомендована Ученымъ Комитетомъ, состоящимъ
IV Отдѣленіи Собственной ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
целаріи, «какъ прекрасное учебное руководство для низшихъ классовъ»).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(ИЗДАНИЕ Я. А. ИСАКОВА).

САНКТ-ПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи И. Маркова и Ко. Больш. Мѣщ. д. № 14.

1865.

ОГЛАВЛЕНИЕ.

ВТОРАГО ТОМА.

ОТДѢЛЪ I.

Изъ природы.

	Стр.		Стр.
Всякой вещи свое мѣсто	1	Ручей	83
Хрущъ или майскій жукъ	5	Классификація минераловъ	86
Бабочка	9	Питаніе человѣка	81
Шелковичный червякъ	11	Способности души	98
Комнатныя мухи	14	Сходство между человѣкомъ и жи- вотнымъ	96
Паукъ	16	Отличіе человѣка отъ животнаго .	97
Дождевой червякъ	19	Сотвореніе человѣка	102
Улитка	21		
Коралловые полипы	23		
Ивузори или наливочныя живот- ныя	26		
Вишня	28		
Какъ изъ вишневаго цвѣтка дѣ- лается вишня	29		
Земляника	33		
Березка и ея семейство	33		
Ива	38		
Хвойныя деревья	40		
Бѣлая лилія	44		
Конопля, ленъ и хлопчатникъ	46		
Одуванчикъ	50		
Ржаной колосокъ	54		
Другія хлѣбныя растенія, наши и не наши	57		
На лугу	60		
Пальма	64		
Грибы	66		
Классификація растеній	70		
Грифельная доска	73		
Гранитный валунъ	75		
Известь	79		
		Лѣтописецъ (А. Пушкина)	104
		Ослѣпленіе Василья	105
		Владиміръ Мономахъ	109
		Наши дремучіе лѣса	113
		Андрей Боголюбскій	115
		Наши степи	118
		Походъ Игоря, князя Новгородскаго верскаго	121
		Битва съ татарами на рѣкѣ Калкѣ .	130
		Нашествія Батая	133
		Александръ Невскій	137
		Возвышеніе Москвы	139
		Куликовская битва (Карамзина) .	141
		Іоаннъ III й	144
		Взятіе Казани (Н. М. Карамзина) .	146
		Народная пѣсня про покореніе Ка- зани	147
		Василій Шибановъ (А. Толстаго) .	148
		Великодушіе св. Филиппа (Н. М. Карамзина)	150
		Посольство Ермака (А. Толстаго) .	152

ОТДѢЛЪ II.

Изъ Русской исторіи.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, Іюня 23 дня, 1865 года.

ГОС. БЛ. Д. П.
ПО И РОДНОМУ
ОБРАЗОВАНИЮ

456 371 рр

пр делл

Стр.	Стр.
Первое извѣстіе о самозванцѣ (А. С. Пушкина)	157
Чудо св. Дмитрія (Ею же)	159
Начало осады Троицкой Лавры (Н. М. Карамзина)	160
Козьма Захарьевичъ Мининъ-Сухорукъ (Островскаю)	161
Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство (Н. Полеваю)	166
Петръ I	167
День Петра Великаго (Корниловича)	171
Полтавская битва (А. Пушкина)	175
Бородино (И. Лермонтова)	176
Манифестъ (А. Майкова)	178

ОТДѢЛЪ III.

Изъ Географіи.

Вблизи и вдали	178
Земля	180
Глобусъ	181
Первое знакомство съ полушаріями	183
Христофоръ Колумбъ	186
Васко де Гама	193
Магелланъ	195
Капитанъ Кукъ	198
Небесный сводъ	202
Движныя земли	204
Ниваторъ	205
Коперникъ	206
Галилей	207
Ньютонъ	209
Земная ось, полюсы и экваторъ	213
Солнечныя часы	215
Разнообразіе климатовъ	221
Телескопъ	222
Горная страна	226
Море	230
Рейнскій водопадъ (Н. Карамзина)	237
Геркуланъ	238
Ночь на Везувіи (Яковлева)	240
Эскимосы	244
Самовды (Максимова)	248
Киргизскія степи (Ковалевскаю)	251
Голландцы	254
Въездъ въ Лондонъ съ моря (Михайлова)	255
Иерусалимъ (Порова)	259
Кіевъ (Хомякова)	262

Москва (Глики)	162
Кавказъ (Пушкина)	263
Финляндія (Батюшкова)	—
Петербургъ (Пушкина)	264

Путешествіе по Волгѣ:

1 письмо (отъ Петербурга до Твери)	265
2 письмо (отъ Твери до Нижняго)	271
3 письмо (Нижній Новгородъ)	284

ОТДѢЛЪ IV.

Первыя уроки логики.

Стр.	
Роза и гвоздика	292
Классная доска и грифельная доска	—
Что такое различіе и сходство	293
Различіе признаковъ	295
Сужденіе	296
Тѣло	297
Различіе предметовъ	298
Роды и виды	300
Признаки видовые и родовые	301
Споръ (Понятіе)	302
Опредѣленіе	304
Явленіе, причина и слѣдствіе	306
Существо и явленіе	308
Цѣль и назначеніе	309
Законъ	311

ХРИСТОМАТІЯ.

ОТДѢЛЪ I-й. (Стихи).

Стр.	
Зимняя дорога (А. Пушкина)	1
Два бочки (И. Крылова)	—
Прохожіе и собаки (Ею же)	2
Крестьянинъ и работникъ (Ею же)	—
Три пальмы (Лермонтова)	—
Что ты спишь, мужичекъ? (Кольцова)	4
Раздумье сѣлянина (Ею же)	—
Судъ Божій надъ Епископомъ (Жуковскаю)	—
Волкъ на псарнѣ (Крылова)	6
Солнце и мѣсяцъ (Полонскаю)	7
Косарь (Кольцова)	—

Стр.	Стр.
Ангель (Лермонтова)	8
Водопадъ (Державина)	9
Весенняя гроза (Гютчева)	—
Мирская сходка (Крылова)	—
Два мужика (Ею же)	—
Овсяный кисель (Жуковскаю)	10
Нива (Майкова)	13
Утро на берегу озера (Никитина)	—
Мельница (Ею же)	14
Ночлегъ въ деревнѣ (Ею же)	—
Демьянова уха (Крылова)	15
Три мужика (Ею же)	—
Какъ мыши коту хоронили (Жуковскаю)	16
Невольничій корабль (изъ Гейне, переводъ Водозозова)	19
Шоссе и обыкновенная дорога (Аксакова)	20
Кто онъ? (Майкова)	21
Пѣсня лихача (Кольцова)	22
Нищій (Никитина)	—
Клптанъ Боппъ (В. Жуковскаю)	23
Баба проповѣдникъ (Полонскаю)	27

ОТДѢЛЪ II-й. (Проза).

Стр.	
Пшеница и плевелы (Денцеля)	28
Воспитаніе (Круммахера)	29
Отцовскій долгъ (Кокорева)	30
Бѣленькій цвѣточекъ (Андерсена)	33
Гостинница въ степи	37
Истинно христіанская жизнь (съ Франц.)	47
Переправа черезъ рѣку (Круммахера)	53
Смерть и сонъ (Ею же)	—
Корона старости (Ею же)	54
Возвращеніе на родину (Пушкина)	55
Первыя каникулы гимназиста (Аксакова)	56
Ермолай и его Валетка (Тургенева)	59
Льговъ (Ею же)	61
Бирюкъ (Ею же)	68
Афанасій Ивановичъ и Пульхерія Ивановна (Гоголя)	75
Перевздъ въ горахъ (Лермонтова)	76

ДѢТСКІЙ МІРЪ.

ОТДѢЛЪ I.

ИЗЪ ПРИРОДЫ.

Всѣмъ вещи свое мѣсто.

Богатый дядя, уѣзжая на долго за границу, подарилъ двумъ своимъ племянникамъ по большому сундуку съ самыми разнообразными вещами. Здѣсь были игрушки и книги, чучелы животныхъ и картины, засушенные растенія и раковины, куски камней и образчики металловъ. Само собою разумѣется, что дѣти обрадовались такому богатому подарку: сейчасъ-же успѣли опустошить сундуки и посмотреть, что въ нихъ находится. Но вещей было такъ много и онѣ были такъ разнообразны, что дѣти никакъ не могли уже хорошо познакомиться съ своимъ богатствомъ: часто они напрасно и долго искали какой нибудь вещи, хотя, казалось, видѣли ее недавно, и даже не знали хорошенько, что у нихъ есть и чего ѣтъ. Они, правда, разложили свои вещи довольно аккуратно, по учамъ; но въ каждой кучкѣ было столько разнообразныхъ предметовъ, что невозможно было припомнить, гдѣ что лежитъ. Разъ дѣти долго искали какой-то блестящей раковинки, которая повредилась имъ обоимъ — перерыли все, но не находили ее. Въ это самое время въ дѣтскую вошелъ отецъ и дѣти рассказали ему свое горе.

— Это происходитъ оттого, друзья мои, сказалъ дѣтямъ отецъ, что ваши вещи, какъ я вижу, въ большомъ безпорядкѣ. Хотя вы разложили ихъ по кучкамъ, но не такъ, какъ слѣдуетъ. Надобно

разложить ихъ *по родамъ и видамъ*, каждый предметъ на свое мѣсто, и тогда вы будете знать, гдѣ что лежитъ, и легко отыщете то, что вамъ нужно.

— Но что значить разложить по родамъ и видамъ, спросили дѣти въ одинъ голосъ: и какъ это сдѣлать?

— Очень легко: положите игрушки къ игрушкамъ, картины къ картинамъ, всѣ чучелы животныхъ соберите въ одно мѣсто, растенія въ другое, камни въ третье; книги помѣстите особо.

Дѣти съ помощью отца исполнили то, что онъ имъ совѣтовалъ.

— Вотъ теперь получше, сказали отецъ; но все еще порядка мало. Вы, напримѣръ, разставили книги, судя по формату, — большія къ большимъ, а меньшія къ меньшимъ, тогда какъ книги должно размѣщать по содержанию. Поставьте же учебники къ учебникамъ, сказки къ сказкамъ, путешествія къ путешествіямъ: въ книгахъ различнаго формата можетъ быть одно и то же содержаніе и наоборотъ. Дурно также вы разставили животныхъ и разложили растенія. Посмотрите: у васъ рядомъ съ фигурою слона стоитъ чучело орла, хотя орелъ птица, а слонъ звѣрь.

Дѣти съ помощью отца разставили книги, какъ слѣдуетъ, и сами отдѣлили птицъ отъ другихъ животныхъ.

— Немного болѣе порядка, а все еще мало. Посмотрите, у васъ слонъ стоитъ вмѣстѣ съ крокодиломъ, хотя эти животныя совершенно различны: слонъ живетъ на сушѣ и рождаетъ живыхъ дѣтей, а крокодилъ живетъ въ водѣ, хотя и не рыба, и кладетъ яйца, хотя и не птица. Отдѣлите сначала животныхъ, называемыхъ звѣрями, т. е. такихъ, которыя покрыты шерстью, рожаютъ живыхъ дѣтенышей и кормятъ ихъ своимъ молокомъ, почему и называются *млекопитающими*.

Съ помощью отца дѣти отдѣлили звѣрей отъ всѣхъ прочихъ животныхъ.

— Вотъ теперь уже больше порядка; а все же мало. Посмотрите, у васъ оселъ стоитъ рядомъ съ кошкой, хотя у осла копыта, а у кошки лапы. Отдѣлите же въ сторону всѣхъ звѣрей, у которыхъ ноги вооружены копытами.

Дѣти безъ труда исполнили приказаніе отца.

— Хорошо, сказалъ отецъ: но и тѣхъ животныхъ изъ *класса* звѣрей, ноги которыхъ вооружены копытами, можно разставить въ большемъ порядкѣ. Поставимъ сначала *однокопытныхъ* (какія?), затѣмъ — *двукопытныхъ* (какія?) и наконецъ — *многокопытныхъ* (какія?). Вотъ у насъ три *отряда* копытныхъ животныхъ. Въ этихъ отрядахъ мы найдемъ еще различныя *семейства*. Въ первомъ отрядѣ, *однокопытныхъ* — одно семейство съ нѣсколькими видами (какіе?); во второмъ отрядѣ животныхъ, *двукопытныхъ*, жвачныхъ, мы можемъ размѣстить наши фигурки въ нѣсколько семействъ. Въ первое семейство, *бычачье* — пойдутъ быкъ и корова, буйволъ, зубръ; во второе — *козловое* — стануть, коза, овца, легконогая серна. Третье семейство будетъ *оленье*; здѣсь помѣстятся олени всѣхъ породъ и кабарга съ загнутыми внизъ клыками. Затѣмъ, поставимъ жирафа съ вытянутою шею и длинными передними ногами. это четвертое семейство. Пятое семейство составятъ тоже *жвачныя* животныя, но у которыхъ не два копыта, а скорѣе два большіе мозоля на каждой ногѣ. Въ это *мозолоное* семейство войдутъ горбатый верблюдъ и хорошенькая лама съ вытянутою шею. Такъ, у насъ будетъ въ отрядѣ двукопытныхъ жвачныхъ животныхъ пять семействъ (какія?) и въ каждомъ семействѣ нѣсколько родовъ животныхъ (какіе?).

Въ третьемъ отрядѣ, животныхъ многокопытныхъ, мы замѣтимъ два семейства: семейство *парнокопытныхъ*, гдѣ помѣстятся дикій кабанъ и наша домашняя свинья (почему?) и *непарнокопытныхъ*, гдѣ стануть слонъ, бегемотъ, носорогъ и тапиръ.

Теперь займемся животными, у которыхъ не копыта, а лапы съ когтями. Изъ нихъ мы легко устроимъ 4-й отрядъ — *хищныхъ* (какіе признаки хищныхъ звѣрей?). Въ хищномъ отрядѣ мы знаемъ 4 семьи: *кошачье*, со втяжными когтями (на какіе роды дѣлится кошачье семейство?). Второе семейство хищныхъ будетъ *собачье* (какіе роды?), третье семейство *пеновое*, четвертое — *медвѣжье*. (Какіе звѣри относятся къ этому семейству?). Пятое семейство хищнаго отряда — *хорьковое* (какіе роды и виды вы знаете хорьковаго семейства?).

Затѣмъ, помѣстимъ пятый отрядъ — отрядъ *грызуновъ*. (Признаки грызуновъ? Какіе звѣри относятся къ этому отряду?).

Далѣ пойдетъ шестой отрядъ — *насъкомольныхъ*. (Кого вы отнесете къ этому отряду?). Затѣмъ помѣстимъ седьмой отрядъ — *рукокрылыхъ* (какое рукокрылое животное вы знаете?). Восьмой отрядъ составятъ *четверорукиа*. (Какихъ животныхъ называютъ четверорукими?). Наконецъ, поставимъ два отряда морскихъ звѣрей: 9-й — *ластоногихъ* и 10-й — *рыбообразныхъ*. (Какія звѣри относятся къ первому и какія ко второму отряду?).

Вотъ и всѣ *млекопитающія* животныя, какихъ мы съ вами узнали. Теперь займемся размѣщеніемъ *птицъ*, которыхъ легко отличить по перьямъ, по двумъ ногамъ и по клюву. Прежде всего раздѣлимъ птицъ на два большія *отдѣла*: *выводковыхъ* и *птеновыхъ*. (Чѣмъ онѣ различаются?) Въ каждомъ отдѣлѣ найдемъ нѣсколько отрядовъ. Первымъ отрядомъ поставимъ *куриный*. (Какія птицы относятся къ этому отряду?). Второй отрядъ будетъ *голенастыхъ* или *болотныхъ*. (Какія птицы принадлежатъ къ этому отряду? Почему онѣ такъ называются?). Третьй отрядъ — *блуждающихъ*. (Какую вы знаете блуждающую птицу?). Четвертый отрядъ составятъ птицы *водныя*. (Какія?).

Въ *птеновомъ* отдѣлѣ птицъ мы знаемъ также 4 отряда: 1-й — *хищныхъ*, дневныхъ и ночныхъ (какія?); 2-й — *воробьиныхъ* (какія?); 3-й — *голубиныхъ*, куда относятся одни голуби, разнообразнѣйшихъ породъ, и 4-й — *парноналыхъ* или *лазуновъ*. (Какія птицы относятся къ этому послѣднему отряду? Почему онѣ такъ названы?).

Вотъ мы устроили два *класса* животныхъ: звѣрей и птицъ. О другихъ классахъ мы знаемъ не много, но постараемся и животныхъ этихъ классовъ размѣстить, какъ можемъ. Сначала размѣстимъ классъ *пресмыкающихся*, гдѣ замѣтимъ 3 отряда: *щелепечный*, *змѣиный* и *черепаший*. (Какихъ животныхъ вы знаете въ каждомъ изъ этихъ отрядовъ?).

Четвертый классъ составятъ у насъ животныя *земноводныя*. (Какое земноводное животное вы знаете и почему оно такъ называется?).

Пятый классъ займутъ у насъ *рыбы*, у которыхъ мы узнали съ вами всего два отряда: *костистыхъ* и *твердочешуйчатыхъ*. (Чѣмъ отличаются рыбы отъ всѣхъ прочихъ классовъ и какихъ рыбъ изъ каждаго отряда вы знаете?).

У всѣхъ этихъ пяти классовъ животныхъ (какихъ именно классовъ?) есть одинъ общій признакъ: это все животныя *позвоночныя*, т. е. такія, у которыхъ есть позвоночный хребетъ. У всѣхъ же остальныхъ животныхъ, которыхъ мы еще не привели въ порядокъ, нѣтъ позвоночнаго хребта; и теперь мы займемся именно этими безпозвоночными животными.

На время, прибавилъ отецъ, мы не тронемъ животныхъ безпозвоночныхъ и приведемъ ихъ въ порядокъ тогда, когда что-нибудь о нихъ узнаемъ. Теперь же вы уже знаете, для чего нуженъ порядокъ и *система*: иначе мы не могли бы помнить такого множества животныхъ, растений, минераловъ, какіе извѣстны каждому, кто изучалъ естественныя науки. Да и вообще умные люди давно замѣтили, что для того, чтобы занятія наши шли успѣшно, всякой вещи должно быть свое мѣсто, а всякому дѣлу свое время *).

Хрущъ или майскій жукъ.

Это маленькое насѣкомое очень хорошо знакомо каждому изъ насъ; но, рассмотрѣвъ его поближе и повнимательнѣе, мы откроемъ въ немъ много любопытнаго, чего прежде не замѣчали.

Небольшое тѣло хруща весьма замѣтно раздѣляется на три части: голову, туловище и члены; голова у него очень небольшая и весьма мало подвижная; на ней мы замѣтимъ два большіе блестящіе глаза и ротъ, состоящій изъ шести частей, называемыхъ *жвалами*, которыя имѣютъ способность двигаться изъ стороны въ сторону и зубцами своими перетираютъ пищу; такого сложнаго

*) Статья эта можетъ быть прочитана съ большою пользою только въ томъ случаѣ, если читающій хорошо и систематически ознакомился съ 1-ю частью Дѣтскаго Мира; если же этого, почему либо, не было сдѣлано, то слѣдуетъ эту статью пропустить. По прочтеніи статьи полезно составить таблицу и по ней резюмировать цѣлымъ классомъ, и вкратцѣ, все прочитанное о животныхъ въ 1-й части Дѣтскаго Мира. Такое повтореніе систематизація приобрѣтенныхъ уже знаній составляютъ одно изъ могущественныхъ средствъ развитія вообще и укрѣпленія памяти въ особенности.

рта мы не видѣли еще ни у одного животнаго. На головѣ хруща замѣтимъ мы еще два маленькіе члена въ родѣ двухъ тоненькихъ усиковъ, утолщающихся къ концу и усаженныхъ роговыми пластинками; усики эти называются *щупальцами*: ими хрущъ какъ и всякій другой жукъ, ощупываетъ предметы, къ которымъ прикасается. Туловище хруща начинается тотчасъ за головою и оканчивается назади остріемъ; въ туловищѣ можно различить переднюю часть, или грудь, и заднюю, или брюшко. Сверху нельзя замѣтить, гдѣ оканчивается грудь и гдѣ начинается брюшко; но снизу это очень хорошо видно. Грудь состоитъ изъ трехъ колецъ неодинаковой величины. Первое и ближайшее къ головѣ, сравнительно съ другими, очень велико: если смотрѣть сверху, то кажется, что оно одно образуетъ всю грудь; оно, какъ и вся грудь, покрыто волосами. Второе, очень маленькое колечко, выходитъ наверху между крыльями сердцевиднымъ щиткомъ. Третьяго кольца сверху совершенно не видно, но внизу оно довольно широко. Къ каждому изъ этихъ грудныхъ колецъ прикрѣплено по парѣ ногъ. Брюшко хруща, котораго сверху за крыльями почти не видать, состоитъ тоже изъ шести колецъ чернаго цвѣта; на каждомъ изъ этихъ колецъ по два бѣлыхъ пятнышка; роговидное окончаніе брюшка выходитъ треугольникомъ и имѣетъ свѣтло-коричневый цвѣтъ. Всѣ члены хруща прикрѣплены къ груднымъ его кольцамъ попарно и называются ножками; двѣ первыя пары сидятъ близко одна возлѣ другой; заднія, укрѣпленные на третьемъ кольцѣ груди, отодвинуты нѣсколько далѣе. Каждая ножка состоитъ изъ пяти членковъ или *суставцевъ*; послѣдній изъ суставцевъ, соответствующій лапѣ звѣря, называется лапкою и снабженъ крючковатыми коготками. Эти суставчатая, членистая ножки помогаютъ маленькому животному двигаться; а крючковатая лапки даютъ ему возможность сидѣть крѣпко, уцѣпившись за листокъ дерева или за вѣтку.

Такимъ образомъ мы видимъ, что хрущъ, какъ и всякій другой жукъ, состоитъ изъ множества отдѣльных членковъ, или суставцевъ: въ груди три сустава, въ брюшкѣ шесть, въ каждой

Оса.

ножкѣ по пяти, ротъ—изъ шести суставцевъ; даже щупальцы и тѣ не простые, а состоятъ тоже изъ суставцевъ. Вотъ почему хруща причисляютъ къ животнымъ *членистымъ* или *суставчатымъ*, къ которымъ мы причислимъ и осу, и муху, и пчелу, и муравья, и паука, и множество другихъ животныхъ, если разсмотримъ ихъ хорошенько.

Сверху, на спинкѣ хруща мы видимъ два свѣтло-коричневые блестящія крыла, жесткія, глянцовитыя, по которымъ вдоль идутъ выпуклыя полоски; но это, собственно, не крылья,—трудно было бы летать на такихъ жесткихъ и тяжелыхъ крыльяхъ, — а только крышки для настоящихъ крыльевъ или, какъ ихъ называютъ, *надкрыль*.

Когда жукъ собирается летѣть, то онъ подымаетъ эти плоскія роговыя крылья и развертываетъ изъ-подъ нихъ два другія крыла — тонкія, нѣжныя и большія. Эти послѣднія мягкія крылышки такъ тонки, что почти прозрачны; но, тѣмъ не менѣе, въ нихъ достаточно силы и крѣ-

Превращеніе майскаго жука.

пости, чтобы поддерживать на воздухѣ довольно тяжелое тѣло жука. При полетѣ жукъ производитъ своими крыльями особеннаго рода знакомое намъ *жуужжанье*; но голоса собственно онъ не имѣетъ.

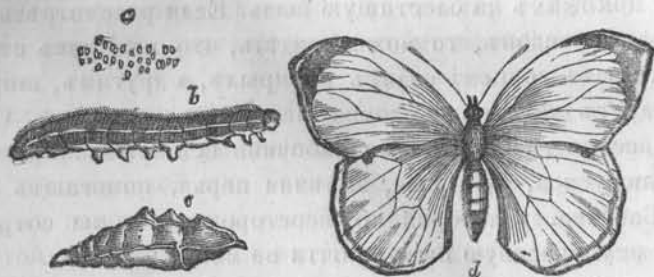
Хрущъ безопасенъ для людей; онъ не можетъ ни кусаться, ни колотиться; но сильно вредитъ деревьямъ и кустамъ, пожирая на нихъ листь. Самка хруща кладетъ яички въ землю и потомъ вовсе о нихъ не заботится. Изъ яичекъ жука выползаютъ не жуки, но маленькіе, голые червячки бѣлаго цвѣта, вовсе на жука не

похожіе, и уже изъ червячковъ, черезъ три года, на четвертый, дѣлаются хрущи. Такой переходъ животного изъ одной формы въ другую называется *превращеніемъ* (метаморфозой). Превращеній мы не замѣчали съ вами ни у звѣрей, ни у птицъ, ни у рыбъ, и видѣли нѣчто подобное только у лягушекъ.

Если случайно раздавить жука, то изъ него потечетъ не красная, но бѣлая кровь. Костей при этомъ у жука не окажется; а наоборотъ, мы увидимъ, что внѣшняя оболочка, покрывающая его голову, грудь и брюхо, не говоря уже о крѣпкихъ роговыхъ крыльяхъ, гораздо тверже и жестче, того, что мы находимъ внутри жука. У звѣрей, птицъ, рыбъ, земноводныхъ и пресмыкающихся мы видѣли кости внутри; а здѣсь, напротивъ, кости замѣняются твердымъ наружнымъ покровомъ, и къ этому покрову прикрѣпляются мускулы, дающіе животному возможность двигаться. Замѣтивъ, это, мы, конечно, не будемъ уже искать въ жукѣ ни позвоночнаго хребта, ни реберъ, а потому и не причислимъ его къ животнымъ позвоночнымъ. Внутри жука естественныиспытатели нашли желудокъ, сердце и нервы, что даетъ жуку возможность, какъ и всякому другому насѣкомому, питаться, чувствовать и двигаться. Для дыханія жукамъ также необходимъ воздухъ, какъ и всему, что живетъ; но дыхательный органъ у жука устроенъ совершенно иначе, чѣмъ у животныхъ, о которыхъ мы до сихъ поръ читали. Это не легкія и не жабры, а маленькія трубочки, находящіяся въ тѣлѣ животного, отверстія которыхъ выходятъ устьицами между кольцами груди и брюха. Въ этихъ трубочкахъ кровь жука соприкасается съ воздухомъ и изъ нихъ уже расходится по всему тѣлу. Органовъ обонанія и слуха у жуковъ не открыли; органы осязанія есть, но не распространены у нихъ по всему тѣлу, покрытому толстою, жесткою кожею, а находятся въ щупальцахъ, которые торчатъ у жука на головѣ и безпрестанно шевелятся.

Если мы встрѣтимъ животное, которое, подобно жуку, состоитъ изъ множества члениковъ, или суставцевъ, то причислимъ его къ обширному отдѣлу животныхъ суставчатыхъ; но если мы встрѣтимъ такое суставчатое животное, у котораго, какъ у жука, три пары ногъ, то мы причислимъ его къ классу *насѣкомыхъ*. Паука,

напримѣръ, мы назовемъ животнымъ суставчатымъ; но не можемъ назвать его насѣкомымъ, потому что у него не шесть, а восемь ногъ; не назовемъ мы также насѣкомымъ и сороконожку, хотя смѣло можемъ назвать ее животнымъ суставчатымъ; пчела же, оса и муха, хотя онѣ и мало похожи на жука, должны быть причислены къ насѣкомымъ: онѣ не только состоятъ изъ суставчиковъ, но имѣютъ по шести ногъ.

Превращеніе бабочки.

a. яички. b. личинка. c. куколка. d. бабочка.

БАБОЧКА.

Зачѣмъ пестрая бабочка такъ дѣятельно перепархиваетъ, съ цвѣтка на цвѣтокъ и прячетъ свою головку въ душистыя чашки цвѣтовъ? Вѣрно и у нея есть ротикъ, вѣрно и она отыскиваетъ себѣ пищу въ цвѣтахъ. Да, ротъ есть и у бабочки, только очень маленькій; но это потому, что она свою пищу не ѣстъ, а пьетъ длиннымъ *язычкомъ*, который у ней образованъ изъ челюстей, свернутыхъ въ трубочку, такъ-что лучше назвать его маленькимъ *хоботкомъ*. Свой хоботокъ бабочка то вытягиваетъ, чтобы добыть себѣ соку изъ цвѣтовой чашечки, то свиваетъ спиралью, чтобы удобнѣе было летать съ нимъ. У нѣкоторыхъ бабочекъ хоботокъ, или язычокъ, длиненъ, а у другихъ его вовсе нѣтъ. Но чѣмъ же живутъ эти послѣднія? твердой пищи онѣ жевать не могутъ, а хоботка для всасыванія жидкой у нихъ нѣтъ? — Ничѣмъ!

Такия бабочки ничего не ѣдят во всю свою жизнь; за то и живут только одинъ день и, положивъ яички, умираютъ. На головкѣ бабочки мы замѣтимъ щупальцы и два большіе, очень сложныя глаза, составленные изъ нѣсколькихъ тысячъ маленькихъ глазковъ. На чешуйчатой, нѣсколько поднятой груди бабочки сидятъ два непрозрачныя, большія крыла и шесть маленькихъ, длинныхъ, пятичленистыхъ ногъ. Тамъ, гдѣ брюшко сходится съ грудью, прикрѣплены еще два заднія крыла. Всѣ четыре крыла бабочки усажены безчисленнымъ множествомъ маленькихъ, разноцвѣтныхъ чешуекъ, похожихъ на блестящую пыль. Если разсмотрѣть эти чешуйки въ микроскопъ, то можно видѣть, что онѣ, какъ перышки, однимъ острымъ концемъ сидятъ въ крылѣ, а другимъ, широкимъ, уложены другъ на друга, словно черепицы на кровлѣ. Отъ чешуекъ зависятъ тѣ яркіе цвѣта бабочкиныхъ крыльевъ, которыми мы такъ любуемся, и онѣ же, замѣняя перья, помогаютъ бабочкѣ летать. Бабочка, у которой по неосторожности мы сотремъ съ крыльевъ эту красивую пыль, почти не можетъ летать.

Какъ по цвѣту, такъ и по величинѣ, бабочки бываютъ очень разнообразны. Живутъ онѣ вообще весьма недолго, нѣкоря одинъ день. Яички свои онѣ кладутъ въ такихъ мѣстахъ, гдѣ дѣтки, которыхъ мать никогда не увидитъ, могутъ найти себѣ обильную пищу. Всѣ бабочки, подвергаются превращеніямъ: изъ яичекъ, которыя кладетъ бабочка гдѣ нибудь на листкѣ, выходитъ червячокъ, *гусеница*; гусеница много ѣстъ и когда вырастетъ, то сдѣлается неподвижной *куколкой*, а изъ куколки вылѣзетъ опять новая бабочка, которая положитъ яички и замретъ.

Красивое созданіе бабочка, когда, пройди всѣ свои превращенія, она сдѣлается наконецъ крылатымъ животнымъ, красивое и безвредное, потому что пьетъ только сокъ цвѣтовъ; но гусеница —

Оводъ и его куколка.

та же бабочка, только въ другомъ видѣ—очень прожорлива и наноситъ большой вредъ садамъ, полямъ, лѣсамъ и огородамъ. Хорошо еще, что птицы тысячами истребляютъ яички бабочекъ, а лягушки, ящерицы и другія наѣдомыя животныя пожираютъ ихъ самихъ. Моль, которая наноситъ такой страш-

ный вредъ платьямъ и мебели, вредна не тогда, когда летаетъ, но когда ползаетъ въ видѣ маленькихъ бѣленькихъ червячковъ.

Шелковичный червякъ.

Хорошенькая лента, красивый пестрый платочекъ, чудесное, блестящее, крѣпкое платье—сдѣлано изъ шелку. Но откуда же берется шелкъ? Изъ чего онъ дѣлается? Вы засмѣетесь, если вамъ сказать, что онъ дѣлается изъ земли, воздуха и воды, и подумаете, что это шутка; но тѣмъ не менѣе это совершенно справедливо.

Маленькое зернышко сидитъ вмѣстѣ съ другими въ мясистой, вкусной ягодкѣ, по формѣ нѣсколько похожей на малину, по цвѣту также темнокрасной или бѣлой. Эту ягодку зовутъ *шелковицей*, а дерево, на которомъ она растетъ—*шелковичнымъ* деревомъ. На каждой этой ягодкѣ, какъ и на ягодкѣ малины, множество зернышекъ и одного изъ этихъ зернышекъ достаточно, чтобы изъ него выросло большое шелковичное дерево. Прилжно сосетъ шелковичное зернышко пищу, а пищу его составляютъ: земля, вода и воздухъ. И что же строить оно изъ этой пищи? Внизъ, подъ землю, пускаетъ оно сильныя, крѣпкіе корни, вверхъ — стволъ; изъ ствола выгоняетъ сучья, изъ сучьевъ лѣтки, изъ вѣтокъ листья; между листьями появляются маленькіе цвѣты, а изъ цвѣтовъ дѣлается снова шелковичная ягода. Но откуда же берется шелкъ?

Для шелка нужно еще другое зернышко или, лучше сказать, другой зародышъ, который почти еще меньше перваго. Щедрый Создатель позаботился сотворить такой зародышъ для дерева, которое сотворилъ для зародыша. Зародышъ этотъ—маленькое яичко, величиною съ булавочную головку; снаружи оно покрыто твердою скорлупою; внутри мягко. Солнце знаетъ уже, что ему дѣлать съ этимъ яичкомъ: оно до тѣхъ поръ грѣетъ его своими теплыми лучами, пока мягкая масса, находящаяся внутри яичка не превратится въ крошечнаго червячка, который такъ малъ, что даже и въ яичкѣ съ булавочную головку ему достаточно мѣста,

чтобы лежать свернувшись. Полежить, полежить да и соскучится червячек: ему захочется выглянуть изъ своей тѣсной келейки на Божій свѣтъ. Но какъ пробить твердую скорлупу? Для этого червячку даны два острые зуба, которыми онъ прогрызаетъ себѣ дыру въ стѣнахъ своей тюрьмы. Долго трудится онъ, но наконецъ выглядываетъ на Божій свѣтъ; радостно простираетъ на зеленомъ листочкѣ шелковицы свое измятое тѣльцо и пьетъ ароматный воздухъ. Послѣ тяжелой работы у червячка появляется отличный аппетитъ и онъ имѣетъ уже средства удовлетворить ему: на головкѣ у него два выпуклые глаза, которыми онъ видитъ пищу; на брюшкѣ шестнадцать ножекъ, шесть спереди и десять сзади, которыми онъ ползетъ къ молодому, нѣжному листку, только что развернувшемуся изъ почки. Этотъ листокъ — завтракъ, обѣдъ и ужинъ шелковичнаго червячка; а онъ день и ночь только и дѣлаетъ, что ѣсть, да пить. Но прилежное деревцо идетъ на перегонки съ обжорливостію насѣкомаго, и едва онъ успѣетъ кончить одинъ листъ, какъ, смотришь, возлѣ уже развернулся другой. Наконецъ червякъ до того откормится, до того растолстѣетъ, что ему становится тѣсно въ его кожѣ; тогда онъ призадумывается, перестаетъ ѣсть и сидитъ неподвижно, блѣднѣетъ и, кажется, готовится издохнуть; а кожа на немъ дѣйствительно лопается. Повернется червякъ нѣсколько разъ — и скинулъ старое платье, которое сдѣлалось для него слишкомъ тѣсно. Что же, неужели онъ останется голымъ? Какъ бы не такъ! Подъ старой кожей у него давно заготовлена новая, свѣжая — и красивѣе, и шире прежней. Переодѣвшись, опять начинаетъ червячокъ ѣсть безъ-устали и день, и ночь, пока и новая кожа станетъ ему слишкомъ тѣсна: опять переодѣванье и въ третій, и въ четвертый разъ, и каждый разъ новое платье и свѣтлѣе, и шире стараго. Черезъ шесть или семь недѣль, изъ крошечнаго червячка, который выползъ изъ яичка, величиною съ булавочную головку, выходитъ большая гусеница, величиною въ мизинецъ, которая изъ сока шелковичныхъ листьевъ заготовила внутри себя много матеріалу для будущихъ своихъ работъ. Изъ этого сока приготовляетъ она тонкую, свѣтлую нитку и, прикрѣпивъ ее однимъ концомъ къ вѣточкѣ дерева, начинаетъ дѣлать странныя движенія:

вертятся во всѣ стороны, выпускаетъ она изъ нижней губы тонкія нити, которыя накручиваетъ вокругъ себя точно такъ, какъ мы накручиваемъ клубокъ нитокъ, съ тою только разницею, что мы начинаемъ накручивать клубокъ изнутри, а гусеница снаружи, и сначала прядетъ внѣшнія нити, а потомъ внутреннія. Такъ работаетъ гусеница семь или восемь дней и, ни разу не порвавши своей нити, свиваетъ изъ нея порядочный клубокъ бѣлаго, слегка желтоватаго цвѣта, величиною въ маленькое куриное яйцо. Такой клубокъ зовутъ *кокономъ*. Наружный слой кокона состоитъ изъ множества скрѣпленныхъ и склеенныхъ между собою нитокъ; но подъ этимъ наружнымъ слоемъ свернута очень правильно тоненькая ниточка, такая длинная, что дитя должно пробѣжать четверть часа, чтобы развить ее до конца.

Внутри кокона шелковичный червякъ устраиваетъ себѣ маленькую комнатку и, наработавшись въ-волю, лежитъ въ ней усталый и безсильный. Шестъ недѣль онъ ѣлъ безъ-устали, четыре раза мѣнялъ свое платье и восемь дней кружился, прядъ и свивалъ тонкія нити: теперь пора ему и отдохнуть. Въ послѣдній разъ снимаетъ онъ свое рабочее платье. Ему не нужны болѣе его 16-ть ножекъ: ему некуда бѣжать; ему не нужны его глаза: въ комнатѣ темно и смотрѣть не на что; ему не нужны и зубы, которые изгрызли столько листьевъ — и вотъ все это, вмѣстѣ съ мохнатой кожей, твердѣетъ и превращается въ жесткую оболочку *куколки*, въ которой бывшій червячокъ лежитъ неподвижно и кажется мертвымъ. Подъ жесткой кожей куколки (такъ зовутъ въ то время умнаго червячка) вырабатывается нѣчто совершенно новое. Черезъ 14 дней темная, твердая кожа куколки лопается и изъ нея выходитъ — бабочка. Два большіе глаза видны у нея на головкѣ; 4 крыла даютъ ей возможность летать по воздуху, а 6 ногъ пригодятся ей, чтобы садиться на цвѣты. По всему видно, что этому маленькому насѣкомому назначено летать въ солнечныхъ лучахъ и въ тепломъ воздухѣ. Но какъ же бабочкѣ выйти изъ своей тюрьмы, въ которую она сама себя заперла? Ножки ея слабы и не могутъ разорвать тысячи нитокъ; прежнихъ зубовъ у нея вовсе нѣтъ; нѣжный язычокъ бабочки годится только для того, чтобы пить медъ изъ цвѣточныхъ чашечекъ. Пришлось бы ей по-

гибнуть непременно въ ея твердой тюрьмѣ, еслибы Богъ не далъ ей другаго средства: изъ собственнаго своего сока сплела гусеница коконъ; нѣсколькихъ капель другаго сока, который есть у бабочки, довольно, чтобы проѣсть нитки кокона и открыть ей дверь, черезъ которую она и вылетаетъ на свѣтъ Божій.

Человѣкъ нашелъ возможность воспользоваться трудами шелковичнаго червячка и только немногимъ бабочкамъ позволяетъ обратиться изъ тюрьмы, потому что дыры, которыя онѣ при этомъ дѣлаютъ въ коконъ, портятъ шелкъ. Нѣкоторымъ только изъ бабочекъ позволяютъ носиться въ воздухъ за тѣмъ, чтобы онѣ снова могли положить на вѣтви дерева свои яички, изъ которыхъ со временемъ образуются полезные червячки. Въ прочихъ коконахъ посредствомъ жара умерщвляютъ куколокъ, потомъ развиваютъ тонкія нити, прядутъ изъ нихъ болѣе толстыя, красятъ ихъ въ самые разнообразныя цвѣта и ткуютъ прекрасныя шелковыя матеріи, платки и ленты.

Такимъ-то образомъ шелкъ дѣлается изъ сока шелковичной гусеницы; сокъ шелковичной гусеницы — изъ сока шелковичныхъ листьевъ: а сокъ шелковичныхъ листьевъ добываетъ дерево изъ земли, воды и воздуха. Вотъ какъ шелковое платье дѣлается изъ земли, воды и воздуха съ помощію двухъ крошечныхъ зародышей: зернышка шелковичной ягоды, величиною съ небольшую песчинку, и яичка шелковичной бабочки.

Шелковичная бабочка далеко не такъ красива, какъ ея подруги: крылышки ея скромнаго, свѣтлосѣраго цвѣта; но это именно одна бабочка, за которую человѣкъ ухаживаетъ такъ заботливо; онъ строитъ для нея особые дома, отапливаетъ комнаты, садитъ ея любимыя деревья, приготовляетъ ей пищу и даже не разъ подвергалъ за нее свою собственную жизнь опасности.

КОМНАТНЫЯ МУХИ.

Комнатныя мухи очень намъ знакомы: онѣ надобѣдаютъ намъ все лѣто и только зимою оставляютъ насъ въ покоѣ. Мы знаемъ, сколько у мухи крылышекъ, но не знаемъ, какъ замѣчательны ея

глаза: только въ *микроскопѣ* можно разсмотрѣть, что глаза мухи состоятъ изъ множества крошечныхъ глазокъ, которые смотрятъ во всѣ стороны и предохраняютъ муху отъ опасности. Изъ рта у мухи высывается хоботокъ, которымъ она всасываетъ жидкости. Если ей попадется какая-нибудь твердая пища, напримеръ, сахаръ, то она сначала размягчаетъ его маленькою свѣтлою каплею, которую выпускаетъ изъ хобота. Тѣло мухи усѣяно безчисленными, едва замѣтными волосками, а крылья чрезвычайно тонки и прозрачны.

Комнатная муха подъ микроскопомъ.

Но откуда появляются мухи? Онѣ появляются изъ *куколокъ*, которыхъ обыкновенно не видать, но которыя находятся въ коношняхъ, хлѣвахъ, тѣнистыхъ и сырыхъ мѣстахъ. Изъ такихъ куколокъ черезъ 14 дней выходитъ маленькая мушка. Но прежде еще куколка бываетъ червячкомъ или, какъ говорятъ, *личинкою*, личинка же выходитъ изъ яичка. Такихъ яичекъ несетъ муха въ четверть часа 90, такъ что изъ одной мухи въ годъ можетъ родиться нѣсколько миллионовъ мухъ. Бѣда была бы человѣку отъ множества этихъ насѣкомыхъ, если бы зимніе холода не убивали большей части личинокъ и куколокъ, а куры не выкапывали ихъ изъ сору; если бы ласточки, воробы и другія маленькія птички не ловили самыхъ мухъ тысячами въ воздухъ, а пауки не заманивали ихъ въ свои невидимыя тенета. Мухи ползаютъ очень хорошо по самымъ гладкимъ предметамъ: по стеклу и фаянсу; онѣ могутъ ползать даже кверху ногами, потому что у нихъ на лапкахъ есть маленькія подушечки, изъ которыхъ вытекаетъ клейкій сокъ. Этимъ то сокомъ онѣ болѣе всего пачкаютъ мебель, картины и посуду.

Примѣчаніе. Между бабочкой, мухой и жукомъ мы замѣчаемъ большое

сходство; это не только животныя *суставчатые*, но и *насекомыя*, потому что имѣютъ по шести ногъ и выносятъ, прежде чѣмъ появятся въ полномъ своемъ видѣ, нѣсколько *превращеній*. Комарь, оса, пчела, стрекоза, муравей, тараканъ, блоха и пр. и пр. тоже насекомыя. Насекомыхъ такое множество, что мы даже и перечислить ихъ не беремся. Нѣкоторый порядокъ между ними мы можемъ установить, разбирая ихъ по крыльямъ. Тѣ насекомыя, которыя имѣютъ такія же жесткія надкрылья, какъ *жуки*, составляютъ отрядъ *жесткокрылыхъ*; тѣ, у которыхъ крылья покрыты чешуйками, какъ у бабочекъ, называются *чешуйчатокрылыми*; осы, пчелы, муравьи и др.—*перепончатокрылыми*, потому что крылья ихъ составляютъ прозрачную перепонку. Отрядовъ насекомыхъ очень много.

Жоля коровка.

Паукъ.

Паука нельзя назвать красивымъ животнымъ; многіе чувствуютъ къ нему отвращеніе и даже боятся его: такой у него разбойничій видъ. Но не забудемъ, что ядовитыя змѣи бываютъ иногда очень красивы и что гусеницы прелестныхъ бабочекъ, за которыми дѣти такъ любятъ гоняться, часто приводятъ въ отчаяніе земледѣльца и садовника; паукъ же не только безвреденъ, но даже очень полезенъ, истребляя множество нашихъ крылатыхъ мучителей — комаровъ и мухъ. И посмотрите, какъ мудро приспособлено къ этому занятію все тѣлесное устройство маленькаго хищника. Голова и грудь паука совершенно срослись; но за то круглое, шарообразное брюшко его, едва прикрѣпленное къ груди, втрое больше всего остальнаго тѣла. Въ немъ паукъ запасаетъ себѣ пищу на ненастные дни, когда мухи и комары скрываются въ дупла деревьевъ и всякаго рода щели. Такое время постъ для паука; но въ теплую погоду ему раздолье и онъ ѣстъ очень много; за то онъ можетъ оставаться безъ пищи цѣлые мѣсяцы.

Паукъ.

Какъ опытные охотники, пауки стерегутъ свою добычу въ разныхъ мѣстахъ и, смотря по мѣсту, гдѣ производятъ свою ловлю, различаются между собою одеждою. Пауки, стерегущіе свою добычу

въ лѣсу, бываютъ обыкновенно зеленаго цвѣта, подъ цвѣтъ листьевъ; тѣ же, которые живутъ на поляхъ или таятся въ углахъ зданій, бываютъ сѣрые, темные, подъ цвѣтъ съ тѣми мѣстами, гдѣ раскидываютъ свои сѣти. Восемь зоркихъ глазъ торчатъ у паука на головѣ и восемь длинныхъ ногъ даютъ ему возможность бѣгать очень скоро. Пауки охотятся самымъ разнообразнымъ образомъ. Многіе изъ нихъ тихо подкрадываются къ комару, который, утомясь отъ ночныхъ подвиговъ, сладко дремлетъ на какомъ нибудь листкѣ. Крылатому, длинноногому злодѣю снится, можетъ быть, какъ онъ летитъ чрезъ окошко въ спальню, садится на бѣлое личико ребенка, глубоко запускаетъ свое острое жало и пьетъ съ наслажденіемъ чистую кровь;—пьетъ, дрожитъ отъ удовольствія, краснѣетъ и пухнетъ... Но наказаніе близко! Паукъ подкрадывается осторожно, измѣряетъ глазами разстояніе, отдѣляющее его отъ добычи, дѣлаетъ еще нѣсколько неслышныхъ шаговъ... вдругъ сильный, смѣлый, быстрый прыжокъ — и злому комару уже не вырваться изъ цѣпкихъ лапъ паука. Во рту паука два острые зуба; пустые въ срединѣ, они наполняются ядовитою жидкостью и отъ укушенія ихъ острый ядъ проникаетъ въ тѣло насекомага. Зубы паука, не опасны для человѣка *), очень опасны для мягкаго тѣла мухи и вытекающій изъ нихъ ядъ быстро умерщвляетъ ее.

Впрочемъ для мухъ гораздо опаснѣе тѣ пауки, которые не гонятся за ними, а плетутъ для нихъ хитрую сѣть. Мухи и комары любятъ кучами плясать въ воздухъ по вечерамъ, и пауки, подмѣтивъ тѣ мѣста, гдѣ толкуются крылатыя насекомыя, разстилаютъ тамъ свою незамѣтную паутину. Но какъ и изъ чего они ее дѣлаютъ?—Въ толстомъ брюшкѣ паука находится много клейкаго соку, который животное выпускаетъ разомъ черезъ тысячи отверстій въ брюшкѣ и сплетаетъ изъ этихъ первыхъ тончайшихъ, не-

*) Впрочемъ въ нашихъ южныхъ степяхъ живутъ въ земляныхъ норахъ пауки, называемые *тарангулами*, укушеніе которыхъ, если не смертельно, то производитъ однако сильную боль и опухоль; но бараны выкапываютъ изъ земли тарангуловъ своими тоненькими ножками, ѣдятъ и только толстѣютъ отъ этой пищи. Тарангулы такъ боятся барановъ, что никогда не всползутъ на человѣка, одѣтаго въ шерстяное платье, и если пастухъ, ложась спать на землю, постелеть овчинный тулупъ, то ему нечего бояться тарангула.

45637/

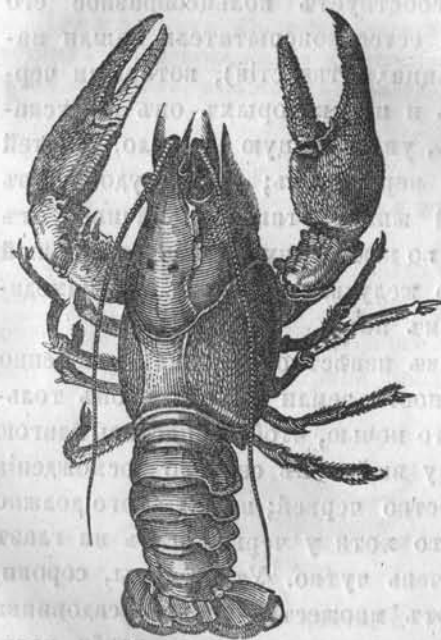
видимыхъ нитей ту тонкую нитку, которую въ отдѣльности мы все же едва можемъ рассмотреть, не смотря на то, что она сплетена изъ множества другихъ. Сокъ, выходя на воздухъ, твердѣетъ и липкая паутина дѣлается достаточно крѣпкою, чтобы удержать маленькое животное. На такой паутинѣ паукъ смѣло спускается съ дерева на землю, или съ потолка на полъ, и снова подымается вверхъ, легче и ловче всякаго матроса; по такимъ же паутинамъ бѣгаетъ онъ взадъ и впередъ и не проваливается. Чтобы понять такую удивительную ловкость, надобно рассмотреть ножки паука. Ножекъ у него *восемь* и на каждой по три лапки; двѣ большихъ и одна маленькая, а на каждой лапкѣ множество зубчиковъ и крючковъ. Такъ-какъ у паука восемь ногъ, то слѣдовательно онъ имѣетъ двадцать четыре лапки; если одна изъ нихъ какъ нибудь оборвется на скоромъ бѣгу, то двадцать три готовы поддержать его.

Какъ много у насъ пауковъ, мы можемъ судить объ этомъ по множеству паутины, особенно осенью, когда на домахъ и на заборахъ почти всѣ углы затканы ею, въ лѣсу нельзя сдѣлать двухъ шаговъ, чтобы паутина не попала въ лицо, и даже по полямъ носятся ея длинныя, серебристыя нити. На этихъ нитяхъ плаваютъ по воздуху тоже крошечныя, черненькія паучки: эти уже въ воздухѣ преслѣдуютъ свою добычу. Одни пауки охотятся днемъ, другіе вечеромъ, третьи ночью; одни въ лѣсу, другіе въ кустахъ, третьи въ травѣ; тѣ въ строеніяхъ; тѣ, носясь по воздуху, — охотятся, и истребляютъ мириады вредныхъ насекомыхъ.

Самка паука несетъ яички, изъ которыхъ выходятъ *безъ превращеній* маленькіе паучата. Мать любитъ нѣжно своихъ дѣтей и защищаетъ ихъ съ опасностью собственной жизни, она опутываетъ свои яички толстою, мягкою паутиною, дѣлаетъ изъ нихъ крошечныя клубочки и эти клубочки прикрѣпляетъ къ своему тѣлу. Замѣчено, что пауки, таскающіе съ собою мѣшечки съ яичками, ужасно беспокоятся, когда у нихъ отымутъ хотя одинъ такой мѣшечекъ, и показываютъ признаки величайшей радости, когда получаютъ его обратно. Есть порода пауковъ, которая, выкапывая нору въ землѣ, кладетъ въ нее мѣшечки съ яйцами; при входѣ въ это жилище паукъ очень искусно устраиваетъ подъемную дверь, которую

закрываетъ землею и очень сильно удерживаетъ снизу своею спиною, когда врагъ хочетъ ее открыть. Такъ-то и въ разбойничьей породѣ пауковъ живетъ нѣжное и сильное чувство материнской любви.

Пауки, какъ мы уже знаемъ, принадлежатъ къ животнымъ суставчатымъ; но къ насекомымъ ихъ причислить нельзя. Пауки имѣютъ столько особенностей и породъ ихъ такое множество, что естествоиспытатели назначили для пауковъ особый *классъ* между животными суставчатыми — *классъ паукообразныхъ*.

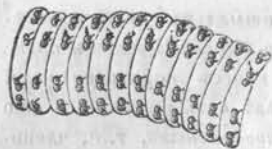
Ракъ въ естественную величину.

Примѣчаніе. Въ *отдѣлѣ* животныхъ *суставчатыхъ* мы знаемъ, слѣдовательно, два *класса*: I *классъ насекомыхъ* и II *классъ паукообразныхъ*. Въ этомъ *отдѣлѣ* есть кромѣ того еще III *классъ, ракообразныхъ*, т. е. членистыхъ животныхъ, покрытыхъ раковиною; представителемъ этого *класса* можетъ служить для насъ *ракъ*; къ *классу* же пауковъ относится ядовитый скорпионъ, хоть съ виду скорпионъ и похожъ на рака.

Дождевой червякъ.

Сравнивая дождеваго червя съ орломъ, на примѣръ, мы найдемъ между ними мало сходства; но, тѣмъ не менѣе, дождевой червякъ чувствуетъ, движется, отыскиваетъ себѣ пищу, кладетъ яички, изъ которыхъ выходятъ потомъ другіе черви; слѣдовательно, и дождевой червякъ — животное, только животное низшаго

разряда. У него нѣтъ ни глазъ, ни ушей; нѣтъ собственно ни головы, ни членовъ, слѣдовательно его нельзя причислить къ отдѣлу животныхъ *членистыхъ* или *суставчатыхъ*; все его длинное, мягкое, красное тѣло покрыто кожицею и состоитъ болѣе, чѣмъ изъ ста колець, изъ которыхъ каждое подвижно. Первое большое кольцо образуетъ верхнюю губу; второе, меньшее, вытянутое хоботкомъ,—нижнюю. Настоящихъ ногъ у червя не замѣтно; но на одной сторонѣ колець находятся волоски, сидящіе рядами. Съ помощью этихъ волосковъ передвигается дождевой червь, извиваясь всѣмъ тѣломъ, чему способствуетъ кольцеобразное его строеніе. Между кольцами червя естествоиспытатели нашли маленькія устья (отверстія), которыми червякъ дышетъ и изъ которыхъ онъ выпускаетъ жидкость, увлажняющую его тѣло. Костей у дождеваго червя нѣтъ; но желудокъ, въ видѣ черной жилки, тянется, начиная отъ самаго рта, во всю длину животнаго. Черный цвѣтъ этого желудка зависитъ отъ находящейся въ немъ пищи.

Нѣсколько колець дождеваго червя увеличенныя.

Дождевой червякъ живетъ, какъ извѣстно, въ землѣ, особенно во влажной и жирной. На поверхность земли выходитъ онъ только въ теплую, влажную погоду, и то ночью, чтобъ заpastись влагою и пищею. Если въ такую погоду выйти въ садъ до восхожденія солнца, то можно увидеть множество червей; но для этого должно идти очень осторожно, потому что хотя у червей нѣтъ ни глазъ ни ушей, за то осязаніе у нихъ очень чутко. Утки, куры, сороки, вороны, кроты и ежи уничтожаютъ множество червей; садовники истребляютъ ихъ также; а рыбаки ловятъ для того, чтобъ насадить на крючокъ. Жирная земля, гниющій кусочекъ растенія, нѣжный корешокъ и листикъ—вотъ что составляетъ пищу дождевыхъ червей; но на поляхъ и лугахъ это ничтожное животное можетъ надѣлать много зла.

Дождевой червякъ не любитъ ни сильныхъ засухъ, ни сильныхъ морозовъ: отъ тѣхъ и другихъ онъ забирается поглубже въ землю, зимою больше чѣмъ на сажень. Въ водѣ, на солнцѣ и на холодѣ онъ умираетъ; особенно страшна ему соленая вода, кото-

рою садовники выживаютъ червей изъ саду. Размножаются дождевые черви яичками; изъ яичекъ червя выползаютъ, безъ всякихъ превращеній, такіе же червяки, только гораздо меньше, съ меньшимъ числомъ колець, которыя прирастаютъ потомъ. Замѣчательно еще, что червякъ не умираетъ, если его разрѣзать поперекъ, а каждая его часть начинаетъ жить своею особенною жизнью.

Примѣчаніе. Къ *отдѣлу* червей принадлежатъ изъ знакомыхъ намъ животныхъ и полезныя пиявки и вредныя глисты; но гусеница, хотя ее и зовутъ часто червякомъ, есть только временная форма насѣкомаго.

Улитка.

Въ тѣсныхъ, сырыхъ садахъ, на валахъ, стѣнахъ и поляхъ часто можно видѣть простую улитку. Это безвредное животное очень замѣчательно. Если вамъ случится найти его, то возьмите его въ руки и рассмотрите поближе.

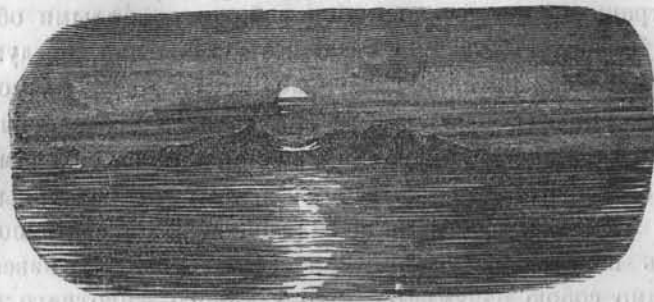
Улитки $\frac{1}{2}$ естевн. велч.

Прежде всего кидается въ глаза, сдѣланный искусно изъ известки, домикъ улитки: та спиральная раковина, которая держится у нея на спинѣ. Съ одной стороны раковина эта завертывается остриемъ, съ другой—открывается широко; но какъ только вы взяли въ руки раковину, такъ животное и ушло въ нее: вы видите только, что въ серединѣ лежитъ какое-то мягкое, скользкое, студенистое вещество, но дотроньтесь до этого вещества пальцемъ, и вы замѣтите, какъ оно начнѣтъ ѣдться, стараясь спрятаться глубже въ раковину; слѣдовательно, это — животное:

оно ощущаетъ ваше прикосновеніе и движется, стараясь отъ него укрыться. Положите же раковину на землю, и отойдя немного въ сторону, дожидаетесь терпѣливо. Животное успокоится и понемногу станетъ выдвигать изъ раковины голову, мягкую, слизистую, но въ которой вы ясно замѣтите четыре такіе же мягкіе отроска, или щупальцы, а на концѣ двухъ изъ этихъ щупальцевъ черненькія точки—глаза животного. Кромѣ головы, животное выдвинетъ изъ раковины такое же мягкое, слизистое брюшко, называемое *ною*: посредствомъ этой ноги улитка ползаетъ и плаваетъ и ею же присасывается она къ деревьямъ, заборамъ, листьямъ капусты, а въ водѣ—къ камнямъ или къ какимъ-нибудь водянымъ растеніямъ. Самая раковина прикрѣплена къ спинѣ животного, на которой въ складкахъ, называемыхъ эпанчею, есть органы, отдѣляющіе известковую массу и выдѣлывающіе изъ нея раковину. Острый верхній зачатокъ раковины родится вмѣстѣ съ животнымъ, когда оно выходитъ изъ яйца; потомъ раковина растетъ по мѣрѣ роста животного, и принимаетъ спиральную форму, потому что самое животное, выростая, мало-по-малу подвигается далѣе спиралью. Трудно было бы понять иначе, какъ такое мало-подвижное животное, какъ улитка (многія породы улитокъ всю жизнь остаются на одномъ и томъ же мѣстѣ), не обладающее ни лапками, ни ножками, выдѣлываетъ такую крѣпкую, искусную раковину.

Въ улиткѣ нельзя ясно отличить ни головы, ни груди, ни брюха; все животное мягко и способно принимать самыя разнообразныя формы. Вотъ почему улитку причисляютъ къ особому отдѣлу животныхъ, *млекопытныхъ*. Улитки размножаются яичками, кормятся растительной пищей и имѣютъ свойство выдѣлять изъ нея известку для своихъ раковинъ. Множество разнообразныхъ раковинъ, которыя мы находимъ на берегахъ рѣкъ, озеръ и морей, не болѣе какъ домики *млекопытныхъ* животныхъ. Иногда эти раковины состоятъ изъ двухъ красивыхъ блюдечекъ, которыя, будучи скрѣплены съ одной только стороны, могутъ раскрываться и закрываться. Такія раковинки называются створчатыми (какъ двери) и въ такихъ раковинкахъ живутъ устрицы, которыхъ охотники кушаютъ съ большимъ удовольствіемъ; въ подобныхъ же

раковинахъ живутъ и тѣ мягкотѣлыя животныя, которыя производятъ драгоценный *жемчугъ*.

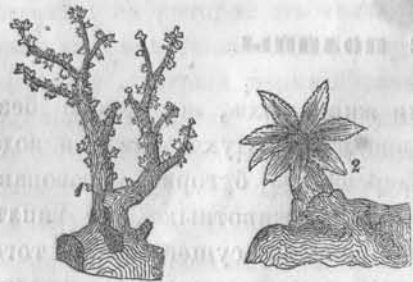
Коралловые полипы.

Много мы съ вами разсмотрѣли животныхъ, но какого безчисленнаго множества мы еще не знаемъ! Воздухъ, земля и вода наполнены животными. За корой дерева, въ бугоркѣ, образовавшемся на листочкѣ, во внутренностяхъ животныхъ, въ каплѣ болотной воды шевелятся миллионы живыхъ существъ, до того разнообразныхъ, что трудно назвать ихъ однимъ именемъ животныхъ; но между тѣмъ всѣ они живутъ, чувствуютъ, движутся, питаются, производятъ себѣ подобныхъ и умираютъ. Какое, кажется, безконечное разстояніе между орломъ, свободно рвущимъ въ воздушныхъ пространствахъ, обезьяною, такъ похожею на человѣка, слономъ, который обладаетъ умомъ почти человѣческимъ, и неподвижною улиткою, которая, присосавшись къ доскѣ, брошенной въ воду, проводитъ всю жизнь свою на одномъ мѣстѣ: а между тѣмъ, сама улитка покажется намъ еще очень большимъ и сложнымъ животнымъ, если сравнить ее съ инфузоріей, видной только въ микроскопъ и которая вся—одинъ крошечный пузырекъ, или съ полипомъ, который, будучи скорѣе похожъ на какое-то странное морское растеніе, чѣмъ на животное, выражаетъ всю свою жизнь только тѣмъ, что пошевеливаетъ усиками, или наконецъ, съ губкой, которою стирается мѣлъ съ доски и которую также многіе считаютъ животнымъ.

Самые замѣчательные изъ полиповъ — *коралловые полипы*, живущіе единственно въ моряхъ на небольшой глубинѣ. Это животныя очень маленькія; но такъ какъ ихъ бываетъ въ одномъ мѣстѣ страшное множество и они работаютъ цѣлыми обществами, то производятъ великія дѣла, хотя, конечно, не думая сдѣлать ихъ. Вся жизнь коралловаго полипа состоитъ въ томъ, что онъ, прильнувъ къ какому-нибудь камню, лежащему не очень глубоко въ морѣ, шевелитъ своими усиками или щупальцами и такимъ образомъ вгоняетъ себѣ въ ротъ воду съ различными плавающими въ ней веществами. Эти вещества питаютъ полипа, а часть ихъ передѣлывается внутри его въ твердую известковую массу. Само собою разумѣется, что у такого животнаго нѣтъ ни

сердца, ни легкихъ, ни глазъ, ни костей, ни мозга: все оно одинъ желудокъ. Но вотъ известковый кусочекъ коралла все увеличиваетъ внутри животнаго и наконецъ такъ вырастаетъ, что животному остается только умереть. Тѣмъ бы все и кончилось; но во время сво-

ей жизни полипъ даетъ существованіе нѣсколькимъ другимъ полипамъ, которые, не отдѣляясь, но группируясь вокругъ прежняго, какъ почки вокругъ вѣтки, продолжаютъ жить, какъ жили ихъ родители: хватаютъ усиками пищу, передѣлываютъ ее въ твердый каменистый кораллъ, который основаніемъ соединенъ съ прежнимъ, и умираютъ, давъ жизнь новымъ живымъ почкамъ, новымъ полипамъ.—Проходятъ десятки, сотни лѣтъ, міриады полиповъ отживаютъ, другія міриады появляются на ихъ мѣсто, и ихъ известковыми отложеніями, распространяющимися во всѣ стороны, какъ вѣтви, застилается дно моря на нѣсколько верстъ: масса твердыхъ

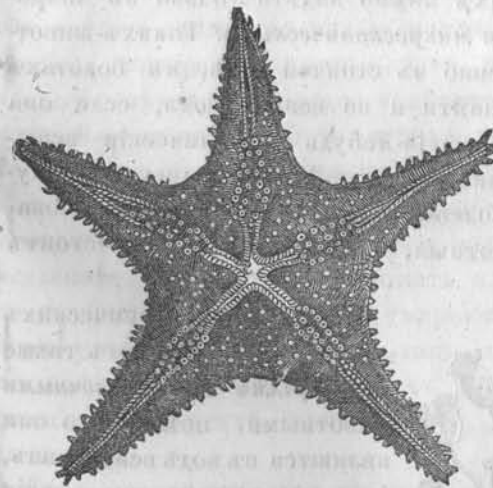

1) Красный кораллъ, произведеніе маленькихъ животныхъ, полиповъ, замѣтныхъ на его вѣтвяхъ. 2) Полипъ, отдѣльно взятый и сильно увеличенный. Около отверстія рта расположены, на подобіе лучей, мягкіе и гибкіе органы для схватыванія мелкихъ слизней, плавающихъ въ водѣ.

коралловъ разрастается не только въ ширину, но и вверхъ. Морской песокъ и морскія растенія, приносимыя водою, помогаютъ работѣ полиповъ, которая прекращается, когда доходитъ до поверхности моря, потому что коралловые полипы могутъ жить только въ водѣ. Такимъ образомъ, подъ водою образуется весьма опасная мель, о которую часто разбиваются корабли, пока мореходцы, наконецъ, узнаютъ ее и означатъ на картѣ, гдѣ она лежитъ. Полипы кончили свою работу, но море и вѣтеръ ее продолжаютъ: море приноситъ песокъ и морскія растенія, смена травъ и деревьевъ, ячки различныхъ животныхъ; вѣтеръ приноситъ пыль и съ нею также много зародышей растеній и животныхъ: новый островъ показывается изъ подъ воды. Птицы прилетаютъ на него; морскіе звѣри выползаютъ подышать воздухомъ; на островѣ появляются травы, цвѣты, деревья; все это растетъ, плодится, отживаетъ, гниетъ, увеличивая плодотворный слой земли и усиливая растительное и животное богатство острова. Пройдетъ еще сотня, другая—лѣтъ и новое прекрасное жилище для человѣка готово..

Такъ, ничтожное, почти неподвижное, почти безчувственное животное, работая, по волѣ Божіей, въ глубинахъ моря, измѣняетъ самый видъ земли и создаетъ новые острова.

Коралловые полипы живутъ только въ моряхъ очень теплыхъ странъ, а потому тамъ только появляются коралловые острова. По формѣ тѣла, расположеннаго по большей части лучами, всѣхъ животныхъ, подобныхъ поли-

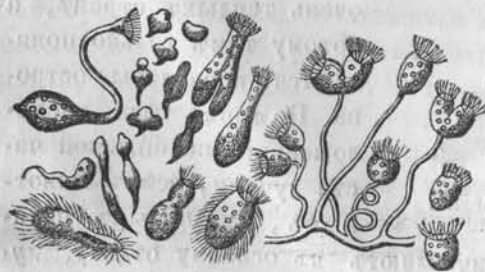
Морская звѣзда $\frac{1}{4}$ естествен. велич.

памъ, естественныя испытатели причисляютъ къ особому отдѣлу, *лучистыхъ*. Сюда относится и красивая морская звѣзда.

Губка, впрочемъ, о которой мы упоминали въ этой статьѣ, не принадлежитъ къ лучистымъ животнымъ. Губка растетъ, какъ и полипъ, въ моряхъ, подъ водою, прицѣпившись къ камню, и ее причислили бы къ воднымъ растеніямъ, если бы не замѣтили, что изъ скважинъ губки періодически выпрыскивается вода и что это прекращается, когда до нея дотронутся. По этому нѣкоторые думаютъ, что губка своего рода коралль, образуемый животнымъ, а слизь, ее наполняющая, — само животное. Но въ губкѣ такъ мало жизни, она такъ похожа на растеніе, что ее помѣщаютъ на границѣ животнаго и растительнаго царства.

Инфузоріи или наливочныя животныя.

Много, много мы видимъ животныхъ простыми глазами; еще болѣе увидимъ мы, вооружившись микроскопомъ — инструментомъ, въ которомъ увеличительныя стекла сложены такъ, что показываютъ предметъ въ нѣсколько тысячъ разъ болѣе его настоящей величины. Животныя, которыхъ можно видѣть только въ микроскопъ, называются животными *микроскопическими*. Такихъ животныхъ находятъ преимущественно въ стоячей водѣ, въ болотахъ и канавахъ; но ихъ можно найти и во всякой водѣ, если она только заключаетъ въ себѣ какія-нибудь органическія вещества и, сверхъ того, была подвергнута дѣйствию солнечныхъ лучей; даже и въ дождевой и соленой морской водѣ могутъ показаться микроскопическія животныя, если такая вода постоитъ нѣкоторое время на солнцѣ.

Инфузоріи.

Этихъ микроскопическихъ животныхъ называютъ также *инфузоріями* или *наливочными* животными, потому что они являются въ водѣ всякій разъ, какъ мы *налиемъ* ее на какія-нибудь животныя или растительныя вещества, напримеръ хоть на сѣнную тру-

ху, и поставимъ въ тепло. Постоявъ нѣсколько дней, а лѣтомъ, въ жаркое время, нѣсколько часовъ, вода, налитая такимъ образомъ, обыкновенно затянется тонкою пленкою и тогда, если мы возьмемъ одну каплю такой воды и станемъ наблюдать ее въ микроскопъ, то найдемъ въ ней цѣлый міръ бесконечно-малыхъ, бесконечно-разнообразныхъ живыхъ существъ — инфузурій.

Какою дѣятельностію кипитъ этотъ маленькій міръ! Однѣ изъ инфузурій кружатся по поверхности капли; другія, столпившись въ кучу, грѣются на солнечномъ лучѣ; третьи — то мгновенно разсыпаются въ разные стороны, то гонятся за какой-нибудь чуть-чуть примѣтною частичкою растенія: стоитъ только чѣмъ-нибудь прикоснуться къ каплѣ воды и всѣ эти живыя крошки стремительно опускаются на дно: капля воды для нихъ глубокое море. Какъ онѣ разнообразны по величинѣ своей и внѣшнему виду! Однѣ представляютъ какую-то студенистую массу, другія совершенно прозрачны; нѣкоторыя покрыты волосами; нѣкоторыя, формой своей напоминающія раковъ или рыбъ, имѣютъ нѣчто въ родѣ плавательныхъ перьевъ, клешней, хвостовъ, лапъ, хоботовъ и когтей. Несмотря на свою ничтожную величину, инфузуріи имѣютъ также различные органы, посредствомъ которыхъ питаются, пожираютъ другъ друга и размножаются. Онѣ также одарены нѣкотораго рода чувствительностію: по крайней мѣрѣ, ясно выражаютъ чувство страха и боли. По мѣрѣ того, какъ капля воды, которую мы наблюдаемъ подъ микроскопомъ, высыхаетъ, а лучъ солнца въ то же время начинаетъ пригрѣвать инфузурій сильнѣе, онѣ становятся вялыми, ихъ движенія дѣлаются медленнѣе, онѣ начинаютъ дрожать и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ капля высохнетъ совершенно, — умираютъ. Умирая, нѣкоторыя инфузуріи разлагаются мгновенно, такъ, что черезъ нѣсколько секундъ не остается уже ни малѣйшихъ признаковъ ихъ существованія; разложеніе другихъ продолжается долѣе, — нѣсколько дней, даже до недѣли.

Если подумаемъ, что въ такомъ крошечномъ животномъ, которое мы едва видимъ въ микроскопъ, увеличивающій въ нѣсколько тысячъ разъ, есть отдѣльные и притомъ не простые, а сложные органы, есть чувство и даже нѣкотораго рода соображеніе, —

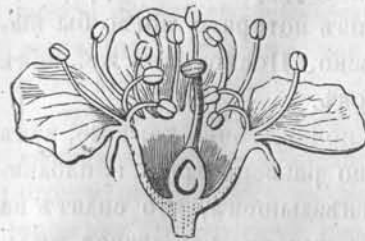
то удивленіе овладѣваетъ умомъ нашимъ,—удивленіе и благоговѣніе къ Создателю, который творитъ одинаково свободно и въ безграничныхъ пространствахъ, наполненныхъ громадными мірами, между которыми земля, гдѣ мы живемъ, далеко не самый большой, и въ крошечной инфузоріи, которую, увеличивъ ее въ 20 тысячъ разъ, мы едва видимъ. А сколько же есть еще звѣздъ, недоступныхъ самымъ сильнымъ телескопамъ нашимъ; сколько есть еще животныхъ, которыхъ мы не можемъ видѣть ни въ какіе микроскопы! Безконечно и безпредѣльно всемогущъ Господь и безграничной мудрости полны дѣла Его.

Примѣчаніе. Все царство животныхъ мы раздѣлили на двѣ половины: къ первой относятся все животныя позвоночныя; ко второй — беспозвоночныя. Первую половину, т. е. животныхъ позвоночныхъ, мы дѣлили на классы (какіе?); классы на отряды; отряды — на семейства. Но во второй половинѣ такое неисчислимое множество разнообразныхъ животныхъ, что ихъ сначала раздѣляютъ на отдѣлы, отдѣлы на классы, классы на отряды и т. д. Изъ всего этого безчисленнаго множества животныхъ беспозвоночныхъ мы узнали весьма немногихъ. Изъ I-го отдѣла, животныхъ *суставчатыхъ*, мы узнали жука, бабочку, простую и шелковичную, и муху: все эти животныя, отличающіяся *превращеніями* и имѣющія по шести ногъ, принадлежатъ къ классу *насекомыхъ*, куда относятся также: пчелы, осы, комары, муравьи, клопы, блохи и мн. др. 2-ой классъ въ отдѣлѣ *суставчатыхъ* животныхъ составили пауки и скорпионы, 3-й классъ — *ракообразные*: раки. Во II-мъ отдѣлѣ, т. е. въ отдѣлѣ *червей*, мы знаемъ дождеваго червя, пиявку и глиста. Въ III-мъ отдѣлѣ, животныхъ *млекопитающихъ* — знаемъ улитку садовую, жемчужную и устрицу. Въ IV-мъ отдѣлѣ, животныхъ *лучистыхъ*, знаемъ коралловыхъ полиповъ. Въ V-мъ отдѣлѣ, отдѣлѣ *инфузорій*, не знаемъ ни одного отдѣльнаго животного.

В и ш н я.

Вишневое дерево у насъ невелико, но на югѣ бываетъ такъ же толсто и высоко, какъ у насъ яблоня. Кора на молодой вишнѣ красивая, гладкая, темнокоричневая; листочки заострены къ концу, по краешкамъ зубчаты, глянцевиты и прекраснаго зеленаго цвѣта.

Но мы обратимъ особенное вниманіе на цвѣты вишни, которыми она одѣвается въ концѣ мая или въ началѣ іюня.

Вишневый цвѣтокъ въ разрѣзѣ.

Сорвемъ одинъ изъ вишневыхъ цвѣтковъ и рассмотримъ его хорошенько. Какой это сложный органъ и какъ разнообразны его части! Снизу видна цвѣточная *ножка*, которою цвѣточекъ прикрѣплялся къ вѣткѣ. Это то же, что черешокъ у листа, но подлиннѣе и кверху потолще. Эту толстую часть ножки называютъ *донцемъ* (или *торомъ*), потому что къ этому донцу прикрѣплены все остальные части цвѣтка. Снаружи видимъ мы на донцѣ пять зеленыхъ листочковъ; все эти листочки вмѣстѣ называются *чашечкой цвѣтка*. Въ серединѣ зеленой чашечки мы видимъ еще пять листочковъ, только уже не простыхъ зеленыхъ, а бѣлыхъ съ розовымъ отливомъ. Эти красивенькіе листочки называются *лепестками*, а все лепестки вмѣстѣ — *вѣнчикомъ*. Цвѣточный вѣнчикъ — самая красивая часть во многихъ растеніяхъ и ею-то любуемся мы въ нашихъ клумбахъ. Но чашечка и вѣнчикъ еще не самыя главныя части цвѣтка. Это только теплая, красивая, а иногда душистая одежда другихъ болѣе важныхъ частей цвѣтка: *тычинокъ* и *плодничка*. Вотъ эти тоненькія ниточки съ мѣшечками на верху называются тычинками. А мѣшечки эти или *мѣшечки* наполнены желтыми *пылинками*. Оборвемъ все лепестки и тычинки, чтобы намъ удобнѣе было рассмотреть среднюю и самый важный органъ цвѣтка. Вотъ теперь передъ нами одинъ только *плодничекъ*. Онъ похожъ на зеленый кувшинчикъ съ длиннымъ, тонкимъ горлышкомъ, которое какъ будто раскрывается наверху. Каждая изъ этихъ трехъ частей плодничка имѣетъ свое названіе: нижняя, толстенькая часть называется *завязью*; длинное горлышко — *столбикомъ*, а наверху столбика — *рыльце*.

Какъ изъ вишневаго цвѣтка дѣлается вишня?

Мы видѣли уже, какой сложный органъ вишневый цвѣтокъ,

какъ много въ немъ различныхъ частей и какъ разнообразны эти части. Но и дѣло цвѣтку предстоитъ не малое: онъ долженъ сдѣлать сочную, вкусную вишню, внутри вишни твердую косточку, а въ твердой косточкѣ душистое зернышко, изъ котораго могло бы вырости современемъ новое вишневое дерево. Посмотримъ же, какъ выполнить эту работу вишневый цвѣтокъ.

Цвѣтокъ развѣтывается весною изъ почки, точно такъ же, какъ и листь. Когда же цвѣтокъ совершенно развернется, а плодничокъ и тычинки созрѣютъ, тогда изъ гнѣздышекъ, что сидятъ на верху тычинокъ, начинается сыпаться желтая *цвѣточная пыль*. Много этой пыли разлетѣлось по воздуху; но одна пылинка упала таки на рыльце плодничка и завязла въ липкомъ сокѣ, которымъ покрыто рыльце. И вотъ пылинка, питаясь этимъ сокомъ, растетъ, вытягивается въ тончайшую ниточку и проникаетъ однимъ концомъ въ столбикъ плодника, а черезъ столбикъ въ самую середину завязи. Тамъ, въ серединѣ завязи, цвѣточная ниточка находитъ уже крошечную *сѣменную почку*, а въ этой сѣменной почкѣ—крошечную зародышевую клѣточку и прилипаетъ къ ней однимъ своимъ концомъ. Вотъ и готовъ зародышъ будущаго зернышка вишни! Цвѣтокъ окончилъ свое дѣло: бѣлые лепестки его осыпаются, зеленая чашечка засыхаетъ, тычинки, рыльце и даже столбикъ плодничка вянутъ и опадаютъ. На цвѣточной ножкѣ остается одна нижняя часть плодничка или завязь съ дорогимъ зародышемъ зернышка внутри. Завязь растетъ, измѣняется въ формѣ и цвѣтѣ: зародышъ въ ней превращается мало-по-малу въ душистое горькое зернышко; сѣменная почка, гдѣ лежалъ зародышъ, въ твердую бѣлую косточку; а самъ плодничокъ въ мясистую сочную вишню. Вотъ и зеленая твердая вишня сдѣлалась мяскою и красною: вотъ она и готова!

У многихъ другихъ цвѣтущихъ растений цвѣтокъ похожъ на вишневый; но цвѣтокъ cadaго дерева имѣетъ и свои особенности. У иныхъ цвѣтовъ не одинъ плодничекъ, какъ у вишневаго, а нѣсколько, и въ каждомъ плодничкѣ созрѣваетъ по нѣскольку сѣмянъ. Такъ, наприм. у мака стѣнки плодничка превращаются въ большую маковую головку, закрытую сверху красивой крышеч-

кой, похожей на звѣзду. Внутри маковая головка перегорожена тонкими стѣнками на нѣсколько комнатоковъ, и въ каждой комнаткѣ не одно, а безчисленное множество крошечныхъ маковыхъ зернышекъ. Когда головка созрѣетъ, пожелтѣетъ и высохнетъ, тогда зернышки легко изъ нея высыпаются въ дырочки, находящіяся подъ крышкой.

У орѣха стѣнки плодничка превращаются въ твердую шелуху, которую надобно раскусить, чтобы добраться до зерна. Но если орѣхъ не попадетъ къ вамъ на зубы, а вывалится изъ зеленой чашечки, въ которой онъ сидитъ, упадетъ на влажную землю и пролежитъ подъ снѣгомъ до весны, то твердая шелуха на немъ лопнетъ сама собою и бѣлое зернышко проглянетъ на свѣтъ Божій: пуститъ корешокъ къ низу, а два зародышевые листочка выгонитъ кверху. Не случилось ли вамъ найти такой проросшій орѣхъ?

У яблони плодничокъ сидитъ въ самомъ донцѣ, точно въ рюмочкѣ; въ плодничкѣ пять комнатоковъ и въ каждой комнаткѣ по двѣ сѣменные почки, которыя потомъ, когда до нихъ дотронутся цвѣточные пылинки, превратятся въ яблочныя сѣмячки. Но листья чашечки на цвѣткѣ яблони не опадаютъ, какъ на цвѣткѣ вишни, а заварачиваются кверху и совсѣмъ закрываютъ плодничокъ, когда въ немъ завелись уже сѣмячки. Вы вѣрно замѣтили хохолокъ на верху яблока — это высохшія кончики листочковъ чашечки. Разрѣзавши яблоко пополамъ, мы ясно увидимъ бывший его пятикомнатный плодникъ, кожистый, голючій, который мы зовемъ сердцевиною яблока; а въ каждой комнаткѣ увидимъ два темныя зернышка, если яблоко созрѣло. Вкусное же мясо яблока образовалось изъ мясистаго донца и изъ листковъ чашечки, завернувшихся кверху хохолкомъ.

Такъ безчисленное множество растений приготавливаютъ каждое лѣто множество различныхъ плодовъ: одно готовить сочное яблоко, другое красную вишню, третье красивый желудъ, четвертое вкусную ягоду и всѣ работаютъ прилежно.

ЗЕМЛЯНИКА.

Ягода земляника въ разрѣзѣ (*).

Земляника такъ заманчиво, такъ весело блеститъ въ зеленой травѣ, сначала бѣленькимъ цвѣточкомъ, а потомъ красною ягодкою, что не мѣшало бы намъ знать, какъ она растетъ и изъ чего это выходитъ у нея такая вкусная, душистая ягода.

Цвѣточекъ земляники не очень пышенъ и красивъ; но сорвемъ его, рассмотримъ поближе, и онъ научитъ насъ многому. Разрѣзавъ вдоль тонкую ножку, на которой держится цвѣтокъ, мы легко различимъ въ ней двѣ части: одну наружную, покрытую съ внѣшней стороны маленькими волосками, и другую—сердцевину. На верху ножки сердцевина выставляется выпуклой подушечкой, которая служитъ *донцемъ* для цвѣточка земляники. Чашечка земляничнаго цвѣтка состоитъ изъ двухъ кружковъ, каждый въ пять зеленыхъ листочковъ. Листочки верхняго кружка длиннѣе, листочки нижняго — шире, заострены вверху. Листочки чашечки до половины срослись между собою краями и, кромѣ того, верхніе листочки срослись съ нижними, а нижніе съ донцемъ. Тамъ, гдѣ листочки чашечки отдѣляются отъ донца, выходятъ пять широкихъ, почти круглыхъ, бѣлыхъ лепестковъ, составляющихъ вѣнчикъ земляничнаго цвѣтка. Въ серединѣ цвѣтка, на выпукломъ донцѣ, сидитъ не одинъ, какъ у яблони и вишни, а множество плодничковъ; и вокругъ ихъ до 20-ти тычинокъ съ пыльниками. Однѣ изъ этихъ тычинокъ побольше, другія поменьше. Когда оплодотвореніе совершится, тогда цвѣточное донце начинаетъ быстро расти, выдается вверхъ и скоро превращается въ сочную, вкусную ягoду. Бѣлые лепестки опадаютъ, листья чашечки и тычинки съ пыльниками также; но плоднички, съ сѣмечками внутри, остаются,

(* Вертикальный разрѣзъ ягоды земляники: 1) мягкое и сочное цвѣточное ложе или торъ; 2) отдѣльные плоднички, на немъ расположенные; 3) тычинки, прикрѣпленныя у основанія чашечки; 4) листочки чашечки.

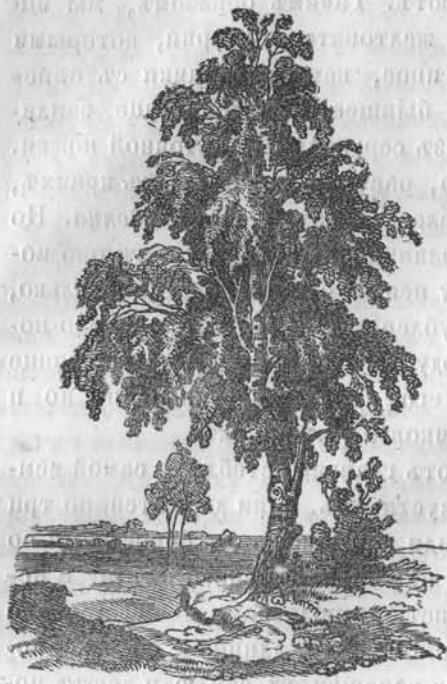
только столбики на нихъ засыхаютъ. Такимъ образомъ, мы видимъ, что тѣ твердые, маленькіе, желтоватые бугорки, которыми усѣяна ягодка земляники, ни что иное, какъ плоднички съ сѣмечками внутри, а самая ягода есть бывшее мясистое донце земляничнаго цвѣтка, образовавшееся изъ сердцевины цвѣточной ножки.

Сладкая винная ягода или фи́га, растущая въ теплыхъ краяхъ, на фиговыхъ деревьяхъ, также дѣлается изъ мясистаго *донца*. Но тогда какъ цвѣточное донце у земляники выпукло, у фи́ги оно вогнуто; а цвѣты фи́ги, которыхъ у нея на одномъ донце нѣсколько, распускаются и цвѣтутъ въ углубленіи донца, которое мало-помалу закрывается и образуетъ ягoду. Кушная мягкое, сладкое донце фи́ги, мы находимъ въ серединѣ его не только зернышки, но и остатки цвѣтовъ, остатки плодничковъ и тычинокъ.

Листья земляники отдѣляются отъ главнаго стебля у самой земли, такъ что земляника растетъ кустикомъ. Они держатся по три вмѣстѣ, на длинныхъ вѣточкахъ или черешкахъ съ бороздками по серединѣ и очень красивы: верхъ ихъ ярко-зеленаго цвѣта, а исподъ покрытъ серебристыми пушистыми волосками. Отъ главнаго стебля земляники отдѣляются, у самой земли, длинные молодые побѣги, которые пускаютъ отъ себя корешки въ землю и даютъ новые кустики земляники.

БЕРЕЗКА И ЕЯ СЕМЕЙСТВО.

У cadaго дерева есть своя особая физіономія. Толстый коренастый дубъ, съ твердыми, какъ желѣзо, сучьями, на которыхъ даже сильный вѣтеръ шевелитъ только тоненькими вѣточками, напоминаетъ сильнаго богатыря, смѣло и упорно подставляющаго невгодамъ свою могучую грудь: отъ сосны и елки, отъ ихъ неумирающей, колючей, темной зелени, вѣетъ грустью; роскошная, пахучая липа, въ безчисленныхъ листьяхъ и душистыхъ цвѣтахъ которой гудитъ цѣлый рой золотистыхъ пчелъ — богатая хлѣбосольная хозяйка; душлистая ива, шелестя своими длинными висячими космами, навѣваетъ задумчивость; стройная, трепещущая, робкая осина хороша только передъ смертью — осенью, когда рож-

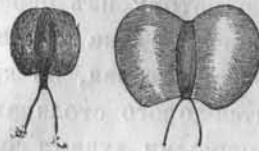
дающіеся холода уберутъ ее пурпуромъ и золотомъ. Но нѣтъ у насъ дерева веселѣе, привѣтливѣе, милѣе стройной, кудрявой березки: ея длинный, гибкій стволъ покрытъ опрятной бѣлой одеждой; ея яркая, кудрявая зелень весною первая радуется наши глаза, утомленные однообразнымъ видомъ снѣга. Если было бы нужно съ чѣмъ-нибудь сравнить березку, то я сравнилъ бы ее съ хорошенькой дѣвочкой, въ бѣломъ платьѣ, въ зеленомъ передничкѣ, когда она утромъ, умывшись холодною водою, выбѣжитъ въ садъ: отъ нея такъ и дышетъ свѣжестью, чистотою и весельемъ.

Листья березки — маленькія зеленкія сердечки, заостренныя верху, съ зазубринами по краямъ. Они особенно милы весною, когда только что развернутся: тогда они имѣютъ блескъ, смолистый запахъ и липнутъ къ рукамъ. Кромѣ листьевъ, вы вѣроятно замѣтили на березовыхъ вѣткахъ хорошенькія длинныя *серѣжки*: это цвѣты березы. Такіхъ серѣжекъ на каждой березѣ два сорта: на тѣхъ серѣжкахъ, которыя подлиннѣе, находятся тычинки и въ нихъ готовится плодотворная пыль; на другихъ, покороче, — тысячи плодничковъ, готовыхъ жадно подхватить эту пыль.

Мы знаемъ, что у яблони, вишни и земляники, точно также какъ и у множества другихъ растений, плодники и тычинки сидятъ на одномъ цвѣткѣ: у березы, напротивъ, они находятся на различныхъ цвѣткахъ, хотя на одномъ и томъ же деревѣ.

Тычинковыя серѣжки готовятъ березою еще съ осени и рано начинаютъ развиваться весною, даже раньше листьевъ. Когда же, вмѣстѣ съ душистымъ листомъ, появятся тоненькія, зеле-

ныя плодниковыя серѣжки, тогда, при малѣйшемъ вѣтрѣ, изъ вырѣвшихъ пыльниковъ летитъ желтая, едва примѣтная цвѣточная пыль — цвѣтень. Безчисленное множество пылинокъ цвѣтени слетитъ съ каждой березы на землю, но много ихъ падаетъ и на липкіе плоднички.

Семя ольхи и березы.

Получивъ цвѣточную пылинку, плодничокъ закрывается и начинаетъ готовить сѣмя, которое мы можемъ назвать крылатымъ, потому что у каждаго дозрѣваго сѣмени березы, какъ оно ни мало, есть два крылышка, и каждое крылышко вдвое больше самаго сѣмени. Осенью, когда крылатыя сѣмена дозрѣютъ и выпадутъ, вѣтеръ подхватитъ ихъ и понесетъ въ разныя стороны — и несетъ далеко, далеко: такъ приспособлено каждое сѣмячко къ воздушному путешествію. Безчисленные миллионы этихъ сѣмянъ, попадая на воду, на песокъ, на другія деревья, засыхаютъ и погибаютъ: но многія найдутъ себѣ удобную почву и пустятъ корешки. Впрочемъ, сѣмя березы самое неприхотливое въ выборѣ мѣста: оно можетъ пустить свой корешокъ и на крышѣ стараго дома, и на верху старинной колокольни, куда нанесло вѣтромъ нѣсколько горстей пыли. Береза, по преимуществу, сѣверная красавица, и менѣе всѣхъ прочихъ деревьевъ боится холода: она растетъ еще на границахъ сибирскихъ тундръ, недалеко отъ Ледовитаго океана, гдѣ уже ни одно дерево не можетъ выносить мертвящей стужи: березка гнется, ежится, изъ стройнаго дерева дѣлается маленькимъ кривымъ кустарникомъ, но все еще держится.

На постройку береза употребляется рѣдко; но для топлива это лучшее и наиболѣе употребительное дерево. Вы, вѣроятно, замѣтили, какъ весело трещитъ и пылаетъ на огнѣ кора березы: это потому, что въ корѣ березы или берестѣ, какъ ее называютъ, много горючаго, липкаго и душистаго вещества — смолы. Изъ бересты дѣлаютъ (или гонятъ) деготь, для чего складываютъ ее въ большую кучу, насыпаютъ сверху землю, чтобы береста не могла горѣть пламенемъ, и, приготовивъ стокъ для дегтя, поджигаютъ. Подъ землею береста тлѣетъ медленно, выпуская изъ себя жидкую

смолу — деготь. Берестою же, такъ какъ она, по обилію смолы, очень трудно гниетъ, обкладываютъ иногда столбы, которымъ назначено долго простоять въ землѣ. Молодые, липкія почки и душистые листья березы настаиваютъ въ спиртѣ и готовятъ изъ нихъ лекарство, очень полезное при порѣзахъ. Стволъ березы часто кривъ, сучковатъ и негоденъ для построекъ: но древесина ея бѣла, крѣпка и слои ея очень красивы, а потому изъ березы дѣлаютъ иногда мебель. Изъ бугорчатыхъ наростовъ на корнѣ и стволѣ березы вырѣзывается карельская береза: которая, по красотѣ и прихотливости своихъ слоевъ, цѣнится дорого столярами.

Весною, когда соки дерева, разогрѣтые первыми лучами солнца, побѣгутъ вверхъ, чтобъ заняться приготовленіемъ молодыхъ вѣтокъ, листьевъ и цвѣтовъ, кору березы пробуравливаютъ и вставляютъ въ дырочку желобокъ, по которому течетъ изъ дерева сладкій, душистый сокъ. Въ Троицынъ день губятъ много молодыхъ березокъ, убирая ими комнаты, крыльца и крыши. Это, конечно, очень красиво — но сколько при этомъ погибаетъ молодого лѣса!

Березъ нѣсколько породъ, изъ которыхъ мы замѣтимъ двѣ; одну вудрявую, веселую, и другую, которая подобна плакучей ивѣ, опускаетъ къ землѣ свои длинныя космы и точно роняетъ слезы: такія грустныя березки, также какъ и ивы, называютъ плакучими.

По формѣ своихъ цвѣтовъ береза причисляется къ семейству *серезчатыхъ* растений. Къ этому семейству принадлежатъ, кромѣ березы: осина, ольха, ива, тополь, орѣшникъ, платанъ или чинарѣ, растущій только въ теплыхъ климатахъ, и даже дубъ, хотя крупныя плоды его, называемые жолудями, твердые, вырѣзные листья и крѣпкій, могучій стволъ все не напоминаютъ березы.

Цвѣты осины: а. тычинковая сережка, б. одинъ тычинковый цвѣтокъ, увеличенный. с. плодиковая сережка, д. одинъ ея увеличенный цвѣтокъ.

Ива, о кото рой мы будемъ еще говорить, имѣетъ, въ свою очередь, множество породъ: верба, лоза, ветла и даже кустарникъ, называемый у насъ тальникомъ, принадлежатъ къ породѣ ивъ.

Орѣшникъ уже не дерево, а рослый кустарникъ, тоже съ серезчатыми цвѣтами и съ плодами, очень хорошо знакомыми дѣтямъ.

а. Пыльничковая сережка дуба, б. Одинъ пыльничковый цвѣтокъ, увеличенный.

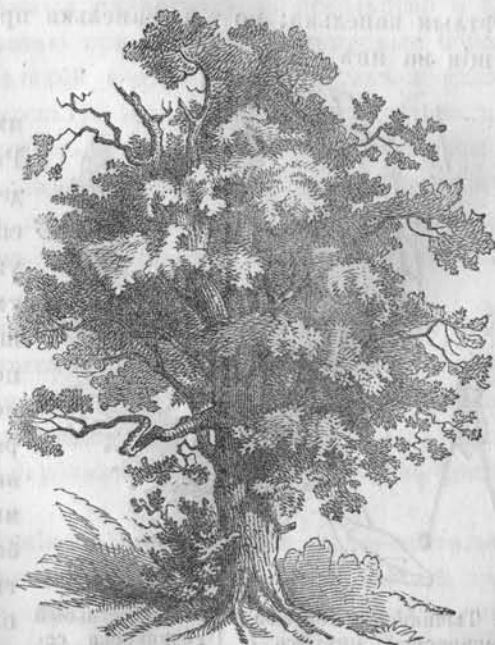

Дубъ, могучее и полезное дерево, имѣетъ до ста различныхъ породъ. Твердое дерево дуба цѣнится дорого и употребляется для подѣлокъ, требующихъ особенной крѣпости. Жолуди дуба—любимая пища свиней. На листьяхъ его образуются часто круглыя чернильные орѣшки. Орѣшки эти происходятъ отъ того, что одно насекомое, изъ породы осъ, называемое *орѣхотворкою*, проткнувши кору дубоваго листа, кладетъ

подъ нее свои яички. Чернильные орѣхи, слѣдовательно, не плоды дерева, а болѣзненные наросты на его пораненныхъ листьяхъ.

Стройный, прекрасный *тополь*, имѣетъ также нѣсколько породъ: серебрястый тополь, у котораго нижняя сторона листа блеститъ, какъ серебро, пирамидальный, вытягивающійся кверху стройною, зеленою пирамидою, душистый и другіе.

Всѣ эти разнообразныя деревья и кустарники, по формѣ своихъ цвѣтовъ, причисляются къ одному семейству *серезчатыхъ*.

И В А.

На противоположных берегах без умолку журчащего ручья стоит две ивы с красноватыми, гибкими ветвями. Объявившись выросли из двух родных сѣмичегъ, которые когда-то сидѣли рядышкомъ въ цвѣткѣ старой ивы. Когда эти сѣмена еще спали въ своей теплой колыбелькѣ, сильный порывъ вѣтра выхватилъ ихъ оттуда и забросилъ одно сѣмячко—по эту сторону ручья, а другое—по ту. Они попали въ мягкую, сырую почву, пустили корешки и, мало-по-малу, сдѣлались сами большими деревьями. Не одна она была здѣсь,—вокругъ ихъ выросли и другія деревья, и двумъ роднымъ ивамъ, двумъ сестрамъ, нельзя было даже взглянуть другъ на друга; вотъ почему она опустила свои вѣтки и шелестятъ такъ грустно своими плачущими листочками; вотъ почему и люди считаютъ иву за печальное дерево, часто садятъ ее на могилахъ уснувшихъ друзей своихъ и называютъ ее плакучею. Въ самомъ дѣлѣ съ вѣтвей ивы скатываются, точно слезы, свѣтлыя капельки; но эти капельки приготовляетъ не ива, а живущія на ивѣ насѣкомыя.

а. Тычинковая сережка ивы. б. Отдѣльный тычинковый цвѣтокъ. в. Плодниковая сережка. д. Плодниковый цвѣтокъ.

Однакожь и плакучая ива имѣетъ свои веселые дни. Раннею весною, когда другія деревья и кустарники еще спятъ, почки ивъ начинаютъ уже пробуждаться. Завернутыя въ темно-коричневые чешуйки, спятъ она до тѣхъ поръ на вѣтвяхъ; но едва повеетъ теплотой весны, она разрываетъ свою темницу и выглядываютъ оттуда бѣлыми и мягкими, какъ шелкъ, барашками. Барашки — цвѣты ивы; но эти цвѣты на обѣихъ ивахъ различны. На одной ивѣ барашки желтова-

таго цвѣта и множество пыльниковъ выглядываетъ у нихъ изъ-за чешуекъ; а въ этихъ пыльникахъ вызрѣваетъ золотистая пыль. Медомъ пахнутъ эти барашки и пчелки толпою слѣзая къ нимъ позапасть душистою пищею. «Хорошо,» говорятъ пчеламъ золотые барашки: «берите себѣ медъ, Господь съ вами! но за то сослужите намъ службу: тамъ за ручьемъ растетъ родная наша ива, слетайте къ ней, скажите ей отъ насъ—здравствуй, и снесите ей въ подарокъ, сколько можете, нашей золотой пыли.» Золотымъ пчелкамъ такая услуга ни по чемъ: поработавши хлопотливо на ивовыхъ барашкахъ, она и такъ все перепачкаютъ свое мохнатое платье золотою пылью и имъ только стоитъ полетѣть къ другой ивѣ и отнести подарокъ. На другой ивѣ барашки нѣжныя и зеленые, но также пахнутъ медомъ и манятъ къ себѣ пчелокъ. Но изъ-за каждой чешуйки выглядываютъ уже не пыльники, а по два плодничка съ открытыми устьицами, которые жадно ожидаютъ золотого подарка родной сестры. Пчелки принесутъ этотъ подарокъ и вѣрно передадутъ его, кому она послана; а въ награду за посольство и здѣсь получаютъ медъ. Съ радостью принимаютъ плодниковые барашки подарки родной, хотя далекой сестры, прячутъ ихъ и дѣлаютъ съ помощью ихъ свои маленькія зернышки. Осенью снова налетитъ вѣтеръ, снова разнесетъ зерна, и хотя многія тысячи ихъ погибнутъ, но ихъ такъ много, что какое-нибудь непременно упадетъ на плодородную землю и сдѣлается современемъ ивой. Такъ, благодаря пчелкамъ, пересылаетъ одна ива другой благодарный подарокъ.

На яблонѣ и вишнѣ тычинки и плоднички на одномъ цвѣткѣ: на березѣ—на двухъ цвѣткахъ, но на одномъ и томъ же деревѣ: на ивѣ—на двухъ разныхъ деревьяхъ: на одномъ цвѣткѣ съ плодничками, на другомъ съ тычинками. Ива, слѣдовательно, живетъ на два дома и ее зовутъ *двудомнымъ* растеніемъ; береза растеніе *однодомное*.

Къ двудомнымъ растеніямъ принадлежитъ и обитательница жаркихъ странъ — *финиковая пальма*, у которой, кромѣ такого расположенія цвѣтовъ на двухъ деревьяхъ, нѣтъ ничего общаго съ нашей ивой. На одной пальмѣ — плоднички, на другой — ты-

чинки; шишки не выростутъ на первой пальмѣ и плодички ея засохнуть безъ плода, если услужливый вѣтеръ не принесетъ золотистой пыли отъ родной сестры, растущей иногда гдѣ-нибудь очень далеко, за морями, за сотни верстъ.

Хвойныя деревья.

Всѣ наши большіе лѣса состоятъ изъ елей и сосенъ, а на сѣверо-восто-кѣ Россіи также изъ кедровъ, пихтъ и лиственницъ. Кто видѣлъ эти деревья, тотъ, вѣроятно, и самъ подумалъ, что всѣ они съ родни другъ другу. Высокій, стройный ростъ, смолистая кора, а болѣе всего иглистые листья и всегдашняя зелень, остаю- щаяся какъ лѣтомъ такъ и зимою, соединяютъ всѣ эти деревья въ одно семейство и въ то же время отлича- ютъ ихъ отъ прочихъ деревь. Такія деревья на- зываютъ *хвойными*, пото- му что острые, какъ иглы, листочки ихъ называются

хвоими. Русскій народъ любитъ свои родные хвойныя лѣса за то, что они впродолженіи шестимѣсячной зимы оживляютъ, хотя нѣсколько, свою зелень виды пустынныхъ полей, занесенныхъ снѣгомъ, и называютъ хвойныя лѣса *красными*, т. е. прекрасными, въ отли- чіе отъ тѣхъ лѣсовъ, которые, состоя изъ лиственныхъ деревь, на зиму теряютъ свою листву, и остаются черными, почему ихъ

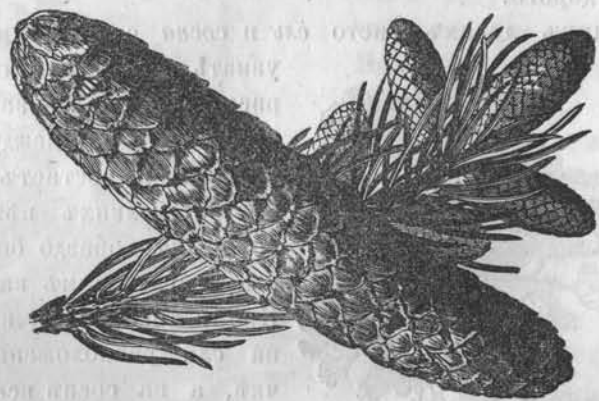
называютъ *черными* или просто *чернолѣсьемъ*. Хвойныя лѣса въ прежніе времена покрывали собою всю среднюю и сѣверную по- лосу Россіи; но съ размноженіемъ народонаселенія, количество лѣ- совъ очень поуменилось. Впрочемъ и теперь еще въ нашихъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ губерніяхъ, особенно въ Воло- годской и Архангельской, тянутся непроглядные хвойныя лѣса на многія тысячи верстъ. На самомъ сѣверѣ, въ климатѣ очень хо- лодномъ, хвойныхъ лѣсовъ не бываетъ: тамъ держится только одна кривая березка.

Хвойныя лѣса очень полезны для человѣка: они даютъ ему огромныя и крѣпкія бревна для различнаго рода построекъ, очень хорошій матеріалъ для топлива, смолу, деготь и скипидаръ; а кедры доставляютъ еще и лакомство — кедровые орѣхи. Тѣ изъ хвойныхъ деревьевъ, которыя по прямизнѣ и высотѣ могутъ идти на постройку корабельныхъ мачтъ называются *мачтовыми* и цѣнятся дорого.

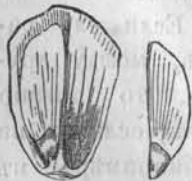
Въ нашихъ лѣсахъ часто *ель* и *сосна* стоятъ вмѣстѣ. Ель узнать не трудно: она гораздо ряснѣе сосны. Это зависитъ отъ того, что у ели между главными вѣтками вырастаетъ еще мно- жество мелкихъ вѣточекъ, на которыхъ гораздо больше зеле- ныхъ иглъ, чѣмъ на главныхъ. Кромѣ того, иглы или листики на ели расположены поодино- чкѣ, а на соснѣ всегда по два листка разомъ, основанія кото- рыхъ обняты одною бѣлова- тою пленочкою. Если ель ра- стетъ въ тѣсотѣ, между дру- гими деревьями, то нижніе сучья ея опадаютъ; если же на свободѣ, какъ на примѣръ въ садахъ, то длинныя, нѣсколько обвисшіе къ низу, сучья ели на-

чинаются у самой земли и идутъ пирамидой къверху. У сосны нижніе сучья также усыхаютъ, а верхніе часто располагаются зонтикомъ; кора на стволѣ имѣетъ нѣсколько рыжеватый оттѣнокъ, а на старыхъ сучьяхъ этотъ оттѣнокъ увеличивается. По свойству древесины сосна и ель еще сильнѣе различаются: дерево сосны имѣетъ красноватый оттѣнокъ, твердо, ровно, слоисто, пропитано смолою, а потому превосходно для всякаго рода прочныхъ построекъ и даетъ жаркій и продолжительный огонь въ печи; еловая древесина бѣловата, дрябла, мягка, легко гниетъ, сучковата, а въ печкѣ—сырая только трещить, сухая же сгораетъ, какъ солома, оставляя мало жару. Сосна любитъ по преимуществу почву сухую, песчаную: ель, напротивъ, растетъ на почвахъ влажныхъ, глинистыхъ. Сосна и ель достигаютъ огромной высоты, двадцати и болѣе сажень, а въ толщину бываютъ иногда до двухъ аршинъ въ диаметръ.

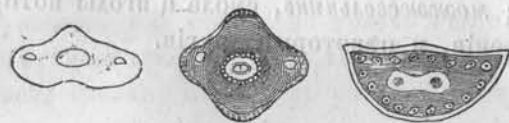
Еловая шишка, плодниковая и тычинковая.

Сѣмена сосны.

Цвѣты сосны и ели заключаются въ шишкахъ, изъ которыхъ однѣ, — тычинковыя, а другія — плодниковыя. Тычинковыя длиненькія, зеленоватыя, мягкія шишки состоятъ изъ тычинокъ; а на плодниковой шишкѣ за каждой чешуйкой находится два сѣменные гнѣздышка. Во время оплодотворенія пыль падаетъ за отвернутыя чешуй-

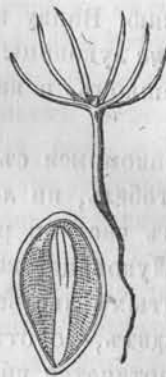
ки; тогда чешуйки закрываются и почти подъ каждой начинается вырѣзывать пара твердыхъ сѣменъ, которыя лежатъ открытыя, голыя; а не скрыты въ завязи, какъ сѣмена клена, яблоки и друг. Плодниковыя или сѣменные шишки на ели вырѣзываютъ впродолженіи года, на соснѣ — впродолженіи двухъ лѣтъ. Когда шишка дозрѣетъ, то снова раскрывается и изъ-за чешуекъ ея выскакиваютъ сѣмена, при которыхъ есть небольшія крылышки.

Разрѣзъ иголь: а. сосны. б. ели с. пихты.

Иглы свои и ель, и сосна мѣняютъ точно такъ же, какъ и листовые деревья мѣняютъ листья; подъ каждымъ хвойнымъ деревомъ вы найдете множество красноватыхъ, отжившихъ уже иголь. Но тогда какъ на листовыхъ деревьяхъ всѣ листья опадаютъ осенью и появляются вновь весною, на хвойныхъ перемѣна эта совершается постепенно впродолженіи цѣлаго года, и новыя хвои постепенно замѣняютъ опавшія. Вотъ почему оба эти дерева постоянно зелены. Иглы на соснѣ остаются два года, на ели — одинъ годъ.

Проросшее сѣмя сосны. (а не два) перенхъ листовыхъ иголь.

Сибирскій кедръ тоже принадлежитъ къ роду сосенъ, только иголки на немъ расположены не попарно, а по пяти, и за чешуйками шишекъ образуются вкусные орѣхи. Лиственница — самое высокое и самое прочное изъ хвойныхъ деревьевъ. Иглы на лиственницѣ мягкія, ярко-зеленаго цвѣта, сидятъ поодиночкѣ, какъ на ели, и на зиму опадаютъ; потому, быть можетъ, народъ и далъ этому дереву названіе лиственницы, т. е. мѣняющей свои хвои, какъ листовое дерево мѣняетъ листья. По своему пирамидальному виду, лиственница походитъ на ель; но древесина ея гораздо тверже, тяжелѣе и крѣпче даже, чѣмъ у сосны. Въ водѣ

лиственница не гниётъ, и потому ее употребляютъ на постройку кораблей и на сваи, которыя должны находиться подъ водою. Изъ лиственницы же добывается лучшій скипидаръ, а кора ея идетъ на выдѣлку кожъ. Это полезное дерево растетъ у насъ въ губерніяхъ Архангельской, Вологодской, Вятской, Оренбургской и во всей Сибири.

Къ роду хвойныхъ деревьевъ принадлежатъ также *пихта*, *кипарисъ*, пахучее, желтоватое и прочное дерево, на которомъ часто пишутъ иконы; *можжевельникъ*, смола и ягоды котораго употребляются для куренія, и нѣкоторыя другія.

Бѣлая лилія.

Бѣлая лилія, прекрасный, душистый величественный цвѣтокъ, служащій по снѣжной бѣлизнѣ своей эмблемою чистоты, растетъ у насъ только въ цвѣтникахъ; но въ жаркомъ и сухомъ климатѣ, въ горахъ персіи, Аравіи и Палестины, ее встрѣчаютъ и въ дикомъ состояніи. Если мы не пожалѣемъ прекраснаго растенія и выдернемъ его изъ земли, то увидимъ, что зеленый стебель растенія выходитъ изъ большой луковичи желтоватаго цвѣта, которая вся состоитъ изъ длинныхъ сочныхъ чешуекъ, наложенныхъ одна на другую. Разрѣзавъ луковичу вдоль, найдемъ, что чешуйки ея прикрѣплены къ длинному стержню. Внизу этотъ стержень, сросшись съ чешуйками образуетъ *доны* луковичи, отъ котораго книзу виситъ пучокъ тоненькихъ корешковъ, а кверху идетъ стебель, круглый и высокій.

Мы еще не видали луковичи и потому познакомимся съ нею поближе. Что такое луковича? ни корень, ни стебель, ни листъ. Но если уже сравнивать ее съ знакомыми намъ частями растенія, то болѣе всего походитъ она на почку. Луковича, какъ и почка, представляетъ собраніе не вполне развитыхъ листьевъ и стебля будущаго растенія. Когда луковичу посадятъ, то отъ нея пойдутъ корешки въ землю, а стебель растенія потянется кверху; сама же луковича, давшая жизнь растенію, сгниётъ; но возлѣ нея образуется нѣсколько молоденькихъ почекъ или молоденькихъ

луковицъ, изъ которыхъ каждая на будущее лѣто можетъ дать особое растеніе. Растенія, размножающіяся луковичами, называются *луковичными*. Нашъ обыкновенный лукъ есть тоже луковичное растеніе и въ луковичѣ его ясно можно видѣть, какъ чешуйки или листья этой подземной почки вложены одинъ въ другой. Въ луковичѣ чеснока вы легко можете найти между листьями маленькія луковичи или *глазки*.

Даже картофелина, или *клубень* картофеля, какъ ее называютъ, есть тоже луковича или почка; но только листочки этой почки срослись въ одну плотную массу, въ которой однако можно примѣтить отдѣльные глазки. Картофель размножается клубнями, которые сажаютъ въ землю или цѣлыми, или разрѣзавъ ихъ на части, но такъ, чтобы въ каждой части былъ глазокъ. Старая картофелина, выгнавъ стебель кверху, на которомъ появятся современемъ маленькіе лиловые цвѣточки и сѣмена, и пустивъ мочковатое корневище книзу, сама сгниётъ; но на мочкахъ корневища образуется множество новыхъ клубней.

Лукъ, чеснокъ и картофель полезны человѣку своими луковичами; но морковь, рѣпа, свекла, рѣдька полезны своими корнями, почему эти послѣднія растенія и называютъ *корнеплодными*. Картофель же и лукъ нельзя назвать корнеплодными растеніями. Корнеплодные растенія размножаются не корнями, а сѣменами, взрѣвающими на стебляхъ: сѣмя, посаженное въ землю, даетъ толстый мясистый корень книзу, иногда длинный, какъ у свеклы и моркови, иногда круглый и полукруглый, какъ у брюквы и рѣпы, а кверху выгоняетъ небольшой пучекъ листьевъ, называемый ботвою. Въ первый годъ на листьяхъ, или на ботвѣ, вы не найдете ни цвѣтовъ, ни сѣменъ; но если на другой годъ вы посадите корень моркови, свеклы или рѣпы, то онъ дадутъ уже цвѣтъ и сѣмена. Во всякомъ большомъ огородѣ вы встрѣтите нѣсколько такихъ корнеплодныхъ растеній, посаженныхъ на сѣмена и, пожалуй, по незнанію, можете принять ихъ за какія-нибудь другія неизвѣстныя вамъ растенія.

Но возвратимся къ нашей бѣлой лиліи. Стебель лиліи подымается аршина на полтора въ высоту и отъ него идутъ листья

во всѣ стороны, которые внизу широки и довольно круглы; но чѣмъ выше, тѣмъ уже и острѣе. На верхушкѣ лилейнаго стебля появляется нѣсколько большихъ, бѣлыхъ пахучихъ цвѣтовъ, на коротенькихъ цвѣточныхъ ножкахъ. У цвѣтовъ лилии нѣтъ чашечки, а только бѣлая коронка, или вѣнчикъ, состоящая изъ шести большихъ лепестковъ, красиво отогнутыхъ назадъ. По числу листьевъ, составляющихъ цвѣточный покровъ, бываетъ въ лилии шесть тычинокъ съ желтыми большими пылинками. Тычинки эти въ основаніи своемъ прикрѣплены къ листьямъ вѣнчика; плодникъ же занимаетъ середину цвѣтка. Завязь плодника представляетъ коробочку съ тремя внутренними гнѣздышками; въ каждомъ гнѣздышкѣ вызрѣваетъ по нѣсколько желтыхъ сѣмянъ. Но изъ сѣмянъ трудно вырастить лилію: гораздо скорѣе разводится она луковичами.

Конопля, ленъ и хлопчатникъ.

Кто бывалъ въ деревнѣ, тотъ вѣрно замѣтилъ на огородахъ высокое растеніе, извѣстное подъ именемъ конопли. Конопля растетъ густо, довольно толстыми стеблями, аршина въ два съ половиною вышины; она издаетъ особенный, очень сильный запахъ; любитъ жирную землю, и потому ее сѣютъ преимущественно на огородахъ, гдѣ земля гораздо болѣе удобрена, чѣмъ на поляхъ. Кто не видалъ самой конопли, тотъ вѣрно видалъ, по крайней мѣрѣ, конопляное сѣмя, которымъ кормятъ канареекъ и другихъ маленькихъ пльнницъ нашихъ клѣтокъ. Конопляное сѣмя, вызрѣваетъ на коноплѣ, помѣщаясь на верхушкѣ стеблей кистями. Оно такъ маслянисто, что изъ него выдѣлывается большое количество постнаго масла. Стебли конопли бываютъ двоякаго рода: одни съ плодничками, въ которыхъ вызрѣваютъ сѣмена, другіе, на которыхъ сѣмянъ не бываетъ, съ тычинковыми цвѣтками. Конопля, слѣдовательно, есть растеніе *двудомное*. Плодниковые стебли собственно и зовутся коноплею, а тычинковые называются *посконью* или *замашкой*. Посконь совершенно созрѣваетъ послѣ обсымененія, когда на плодниковыхъ растенія стебляхъ конопляное

зернышко только-что начинаетъ наливаться; а потому *посконь берутъ*, т. е. выдергиваютъ изъ земли, гораздо ранѣе конопли и, выдергивая, машутъ ею по воздуху, чтобы разсыпать изъ тычинокъ на плодники остальную плодотворную пыль, почему *посконь* и зовутъ въ нѣкоторыхъ губерніяхъ *замашкою*. Изъ *поскони* приготавливаются веревки и самый грубый холстъ.

Когда конопляное сѣмя совершенно созрѣетъ, тогда начинаютъ *брать* коноплю, т. е. выдергивать ея стебли изъ земли и связывать ихъ въ небольшіе пучки. Просушивъ на солнцѣ пучки конопли, выкалываютъ изъ нихъ сѣмена или просто отрѣзываютъ снизу корни, а сверху кисти съ сѣменами, оставляя одни стебли, для выдѣлки изъ нихъ *пеньки*. Приготовленную такимъ образомъ коноплю кладутъ въ рѣчку или въ прудъ, недалеко отъ берега, такъ однако, чтобы она покрылась водою; а для того, чтобы ее не унесло теченіемъ, то накладываютъ на нее сверху камни или бревна и оставляютъ въ такомъ положеніи недѣли на двѣ. Это называется *мочить пеньку*. Для мочки обыкновенно выбираютъ неглубокія мѣста въ рѣчкахъ или прудахъ и притомъ такіа, которыя наиболѣе освѣщены солнцемъ. Мочатъ коноплю за тѣмъ, чтобы размочить въ водѣ клейкое вещество, которымъ стебель пропитанъ, и отдѣлить полезный, тягучій *лубъ* отъ коры, лежащей сверху, и сердцевинны, лежащей внутри. Только изъ волокнистаго и мягкаго луба конопли и можетъ быть приготовлена пенька. Когда найдутъ, что конопля довольно размочена и что волокна ея отдѣляются легко, тогда вынимаютъ ее изъ воды и ставятъ снова *сушиться на солнцѣ*. При мочкѣ и при сушкѣ конопля издаетъ сильный, тяжелый и даже вредный запахъ. Когда конопля высохнетъ, тогда сердцевина ея растрескивается и рассыпается легко, а тонкія и крѣпкія *волокна*, составляющія лубъ, легко раздѣляются между собою. Высушивъ коноплю, начинаютъ ее *мять* весьма нехитрою машиною, которой все назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы искрошить высохшія сердцевину и кору конопли и отдѣлить ихъ прочь. Помявъ пеньку, начинаютъ ее трепать и расчесывать, стараясь, чтобы ея длинныя и тонкія волокна не путались и раздѣлились, по возможности, тоньше. Чѣмъ лучше очищены волокна пеньки и чѣмъ тоньше они, — тѣмъ пенька лучше и тѣмъ тоньше холстъ

можно изъ нея сдѣлать. Изъ грубой, худо очищенной, толстой пеньки вьютъ веревки и канаты и ткутъ грубую дерюгу; изъ тонкой, мягкой пеньки выдѣлываютъ дорогія полотна и тончайшій батистъ.

Для льна не нужно такой жирной земли, какъ для пеньки, а потому его сѣютъ на поляхъ. Ленъ растетъ гораздо ниже пеньки, но стебельки его тоньше; а чтобы стебли льна были, какъ можно, тоньше и длиннѣе, его сѣютъ густо. Ленъ цвѣтетъ маленькими голубоватыми цвѣточками, а маслянистыя, маленькія сѣмена его взрѣваютъ въ плодниковыхъ коробочкахъ. Его также берутъ осенью и почти также мочатъ и обрабатываютъ, какъ пеньку. Изъ сѣмянъ льна также можно выдѣлывать масло.

Когда такимъ образомъ обрабатываютъ пеньку или ленъ, тогда начинаютъ ихъ прядь на прилкахъ или машинами, и приготавлиютъ нитки, изъ которыхъ уже выдѣлывается полотно. Нитки суть ничто иное, какъ ссученныя волокна конопди или льна. Если присмотрѣться къ куску даже самаго плотнаго полотна или тончайшаго батиста, то сейчасъ же можно замѣтить, что они состоятъ изъ нитокъ, переплетенныхъ между собою крестъ накрестъ. Приготовленіемъ полотна изъ нитокъ занимаются ткачи. Они ткутъ полотно на своихъ станкахъ, которые называются ткацкими станками.

Выходя изъ рукъ ткача, полотно имѣетъ сѣрый цвѣтъ и его надобно еще выбѣлить. Бѣлятъ полотно очень просто: его растлаютъ на дугу, гдѣ чаще бываетъ солнце, и время отъ времени смачиваютъ водою, не давая полотну совершенно высохнуть. Солнце, постоянно высушивая смоченное полотно, т. е. вытягивая изъ него испаряющуюся воду, отдѣляетъ вмѣстѣ съ нею частицы, дающія полотну сѣрый цвѣтъ, и дѣлаетъ его бѣлымъ, какъ снѣгъ.

Изъ льна и пеньки дѣлается много различныхъ предметовъ: нитки, веревки, канаты, полотна самой разнообразной доброты и цѣны, парусина, батистъ, достигающій поразительной тонины, салфетки и скатерти. Полотно называется также холстомъ, хотя подъ именемъ холста чаще разумѣютъ ткани, сдѣланныя изъ льна. Лучшими полотнами за границей считаются голландскія и ирландскія, а у насъ славятся холсты ярославскіе.

Въ Россіи много производится льна и пеньки. Лучшимъ льномъ считается *псковской*. Много льна и пеньки отправляется отъ насъ за границу, особенно въ Англію, гдѣ требуется много пеньки для выдѣлки парусовъ, а также веревокъ и ванатовъ для корабельныхъ снастей; потому-что въ Англіи кораблей больше, чѣмъ въ какомъ-нибудь другомъ государствѣ.

Ситець также матерія, употребляемая для одежды; но дѣлается не изъ пеньки и не изъ льна, а изъ *хлопчатой бумаги*, которую также прядутъ и ткутъ. Хлопчатая бумага добывается изъ растенія, называемаго *хлопчатникомъ*. Это—кустовое растеніе теплыхъ климатовъ. Въ большихъ плодникахъ его цвѣтовъ лежатъ маслянистыя зерна, завернутыя въ длинныя мягкіе волосы бѣлаго, а иногда слегка желтоватаго цвѣта. Когда сѣмена совершенно созрѣютъ, коробочка хлопчатника трескается, чему помогаютъ сами упругія волокна *хлопка*: такъ называютъ эти бѣлыя нити. Съ

Вѣтка хлопчатника.

одного куста собирается иногда до двухъ фунтовъ хлопка, что по объему очень много, такъ какъ хлопокъ чрезвычайно легокъ. Этого хлопка и передѣлывается въ нитки, а потомъ въ матеріи раз-

наго рода, которыя потому и называются хлопчатобумажными матеріями. Сѣмена хлопчатника идутъ въ пищу, или для выдѣлки изъ нихъ масла. Хлопчатобумажныхъ матерій, которыя отлично принимаютъ различныя краски, множество, и хлопчатникъ одѣваетъ гораздо большее число людей, чѣмъ ленъ и пенька. Расчитываютъ, что хлопка производится ежегодно на 500 милліоновъ рублей серебромъ; наибольшее количество его выдѣлывается въ Америкѣ, Индіи и Китаѣ. Многія тысячи фабрикъ и милліоны работниковъ занимаются передѣлкою хлопка въ хлопчатобумажныя ткани, хотя его прядутъ и ткутъ очень искусными машинами.

На одежду человѣкъ употребляетъ еще сукно. Сукно дѣлается уже не изъ растений, но изъ овечьей шерсти, которую остригаютъ у овецъ, моютъ, чешутъ и потомъ также прядутъ и ткутъ. Изъ шерсти готовятъ многія шерстяныя матеріи.

Шелковыя матеріи дѣлаются, какъ мы уже знаемъ, изъ шелку; а шелкъ дѣлаетъ шелкоичный червякъ на шелкоичныхъ деревьяхъ.

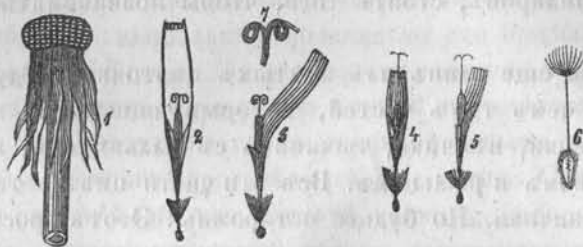
Одуванчикъ.

Признайтесь откровенно, сколько вы въ недолгой вашъ вѣкъ истребили одуванчиковъ? Сколько сорвали и разогнали по вѣтру тѣхъ душистыхъ и бѣлыхъ шаровъ, которые появляются среди лѣта вездѣ, гдѣ только есть клочекъ земли, способный выростить какую-нибудь травку: въ саду, на зеленой каймѣ цвѣтника, на лугу, по окраинамъ поля, засѣянаго хлѣбомъ, даже посреди дороги, на тѣхъ узкихъ полоскахъ, которыя оставило нетронутыми колесо крестьянской телеги, пробираясь по глубокой колеѣ? Сколько сорвали вы для вѣнковъ и цвѣточныхъ цѣпочекъ тѣхъ желтыхъ цвѣточковъ съ полными, яркими головками и пустыми въ срединѣ, дудчатыми ножками, бѣлый сокъ которыхъ оставлялъ темныя пятна на вашихъ рукахъ и вашемъ платьѣ? Много, очень много! Много также вы потоптали зеленыхъ листьевъ одуванчика, почти стелющихся по землѣ, съ большими зубцами по краямъ, съ розовой жилкой по срединѣ; но, можетъ быть до сихъ поръ не обратили вниманія даже на то, что бѣлый, пушистый шаръ, яркий

желтый цвѣтокъ и пучекъ вырѣзныхъ листьевъ принадлежатъ одному и тому же растенію; можетъ быть не замѣтили даже, что дудчатая ножка выростаетъ изъ середины этого пучка листьевъ, и что пушистый бѣлый шаръ дѣлается изъ желтаго цвѣтка; а между тѣмъ это явленіе, повторяющееся передъ вашими глазами въ тысячахъ экземпляровъ, стоитъ того, чтобы познакомиться съ нимъ ближе.

Сорвемъ же еще одинъ изъ желтыхъ цвѣточковъ одуванчика и поищемъ въ немъ тѣхъ частей, которыя нашли въ вишневомъ цвѣткѣ: чашечки, вѣнчика, тычинокъ съ пыльниками, и плодничка со столбикомъ и рыльцемъ. Всѣ эти части цвѣтка также находятся у одуванчика. Но будьте осторожны! Этотъ простой цвѣточекъ устроенъ очень хитро и можетъ ввести васъ въ ошибку. Съ перваго взгляда можно подумать, что эти зеленые листья, обнимающіе исподъ цвѣтка, изъ которыхъ нижніе нѣсколько отворочены, составляютъ вѣнчикъ, а эти желтые лепестки, которыхъ такъ много на цвѣткѣ и изъ которыхъ каждый книзу сросся въ трубочку, а кверху вытянутъ ленточкой, что всѣ эти желтые листики вмѣстѣ составляютъ вѣнчикъ цвѣтка. Но гдѣ же въ такомъ случаѣ будутъ тычинки съ пыльниками и плодничокъ съ завязью! Оборвемъ же съ цвѣтка всѣ желтыя трубочки съ тѣмъ, что находится въ срединѣ ихъ, — всѣ, кромѣ одной, которую оставимъ для того, чтобы рассмотреть ее было удобнѣе. Теперь разорвемъ же полегоньку и эту послѣднюю желтую трубочку и мы увидимъ скрывающійся въ ней плодничекъ, воткнутый острымъ концомъ въ плоское, круглое донце цвѣтка, на которомъ сидѣли всѣ желтые, сорванные нами лепестки. На верхушкѣ завязи найдемъ маленькую кисточку, состоящую изъ тончайшихъ волосковъ, поднятыхъ кверху. Отъ завязи, изъ середины кисточки, подымается вверхъ желтый лепестокъ и внутри его столбикъ, очень тонкій, но раскрывающійся на верху рыльцемъ въ видѣ двухъ, еще болѣе тоненькихъ, книзу закрученныхъ виточекъ. Рассмотрѣвъ этотъ столбикъ, мы замѣтимъ, что его, не доходя до рыльца, плотно обнимаютъ вогругъ пять тонкихъ, какъ виточки, тычинокъ, которыя вверху срослись кольцомъ, а внизу расходятся и прикрѣплены къ трубочкѣ желтаго лепестка съ ея внутренней стороны. Если

осторожно выдернуть столбикъ, то останется трубочка, посреди которой онъ сидѣлъ, состоящая изъ тычинокъ. Мы нашли завязь, нашли у нея столбикъ и рыльце, нашли тычинки, и, безъ сомнѣнія, угадаемъ, что сама желтая трубочка, переходящая наверху въ ленточку, — есть вѣнчикъ этого маленькаго цвѣтка, состоящій

Части одуванчика *).

не изъ пяти лепестковъ, какъ у вишни, но изъ одного, свернутаго въ трубочку. Впрочемъ, разсматривая подробнѣе этотъ вѣнчикъ, ботаники нашли, что онъ также сросся изъ пяти листиковъ, что показываютъ оставшіяся на немъ полоски. Но гдѣ же чашечка этого маленькаго отдѣльнаго цвѣтка? Ботаники считаютъ за эту чашечку хохолокъ или кисточку, которая обнимаетъ вѣнчикъ снизу. Вотъ и всѣ части цвѣтка; но какъ онѣ странно расположены! вовсе не такъ, какъ у вишни: завязь снизу, чашечка и вѣнчикъ надъ нею, сверху.

Когда одуванчикъ отцвѣтетъ, тогда вѣнчикъ съ каждаго его цвѣточка, завянувъ, спадетъ; верхняя часть пестика съ рыльцемъ

*) Сложный цвѣтокъ одуванчика: 1) цвѣточная ножка, поддерживающая расширенное цвѣточное ложе, на которомъ видны углубленія, гдѣ прикрѣплялись отдѣльные цвѣточки. Близу отъ тора висятъ отогнутые зеленые листочки, составляющіе общій цвѣточный покровъ. 2) Отдѣленный отъ общаго тора одинъ изъ цвѣтковъ, представляющій внизу округленную завязь, плотно обхваченную чашечкою, края которой возвышаются надъ завязью въ видѣ пучка волосковъ; лепестокъ язычковый состоитъ изъ 5-ти лепестковъ, сросшихся между собою. Изъ трубочки вѣнчика выставляется столбикъ съ раздвоеннымъ рыльцемъ. Около столбика 5-ть тычинокъ, сросшихся между собою сверху. 3, 4, 5) тотъ же цвѣтокъ въ различныхъ положеніяхъ. 6) плодъ одуванчика (сухая сѣмянка); это созрѣвшая завязь, оканчивающаяся пушистымъ хохолкомъ или чашечкой.

также отвалится, а нижняя съ кисточкой наверху, вытянется: кисточкѣ станетъ посвободнѣе и она развернется пушистымъ хохолкомъ, а всѣ хохолки вмѣстѣ составятъ тотъ бѣлый пушистый шаръ, какимъ является одуванчикъ, послѣ обсыхненія. Завязь, превратившаяся въ плодъ одуванчика, съ зрѣлымъ сѣмячкомъ внутри, едва держится своимъ острымъ концемъ въ мягкомъ донцѣ цвѣтка: подуетъ вѣтеръ, и плоды одуванчика, окрыленные легкими хохолками, понесутся по воздуху и, гдѣ воткнутся въ землю, тамъ на будущей годъ, если что нибудь не помѣшаетъ, выростетъ новый цвѣтокъ, новый одуванчикъ.

Всѣ крылатые плоды одуванчика разлетѣлись во всѣ стороны; что же отъ него осталось? Какой странный видъ имѣетъ теперь обнаженный цвѣтокъ! На дудчатой ножкѣ его торчитъ какая-то бѣлая, мягкая, выпуклая подушечка со множествомъ черненькихъ точекъ, показывающихъ мѣста, гдѣ были воткнуты острые носики завязей: точно рабочая подушка швеи, изъ которой повьсыпались иголки. Это и есть общее донце всѣхъ цвѣтовъ одуванчика, изъ которыхъ каждый имѣлъ всѣ части цвѣтка и выростилъ сѣмя, улетѣвшее теперь, быть можетъ, далеко. Такимъ образомъ, мы видимъ, что желтый одуванчикъ не одинъ цвѣтокъ, какъ напримѣръ цвѣтокъ вишни, яблони, тюльпана или колокольчика, но цѣлое собраніе цвѣтовъ, сидящихъ на одномъ общемъ донцѣ, — цѣлая корзинка цвѣтовъ. Такія растенія, у которыхъ на одномъ донцѣ бываетъ множество цвѣтовъ, — называются *сложноцвѣтными* растеніями; таковы: ярко-синіе васильки, желтые, большіе подсолнечники, красивыя астры.

Но что это за зеленые листочки, составляющіе исподъ подушечки? — Одни изъ нихъ обнимаютъ ее плотно, другіе отвернулись внизъ. Мы сочли было ихъ за чашечку одуванчика; но теперь, зная, что въ одуванчикѣ цвѣтковъ много и что каждый изъ нихъ имѣетъ свою чашечку, рѣшительно не понимаемъ, что это за общая чашечка цвѣтка. Ботаникъ выводитъ насъ изъ недоумѣнія, доказывая, что эти зеленые листья, обнимающіе донце сложнаго цвѣтка, — не чашечка, а дѣйствительно листья, хотя и непохожіе на тѣ, зубчатые, которые у одуванчика почти лежатъ на землѣ. Листочки, появляющіеся у иныхъ растеній не на стеблѣ, гдѣ обыкновенно

новенно бывают листья, а на цветочной ножке, какъ, напримеръ, у фиалки, и иногда подъ самымъ цветкомъ, какъ у одуванчика или подсолнечника, называются *прицветниками*. У василька, напримеръ, изъ такихъ листьевъ — прицветниковъ, составляется та чудная красивая корзинка, изъ которой выходятъ ярко-синіе, зубчатые колокольчики прекраснаго цветочка.

Спустимся теперь внизъ по цветку. Ножка, на которой держится цветокъ и которая потому называется цветочною ножкою, гораздо длиннѣе у одуванчика, чѣмъ у вишни; пуста въ серединѣ и идетъ почти изъ самой земли, изъ середины пучка зубчатыхъ листьевъ. Самое растеніе, пускающее цветочную ножку и у самой земли зубчатые листья вверхъ, а толстый, крѣпкій корень книзу, почти скрыто въ землѣ. Цветочная ножка торчитъ еще нѣсколько времени по обмѣненіи цветка, но потомъ падаетъ и сгниваетъ; вянутъ также и листья, но маленькое растеніе съ толстымъ, почти прямымъ корешкомъ, уходящимъ довольно глубоко въ землю, остается, и весной даетъ новыя ножки съ цветами и новый пучекъ зубчатыхъ листьевъ.

Бѣлый сокъ одуванчика, оставляющій темныя пятна на вашихъ рукахъ, также замѣчательнъ. Наберите побольше этого сока въ тарелку и черезъ нѣсколько дней вы замѣтите на немъ пѣнку; возьмите эту пѣнку между пальцами и почувствуете, какъ она упруга: точно резина. Это она и есть; но только резины изъ одуванчиковъ никто не добываетъ, а добываютъ ее изъ сока особыхъ деревьевъ, растущихъ въ жаркихъ странахъ. Изъ древеснаго сока добывается и гутта-перча, изъ которой теперь дѣлаютъ столько прекрасныхъ вещей.

Вотъ сколько новаго расскажетъ намъ одуванчикъ, если мы сумѣемъ съ нимъ заговорить. Но чтобъ понимать рѣчь природы, должно много учиться: для человѣка же необразованнаго все нѣмъ вокругъ.

Ржаной колосокъ.

Все, что очень полезно, почти всегда бываетъ и очень просто съ виду. Какимъ простымъ, незанимательнымъ покажется намъ

колосъ ржи, если мы сравнимъ его съ прекрасною розою или пыльнымъ тюльпаномъ! Но безъ розъ и безъ тюльпановъ человѣкъ очень бы могъ прожить, а безъ ржи намъ, въ нашемъ холодномъ климатѣ, пришлось бы плохо. Впрочемъ, въ томъ, что кажется простымъ съ перваго взгляда, можно найти много новаго, если разсмотрѣть его повнимательнѣе; такъ и въ колосѣ ржи мы увидимъ много такого, чего не видали у другихъ, уже знакомыхъ намъ растеній.

Выдернемъ стебелекъ ржи изъ земли и увидимъ цѣлый пучекъ тоненькихъ корешковъ, расползающихся во все стороны. Иногда изъ одного и того же пучка выходитъ три четыре стебля. Особенно *кустится озимая рожь*, которая, лежа подъ снѣгомъ, успѣетъ укорениться въ землѣ.

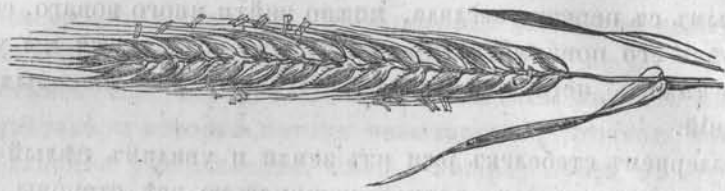
И стебелекъ у ржи не такой, какъ у другихъ, извѣстныхъ намъ, растеній. Это — длинная, тоненькая *соломинка*, съ нѣсколькими *кольцами* или *узелками*. Между узелками соломинка въ серединѣ пуста.

Колосъ ржи.

Но гдѣ же листья этого растенія? Теперь, когда колосъ уже налился и созрѣлъ, листьевъ на соломинкѣ нѣтъ, а прежде весной были. И какіе замѣчательные листья! Совсѣмъ непохожіе на тѣ, какіе мы видѣли у яблони, клена, земляники, одуванчика. На листьяхъ ржи нѣтъ черешка, они выходятъ изъ тѣхъ мѣстъ соломинки, гдѣ теперь видны только узелки. Жилки на этихъ узкихъ и длинныхъ листьяхъ не расползаются во все стороны, какъ на листочкѣ яблони, а идутъ прямыми линіями, вдоль всего листа. Похожіе на это, листья мы видали только у лиліи и обыкновеннаго лука. Нижнею своею частью безчерешковые листья обхватываютъ соломинку, а верхняя ихъ часть заворачивается и, качаясь въ воздухъ, вдыхаетъ изъ него тѣ газы, какіе нужны растенію, чтобы вырости, образовать колосъ и наполнить его зерномъ. Когда листья, а также и корешки, высасывающіе изъ земли пита-

тельные соки, *нужные растенію*, сдѣлали свое дѣло, когда рожь выколосилась, выпцвѣла, стала наливаться и зрѣть, тогда листья засохли и осталась возлѣ узелка только нижняя часть каждаго листа, плотно обхватившая соломинку.

Цвѣтущій ржаной колосъ, листочки еще держатся.

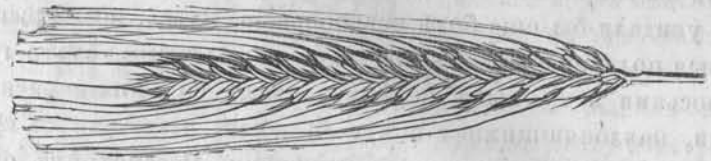
Да развѣ рожь цвѣтетъ?—спросите вы, можетъ быть. Цвѣтетъ; но только такими простенькими цвѣточками, что неудивительно, если вы ихъ не замѣтили. Сорвите колосокъ ржи въ началѣ іюня, когда вамъ скажутъ, что рожь цвѣтетъ, и вы увидите, что весь колосъ будто осыпанъ блѣдно-зеленымъ пухомъ. Если же посмотрите на этотъ пухъ въ увеличительное стекло, то убѣдитесь, что это—тычинки съ мѣшочками, наполненными плодотворною пылью, высунувшіяся изъ маленькихъ колосковъ, составляющихъ колосъ ржи. Въ самыхъ же колоскахъ скрываются плоднички, въ которыхъ заведутся зернышки, послѣ *опыльня*; т. е. въ каждомъ маленькомъ колоскѣ ржи, составляющемъ большой колосъ, дѣлается то же, что и въ цвѣткѣ вишни.

Но вотъ рожь отцвѣла, зерна налились и созрѣли, и много ихъ на одной общей оси колоса. Полезное зернышко ржи также очень просто съ виду. Но если ему дать нѣсколько прорости и потомъ посмотрѣть на него въ увеличительное стекло, то окажется, что оно не совсѣмъ похоже на зернышко клена, которое мы разсмотрѣли. И въ немъ, кромѣ мучнистаго бѣлка, который такъ питаетъ людей, лежитъ зародышъ; но зародышъ не съ двумя *зародышевыми листиками* какъ у клена, вишни, яблони, земляники и множества другихъ растеній, а съ *однимъ*: вотъ почему рожь и растетъ совсѣмъ не такъ, какъ молодой кленъ или стебелекъ земляники. Зародышевые листики называются еще въ ботаникѣ *долями*, почему рожь называютъ *однодольнымъ* растеніемъ, тогда какъ кленъ, березу, землянику, розу называютъ растеніями *двудольными*. Кро-

мѣ ржи, мы знаемъ еще одно однодольное растеніе—лилію: вотъ отчего и листья лиліи больше похожи на листья ржи, чѣмъ на листья другихъ, знакомыхъ намъ растеній; но лилія луковичное растеніе, а у ржи луковицы нѣтъ.

Другія хлѣбныя растенія, наши и не наши.

Если мы въ половинѣ лѣта выйдемъ на поле гдѣ-нибудь возлѣ Москвы, то навѣрное залюбуемся, какъ волнуются и точно бѣгутъ по отлогимъ холмамъ разноцвѣтныя полосы хлѣбовъ. Здѣсь желтѣетъ густая рожь, тамъ синѣетъ еще недозрѣвшій овесъ, возлѣ кланяется до земли усатый ячмень; а за нимъ, подалеже отъ дороги, зеленѣетъ курчавый горохъ.

Колосъ ячменя.

Пойдемъ осторожниѣ по межамъ и разсмотримъ поближе, что растетъ на каждой нивѣ. Съ перваго же взгляда замѣтимъ мы, что всѣ эти растенія, кромѣ гороха, похожи одно на другое и своими колѣнчатыми соломинками, пустыми въ серединѣ, и своими длинными узкими листьями, съ продольными жилками, и своими корнями въ видѣ пучка нитокъ, и наконецъ своими колосьями, хотя у ячменя колосъ съ такими длинными *усами*, какихъ нѣтъ у ржи, а у овса рассыпался *метелкою*.

Колосъ овса.

Только курчавый горохъ принадлежитъ къ другой семьѣ расте-

ний: илѣстья у него не такіе, круглѣе, и жилки на листьяхъ расползаются во всѣ стороны, и зернышки спрятаны въ стручья, какъ у бобовъ; а хорошенькій, синеватый или розоватый цвѣточикъ похожъ на мотылька съ поднятыми крылышками. Не потому ли и горохъ и бобы причисляютъ къ *мотыльковому* семейству растений? Въ зернахъ гороха и бобовъ зародышъ также не съ однимъ, какъ у ржи, овса и ячменя, а съ двумя листьями: съ двумя *стѣльными долями*.

Колосъ пшеницы.

Если бы мы вышли на поле гдѣ-нибудь по южнѣе, въ Малоросіи, то увидали бы еще болѣе разнообразія. Здѣсь, возлѣ ржи и овса, огромныя поля покрываетъ *пшеница*, съ толстыми, будто гранеными колосьями и тучнымъ зерномъ, *просо*, со своими рясными метелками, наклоняющимися почти до земли, и *гречиха* съ красными стебельками и бѣло-розовыми цвѣточками. Разсмотримъ опять эти хлѣбныя растения и найдемъ, что пшеница и просо, по формѣ своихъ листьевъ и соломинокъ, принадлежатъ къ одному семейству съ рожью. Одна только гречиха, со своими бѣло-розовыми цвѣтами, своими трехугольными зернами и вьющимся корнемъ, принадлежитъ къ другому отдѣлу растений.

Для жителя среднихъ губерній Россіи нѣтъ растения милѣе ржи; онъ недаромъ зоветъ ее своею кормилицею и говоритъ, что *рожь кормитъ всѣхъ сплошь, а пшеничка—по выбору, и что оржаной хлѣбушка пшеничному калачу дѣдушка*. Но въ южной, *черноземной*, полосѣ Россіи сѣютъ больше пшеницу и развозятъ ее отсюда по всѣмъ губерніямъ, вывозятъ и въ чужія государства.

Спустимся еще по южнѣе, въ Бессарабію, Молдавію, Турцію, Италію, и увидимъ тамъ на поляхъ новое хлѣбное растение—*кукурузу* или *маисъ*. Большіе, длинныя листья кукурузы, не смотря на свою величину, опять напоминаютъ намъ своею формою и продольными жилками листья ржи, овса, ячменя и пшеницы. Но гдѣ же дѣвался колосъ? На верху растенія какая-то метелка безъ ко-

досковъ и зеренъ, а изъ-промежъ большихъ листьевъ, сильно прижатыхъ одинъ къ другому, словно вываливаются какія-то бѣлыя, шелковистыя кисти? На верху растенія — тычинки съ цвѣтчною

Кукуруза или маисъ.

пылью; а между листьями сидятъ плодники, подхватывающіе эту пыль. Развернемъ листья въ концѣ лѣта и найдемъ, что между ними сидятъ большія, желтыя шишки, плотно покрытыя крупными зернами, похожими на приплюснутыя горошины. Эти мучнистыя зерна маиса сидятъ на толстой оси, какъ колоски ржи на своей тоненькой. Кто бывалъ въ Малороссіи, тотъ знаетъ, какъ вкусна молодая *пшеничка* *) со свѣжимъ масломъ, когда ее отварятъ въ соленой водѣ; какъ питательныя ея мучнистыя зерна и ка-

*) Такъ зовутъ въ Малороссіи кукурузу, которую тамъ разводятъ только на огородахъ.

Въ жаркихъ и влажныхъ странахъ Азии и Америки есть еще одно растение сродни нашей ржи. Мы знаемъ *рисъ* только по рисовой кашѣ; но для азіатцевъ онъ также важенъ, какъ для насъ рожь. Рисъ любитъ теплый воздухъ и влажную почву. Его садятъ на поляхъ, заливаемыхъ ежегодно водою, или проводятъ воду на поле канавами, такъ-что въ иное время рисовыя поля все потоплены. Много за рисомъ ухода: надобно прокопать канавы и провести на поле воду; надобно топтаться по колѣна въ мокрой землѣ; надобно садить зерна рядами; надобно непрерывно полоть и очищать поле отъ *сорныхъ травъ*, и при этомъ дышать вреднымъ болотнымъ воздухомъ, пропитаннымъ сыростью. Но за все эти труды рисъ вознаграждаетъ богатѣйшими урожаями и болѣе ста миллионѣвъ народу кормится его зернами.

Ячмень и *овесъ*, выносящіе холодъ нашего сѣвера, котораго не выносятъ уже и *рожь*, *пшеница* и *просо*, угощающее насъ золотою кашею, плодородный *маисъ* и болотный *рисъ* — все эти растения принадлежатъ къ одному семейству *хлбныхъ злаковъ*. Плохо пришлось бы людямъ безъ этого благословеннаго семейства, которое распространилъ человекъ по всему лицу земли.

НА ЛУГУ.

Пойдемте на лугъ, покрытый высокою, густою травою; уляжемся на ней преспокойно и станемъ разсматривать травинку за травинкою. Вотъ душистый *клеверъ* съ красненькими головками, за которыми такъ прилежно ухаживаютъ пчелы; вотъ вьющійся мышиный горошекъ; вотъ кукушкинъ цвѣтъ: все это травы, но

Рисъ.

Букетъ луговыхъ злаковъ: 1) Лисій хвостъ. 2) Мятликъ. 3) Ежа. 4) Полевница. 5) Тимофеевка. 6) Гребникъ. 7) Бородачъ. 8) Трясунка. 9) Овсяница. 10) Золотой колосокъ (душистый). 11) Медовая трава. 12) Метелка (заячій овесъ).

не злаки. А вотъ *лисий хвостъ* со своимъ пушистымъ колосомъ, очень похожъ на злакъ: его колосъ, соломинка и листья напоминаютъ намъ рожь; напомнимъ намъ рожь и *золотой колосокъ*, который такъ хорошо пахнетъ, что придаетъ всему сѣну его прекрасный запахъ. Вотъ *овсяница*, *мятликъ*, *трасунка*, *медоная трава*, *рай-трасъ*: они по своему виду тоже напоминаютъ намъ то рожь, то овесъ, то просо. И дѣйствительно все это — злаки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отличныя *кормовыя травы*. Но не всѣ злаки полезны—есть между ними и *сорныя травы*, портящія наши луга и поля: *плевелъ* особенно портитъ посѣвы овса; *костыр* встрѣчается во ржи; *серебристый ковыль (перекати-поле)* занимаетъ большія пространства въ нашихъ степяхъ.

Пойдемъ теперь на берегъ нашей рѣчки: она почти вся заросла густымъ высокимъ *тростникомъ*. Изъ колѣнцевъ этого тростника, пустыхъ въ срединѣ, вы неразъ дѣлали брызгалки и дудки; присмотритесь же теперь къ листьямъ этого растенія и къ чернымъ шишкамъ, что появляются осенью на его верхушкахъ, и вы согласитесь, что тростникъ тоже злакъ, хотя его соломина гораздо потолще и повыше, чѣмъ у ржи и пшеницы. Не правда ли было бы недурно, если бы этотъ тростникъ былъ не простой, а сахарный? Но хотя *сахарный тростникъ*, какъ и нашъ, любитъ также, болотистую почву, однако ему нуженъ климатъ гораздо теплѣе. Онъ растетъ дико только въ болотистыхъ мѣстахъ Восточной Индiи, очень похожъ на нашъ тростникъ; но бываетъ въ вышину до 5 арш. Крѣпкая и толстая соломина его наполнена сладкою сочною мякотью. Изъ этой мякоти выжимаютъ сладкій сокъ, а изъ сока дѣлаютъ сахаръ. У насъ нѣтъ такихъ сладкихъ тростниковъ; но сахаръ также дѣлаютъ, только изъ свеклы.

Есть въ жаркихъ странахъ злакъ еще гораздо выше сахарнаго тростника: это *бамбукъ*, который растетъ въ Индiи цѣлыми рощами и растетъ такъ скоро, что въ какіе-нибудь 3) или 40 дней дѣлается громаднымъ деревомъ въ 6 или 7 сажень высоты. Колѣчатый, пустой въ срединѣ стволъ бамбука — тоже соломина; но онъ такъ легокъ и крѣпокъ, что изъ него дѣлаютъ лодки и строятъ дома, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ боится землетрясенiй. Такой легкой домъ, если и упадетъ, то не надѣляетъ большой

бѣды. Въ пищу употребляютъ сѣмена бамбука и его молодые отпрыски.

Плантація сахарнаго тростника.

Но не будемъ завидовать жаркимъ странамъ и ихъ диковинкамъ. Правда, тамъ растетъ сахаръ, кофе, мускатный орѣхъ, корица, финики и апельсины; но за то нѣтъ тамъ нашихъ бархатныхъ зеленыхъ луговъ. Въ жаркомъ климатѣ всякая трава старается сдѣлаться огромнымъ деревомъ или кустомъ; колючія растенія готовы разорвать не только одежду, но и тѣло человѣка; стада не могутъ пробраться въ эти травы, разросшіяся лѣсомъ; львы, тигры и барсы задегли въ гущинѣ и выжидаютъ добычи; ядовитыя змѣи ползаютъ у корней. А на нашемъ-то лугу какое приволье! Иди, куда хочешь, и ложись, гдѣ вздумается: увидишь развѣ дождеваго червяка или золотого жучка, выглянетъ кротъ изъ норы или промелькнетъ вдали трусливый зайчикъ; а прекрасныя стада

пасутся безопасно и передѣлываютъ сочную траву въ душистыя сливки и питательное мясо. Произведенія же жаркихъ странъ намъ привезутъ купцы: привезутъ они апельсины и лимоны изъ Итали, мускатъ, перецъ и корицу изъ Индіи, финики и кофе изъ Аравіи; привезутъ и душистый чай изъ Китая.

ПАЛЬМА.

Въ родствѣ съ рожью находится великолѣпнѣйшее и также полезнѣйшее растеніе жаркихъ странъ, а именно *пальма*. Это — не *злакъ*, какъ рожь, но тоже *однодольное* растеніе. У насъ пальму можно видѣть только маленькую, и то гдѣ-нибудь въ теплицѣ; но въ жаркихъ странахъ пальма по большей части огромное дерево, саженой 16 и больше въ высоту. Стволъ ея, никогда не раздѣляющійся на сучья, какъ у нашихъ деревьевъ, кажется зубчатымъ отъ остатковъ листьевъ, а на верхушкѣ раскидывается зеленымъ шатромъ пучекъ громадныхъ листьевъ, сажени по 2 и болѣе въ длину. Эти деревья такъ не похожи на наши, что если морякъ увидитъ издали на морскомъ берегу высоко-подымающуюся вершину пальмы, то и знаетъ уже, что подъѣзжаетъ къ тропическимъ странамъ, гдѣ растутъ такіа растенія и живутъ такіа животныя, о которыхъ мы знаемъ только по картинкамъ. Впрочемъ, вы близко знакомы съ плодомъ одной прекрасной пальмы, если вамъ удавалось ѣсть сладкіе финики.

Пальма, на которой созрѣваютъ финики, любитъ жаркій и сухой климатъ; она растетъ въ Аравіи, возлѣ Иерусалима, въ Африкѣ и въ Индіи. Громадный стволъ *финиковой пальмы* украшенъ наверху пучкомъ длинныхъ *перистыхъ* листьевъ. Между этими листьями, *впродолженіи цѣлаго года*, появляются большими кистями цвѣты и сладкіе плоды съ твердыми косточками. Молодые листья этой пальмы употребляются въ пищу; старые — на одежду и покрывку хижины; изъ сока ея приготавливаютъ отличное сладкое вино; древесина идетъ на постройку и топливо.

Еще едва-ли не полезнѣе финиковой пальмы такая же громадная и такая же красивая *кокосовая* пальма. Ни одна часть этого

растенія не пропадаетъ даромъ: изъ ея огромнаго орѣха, величиною въ дѣтскую голову, добываютъ прохладительный напитокъ; изъ жирнаго зерна выжимаютъ кокосовое масло, употребляемое на мыло, помаду и освѣщеніе; изъ твердой скорлупы орѣха дѣлаютъ посуду; изъ крѣпкихъ волоконъ, въ которыя закутанъ орѣхъ, плетутъ веревки, канаты и ткутъ разныя ткани; изъ сока молодыхъ завязей добываютъ сахаръ и вино; молодые почки пальмы очень вкусны; листья идутъ на покрывку хижины и на одежду, высокой стволъ — на мачты и постройки, корень — на корзины. Такъ

Кокосовая пальма. Капустная пальма. Вѣрная пальма.
Бананъ *). Приземистая пальма.

*) Бананъ, или райское дерево, даетъ около 100 питательныхъ плодовъ, по формѣ похожихъ на огурцы, которые всѣ вмѣстѣ вѣсятъ пуда полтора. Бананами кормится множество жителей жаркихъ странъ.

же почти полезны *капустная* и *вѣрная* пальмы, каждый листокъ которой похожъ на громадный вѣрзь.

Одно такое дерево можетъ пропитать, одѣть и укрыть отъ непогоды цѣлую семью дикарей. Но не потому ли дикарь дикаремъ и остался, что ему не нужно было трудиться? Въ такомъ случаѣ наша простенькая рожь лучше своей двоюродной сестры, великолѣпной пальмы. Она заставила насъ сдѣлаться образованными людьми.

Въ Европѣ, только въ самыхъ теплыхъ ея краяхъ, успѣли развести финиковую пальму. Дико же растетъ въ Италиі, Сициліи и Испаніи одна *приземистая* пальма, напоминающая не ростомъ, но листьями своихъ дальнихъ сестеръ. Пальмовыхъ породъ множество.

Г Р И В Ы .

Если сравнимъ яблоню или вишню съ какимъ-нибудь изъ нашихъ обыкновенныхъ грибовъ, напр. съ рижикомъ или съ бѣлымъ грибомъ, то на первый взглядъ мы не найдемъ ничего общаго между ними. Яблоня имѣетъ корень, стволъ, листья, цвѣты, плоды и сѣмена; у рижика мы отличаемъ только округленный *пенекъ* или ножку, которая поддерживаетъ *шляпку* гриба. Зеленый цвѣтъ, столь обыкновенный растеніямъ вообще, вовсе не свойственъ грибамъ; но они отличаются довольно разнообразными и яркими цвѣтами, не смотря на то, что растутъ въ тѣни.

Вникнувъ въ устройство и жизнь яблони и гриба, мы однакожъ найдемъ то сходство между ними, что оба эти существа рождаются, питаются, растутъ, размножаются и умираютъ, но лишены произвольнаго движенія и ощущенія; слѣдовательно, оба они растенія. Но кромѣ того, сравнивъ устройство гриба съ устройствомъ яблони, найдемъ еще, что оба они состоятъ изъ крошечныхъ ячеекъ или клѣточекъ, которыя составляютъ главный матеріалъ всякаго органическаго существа; точно такъ же, какъ кирпичъ служитъ существеннымъ матеріаломъ для всѣхъ каменныхъ построекъ, не смотря на безконечно-разнообразный видъ самыхъ построекъ. Клѣ-

точки яблони и гриба, при возрастаніи этихъ растеній, безпрестанно разрождаются одна изъ другой, группируются по плану, начертанному Творцомъ, и образуютъ болѣе сложные органы, отъ которыхъ зависитъ видъ, свойство и жизнь самыхъ растеній. У яблони однѣ изъ клѣточекъ, вытягиваясь и примыкая одна къ другой, образуютъ древесныя волокна, которыя современемъ твердѣютъ и располагаются слоями, обхватывающими другъ друга: изъ такихъ слоевъ, какъ мы знаемъ, состоитъ столбъ яблони. Другія клѣточки образуютъ трубочки, называемыя сосудами, служація для содержанія и движенія соковъ. Вотъ почему яблони и подобныя ей растенія называются *сосудистыми*. Грибъ, подобно яблонѣ, состоитъ также изъ клѣточекъ, но мягкихъ и наполненныхъ слизистыми и не рѣдко ядовитыми веществами. Клѣточки у гриба никогда не образуютъ такихъ волоконъ и сосудовъ, какъ у яблони, и если изъ нихъ составляются иногда тоненькія трубочки и нити, то онѣ никогда не располагаются слоями, обхватывающими одинъ другаго, какіе мы видѣли въ отрубѣ сосны. Вотъ почему всѣ грибы и подобныя имъ по устройству растенія называются растеніями *клетчатными*.

Бѣлые грибы.

Яблоня и грибъ еще болѣе различаются способомъ размноженія. У яблони мы замѣчаемъ цвѣтки, существенную часть которыхъ составляютъ тычинки и плоднички. Изъ цвѣтовъ, послѣ оплодотворенія, образуется плодъ, служащій для храненія сѣменъ, которыя въ свою очередь служатъ хранилищами зародышей для будущихъ поколѣній. У грибовъ цвѣтовъ нѣтъ; они размножаются *крупинками*, которыя въ нѣсколько разъ меньше маковаго зернышка; въ крупинкахъ этихъ не открыто зародышей, почему онѣ, для от-

личія отъ настоящихъ сѣменъ, называются *крупинками* или *спорами*. Споры у нѣкоторыхъ грибовъ, какъ напр. рыжика или сыро-ѣшки, помѣщаются подъ шляпкою гриба, между тонкими и нѣжными пластинками или гребешками, идущими отъ вершины ножки гриба къ краямъ шляпки, на подобіе косточекъ зонтика. У бѣлыхъ грибовъ, березовиковъ, подосиновиковъ и проч., нижняя поверхность шляпки, вмѣсто пластинокъ, усѣяна маленькими дырочками, которыя суть ни что иное, какъ кончики весьма тоненькихъ перепончатыхъ трубочекъ, расположенныхъ отвѣстно и плотно примыкающихъ одна къ другой, отъ чего вся нижняя сторона гриба нѣсколько похожа на губку. Внутри этихъ трубочекъ помѣщаются крупинки, служащія для размноженія грибовъ.

По различію въ устройствѣ органовъ размноженія, яблоня, вишня и подобныя имъ цвѣтушія растенія составляютъ въ ботаникѣ отдѣлъ растений *сосудистыхъ, цвѣтковыхъ*; а грибы, лишай, мхи и проч. отдѣлъ *клетчатныхъ, безцвѣтковыхъ*.

Когда сѣмечко яблони попадетъ въ сырую и теплую землю, то послѣ нѣкотораго времени появляются изъ него два сѣменные листочка; между этими листочками образуется молоденькая почва, изъ которой впослѣдствіи разовьется стебель съ листьями, цвѣтами и плодами. Грибъ послѣ кратковременной своей жизни, весь разрушается или сгниваетъ; крупинки его, подобно сѣменамъ цвѣтковыхъ растений, попадаютъ въ землю, отчасти удобренную мякотью самаго гриба, и развиваются въ новое растеніе совершенно иначе. Сначала крупинка пускаетъ отъ себя во все стороны множество тонкихъ нитей, которыя, переплетаясь между собою, образуютъ родъ бѣловатой сѣтки, скрытой обыкновенно подъ слоемъ земли или подъ мхомъ. Нити этой сѣтки въ однихъ мѣстахъ сучиваются болѣе нежели въ другихъ, и образуютъ родъ узловъ, которые появляются надъ поверхностью земли, въ видѣ маленькихъ грибовъ. Пенёкъ и шляпка молоденькаго грибка, при его появленіи на свѣтъ, по большей части бывають покрыты одною общею перепонкою и запряганы какъ-бы въ мѣшокъ; впослѣдствіи перепонка эта разрывается, и шляпка гриба выходитъ наружу. На пенёкъ иногда можно замѣтить остатки общей разорванной обо-

лочка, которая, напримѣръ, очень ясно видна на тоненькой ножкѣ опѣнка.

Яблоня, какъ мы знаемъ, растетъ медленно, вслѣдствіе чего клѣточки ея могутъ окрѣпнуть; грибы же, напротивъ, растутъ не обыкновенно быстро, такъ что нѣкоторыя породы грибовъ въ одну ночь успѣваютъ вырасти и состарѣться. Быстрый ростъ грибовъ вошелъ даже въ пословицу. По приблизительному вычисленію натуралистовъ, при наблюденіи за ростомъ одного большаго гриба, называемаго *шантскимъ поздревикомъ*, въ одинъ часъ образуется въ немъ около двадцати тысячъ новыхъ клѣточекъ. По причинѣ такого быстраго роста, большая часть грибовъ имѣетъ ткань мягкую, нѣжную и скоро разрушающуюся, почему и жизнь ихъ такъ непродолжительна.

Кромѣ обыкновенныхъ грибовъ, употребляемыхъ въ пищу, каковы: рыжика, березовики, масленики, подосиновики, бѣлые грибы (боровики), и проч., которые имѣютъ шляпку, укрѣпленную на пенёкъ или ножкѣ, попадаютъ грибы весьма разнообразныя по наружному виду, величинѣ и другимъ свойствамъ. Есть грибы шаровидные, величиною съ человѣческую голову, прикрѣпленные къ землѣ коротенькою ножкою, толщиною въ гусиное перо; таковъ, напримѣръ, *шантскій поздревикъ*. Есть грибы микроскопическіе, т. е. такіе, которые едва замѣтны простымъ глазомъ, и могутъ быть хорошо рассмотрѣны только посредствомъ увеличительнаго стекла или микроскопа. Семейство грибовъ очень обширно: число грибныхъ породъ, извѣстныхъ до-сихъ-поръ, простирается до нѣсколькихъ тысячъ. Одни изъ грибовъ употребляются въ пищу, другіе ядовиты: каковъ, наприм., мухоморъ.

Большая часть грибовъ *чужелдны*, т. е. живутъ на другихъ растеніяхъ и питаются ихъ соками; таковъ, напримѣръ, грибъ *трутникъ*, который нерѣдко можно видѣть на корѣ старыхъ деревьевъ и въ особенности березъ; этотъ жесткій, деревянистый грибъ имѣетъ видъ конскаго кобыта; его употребляютъ на выдѣлку трута для огнивъ. Плѣсень, которая такъ часто появляется на гниющихъ плодахъ, залежавшемся хлѣбѣ, чернилахъ, гнилыхъ щепкахъ, бревнахъ и на стѣнахъ въ сырыхъ погребахъ, причисляютъ также къ семейству грибовъ. Плѣсень можно легко произвести въ комнатѣ:

стоитъ только густо вареный крахмалъ оставить на нѣсколько дней въ покоѣ; на вторые или третьи сутки замѣтимъ уже на поверхности крахмала бѣловатую, бархатистую плѣсень въ видѣ небольшихъ островковъ и пятенъ. Каждый такой островокъ представляетъ цѣлый лѣсъ, состоящій изъ маленькихъ грибокъ особенной формы. Если посмотрѣть на плѣсень въ увеличительное стекло, то можно замѣтить, что каждый грибокъ ея состоитъ изъ тоненькой нити или ножки, оканчивающейся къ верху крошечнымъ пузырькомъ, въ которомъ содержатся крупинки, для размноженія. Безсомнѣнія, нѣсколько такихъ крупинокъ, плававшихъ въ воздухѣ, попало на поверхность крахмала и, найдя тамъ всѣ благоприятныя условія для дальнѣйшаго развитія, произвело новую семью едва замѣтныхъ грибокъ. Были примѣры, что микроскопическія крупинки чужеродныхъ грибовъ попадали въ легкія нѣкоторыхъ водныхъ птицъ и развивались въ плѣсень на внутренней поверхности легочныхъ пузырьковъ. Чужеродные микроскопическіе грибки чернаго цвѣта, въ теплое и дождливое лѣто, покрываютъ колосья ржи и овса, какъ-бы сажею; грибки эти, поглощая растительные соки, совершенно приостанавливаютъ ростъ сѣменъ. Микроскопическіе чужеродные грибы очень часто появляются также въ видѣ пятенъ и порошокватаго налета на листьяхъ и вѣткахъ многихъ растений и не рѣдко въ такомъ огромномъ количествѣ, что убиваютъ дерево, истощая его соки.

Классификація растений.

Давно уже люди стали считать, сколько есть на свѣтѣ различныхъ *видовъ* растений: насчитали до 200 тысячъ—и не сочли всѣхъ. Трудно было бы найтись и ученому человѣку въ такомъ множествѣ растений, если бы онъ не постарался привести ихъ въ порядокъ и, подмѣчая сходные между ними признаки, не раздѣлилъ всего растительнаго *царства* такъ же, какъ раздѣлилъ царство животное, на отдѣлы, классы, семейства, роды и виды. Мы рассмотрѣли съ вами очень немного растений; но и тѣ перезабудемъ скоро, если не приведемъ ихъ въ порядокъ: не раздѣлимъ на роды и виды, какъ сдѣлали это съ животными.

Мы замѣтили уже, что въ сѣменахъ однихъ растений лежитъ зародышъ съ двумя *зародышевыми* листиками или *долями*, а въ другихъ—сѣмена только съ *одною сѣмянною* долею. (У какихъ съ двумя? У какихъ съ одною?). Вотъ у насъ и готовы два большіе отдѣла растений: 1) *отдѣлъ* растений *однодольныхъ* и 2) *отдѣлъ* растений *двудольныхъ*.

Въ *отдѣлѣ двудольныхъ* мы узнали нѣсколько растений, принадлежащихъ къ различнымъ *семействамъ*.

Всѣ сорта яблонь и грушъ, (различныхъ сортовъ этихъ плодовыхъ деревьевъ садовники насчитываютъ до 2 т.) составляютъ особое семейство—*яблочное*. Къ этому семейству относятъ ботаники и знакомую намъ рябину, по устройству ея цвѣтка и плода.

Различные виды клена составляютъ *кленовое* семейство. Въ Америкѣ растетъ кленъ, изъ сока котораго готовятъ сахаръ.

Вкусная вишня принадлежитъ также къ особому и къ очень вкусному семейству. Она, по своему цвѣтку и плоду съ косточкою, сродни черешнѣ, сливѣ, персику, абрикосу, черемухѣ и миндалю. У миндаля ѣдятъ, какъ вы знаете, только зернышко въ косточкѣ, которую покрываетъ твердая и невкусная кожа. Эту семью *костянковыхъ* растений Богъ создалъ, видно, для дѣтей.

Земляника принадлежитъ также къ очень пріятной семьѣ; она въ родствѣ съ клубникой, малиной, ежевикой, костяникой, куманикой, моршккой, шиповникомъ и розою. Не правда-ли, какое вкусное и душистое семейство? Зовутъ его семействомъ *розоцвѣтныхъ* растений.

Мы уже знаемъ, что береза, ольха, дубъ, букъ, орѣхъ и каштанъ принадлежатъ, по устройству своихъ цвѣтковъ, къ семейству *сережчатыхъ* растений; а по распоряженію своихъ сережекъ, *плодниковыхъ* и *тычиновыхъ*, на одномъ деревѣ, къ растениямъ *однодомнымъ*. Ива, осина, тополь и осокорь тоже *сережчатая* растенія; но живутъ *на два дома*.

Сложный цвѣтокъ одуванчика причисляетъ его къ обширному семейству *сложноцвѣтныхъ* растений, въ которомъ ботаники насчитываютъ до 9 т. видовъ. Такіе же сложные цвѣты у синяго василька, у красивой георгины, маргаритки, бархатки, астры и другихъ хорошенькихъ растений, украшающихъ наши цвѣточныя

клубы. Выдергивая вкусныя сѣмьчки изъ огромнаго донца подсолнечника, вы вѣроятно, и сами замѣтите, что подсолнечникъ, должно быть, тоже сложноцвѣтное растеніе. Къ этой же семьѣ принадлежатъ употребляемые въ лекарствахъ: ромашка, тысячелистникъ, мать-и-мачиха, горькая полынь и колючій репейникъ. Тоже, какъ видите, семейство очень красивое и полезное.

Мы упомянули еще о бобахъ, горохѣ и клеверѣ и замѣтили, что у всѣхъ этихъ растеній красивые цвѣточки похожи на мотыльковъ. Къ *мотыльковому* семейству относится также фасоль и кормовыя травы: мышиный горошекъ и люцерна съ фиолетовыми цвѣточками.

Семействъ *двудольныхъ* растеній еще очень много; но вы познакомитесь съ другими, когда будете учиться ботаникѣ.

Въ отдѣлѣ *однодольныхъ* растеній мы замѣтили только три семейства: семейство *лилейныхъ*, семейство *злаковъ* и семейство *пальмовое*. Къ семейству *лилейныхъ* относится душистая лилія и вонючій лукъ, пестрый тюльпанъ и вкусная спаржа. Семейство *злаковъ* и семейство *пальмъ* вы еще, конечно, не успѣли забыть.

Въ *третьей* отдѣлѣ растеній ботаники помѣщаютъ такія растенія, у которыхъ сѣмена не заключаются въ завязи, какъ у яблоки и вишни, а лежатъ голыя, какъ напр. сѣмена сосны или ели лежатъ за чешуйками своей шишки. Въ этомъ третьемъ отдѣлѣ *голосѣмянныхъ* растеній мы узнали только одно семейство, *хвойныхъ*, куда относятся: сосна, ель, сибирскій кедръ, кипарисъ и можжевельникъ.

Во всѣхъ этихъ трехъ отдѣлахъ растеній есть одинъ общій признакъ: всѣ эти растенія *цѣлуютъ*. Но есть и такія растенія, которыя никогда не цвѣтутъ и размножаются не сѣменами, а маленькими крупинками—*спорами*. Изъ такихъ нецвѣтущихъ *споровыхъ* растеній больше другихъ намъ знакомы *папоротники*, *грибы* и *мхи*.

Напрасно бы вы, послушавшись народнаго повѣрья, пошли въ лѣсъ, ночью подъ Ивановъ день, дожидаться, когда разцвѣтетъ *папоротникъ*. Видно, нашъ умный народъ замѣтилъ, что папоротникъ никогда не цвѣтетъ и пошутить надъ легковѣрными людьми, желавшими разбогатѣть сразу, безъ всякаго труда. Вы легко

найдете въ лѣсу кустъ *папоротника*; сорвите же его *перистый* листокъ и посмотрите на обратную его сторону. Тамъ вы увидите правильные ряды маленькихъ бугорковъ: вотъ въ этихъ-то бугоркахъ и находятся тѣ мелкія крупинки—*споры*, которыми размножается папоротникъ.

Грибы принадлежатъ также къ числу споровыхъ растеній; споры скрываются у нихъ въ шляпкахъ.

Мховъ очень много породъ. Они любятъ тѣнь, растутъ большими обществами и такъ одѣвуть иной камень въ лѣсу, что превращаютъ его въ мягкій диванъ.

Къ породѣ *споровыхъ* растеній относятся еще, между прочимъ, *водоросли*, часто покрывающія зелень наши пруды и каналы, и твердые *хвощи*, которыми кухарки чистятъ посуду.

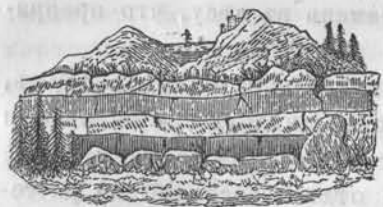
Итакъ, мы узнали съ вами четыре отдѣла растеній: 1) растенія *двудольныя* 2) *однодольныя*, 3) *голосѣмянныя* и 4) *споровыя*. Расскажите же теперь, какія вы знаете семейства въ каждомъ отдѣлѣ и какія растенія въ каждомъ семействѣ?

Грифельная доска.

Многія произведенія изъ царства минераловъ играли важную роль въ жизни человѣка. Справедливо восхваляютъ каменный уголь, приводящій въ движеніе многія тысячи паровыхъ машинъ; справедливо славится и желѣзо, безъ котораго человѣкъ остался бы дикаремъ; драгоценныя каменья, украшающіе короны и скипетры, не разъ были прославляемы въ стихахъ и въ прозѣ: на скромный шиферъ не многіе обратили вниманіе. Однако же, не смотря на свой незамѣчательный матовый черный цвѣтъ, шиферная или, что все-равно, грифельная доска, не мало способствуетъ къ образованію людей, а мы съ вами такъ много ей обязаны, что изъ благодарности должны узнать ея исторію.

Вотъ тропинка, ведущая въ горы по берегу ручья. Замѣьте, какъ темна въ немъ вода; это отъ того, что ручей сбѣжитъ по

руслу изъ чернаго шифернаго камня. Но вотъ и горы: мы слышимъ уже стукъ молотовъ, шумъ падающихъ каменевъ и голоса людей. Еще нѣсколько шаговъ—и каменоломня передъ нами. Отвѣсный обрывъ горы, какъ гигантская книга, состоитъ весь изъ черныхъ слоевъ шифера, наложенныхъ одинъ на другой; наверху немножко земли, въ которой расплзлись во все стороны корни громадныхъ, вѣковыхъ сосенъ.

Ломка шифера.

Отламывая большіе куски шифернаго камня, работники складываютъ его на телѣгу и везутъ въ ближайшую деревню. Тамъ одни разрѣзываютъ его на мелкіе куски и выкабливаютъ изъ нихъ доски; а другіе постоянно смачиваютъ твердую поверхность шифера водою и сглаживаютъ ее пескомъ. Наконецъ, угольнымъ порошкомъ и масломъ даютъ шиферу ту глянцовитость и политуру, которая дѣлаетъ его годнымъ для употребленія въ школахъ. Обдѣлать эти доски въ деревянные рамки, конечно, уже не трудно.

Разсказать, какъ дѣлается шиферная доска, было намъ довольно легко; но какъ сдѣлалась гора изъ шифера? Этого никто на вѣрное не знаетъ, хотя есть много предположеній, основывающихся на самомъ составѣ шифернаго камня. Главнымъ образомъ онъ состоитъ изъ глины, тѣсно соединенной съ небольшимъ количествомъ кремня, и желѣзной охры и угля, отъ котораго зависитъ черный цвѣтъ шифера. Вы вѣроятно замѣтили, что иногда грифель проводитъ на доскѣ красную черточку: это признакъ, что въ этомъ мѣстѣ попалось побольше желѣзной охры; когда же грифель вдругъ зарѣжетъ доску, то виноватъ въ этомъ кусочекъ кремня; но почти всегда эти составныя части шифера такъ тонко раздроблены, такъ плотно соединены между собою, что ихъ трудно разсмотрѣть не только простыми глазами, но даже въ микроскопъ; только ученый химикъ можетъ розыскать составныя части шифера, раздѣлить ихъ и даже взвѣсить.

Расположеніе шифера въ горахъ правильными слоями повело къ тому предположенію, что онъ образовался въ то отдаленное

время, когда земля еще была покрыта водою. Волны океана, размывая глинистыя и кремнистыя скалы, превращали ихъ въ илъ, и этотъ илъ осаживался слоями гдѣ нибудь въ спокойной бухтѣ: допотопныя морскія растенія, въ которыхъ было также много угля, какъ и теперь въ каждомъ растеніи, дали, по всей вѣроятности, угольные частицы, а желѣзо и другія составныя частицы шифера были принесены водою. Такимъ образомъ изъ осаждающагося ила образовались мало-по-малу слоистыя массы шифера. Когда же потомъ, дѣйствіемъ подземнаго огня, эти слоистыя массы были выдвинуты наверхъ воды и образовали горы, тогда и шиферъ затвердѣлъ и сдѣлался такимъ, какимъ его теперь находятъ. Если же мы не видимъ въ немъ остатковъ прежнихъ морскихъ растеній, какъ въ другихъ слоистыхъ породахъ камней, происшедшихъ отъ осадка въ водѣ, то это можетъ быть потому, что подземный огонь, дѣйствуя на шиферъ, превратилъ растенія въ уголь, и въ то же время помогъ соединиться тѣснѣе всеѣмъ составнымъ частямъ камня.

Гранитный валуиъ.

Вотъ самый обыкновенный гранитный булыжникъ, какихъ много валяется по полямъ; камни эти вовсе не рѣдкость, а между тѣмъ каждый изъ нихъ могъ бы разсказать намъ очень любопытную исторію, если бы умѣлъ говорить.

Разсмотримъ сначала, изъ чего онъ состоитъ. Онъ не похожъ на шиферъ нашей грифельной доски не только по цвѣту, но и по составу. Въ булыжникѣ вы не видите такихъ слоевъ, какъ въ шиферѣ: напротивъ, онъ какъ-будто весь слѣпленъ изъ маленькихъ кусочковъ различныхъ по цвѣту камней, крѣпко сплавленныхъ между собою. Каждый изъ этихъ кусочковъ, дѣйствительно, есть особенный камешекъ. Вотъ красное пятнышко—это *полевой шпатъ*, который встрѣчается во многихъ мѣстахъ отдѣльными громадными камнями; вотъ бѣлое, стекловидное зернышко—это кусочикъ кремня; а вотъ и свѣтлая блестя—это слюда, которую также находимъ отдѣльными, довольно большими, кусками.

Но какъ же эти различные камни соединились въ такую плот-

ную массу? Этого также хорошенько никто не знает; но видно только, что тутъ работалъ страшно-сильный огонь, плавившій камни, которыхъ мы теперь расплавить не можемъ. Геологи, ученые люди, занимающіеся изысканіемъ, изъ чего и какъ составлена наша земля, предполагаютъ, что страшный огонь и теперь горитъ внутри земнаго шара, и что въ прежнее время этотъ огонь былъ еще сильнѣе, и, прорываясь наружу, выдвигалъ наверхъ такіе сплавленные имъ камни.

Если вы размѣшаете кусокъ глины и горсть песку въ стаканъ съ водою и дадите смѣси спокойно осѣсть на дно, то замѣтите, что глина и песокъ лягутъ слоями, какими легъ и шиферъ, изъ которыхъ сдѣлана ваша доска, но которыхъ въ гранитѣ нѣтъ. Вотъ почему геологи полагаютъ, что одни изъ камней произошли силою воды, а другіе, въ которыхъ слоевъ незамѣтно, силою огня. Гранитъ произошелъ силою огня, и потому называется *огненною* породою.

Но какъ же попалъ этотъ кусокъ гранита на наше поле? Не могъ же онъ выростъ здѣсь, а въ землѣ нѣтъ нигдѣ дыры, откуда онъ могъ бы выскочить. Нѣтъ, родина его не здѣсь, а далеко на сѣверѣ, въ Финляндіи или, можетъ быть, даже въ Швеціи. Тамъ есть цѣлыя гранитныя горы, основанія которыхъ вѣроятно идутъ глубоко въ землю, и тамъ, дѣйствительно, подземный огонь могъ выдвинуть наружу гранитныя горы и скалы. Раскаленные, расплавленные вышли онѣ оттуда, и потомъ, мало-по-малу, застыли на воздухѣ. Съ изумленіемъ смотритъ теперь человекъ на эти громадныя гранитныя горы, застывшія въ самыхъ прихотливыхъ формахъ: то въ видѣ зубцовъ каменной крѣпости, то куполами, то остроконечными башнями.

Отъ этихъ-то скалъ оторваны и тѣ куски гранита, которые валяются по нашимъ полямъ и которыми мы мостимъ наши улицы. Стоитъ взглянуть на составъ этого булыжника, чтобы узнать, что онъ былъ когда-то частью скалы, и теперь стоящей гдѣ-нибудь въ Скандинавіи или Финляндіи. Но какъ же онъ попалъ сюда, за тысячу верстъ! Конечно, никто не привезъ на лошадяхъ этихъ безчисленныхъ гранитныхъ камней и не разсыпалъ ихъ по нашимъ полямъ на зло земледѣльцу, которому они мѣшаютъ пахать

землю. Да многіе изъ этихъ камней и слишкомъ велики для того, чтобы ихъ можно было привести для шутки. Скала, на которой стоитъ статуя Петра Великаго, вся высѣчена изъ одного такого камня, найденнаго недалеко отъ Петербурга: такіе камешки возить для шутки неудобно!

Но какъ же, наконецъ, попалъ сюда нашъ камень? Должна же быть причина, передвинувшая его за сотни верстъ, потому что самъ онъ не одаренъ способностью произвольнаго движенія? Спросимъ опять у геолога, и геологъ, рассказавъ намъ исторію происхожденія нашего камня, расскажетъ намъ о его путешествіи.

Нѣкогда, говоритъ геологъ, этотъ камень составлялъ часть скандинавской прибрежной гранитной скалы, у подошвы которой шумѣли бурныя волны; морскія птицы вили въ этой скалѣ свои гнѣзда, а морскія животныя приплывали отдыхать у ея подошвы. Зима смѣнялась лѣтомъ, лѣто зимою, скала казалась все одною и тою же угрюмою, незыблемою скалою; но между тѣмъ и съ нею, какъ и со всѣмъ въ мірѣ, совершались перемѣны. Пословица не даромъ говоритъ, что вода, падая капля за каплей, точитъ камень. Много такихъ капель падало на нашу скалу, и мало-по-малу показались въ ней сначала едва замѣтныя трещины; въ эти трещины проникали новыя капли и углубляли ихъ все больше и больше. Зимою, когда эти капли, прокравшіяся въ гранитъ, замерзали, то, тѣмъ самымъ, раздвигали все дальше и дальше его частицы. Наполните бутылку водою и выставьте ее на морозъ: когда вода превратится въ ледъ, бутылка лопнетъ.

Вѣтеръ и солнце помогали водѣ и холоду, и вотъ нашъ камень, въ одно прекрасное утро, со множествомъ подобныхъ ему камней, захотѣлъ путешествовать — рухнулъ со скалы и повалился внизъ въ море; а тамъ уже ждалъ его отличный экипажъ — громадная ледяная глыба, стоявшая у подошвы горы. Долго ли, коротко ли стояла эта глыба, но мало-по-малу она набрала много молчаливыхъ пассажировъ и ей пора было бы уже отправляться въ путь, да то бѣда, что она очень плотно примерзла къ берегу. Однако же солнце и вѣтеръ дружными усиліями помогаютъ льдинѣ сняться съ якоря и пуститься странствовать по міру, куда глаза глядятъ, или,

лучше сказать, куда гонить ее вѣтеръ. «Прощай на вѣки родина!» могли бы сказать камня, если бы у нихъ былъ языкъ.

Море въ тѣ отдаленныя времена занимало гораздо болѣе мѣста, чѣмъ теперь: только высокія, гористыя страны выглядывали изъ подъ него, а наша низменная, ровная матушка-Россія вся еще пряталась подъ водою, по которой очень удобно было странствовать ледянымъ глыбамъ.

Вотъ глыба, гонимая сѣвернымъ вѣтромъ, все подвигалась къ югу; а на югѣ, какъ вы знаете, солнце грѣетъ больше, и припекало глыбу, которая пустилась въ путь, позабывъ, что она ледяная. Глыба все движется дальше и дальше, а солнце печетъ и топитъ ее все больше и больше; становится наконецъ глыбѣ не въ терпѣть, и вотъ она роняетъ сначала одинъ камень, за нимъ другой, — и растеряла всѣхъ своихъ пассажировъ по лицу будущей Россіи: «лежите, молъ, тутъ, голубчики, до окончанія вѣка;» а наконецъ и сама вся растаяла.

Но не улежали камни на своихъ мѣстахъ. Пришелъ человѣкъ и принялся за нихъ: тамъ ему понадобилось расчистить поле, и онъ свезъ камни въ кучу, а которые были побольше, то сначала изорвалъ ихъ порохомъ на куски; въ другомъ мѣстѣ понадобилось ему строить фундаментъ для дома; тамъ ограду изъ камней, а тамъ сложить изъ нихъ и цѣлую избу; тамъ вымостить мостовыя, выстроить плотину или мостъ. Но когда дѣло дошло до постройки шоссе, то тутъ сѣвернымъ гостямъ пришлось уже очень плохо. Тщательно разыскивали ихъ въ лѣсахъ и въ болотахъ, гдѣ они, никого не трогая, лежали тысячи лѣтъ и обросли мягкимъ мохомъ; отыскали, свезли въ кучи, и тысячи молотковъ принялись усердно колотить твердые камни на мелкіе кусочки и выкладывать ими крѣпкое шоссе. Казалось бы, что при желѣзныхъ дорогахъ могли и отдохнуть камни, но не тутъ-то было: нужно, чтобы дорога не раскачивалась подъ сильной, тяжелой машиною; опять бьютъ камень въ куски, въ щебенку, какъ говорятъ, и кладутъ его между рельсовъ, чтобы дорога была тяжелѣе и не качалась, когда по ней полетитъ тысячепудовая машина.

Такъ заботился Всемогушій Господь о человѣкѣ, когда еще человѣка не было на землѣ, и повелѣлъ стихіямъ—водѣ, вѣтру

и огню, приготовить камень для шоссе и желѣзныхъ дорогъ, хотя долго еще послѣ этого человѣкъ не имѣлъ понятія ни о шоссе, ни о желѣзныхъ дорогахъ и таскался пѣшкомъ, не зная даже, что можно осѣдлатъ лошадь. Но Всевидяшій Творецъ подарилъ человѣку умъ и зналъ, что этотъ подарокъ не пропадетъ даромъ.

Вотъ что расскажетъ намъ молчаливый булыжникъ, если мы съумѣемъ заставить его заговорить: и еслибы люди забыли Бога, то самые камни могли бы повѣдать имъ Его славу и Его любовь къ человѣку.

ИЗВЕСТЬ.

Отецъ давно показалъ дѣтямъ, какъ добываютъ и обжигаютъ известь, и наконецъ повелъ ихъ за городъ, гдѣ, въ крутомъ и высокомъ берегѣ рѣки, множество работниковъ ломали известковый камень, разбивали его на мелкіе куски и складывали въ телѣги.

«Теперь вы видѣли, откуда добывается известковый камень; но этого мало, сказалъ дѣтямъ отецъ: пойдѣмъ за телѣгами и посмотримъ, куда это везутъ известковый камень и что съ нимъ дѣлаютъ.»

Телѣги, проѣхавъ нѣсколько десятковъ сажень, остановились у громадной печи.

—«Въ этой печи обжигаютъ известь, сказалъ отецъ: въ нее, какъ вы видите, кладутъ известковые камни такъ, чтобы между ними оставались пустоты, въ которыя могло бы свободно проходить пламя. Внизу разводятъ сильный огонь и поддерживаютъ его нѣсколько дней сряду. Пламя, проникая между камнями, раскаляетъ ихъ до того, что изъ нихъ въ видѣ пара выходитъ вся находившаяся въ нихъ вода, а вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ особенное вещество, такое же прозрачное, невидимое и легкое, какъ воздухъ, но только не воздухъ: это вещество называется *углекислымъ газомъ* или просто *угльной кислотой*. Когда вся вода испарится и вся угльная кислота улетитъ, тогда гасятъ огонь и вынимаютъ изъ печи известь, которая получила новое удивительное свойство. До-

троньтесь влажною рукою или губами до куска обожженной извести, и вы почувствуете жгучую боль. Это происходит отъ того, что известь съ необыкновенною жадностью потянетъ въ себя влагу, которою покрыта ваша рука или ваши губы.»

Отецъ взялъ кусокъ обожженной извести и, положивъ на землю, сталъ на него лить по немногу воду: вода кипѣла и испарялась, какъ будто бы ее лили на горячую плиту; и кусокъ извести, бывшій до того холоднымъ, сильно разгорячился, и наконецъ рассыпался въ мелкій порошокъ.

«Это значитъ гасить известь,» сказалъ отецъ дѣтямъ. «Возьмите этотъ порошокъ въ руки: вы чувствуете, что онъ совершенно сухъ, хотя въ немъ довольно много воды. Если на три фута выжженной извести налить фунтъ воды, то мы получимъ четыре фунта такого бѣлаго порошка; слѣдовательно, въ этомъ сухомъ порошокѣ находится фунтъ воды, хотя ее совершенно не замѣтно. Такое соединеніе двухъ тѣлъ, при которомъ они образуютъ одно новое, называется *химическимъ соединеніемъ*; а стремленіе одного тѣла соединиться съ другимъ называется *химическимъ сродствомъ*. Негашеная известь и вода имѣютъ между собою химическое сродство. Большая часть тѣлъ—сложныя тѣла, и состоятъ изъ двухъ или нѣсколькихъ *простыхъ тѣлъ*, т. е. такихъ, которыхъ уже не могли *разложить* на какія нибудь другія тѣла. Вы знаете уже нѣсколько простыхъ тѣлъ: золото, желѣзо, ртуть, мѣдь, уголь; но дерево, вода, соль и многія другія тѣла суть сложные. Наука, которая показываетъ, изъ какихъ простыхъ тѣлъ и какъ сложены всѣ тѣла, называется *химіей*, а люди, занимающіеся ею—*химиками*.

Замѣтивъ въ негашенной извести сильное сродство къ водѣ, люди пользуются этимъ свойствомъ, чтобы извлекать воду отвсюду, гдѣ ей не слѣдуетъ быть; такъ, напримѣръ: если нужно очистить спиртъ отъ воды, то кладутъ въ ведро со спиртомъ нѣсколько кусковъ негашенной извести, и хотя вода дружна со спиртомъ и раздѣлить ихъ трудно; но съ известью она еще дружнѣе; а потому она оставляетъ спиртъ и соединяется съ известью. Если оставить обожженую известь на воздухѣ, то она скоро потеряетъ свое острое, жгучее свойство, потому что въ воздухѣ всегда есть пары воды, съ которыми известь соединяется. Вотъ почему—ког-

да хотятъ сохранить известь негашенною, то складываютъ и закрываютъ ее такъ, чтобы къ ней не прикасался воздухъ. Я также сказалъ вамъ, что огонь выгналъ изъ известоваго камня газообразное, похожее на воздухъ вещество, называемое угольною кислотою. Въ воздухѣ всегда довольно угольной кислоты, и потому, если известь долго оставлять на воздухѣ, то она химически соединится съ угольною кислотою и превратится въ мѣлъ.

Мѣлъ есть не что иное, какъ химическое соединеніе извести и угольной кислоты, или, какъ говорятъ химики, *углекислая известь*. При быстромъ гашеніи извести, когда на нее льютъ много воды, изъ нея образуется тѣсто, которое каменщики употребляютъ какъ цементъ для того, чтобы связывать кирпичи, изъ которыхъ строятся дома. Но кирпичъ съ кирпичемъ и песокъ съ известью соединяются *не химически, а механически*. Механическимъ это соединеніе называется потому, что въ немъ каждая песчинка остается песчинкою, и каждый кусочекъ извести—известью; тогда какъ изъ воды и обожженной извести составляется новое тѣло, равно какъ изъ извести и угольной кислоты; а угольная кислота и вода исчезаютъ такъ, что ихъ можно выдѣлать только посредствомъ сильнаго огня.

Ручей.

Много я слышалъ уже о журчащихъ ручьяхъ, но никто мнѣ еще не говорилъ, что такое они журчатъ. Вотъ свѣтлый источникъ, пробивающійся изъ подъ большаго камня: усядусь-ка возлѣ него и послушаю, что такое онъ болтаетъ. Безчисленныя маленькія волны, перегоняя другъ друга и журча, пробиваются между камнями и пескомъ, подымая и крутя его бѣлые зернышки.

— Послушайте-ка вы, маленькія рѣзвыя волны, расскажите мнѣ: зачѣмъ вы такъ торопитесь, куда и откуда бѣжите, почему такъ суетливо толкаете другъ друга?

— О, залепетали волны: насъ много и очень много; тамъ, въ горѣ, насъ еще столько, что и счесть не возможно; мы всѣ хотимъ выйти на Божій свѣтъ, а ворота узки; вотъ почему мы такъ

толкаемъ другъ друга, какъ школьники, когда учитель скажетъ имъ: классъ конченъ!

— Гдѣ же вы были до сихъ поръ и что вы дѣлали? Не сидѣли ли вы въ горѣ съ того самаго дня, какъ голубь принесъ Ною масличную вѣтвь, какъ знакъ, что воды снова скрылись въ землю.

— О нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ,—залецетали волны, перебивая другъ друга, и каждая изъ нихъ такъ спѣшила рассказать свою исторію, что я не могъ разобрать ни слова. Я наклонился къ источнику, зачерпнулъ горсть чистой, холодной воды и, пропуская ее сквозь пальцы каплю за каплей, выслушивалъ ихъ по одиночкѣ. Какія дивныя исторійки онѣ поразсказали мнѣ!

— Мы, сказали мнѣ двѣ капли, были снѣжинками въ прошедшую зиму и, лежа тамъ на горѣ, весело сверкали на солнцѣ, пока оно весною не растопило насъ.

— Мы были двумя градинками, залецетали другія капли, и увя, грѣшили: положили на землю тяжелый колосъ. А мы были двумя росинками и напоили жаждущій ландышъ, сказали двѣ новыя капли. Мы носили корабли на морѣ; мы утолили жажду жаждущаго и спасли ему жизнь; мы вертѣли мельничное колесо; насъ вспѣнивалъ пароходъ; мы были сладкимъ сокомъ въ вишняхъ; мы—вкуснымъ виномъ; мы—лекарствомъ; мы—ядомъ; мы—молокомъ, звенѣли одна за другою прозрачныя капли, скатываясь, какъ перлы съ моихъ пальцевъ.

Одна свѣтлая капелька повисла у меня на пальцѣ: я была когда-то слезою, прошептала она; я—каплею пота, сказала вѣдѣ за ней другая, падая на землю; а я уже была въ твоёмъ сердцѣ, прозвенѣла третья,—была теплой капелькой крови, а потомъ, когда тыдохнулъ, я вылетѣла паромъ и понеслась къ облакамъ.

Я видѣлъ, что этимъ исторіямъ конца не будетъ и страхнулъ обратно въ рѣку остальные капли, не слушая ихъ болтовни.

Мнѣ хотѣлось пристыдить хвастливый ручей, и я сказалъ ему: расскажи-ка лучше, что ты видѣлъ новаго въ своей горѣ? Чему тамъ быть новому? думалъ я про себя: камни лежатъ неподвижно отъ созданія міра, и будутъ лежать тамъ вѣчно, развѣ человекъ вы-

копаетъ ихъ и постройтъ изъ нихъ дома. Но какъ же удивился я, когда ручей сталъ мнѣ говорить самыя диковинныя вещи!

— Каждая капелька, говорилъ онъ, побывши дождемъ или снѣгомъ, градомъ или росою, проникаетъ въ землю и работаетъ въ ней изо всѣхъ силъ, не хуже вашихъ рудокоповъ: роетъ для себя самыя затѣйливыя ходы и переходы. Если тебѣ въ дѣтствѣ разсказывали сказки о подземныхъ горныхъ духахъ и карлахъ, которые будто бы живутъ внутри горъ и охраняютъ тамъ металлы и камни, прилежно работая надъ ними день и ночь, то знай, что эти карлы и эти духи—мы маленькія капли воды. Мы кажемся тебѣ малы и безсильны; но ты видишь, какъ насъ много, и вѣрно слыхалъ, что капля, падая за каплей, пробиваетъ и твердый камень. Пробѣгая между каменными слоями горъ, каждая изъ насъ уноситъ непримѣтную для твоихъ глазъ частичку той или другой каменной породы. Но скоро тяжелая ноша становится не подъ силу маленькой каплѣ, и она оставляетъ свой кусочекъ камня или металла гдѣ-нибудь совсѣмъ въ другомъ мѣстѣ. Такъ строимъ мы изъ известки и гипса блестящія красивыя кристаллы. Также мы заносимъ съ собою то красный кусочекъ желѣзной охры, то зеленый и голубой кусочекъ мѣднаго купороса, и раскрашиваемъ ими другіе каменья. Иногда доберутся капли воды внутри горы до большой, просторной пещеры... О, да и пещеру-то эту сдѣлали мы же! Она прежде вся была набита солью; но миллионы водяныхъ капель выпили эту соль и унесли ее куда нибудь въ другое мѣсто, можетъ быть, въ море, гдѣ вода, какъ ты знаешь, такая соленая. Въ такой пещерѣ намъ привольно работать: звучно падаемъ мы съ потолка и, оставляя на немъ приносимые нами кусочки камня, строимъ самыя диковинныя вещи, похожія на наши церкви и башни. Ты видѣлъ, вѣроятно, какъ зимою, растаивая на солнцѣ и стекая съ крыши, превращаемся мы отъ холода въ длинныя, прозрачныя сосульки. Наша подземная работа немножко похожа на эту; только тамъ мы работаемъ сосульки не изъ воды, а изъ известки (сталактиты); сами же уходимъ дальше. На днѣ пещеръ собираются капли въ подземныя озера; потомъ выбѣгаютъ оттуда въ разсѣлины скалъ, и прыгаютъ шумными водопадами со скалы на скалу. Къ намъ прибѣгаетъ иногда на-

Пещера.

питься горная саламандра, небольшое длинное животное, блѣдное и слѣпое: вамъ скучно въ этихъ пещерахъ безъ солнца, а оно боится, какъ смерти, солнечныхъ лучей. Если на дорогѣ попадетъ на горѣ кусокъ дерева, мы начнемъ хлопотать изъ всѣхъ силъ: каждую клеточку наполнимъ кремнемъ, или известкой; древесину же разломаемъ и унесемъ прочь, словомъ, сдѣлаемъ то, что вы называете окаменѣлымъ деревомъ, но называете совершенно несправедливо, потому что тамъ дерева нѣтъ ни крошки, а все одинъ чистый камень: отъ дерева осталась одна только форма. И сколько намъ было хлопотъ, чтобы выдѣлать изъ камня каждую жилку, каждую ячейку! То же же самое дѣлаемъ мы съ раковинами, если онѣ намъ попадутся, и любимъ подражать ихъ формамъ. Раковины тоже сдѣланы изъ известки какимъ нибудь животнымъ, которое строило себѣ домики за многія тысячи лѣтъ до васъ; но намъ эта известка нужна, и мы ее всю разстащимъ, а на память о бывшемъ животномъ и его домикѣ, выстроимъ этотъ домики изъ другихъ матеріаловъ.

Въ это самое время набѣжала новая волна и начала мнѣ раз-

сказывать другую исторію: она говорила, какъ водяныя капли мало по малу подрыли цѣлую гору въ Швейцаріи, такъ что она со всѣми своими тяжелыми камнями, съ землею, покрывавшею эти камни, и съ деревьями, которые росли на землѣ, рухнула въ долину и засынала четыре деревни съ людьми и животными. Но я перервалъ печальный рассказъ и сказалъ волнамъ, что не люблю слушать о дѣлахъ разрушенія и гибели.

— Расскажи-ка мнѣ лучше, спросилъ я снова у ручья, что-нибудь другое. Если твои капли внутри горы такъ много ѣдятъ и пьютъ, такъ много разрушаютъ и строятъ, то нѣтъ сомнѣнія, что и твоя свѣтлая вода, сквозь которую я такъ ясно вижу и маленькій камешекъ и крошечную блестящую рыбку, совсѣмъ не такъ чиста, какъ кажется съ виду?

— Легко, очень легко можетъ случиться, отвѣчалъ ручей, что тотъ или другой изъ моихъ маленькихъ работниковъ унесъ съ собою то тотъ, то другой матеріалъ.

— Но какіе же матеріалы, куда и зачѣмъ несутъ твои хлопотливые работники? спросилъ я у ручья.

— Мы несемъ известку, отвѣчали однѣ капельки, насъ уже давно ждуть милліоны маленькихъ морскихъ животныхъ, улитокъ, полиповъ, морскихъ звѣздъ, которымъ нужно строить себѣ жилища и грѣпкіе кораллы, а для коралловъ нужно много известки, потому что изъ нихъ дѣлаются цѣлые острова въ океанѣ.

— Мы несемъ кремнеземъ, пролепетали другія капли: множество инфузорій и растений ждуть насъ давно; даже травка на берегу и та проситъ, чтобы мы дали ей частичку. — Мы несемъ воздухъ въ маленькихъ незамѣтныхъ пузырькахъ, звенѣли новыя капли, — воздухъ, безъ котораго не могли бы дышать въ водѣ ни рыбки, ни другія водяныя животныя. — Мы несемъ угольную кислоту, чтобы напоить ею корешки незабудки; — мы — гипсъ; мы — желѣзо; мы — фосфоръ; мы — множество соли, которая нужна безчисленнымъ растеніямъ, животнымъ и даже вамъ, людямъ. Не вы ли приходите лечиться къ намъ и рады-радехоньки, когда почувуете, что въ насъ есть или сѣра, или желѣзо, или какой-нибудь другой минераль, который вамъ помогаетъ въ болѣзняхъ? Тогда вы величаете насъ минеральными ключами, цѣлебными ис-

точниками, а иногда и теплыми ключами, если мы выходимъ къ вамъ, нагрѣвшись прежде у подземнаго огня. Вы тогда ухаживаете за нами, вычищаете насъ отъ сору, устраиваете для насъ красивые бассейны, строите возлѣ насъ богатые дома, ванны, гостиницы, цѣлые города! Неужели ты ничего не слыхалъ о Баденъ-Баденѣ, Эмсѣ, Пятигорскѣ, Кисловодскѣ или другихъ какихъ-нибудь мѣстахъ, прославленныхъ нашими цѣлебными источниками?

— О, не думай, что мы ничего не дѣлаемъ, зажурчали всѣ капли вмѣстѣ: напротивъ, мы никогда не знаемъ покоя и трудолюбивѣе муравьевъ, которые вѣчно строятъ свое жилище, вѣчно суется, бѣгаютъ и таскаютъ кусочки соломы втрое больше себя. Нароботавшись въ волю и въ облакахъ, и въ травѣ, и въ листьяхъ, которые мы такъ освѣжаемъ, напоивъ растенія, животныхъ и людей, — мы спѣшимъ въ ручей, а по дорогѣ вертимъ мельничныя колеса и носимъ лодки, изъ ручья бѣжимъ въ рѣку, изъ рѣки въ широкое безбрежное море, и тутъ бы, кажется, можно намъ было отдохнуть и успокоиться; но лучи солнышка пригрѣютъ насъ и превратятъ въ легкій туманъ. Поднявшись высоко, мы станемъ облаками и понесемся по небу, пока не найдемъ мѣста, гдѣ снова ожидаетъ насъ работа. Мы работаемъ безъ усталости и не скучаемъ; намъ весело, что мы принимаемъ такое дѣятельное участіе въ Божіемъ мірѣ, и поимъ неисчислимые миллионы растеній, животныхъ и людей.

— Боже великій! сказалъ я, отходя отъ болтливаго ручья: нѣтъ предѣловъ Твоей премудрости. Сколько великихъ дѣлъ Ты совершаешь крошечною каплею воды! Сколько жизни и дѣятельности въ Твоемъ мірѣ! Сдѣлай такъ, чтобы и я не прожилъ безъ пользы; а не то мнѣ будетъ стыдно взглянуть на дѣятельную водяную каплю.

КЛАССИФИКАЦІЯ МИНЕРАЛОВЪ.

Минералы, или ископаемые, какъ ихъ называютъ, потому что они выкапываются изъ земли, отличаются одинъ отъ другаго кристаллизаціей, изломомъ, тяжестью, цвѣтомъ, блескомъ и проч. Всѣ минералы мы можемъ раздѣлить на четыре группы: въ 1-ю по-

мѣстимъ металлы, во 2-ю — земли и камни, потому что камень, размельчившись, дѣлается составною частью земли; въ 3-ю — соли, въ 4-ю — горючіе минералы.

Металлы — тѣла простые, т. е. не составлены изъ другихъ тѣлъ, по виду отличаются особеннымъ металлическимъ блескомъ, тяжелы, ковки, плавятся и удобно принимаютъ различныя формы. Металлы мы раздѣлимъ съ вами на два разряда; въ первый помѣстимъ такъ называемые *драгоценные* или *благородные* металлы; во второй — металлы простые, которые также называютъ *неблагородными*, хотя для человѣка нѣкоторые изъ нихъ гораздо полезнѣе самаго золота. Къ благороднымъ металламъ относятся: золото, серебро и платина; изъ нихъ дѣлаютъ монету (изъ платины монеты болѣе уже не дѣлаютъ) и разныя дорогія вещи и украшенія. Къ простымъ или неблагороднымъ металламъ относятся: мѣдь, желѣзо, свинецъ, олово, ртуть, которая также металлъ, хотя и въ жидкомъ видѣ; цинкъ, который входитъ, какъ составная часть, во множество искусственныхъ металловъ, и многіе другіе, которыхъ мы еще не знаемъ.

Земли и камни не имѣютъ ковкости, трудно плавятся, трудно распускаются въ водѣ, не горятъ и не тянутся. Въ нѣкоторыхъ изъ камней мы находимъ тотъ же, знакомый намъ кремень, какъ наприм. въ горномъ хрусталѣ, кварцѣ, халцедонѣ, опалѣ и проч.; въ другихъ главною составною частью бываетъ глина, какъ напримѣръ въ сафирѣ, рубинѣ, изумрудѣ и друг.; третьи содержатъ въ себѣ известку, какъ напримѣръ известковый камень или плитнякъ, мраморъ, гипсъ. Нѣкоторые камни слѣплены изъ кусковъ различныхъ земель и камней, какъ напримѣръ гранитъ, порфиръ и песчаникъ, который состоитъ весь изъ песчинокъ. Камни, какъ и металлы, раздѣляются на драгоценные и простые. Самый драгоценный камень — алмазъ: онъ весь состоитъ изъ того же вещества, изъ котораго состоитъ вовсе не драгоценный уголь и графитъ, употребляемый въ карандашахъ. Бриллиантомъ называется тотъ же алмазъ, только отполированный другимъ образомъ. Къ драгоценнымъ же камнямъ, кромѣ алмаза, относятся: красный рубинъ, голубой сафиръ, зеленый смарагдъ, золотистый топазъ,

зеленоватый бериллъ, яхонтовый гранатъ, фиолетовый аметистъ, молочный опалъ и другіе.

Къ недрагоценнымъ камнямъ и землямъ относятся всѣ тѣ, которые попадаются въ большомъ количествѣ и большими массами. Изъ земель мы знаемъ съ вами глину и известку. Песокъ состоитъ изъ крошечныхъ песчинокъ, которыя, смѣшавшись наприм. съ глиною, образуютъ песчаную землю. Черноземомъ называется такая земля, въ которой много органическихъ остатковъ сгнившихъ растений: такая земля очень плодородна; она покрываетъ огромныя пространства въ нашихъ южныхъ губерніяхъ.

Къ *солямъ*, кромѣ известной намъ поваренной соли, относятся также: селитру, которая идетъ на выдѣлку пороха и на солгу говядины; горькосоленую глауберовую соль, употребляемую, какъ лекарство; поташъ, идущій на выдѣлку стекла и мыла, и друг.

Къ горючимъ минераламъ причисляютъ сѣру, каменный уголь, который, по замѣчанію геологовъ — людей, изучающихъ, изъ чего сложена наша земля, — есть не что иное, какъ окаменѣлый остатокъ допотопныхъ лѣсовъ, заваленныхъ землею, осаждавшеюся изъ воды. Къ горючимъ же ископаемымъ веществамъ можно причислить торфъ, образующійся изъ растений въ нашихъ болотахъ, и янтарь, который есть не что иное, какъ смола допотопныхъ деревьевъ.

ПИТАНІЕ ЧЕЛОВѢКА.

Сколько платья переноситъ человекъ въ продолженіе своей жизни; а между тѣмъ иной лѣтъ семьдесятъ, восемьдесятъ и даже больше носить на себѣ тѣло и оно не изнашивается. Сколько тысячъ верстъ выходитъ человекъ въ продолженіе своей жизни, сколько сапогъ истопчетъ онъ, изъ какой бы крѣпкой кожи они ни были сдѣланы; а между тѣмъ кожа на ногахъ его остается цѣла, хотя она гораздо тоньше сапожной кожи. Перчатку поносишь недолго и она развалится, а тонкую кожу на рукахъ мы

носимъ всю жизнь и она все не стирается. Еслибы человекъ сдѣланъ былъ не то, что изъ дерева, но даже изъ желѣза, — то и тогда, въ продолженіе такой долгой жизни, при безпрестанномъ движеніи, онъ долженъ бы, кажется, истереться, а всѣ суставы его разшататься и развинтиться; но нѣтъ: мягкое тѣло человека все живетъ, да живетъ, старѣется, морщится, но остается цѣлымъ.

Чтобы узнать, отъ чего такая разница между предметами не живыми и живымъ тѣломъ человека, должно сначала узнать, отъ чего неизмѣющіе жизни предметы стираются отъ употребленія, уменьшаются въ объемъ и вѣсъ, а потомъ разпадаются на куски. Потрите напилкомъ кусокъ дерева или желѣза, и вы замѣтите, что отъ нихъ откакиваютъ маленькія частички. Частичка отламывается за частичкой, впадина все дѣлается больше и больше и, продолжая работать напилкомъ, мы всю вещь можемъ искрошить въ порошокъ. То же самое дѣлается при всякомъ употребленіи вещи, только не такъ быстро и не такъ замѣтно. Отъ безпрестаннаго тренія, которому подвергаются всѣ вещи (даже камень и тотъ трется вѣтромъ), онѣ стираются. Чѣмъ мягче вещь и треніе сильнѣе, тѣмъ быстрѣе разрушается она. Даже серебряная ложка, которою долго ѣдятъ, и та обтирается по краямъ, становится тоньше и дѣлается, наконецъ, негодною къ употребленію. Но что было бы, еслибы каждая, отдѣлившаяся отъ тренія частичка замѣнялась немедленно новою? Стерлась ли бы тогда вещь?

Отъ нашего тѣла, при его безпрестанныхъ движеніяхъ, точно также безпрестанно отдѣляются маленькія, едва замѣтныя или даже вовсе незамѣтныя частички и ихъ отдѣляется гораздо больше, чѣмъ отъ желѣза и дерева, потому что тѣло мягче и желѣза, и дерева. Но въ томъ-то и дѣло, что въ тѣлѣ нашемъ эти частички, отдѣлившіяся или сдѣлавшіяся негодными, безпрестанно замѣняются новыми, и все оно безпрестанно подновляется, чего не дѣлается съ вещами, лишенными жизни. Вещи не *питаются* и потому, стираясь, не подновляются; но тѣло наше безпрестанно подновляется тою пищею и тѣмъ питьемъ, которыя человекъ, черезъ ротъ и горло, пропускаетъ къ себѣ въ желудокъ.

Пища, разжеванная, перемѣшанная со слюною во рту, про-

глатывается и пропускается, через *пищеводъ*, въ желудокъ. Здѣсь, съ помощію особыхъ жидкостей, отдѣляемыхъ стѣнками желудка, поджелудочною желѣзою и печенью *), пища передѣлывается въ пищевую кашицу. Изъ этой кашицы жидкія, годныя для питанія части, передѣлываясь сначала въ молочко, всасываются потомъ особенными тоненькими трубочками, въ кровь, протекающую по нашимъ жиламъ; а твердыя или негодныя извергаются вонь.

Кровь есть та красная жидкость, которая окрашиваетъ наши губы, языкъ, щеки и всему нашему тѣлу придаетъ красноватый оттѣнокъ. Кому случалось обрѣзать себѣ палецъ, тотъ знаетъ, что такое кровь. Она протекаетъ по всему нашему тѣлу въ безчисленномъ множествѣ тоненькихъ, мягкихъ трубочекъ, называемыхъ *жилами*. Смотри на нашу руку, мы замѣтимъ подъ кожей, какими вѣточками разстилаются по всему тѣлу жилы. Но мы видимъ только толстыя вѣточки, а самыхъ тонкихъ черезъ кожу и замѣтить нельзя. Но что жилы, по которымъ течетъ кровь, расходятся въ безчисленномъ множествѣ по всему тѣлу, въ этомъ легко убѣдиться: гдѣ бы мы ни прорѣзали себѣ кожу, вездѣ потечетъ изъ-за нея кровь. Самый красный цвѣтъ мяса происходитъ отъ того, что въ немъ безчисленное множество жилокъ, наполненныхъ кровью. Вотъ эта-то кровь питаетъ, т. е. подновляетъ все тѣло, и кости и мускулы, и кожу; изъ нея же выдѣлываются волосы и ногти, которые безпрестанно растутъ, — слюна, потъ и слезы, которые постоянно отдѣляются. Но какъ изъ одной и той же крови выдѣлываются такія разнообразныя и разноцвѣтныя вещи? это вамъ объяснить невозможно. Богъ такъ премудро устроилъ человѣка, что, даже учившись очень много, нельзя понять всего, что въ немъ дѣлается. Но дѣло въ томъ, что кровь, подновивъ ту или другую частичку тѣла, и замѣнивъ отжившую частицу новою, забираетъ то, что уже сдѣлалось отъ употребленія негоднымъ, и, какъ хорошій работникъ, унося прочь это негодное, выбрасываетъ его вонь черезъ желудокъ, черезъ дыханіе и черезъ потъ, или перерабатываетъ вновь.

*) *Печень* — тоже железа, только очень большая: она отдѣляетъ желчь; точно также какъ *слюнная железа* — слюну, а *слезная* — слезы. Печень лежитъ въ правомъ боку, отчасти подъ нижними ребрами.

Мелкія жилки, въ которыхъ течетъ кровь, не все остаются такими мелкими: соединяясь одна съ другою, онѣ становятся все толще и толще и уже въ видѣ толстыхъ трубокъ, сходятся къ сердцу и вливаютъ въ него кровь.

Сердце для того и бьется, чтобы заставить кровь двигаться. Это — мясистый мѣшокъ (мускуль), пустой въ серединѣ и состоитъ изъ двухъ, раздѣленныхъ перегородкою половинокъ, правой и лѣвой. Когда сердце сожмется, то погонитъ кровь въ жилы; когда разожмется, то кровь въ него вливается. Жилы, по которымъ кровь течетъ къ сердцу, называются *венами*; а жилы, по которымъ сердце разгоняетъ кровь по всему тѣлу, называются *артеріями*.

Кровь въ венахъ темно-краснаго цвѣта и не годится для питанія. Изъ венъ она двумя толстыми трубками вливается въ правую сторону сердца; а оттуда сердце, сжимаясь, выгоняетъ ее въ легкія. *Легкія* наполняютъ собою грудь и въ нихъ человѣкъ, посредствомъ дыхательнаго горла, вдыхаетъ воздухъ. Дыхательное горло раздѣляется въ груди на двѣ вѣтви, а эти вѣтви раздѣляются на множество мелкихъ вѣточекъ, оканчивающихся крошечными пузырьками. Къ этимъ-то пузырькамъ легкіхъ подходитъ изъ сердца *венозная кровь*, а изъ дыхательнаго горла — воздухъ. Кровь, прикасаясь къ воздуху, соединяется химически съ кислородомъ воздуха и изъ темнокрасной дѣлается ярко-красною, и изъ негодной для питанія тѣла — годною. Вотъ для чего человѣкъ безпрестанно дышетъ: если онъ перестанетъ дышать, то кровь перестанетъ соединяться съ кислородомъ, тѣлу нечѣмъ будетъ питаться и человѣкъ умретъ. Негодныя части крови выдыхаются нами вонь черезъ легкія; а годная для питанія кровь идетъ по артеріямъ обратно въ сердце — только уже не въ правую, а въ лѣвую его половину. Принявъ артеріальную кровь, сердце раздуется, потомъ сожмется и погонитъ ее сначала по одной толстой артеріи, а потомъ, по безчисленному множеству болѣе и болѣе тонкихъ артерій, расходящихся какъ вѣтви, по всему нашему тѣлу. Здѣсь кровь принимается за свое непрерывное подновленіе частицъ нашего тѣла.

Такимъ образомъ происходитъ въ насъ *кровообращеніе*, и кровь,

безпрестанно обращаясь то къ сердцу, то изъ сердца въ легкія, изъ легкихъ опять въ сердце и изъ сердца опять по всему тѣлу, безпрестанно питаетъ, т. е. подновляетъ наше тѣло. Вотъ почему наше тѣло не изнашивается.

Безпрестанно питая тѣло, кровь сама издерживается; надобно, наконецъ, ее подновить, прибавить къ ней матеріалу. Эту обязанность исполняетъ желудокъ. Онъ какъ, мы уже знаемъ, вырабатываетъ изъ всего, что мы ѣдимъ и пьемъ, матеріалъ для крови; безъ этого кровь скоро истощилась бы, тѣлу нечемъ было бы питаться и подновляться, оно ослабло бы, обезсилило, а потомъ и совсѣмъ замерло: вотъ почему пища и питье такъ необходимы для человѣка; вотъ почему при недостаточности пищи тѣло худѣетъ, силы его ослабѣваютъ; а если питаніе совершенно прекратится, то и умираетъ.

Желудокъ, сердце и легкія работаютъ надъ однимъ и тѣмъ же дѣломъ. Встроены они заботятся, что бы изъ пищи и питья приготовить кровь, сдѣлать ее годною къ питанію черезъ соприкосновеніе съ воздухомъ—и разслать ее по всему тѣлу. Кровь подновить все, что слѣдуетъ, какъ добрый работникъ унесетъ все, что сдѣлалось уже негоднымъ, и выброситъ вонъ эти негодныя уже отжившія частицы.

Вся работа, посредствомъ которой безпрестанно подновляется наше тѣло, называется *процессомъ питанія*, или просто питаніемъ. Питаніе совершается въ человѣкѣ посредствомъ трехъ различныхъ работъ или процессовъ, дружно стремящихся къ одной цѣли: посредствомъ *пищеваренія*, *кровообращенія* и *дыханія*. Если хотя одна изъ этихъ работъ организма остановится, то въ слѣдъ за ней остановится другая, а потомъ прекратится и самая жизнь. Каждая изъ этихъ работъ выполняется нѣсколькими органами, изъ которыхъ мы назвали не многіе: каждый органъ дѣлаетъ свое дѣло, а всѣ они вмѣстѣ дѣлаютъ одно—поддерживаютъ жизнь въ организмѣ человѣка. Мы узнали только самыя крупныя работы организма; а не знаемъ еще тысячи мелкихъ, изъ которыхъ, тѣмъ не менѣе, каждая необходима для жизни. Будемъ учиться, узнаемъ болѣе; но всего не знаютъ и самыя ученые люди. Мудро устроилъ

Господь человѣка, такъ мудро, что люди учатся, учатся — и до сихъ поръ еще не могутъ понять вполне, какъ онъ устроенъ!

Способности души.

Душа есть предметъ невидимый и недоступный ни одному изъ нашихъ пяти тѣлесныхъ чувствъ: ее нельзя ни слышать, ни видѣть, ни обонять, ни осязать, поэтому душу называютъ предметомъ *бездѣльнымъ*. Но хотя ее нельзя ни видѣть, ни слышать, ни осязать, именно она то въ насъ видитъ, слышитъ, испытываетъ всѣ ощущенія и управляетъ нашими движеніями.

Богъ одарилъ безтѣлесную душу многими способностями.

1. Мы уже знаемъ, что душа имѣетъ способность *ощущать* то, что отражается въ глазахъ, раздается въ ухъ, прикасается къ тѣлу. Бездущное тѣло можетъ сохранять всѣ органы, необходимые для ощущенія, но ощущать ничего не будетъ. Ощущаетъ душа, но не тѣло. Душа, слѣдовательно, имѣетъ *способность ощущенія*.

2. Если мы видимъ какой нибудь предметъ и потомъ увидимъ его снова, то припоминаемъ, что мы его видѣли уже прежде. Даже не видя снова предмета, мы можемъ вспомнить его, если что нибудь другое намъ его напоминаетъ, а иногда и безъ напоминанія. Душа, слѣдовательно, имѣетъ способность не только что нибудь ощущать, но и *помнить* свои ощущенія. Эта способность называется способностью *памяти*, или просто *памятью*. Душа имѣетъ способность ощущенія и память.

3. Если мы видѣли какой нибудь предметъ, то потомъ, и не видя уже этого предмета, можемъ по своей волѣ *представить* его себѣ; такъ что онъ какъ будто стоитъ передъ нашими глазами: такъ мы представляемъ себѣ знакомыхъ намъ людей, хотя бы эти люди въ это время и не находились передъ вами. Эта способность души—представлять себѣ живо отсутствующіе предметы называется *способностію представленія*.

4. Видѣвъ нѣсколько предметовъ, мы можемъ составить изъ нихъ въ своемъ умѣ новый предметъ, котораго на самомъ дѣлѣ

пе существуетъ: такъ поступаемъ мы всякій разъ, когда составляемъ какую нибудь картину. Въ одномъ мѣстѣ мы видѣли домъ, въ другомъ—рѣку, въ третьемъ—дерево, въ четвертомъ—дорогу, въ пятомъ—гору, въ шестомъ—мельницу; изо всѣхъ этихъ видннхъ нами предметовъ, припоминая и представляя ихъ себѣ, мы составляемъ такой ландшафтъ, какого прежде никогда не видали и какого, можетъ быть, нигдѣ и нѣтъ. Эта способность—изъ припоминаемыхъ и представляемыхъ нами ощущеній составлять какія нибудь картины на бумагѣ, или только въ головѣ нашей—называется *способностію воображенія* или просто *воображеніемъ*. Душа наша, слѣдовательно, имѣетъ способность ощущать, помнить свои ощущенія, представлять ихъ себѣ и составлять изъ нихъ въ своемъ воображеніи новыя картины.

Когда мы спимъ и видимъ сны, тогда работаетъ въ душѣ нашей больше всего воображеніе. Изъ того, что мы видѣли и слышали на яву, воображеніе наше строитъ такія картины, которыхъ мы никогда не видали и которыя иногда пугаютъ насъ, а иногда доставляютъ намъ большое удовольствіе. Сны или, какъ ихъ иначе называютъ, сонныя *везы*, — произведенія нашего воображенія. Не только во снѣ, но и на яву воображеніе часто овладѣваетъ нами. Посмотрите на мальчика, который, усѣвшись верхомъ на палочку, представляетъ себѣ, что онъ ѣдетъ верхомъ на лошади: лошадь существуетъ только въ его воображеніи. Дѣти часто воображаютъ себя большими героями, большими силачами, потому что они слышали о герояхъ, о силачахъ.

5. Видя нѣсколько предметовъ или припоминая и представляя ихъ себѣ, мы сравниваемъ ихъ между собою: находимъ между ними сходство и различіе и выводимъ изъ этого свои заключенія.

Такъ, напримѣръ, видя два яблока, мы заключаемъ, что одно изъ нихъ больше или меньше, краснѣе или желтѣе, лучше или хуже другаго; мы смотримъ, напримѣръ, на два растенія, сравниваемъ ихъ во всемъ и заключаемъ, что хотя оба эти растенія цвѣты, но что одинъ изъ этихъ цвѣтковъ—роза, а другой—гвоздика; видя двухъ животныхъ, мы сравниваемъ ихъ и заключаемъ, что оба они животныя, но что одно изъ этихъ животныхъ—птица, а другое лошадь, что у лошади нѣтъ крыльевъ, что у птицы

двѣ ноги, а у лошади ихъ четыре и т. д. Сравнивать какіе нибудь различные видимые или представляемые нами предметы между собою, находить между ними сходство и различіе, выводить изъ этого заключенія—значитъ *разсуждать*; а самая способность души разсуждать—называется *разсудкомъ*.

Душа имѣетъ способность ощущать предметы, припоминая и представляя ихъ себѣ, воображать новыя, находить между предметами сходство и различіе и выводить изъ этого свои заключенія: душа имѣетъ способности ощущенія, памяти, представленія, воображенія и разсудка.

6. Мы не только ощущаемъ холодъ, тепло, боль, вкусъ и запахъ, но и чувствуемъ, что одни изъ этихъ ощущеній для насъ пріятны, а другія непріятны. Мы испытываемъ въ душѣ нашей желаніе избѣгать непріятнаго и получать пріятное и кромѣ того множество другихъ *внутреннихъ* ощущеній и чувствъ: печаль, радость, гнѣвъ, благодарность. Эти внутреннія, душевныя ощущенія, въ отличіе отъ тѣхъ, которыя испытываетъ душа посредствомъ тѣла, называются *душевными, внутренними чувствами*. Душа имѣетъ пять внѣшнихъ, тѣлесныхъ чувствъ и много внутреннихъ или душевныхъ.

7. Мы уже знаемъ, что движеніями тѣла управляетъ душа и что тѣло, не смотря на всѣ свои органы движенія, остается неподвижнымъ. Способность души управлять движеніями тѣла называется *произволомъ*.

Перечислимъ же теперь всѣ узанныя нами способности души.

1) Пять внѣшнихъ чувствъ, 2) память, 3) способность представленія, 4) воображеніе, 5) разсудокъ, 6) нѣсколько внутреннихъ, душевныхъ чувствъ и 7) произволь. Душа наша получаетъ внѣшнія ощущенія, помнитъ ихъ, представляетъ ихъ себѣ, воображаетъ новыя картины, чувствуетъ удовольствіе или неудовольствіе отъ своихъ ощущеній и представленій, желаетъ избѣгать непріятнаго или получить пріятное, испытываетъ при этомъ разнообразныя внутреннія чувства: гнѣвъ, радость, печаль, надежду, отчаяніе, рѣшается избѣгать непріятнаго или получить пріятное и приводитъ для того въ движеніе нервы и мускулы, а посредствомъ ихъ и члены тѣла.

Сходство между человѣкомъ и животнымъ.

Между человѣкомъ и нѣкоторыми животными мы находимъ много сходства. 1) Человѣкъ родится отъ другихъ людей, животное родится отъ другихъ животныхъ. 2) Человѣкъ въ дѣтствѣ питается молокомъ матери; всѣ млекопитающія животныя—также. 3) Человѣкъ растеть и изъ маленькаго дѣлается большимъ; животное также растеть. 4) Человѣку, какъ и всякому животному для жизни необходимы: пища, питье и воздухъ. 5) Человѣкъ имѣеть пять внѣшнихъ чувствъ; большая часть животныхъ также видятъ, слышатъ, имѣють осязаніе, ощущаютъ вкусъ и запахъ предметовъ. 6) Человѣкъ имѣеть способность памяти; пчела отыскиваетъ дорогу въ свой улей и узнаеть его между десятками другихъ ульевъ. 7) У человѣка есть способность воображенія, у животныхъ—также. Мы знаемъ что сны или грезы производятся воображеніемъ; а нѣтъ сомнѣнія, что животныя видятъ сны, хотя и не могутъ связать ихъ; собака во снѣ иногда лаетъ и визжитъ,—слѣдовательно, ей что нибудь снится; ослы во снѣ очень часто ревуть и лягаются задними ногами; если бы у этихъ животныхъ не было воображенія, то они не могли бы видѣть сновъ. 8) Человѣкъ имѣеть способность сравнивать предметы и выбирать изъ нихъ тѣ, которые больше или лучше, или почему нибудь кажутся ему полезнѣе или пріятнѣе; животное также имѣеть способность сравнивать между собою предметы и выбирать изъ нихъ тѣ, которые кажутся ему лучше; собака, преслѣдуя зайца, изъ нѣсколькихъ дорогъ, выбираеть самую кратчайшую; муравьи, строя свои жилища, изъ многихъ соломонокъ и вѣточекъ выбираютъ тѣ, которыя имъ по силамъ.—Слѣдовательно, и у животныхъ есть разумъ, хотя у нихъ его гораздо менѣе, чѣмъ у человѣка. 9) Человѣкъ чувствуетъ неудовольствіе и по произволу управляетъ движеніями своего тѣла; для животнаго также одно ощущеніе кажется пріятнымъ, другое непріятнымъ; оно также ищетъ перваго и избѣгаетъ послѣдняго и управляетъ по произволу своими движеніями; животное также какъ и человѣкъ имѣеть способность *произвола*. 10) У человѣка есть множество внутреннихъ душевныхъ чувствъ; у животнаго также мы можемъ различить ихъ нѣсколько:

оно сердится, печалится, боится, любитъ, ненавидитъ, ощущаетъ радость и злость,—только выражаетъ все это не словами, а криками, тѣлодвиженіями и дѣйствіями. У животнаго, какъ и у человѣка, есть тѣло и душа, почему мы называемъ животныхъ предметами одушевленными.

Но есть нѣчто такое у человѣка, чего нѣтъ у животнаго, и что составляетъ отличительную принадлежность людей.

Отличіе человѣка отъ животнаго.

Мы нашли много сходства у человѣка съ животнымъ: покажемъ же теперь различіе между ними.

1. У человѣка двѣ руки и двѣ ноги; двухъ рукъ и двухъ ногъ нѣтъ ни у одного животнаго: у птицы двѣ ноги и два крыла, у паука шесть ногъ и нѣтъ рукъ, у лошади четыре ноги и ни одной руки, у обезьяны четыре руки и ни одной ноги; только человѣкъ имѣеть возможность, ходя на ногахъ, свободно распорядиться своими руками. Вотъ единственное, сколько нибудь рѣзкое, отличіе человѣка отъ животныхъ по тѣлесному устройству. Другаго отличія, столь же рѣзкаго и бросающагося въ глаза, нѣтъ. Но за то какое различіе мы видимъ между человѣкомъ и животнымъ въ ихъ дѣйствіяхъ!

2. Слушая разговоръ на иностранномъ, непонятномъ языкѣ, мы слышимъ звуки, *но не понимаемъ ихъ смысла*. Кто не умѣеть читать, тотъ хотя и смотритъ въ книгу, *но не понимаетъ*, что въ ней написано. Мы чувствуемъ, какъ бьется наше сердце, *но не понимаемъ*, какъ и для чего оно бьется, пока намъ этого не объяснятъ. Мы видимъ, какъ вѣтеръ качаетъ деревья, слышимъ, какъ онъ воетъ въ трубѣ, ощущаемъ его движеніе нашимъ тѣломъ; но почему мы *узнали*, что это воздухъ, который движется, и почему *открываемъ причину* движенія воздуха? Мало еще видѣть, слышать, осязать,—надобно еще понимать то, что мы видимъ, слышимъ, осязаемъ, *узнавать* цѣль его и причину.

Животное такъ же, какъ мы, видитъ, слышитъ, и осязаетъ, помнитъ, воображаетъ и рассуждаетъ; но *ничего не понимаетъ*,—*не знаетъ* ничему причины и цѣли, ничего не можетъ узнать, ни-

чему не можетъ само выучиться, хотя человѣкъ и можетъ приучить иныхъ животныхъ къ различнымъ дѣйствіямъ. Способность понимать то, что мы слышимъ и видимъ, узнавать причину и цѣль того, что дѣлается вокругъ насъ и съ нами, способность учиться и знать все больше и больше—принадлежитъ только людямъ: эта способность называется *разумомъ*. Разума нѣтъ у животныхъ.

3. Когда мы сдѣлаемъ что-нибудь дурное, то хотя намъ, можетъ быть, и пріятно было это сдѣлать, но мы чувствуемъ, что сдѣлали не то, что слѣдовало. Когда мы сдѣлаемъ что-нибудь хорошее, то хотя бы намъ и не пріятно было его дѣлать, но мы чувствуемъ, что сдѣлали то, что должны были сдѣлать, и довольны своимъ поступкомъ. У насъ есть способность, которая очень хорошо различаетъ добро отъ зла: эта способность называется *совѣстью*. У животныхъ совѣсти нѣтъ.

4. Мы не всегда дѣлаемъ то, что намъ пріятно: иногда мы принуждаемъ себя дѣлать и то, что намъ непріятно; но что *должно быть* сдѣлано. Животное этой способности не имѣетъ: оно дѣлаетъ всегда только то, что ему пріятно. Способность, которую имѣетъ человѣкъ—заставить себя дѣлать то, что должно—называется *свободною волею*, или просто *волею*. Животныя имѣютъ произволь, но воли не имѣютъ.

5. Животное никогда не наслаждается ни красивымъ цвѣткомъ, ни хорошенькимъ видомъ, ни прекрасной картинкой: оно чувствуетъ удовольствіе только отъ того, что для него полезно, или пріятно для его тѣлесныхъ чувствъ. Оно чувствуетъ пользу предметовъ и то тѣлесное удовольствіе, которое ему эти предметы доставляютъ. Кошка терзаетъ канарейку, не полюбавшись ея прекрасными перышками; она точно также растерзаетъ и соловья: ей мало дѣла до его чудной пѣсни. Осель любитъ кушать розы, но не имѣетъ способности любоваться прекраснымъ цвѣткомъ. Одинъ только человѣкъ любитъ непрерывно прекрасными созданиями Божіими или прекрасными произведеніями другихъ людей. Онъ наслаждается, смотря на звѣзды, хотя онѣ не доставляютъ ему никакой пользы; онъ любитъ чудесною статуею, хотя отъ этого холоднаго куска мрамора ему также нѣтъ никакой пользы. Эта способность безкорыстно любоваться красою Божіихъ созданий

и произведеній человѣка называется *чувствомъ красоты*. Чувства красоты нѣтъ у животныхъ: оно принадлежитъ только людямъ.

6. Одинъ только человѣкъ имѣетъ *понятіе о Боги*, хотя и не видитъ Его; одинъ только человѣкъ имѣетъ способность вѣрить въ невидимаго Создателя міра, любить Его, молиться Ему, надѣяться на Его милосердіе и стараться исполнять Его волю. Животныя не молятся, и способность молиться составляетъ величайшее и самое рѣзкое отличіе человѣка отъ животнаго. Способностию вѣрить въ Бога, любить Его, надѣяться на Него, молиться Ему и исполнять Его волю, человѣкъ больше всѣхъ прочихъ своихъ способностей отличается отъ животныхъ. Человѣкъ, забывающій Бога, какъ бы онъ уменъ ни былъ, похожъ на животное болѣе, чѣмъ дикарь, не умѣющій сдѣлать для себя одежды и выстроить хижину, но призывающій имя невидимаго Создателя міра.

Всѣ эти способности—разумъ, совѣсть, воля, чувство красоты, вѣра въ Бога, любовь къ Нему и надежда на Него, принадлежать невидимому существу, живущему въ тѣлѣ и душѣ человѣка. Это существо называется *духомъ*. Иногда его называютъ также *душею безсмертною и разумною* въ отличіе отъ души животной. Богъ сотворилъ человѣка изъ земли; но вдохнулъ въ него душу безсмертную и разумную или духъ. Тѣло наше сгніетъ и распадается на тѣ вещества, изъ которыхъ оно составлено; но духъ нашъ безсмертенъ и возвратится къ Тому, Кто намъ далъ его.

Присутствіе божественнаго, безсмертнаго духа въ человѣкѣ даетъ людямъ возможность дѣлать многое, чего не въ состояніи дѣлать животныя.

1. Разумному духу, живущему въ насъ, мы обязаны *даромъ слова*. Животное, какъ и человѣкъ, выражаетъ удовольствіе и неудовольствіе, свои желанія, свои внѣшнія и внутреннія ощущенія различными звуками голоса. По лаю собаки можно отличить, радуется ли она или злится; по визгу можно слышать, визжитъ ли она отъ радости или отъ боли; она ворчитъ и стонетъ и выражаетъ тѣмъ различныя ощущенія. Но только одинъ человѣкъ умѣлъ придумать *слова* для выраженія своихъ понятій о предметахъ и связать эти слова въ правильную рѣчь, полную смысла. Обезьяна не говоритъ, хотя у нея во рту такой же языкъ, какъ

и у чело́вка: у нея нѣтъ разума. Попугая чело́вкъ выучиваетъ даже произносить нѣсколько словъ: слѣдовательно, толстый языкъ попугая способенъ къ произношенію *членораздѣльныхъ* звуковъ; но произносить эти слова безъ всякаго смысла, не понимая самъ, что онъ говоритъ. Не языку и не органу голоса, а разуму обязанъ чело́вкъ способностію выражать словами свои мысли, — обязанъ *даромъ слова*.

2. Животное съ какими способностями рождается, съ такими и издыхаетъ; чело́вкъ можетъ усилить всѣ свои способности, потому что имѣетъ разумъ и волю надъ ними. Имѣя отъ природы зрѣніе гораздо слабѣе, чѣмъ у многихъ животныхъ, чело́вкъ изобрѣлъ *телескопъ*, посредствомъ котораго видитъ онъ горы и пропасти на лунѣ, изучаетъ движеніе звѣздъ, отстоящихъ отъ насъ на безчисленные милліоны верстъ. Чело́вкъ изобрѣлъ *микроскопъ*, посредствомъ котораго разсматриваетъ такихъ маленькихъ животныхъ, которыя недоступны ни для какого взора. Чело́вкъ можетъ, упражняя свою память, усиливать ее и дѣлать способною помнить безчисленное множество предметовъ; точно также можетъ онъ усилить свое воображеніе и свой разумъ, и люди до того развили въ себѣ эти способности, что ихъ почти нельзя и сравнивать съ подобными же способностями у животныхъ; хотя и у животныхъ, какъ мы знаемъ, есть способность ошущенія, память, воображеніе и разумъ. У дикаря едва ли болѣе разсудка, чѣмъ у слона; но если мы сравнимъ разумъ слона, умнѣйшаго изъ животныхъ, съ разумомъ образованнаго европейца, то намъ даже можетъ показаться страннымъ назвать эти способности однимъ и тѣмъ же именемъ: такъ чело́вкъ развилъ свой разумъ образованіемъ. У животныхъ мы видимъ признаки воображенія: но какое сравненіе съ воображеніемъ чело́вка, которое создало столько художественныхъ произведеній!

3. Мы видимъ, какъ искусно птица вьетъ гнѣздо, пчела лѣпитъ свои соты и паукъ тчетъ свою паутину: такъ искусно, что и чело́вкъ, при всемъ своемъ искусствѣ, не можетъ имъ подражать. И замѣчательно, что пчелка, едва рождается, едва выползетъ изъ ячейки, какъ и принимается за работу. Она не учится ни у кого; а какъ только рождается, такъ и знаетъ, что ей нужно дѣ-

лать. Такое знаніе, которому животное не учится, но съ которымъ оно рождается, называется *инстинктомъ*. Это еще одна изъ способностей души животнаго, которой мы прежде не замѣтили. Зная, что животныя не могутъ учиться и приобрѣтать познаній, какъ люди, но что для жизни ихъ, тѣмъ не менѣе, нужны нѣкоторыя знанія, Богъ далъ каждому животному необходимые для него *инстинкты*. Чело́вкъ далъ Творецъ гораздо менѣе инстинктовъ, чѣмъ животнымъ: но зато Онъ далъ ему разумъ, т. е., способность учиться и узнавать все, что ему нужно; и съ этою способностію люди приобрѣли такое множество познаній, что ихъ нельзя и сравнить съ врожденными знаніями или инстинктами животныхъ. Пчелка съ самаго созданія міра одинаковымъ образомъ дѣлаетъ свои соты; пауки ткуютъ и теперь свою паутину точно также, какъ ткали ее семь тысячъ лѣтъ тому назадъ. Но сравните дикаря, который умѣетъ только выломать дубину въ лѣсу и выкопать нору въ землѣ, съ европейцемъ, который покрылъ землю прекрасными городами, красивыми зданіями, дивными произведеніями художествъ, желѣзными дорогами, электрическими телеграфами, садами, парками, обработанными полями, изобрѣлъ тысячи матерій для одежды, наполнилъ свое жилище множествомъ искусственныхъ предметовъ, — и вы представите себѣ все огромное различіе между разумомъ чело́вка и инстинктомъ животнаго. Щедрый Творецъ раздѣлилъ между животными нѣсколько врожденныхъ знаній, необходимыхъ имъ для жизни: чело́вкъ же, котораго Онъ возлюбилъ болѣе всѣхъ своихъ созданій, далъ Господь самый источникъ знаній — разумъ: источникъ, изъ котораго чело́вкъ черпаетъ уже нѣсколько тысячелѣтій и не можетъ исчерпать всего, что въ немъ находится. Этотъ-то неисчерпаемый источникъ знанія, частица божественнаго разума, даетъ чело́вкъ возможность образовываться, знать болѣе и болѣе, становиться умнѣе и улучшать свое состояніе. И надобно сказать правду, что чело́вкъ умѣлъ воспользоваться этимъ даромъ Божиимъ и сдѣлался властелиномъ земли и царемъ всѣхъ животныхъ, изъ которыхъ многія гораздо сильнѣе его. Слону также легко раздавить чело́вка какъ намъ раздавить мышъ; но чело́вкъ, пользуясь своимъ разумомъ, заставилъ слона повиноваться себѣ. Во сколько разъ тигръ и левъ сильнѣе

и ловче человѣка! Но человѣкъ избрѣлъ порохъ—и природная сила слона и льва пали передъ разумною силою человѣка.

Такъ щедро одарилъ Господь свое любимое созданіе,—человѣка! Онъ не только далъ ему тѣло и живую душу; но и вдохнулъ въ него бессмертный, разумный и свободный духъ. Онъ далъ ему разумъ—источникъ всѣхъ знаній; Онъ далъ ему совѣть, чтобы онъ различалъ добро отъ зла; Онъ далъ ему волю, чтобы онъ свободно могъ дѣлать добро; Онъ далъ ему чувство красоты и, наконецъ, вложилъ въ него понятіе о Божествѣ. Какъ-же намъ, видя такую любовь Творца къ людямъ, не любить Его, не молиться Ему, не исполнять его воли, не полагаться на Его премудрость и на Его неисчерпаемое милосердіе.

Сотвореніе человѣка.

Прекрасна была юная земля, только-что явившаяся по слову Божию; но человѣка на ней еще не было и некому было любоваться ея красотою. Днемъ яркое солнце всходило на небо и лило на землю свѣтъ и тепло; ночью подымалась кроткая луна и сверкали мириады звѣздъ; голубой сводъ неба, убранный золотыми и серебряными облаками, высоко вздымался чуднымъ, ненагляднымъ шатромъ; волновалось и шумѣло безбрежное море; высокія горы подымали выше облаковъ свои блестящія, серебряныя вершины; повсюду лились полныя, синія рѣки, кипѣли и разсыпались брызгами пѣнистые водопады, журчали свербающіе ручьи, пробираясь въ душистой, сочной травѣ; высокія пальмы качали своими гордыми верхушками; тѣнистые лѣса говорили съ легкимъ, прохладнымъ вѣтромъ; зеленыя поля, усыпанныя роскошными цвѣтами, благоухали; красивыя животныя прыгали и рѣзвились; ярко-пестрыя птицы и блестящія насѣкомыя, сверкая какъ алмазы, носились въ воздухѣ; соловей пѣлъ свою громкую пѣсню, — но человѣка еще не было и некому было наслаждаться всею роскошью Божьяго міра.

Солице, луна и звѣзды, блестящія, но безчувственные, текли указаннымъ имъ путемъ, не видя и не чувствуя ничего, даже своей собственной прелести. Роза благоухала и красовалась, не

зная, какъ она прекрасна; соловьиная пѣсня не услаждала ничего слуха. Животныя, хотя и видѣли и слышали все, но не понимали ни красоты природы, ни премудрости законовъ, по которымъ она создана. Удовлетворивъ своимъ тѣлеснымъ потребностямъ, животное веселилось; не требуя красоты, искало только пищи и, пожирая премудрыя созданія Божіи, не подозрѣвало, сколько премудрости въ каждой, самой маленькой травкѣ. Ни одно изъ нихъ не могло даже поднять головы къ небу и сказать съ благодарностью: «Создатель, какъ Ты великъ и милостивъ! какъ я люблю Тебя!» Все, что было создано, жило по законамъ Создателя и не могло жить иначе, не имѣя своей воли; не могло грѣшить, за то не могло дѣлать и добра, не зная, что такое зло и добро.

Увидя, какъ хороша мѣръ, Господь, исполненный любви, захотѣлъ создать существо, которое бы по бессмертному духу своему было подобно Ему Самому, Создателю Вселенной, — которое бы исполняло Его законы не по необходимости, какъ всѣ прочія твари, но понимая ихъ мудрость и благость;—стремилось бы къ истинѣ, добру и красотѣ по собственному желанію и убѣгало лжи, зла и грѣха изъ отвращенія къ нимъ.

«Создадимъ человѣка по образу и по подобию нашему,» сказалъ Господь и, сотворивъ изъ земли чудно-прекрасное тѣло, вдохнулъ въ него изъ собственныхъ творческихъ устъ Своихъ бессмертную, разумную и свободную душу. Открылъ глаза человѣкъ: съ удивленіемъ и восторгомъ взглянулъ онъ на мѣръ, и душа его, чувствуя свое божественное происхожденіе, исполнилась счастья, благодарности и любви къ Создателю.

«Какъ ни хороша земля, но грустно будетъ человѣку жить на ней одному,» подумалъ Господь и, желая увеличить счастье человѣка, создалъ ему прекрасную подругу. Окончивъ созданіе, сказалъ Господь первымъ людямъ: «Любите другъ друга, размножайтесь, наполняйте землю и обладайте ею: все, что есть на ней, я дарю вамъ!»

Мѣсто, гдѣ жили первые люди, находилось въ теплой и роскошной странѣ,—тамъ, гдѣ Тигръ и Евфратъ и теперь еще сливаютъ свои воды. Но, увы, теперь на этомъ мѣстѣ грустная и дикая пустыня! Видны развалины большихъ городовъ, занесенныхъ

пескомъ; вокругъ все мертво; солнце жжетъ немилосердно—и только злой шакалъ и свирѣпый тигръ нарушаютъ своимъ ревомъ мертвое молчаніе пустыни.

ОТДѢЛЪ II.

ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРИИ.

ЛѢТОПИСЕЦЪ.

Келья Чудова монастыря въ Москвѣ; ночь; старый, съдой какъ лунь, монахъ Пименъ сидитъ и пишетъ передъ лампадой; молодой монахъ, послушникъ старика, Григорій спитъ).

Пименъ. Еще одно, послѣднее сказанье—и лѣтопись окончена моя, исполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога мнѣ грѣшному. Недаромъ многихъ лѣтъ свидѣтелемъ Господь меня поставилъ и книжному искусству вразумилъ. Когда нибудь монахъ трудолюбивый найдетъ мой трудъ усердный, безъимянный; засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду, и, пылъ вѣковъ отъ хартій отряхнувъ, правдивыя сказанья перепишетъ: да вѣдаютъ потомки православныхъ земли родной минувшую судьбу, своихъ царей великихъ помнятъ за ихъ труды, за славу, за добро,—а за грѣхи, за темныя дѣянья Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я съизнова живу; минувшее проходитъ предо мною.... Давно ль оно неслось событій полно, волнуясь, какъ море-окіанъ? Теперь оно безмолвно и спокойно. Немного лицъ мнѣ память сохранила, немного словъ доходитъ до меня, а прочее погибло не возвратно! Но близокъ день, лампада догоритъ—еще одно, послѣднее сказанье (*пишетъ*).

Григорій (*пробуждается*). Все передъ лампадой старикъ си-

дять, да пишетъ—и дремотой знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей. Какъ я люблю его спокойный видъ, когда душой въ минувшемъ погруженный, онъ лѣтопись свою ведетъ. И часто я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ: о темномъ ли владычествѣ Татаръ? о казняхъ ли свирѣпыхъ Іоанна? о буйномъ ли новгородскомъ вѣчѣ? о славѣ ли отечества? Напрасно: ни на челѣ высокомъ, ни во взорахъ нельзя прочесть его высокихъ думъ; все тотъ же видъ смиренный, величавый.... Такъ точно дякъ *), въ приказахъ по-сѣдѣлый, спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ, добру и злу внимая равнодушно, не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

А. Пушкинъ.

Ослѣпление Василька.

(1097.)

Въ 1097 году князья русскіе рѣшились уладить свои распри мирно и собрались на союзъ въ Любичъ, на берегу Днѣпра. Тутъ были внуки Ярослава: Святополкъ—великій князь кievскій, Владиміръ Мономахъ, Давидъ Игоревичъ, Олегъ и Давидъ Святославичи и правнукъ Ярослава, Василько Ростиславичъ. Здѣсь снова раздѣлили они между собою русскія области и цѣловали другъ другу крестъ на томъ, чтобы жить имъ мирно, не обижать другъ друга и всѣмъ идти на того, кто первый подыметъ ссору.

Но тутъ же, одинъ изъ удѣльныхъ князей—Давидъ Игоревичъ, недовольный своимъ удѣломъ, захотѣлъ увеличить его на счетъ своего сосѣда, Василька Ростиславича, и задумалъ противъ него злое дѣло. Пріѣхавъ въ Кіевъ, онъ напугалъ великаго князя Святополка тѣмъ, что будто Василько съ Владиміромъ Мономахомъ думаютъ отнять у него Кіевскую область, и когда Василько, возвращаясь изъ Любеча, проѣзжалъ мимо Кіева со своею дружиною и остановился подъ Кіевомъ ночевать, то по утру Святополкъ прислалъ къ нему, говоря: «не уходи отъ именинъ моихъ.» Василько отвѣчалъ, что спѣшитъ домой; но тутъ прислалъ къ не-

*) Такъ назывался въ старыя времена главный чиновникъ въ судѣ.

му и Давидъ, говоря: «не ходи, братъ, не ослушайся брата старѣйшаго.» Василько не послушалъ и Давида. «Видишь ли,» сказалъ тогда Давидъ Святополку: «Василько не хочетъ слушать тебя, старѣйшаго брата; увидишь, что когда онъ придетъ домой, то станетъ отнимать у тебя твои города, тогда вспомнишь слова мои, да будетъ поздно. Созови-ка лучше кѣвлянъ, схвати его и отдай мнѣ.» Святополкъ послушалъ Давида и послалъ сказать Васильку: «если не хочешь дожидаться именинъ моихъ, то приди по крайней мѣрѣ, проститься и побесѣдовать со мною и съ Давидомъ.» Василько сѣлъ на коня и поѣхалъ въ Кіевъ; на дорогѣ встрѣтилъ его отрогъ и сказалъ ему: «Не ходи князь, въ Кіевъ: хотятъ тебя схватить.» Но Василько подумалъ: «какъ-же имъ хотѣтъ схватить меня, когда они цѣловали мнѣ крестъ, чтобы намъ жить мирно. Да будетъ воля Господня!» перекрестился—и поѣхалъ.

Когда Василько съ малою дружиною взѣхалъ на княжескій дворъ, то Святополкъ встрѣтилъ его и ввелъ въ горницу, гдѣ Давидъ сидѣлъ молча, будто нѣмой. «Останься съ нами на праздникъ,» сказалъ Святополкъ Васильку; но тотъ отвѣчалъ: «не могу остаться, братъ; я уже приказалъ моему обозу отправиться впередъ.»—«Позавтракай же, по крайней мѣрѣ, съ нами,» сказалъ Святополкъ: «посидите здѣсь не много съ братомъ, а я пойду распоряжусь,» и вышелъ вонъ. Оставшись съ Давидомъ, Василько началъ было заговаривать съ нимъ, но Давидъ не отвѣчалъ ни слова (у него было на сердце злое дѣло), и, посидѣвъ не много, всталъ и вышелъ. Тогда вошли воины, заковали Василько въ оковы, заперли въ горницу и приставили къ ней на ночь стражу. Поутру Святополкъ созвалъ на совѣтъ бояръ своихъ и кѣвлянъ и, рассказавъ имъ все, что говорилъ ему Давидъ о Василькѣ, спросилъ ихъ совѣта. «Тебѣ слѣдуетъ самому беречь свою голову,» отвѣтили кѣвляне: «если Давидъ сказалъ правду, то Василька слѣдуетъ казнить; если же нѣтъ—то Богъ отомститъ Давиду.» Святополкъ хотѣлъ пустить Василька, но Давидъ сказалъ: «еслипустишь—то ни тебѣ не княжить, ни мнѣ,» и подговаривалъ на ослѣпленіе. Въ ту же ночь отвезли скованнаго Василька въ Бѣлгородъ, не большой городъ, въ верстахъ въ 10 отъ Кіева, и засадили его въ тѣсную горницу, куда, спустя не много, вошелъ

торчинъ и сталъ точить ножъ. Василько догадался, что его хотятъ ослѣпить и горько заплакалъ. За торчиломъ еще вошли два конюха и бросились на Василька, стараясь повалить его, но не могли одолѣть, потому что онъ защищался изо всѣхъ силъ. Тогда пришли еще люди, повалили князя, наложили на него доски, такъ что кости его захрустѣли, и ослѣпили. Князь лежалъ безъ чувствъ, какъ мертвый; его завернули въ коверъ, положили въ телѣгу и повезли во Владиміръ. На дорогѣ, въ мѣстечкѣ Воздвиженъ, провозатые князя остановились обѣдать; сняли съ него окровавленную сорочку и отдали вымытъ попадѣ. Попадья одѣла князя въ чистую сорочку и, сяди возлѣ, плакала надъ нимъ, какъ надъ мертвымъ. Но князь очнулся и спросилъ: «гдѣ я?» ему отвѣчали: «въ Воздвиженъ»; тогда онъ попросилъ напиться; напился и пришелъ въ себя; ощупалъ, что на немъ была чистая сорочка и сказалъ: «зачѣмъ меня переодѣли? пусть бы я въ той кровавой сорочкѣ умеръ и сталъ на судъ передъ Богомъ.» Отобѣдавши, провозатые князя повезли его далѣе по дурной и тряской дорогѣ, по грудѣ, потому что тогда была осень и грязь на дорогахъ взялась комьями. На шестой день привезли Василька во Владиміръ и засадили въ темницу.

Когда Владиміръ, одинъ изъ внуговъ Ярослава, прозванный Мономахомъ, услышалъ объ этомъ злодѣйскомъ дѣлѣ, то горько заплакалъ и сказалъ: «такого зла не было еще въ Русской землѣ, ни при дѣдахъ, ни при отцахъ нашихъ,» и послалъ другимъ князьямъ сказать: «братья! поправимъ скорѣе это дѣло! Если мы начнемъ другъ съ другомъ расправляться ножами, то погибнемъ всѣ, а половцы придутъ и возьмутъ Русскую землю». Нѣкоторые князья пристали ко Владиміру и онъ послалъ отъ себя и отъ нихъ сказать Святополку: «что ты это сдѣлалъ? зачѣмъ ослѣпилъ брата своего? если онъ былъ виновенъ, то ты могъ обличить его передъ нами». Святополкъ началъ извиняться, сваливая всю вину на Давида: «Давидъ», говорилъ онъ, «сказалъ мнѣ, что Василько хочетъ убить меня, занять мои города и что онъ и Владиміръ поглядятся другъ другу выгнать меня изъ Кіева. Я долженъ былъ поневолю защищать свою голову; да и не я его ослѣпилъ, а Давидъ: онъ же и увелъ его къ себѣ». — «Это не извиненіе», отвѣ-

чали послы Владиміровы: «не въ Давидовъ городъ взять и ослѣпить Василько, а въ твоёмъ», и, сказавши это, ушли. На другой день, утромъ, войска Владиміра и его братьевъ стали переправляться чрезъ Днѣпръ. Святополкъ испугался и хотѣлъ уже бѣжать изъ Кіева; но кіевляне не пустили его и послали къ Владиміру знатныхъ пословъ, говоря: «умоляемъ тебя, князь, и братьевъ твоихъ, не губите вы земли Русской: если вы будете воевать между собою, то половцы возрадуются и возьмутъ нашу землю. Отцы и дѣды ваши сражались за Русскую землю, а вы хотите погубить ее». Услышавъ это, Владиміръ заплакалъ: «по истинѣ такъ», сказалъ онъ: «отцы и дѣды наши соблюли Русскую землю, а мы ее губимъ!» и согласился на миръ; но съ тѣмъ условіемъ, чтобы Святополкъ самъ шелъ на Давида, такъ какъ Давидъ первый поднялъ весь этотъ раздоръ.

Услышавъ о близкой бѣдѣ, Давидъ Игоревичъ ночью послалъ за однимъ монахомъ, Василиемъ, котораго Василько зналъ и любилъ. Этотъ-то Василий и описалъ страшное злодѣйство, которому былъ отчасти очевидцемъ, а мы съ его словъ рассказали вамъ. «Мнѣ говорили», сказалъ Давидъ Игоревичъ Василию, «что Василько изъявилъ желаніе послать ко Владиміру и уговорить его воротиться. Поди же ты къ своему тезкѣ и скажи ему, что если онъ это сдѣлаетъ, то я дамъ ему любой городъ», и перечислилъ при этомъ нѣсколько городовъ, принадлежавшихъ Васильку.

Монахъ пошелъ въ темницу къ Васильку и передалъ слова Давида. «Не общалъ я посылать ко Владиміру», отвѣчалъ Василько, «но пожалуй пошлю, чтобы изъ-за меня не проливалась кровь; удивляюсь только, какъ это Давидъ даетъ мнѣ мои же города». Выславъ слугъ вонъ, сказалъ Василько монаху: «слышу я, что хочетъ Давидъ выдать меня ляхамъ, видно, не насытился онъ еще моей кровью — хочется еще! Я же ляхамъ много сдѣлалъ зла и хотѣлъ сдѣлать еще больше и отомстить за Русскую землю. Не боюсь я смерти; но вотъ что скажу тебѣ: справедливо наказалъ меня Господь за мою гордость; потому что когда пришла ко мнѣ вѣсть, что могутъ придти ко мнѣ на помощь берендей, печенѣги и торки, то я подумалъ: скажу-ка я братьямъ моимъ Володарю и Давиду: дайте только мнѣ свою младшую дружину, а сами пейте

и веселитесь. Самъ же думалъ: пойду зимою на ляхскую землю, а къ лѣту и возьму ее, а потомъ пойду на болгаръ дунайскихъ, захвачу ихъ и посажу на мои земли; потомъ отправлюсь войною на половцевъ, и либо сложу свою голову, либо добуду себѣ славы. На братьевъ-же моихъ, клянусь Богомъ! я не умышлялъ ничего злаго; за гордость мою низложилъ меня Господь и смирилъ».

Однако же Давидъ не выпустилъ Василька изъ тюрьмы, а далъ ему волю только тогда, когда братъ Василька, Володаръ принудилъ его къ тому силою.

Выпущенный на волю Василько, хотя и слѣпой, тотчасъ же принялся метить Давиду и принудилъ его выдать ему тѣхъ людей, которые подучили Давида на злое дѣло. Василько повѣсилъ этихъ людей и велѣлъ разстрѣлять ихъ стрѣлами. Много перебилъ онъ и невинныхъ, мстя Давиду за свое ослѣпленіе.

Изъ этого разсказа объ ослѣпленіи Василька мы уже можемъ заключить, что Владиміръ прозванный Мономахомъ, былъ очень умный, справедливый и добрый князь, любилъ народъ и заботился о благѣ всей Русской земли. Вотъ почему по смерти Святополка (въ 1113 г.) кіевляне собрались на совѣтъ и объявили, что не хотятъ имѣть другаго князя, кромѣ Владиміра, и послали звать его на престолъ великокняжескій.

Владиміръ Мономахъ.

(1113—1125).

Одинъ изъ внуковъ Ярослава, Владиміръ, прозванный Мономахомъ, еще при отцѣ своемъ, Всеволодѣ Ярославичѣ, и потомъ въ княженіе своего брата, Святополка, много послужилъ Русской землѣ. По всей Руси извѣстенъ былъ Мономахъ своимъ миролюбіемъ, вѣрностію своего слова, любовью къ народу, милосердіемъ къ бѣднымъ, справедливостію ко всѣмъ, гостепріимствомъ, дѣятельностію, благочестіемъ, великимъ умомъ и великимъ мужествомъ. Неразъ отражалъ онъ набѣги половцевъ, неразъ билъ ихъ и въ самыхъ степяхъ, болѣе ста половецкихъ хановъ похитилъ и выпустилъ на волю; болѣе двухъ сотъ перебилъ и пото-

пиль. Такъ, въ 1103 году сошелся Владиміръ съ Великимъ княземъ Святополкомъ и сталъ думать съ нимъ, какъ бы имъ напасть на половцевъ, которые во время раздоровъ дѣтей и внуковъ Ярослава разорили много городовъ, построенныхъ по окраинамъ степи, врывались и въ самый Кіевъ. Дружина Святополкова стала говорить, что негодится весною отнимать земледѣльцевъ отъ пашни и отбирать у нихъ лошадей. «Странно мнѣ, сказала на это Владиміръ, что жалѣете вы лошади, которою пахнетъ пахарь, а того не подумаете, что начнетъ пахарь орать, а половчанинъ прѣдетъ, убьетъ и пахаря стрѣлою, возьметъ и лошадь, а въѣхавъ въ село, возьметъ и жену пахаря и дѣтей его и все его имѣнье. Вамъ жаль лошади пахаря, а самаго его, видно, не жаль!» На это ничего не могла отвѣчать дружина Святополкова; а Святополкъ всталъ и сказалъ: «Я готовъ идти съ тобою.» «Великое добро сдѣлаешь, братъ, ты землѣ Русской,» отвѣчалъ ему Владиміръ. И послали они приглашать другихъ князей, изъ которыхъ одни согласились идти съ нимъ, а другіе отказались.

Однако же войска собралось довольно и пошли русскіе внизъ по Днѣпру, на коняхъ и въ лодкахъ, и остановились пониже пороговъ, у острова Хортицы, который неразъ былъ сборнымъ мѣстомъ нашихъ степныхъ походовъ. Отсюда пошли они въ глубь степей, къ самому Дону, куда заходилъ только одинъ Святославъ. На берегахъ Сала, рѣчки впадающей въ Донъ, русскіе сошлись съ главными толпами половецкими. Половцевъ было такъ много, что нельзя было и обозрѣть, и полки половецкіе, какъ боровы, двинулись на русскіхъ. Но русскіе дрались мужественно, такъ что ужасъ напалъ на половцевъ и разбѣжались они куда попало. Русскіе же преслѣдовали ихъ по степи и убили до 20 хановъ, а одного изъ нихъ Бельдюзя взяли въ плѣнъ и привели къ Святополку. И началъ Бельдюзь давать за себя и золота, и серебра, и коней, и скота много; но Святополкъ отослалъ его къ Владиміру. «Ты вѣдь зналъ, сказалъ хану Владиміръ, что вы клялись не воевать Русской земли, зачѣмъ же ты не уговаривалъ людей своихъ и племя свое не преступать клятвы, а еще и самъ проливаешь кровь христіанскую?» и велѣлъ убить его.

Слухъ объ этой побѣдѣ разнесся не только по Руси, но и въ чужихъ земляхъ, и еще болѣе возвеличилъ имя Владиміра.

Вотъ почему, когда умеръ Святополкъ, Кіевляне никого не хотѣли имѣть своимъ княземъ, кромѣ Владиміра Мономаха, и въ Кіевѣ сдѣлался даже бунтъ, такъ какъ Владиміръ медлилъ принять Кіевскій столъ.

При Владимірѣ Мономахѣ Русь успокоилась; междоусобія прекратились, потому что младшіе князья повиновались Владиміру, какъ отцу, а кто пытался заводить междоусобія, того онъ наказывалъ, отнимая удѣлъ.

Владиміръ оставилъ дѣтямъ своимъ длинное поученіе, изъ котораго можно видѣть, какъ жилъ этотъ дѣятельный князь.

«Всѣхъ большихъ походовъ моихъ, пишетъ Владиміръ, было 83, а меньшихъ и не упомню. Двадцать разъ безъ одного заключалъ я миръ съ половцами еще при отцѣ, а потомъ безъ отца; сто князей половецкихъ выпустилъ изъ плѣна, а до двухъ сотъ перебилъ и потопилъ. Много трудился я и на охотѣ, по ступуровъ (зубровъ) уганивалъ въ дѣто, вязалъ дикихъ коней своими руками по десяти и двадцати. Два тура метали меня на рогахъ и съ конемъ; олень бодалъ; одинъ лось топталъ ногами, а другой бодалъ; дикій кабанъ сорвалъ у меня мечъ; медвѣдь прокусилъ попону у самаго колѣна; лютый звѣрь сосочилъ на меня и опрокинулъ коня подо мною;—но Богъ сохранилъ меня невредимымъ. Сколько разъ падалъ я съ коня! дважды разбилъ себѣ голову; повреждалъ руки и ноги и не берегъ головы своей съ юности. Что нужно бы дѣлать отрокамъ моимъ, то я дѣлалъ самъ, на войнѣ и на охотѣ, ночью и днемъ, въ зной и холодъ, не давая себѣ покою. Не надѣялся я ни на посадниковъ, ни на бирючей, а самъ дѣлалъ все, что было надобно. Не давалъ я обидѣть убогой вдовицы и бѣднаго пахаря; самъ заботился я о церковной службѣ. Но не думайте, дѣти, или тотъ, кто прочтетъ мое завѣщаніе, что я хвастаюсь: нѣтъ, я только хвалю Бога и прославляю милость Его, что Онъ столько лѣтъ соблюдалъ меня грѣшнаго отъ всякой смертельной напасти и сотворилъ меня не лѣнивымъ на всякое дѣло, потребное человѣку. Такъ и вы, дѣти мои, смерти не бойтесь ни на войнѣ, ни на охотѣ; но творите

всякое дѣло приличное мужинѣ, какъ вамъ Богъ дастъ. Если не суждено Богомъ, то не погибнете вы ни на войнѣ, ни отъ звѣря, ни отъ воды, ни съ коня упавши; а если смерть назначена отъ Бога, то не спасутъ васъ ни отецъ, ни мать, ни братья!»

Кромѣ того, Владиміръ въ поученіи своемъ даетъ дѣтямъ разные совѣты, изъ которыхъ видно, какъ этотъ князь смотрѣлъ на свои обязанности. «Нигдѣ и никогда, говоритъ онъ, не забываете Господа и уповайте на Него; покаяніе, слезы и милостыня— не тяжкая заповѣдь Божія; а ея вы избавитесь отъ грѣховъ и царствія Божія не лишитесь. Больше же всего не забывайте убогихъ, кормите ихъ сколько можете и одарите сироту, а вдовицу оправдайте сами, не отдавая ее во власть сильнаго человѣка. Не убивайте ни правого, ни виноватаго и не повелѣвайте убить, если даже будетъ повиненъ смерти: не губите ни одной христіанской души. Не клянитесь понапрасну, а давши клятву, соблюдайте ее строго. Уважайте духовенство: оно молится за насъ; но болѣе всего не имѣйте гордости ни въ сердцѣ, ни въ умѣ. Всѣ мы смертны; — сегодня живы, а завтра въ гробѣ. Все, что есть у насъ, не наше, а дано намъ Богомъ на малое время; а потому, не хроните вашихъ богатствъ въ землю—это великій грѣхъ. Старика уважайте какъ отца; молодого, какъ брата. Дома сами за всѣмъ смотрите, не полагаясь на другихъ, что бы тотъ, кто приходитъ къ вамъ, не посмѣлся надъ домомъ вашимъ и надъ обѣдомъ вашимъ. Выйдя на войну, не полагайтесь на воеводу, не думайте о снѣ, пищѣ и питьѣ, а сами разставляйте стражу и не ложитесь спать прежде, чѣмъ все устроите. Ложитесь тутъ же съ воинами, не снимая съ себя оружія: отъ безпечности нерѣдко гибнетъ человѣкъ. Проходя по селамъ, не позволяйте своимъ людямъ никого обижать, чтобы васъ не проклинали. Кормите странника, чествуйте гостей; они разносятъ объ насъ добрую и худую славу. Больнаго посѣтите, мертвеца проводите, и всякому встрѣчному человѣку скажите привѣтливое слово. Что знаете, того не забывайте, а чего не знаете, тому учитесь: отецъ мой, сидя дома, выучился пяти языкамъ. За знаніе славятъ насъ въ чужихъ земляхъ;—лѣнливый же позабудетъ и то, что знаетъ. Пусть не застаетъ васъ солнце въ постели. Такъ дѣлалъ отецъ мой: отслу-

шавъ заутреню и встрѣтивъ солнце хвалою Господу, садился думать съ дружиною, или давать судъ людямъ, или ѣхалъ на охоту, а въ полдень ложился отдыхать. Спать ужъ отъ Бога присуждено полудню, и въ полдень спать и звѣрь, и птица, и человѣкъ.»

Мономахъ скончался въ 1125 году, оставивъ по себѣ многочисленную и сильную семью, изъ которой вышли князья Владимірскіе, а потомъ князья и цари Московскіе.

НАШИ ДРЕМУЧІЕ ЛѢСА.

Все лѣсъ да лѣсъ, и вчера и сегодня и завтра, цѣлую недѣлю лѣсъ, безъ перерыву, надоѣлъ смертельно; и тоска неволью схватываетъ душу въ этой лѣсной пустынѣ.

Я ѣхалъ верхомъ по грязной лѣсной дорогѣ. Лошадь моя то едва вытаскивала ноги изъ грязи, то спотыкалась о корни деревьевъ, то останавливалась передъ громадною сосною, которой вздумалось улечься поперекъ самой дороги. Ямщикъ мой ѣхалъ въ телѣгѣ; но я давно уже отказался отъ этого удовольствія, потому что тряска измучила меня. Особенно какъ застучать колеса по сгнившей бревенчатой мостовой, то думаешь, что душа съ тѣломъ разстается. Такіе мосты, вѣроятно, мостили изъ Кіева въ Новгородъ, когда Владиміръ собирался на непокорнаго Ярослава. Теперь тамъ счастливыцы катяты по гладкому шоссе.

Но вотъ въ глуби лѣса слышно журчанье ручья и мы скоро выѣзжаемъ на утлый бревенчатый мостикъ, подъ которымъ свѣтлая струйка воды шумитъ по каменистому *перебору*: такъ называютъ здѣсь маленькіе порожки изъ большихъ булыжниковъ, между которыми пробиваются лѣсные рѣчки и ручьи.

Слава Богу, несносный лѣсъ, кажется, начинаетъ рѣдѣть. Промежду толстыхъ, прямыхъ, какъ колонны, стволовъ сосенъ и лиственницъ, проглядываетъ небо, которое давно ужъ я вижу только надъ собою. Тороплю лошадь и выѣзжаю на большую *луговину*, поросшую ярко зеленой травой; но отъ чего это лошадь моя копится на эту бархатную траву?—Увы! Этотъ зеленый лугъ не больше, какъ бездонное болото, только сверху заросшее мохомъ и травой.

Дорога идетъ по высохшимъ кочкамъ и по наброшенному *фашишнику*, но я слышу, какъ она качается подъ ногами лошади. Вдали, по среди болота, видна открытая вода. Вотъ это наши русскіе *ледники*—источники нашихъ безчисленныхъ рѣкъ и рѣчекъ. Лѣсъ своими вершинами привлекаетъ облака, а съ ними и дожди, и защищаетъ влажную землю отъ иссушающаго вліянія солнца и вѣтра. Вырубите лѣсъ и—черезъ нѣсколько лѣтъ болото превратится въ кочковатый лугъ; ручьи начнутъ мелѣть, и многіе потомъ и совсѣмъ изсякнутъ. Въ Божьемъ мірѣ все имѣетъ свое назначеніе, и безъ дремучихъ лѣсовъ, которые мнѣ такъ теперь надобли, не было бы тѣхъ рѣкъ, по которымъ плаваютъ теперь безчисленные барки.

Но вотъ лѣсъ опять поглотилъ меня и моего проводника, спокойно дремавшаго въ телѣгѣ, подпрыгивающей на поларшина. Какая глушь! Даже птицъ не слышать ни одной; только бѣлка иногда перепрыгнетъ съ вѣтки на вѣтку, да вдали что-то затрещитъ: видно, Мишка пробирается къ себѣ домой въ берлогу. Дорога видимо подымается въ гору; но отъ этого нисколько не становится суше, напротивъ, еще грязнѣе. Мы подымаемся на одинъ изъ тѣхъ *уваловъ*, которые ползутъ какъ вѣтки отъ Уральскаго хребта, покрыты болотистыми лѣсами и поятъ безчисленные рѣки и рѣчки. Вотъ мы и на вершинѣ увала. Мой проводникъ недаромъ говоритъ, что здѣсь дрались лѣшіе. На пространствахъ нѣсколькихъ верстъ вокругъ лежатъ громадные деревья, вывороченныя съ корнемъ, перепутанныя вершинами и сучьями. По здѣшнему, это называется *ломомъ*. Вѣроятно эти ломы происходятъ отъ того, что лѣсъ на увалахъ выдвигается своими вершинами изъ общаго лѣснаго уровня и представляетъ удобный упоръ для вѣтра. Сколько гигантскихъ, мачтовыхъ деревьевъ гниетъ здѣсь по напрасну. Но куда и какъ ихъ вывести? Много *подстойнаго* лѣсу гибнетъ даромъ въ нашихъ сѣверовосточныхъ мѣстныхъ трущобахъ, тогда какъ въ степи за неимѣніемъ дерева топятъ соломой и *кизякомъ* и лѣмятъ мазанки изъ глины и тростника.

Благодаря огромному лому и вершинѣ увала, передо мной открылся далекій горизонтъ, котораго я давно ужъ не видѣлъ. И что за оригинальный видъ! Все лѣсъ да лѣсъ кругомъ, куда ни

посмотришь: то поднимается, то опускается по уваламъ до самаго горизонта—цѣлое зеленое море лѣса! А вонъ на *лысинѣ*, раскинулась по берегу рѣчки и то село, куда я ѣду. Село большое, съ красивою, каменною церковью. Вокругъ видно нѣсколько выселковъ или починковъ, какъ ихъ здѣсь называютъ: иной починокъ и весь-то изъ трехъ-четырехъ вновь срубленныхъ избъ. Когда-то и это село было такимъ же починомъ, а со временемъ и эти починки превратятся въ такіе же села и разошлютъ отъ себя по лѣсу новые выселки и починки. Топорь, коса и соха прилежно работаютъ вокругъ cadaго поселенія; можетъ быть, лѣтъ черезъ сто или побольше, населеніе разползется и въ этомъ мѣстѣ. Разноцвѣтныя нивы разлягутся по уваламъ, зеленые луга по берегамъ рѣчекъ; между селами и поселками пробѣгутъ дороги и дорожки, а лѣсъ превратится въ зеленые *острова*, боры и роши. Словомъ, можетъ быть, лѣтъ черезъ сто, или больше, наши внуки увидятъ здѣсь то же, что видимъ мы теперь въ серединѣ Россіи, гдѣ нибудь на берегахъ Оки. Вѣдь и тамъ прежде стояли такіе же не проглядные лѣса, по которымъ бродили чудскіе племена, промышлявшія охотою. Пришелъ русскій крестьянинъ, и мало по малу превратилъ дремучіе лѣса въ поля и луга и населенную, оживленную мѣстность.

Съ увала дорога пошла по берегу поридочной рѣчки и стало замѣтно посуше. Рѣчки въ лѣсахъ служатъ вмѣсто осушающихъ каналовъ и, потому, возлѣ нихъ всегда можно отыскать сухое мѣстечко. — Однако же, пора на ночлегъ: и лошадь пристала и мнѣ сильно захотѣлось отдохнуть.

Андрей Богословскій.

(1157—1174.)

Самое древнее поселеніе славянъ въ Россіи было, вѣроятно, на плодородной приднѣпровской равнинѣ. Но наши предки любили жить широко и, размножаясь, стали расселяться на сѣверъ и на востокъ. Еа сѣверъ расселились они по берегамъ Западной Двины, Ловати, Ильмени и Волхова, гдѣ хотя климатъ былъ суровѣе и почва не такъ плодородна, но зато многочисленныя озера

и рѣки представляли большое удобство для судоходства и торговли.

На востокъ распространились славяне вверхъ по Днѣпру, и внизъ по Окѣ, притоку Волги. Уже Святославъ нашелъ на Окѣ славянское племя Вятичей и обложилъ его данью. Съ Оки и съ береговъ Ильменя, изъ Новгородской области, славянскія поселенія распространились по верхнему теченію Волги.

Но чѣмъ далѣе отъ Днѣпра къ сѣверо-востоку, тѣмъ населеніе было скуднѣе, города и села рѣже, лѣса гуще, а болота непроходимѣе. По лѣсамъ бродили чудскія племена, занимаясь звѣроловствомъ; иные же построили кое-какіе города и вели съ новгородцами торговлю. Скоро однако славяне повсюду вытѣснили Чудь, которая или уходила дальше, или, оставалась возлѣ русскихъ, русла: принимала русскій языкъ и русскіе обычаи. Однако же эта сѣверо-восточная область, названная Суздальскою, по главному своему городу Суздалю, считалась самымъ бѣднымъ удѣломъ, а потому и досталась младшему сыну Владимира Мономаха, Юрію.

Юрій былъ князь дѣятельный; строилъ въ своей области города, прокладывая по лѣсамъ дороги, обращалъ язычниковъ въ христіанство и переселялъ въ свою область жителей изъ южной Россіи или добровольно, или плѣнныхъ. Однакоже Юрій, котораго прозвали *Долоружикъ* за то, что онъ изъ Суздаля добивался и добился наконецъ Кіева, переѣхалъ туда, какъ только сдѣлался великимъ княземъ, оставивъ Суздальскую область своему сыну Андрею.

Андрей, по смерти отца, принявъ титулъ великаго князя, остался жить въ Суздальской области и сумѣлъ оттуда владѣть Кіевомъ и смирить Великій Новгородъ. Взявъ Кіевъ приступомъ, Андрей первый изъ Русскихъ князей, отдалъ его на разграбленіе войску и поручилъ тамъ управлять своему брату.

Андрей былъ самовластнаго характера; онъ не раздавалъ удѣловъ ни братьямъ своимъ, ни племянникамъ—вездѣ управлялъ самъ и не позволялъ вмѣшиваться ни боярамъ, ни городскимъ вѣчамъ въ свои дѣла. Вотъ почему не взлюбилъ Андрей и старыхъ го-

родовъ, гдѣ старинные бояре и городскія вѣча привыкли вмѣшиваться въ дѣла управленія. Андрей не захотѣлъ жить не только въ Кіевѣ, но даже въ Суздаль и Ростовѣ, а переѣхалъ въ новый городъ, Владиміръ. Здѣсь, проживая по большей части около Владиміра, въ монастырь Боголюбовѣ, заботился онъ объ усиленіи и украшеніи Владиміра и хотѣлъ его сдѣлать такимъ же городомъ какъ Кіевъ: построилъ въ немъ золотыя ворота и храмъ Богоматери на подобіе кievскихъ, и не жалѣлъ денегъ на украшеніе церквей; за что духовенство его очень любило. Но не любили Андрея Боголюбскаго старинные бояре, и рады были отъ него избавиться, потому что князь былъ строгъ съ ними.

Одинъ изъ братьевъ жены князя, Якимъ Кучковичъ, узнавъ, что Андрей велѣлъ за какое-то преступленіе схватить его брата и казнить, сталъ говорить своимъ родственникамъ и друзьямъ: «сегодня князь казнить одного, а завтра дойдетъ очередь и до насъ; слѣдуетъ намъ подумать, какъ бы отъ него отдѣлаться». Составился заговоръ изъ 20 человекъ, которые всѣ были близки къ князю и осыпаны его милостями. Въ день празднованія памяти апостоловъ Петра и Павла, заговорщики ночью пришли въ село Боголюбово, гдѣ жилъ тогда великій князь; вломились въ монастырскій дворъ, перебили стражу и подошли къ великокняжеской спальнѣ, дверь которой была заперта. Когда убійцы стали выламывать дверь, князь вскочилъ и сталъ искать меча своего, но меча не было. Ключникъ великаго князя, бывший въ заговорѣ, унесъ мечъ; а былъ то мечъ замѣчательный: принадлежалъ онъ прежде святому мученику Борису. Убійцы толпою ворвались въ спальню; но князь былъ силенъ, защищался и началась страшная свалка, такъ-что въ темнотѣ заговорщики убили одного изъ своихъ. Потомъ, однако, узнавъ князя, стали рубить его мечами и саблями, и, думая, что онъ уже мертвъ, подобрали убитаго товарища и ушли. Но князь былъ еще живъ. Онъ поднялся, началъ стонать и, истекая кровью, сталъ спускаться съ лѣстницы. Убійцы услышали стоны князя, воротились назадъ, зажгли свѣчу, по кровавымъ слѣдамъ отыскивали Андрея подъ лѣстницею, за столбомъ и здѣсь докончили его. Такъ погибъ этотъ умный и мужественный князь.

Въ монастырь Боголюбовѣ, въ 11-ти верстахъ отъ Владиміра,

показываютъ еще и теперь маленькую комнатку съ окошкомъ, выходящимъ въ церковь, лѣстницу и столбъ, въ углубленіи за которымъ спрятался несчастный князь. На стѣнахъ комнатки нарисованы сцены этого страшнаго злодѣйства.

Можно думать, что если бы Андрей пожилъ по дольше, то удѣльная система, приносившая столько вреда Россіи, еще при немъ была бы подкопана. Но по смерти Андрея немедленно же начались междоусобія между братьями его и племянниками. За племянниковъ стояли старинные города: Ростовъ и Суздаль, желавшіе отнять первенство у молодого города, Владиміра, который изъ пригорода сдѣлался стольнымъ городомъ. «Владимірцы наши холопы и каменщики, говорили Ростовцы: и мы опять дадимъ имъ посадника». Но Владимірцы отстояли свое первенство и права братьевъ Андрея. Одинъ изъ этихъ братьевъ, Всеволодъ III, одолѣлъ всѣхъ соперниковъ и сдѣлался самымъ могучимъ княземъ въ сѣверо-восточной Руси. Однако же власть надъ Кіевомъ была уже навсегда утрачена, и съ тѣхъ поръ южная или малая Россія стала отдѣляться отъ восточной.

Всеволодъ III, по отцу Юрьевичъ, по дѣду Мономаховичъ, получилъ прозваніе «*большаго княздя*», потому что имѣлъ многочисленное семейство и изъ этой-то семьи вышли великіе князья, потомъ и цари московскіе.

■ НАШИ СТЕПИ.

Отличительный признакъ степи—отсутствіе деревьевъ: ѣдешь десятки, сотни верстъ и взоръ, скользя по степи, до самаго горизонта не встрѣчаетъ нигдѣ не только снѣж, зубчатой полосы лѣса, но даже купы деревьевъ, даже какой нибудь уединенной вербы или березы. Скучна покажется степь для человѣка, привыкшаго жить или въ Малороссіи, гдѣ возлѣ каждаго бѣло-набѣло вымазаннаго домика, есть и старая липа и десятка два плодовыхъ деревьевъ, гдѣ городки и села точно купаются въ зелени. Скучна покажется она и для жителя Великой Россіи, гдѣ поля безпрестанно смѣняются рощами, луга перелѣсками, а на горизонтѣ непре-

мѣнно тянется синій лѣсъ. Не выносимо въ степи именно это отсутствіе зеленыхъ, шумящихъ вершинъ. Только тутъ начинаешь понимать, какъ украшаетъ вѣтвистое дерево всякій ландшафтъ.

Степная деревня не выглядываетъ на васъ изъ-за лѣсу или рощи, но какъ-то безпріютно разлеглась по степи и окружена со всѣхъ сторонъ тою же степью. Вы слѣдите далеко за извилами степной рѣки и нигдѣ не видите на берегу ея высокихъ, наклонившихся въ воду, деревьевъ. Степное озеро открыто со всѣхъ сторонъ: какъ будто на ладони лежитъ оно передъ вами, а по берегамъ торчатъ кусты высокой степной полыни и шуршатъ камыши. Посреди озера гуляетъ цѣлое стадо утокъ, но охотнику трудно подкрасться къ нимъ.

Однако же и степь степи рознь. Иная степь вся покрыта роскошною, высокою травою, въ которой дребезжитъ цѣлый міръ насѣкомыхъ; надъ степью то и дѣло вспархиваютъ перепелки, трепещутся звонкіе жаворонки, а высоко, въ синемъ воздухѣ, зоркіе орлы и коршуны. Милліоны цвѣтовъ разсыпаны по такой степи, рѣдко по одиночкѣ, а больше коврами, синими, красными, желтыми, или серебристыми, гдѣ развелась ковыль. Таковы многія изъ нашихъ тучныхъ, черноземныхъ Новороссійскихъ степей. Холмистою равниною тянутся онѣ къ югу отъ береговъ Десны и Сулы, и доходятъ до побережій Чернаго и Азовскаго морей, пропитанныхъ солью, песчаныхъ и бесплодныхъ. Таковы наши Воронежскія степи и степи по обоимъ берегамъ Дона, гдѣ раскиданы станицы Донскихъ казаковъ.

Но за Дономъ до Волги, начиная съ того мѣста, гдѣ обѣ эти рѣки такъ близко подошли одна къ другой, что ихъ связала желѣзная дорога въ 60 верстъ, и до береговъ Чернаго и Каспійскаго морей и предгорій Кавказа видъ степи сильно измѣняется: она здѣсь песчанѣе, пустыньѣе, бесплоднѣе. Здѣсь часто можно захватить въ такую глушь, что, куда ни взглянешь, повсюду песокъ да песокъ поднимается и опускается холмами, будто волны песчанаго моря. Если вѣтеръ разгуляется по такой степи, — а ему есть гдѣ разгуляться, — то эти волны песку переносятся съ мѣста на мѣсто и плохо приходится путнику въ такое время. Иног-

да, вмѣсто мелкаго песку, степь покрыта крупнымъ каменистымъ *хрищемъ*, который рѣжетъ ноги лошадей и верблюдовъ. Есть въ этой мѣстности и травянистыя мѣста, особенно тамъ, гдѣ весною разливаются рѣки и рѣчки; но, къ несчастію для кочующихъ здѣсь калмыковъ, такихъ рѣкъ и рѣчекъ не очень много.

Такова же степь и за Волгой до Урала; но здѣсь она пропитана солью и часто попадаются блестящіе на солнцѣ *солончаки* и соляныя озера. Самое замѣчательное изъ этихъ озеръ—*Елтонское*. Поселеній мало по этимъ степямъ, а больше кочуютъ киргизы и калмыки.

Сѣвернѣе, ближе къ *Общему Сырту*, тамъ, гдѣ эти отроги уральскихъ горъ входятъ въ степи, характеръ степей измѣняется. Здѣсь гораздо больше травы, хотя не высокой, но хорошо питающей многочисленныя башкирскія стада. Вы взбираетесь съ горы на гору и видите повсюду ту же безграничную, безлѣсную степь. Она вѣчно одна и та же, подымается на вершины и спускается внизъ: какъ будто какая нибудь подземная сила взволновала эту зеленую скатерть, не разорвавъ ее нигдѣ.

Чѣмъ дальше въ верхъ по Волгѣ, тѣмъ больше встрѣчается сель и обработанныхъ полей. У Симбирска степь ужъ превращается въ дуга и тучныя поля, покрытыя пшеницей.

Вся юго-западная часть Сибири, отъ Урала до Алтая, и вся средняя Азія, отъ Алтайскихъ горъ на сѣверъ, до Гималайскихъ на югъ, за которыми лежитъ богатая Индія; отъ Каспійскаго моря на западъ, до Китайской стѣны на востокъ—одна сплошная степь, кое-гдѣ перерѣзанная высокими горными хребтами. Есть гдѣ разгуляться кочевымъ пастушескимъ народамъ! По горнымъ склонамъ, оживленнымъ ручьями и рѣками, теряющимися потомъ въ пескахъ, есть и города и плодородныя мѣстности; но чѣмъ дальше отъ горъ, въ степную глушь, тѣмъ рѣже попадаются покрытые травой острова, оазисы, и тѣмъ большіе переходы должны дѣлать кочевая орда, когда, вытравивъ одну зеленую степь, ищетъ другой для своихъ многочисленныхъ стадъ. Стада же составляютъ все для кочеваго человѣка; и когда киргиза уговариваютъ распахать землю и посѣять хлѣбъ, то онъ съ гордо-

стію отвѣчаетъ: «траву Богъ создалъ для скота, а скотъ для человѣка.»

Походъ Игоря, князя Новгородсѣверскаго.

(1185 г.)

Въ 1184 и 1185 годахъ, половцы нападали на Русь, но были жестоко разбиты кievскимъ княземъ Святославомъ. Въ этихъ славныхъ битвахъ не принималъ участія молодой новгородсѣверскій князь, Игорь Святославичъ;—не потому не принималъ, чтобы онъ отрекался идти на *поганыхъ* (такъ зовутъ лѣтописцы половцевъ); «не дай Богъ отречется,» говорилъ Игорь: «поганые намъ общій врагъ!» но—единственно потому, что не могъ же онъ перелетѣть птицею изъ Новгородсѣверска на мѣсто битвы. Побѣхаль было даже князь, не смотря на убѣжденія старѣйшихъ изъ дружины, что ѣхать далеко и къ битвѣ онъ не поспѣетъ; но помѣшали ему сильныя степныя туманы, и онъ на дорогѣ узналъ, что половцы уже ушли въ степь.

Побѣды Святослава не давали, однако жъ, покоя удалому Игорю и его братьямъ, сѣверскимъ князьямъ.

«Развѣ мы такъ же не князья?» сказалъ Игорь: пойдемъ и мы, добудемъ себѣ чести и славы!» И сталъ готовиться къ походу; велѣлъ своему юному сыну, Владиміру, вести къ нему дружину изъ Путивля; велѣлъ племяннику своему спѣшить изъ Рыльска; выпросилъ себѣ въ помощь отрядъ черниговскихъ воиновъ, оповѣстилъ и своего младшаго брата Всеволода, князя трубчевскаго, прозваннаго *буйнымъ туромъ*, за свою неукротимость въ битвахъ; не далъ только Игорю знать въ Кіевъ старому Святославу, великому князю кievскому: боялся Игорь, что Святославъ станетъ удерживать его отъ похода или захочетъ самъ принять въ немъ участіе.

Не долго ждалъ Игорь отвѣта отъ своего милаго брата, Всеволода Трубчевскаго.

— «Одинъ ты у меня братъ, одинъ свѣтъ, свѣтъ Игорь; оба мы съ тобою Святославичи!» извѣщаетъ Игоря Буй-Турь-Всево-

лодь: «сѣдлай, братъ, своихъ борзыхъ коней, а мои уже готовы, осѣдланы стоятъ у Курска. Куряне, мои молодцы, тебѣ извѣстные Ихъ сповивали подъ звуки трубъ, подъ шлемами они выросли, концомъ копья вскормлены. Имъ вѣдомы всѣ степныя дороги, знакомы всѣ степныя овраги; луки у нихъ натянуты, колчаны отворены, сабли отточены: сами же они, какъ сѣрые волки, рыщутъ по полю, ищучи себѣ чести, а князю славы.»

Кони ржутъ за Сулою, трубятъ трубы въ Новгородсѣверскѣ, подняты стяги въ Путивлѣ: Игорь вступилъ въ свое золотое стремя, сѣхалъ съ горъ новгородсѣверскихъ и выѣхалъ съ дружиною въ чистое поле. Медленно подвигается онъ впередъ, собирая по дорогѣ дружину, поджидая князей. Вотъ онъ уже и на берегахъ малаго Дона, по пути къ великому Дону. Но что это дѣлается на небѣ? Солнцу еще далеко до заката, а ночная тьма легла внезапно на поля и рощи; птицы — въ страхѣ кричатъ и мечутся въ воздухѣ, волю режутъ въ стадахъ, кони ржутъ и подымаются на дыбы; изумленный Игорь смотритъ на небо — и видитъ, что солнце закрылось какимъ-то чернымъ щитомъ.

— «Что это значитъ, братцы?» спрашиваетъ князь у своей дружины.

— «Не добрый знакъ, князь!» говорятъ старѣйшіе изъ дружины, печально опуская головы: «не добро сулить намъ это небесное знаменіе.»

На минуту призадумался Игорь; но ему такъ сильно хотѣлось попытать счастья на берегахъ великаго Дона, что онъ не испугался даже и страшнаго небеснаго знаменія, и когда солнце опять засіяло на небѣ, сказалъ дружинѣ:

— «Чему быть, тому не миновать! Богъ—Господинъ всѣмъ намъ и этому знаменію: посмотримъ, что пошлетъ онъ намъ, добро или зло. Сядемте-жъ, братцы, на своихъ добрыхъ коней и пойдемъ посмотрѣть синяго Дона. Хочу сломить копые мое о край Половецкой земли! Хочу либо сложить мою голову, либо шлемомъ моимъ зачерпнуть воды изъ широкаго Дона.»

Двинулись русскіе далѣе. Дни стояли пасмурные; ночью ревѣли бури, такъ что птицы отъ страха вылетали изъ гнѣздъ, а зловѣщій шизинъ наводилъ тоску своимъ крикомъ. Но Игорь, соеди-

нившись съ своимъ братомъ Всеволодомъ, идетъ все дальше и дальше. Вотъ уже Игорева дружина за границую Русской земли, за высокимъ Половецкимъ валомъ: за нимъ стелется безграничная, пустынная, враждебная степь—степь половецкая. Голоса соловьевъ замолкли въ русскихъ рощахъ, только что одѣтыхъ весеннею зеленью; а степные орлы уже носятся надъ Игоревою дружиною и флекткомъ своимъ будто сзываютъ дикихъ звѣрей на кровавый пиръ; крикливыя галки застилаютъ небо черными стаями и слѣдятъ за русскими, чуя кровавую добычу; волки воютъ въ степныхъ оврагахъ, а степныя лисицы, показываясь вдали, лаютъ на красныя щиты Игоревой дружины; но она, сомкнувшись стройными рядами, уходитъ все дальше и дальше въ безбрежную степь, ища себѣ чести, а князю славы.

Послали удалцевъ впередъ, въ степь, развѣдать, что дѣлается половцы; и развѣдчики, воротясь, сказали князьямъ: «половцы всполошились, ихъ много и они готовятся къ битвѣ: или идите скорѣй, или воротитесь назадъ: теперь не наше время.»

— «Нѣтъ,» отвѣчалъ Игорь и другіе князья: «ворочаться поздно; стыдъ хуже смерти. Пойдемъ дальше; что Богъ дастъ, то и будетъ.»

Ѣхали не быстро: кони у русскихъ были слишкомъ тучные; ѣхали весь день и всю ночь, и только на другой день къ обѣду встрѣтили полки половецкіе. Битва продолжалась не долго: перваго молодецкаго натиска не выдержали поганые и кинулись бѣжать къ своимъ вѣжамъ (кочевьямъ). Русскіе пошли въ погоню за половцами. Всполошилась вся половецкая степь: поспѣшно собираютъ половцы свои кибитки, укладываются наскоро какъ попало, гонятъ скотъ и, не разбирая дороги, напрямикъ бѣгутъ къ великому Дону. Повсюду распространилась тревога, и въ полночь половецкія телѣги скрипятъ по степи, какъ распуганное стадо лебедей. Бѣгутъ половцы, а русская дружина въ погоню за ними, разсыпалась стрѣлами по полю: ловить плѣнныхъ, беретъ награбленное золото, парчи, дорогія ткани; столько набрали добычи, что половецкими войлоками и шубами гатили болота, устилали топи.

Только ночь остановила преслѣдованіе. Русскіе расположились

отдыхать на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ еще недавно стояли половецкія кибитки. Три дня пировали русскіе, пировали и хвалились: «братья наши съ княземъ Святославомъ били половецвъ, озираясь на Переяславль, не смѣя идти въ землю половецкую; мы же сами зашли сюда, въ самую середину половецкой земли, поганныхъ перебили, женъ и дѣтей ихъ переловили; а теперь пойдѣмъ за Донъ, дойдѣмъ до самаго моря, куда не ходили ни отцы, ни дѣти наши; перебьемъ поганныхъ до одного, и до конца возьмемъ себѣ всю славу и честь.»

Такъ-то отдыхали посреди половецкихъ степей внуки храбраго Олега Черниговскаго, птенцы одного родимаго гнѣзда. Далекое, далеко залетѣло ты, храброе гнѣздо Олегово! Но... не на обиду порождено оно ни соколу, ни кречету, ни тебѣ, черный воронъ, поганый половчанинъ!

Ханъ половецкій, Гзакъ, рыщетъ по степи сѣрымъ волкомъ, собирая отовсюду своихъ распуганныхъ половецвъ; ханъ половецкій, Кончакъ, править ему путь къ великому Дону.

На третій день встаетъ надъ степью кровавая заря, поднимаются съ моря черныя тучи, трепещутъ въ нихъ синія молніи: быть грому великому; идти дождю стрѣлами надъ Дономъ великимъ; много переломится копій, много иступится сабель о половецкіе шлемы—на рѣкѣ на Кааялѣ, у великаго Дона.

Земля стонетъ, рѣки мутятся, пыль столбомъ стоитъ на степи: половцы идутъ отъ Дона и отъ моря, оглашаютъ степь пронзительнымъ крикомъ; какъ черныя тучи облегли они русскихъ со всѣхъ сторонъ; со всѣхъ сторонъ стоятъ, какъ стѣны, половецкіе полки.

— «Что жъ, братцы! мы сами этого искали, сами подняли на себя всю половецкую землю!» сказалъ Игорь, вынимая изъ ноженъ свой широкій мечъ: «если побѣдимъ, то простыхъ людей оставимъ и будетъ на насъ тяжелый грѣхъ; умремъ ли, будемъ живы,—но вмѣстѣ.»

И началась кровавая сѣча.

Буй-Туръ Всеволодъ со своими курынами—впереди всѣхъ: онъ прыщетъ на половецвъ стрѣлами, гремитъ о ихъ шлемы стальными мечами; куда только Буй-Туръ ни кинется, своимъ золотымъ

шлемомъ посвѣчивая, тамъ валятся половецкія головы, разлетаются въ щепы крѣпкіе аварскіе шлемы. Чего побоятся Буй-Туръ, когда онъ все забылъ для славы: и родимый городъ—Черниговъ, и золотой престолъ своего отца, и свою милую жену, красавицу Глѣбовну?

Тяжело раненъ въ руку Игорь, но держится онъ еще на конѣ и ободряетъ воиновъ.

Съ утра до вечера и съ вечера до утра летятъ калены стрѣлы, гремятъ сабли о шлемы, трещатъ стальные копыя посреди необозримой глухой степи половецкой. Почернѣла зеленая степь подъ копытами лошадей; усѣяна она трупами, полита кровью; тяжелая печаль взойдетъ на ней для всей Русской земли!

Русскіе изнемогаютъ отъ усталости и жажды: половцы не пускаютъ ихъ зачерпнуть воды изъ рѣки Кааялы. Пробились русскіе къ водѣ, но дорого имъ стало: половцы прижали ихъ со всѣхъ сторонъ къ самому берегу. Много уже пало добрыхъ витязей; но бьются еще русскіе, живъ еще Игорь, буйнымъ туромъ носится еще Всеволодъ.

Бились день, бились другой — на третій день къ полудню пали стяги Игоревы! Игорь въ плѣну, Игоря везутъ поганые половцы, пересаживаютъ изъ княжескаго сѣдла въ поганое сѣдло половецкое. Но князь забылъ все и смотритъ только на любимаго брата Всеволода. Всеволодъ еще бьется; но уже окружили его половцы со всѣхъ сторонъ: и сталъ Игорь просить у Бога смерти, чтобы только не видать гибели брата. Но Всеволода также схватили половцы и потащили въ степь; схватили и молодаго сына Игорева; разлучились братья на долго, на берегу быстрой Кааялы. Дружина же вся полегла головами: не осталось даже, кому принести печальную вѣсть на родину.

Такъ-то кончился этотъ пиръ! Не достало у васъ кроваваго вина, храбрые русскіе воины: сватовъ напоили вы до-сыта, и сами легли головами за Русскую землю. Степная трава никнетъ отъ жалости, и тяжелая скорбь гнетъ дерево къ землѣ.

Влекутъ Игоря въ плѣнъ, а онъ горько вспоминаетъ, что по дѣломъ наказалъ его Господь: вспоминаетъ, какъ, взявши на

щитъ Переяславль, не пощадилъ онъ жителей и пролилъ кровь христіанскую.

Не случилось бы такой бѣды, если бы князя, позабывъ ссоры, не завидуя одинъ другому, пошли на половцевъ дружно; — если бы Игорь далъ знать о своемъ походѣ Святославу Кіевскому, а не ушелъ въ степь тайкомъ отъ него. Сгубила Игоря и его дружину молодецкая удаля. Святославъ Кіевскій уже собиралъ въ это время войска на половцевъ и, проходя мимо Новгородсѣверска, только тутъ узналъ, что Игорь съ братьями и дружиной уже ушли въ степь. Разгнѣвался съдой Святославъ на Игоря; но когда услышалъ въ Черниговѣ о печальной Игоревой участи, то горько заплакалъ и, мѣшая со слезами золотыя слова, сказалъ: «какъ прежде сердить былъ я на Игоря, такъ теперь жаль мнѣ его стало. Любезные мои братья и дѣти, князья и дружина! не сдержали вы своей молодости, своей молодецкой удали; не дали вы мнѣ притомить поганыхъ; широко вы имъ раскрыли ворота въ Русскую землю.»

Быстро разнеслась печальная вѣсть: въ Кіевѣ—стонъ, въ Черниговѣ—скорбь; лютая тоска разлилась по всей Русской землѣ! А половцы не дремлютъ: Кончакъ уже грабитъ подь Переяславлемъ, а Гзакъ подь Путивлемъ, уводя въ полонъ русскихъ женъ и дочерей, отгоняя въ степь богатыя стада, зажигая пожары повсюду; а князья наши и тутъ еще ссорились и считались между собою. Услышавъ однако, что Святославъ съ своею дружиной уже плыветъ на лодкахъ по Днѣпру, половцы отхлынули въ степь, какъ морскія волны, унося съ собою много всякаго добра и оставляя по себѣ развалины, трупы, плачь и стонъ.

Но кто же вступится за Игоря; кто отомститъ половцамъ за его раны? кто вырветъ его изъ постыднаго половецкаго плѣна? Что бы вступиться за Русскую землю хотя великому князю Владимірскому, Всеволоду? Но далеко онъ на сѣверѣ мутитъ синюю Волгу своими лодками! Что бы вступиться хотя смѣлымъ Рязанскимъ князьямъ? Развѣ ихъ золотыя шлемы не забрызганы вражеской кровью? Что бы вступиться за Русь, хотя Ярославу Галицкому? Не онъ ли славится повсюду своимъ великимъ умомъ? Не онъ ли сидитъ высоко на золотокованномъ престолѣ, подперъ

горы Карпатскія своими желѣзными полками, заступилъ путь венгерскому королю, затворилъ ворота къ Дунаю и далеко-далеко по всемъ землямъ разсылаетъ свои стрѣлы, нагоняя страхъ на враговъ? Что бы ему послать хоть одну стрѣлу къ Кончаку, поганому Кашею, за землю Русскую, за раны Игоревы, удалаго Святославича? Но всѣ, всѣ забыли Игоря и дѣлятъ уже его города и села!

Не забыла удалаго Игоря одна только милая жена, прекрасная Ярославна: всякое утро выходитъ она на городскую стѣну въ Путивль; все смотритъ въ далекое поле, не ѣдетъ ли ея милый, смотритъ, горько плачетъ и воркуетъ какъ горлица:

«Полечу я голубкою по степи; омочу мой бобровый рукавъ въ Каяль-рѣкѣ, утру князю его кровавыя раны.»

Рано, рано по утрамъ плачетъ Ярославна на путивльской стѣнѣ, плачетъ и приговариваетъ:

«О вѣтеръ, вѣтрило! зачѣмъ, господинъ мой, ты такъ сильно вѣешь; зачѣмъ навѣваешь твоими легкими крыльями ханскія стрѣлы на дружину моего милаго? Развѣ мало тебѣ вѣять въ горахъ подь облаками, дѣлѣять паруса кораблей на синемъ морѣ? Зачѣмъ же ты, вѣтеръ, разносишь мою радость вмѣстѣ съ ковылемъ по степи?»

Плачетъ рано Ярославна по утрамъ на путивльской стѣнѣ, плачетъ приговариваетъ:

«О, Днѣпръ, Днѣпръ, рѣка славная! ты пробилъ каменныя горы, ворвался въ землю половецкую, ты не разъ носилъ на себѣ княжескія лодки къ полкамъ половецкимъ; принеси же ко мнѣ, дѣвчюи, моего милаго.»

Плачетъ Ярославна на городской стѣнѣ въ Путивль, плачетъ приговариваетъ:

«О свѣтлое, пресвѣтлое солнышко! для всѣхъ-то ты тепло и красно: зачѣмъ же ты, солнышко, мечешь свои жгучіе лучи на дружину моего милаго; въ безводной степи и такъ иссохли ихъ луки, рассыпались волчаны!»

Тяжело Игорю въ половецкомъ плѣну, — тяжело, хотя и самыя половцы, устыдясь его удалства, держатъ его въ чести: приставили къ нему брѣвную стражу; но позволяютъ тѣшиться княжес-

гой забавой, соколиной охотой. Въ чести держать половцы и сына Игорева, молодого князя Владимира; сильно онъ приглянулся степной красавицѣ, дочери хана половецкаго, Кончака; полюбилъ его за удалство и самъ старый ханъ.

Но не тѣшитъ Игоря соколиная охота: скучно орлу и въ золотой клѣткѣ; гложетъ Игоря тоска о святой Руси; смотритъ онъ угрюмо въ пустую, безграничную степь, гдѣ осенній вѣтеръ катитъ серебристые, легкіе клубы ковыля; думаетъ князь крѣпкую думу, забываетъ онъ соколиную охоту: хочется ему на святую Русь.

Не сжалилися люди—сжалился Богъ надъ Игоремъ. Нашелся между половцами одинъ добрый человекъ; предлагаетъ онъ князю бѣжать съ нимъ въ Русскую землю. Мать у Авлуря была русская, и ему давно хотѣлось убѣжать къ русскимъ: бросить поганое племя и поганую вѣру. Задумался князь на слова половчанина: стыдно показалось Игорю бѣжать тайкомъ отъ поганыхъ половцевъ. Но вѣрный конюшій, бывший съ княземъ въ плѣну, говоритъ ему:

— «Бѣги, князь, если Богъ кажетъ тебѣ путь на Русскую землю; высокія мысли твои Богу не угодны; слышно, что половцы хотятъ перебить всѣхъ васъ русскихъ князей и истребить всю землю Русскую: не будетъ тебѣ тогда ни славы, ни жизни.»

И вотъ Игорь рѣшился бѣжать, а Авлуръ взялся приготовить ему коня за рѣкою. Стало темнѣть; половцы перепились кумыса и заснули по своимъ кибиткамъ. Притворяется спящимъ и князь Игорь; но онъ не спитъ, а мысленно мѣряетъ поле отъ великаго Дона до малаго Донца.

Раздался свистъ за рѣкою: Авлуръ даетъ знать князю, что быстрый конь уже ждетъ его.

Тихо поднялся Игорь со своей постели, поклонился Спасову образу и Кресту честному; горячо помолился онъ, хотя и коротка была его молитва: «Господи сердцеѣдче! спаси меня недостойнаго!» сказалъ Игорь и надѣлъ на себя крестъ и икону, родительское благословеніе; поднялъ тихо полу кибитки, вышелъ: горностаемъ проскользнулъ въ тростникъ, бѣлымъ гоголемъ проплылъ по водѣ—и кинулся на борзаго коня. Соколомъ летитъ князь по степи, прикрываемый ночью тьмою; сѣрымъ волкомъ спѣшитъ

за нимъ Авлуръ, отрясая съ себя холодную ночную росу, загоня на смерть легкаго коня; спѣшать они оба къ берегамъ Донца.

Проснулись поутру половцы, а князя уже и слѣдъ простылъ! Застрекотали поганые, какъ сороки, кинулись Гзакъ и Кончакъ въ погоню; но не могли найти, не могли догнать удалаго князя. Бѣглецы ѣхали быстро, пока несли ихъ добрые кони; но когда кони пали—пошли пѣшкомъ; ночью—прямо по степи, а днемъ—въ глубокихъ степныхъ оврагахъ. Часто приходилось имъ ползти ползкомъ въ травѣ, или красться по дну глубокаго оврага, угадывая путь только по птичьему крику, слушая, какъ раздавались надъ ними вверху пѣсни свободныхъ пташекъ.

Воротились ханы домой съ неудачной погони, воротились сердитые, злые, и Гзакъ говоритъ Кончаку:

«Если соколъ улетаетъ изъ гнѣзда, то соколенка должно разстрѣлять стрѣлами.»

Но старому Кончаку стало жаль молодого Игорева сына, и сказалъ онъ злому Гзаку:

— Если соколъ улетѣлъ изъ гнѣзда, то мы опутаемъ соколенка красною дѣвицею.

— «Если опутаемъ соколенка красною дѣвицею,» отвѣчаетъ Гзакъ: «то не будетъ у насъ ни соколенка, ни красной дѣвицы; а начнутъ насъ самихъ клевать хищныя птицы посреди нашихъ же степей половецкихъ.»

На одиннадцатый день добрался Игорь до города Донца, а оттуда проѣхалъ въ Новгородъ-сверскъ. Тяжело головѣ быть безъ тѣла; тяжело тѣлу быть безъ головы: тяжело было Новгородъ-сверску безъ князя Игоря. Но не долго праздновалъ Игорь съ милой женой и друзьями: вспомнилъ онъ свою молитву и поѣхалъ въ Кіевъ къ Святой Богородицѣ Пирогощей: молился усердно, а потомъ просилъ своихъ братьевъ, князей, помочь ему отомстить поганымъ половцамъ.

Сынъ Игоря женился на красавицѣ, дочери стараго хана Кончака, и черезъ нѣсколько времени воротился на родину, вмѣстѣ съ дядею своимъ, Буй-Туръ Всеволодомъ.

БИТВА СЪ ТАТАРАМИ НА РЪКЪ КАЛКЪ.

(1224 годъ).

Разнесся слухъ въ Русской землѣ, что пришелъ изъ Азіи какой-то невѣдомый народъ и сильно бьетъ половцевъ. Одни говорили, что это татары, другіе называли ихъ таурменами, третьи печенѣгами; но никто не зналъ навѣрное, что это за люди, откуда вышли, какого они племени, что у нихъ за языкъ, что за вѣра. Слышно было только, что они покорили уже много народовъ и много странъ. Скоро прибѣжали половцы къ границамъ русскимъ, Днѣпру и валу Половецкому, прибѣжали уже не грабить, но съ просьбою о помощи. Князья ихъ съ ужасомъ говорили о новыхъ пришельцахъ; рассказывали, какъ татары убили ихъ старшаго хана, сына Кончакова, Юрія, перебили множество половцевъ, загнавъ ихъ на берегъ Азовскаго моря; покорили уже семь сильныхъ народовъ. Ханъ половецкій Котинъ, тесть галицкаго князя Мстислава Удалаго, щедро дарилъ русскихъ князей, прося у нихъ подмоги противъ татаръ: «помогите намъ,» говорилъ онъ русскимъ князьямъ: «если же не поможете, то сегодня они побили насъ, а завтра побьютъ васъ.»

Русскіе князья съѣхались на совѣщаніе въ Кіевъ. Тутъ были три старѣйшіе князья, три Мстислава: Мстиславъ галицкій, прозванный удалымъ за свое мужество въ битвахъ; Мстиславъ кіевскій, князь добрый, но слабый; Мстиславъ черниговскій. Много здѣсь было и молодыхъ князей: Даніилъ Романовичъ волынскій, 18-лѣтній князь, сильный, смѣлый и прекрасный собою, у котораго, по словамъ лѣтописца, отъ головы до ногъ не было порока; Всеволодъ, сынъ кіевскаго князя; Михаилъ, племянникъ князя черниговскаго, и много другихъ князей. Мстиславъ галицкій сильно настаивалъ на томъ, чтобы помочь половцамъ: «если не по можемъ имъ,» говорилъ онъ: «то они пристанутъ къ татарамъ, и тогда намъ будетъ еще труднѣе бороться съ ними.» Долго совѣщались князья и наконецъ рѣшили на томъ, что лучше имъ встрѣтить татаръ въ половецкой землѣ, чѣмъ въ своей; оповѣстили другихъ князей, оповѣстили великаго князя владимірскаго; назначили всѣмъ войскамъ сойтись на Днѣпръ, у Варяжскаго острова, и выступили изъ

Кіева. Тутъ пришли къ нимъ десять пословъ татарскихъ, и сказали: «слышали мы, что вы, послушавши поганыхъ половцевъ, нашихъ хлопей и конюховъ, идете на насъ; но мы земли вашей не трогали, ни селъ, ни городовъ вашихъ не занимали. Половцы дѣлали вамъ много вреда: бейте же ихъ оттуда, какъ мы бьемъ отсюда, и добро ихъ берите себѣ.» Но русскіе князья велѣли перебить татарскихъ пословъ, думая, что татары обманываютъ ихъ, какъ обманули прежде половцевъ, которыхъ они сначала пригласили въ союзники, а потомъ стали бить.

Русскіе князья стояли уже на Днѣпрѣ, у Олешья, когда явились новые татарскіе послы: «вы послушали половцевъ,» сказали они, «пословъ нашихъ перебили и идете противъ насъ: идите же, но помните, что мы васъ не трогали—и пусть Богъ насъ разсудитъ.» Этнихъ пословъ князья отпустили.

Скоро на правомъ берегу Днѣпра, у варяжскаго острова, собралось много бодрого русскаго войска: черниговцы, кіевляне, смольняне, волынцы, курияне, трубчане, путивльцы,—все пришли со своими князьями. Галицкое войско, спустившись на лодкахъ по Днѣстру въ Черное море, вошло потомъ въ Днѣпръ и прибыло на сборное мѣсто. На Днѣпрѣ, у устья рѣчки Хортицы, собралось такое множество лодокъ, что по нимъ можно было перейти съ одного берега на другой, не замочивъ ногъ. Скоро наши сторожевые извѣстили, что вдали показались татары и желаютъ, вѣроятно, осмотрѣть русское войско. Даніилъ волынскій, а съ нимъ и другіе молодые князья кинулись на лошадей и поскакали впередъ, любопытствуя посмотрѣть, что такое за народъ татары. Татарскіе наѣзники, пустивъ нѣсколько стрѣлъ, скрылись въ степи, а русскіе молодые князья, воротившись назадъ, толковали о томъ, что видѣли. Одни говорили, что этотъ народъ пустой, еще хуже половцевъ; другіе замѣчали, что татары хорошо стрѣляютъ. «Это добрые воины,» сказалъ опытный галицкій воевода Юрій.

«Нечего же здѣсь стоять,» говорили молодые князья старымъ: «пойдемъ на нихъ.» Старшіе согласились, и все русское войско двинулось въ половецкія степи. Скоро встрѣтили русскіе татарскихъ стрѣлковъ: ударили, прогнали и захватили много скота.

На девятый день пришли русскіе къ берегамъ рѣки Калки, за

которою стояли уже татары. Мстиславъ Удалой приказалъ половцамъ, Данилу волынскому и другимъ войскамъ перейти за рѣку, и самъ пошелъ за ними. Осмотрѣвъ же татарскій станъ, немедленно началъ битву, не увѣдомивъ о своемъ рѣшеніи двухъ другихъ Мстиславовъ, съ которыми была у него ссора.

Данилъ волынской, сильный, смѣлый, и пылкій, ворвался со своею дружиною въ ряды татаръ и сгоряча не замѣчалъ даже, что тяжело раненъ въ грудь; Олегъ курскій съ своими курянами не отставалъ отъ Данила; Мстиславъ Удалой готовился также кинуться въ битву. Но вдругъ половцы, послѣ первой же стычки съ татарами, обратили тылъ, и въ беспорядкѣ, съ крикомъ, бросились бѣжать отъ татаръ, топча и смѣшивая русскія войска; ворвались даже въ русскій станъ и все привели въ беспорядокъ. Измѣнники половцы дали побѣду татарамъ: Данилъ видя, что татары одолеваютъ, оборотилъ коня, прискакалъ къ рѣкѣ, сталъ пить и тутъ только почувствовалъ, что раненъ въ грудь. Все побѣждало!

Мстиславъ кievскій, стоя съ дружиною на каменистой горѣ, надъ рѣкою Калкою, видѣлъ бѣгство русскихъ и не тронулся съ мѣста. Онъ велѣлъ обгородить станъ свой тыномъ изъ кольевъ, и приготовился защищаться. Татары раздѣлились: одна часть ихъ облегла станъ Мстислава, а другая помчалась въ погоню за убѣжавшими къ Днѣпру русскими дружинами. Убийство было страшное: едва десятый человекъ изъ русскаго войска спасся; Мстиславъ черниговскій съ сыномъ были убиты; семдесятъ славныхъ богатырей погибли, а наши друзья, половцы, добивали раненыхъ и сдирали съ убитыхъ одежду. Мстиславъ Удалой, достигнувъ Днѣпра съ небольшою дружиною, кинулся въ лодки, переѣхалъ на другую сторону и велѣлъ лодки сжечь, чтобы татары не могли за нимъ гнаться.

Три дня отбивался Мстиславъ кievскій отъ татаръ, и татары не могли взять укрѣпленнаго стана; наконецъ, татары прибѣгли къ хитрости и предложили Мстиславу отпустить его съ дружиною домой, если онъ дастъ выкупъ за себя и за дружину. Но едва только русскіе вышли изъ укрѣпленія, какъ татары бросились на нихъ, всѣхъ перебили, а трехъ князей, изловивъ, положили подъ доски и усѣлись на этихъ доскахъ обѣдать.

Татары дошли до самаго Днѣпра, убивая всѣхъ, кто попадался имъ на встрѣчу, зажигая села и города. Они могли бы зайти далеко: защищать предѣловъ было некому; но неожиданно повернули назадъ и скрылись въ свои степи такъ же быстро, какъ пришли. Племянникъ Юрія, великаго князя владимірскаго, Василько, велъ съверныя дружины на помощь южнымъ князьямъ; но, услыхавъ въ Черниговѣ о Калкской битвѣ, поворотилъ назадъ.

Никогда еще, говоритъ лѣтописецъ, не претерпѣвали русскіе такого пораженія: девять князей было убито, едва десятый человекъ изъ дружины воротился домой, пало семдесятъ славныхъ богатырей, однихъ кievлянъ погибло до десяти тысячъ. Русскіе не знали, откуда налетѣла на нихъ эта грозная туча и куда она скрылась; но черезъ тринадцать лѣтъ татары снова появились въ Россіи, уже въ большей силѣ. Подъ начальствомъ знаменитаго Батые прошли они почти всю Русскую землю изъ конца въ конецъ, и надолго подчинили ее своей власти.

Шествіе Батые.

(1237—1241 г.)

Послѣ битвы на р. Калкѣ, не было въ Руси слуху о татарахъ. Но черезъ 13 лѣтъ они снова появились, изъ средне-азіатскихъ степей, на этотъ разъ уже въ числѣ 300,000. Ханъ Октай, на слѣдникъ Чингисъ-хана, основателя татарскаго могущества, царствовавшей въ глубинѣ азіатскихъ степей, послалъ своего племянника Батые покорить земли по Волгѣ и за Волгою. Одно уже появленіе татаръ повсюду наводило ужасъ: лица у нихъ были звѣрскія, скулы широкія, глаза узкіе, носы приплюснутые. Татары были вооружены копьями, мечами, луками, стрѣлами, топорами и веревками. Съ ними ѣхало множество телѣгъ, нагруженныхъ всякими запасами, лѣстницами, стѣнобитными машинами и войлочными кибитками. Маленькія рѣчки татары переходили въ бродъ; большія — переплывали на кожаныхъ мѣшкахъ, привязанныхъ къ лошадинымъ хвостамъ. Впереди шли легкіе отряды и, убивая каждаго встрѣчнаго, и зажигая села и деревни, старались навести

ужась на жителей, которые обыкновенно уходили въ лѣса. Сзади двигалась главная сила, не давая ничему пощады. Встрѣчаясь съ непріятелемъ, татары пускали тучи стрѣлъ, — а стрѣляли они мѣтко; и потомъ уже, перебивъ сколько можно больше людей, вступали въ рукопашный бой. Укрѣпленные города окружали со всѣхъ сторонъ; строили тынъ, чтобы скрываться за нимъ отъ непріятельскихъ стрѣлъ, и понемногу подвигали его къ городу; отводили рѣку отъ города или затопляли ею городъ, какъ было имъ удобнѣе, а городскія стѣны разбивали тяжелыми бревнами, висящими на цѣпяхъ: одинъ отрядъ смѣнялъ другой, не давая осажденнымъ покою. Обыкновенно, сначала татары предлагали жителямъ осажденного города сдаться добровольно; но если тѣ соглашались, то годныхъ для работы брали въ плѣнъ, а остальныхъ убивали. Взявши же городъ приступомъ, не щадили никого: ни женщинъ, ни стариковъ, ни грудныхъ дѣтей, предавая все мечу и огню. Покоряя какой-нибудь народъ, татары брали себѣ десятую часть людей и имущества, а остальныхъ переписывали и облагали данью.

На Волгѣ татары встрѣтили богатое и торговое царство волжскихъ болгаръ; разорили его до тла и потомъ вступили въ область князей рязанскихъ.

Рязань, напрасно просившая помощи у великаго князя владимірскаго, защищалась упорно, но недолго. По одному рыцарю приходилось на сто татаръ. Взявъ Рязань приступомъ, татары убили князя рязанскаго и жену его, а жителей рубили мечами, острѣливали стрѣлами, бросали въ огонь; самый же городъ сожгли.

Разоривши Рязань, татары пошли далѣе. У Коломны разбили войско, высланное великимъ княземъ, и сожгли Москву — тогда еще маленькій, недавно построенный городокъ. Въ Москвѣ татары захватили въ плѣнъ сына Юрьева — Владиміра.

Узнавъ о гибели своего войска, великій князь — Юрій Всеволодовичъ (племянникъ Андрея Боголюбскаго и Всеволода *большаго кнѣзда*), поѣхалъ на Волгу собирать новое войско. А въ это время татары, многочисленные какъ саранча, со всѣхъ сторонъ обложили г. Владиміръ, гдѣ оставалась жена великаго князя и два его сына: Всеволодъ и Мстиславъ. Подѣхавъ къ «*Золотымъ воротамъ*»,

татары спросили: «Въ городѣ-ли великій князь?» Въмѣсто отвѣта, владимірцы пустили въ нихъ стрѣлами. Отвѣтивъ тѣмъ же, татары сказали: «погодите, не стрѣляйте!» и, подѣхавъ ближе къ воротамъ, показали владимірцамъ плѣннаго сына Юрьева, Владиміра. Бѣдный княжичъ такъ исхудалъ въ плѣну, что братья насилу его узнали. Много было слезъ, но пособить горю нечѣмъ.

Когда собралось всё татарское войско, часть котораго, въ это время, разграбила и сожгла Суздаль, татары начали готовиться къ приступу: окружили городъ тыномъ и подвезли стѣнобитныя орудія. Не видя никакой возможности защититься, князь Всеволодъ, жена его и многіе бояре готовились къ смерти и постриглись въ монахи.

7-го февраля начался приступъ и, не смотря на упорную защиту, татары вломились въ городъ съ нѣсколькихъ сторонъ. Всеволодъ и Мстиславъ съ дружиною заперлись въ среднемъ городѣ, а супруга Юрьева, дочь его, снохи и внучата, множество бояръ и народу заперлись въ соборѣ. Когда татары зажгли соборъ и дымъ наполнилъ церковь, то епископъ Митрофанъ, благословляя всѣхъ на смерть, сказалъ: «Господи, простри руку Твою невидимую и прими съ миромъ души рабъ Твоихъ!» Скоро татары отбили двери собора и началось страшное убійство. Великокняжеская семья, скрывшаяся наверху, въ ризницѣ, задохлась отъ дыму. Князья же Всеволодъ и Мстиславъ положили свои головы за родомъ.

Великій князь стоялъ въ это время съ собиравшимся войскомъ недалеко отъ Волги, на рѣкѣ Сити. Узнавъ о судьбѣ жителей Владиміра и своей семьи, онъ громко заплакалъ. «Лучше мнѣ умереть, чѣмъ жить на этомъ свѣтѣ, сказалъ онъ: зачѣмъ я остался одинъ!?» Скоро ему дали знать, что татары обходятъ его войско. Началась жестокая сѣча; русскіе не устояли. Великій князь былъ убитъ, а племянникъ его Василько взятъ въ плѣнъ. Это былъ замѣчательный князь: прекрасный лицомъ, добрый сердцемъ, онъ былъ мужественъ, отваженъ, но ласковъ особенно къ бѣднымъ, такъ что всѣ его любили. «Будь нашимъ другомъ и воюй подъ знаменами Великаго Батя», сказали Васильку татары, вѣроятно оцѣнивъ его необычайное мужество. — «Враги моего отечества и

Христа не могутъ быть мнѣ друзьями, сказалъ Василько: какъ ни велико мое горе, но вамъ не принудить меня сражаться противъ христіанъ! Придетъ и твоя погибель, о, глухое и скверное царство!» Скрежеща зубами отъ злости, татары убили Василька и бросили его тѣло въ лѣсу. Послѣ уже русскіе отыскали тѣло великаго князя и Василька и похоронили ихъ въ Ростовскомъ соборѣ. Великаго князя узнали только по одеждѣ, потому что голову нашли въ другомъ мѣстѣ.

Истребивъ великокняжеское войско, татары взяли и сожгли всѣ города по Волгѣ и приближались уже къ великому Новгороду. Но за 100 верстъ отъ него повернули назадъ, вѣроятно, испугавшись, что наступающій разливъ рѣкъ можетъ помѣшать имъ воротиться домой. Однако на возвратномъ пути ихъ надолго задержалъ маленькій городокъ Козельскъ (въ нынѣшней Калужской губерніи). Семь недѣль защищались козельцы противъ безчисленныхъ полчищъ татарскихъ, защищали себя и своего маленькаго князя, который потомъ, когда городъ былъ взятъ, пропалъ безъ вѣсти: говорятъ, утонулъ въ крови. Татары не могли безъ досады вспоминать о маленькомъ Козельскѣ и назвали его «злымъ городомъ».

Возвратившись въ степь, Батый прогналъ изъ нея половцевъ и на слѣдующій же годъ отправился покорять Южную Россію. И здѣсь не встрѣтили татары дружнаго сопротивленія: видя страшнаго врага передъ собою, князья продолжали ссориться и не хотѣли помогать другъ другу. Всякій городъ защищался упорно, геройски; но всѣ дѣйствовали поодиночкѣ, тогда какъ татары безпрекословно повиновались своему предводителю и дѣйствовали какъ одинъ человекъ. Татары взяли и сожгли Переяславль и Черниговъ и подступили къ Кіеву. Даніилъ Галицкій, только что отнявшій тогда Кіевъ у Михаила Черниговскаго, при приближеніи татаръ отправился въ Венгрію за помощью, а защиту города поручилъ храброму боярину Дмитрію.

Въ маѣ мѣсяцѣ 1240 года несмѣтная татарская сила облегла Кіевъ, любуясь на красивый городъ. Татаръ было такъ много, что отъ скрипа татарскихъ телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанія лошадей нельзя было слышать другъ друга въ городъ. Скоро стѣнныя орудія проломилъ кіевскія ворота; началась страш-

ная сѣча въ самомъ городѣ. Русскіе заперлись въ Софійскомъ соборѣ и оборонялись, что было силъ; но скоро и это послѣднее убѣжище пало. Раненаго Дмитрія татары взяли въ плѣнъ, но не убили, уваживъ его великое мужество.

Разрушивъ Кіевъ, Батый пошелъ на Волынь, на Галицію, на Польшу, и, перейдя Карпаты, вторгнулся даже въ Венгрію. Вся Европа была въ ужасѣ; Папа уже призывалъ противъ татаръ крестовый походъ; но, къ счастью для западной Европы, въ это самое время умеръ татарскій ханъ Октай, и Батый долженъ былъ воротиться въ приволжскія степи, чтобы принять участіе въ избраніи новаго хана.

Не вдалекѣ отъ устьевъ Волги, на берегу протока ея Ахтубы, устроилъ себѣ Батый степную столицу—Сарай. Вокругъ, въ степяхъ астраханскихъ и саратовскихъ, отъ Урала до Дона привольно было кочевать татарскимъ ордамъ и отсюда-то они болѣе 200 лѣтъ распоряжались надъ Россіею: ставили и низводили князей, судили ихъ, собирали дань съ народа или черезъ своихъ баскаковъ, или черезъ откупщиковъ, а время отъ времени вторгались въ Русь, грабили ее и раззоряли.

Братъ Юрѣя Всеволодовича, Ярославъ, поѣхалъ на поклонъ къ Батыю и тотъ призналъ его старшимъ княземъ надъ князьями русскими.

Александръ Невскій.

(Великимъ княземъ 1252—1263).

Грустное зрѣлище представляла Россія послѣ Батыева нашествія. Сожженные города и села, повсюду кучи развалинъ и труповъ; торговля и земледѣліе прекратились; населеніе уменьшилось; остатки народу безъ пристанища бродили по лѣсамъ; татарскіе баскаки ѣздили повсюду, переписывая людей и облагая ихъ данью. Ярославъ Всеволодовичъ, братъ великаго князя Юрѣя, убитаго татарами при Сити, былъ утвержденъ Батыемъ въ великокняжескомъ достоинствѣ. Но грустное княженіе выпало на долю Ярослава: ему приходилось собирать разбѣжавшее на-

селеніе, очищать отъ труповъ города, ѣздить на поклонъ въ орду, чтобы избавить Русь отъ новыхъ набѣговъ.

На сѣверо-востокъ въ то время жить было получше: Новгородъ былъ не тронутъ татарами и въ немъ княжилъ сынъ Ярослава, Александръ, прославившійся своими побѣдами надъ шведами, приплывавшими изъ-за моря, нѣмцами, приходившими на Новгородъ изъ Ливоніи (нынѣшнія Остзейскія губерніи) и надъ Литвою, которая въ это время тоже начала выходить изъ своихъ лѣсовъ и нападать на ослабѣвшую Русь.

Въ 1240 году, подлѣченные папою, Шведы собрали большое войско, посадили на суда и подъ начальствомъ Бюргера пришли въ Неву, къ устью Ижоры, думая взять Ладогу, а потомъ и Новгородъ.

Мужественный Александръ, не успѣвшій даже увѣдомить отца и собрать подкрѣпленіе изъ новгородской области, помолился усердно Богу въ храмъ св. Софій, и съ небольшимъ войскомъ поспѣшилъ отразить сильнаго непріятели.

Разсказываютъ, что въ ночь передъ битвою, одинъ ижорецъ, старшина языческаго чудскаго племени, но самъ уже христіанинъ, имѣлъ чудное видѣніе. Стоя на ночной стражѣ, увидѣлъ онъ на зарѣ, что по рѣкѣ плыветъ лодка, одѣтая утреннимъ туманомъ; въ лодкѣ сидѣли гребцы, а посреди стояли Борисъ и Глѣбъ, въ блестящихъ ризахъ. И сказалъ Борисъ: «братъ Глѣбъ, вели гребти скорѣе! поможемъ сроднику нашему Александру.»

Старшина поспѣшилъ разсказать князю свое видѣніе; но тотъ приказалъ ему—сохранить его въ тайнѣ.

Александръ быстро напалъ на шведа и, сражаясь самъ, какъ простой воинъ, собственнымъ копьемъ своимъ, положилъ печать на лицо шведскаго полководца Бюргера. Воины Александровы не отставали отъ князя: одинъ, преслѣдуя Бюргера, верхомъ на конѣ наскочилъ на шведскій корабль по доскѣ и, хотя шведы опрокинули его и съ лошадыю въ воду, но онъ выбрался на берегъ и опять врубился въ самую средину враговъ;—другой—съ пѣшою дружиною потопилъ три шведскія судна; а третій—наѣхалъ на золотокъ шатеръ самого Бюргера, подрубилъ шатерный столбъ, и шатеръ рухнулъ при радостныхъ крикахъ русскихъ.

Три полныхъ корабля напали шведы съ трупами своихъ лучшихъ людей и потопили въ морѣ, а прочихъ, безъ числа, побросали въ яму, выкопанную на берегу.

За эту-то побѣду, на берегахъ Невы, и прозвали Александра *Невскимъ*. Почти черезъ 500 лѣтъ послѣ этой побѣды, когда Петръ Великій навсегда уже отнялъ Неву у шведовъ и при устьяхъ ея заложилъ Санктъ-Петербургъ (въ 1703 г.), мощи великаго князя Александра Невскаго были перенесены изъ Владиміра въ новую столицу и положены въ Александро-Невской лаврѣ.

Побѣдилъ Александръ и нѣмцевъ, напавшихъ на псковскую землю, и много перебилъ ихъ на льду Чудскаго озера, такъ-что льда не было видно изъ-за труповъ. Смирилъ онъ и литовцевъ, которые потомъ боялись имени Александра; но противъ татаръ не рѣшился возстать. Когда Батый, слыша объ Александрѣ и его мужествѣ, послалъ сказать ему: «Богъ покорилъ мнѣ многихъ народовъ; ты-ли одинъ хочешь противиться? Если желаешь сохранить свою землю, то приди ко мнѣ и увидишь честь и славу моего царства»,—Александръ пошелъ въ орду и былъ отпущенъ съ богатыми дарами.

Сдѣлавшись великимъ княземъ Владимірскимъ, Александръ смирился предъ ханомъ и умною покорностію не разъ спасалъ Русь отъ новаго татарскаго погрома. Даже скончался Александръ возвращаясь изъ орды, и проведя въ ней тяжелую зиму. Ѣздивъ же онъ въ орду умолилъ хана, разсерженнаго тѣмъ, что въ Ростовѣ, Суздальѣ и Владимірѣ русскіе перебили безжалостныхъ сборщиковъ татарской дани, бесерменскихъ (восточныхъ) купцовъ, взявшихъ эту дань на откупъ.

Возвышеніе Москвы.

Еще сыну Мономаха, Юрію Владиміровичу Долгорукому понравилось хорошее мѣстоположеніе на берегу Москвы рѣки, на холмахъ, посреди густыхъ лѣсовъ, и онъ заложилъ здѣсь городокъ Москву, въ 1147 году. Въ Батыево нашествіе Москва была сожжена, а по смерти Александра Невскаго, досталась въ удѣлъ

младшему его сыну Данилу. Удѣль былъ незавидный и никто вѣрно не думалъ тогда, какая славная доля предстоить этому маленькому городку!

Данилъ былъ князь умный и при немъ уже Московскій удѣль утсроился. Данилъ получилъ, по завѣщанію отъ племянника, хорошей городъ, Переяславль Залѣсскій и отнялъ у Рязанцевъ Коломну.

Сынъ Данила, Юрій, женился на сестрѣ хана, Канчакѣ и разными неправдами добился великокняжескаго достоинства, погубивъ клеветою въ ордѣ своего дядю Михаила, князя тверскаго. Но и самъ Юрій погибъ отъ руки сына Михаила, Дмитрія-Грозныя-очи, который, встрѣтившись съ Юріемъ въ ордѣ, не выдержалъ и убилъ убійцу отца своего.

Угождая татарамъ, получилъ великокняжескій престолъ и братъ Юрія, Іоаннъ Даниловичъ Калита. При Калитѣ митрополитъ перѣхалъ изъ Владиміра въ Москву, которая съ этихъ поръ и сдѣлалась навсегда великокняжескою столицею Восточной или Великой Россіи. Южная же или малая Россія, съ своимъ старымъ Кіевомъ, подпала въ это время подъ власть Литовцевъ, а потомъ, вмѣстѣ съ Литвою, присоединилась къ Польшѣ.

Іоаннъ 1-й Калита умеръ въ 1340 году. Послѣ него княжили въ Москвѣ, одинъ за другимъ, два его сына: Симеонъ Гордый и Іоаннъ II-й. При Іоаннѣ II-мъ, князь кроткомъ и миролюбивомъ, значеніе Москвы поддержалъ митрополитъ Алексѣй. Онъ такъ прославился, даже между татарами, своимъ умомъ и святою жизнью, что когда у хана Чанибека заболѣла жена, то ханъ написалъ великому князю и просилъ его послать въ орду митрополита, чтобы тотъ испросилъ у Бога здоровья ханшѣ. Святой Алексѣй поѣхалъ въ орду и ханша выздоровѣла. Когда слѣдующій за тѣмъ ханъ началъ грозить новымъ раззореніемъ Русской землѣ, то митрополитъ Алексѣй опять поѣхалъ въ орду и укротилъ злобу хана, найдя покровительство въ матери его Тайдулѣ.

Сынъ же Іоанна II-го, Дмитрій Іоанновичъ Донской былъ уже такъ силенъ, что отважился попробовать вступить въ открытую борьбу съ татарскими ханами.

Такъ, мало по-малу выростало въ Москвѣ единовластіе и подготавливалось освобожденіе Руси отъ татарскаго ига.

Куликовская битва.

(1380-й годъ).

6 Сентября войско наше приблизилось къ Дону, и князья разсуждали съ боярами, тамъ ли ожидать монголовъ, или идти далѣе? Мысли были несогласны. Ольгердовичи, князья литовскіе, говорили, что надо оставить рѣку за собою, дабы удержать робкихъ отъ бѣгства; что Ярославъ великій такимъ образомъ побѣдилъ Святополка и Александръ Невскій шведовъ. Еще и другое, важнѣйшее обстоятельство было опоркою сего мнѣнія: надлежало предупредить соединеніе Ягайла съ Мамаемъ. Великій Князь рѣшился—и, къ одобренію своему, получилъ отъ св. Сергія письмо, въ коемъ онъ благословлялъ его на битву, совѣтуя ему не терять времени. Тогда же пришла вѣсть, что Мамай идетъ къ Дону, ежечастью ожидая Ягайла. Уже легкіе наши отряды встрѣтились съ татарскими, и гнали ихъ. Дмитрій, собравъ воеводу и, сказавъ имъ: «часъ суда Божія наступаетъ,» 6 сентября велѣлъ искать въ рѣкѣ удобнаго брода для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Въ слѣдующее утро былъ густой туманъ, но скоро разсѣялся; войско перешло за Донъ, и стало на берегахъ Непрядвы. Дмитрій, стоя на высокомъ холмѣ и видя стройные, необозримые ряды войска, безчисленные знамена, развѣваемыя легкимъ вѣтромъ, блескъ оружія и доспѣховъ, озаряемыхъ яркимъ осеннимъ солнцемъ, слыша всеобщія громогласныя восклицанія; «Боже! даруй побѣду государю нашему!» и вообразивъ, что многія тысячи слѣхъ бодрыхъ витязей падутъ черезъ нѣсколько часовъ, какъ усердныя жертвы любви къ отечеству,—Дмитрій въ умиленіи преклонилъ колѣна, и простирая руки къ золотому образу Спасителя, сіявшему вдали на черномъ знамени великокняжескомъ, помолился въ послѣдній разъ за христіанъ и Россію; сѣлъ на коня, объѣхалъ всѣ полки и говорилъ рѣчь къ каждому, называя воиновъ своимъ вѣрными товарищами и милыми братьями, утверждая ихъ въ мужествѣ и каж-

дому изъ нихъ общая славную память въ мірѣ, съ вѣнцомъ мученическимъ за гробомъ.

Войско тронулось, и въ шестомъ часу дня увидѣло непріятеля среди обширнаго поля Куликова. Съ обѣихъ сторонъ вожди наблюдали другъ друга, и шли впередъ медленно, измѣряя глазами силу противниковъ: сила татаръ еще превосходила нашу. Дмитрій, пылая ревностію служить для всѣхъ примѣромъ, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку: усердные бояре молили его остаться за густыми рядами главнаго войска, въ мѣстѣ безопаснѣйшемъ. «Долгъ князя,»—говорили они—«смотреть на битву, видѣть подвиги воеводъ и награждать достойныхъ. Мы всѣ готовы на смерть; а ты, государь любимый, живи и передай нашу память временамъ будущимъ. Безъ тебя нѣтъ побѣды.» Но Дмитрій отвѣтствовалъ: Гдѣ вы, тамъ и я. Скрываясьназади, могу-ли сказать вамъ: *братья! умремъ за отечество?* Слово мое да будетъ дѣломъ! Я вождь и начальникъ: стану впереди и хочу положить свою голову въ примѣръ другимъ.» Онъ не измѣнилъ себѣ и великодушію: громогласно читая псаломъ: *Богъ намъ приближище и сила*, первый ударилъ на враговъ и бился мужественно, какъ рядовой воинъ; наконецъ отъѣхалъ въ средину полковъ, когда битва сдѣлалась общеою.

На пространствѣ десяти верстъ лилась кровь христіанъ и невѣрныхъ. Ряды смѣшались: индѣ россияне тѣнили монголовъ, индѣ монголы россияны: съ обѣихъ сторонъ храбрые падали на мѣстѣ, а малодушные бѣжали: такъ, нѣкоторые московскіе неопытные юноши—думая, что все погибло—обратили тылъ. Непріятель открылъ себѣ путь къ большимъ или княжескимъ знаменамъ, и едва не овладѣлъ ими: вѣрная дружина отстояла ихъ съ напряженіемъ всѣхъ силъ. Еще князь Владиміръ Андреевичъ, находясь въ засадѣ, былъ только зрителемъ битвы, и скучалъ своимъ бездѣйствіемъ, удерживаемый опытнымъ Дмитріемъ Волынскимъ. Настала девятая часть дня,—сей Дмитрій, съ величайшимъ вниманіемъ примѣчая всѣ движенія обѣихъ ратей, вдругъ извлекъ мечъ и сказалъ Владимиру: «теперь наше время.» Тогда засадный полкъ выступилъ изъ дубравы, скрывавшей его отъ глазъ непріятеля, и быстро устремился на монголовъ. Сей внезапный ударъ рѣшилъ судьбу битвы: враги изумленные, разсѣянные не могли противить-

ся новому строю войска свѣжаго, бодрого, и Мамай, съ высокаго кургана смотря на кровопролитіе, увидѣлъ общее бѣгство своихъ; терзаемый гнѣвомъ, тоскою, воскликнулъ: «великъ Богъ христіанскій!» и бѣжалъ въ слѣдъ за другими. Полки російскіе гнали ихъ до самой рѣки Мечи, убивали, топили, взявъ станъ непріятельскій и несмѣтную добычу, множество телѣгъ, коней, верблюдовъ, навьюченныхъ всякими драгоценностями.

Мужественный князь Владиміръ, герой сего незабвеннаго для Россіи дня, довершивъ побѣду, сталъ *на костяхъ* или на полѣ битвы, подъ чернымъ знаменемъ княжескимъ, и велѣлъ трубить въ воинскія трубы: со всѣхъ сторонъ съѣзжались къ нему князья и полководцы, но Дмитрія не было. Изумленный Владиміръ спрашивалъ: «гдѣ братъ мой и *первоначальникъ* нашей славы?» Никто не могъ дать о немъ вѣсти. Въ безпокойствѣ, въ ужасѣ, воеводы разсѣялись искать его, живаго или мертваго; долго не находили: наконецъ два воина увидѣли великаго князя, лежащаго подъ срубленнымъ деревомъ. Оглушенный въ битвѣ сильнымъ ударомъ, онъ упалъ съ коня, обезпамятѣлъ и казался мертвымъ; но скоро открылъ глаза. Тогда Владиміръ, князья, чиновники, преклонивъ колѣна, воскликнули единогласно: «государь! ты побѣдилъ враговъ!» Дмитрій всталъ: видя брата, видя радостныя лица окружающихъ его и знамена христіанскія надъ трупами монголовъ, въ восторгѣ сердца изъявилъ благодарность Небу; обнялъ Владиміра, чиновниковъ; цѣловалъ самыхъ простыхъ воиновъ, и сѣлъ на коня, здравый веселіемъ духа, и не чувствуя изнуренія силъ. Шлемы и латы его были изсѣчены, но обогрены единственно кровію невѣрныхъ; Богъ чудеснымъ образомъ спасъ сего князя среди безчисленныхъ опасностей, коимъ онъ съ-излишнею пылкію подвергался, сражаясь въ толпѣ непріятелей и часто оставляя за собою дружину свою. Дмитрій препровождаемый князьями и боярами, отъѣхалъ поле Куликово, гдѣ легло множество россияны, но вчетверо болѣе непріятелей, такъ что, по сказанію нѣкоторыхъ историковъ, число всѣхъ убитыхъ простиралось до двухъ сотъ тысячъ.

Иоаннъ III.

(Отъ 1462—1505).

Куликовская битва показала русскимъ, что татаръ можно побѣждать, но не сбросила съ Россіи татарскаго ига. Тохтамышъ, новый татарскій ханъ, заступившій мѣсто Мамай, уже при Дмитріѣ Донскомъ ворвался въ Россію, разграбилъ и сжегъ Москву. При Василиѣ I-мъ, сынъ и наслѣдникъ Дмитрія Донскаго, новый страшный завоеватель, Тамерланъ или Тимуръ, вышелъ изъ степей средней Азіи, и преслѣдуя Тохтамыша, также ворвался въ Россію; но, къ счастью, отъ Ельца неожиданно поворотилъ назадъ. За Тамерланомъ мурза Едигей показалъ русскимъ, что татары еще сильны. При Василиѣ II-мъ, *Темномъ*, сынъ и наслѣдникъ Василія I-го, произошли большіе раздоры въ Золотой Ордѣ: такъ называлось татарское царство, столицею котораго былъ Серай, основанный татарами при устьяхъ Волги. Отъ Золотой Орды отдѣлились два большія владѣнія: царство *Казанское* и ханство *Крымское*. Казань и Крымъ дѣлали много зла Россіи, пока не были окончательно покорены ею. Былъ еще въ это время у юнаго Московскаго государства другой сильный врагъ—Литва, подчинившая себѣ на долго Кіевъ и всю югозападную Русь; былъ еще и буйный Великій Новгородъ, нехотѣвшій принять надъ собою власти московскихъ князей; были еще и удѣлы, мѣшавшіе русскимъ сосредоточить свои силы для отпора внѣшнихъ враговъ. При Василиѣ II-мъ Темномъ, кровавыя удѣльныя усобицы еще разъ напомнили Россіи времена ослѣпленія Василька. Между Василіемъ II и его дядею Юріемъ, сыномъ Дмитрія Донскаго, завязалась распря о томъ, кому изъ нихъ сидѣть въ Москвѣ и быть великимъ княземъ. Эти семейные раздоры продолжались и при дѣтяхъ Юрія: Василіѣ Косомъ и Дмитріѣ Шемякѣ. Василій II-й ослѣпилъ своего двоюроднаго брата, Василія Косаго; но во время своей поѣздки въ Троицко-Сергіевскую Лавру попался въ руки Дмитрія Шемяки и былъ ослѣпленъ въ свою очередь; отъ чего и получилъ прозваніе *Темнаго*.

Въ такихъ обстоятельствахъ нуженъ былъ нашему отечеству государь осторожный, но твердый, который бы, не подвергаясь

случайностямъ войны, сколь возможно щадя кровь и силы народа, умѣлъ сосредоточить въ рукахъ своихъ всѣ силы Россіи: таковъ былъ Иоанъ III-й, сынъ и наслѣдникъ Василія II-го, *Темнаго*. Въ продолженіе своего 43-хъ-лѣтняго царствованія, онъ окончательно присоединилъ къ Москвѣ Великій Новгородъ, уничтоживъ въ немъ вѣче и народное правленіе; присоединилъ Тверское великое княженіе, еще нѣсколько малыхъ удѣловъ, и сдѣлался самодержавнымъ государемъ всей тогдашней Россіи.

Иоаннъ III-й былъ, конечно, несравненно сильнѣе всѣхъ предшествовавшихъ ему московскихъ государей; однако, по крайней осторожности своей не вступалъ въ открытую борьбу съ Ордою и продолжалъ платить ей унижительную дань; но между тѣмъ старался воспользоваться раздѣленіемъ ея на части и ненавистью однихъ татарскихъ хановъ къ другимъ. Онъ подружился съ сильнымъ крымскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ и, только увѣрившись въ его помощи, отказался платить обычную дань сарайскому хану Ахмату, и выгналъ его пословъ изъ Москвы. Ахматъ спѣшилъ мстить Иоанну и смирить своего возмущившагося данника: собралъ значительное войско и пошелъ къ Москвѣ. На берегахъ Угры встрѣтилъ его Иоаннъ; но, не смотря на многочисленное и хорошо устроенное свое войско, не смотря на убѣжденія духовенства, не рѣшился вступить въ битву съ татарами, которые также медлили. И хорошо сдѣлалъ Иоаннъ; потому что Ахматъ самъ поворотилъ назадъ, узнавъ, что Менгли-Гирей, соединившись съ отрядомъ москвичей, грабитъ и разоряетъ столицу, Серай, оставленную безъ всякой защиты.

Такимъ образомъ, 1480 годъ мы можемъ считать годомъ, въ который окончилось татарское иго, тяготѣвшее надъ Россіею болѣе двухъ столѣтій. Болѣе 200 лѣтъ продолжалось это тяжелое иго, и въ то время, когда другія европейскія государства устроивались, образовывались, дѣлали быстрые успѣхи въ просвѣщеніи, мы—боролись съ татарами. Сообразивъ это, мы не будемъ удивляться, что тогдашняя Россія отстала далеко въ образованіи отъ другихъ европейскихъ государствъ и что иностранные послы, пріѣзжая въ Москву, удивлялись нашимъ татарскимъ обычаямъ, грубости нашихъ нравовъ и нашему невѣжеству.

Но, съ уничтоженіемъ татарскаго ига, не все еще кончилось: Россіи предстояло сломить Казань, покорить Астрахань, усмирить крымцевъ, вынести тяжелые годы междоусобія, поставить предѣлы распространенію на востокъ Литвы и Польши, отбиться отъ ливонцевъ и шведовъ, проникавшихъ въ Россію съ сѣверо-запада, завоевать хоть одинъ портъ на Балтійскомъ или Черномъ морѣ, чтобы имѣть возможность войти въ непосредственныя сношенія съ образованными государствами Европы,—и тогда только думать о внутреннихъ преобразованіяхъ. Для этого нужно было еще два съ половиною столѣтія и цѣлый рядъ кровавыхъ войнъ!

Взятіе Казани.

(Въ 1552 г.)

Заря освѣтила небо, ясное, чистое. Казанцы стояли на стѣнахъ; россияне предъ ними, подъ защитою укрѣпленій, подъ сѣнію знаменъ, въ тишинѣ, неподвижно; звучали только бубны и трубы, неприятельскіе и наши; ни стрѣлы не летали, ни пушки не гремѣли. Наблюдали другъ друга: все было въ ожиданіи. Станъ опустѣлъ; въ его безмолвіи слышалось пѣніе іереевъ, которые служили обѣдню. Государь оставался въ церкви съ немногими изъ ближнихъ людей. Уже восходило солнце. Діаконъ читалъ Евангеліе, и едва произнесъ слова: *да будетъ едино стадо и единъ пастырь!* грянулъ сильный громъ, земля дрогнула, церковь затряслась... Государь вышелъ на паперть: увидѣлъ страшное дѣйствіе подкопа и густую тьму надъ всею Казанью: глыбы земли, обломки башенъ, стѣны домовъ, люди неслия вверхъ въ облакахъ дыма и пали на городъ. Священное служеніе прервалось въ церкви, Іоаннъ спокойно возвратился и хотѣлъ дослужать литургію. Когда діаконъ предъ дверями царскими громогласно молился, да утвердить Всевышній державу Іоанна, да подвергнетъ всякаго врага и супостата къ ногамъ его, раздался новый ударъ: взорвало другой подкопъ, еще сильнѣе перваго—и тогда, воскликнувъ: *съ нами Богъ!* полки російскіе быстро двинулись къ крѣпости, а

казанцы, твердые, непоколебимые въ часъ гибели и разрушенія, вопили: *Алла! Алла!* призывали Магомета и ждали нашихъ, не стрѣляя ни изъ луковъ, ни изъ пищалей; мѣряли глазами разстояніе, и вдругъ дали ужасный залпъ; пули, каменья, стрѣлы омрачили воздухъ... Но россияне, ободряемые примѣромъ начальниковъ, достигли стѣны. Казанцы давили ихъ бревнами, обливали кипящимъ варомъ; уже не береглися, не прятались за щиты: стояли открыто на стѣнахъ и помостахъ, презирая сильный огонь нашихъ бойницъ и стрѣлковъ. Тутъ малѣйшее замедленіе могло быть гибелью для россиянъ. Число ихъ уменьшилось; многіе пали мертвые, или раненые, или отъ страха. Но смѣлые геройскимъ забвеніемъ смерти ободрили и спасли боязливыхъ: одни кинулись въ проломъ; иные взбирались на стѣны по лѣстницамъ, по бревнамъ; несли другъ друга на головахъ, на плечахъ; бились съ неприятелемъ въ отверстіяхъ... И въ ту минуту, какъ Іоаннъ, отслушавъ всю литургію, причастясь Святыхъ Таинъ, взявъ благословеніе отъ своего отца духовнаго, на бранномъ конѣ выѣхалъ въ полъ, знамена христіанскія уже развѣвались на крѣпости! Войско запасное однимъ кликомъ привѣтствовало государя и побѣду.

Изъ соч. Н. М. Карамзина.

Народная пѣсня про покореніе Казани.

Вы, молодые ребята, послушайте, что мы, стары старыки, будемъ сказывать про грознаго царя Ивана Васильевича, какъ онъ нашъ государь-царь подъ Казань городъ ходилъ, подъ Казанку подъ рѣку подкопы подводилъ, за Сулай за рѣку бочки съ порохомъ каталъ, а пушки и снаряды въ чистомъ полѣ разставлялъ.

А татары по городу похаживаютъ, и всяко грубѣнство оазываютъ; они грозному царю насмѣхаются: а и не быть нашей Казани за бѣлымъ за царемъ!

Ахъ, какъ тутъ нашъ государь разгнѣвался, что подрывъ такъ долго медится; приказалъ онъ за то пушкарей казнить.

подкопщиковъ и зажигальщиковъ, какъ всё тутъ пушкари призадумались, а одинъ пушкаръ поотважился: «прикажи, государь-царь, слово выговорить!» Не успѣлъ пушкаръ слово вымолвить, тогда лишь догорѣли зажигательныя свѣчи, и вдругъ разрывало бочки съ порохомъ, какъ стѣны бросало за Сулай, за рѣку. Всѣ татары тутъ, братцы, устрашились, они бѣлому царю покорилися.

Василій Шибановъ.

Князь Курбскій отъ царскаго гнѣва бѣжалъ, съ нимъ Васька Шибановъ стремянной. Дороденъ былъ князь. Конь измученный палъ. Какъ быть среди ночи туманной? Но рабскую вѣрность Шибановъ храня, своего отдаетъ воеводѣ коня: «Скачи, князь, до вражьяго стану, авось я пѣшой не отстану».

И князь доскакалъ. Подъ литовскимъ шатромъ, опальный сидитъ воевода, стоять въ отдаленнх литовцы кругомъ, — безъ шапокъ толпятся у входа. Всякъ русскому витязю честь воздаетъ; не даромъ дивится литовскій народъ, и ходять ихъ головы кругомъ: «Князь Курбскій намъ сдѣлался другомъ».

Но князя не радуется новая честь, исполненъ онъ желчи и злобы; готовится Курбскій царю перечестъ души оскорбленной зазнобы: «Что долго въ себѣ я таю и ношу, то все я пространно царю напишу; скажу на прямикъ, безъ изгиба, за всё его ласки спасибо».

И пишетъ бояринъ всю ночь на пролетъ, перо его местію дышетъ; прочтетъ, улыбнется, и снова прочтетъ, и снова безъ отдыха пишетъ; и злыми словами язвить онъ царя, и вотъ ужъ, когда занялася заря, послѣло ему на отраду посланіе, полное яду.

Но кто жъ дерзновенныя князя слова отвезтъ Юанну возьмется? Кому не любя на плечахъ голова? Чье сердце въ груди не сожмется? Невольно на князя сомнѣнья напли... Вдругъ входитъ Шибановъ въ поту и въ пыли: «Князь, служба моя не нужна ли? вишь, наши меня не догнали!»

И въ радости князь посылаетъ раба, торопитъ его въ нетерпѣнны; «ты тѣломъ здоровъ, и душа не слаба, а вотъ и рубли

въ награжденье!» Шибановъ въ отвѣтъ господину: «Добро! тебѣ здѣсь нужнѣе твое серебро, а я передамъ и за муки письмо твое въ царскія руки».

Звонъ мѣдный несется, гудитъ надъ Москвой; царь въ смиренной одеждѣ трезвонитъ; зоветъ ли обратно онъ прежній покой, иль совѣсть на вѣки хоронитъ? Но часто и мѣрно онъ въ колоколь бьетъ; и звону внимаютъ московскій народъ, и молится, полный боязни, чтобъ день миновался безъ казни.

Въ отвѣтъ властелину гудятъ терема, звонитъ съ нимъ и Вяземскій лютый, звонитъ всей опрични кромѣшная тьма, и Васька Грязной и Малюта; и тутъ же, гордяся своею красой, съ дѣвичьей улыбкой, съ змѣиной душой, любимецъ звонитъ Юанновъ, отверженный Богомъ Басмановъ. Царь кончилъ; на жезлъ опираясь, идетъ, и съ нимъ всѣхъ окольныхъ собранье. Вдругъ идетъ гонецъ, раздвигая народъ, надъ шапкою держитъ посланье.

И спрынулъ послѣшно съ коня онъ долой, къ царю Юанну подходитъ пѣшой, и молвитъ ему не блѣднѣя: «Отъ Курбскаго князя Андрея!» И очи царя загорѣлися вдругъ: «Ко мнѣ? Отъ злодѣя лихова? читайте жъ, дѣяки, читайте мнѣ вслухъ посланье, отъ слова до слова!»

«Поддай сюда грамоту, дерзскій гонецъ!» И въ ногу Шибанова острый конецъ жезла своего онъ вонзаетъ; налегъ на костыль и внимаетъ: «Царю прославляемому древле отъ всѣхъ, но тонущу въ сквернахъ обильныхъ. Отвѣтствуй, безумный, какихъ ради грѣхъ побилъ еси добрыхъ и сильныхъ?»

«Отвѣтствуй, не ими-ль, средъ тяжкой войны, безъ счету твердыни враговъ сражены? Не ихъ ли ты мужествомъ славенъ? И кто имъ бысть вѣрностью равенъ? Безумный! Иль мнишися безсмертнѣе насъ, въ небытную ересь прельщенный? Внимай же! Придетъ возмездія часъ, писаніемъ намъ предреченный».

«И азъ, иже кровь въ непрестанныхъ бояхъ за тя, аки воду, лѣяхъ и лѣяхъ, съ тобой предъ судьбою предстану!» Такъ Курбскій писалъ къ Юанну. Шибановъ молчалъ. Изъ пронзенной ноги кровь алымъ струилася токомъ, и царь на спокойное око слуги взиралъ испытующимъ окомъ.

Стоялъ неподвижно опричниковъ рядъ; былъ мраченъ владыки

загадочный взглядъ, какъ будто исполненъ печали: и всё въ ожиданьи молчали. И молвилъ такъ царь: «Да, бояринъ твой правъ, и нѣтъ ужъ мнѣ жизни отрадной, кровь добрыхъ и сильныхъ ногами поправъ, я песь недостойный и смрадный».

«Гонецъ, ты не рабъ, а товарищъ и другъ; и много, знать, вѣрныхъ у Курбскаго слугъ, что выдалъ тебя за бездѣнокъ. Ступай же съ Малютой въ застѣнокъ!»

Изъ стихотв. гр. Ал. Толстаго.

Великодушіе св. Филиппа.

(1568 г.).

Однажды, въ день воскресный, въ часъ обѣдни, Іоаннъ (Грозный), препровождаемый нѣкоторыми боярами и множествомъ опричниковъ, входитъ въ соборную церковь Успенія: царь и вся дружина его были въ черныхъ ризахъ, въ высокихъ шлякахъ. Митрополитъ Филиппъ стоялъ въ церкви на своемъ мѣстѣ: Іоаннъ приблизился къ нему и ждалъ благословенія. Митрополитъ смотрѣлъ на образъ Спасителя, не говоря ни слова. Наконецъ бояре сказали: «Святый Владыко! се государь: благослови его!» Тутъ, взглянувъ на Іоанна, Филиппъ отвѣтствовалъ: «Въ семъ видѣ, въ семъ одѣяніи странномъ не узнаю царя православнаго; не узнаю ни въ дѣлахъ царства... О государь! мы здѣсь приносимъ жертвы Богу, а за олтаремъ льется невинная кровь христіанская. Отколѣ солнце сіяетъ на небѣ, не видано, не слыхано, чтобы цари благочестивые возмущали собственную державу столь ужасно! Въ самыхъ невѣрныхъ, языческихъ царствахъ есть законъ и правда, есть милосердіе къ людямъ, а въ Россіи нѣтъ ихъ! Достояніе и жизнь гражданъ не имѣютъ защиты. Вездѣ грабежи, вездѣ убійства — и совершаются именемъ царскимъ! Ты высокъ на тронѣ; но есть Всевышній, судія нашъ и твой. Какъ представишь на судъ Его, обогранный кровію невинныхъ, оглушаемый воплемъ ихъ муки? ибо самые камни подъ ногами твоими вопіютъ о мести!... Государь, вѣщаю, яко пастырь душъ. Боюся Господа единаго!» Іоаннъ затрепеталъ отъ гнѣва; ударилъ жезломъ о камень и сказалъ голосомъ страшнымъ: «Чернецъ! доселѣ я излишне ща-

дилъ васъ, мятежниковъ: отнынѣ буду, каковымъ меня нарицаете!» и вышелъ съ угрозою. На другой день были новыя казни. Въ числѣ знатныхъ погибъ князь Василій Пронскій. Всѣхъ главныхъ сановниковъ митрополитовыхъ взяли подъ стражу, терзали, допрашивали о тайныхъ замыслахъ Филипповыхъ и ничего не свѣдали.

Изобрѣли доносы, улики, представили Іоанну, и велѣли митрополиту явиться на судъ. Царь, святители, бояре сидѣли въ молчаніи: игумень Паисій стоялъ и клеветалъ на святаго мужа съ неслыханною дерзостію. Въмѣсто оправданія бесполезнаго, митрополитъ тихо сказалъ Паисію, что злое сѣяніе не принесетъ ему плода вождельнаго, а царю: «Государь, великій князь! ты думаешь, что я боюсь тебя или смерти: нѣтъ! достигнувъ глубокой старости безпорочно, не зная въ пустынной жизни ни мятежныхъ страстей, ни козней мірскихъ, желаю такъ и предать духъ свой Всевышнему, моему и твоему Господу. Лучше умереть невиннымъ мученикомъ, нежели въ санѣ митрополита безмолвно терпѣть ужасы и беззаконія сего несчастнаго времени. Твори, что тебѣ угодно. Се жезлъ пастырскій; се бѣлый клобукъ и мантия, коими ты хотѣлъ возвеличить меня. А вы, святители, архимандриты, игумены и всѣ служители олтарей! пасите вѣрно стадо Христово; готовьтесь дать отчетъ, и страшитесь Небеснаго Царя еще болѣ, нежели земнаго». Онъ хотѣлъ удалиться, царь остановилъ его; сказалъ, что ему должно ждать суда, а не быть своимъ судіею: принудилъ его взять назадъ утварь святительскую и еще служить обѣдню въ день архангела Михаила (8 ноября). Когда же Филиппъ въ полномъ облаченіи стоялъ предъ олтаремъ въ Храмѣ Успенія, явился тамъ бояринъ Алексѣй Басмановъ съ толпою вооруженныхъ опричниковъ, держа въ рукъ свитокъ. Народъ изумился. Басмановъ велѣлъ читать бумагу: услышали, что Филиппъ соборомъ духовенства лишенъ сана пастырскаго. Войны вступили въ олтарь, сорвали съ митрополита одежду святительскую, облекли его въ бѣдную ризу, выгнали изъ церкви метлами и повезли на дровняхъ въ обитель Богоявленія. Народъ бѣжалъ за митрополитомъ, проливая слезы. Филиппъ съ лицомъ свѣтлымъ, съ любовію благословлялъ людей, и говорилъ имъ: «молитесь!»

На другой день привели его въ судную палату, гдѣ былъ самъ Иоаннъ, для выслушанія приговора: Филиппу, будто бы уличенному въ тяжкихъ винахъ и въ волшебствѣ, надлежало кончить дни въ заключеніи. Тутъ онъ простился съ міромъ, великодушно, умирительно; не укорялъ судей, но въ послѣдній разъ молилъ Иоанна сжалиться надъ Россіею, не терзать подданныхъ—вспомнить, какъ царствовали его предки, какъ онъ самъ царствовалъ въ юности, ко благу людей и собственному. Государь, не отвѣтствуя ни слова, движеніемъ руки предалъ Филиппа войнамъ. Дней восемь сидѣлъ онъ въ темницѣ, въ узахъ, былъ перевезенъ въ обитель Св. Николая *Старою*, на берегу Москвы рѣки; терпѣлъ голодь и питался молитвою. Между тѣмъ Иоаннъ истреблялъ знатный родъ Колычевыхъ; прислалъ къ Филиппу отсѣченную голову его племянника, Ивана Борисовича, и велѣлъ сказать: «се твой любимый сродникъ: не помогли ему твои чары!» Филиппъ всталъ, взялъ голову, благословилъ и возвратилъ принесшему. Опасаясь любви гражданъ московскихъ ко сверженному митрополиту—слыша, что они съ утра до вечера толпятся вокругъ обители Николаевской, смотреть на келію заключеннаго и рассказываютъ другъ другу о чудесахъ его святости,—царь велѣлъ отвезти страдальца въ Тверскій монастырь, называемый Отрочимъ, и немедленно избралъ новаго митрополита, троицкаго архимандрита, именемъ Кирилла, къ досадѣ Пимена, имѣвшаго надежду заступитъ мѣсто Филиппа.

Изъ соч. Н. М. Карамзина.

Посольство Ермака.

Иоаннъ то предавался подозрѣніямъ и казнилъ самыхъ лучшихъ, самыхъ знаменитыхъ гражданъ; то приходилъ въ себя, каялся всенародно и посылалъ въ монастыри богатые вклады и длинные синодики съ именами убиенныхъ, приказывая молиться за ихъ упокой. Изъ прежнихъ его любимцевъ не уцѣлѣло ни одного. Послѣдній и главный изъ нихъ, Малюта Скуратовъ, не испытавъ ни разу опалы, былъ убитъ при осадѣ Пайды, или Вейсенштейна, въ Ливоніи, и

въ честь ему Иоаннъ сжегъ всѣхъ плѣнныхъ Нѣмцевъ и Шведовъ на кострѣ.

Сотни и тысячи русскихъ, потерявъ всякое терпѣніе и надежду на лучшія времена, уходили полками въ Литву и Польшу.

Одно только счастливое событіе произошло въ теченіе этихъ лѣтъ: Иоаннъ постигъ всю бесполезность раздѣленія земли на двѣ половины, изъ которыхъ меньшая терзала большую, и по внушенію Годунова, уничтожилъ ненавистную опричнину. Онъ возвратился на жительство въ Москву, а страшный дворецъ въ Александровой слободѣ запустѣлъ на всегда.

Между тѣмъ много бѣдствій обрушилось на нашу родину. Голодь и моръ опустошали города и селенія; нѣсколько разъ ханъ *) вторгался въ наши предѣлы, и въ одинъ изъ своихъ набѣговъ сжегъ всѣ посады подъ Москвой и большую часть самаго города. Шведы напали на насъ съ сѣвера; Стефанъ Баторій, избранный сеймомъ послѣ Жигимонта, возобновилъ литовскую войну, и, не смотря на мужество нашихъ войскъ, одолѣлъ насъ своимъ умѣньемъ и отнялъ у насъ всѣ наши западныя владѣнія.

Царевичъ Иоаннъ, хотя раздѣлялъ съ отцемъ его злодѣйства; но, почувствовавъ на этотъ разъ униженіе государства, попросился у отца съ войскомъ противъ Баторія. Иоаннъ увидѣлъ въ этомъ замыселъ свергнуть его съ престола, и въ припадкѣ бѣшенства убилъ сына ударомъ остраго посоха. Рассказываютъ, что Годуновъ, бросившійся между нихъ, былъ жестоко израненъ царемъ, и сохранилъ жизнь только благодаря врачебному искусству пермскаго гостя, Строгонова.

Послѣ этого убійства, Иоаннъ, въ мрачномъ отчаяніи, созвалъ думу, объявилъ, что хочетъ идти въ монастырь, и приказалъ приступить къ выбору другаго царя. Снисходя однако на усиленные просьбы бояръ, онъ согласился остаться на престолѣ и ограничился однимъ поканіемъ и богатыми вкладыми; а вскорѣ потомъ снова начались казни. Такъ, по свидѣтельству Одерборна, онъ осудилъ на смерть двѣ тысячи триста человѣкъ, за то, что они сдали вра-

*) Ханъ Крымскій.

гамъ разныя крѣпости, хотя самъ Баторій удивлялся ихъ мужеству.

Теряя свои владѣнія одно за другимъ, тѣснимый со всѣхъ сторонъ врагами, видя внутреннее разстройство своего государства, Іоаннъ былъ жестоко пораженъ въ своей гордости, и это мучительное чувство отразилось на его пріемахъ и наружности. Онъ сталъ небреженъ въ одеждѣ; высокій станъ его согнулся, очи померкли, нижняя челюсть отвисла, какъ у старика; и только въ присутствіи другихъ онъ дѣлалъ усиліе надъ собою, гордо выпрямлялся, подозрительно смотрѣлъ на окольныхъ, не замѣчаетъ ли кто въ немъ упадка духа. Въ эти минуты онъ былъ еще страшнѣе, чѣмъ во дни своего величія. Никогда еще Москва не находилась подъ такимъ давленіемъ унынія и скорби.

Въ это скорбное время, неожиданная вѣсть пришла отъ крайняго востока, ободрила всѣ сердца и обратила общее горе въ радость.

Отъ отдаленныхъ береговъ Камы прибыли на Москву знатные купцы Строгоновы, родственники того самаго гостя, который излѣчилъ Годунова. Они имѣли отъ царя жалованныя грамоты на пустыя мѣста земли пермской и жили на нихъ владѣтельными князьями, независимо отъ пермскихъ намѣстниковъ, съ своею управой и съ своею дружиной, при единственномъ условіи охранять границы отъ дикихъ сибирскихъ народовъ, нашихъ недавнихъ и сомнительныхъ данниковъ. Тревожимые въ своихъ деревянныхъ крѣпостяхъ ханомъ Кучумомъ, они рѣшились двинуться за *Каменный пояс* *) и сами напасть на неприятельскую землю. Для успѣшнѣйшаго исполненія этого замысла, они обратились къ нѣсколькимъ разбойничьимъ, или, какъ они себя называли, казачьимъ атаманамъ, опустошавшимъ въ то время съ шайками своими берега Волги и Дона. Главнѣйшими изъ нихъ были Ермакъ Тимофеевъ и Иванъ Кольцо, осужденный когда-то на смерть, но спасшійся чудеснымъ образомъ отъ царскихъ стрѣльцовъ и долгое время пропадавшій безъ вѣсти. Получивъ отъ Строгоновыхъ дары и грамоту, которою они призывались на славное

*) т. е. за Уральскія горы.

и честное дѣло, Ермакъ и Кольцо, съ тремя другими атаманами, подняли знамя на Волгѣ, собрали изъ удалой вольницы дружину и явились на зовъ Строгоновыхъ. Сорокъ струговъ были тотчасъ нагружены запасами и оружіемъ, и небольшая дружина, подъ воеводствомъ Ермака, отслуживъ молебень, поплыла съ веселыми пѣснями вверхъ по рѣкѣ Чусовой къ дикимъ горамъ Уральскимъ. Разбивая вездѣ враждебные племена, перетаскивая суда изъ рѣки въ рѣку, они добрались до береговъ Иртыша, гдѣ разбили и взяли въ плѣнъ главнаго воеводу сибирскаго, Маметкула, и овладѣли городомъ Сибирью на высококомъ и крутомъ обрывѣ Иртыша. Не довольствуясь этимъ завоеваніемъ, Ермакъ пошелъ далѣе; покорилъ весь край до Оби, и заставилъ побѣжденные народы дѣловать свою кровавую саблю во имя царя Ивана Васильевича всея Руси. Тогда только онъ далъ знать о своемъ успѣхѣ Строгоновымъ, и въ то же время послалъ любимаго своего атамана Ивана Кольцо къ Москвѣ бить челомъ великому государю и кланяться ему новымъ царствомъ.

Съ этою радостною вѣстью Строгоновы пріѣхали къ Іоанну, и вскорѣ послѣ нихъ прибыло Ермаково посольство.

Ликованье въ городѣ было неслыханное. Во всѣхъ церквахъ служили молебны, всѣ колокола звонили, какъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье. Царь, обласкавъ Строгоновыхъ, назначилъ торжественный пріемъ Ивану Кольцу.

Въ большой кремлевской палатѣ, окруженный всѣмъ блескомъ царскаго величія, Иванъ Васильевичъ сидѣлъ на престолѣ въ Мономаховой шапкѣ, въ золотой рясѣ, украшенной образами и другими каменьями. По правую его руку стоялъ царевичъ Феодоръ, по лѣвую—Борисъ Годуновъ. Вокругъ престола и дверей размѣщены были рынды, *) въ бѣлыхъ атласныхъ кафтанахъ, шитыхъ серебромъ, съ узорными топорами на плечахъ. Вся палата была наполнена князьями и боярами.

Воспрянувъ духомъ послѣ извѣстія привезеннаго Строгоновыми, Іоаннъ смотрѣлъ не такъ уже мрачно и на устахъ его появилась даже улыбка, когда онъ обращался къ Годунову съ ва-

*) Царскіе тѣлохранители.

кимъ нибудь замѣчаніемъ. Но лицо его сильно постарѣло, морщины сдѣлались глубже, на головѣ осталось мало волосъ, а изъ бороды вылѣзли все.

Борисъ Ѳеодоровичъ въ послѣдніе годы быстро пошелъ въ гору. Онъ сдѣлался шуриномъ царевича Ѳеодора, за котораго вышла сестра его Ирина, и носилъ теперь важный санъ конюшаго боярина. Разсказывали даже, что царь Иванъ Васильевичъ, желая показать, сколь Годуновъ и невѣстка близки его сердцу, поднялъ однажды три перста кверху и сказалъ, дотрогиваясь до нихъ другою рукою:

«Се Ѳеодоръ, се Ирина, се Борисъ; и какъ рукъ моей было бы одинаково больно, который изъ сихъ перстовъ отъ нея бы ни отсѣкли, такъ ровно тяжело было бы моему сердцу лишиться одного изъ трехъ возлюбленныхъ чадъ моихъ.»

Такая необыкновенная милость не родила въ Годуновъ ни надменности, ни высокомерія. Онъ былъ попрежнему скромнень, привѣтливъ къ каждому, воздерженъ въ рѣчахъ, и только осанка его получила еще болѣе степенности и ту спокойную важность, которая была прилична его высокому положенію.

Глядя на царевича Ѳеодора, нельзя было удержаться отъ мысли, что слабы тѣ руки, которымъ, по смерти Іоанна, надлежало поддерживать государство. Ни малѣйшей черты ни умственной, ни душевной силы не являло его добродушное, но безжизненное лицо. Онъ былъ уже два года женатъ, но выраженіе его осталось дѣтское. Ростомъ онъ былъ малъ, сложеніемъ дряблъ, лицомъ блѣденъ и опухловатъ. При томъ онъ постоянно улыбался и смотрѣлъ робко и запуганно. Недаромъ ходили слухи, что царь жалѣя о старшемъ сынѣ, говаривалъ иногда Ѳеодору: «Пономаремъ бы тебѣ родиться, Ѳедя, а не царевичемъ!»

Шепотъ, раздавшійся во дворцѣ между придворными, былъ внезапно прерванъ звуками трубъ и звономъ колоколовъ. Въ палату вошли, предшествуемые шестью стольниками, посланные Ермака, а за ними Максимъ и Никита Строгоновы съ дядею ихъ Семеномъ. Позади несли дорогіе мѣха, разные странныя утвари, и множество необыкновеннаго, еще невиданнаго оружія.

Иванъ Кольцо, шедшій въ главѣ посольства, былъ человекъ

лѣтъ подѣ пятьдесятъ, средняго роста, крѣпкаго сложенія, съ быстрыми пронизательными глазами, съ черной, густою, но короткою, бородою, подернутою легкою просѣдью.

— «Великій государь! сказалъ онъ, приблизившись къ ступенямъ престола:—казацкій твой атаманъ Ермакъ Тимоѣевъ, вмѣстѣ со всѣми твоими опальными волжскими казаками, осужденными твоею царскою милостью на смерть, старался заслужить свои вины и бьютъ тебѣ челомъ и новымъ царствомъ. Прибавь, великій государь, къ завоеваннымъ тобою царствамъ Казанскому и Астраханскому еще и это Сибирское, доколь Всевышній благоволитъ стоять міру!»

И проговоривъ свою краткую рѣчь, Кольцо вмѣстѣ съ товарищами опустился [на колѣни и преклонилъ голову свою до земли.

— «Встаньте, добрые слуги мои! сказалъ Іоаннъ. Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ, и быть той прежней опалѣ не въ опалу, а въ милость!

Изъ ром. «Князь Серебряный» гр. А. Толстаго.

Первое извѣстіе о самозванцѣ.

(Царскія палаты; царевичъ Ѳеодоръ чертитъ географическую карту; входитъ царь Борисъ).

Царь.... А ты, мой сынъ, чѣмъ занятъ? Это что?

Ѳеодоръ: Чертежъ земли Московской, наше царство изъ края въ край. Вотъ видишь: тутъ Москва, тутъ Новгородъ, тутъ Астрахань. Вотъ море; вотъ пермскіе дремучіе лѣса; а вотъ Сибирь.

Царь: А это что такое узоромъ здѣсь вѣтается?

Ѳеодоръ: Это Волга.

Царь: Какъ хорошо! Вотъ сладкій плодъ ученія! Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть все царство вдругъ: границы, грады, рѣки. Учись, мой сынъ: наука сокращаетъ намъ опыты быстро текущей жизни. Когда нибудь, и скоро, можетъ быть, всѣ области, которыя ты нынѣ изобразилъ такъ хитро на бумагѣ, всѣ подѣ руку достанутся твою. Учись мой сынъ: и легче и яснѣе

державный трудъ ты будешь постигать. (*Входитъ Шуйскій. Борисъ обращается къ нему*). Мнѣ нужно, князь, съ тобою говорить. Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ: и выслушать хочу тебя сперва.

Шуйскій: Такъ, государь, мой долгъ тебѣ повѣдать вѣсть важную.

Царь: Я слушаю тебя.

Шуйскій (тихо, указывая на Θεодора): Но, государь....

Царь: Царевичъ можетъ знать, что вѣдаетъ князь Шуйскій. Говори.

Шуйскій: Царь! изъ Литвы пришла къ намъ вѣсть....

Царь: Не та ли, что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ?

Шуйскій (про себя): Все знаетъ онъ! (*вслухъ*) Я думалъ государь, что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

Царь: Нѣтъ нужды, князь; хочу сообразить извѣстія: иначе не узнаемъ мы истины.

Шуйскій: Я знаю только то, что въ Краковѣ явился самозванецъ, и что король и паны за него.

Царь: Что жъ говорятъ? Кто этотъ самозванецъ?

Шуйскій: Не вѣдаю.

Царь: Но чѣмъ опасенъ онъ?

Шуйскій: Конечно, царь, сильна твоя держава! Ты милостью, радѣньемъ и щедротой усыновилъ сердца своихъ рабовъ. Но знаешь самъ: бессмысленная чернь измѣнчива, мятежна, суевѣрна, легко пустой надеждѣ предана, мгновенному внушенію послушна, для истины глуха и равнодушна, и баснями питается она. Ей нравится безстыдная отвага; такъ если сей невѣдомый бродяга литовскую границу перейдетъ, къ нему толпу безумцевъ привлечетъ Дмитрія воскреснувшее имя.

Царь: Дмитрія!...Какъ? этого младенца? Дмитрія!...Царевичъ, удались!

Шуйскій (про себя): Онъ покраснѣлъ: быть бурѣ!...

Θеодоръ: Государь: дозволишь ли?

Царь: Нельзя, мой сынъ, поди (*Θеодоръ уходитъ*). Дмитрія!..

Шуйскій (про себя): Онъ ничего не знаетъ.

Царь: Послушай, князь, взять мѣры сей же часъ, чтобъ отъ Литвы Россія оградилась заставами; чтобы ни одна душа не пе-

решла за эту грань; чтобъ заяцъ не прибѣжалъ изъ Польши къ намъ; чтобъ воронъ не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай! *)

Чудо св. Дмитрія.

(*Царскія палаты; царь Борисъ, патріархъ; бояре; патріархъ говоритъ Борису*).

«Знай, государь, тому прошло шесть лѣтъ; въ тотъ самый годъ, когда тебя Господь благословилъ на царскую державу—въ вечерній часъ ко мнѣ пришелъ однажды простой пастухъ, уже маститый старецъ и чудную повѣдалъ онъ мнѣ тайну: «Въ младыхъ лѣтахъ,» сказалъ онъ, «я ослѣпъ, и съ той поры не различалъ ни дня, ни ночи до старости: напрасно я лечился и зелиемъ, и тайнымъ нашептаньемъ; напрасно я ходилъ на поклоненье въ обители къ великимъ чудотворцамъ, напрасно я изъ кладязей святыхъ кропилъ водой цѣлебной темны очи—не посылалъ Господь мнѣ исцѣленія. Вотъ наконецъ утратилъ я надежду, и къ тьмѣ своей привыкъ, и даже сны мнѣ видѣнныхъ вещей ужъ не являли, а снилися мнѣ только звуки. Разъ въ глубокомъ снѣ, я слышу дѣтскій голосъ мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди ты въ Угличъ-градъ, въ соборъ Преображенія; тамъ помолись ты надъ моей могилкой; Богъ милоставъ—и я тебя прощу. Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ. Царь небесный принялъ меня въ ликъ ангеловъ своихъ, и я теперь великій чудотворецъ. Иди, старикъ.—Проснулся я и думалъ: что жъ? можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ, Богъ мнѣ позднее даруетъ исцѣленье. Пойду—и въ путь отправился далекій. Вотъ Углича достигъ я, прихожу въ святой соборъ, и слушаю обѣдню, и разгорясь душой усердной, плачу; такъ сладостно, какъ будто слѣпота изъ глазъ моихъ слезами вытегала. Когда народъ сталъ выходить, я внуку моему сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ царевича Дмитрія. И мальчикъ повелъ меня—и только передъ гробомъ я тихую молитву сотворилъ, глаза мои прозрѣли; я увидѣлъ и Божій свѣтъ, и внука, и могилку.»

*) Отрывокъ изъ драмы Борисъ Годуновъ, гдѣ рассказывается убіеніе царевича Дмитрія, помѣщенъ въ статьѣ: «Повѣдка по Волгѣ.»

Вотъ, государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ. *(Общее смущеніе. Въ продолженіе сей рѣчи Борисъ нѣсколько разъ отираетъ лице платкомъ).*

«Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ, и свѣдано, что многіе страдальцы спасеніе подобно обрѣтали у гробовой царевича доски. Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи перенести, поставить ихъ въ соборѣ Архангельскомъ; народъ увидитъ ясно тогда обманъ безбожнаго злодѣя, и мощь бѣсовъ исчезнетъ, яко прахъ.»

Изъ соч. А. Пушкина.

Начало осады Троицкой лавры.

(1608 г.)

Троицкая Лавра Св. Сергія (въ шестидесяти четырехъ верстахъ отъ столицы), прельщая ляховъ своимъ богатствомъ, множествомъ золотыхъ и серебрянныхъ сосудовъ, драгоценныхъ каменьевъ, образовъ, крестовъ, была важна и въ воинскомъ смыслѣ, способствуя удобному сообщенію Москвы съ сѣверомъ и востокомъ Россіи: съ Новымъ-городомъ, Вологдою, Пермю, Сибирскою землею, съ областію Владимірскою, Нижегородскою и Казанскою, откуда шли на помощь къ царю дружины ратныя, везли казну и запасы. Основанная въ лѣсной пустынѣ, среди овраговъ и горъ, лавра еще въ царствованіе Іоанна IV была ограждена (на пространствѣ шестисотъ сорока двухъ сажени) каменными стѣнами (вышиною въ четыре, толщиною въ три сажени) съ башнями, острогомъ и глубокимъ ровомъ: предусмотрительный Василій успѣлъ занять ее дружинами дѣтей боярскихъ, казаковъ вѣрныхъ, стрѣльцовъ, и съ помощію усердныхъ иноковъ снабдить всѣмъ нужнымъ для сопротивленія долговременнаго. Сіи иноки—изъ коихъ многіе, бывъ мирянами, служили царямъ въ чинахъ воинскихъ и думныхъ—взяли на себя не только значительныя издержки и молитву, но и труды кровавые въ бѣдствіяхъ отечества; не только, сверхъ рясы надѣвъ доспѣхи, ждали непріятеля подъ своими стѣнами, но и выходили вмѣстѣ съ воинами на дороги, чтобы истреблять его разбѣды, ловить вѣстниковъ и лазутчиковъ, прикрывать обозы царскіе; дѣй-

ствовали и невидимо въ станахъ вражескихъ, письменными увѣщаніями отнимая клеветовъ у самозванца, трогая совѣсть легкомысленныхъ, еще незакоснѣлыхъ, измѣнниковъ, и представляя имъ въ спасительное убѣжище лавру, гдѣ число добрыхъ подвижниковъ, одушевленныхъ чистою ревностію или раскаяніемъ, умножалось.

23-го сентября Сапѣга, а съ нимъ и литовскій князь Константія Вишневецкій, Тышкевичи и многіе другіе знатные паны, предводительствуя тридцатью тысячами ляховъ, казаковъ и россійскихъ измѣнниковъ, стали въ виду монастыря на Клементьевскомъ полѣ. Осадные воеводы лавры, князь Григорій Долгорукій и Алексій Голохвастовъ, желая узнать непріятеля и показать ему свое мужество, сдѣлали вылазку, и возвратились съ малымъ урономъ, давъ время жителямъ монастырскихъ слободъ обратить ихъ въ пепель: каждый зажегъ домъ свой, спасая только семейство, и спѣшилъ въ лавру. Непріятель въ слѣдующій день, осмотрѣвъ мѣста, занялъ всѣ высоты и всѣ пути, расположился станомъ и началъ укрѣпляться. Между тѣмъ лавра наполнилась множествомъ людей, которые искали въ ней убѣжища, не могли вмѣститься въ келліяхъ и не имѣли крова: большыя, дѣти, родильницы лежали на дождѣ въ холодную осень. Легко было предвидѣть дальнѣйшія, губельныя слѣдствія тѣсноты, но добрые иноки говорили: «Св. Сергія неотвергаетъ злосчастныхъ,»—и всѣхъ принимали. Воеводы, архимандритъ Іосафъ и соборные старцы урядили защиту: вездѣ разставили пушки; назначили, кому биться на стѣнахъ или въ вылазкахъ, и князь Долгорукій съ Голохвастовымъ первые, надъ гробомъ Св. Сергія, поцѣловали крестъ въ томъ, чтобы сидѣть въ осадѣ безъ измѣны. Всѣ люди ратныя и монастырскіе слѣдовали ихъ примѣру въ духѣ любви и братства, ободряли другъ друга и съ ревностію готовились къ трапезѣ кровопролитной, пить чашу смертную за отечество. Съ сего времени пѣніе не умолкало въ церквахъ лавры, ни днемъ ни ночью.

Изъ соч. Н. М. Карамзина.

Козьма Захарьевичъ Мининъ Сухорукъ.

(Дѣйствіе происходитъ на площади Нижегородскаго Кремля, подлѣ собора Запья занимаетъ. Народъ выходитъ изъ собора. Всѣ утираютъ слезы).

Проходятъ двое.—1-й. Экой плачь! Эко рыданіе во всемъ соборѣ!

2-й. Да и было отчего. Все тебѣ, какъ на ладонѣ, видно, какъ Москва гибнетъ, какъ вѣру православную попираютъ. Какъ же тутъ не заплакать! Что мы, каменные, что-ли? *(Проходятъ)*.

Старикъ и женщина.—*Старикъ.* Гибнетъ, говорить, все наше государство! гибнетъ вѣра православная! Легко сказать—гибнетъ вѣра православная! Скажи ты мнѣ, каково слышать!

Женщина. Тяжко-то оно слышать, тяжело, а хорошо, кабы почаще намъ эти слова напоминать! А то живемъ тутъ, бѣды большой надъ собой не видимъ, никакой муки не терпимъ: этакъ, не то что своихъ ближнихъ, и Бога-то забудешь. *(Проходятъ)*.

Проходятъ четверо.—1-й. Мы за вѣру православную должны до смерти стоять! Слышите, до смерти!

2-й. А кто же прочь? Да хоть сейчасъ умирать!

3-й. Потому, коли ты за вѣру пострадалъ, небесное царствіе наследуешь.

4-й. Безпремѣнно. *(Проходятъ)*.

(Выходитъ народъ и становится стѣнами, образуетъ улицы для выходящихъ изъ собора. Выходятъ: Воевода, Аксеновъ (богатый торговый человекъ), Поспѣловъ (болярскій сынъ), Темкинъ, Губанинъ (торговые люди).

Поспѣловъ. Выходишь отъ обѣдни, помолясь съ усердіемъ и досыта поплакавъ, и такъ тебѣ легко на сердцѣ станетъ: и подъ ногами ты земли не чувствуешь, и ногъ не слышишь; и заря-то ярче горитъ на небѣ; точно сладкій медъ, пьешь воздухъ утренній. Такое диво! Какая легкость для души молитва! Взялся бы съ мѣста, да и полетѣлъ! А день придетъ — забота за заботой навалится, опять отяжелѣешь.

Аксеновъ. Вѣстимо, утромъ человекъ помягче, пока не заболтался въ суетѣ; и разумъ крѣпче, да и воля тверже, и особливо помолясь усердно. Сейчасъ наказывалъ Кузьма Захарычъ сказать народу, чтобъ не расходился. Пожалуй, послѣ всѣхъ и не соберешь, да и сердца-то огрубѣть успѣютъ. Теперь въ соборѣ приказалъ молебень онъ Ангелу Хранителю, Космью—Безсребреннику. Вы поговорите съ народомъ-то, пока молебень кончатъ.

(Темкинъ и Губанинъ отходятъ къ народу—одинъ въ одну сторону, другой въ другую).

Темкинъ. Почтенные! Маленько подождите: Кузьма Захарычъ хочетъ говорить.

Губанинъ. Коли не въ трудъ, повремените малость: Кузьма Захарычъ приказалъ просить.

(Мининъ выходитъ изъ собора).

Мининъ).* *(Съ лобнаго мѣста).* Друзья и братья! Русь святая гибнетъ! Друзья и братья! Православной вѣрѣ, въ которой мы родились и крестились, конечная погибель предстоитъ. Святители, молитвенники наши, о помощи взываютъ, молятъ слезно. Вы слышали ихъ слезное прошеніе! Поможемъ, родниѣ святой! Чтожъ, развѣ въ насъ сердца окаменѣли? Не всѣ ли мы дѣти матери одной! Не всѣ ли братья отъ одной купели?

Голоса. Мы всѣ, Кузьма Захарычъ, всѣ хотимъ помочь Москвѣ и вѣрѣ православной.

Мининъ. И аще, братья, похотимъ помочь, не пожалѣемъ нашихъ достояній! Не пощадимъ казны и животовъ! Мы продадимъ дворы свои и дома! А будетъ мало—женѣ, дѣтей заложимъ!

Голоса. Заложимъ женѣ! Дѣтей своихъ заложимъ!

Мининъ. Что мѣшкать даромъ? Время насъ не ждетъ! Нѣтъ дѣла ратнаго безъ воеводы: изыщемъ, братія, честнаго мужа, которому то дѣло за обычай—вести въ Москвѣ и земскимъ дѣломъ править. Кто воеводой будетъ?

Голоса. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій!—Князь Пожарскій! Другаго намъ не надо!

Мининъ. Воля Божья! Пожарскаго избрали мы всѣмъ міромъ, ему и править нами. Гласъ народа—гласъ Божій. Выборныхъ людей пошлемъ просить и вкланяться, чтобъ шелъ къ намъ на спѣхъ. Теперь, друзья, несите, кто что можетъ, на дѣло земское, на помощь ратнымъ. Я, Господи благослови начало! свои, копленья и трудовыя, всѣ, до послѣдняго рубля, кладу.

Нѣсколько голосовъ. И мы, и мы всѣ за тобой готовы отдать свою копѣйку трудовую!

Другіе голоса. Что деньги! Деньги дѣло наживное; какъ живы будемъ, наживемъ опять.

* Земскій староста Пижняло посада.

Мининъ. Да изъ собора я послалъ Нефедя*), чтобъ изъ дому несли, что подороже: жены Татьяны поднизы и серьги; весь жемчугъ, перстни, фезязи цвѣтныя, камку и бархатъ, соболь и лисицу; да взяли бѣ у святыхъ иконъ взаймы, на время только, ризы золотыя. Пошлетъ Господь, оправимъ ихъ опять.

Голоса. Все отдадимъ! — Теперь не до нарядовъ! Въ нарядахъ суета мѣрская ходитъ! (*Начинаются приношенія*).

Мининъ. Ты, Петръ Аксенычъ, стань, блюди казну. Ты, дѣдушка, не знаю, какъ назвать-то, постой у денегъ. Принимайте вмѣстѣ.

(Аксеновъ и старикъ входятъ на лобное мѣсто и принимаютъ приношенія. Мининъ сходитъ. Народъ больше и больше тѣснится у лобнаго мѣста. Начинаютъ приносить даже вещи).

Губанинъ. (Темкину). Пойти домой, принесть свое хоботье! Оставлю чашку щей да хлѣба на день, съ меня и будетъ.

Темкинъ. Погоди, успеешь! Мы первые пошли на это дѣло — не спящимся.

(Входитъ Колзаковъ, стрѣлецкій сотникъ).

Колзаковъ. (Минину). А я что дамъ? До нитки домотался! А надо бы беречь на черный день. И у меня добра довольно было, да сплыло все. Теперь людямъ завидно. Не то завидно, милый человекъ, что хорошо живутъ да чисто ходятъ, а то завидно, что добро несутъ, а мнѣ вотъ нечего. И одежка вся тутъ. Да! погоди! Тѣльничъ на шеѣ, серебряный, большой. Ну, слава Богу! Нашлось таки что Господу отдать. (*Снимаетъ*). Возьми! Возьми! Пускай хоть разъ-то въ жизни пойдетъ на дѣло и моя копѣйка.

(Входятъ Татьяна Юрьевна, жена Минина, и Нефедя. За ними несутъ сундуки и ларцы).

Нефедя. Какъ, батюшка, изволилъ приказать, такъ точно мы, по твоему приказу, и сдѣлали: все принесли сюда.

Мининъ. Вонъ, видишь, Петръ Аксенычъ собираетъ? Кладите въ кучу — послѣ разберутъ.

Татьяна Юрьевна. Вотъ, государь ты мой, Кузьма Захарычъ,

*) Сынъ Минина.

ты приказалъ женѣ твоей, Татьянѣ, прислать тебѣ жемчугъ и ожерелья, и съ камушками перстеньки, и всю забаву нашу бабью. Я не знаю, на что тебѣ: я все въ ларецъ поклала, не думавши, взяла и принесла. Ты дума крѣпкая, Кузьма Захарычъ, ты слово твердое — такъ что намъ думать?

Мининъ. Сама Петру Аксенычу отдай.

Татьяна Юрьевна. Все, государь, исполню, что прикажешь.

(Уходитъ. Входитъ Марья Борисовна, богатая овдова; за ней несутъ сундуки и ларцы).

Марья Борисовна. Богатое наслѣдство мнѣ осталось отъ мужа моего и господина. Отцы и дѣды прежде накопили, а онъ, своимъ умомъ и счастьемъ, много къ отцовскому наслѣдью прибавилъ, и умеръ въ раннихъ лѣтахъ; не судилъ ему Господь плоды трудовъ увидѣть, покрасоваться нажитымъ добромъ. Благословенья не было отъ Бога мнѣ на дѣтей, — однимъ одна осталась хозяйкою несчетнаго добра, добра чужаго, — я съ среброю мало въ домъ принесла. Искала я родныхъ; родни его ни близкой не осталось, ни дальней. Вздумала я, догадалась раздать казну за упокой души, — и весело мнѣ стало, что заботу такую дорогую Богъ послалъ. И вотъ, благословясь, я раздавала по храмамъ Божьимъ на поминъ души, и нищей братьѣ по рукамъ, въ раздачу, убогимъ и слѣпымъ и прокаженнымъ, сиротамъ и въ убогіе дома, колодникамъ и въ тюрьмахъ заключеннымъ, въ обители — и въ Кіевъ, и въ Ростовъ, въ Москву и Угличъ, въ Суздаль и Владиміръ, на Бѣлоозеро, и въ Галичъ, и въ Поморье, и въ Грецію, и на Святую Гору, — и не могла раздать. Все прибавлялось, — то долгъ несутъ, то вортому съ угодій. И, не внуши вамъ Богъ такого дѣла, ни въ жизнь бы мнѣ не разсчитаться съ долгомъ. Тутъ много тысячъ! Сыпьте, не считайте! На добрыя дѣла, на обиходъ еще немного у меня осталось. Коли нужда вамъ будетъ, такъ возьмете. А мнѣ на что! съ меня и такъ довольно — однихъ угодій хватить на прожитокъ. (*Отходитъ къ сторонѣ. Народу все больше прибываетъ на площадь*).

Одинъ изъ толпы. Вотъ шесть алтынъ, двѣ деньги!

Другой. Зипуншко! (*Подаютъ. Къ лобному мѣсту подходятъ толпами*).

Голоса. Вотъ наши деньги изъ кваснаго яду! — Изъ рукавичнаго! — Отъ ярославцевъ! — Костромпчи собрали — принимайте! Стрѣльцы Колзакова Байма сотни!

Поспльовъ. Вотъ праздникъ! такъ ужъ праздникъ! Ну, веселье!

Мишинъ. И я смотрю, душа во виѣ растетъ. Не явно ли благословенъе Божье! Теперь у насъ и войско, и казна и полководецъ. Недалеко время, когда вооружась и окрылатѣвъ, какъ непоборные орлы, помчимся и грянемъ на враговъ. Пусть лютый врагъ, какъ левъ, зянетъ, бѣсомъ вооружаемъ; не страшень намъ злохитрый ковь его! За насъ молитвы дѣлаго народа, дѣтей, и женъ, и старцевъ многолѣтнихъ, и пѣнне иноковъ, и клиръ церковный, елей лампадъ, куреніе кадиль! За насъ угодники и чудотворцы, и легионы грозныхъ силъ небесныхъ, полкъ ангеловъ и Божья благодать!

Изъ драмы Островскаго.

ИЗБРАНІЕ МИХАИЛА ФЕОДОРОВИЧА НА ЦАРСТВО.

(1613 г., 21 февраля).

Слова: «Москва взята! Въ Москву уже итья ляховъ!» казались волшебными словами, утишившими буйныя страсти. Казалось, вся Россія опомнилась послѣ безумнаго опьяненія, продолжавшагося *восемь лѣтъ*, съ тѣхъ поръ, когда самозванецъ вступилъ въ Россію *въ октябрь 1604 года* до того времени, когда истинная вѣра и безкорыстная любовь къ отечеству, преодолевая всѣ препятствія, отняли Кремль у поляковъ. *Въ октябрь 1612 года*, къ искренней радости, примирились и соединились всѣ бояре, вожди войска русскаго, духовенство. Никто не напоминалъ другъ другу о прошедшемъ: *кто не былъ иршени?* Предавая забвенію все минувшее, всѣ учредились по прежнему старшинству, и прежде всего рѣшились общемою думою избрать царя. До тѣхъ поръ положили править государствомъ отъ общаго имени бояръ, и поклялись не приставать ни къ самозванцамъ, ни къ Владиславу. Противъ Зарудскаго отравили войско; его разбили, прогнали изъ рязанской области. Делгарди, обманутый напраснымъ ожиданіемъ, прислалъ

пословъ, — говорить объ избраніи шведскаго принца; ему отвѣчали, что онъ опоздалъ. Отовсюду спѣшили въ Москву люди, избранные по городамъ, для выбора царя.

Въ Москву съѣхались зимою избранные люди изъ городовъ, отслужили молебень, приступили къ совѣщаніямъ. Авраамій, уважаемый всѣми, краснорѣчивый, умѣлъ согласить умы, утишить раздоры. Не хотѣли избрать никого изъ старыхъ, мятежныхъ бояръ, и всѣ голоса слились воедино, всѣ провозгласили юнаго непорочнаго *Михаила*, сына Филаретова, послѣднюю отрасль знаменитаго дома Захарьиныхъ, того, чье имя предлагалъ нѣкогда къ избранію страстотерпецъ Гермогенъ. Архіепископъ рязанскій Феодоритъ, Авраамій и боярнинъ Морозовъ вышли къ народу, нетерпѣливо дожидавшемуся рѣшенія земскаго совѣта. Едва произнесено было имя Михайлово, толпа привѣтствовала его радостными восклицаніями. Безъ условій, безъ оговорокъ, избраніе Михайла совершилось 21-го февраля 1613 года; 25-го Москва и земскій совѣтъ присягнули новому царю, *избранному отъ Бога, а не отъ челоувѣкъ*, по выраженію современниковъ; ибо единодушіе, съ какимъ произошло избраніе, приписали единственно милосердію и внушенію Божию.

Изъ соч. Н. Полеваго.

Петръ I.

Петръ Первый былъ слишкомъ 2 аршина 14 вершковъ, и столько отличался ростомъ отъ другихъ, что во время пребыванія его въ Голландіи, въ Саардамъ, жены корабельщиковъ, работавшихъ на тамошней верфи, унимали дѣтей своихъ отъ шалостей, грозя гнѣвомъ высокаго плотника изъ Московіи. Онъ былъ крѣпкаго сложенія, имѣлъ лицо круглое, нѣсколько смугловатое, черные волосы, обыкновенно прикрытые парикомъ, большіе черные глаза, густыя брови, маленькій носъ, небольшой ротъ и усы, придававшіе ему нѣсколько суровый видъ.

Сила его была соразмѣрна необыкновенному росту. Заспоривъ однажды съ Августомъ, королемъ польскимъ, онъ велѣлъ подать

себѣ штуку сукна, и бросивъ ее въ верхъ, кортикомъ прорубилъ ее на воздухѣ. Въ другой разъ, сидя съ нимъ же за ужиномъ, онъ свертывалъ въ трубку по двѣ серебряныя тарелки вдругъ, и потомъ между ладоньми сплющилъ большую серебрянную же чашу. Походка его, обыкновенно скорая, дѣлалась еще скорѣе, когда онъ занять былъ какою-нибудь мыслию или увлекался разговоромъ. Одинъ изъ иностранныхъ министровъ, находившихся въ то время при российскомъ дворѣ, а именно цесарскій (австрійскій) посоль, графъ Кинскій, довольно толстый мужчина, говаривалъ, что онъ согласится лучше выдержать нѣсколько сраженій, нежели пробить у царя два часа на переговорахъ: ибо долженъ былъ, при всей тучности тѣла, бѣгать за нимъ во все это время.

Петръ любилъ веселиться въ обществахъ, на праздникахъ, которые давались ему въ честь; любилъ видѣть вокругъ себя блескъ и пышность: но въ частной жизни представлялъ во всемъ образецъ строжайшей умѣренности. Обыкновенная одежда его была самая простая; лѣтомъ черный бархатный картузь или треугольная поярковая шляпа, французскій кафтанъ изъ толстаго сукна, сѣраго или темнаго цвѣта, съ фабрики купца Сѣрикова, тафтяные камзолъ и нижнее платье, цвѣтные шерстяные чулки и башмаки на толстыхъ подошвахъ и высокихъ каблукахъ, съ мѣдными или стальными пряжками. Зимой, вмѣсто бархатнаго картуза, носилъ онъ шапку изъ калмыцкихъ барашковъ, вмѣсто суконнаго кафтана, надѣвалъ другой, изъ красной матеріи, въ коемъ передніа полы были подбиты соболями, а спинка и рукава бѣличьимъ мѣхомъ, и вмѣсто кожаныхъ башмаковъ, родъ сапоговъ изъ сѣвернаго оленя, мѣхомъ вверхъ. Царь не охотно разставался съ сею простотою, и даже не измѣнилъ ей въ 1717 году въ Парижѣ, гдѣ въ молодости Людовика XV пышность и частыя перемѣны въ одеждѣ составляли отличительную черту людей лучшаго общества. Приѣхавъ туда, онъ заказалъ себѣ новый парадный парикъ: ему принесли сдѣланный въ послѣднемъ вкусѣ, широкій, съ длинными кудрями. Государь обрѣзалъ его по мѣрѣ прежняго своего парика, такъ что онъ едва прикрывалъ волосы. Были однако жъ дни, въ которые и онъ любилъ наряжаться съ нѣкоторою пышностію: такъ, напримѣръ, при спускахъ кораблей. Въ день коронаціи Импера-

трицы Екатерины имѣлъ онъ на себѣ голубой гродетуровый кафтанъ, шитый серебромъ самою государынею. Когда она поднесла его супругу, Петръ взялъ кафтанъ въ руки и, взглянулъ на шитье, тряхнулъ имъ, отъ чего нѣсколько канители осыпалось на полъ. «Смотри, Катенька,» сказалъ онъ ей, указывая на упавшіе блески: «слуга смететь это вмѣстѣ съ соромъ, — а вѣдь здѣсь слишкомъ дневное жалованье солдата.»

Вообще Петръ, щедрый въ награжденіи заслугъ, показывалъ чрезвычайную бережливость во всемъ, что касалось до его собственности. Въ первое путешествіе свое по чужимъ краямъ, прибывъ вечеромъ инкогнито съ небольшою свитою въ Нимвегенъ, онъ остановился въ трактирѣ и потребовалъ ужинать. Ему дали 12 яицъ, сыру, масла и двѣ бутылки вина. Когда надлежало расплачиваться, трактирщикъ, — вѣроятно, узнавъ, кто былъ его гость—запросилъ сто червонныхъ. Петръ велѣлъ гофмаршалу своему Шенелеву заплатить деньги, но не могъ забыть этой издержки; и, угощая въ Петербургѣ приѣзжавшихъ на судахъ голландцевъ, всякій разъ съ упреками напоминалъ имъ о корыстолюбіи нимвегенскаго трактирщика. «Мнѣ мотать не изъ чего,» говаривалъ онъ въ другое время: «жалованья заслуженнаго у меня немного, а съ государственными доходами надлежитъ поступать осторожно: я долженъ во всемъ отдать отчетъ Богу». Часто ходилъ онъ въ башмакахъ, имъ самимъ заплатанныхъ, и чулкахъ, штопанныхъ его супругою; носилъ по году и по два одно платье.

Ѣздилъ онъ лѣтомъ въ длинной, выкрашенной въ красную краску одноколкѣ, на низкихъ колесахъ, парюю; зимою въ саняхъ, запряженныхъ въ одну лошадь, съ двумя деньщиками—однимъ, который сидѣлъ съ нимъ рядомъ, и другимъ, ѣхавшимъ сзади верхомъ.

Та же простота, какую соблюдалъ Царь въ одеждѣ и въ экипажѣ своемъ господствовала и въ его обращеніи. «Если хотите остаться моими друзьями,» говорилъ онъ саардамскимъ корабельщикамъ въ 1698 году, «то обходитесь со мною не какъ съ Царемъ; иначе, я не буду ученикомъ вашимъ. Я ищу не почестей, но полезныхъ знаній. Оставьте всѣ церемоніи; мнѣ свобода въ тысячу разъ милѣе, нежели несносное принужденіе, котораго тре-

буетъ свѣтъ.» Бывало, если на улицѣ кто-нибудь изъ проходящихъ, поклонившись, останавливался передъ государемъ, онъ подходилъ къ нему и, взявъ за кафтанъ, спрашивалъ: «чего ты?» и если тотъ отвѣчалъ ему, что остановился изъ уваженія къ его особѣ: «эхъ, братъ!» продолжалъ Петръ, ударивъ его по плечу: «у тебя свои дѣла, у меня мои; зачѣмъ тратишь время по пустому; ступай своей дорогой.» «Менѣе низости» говаривалъ онъ, «и болѣе усердія къ службѣ и вѣрности къ государству и ко мнѣ— вотъ почести, которыхъ я хочу.»

Въ Петербургѣ царь былъ то же, что отецъ въ большомъ семействѣ. Онъ крестилъ у однихъ, пировалъ съ другими; плясалъ на свадьбѣ у такого-то и ходилъ за гробомъ у иного. Случалось ли ему имѣть къ кому-нибудь дѣло, вельможѣ, купцу или ремесленнику, онъ часто, взявъ съ собою камышевую трость съ набалдашникомъ изъ слоновой кости, болѣе извѣстную подъ именемъ *дубинки*, отправлялся къ нему запросто пѣшкомъ, и если находилъ хозяина за обѣдомъ, то безъ чиновъ садился за столъ; приказывалъ подавать себѣ то же, что подносили другимъ, толковалъ съ мужемъ, шутилъ съ женою, заставляя при себѣ читать и писать дѣтей, требуя, чтобъ обходились съ нимъ безъ чиновъ. Часто видали его на улицахъ идущимъ подъ руку съ честнымъ фабрикантомъ или иноземнымъ матросомъ; иногда бродящимъ въ толпѣ, прислушиваясь къ молвѣ народной.

Но обращаясь открыто со всѣми, онъ того же требовалъ отъ всѣхъ для себя, и худо тому, кто задумалъ бы въ разговорахъ или поступкахъ съ нимъ позволить себѣ малѣйшую ложь. «За признаніе прощеніе; за утайку—нѣтъ помилованія,» повторялъ онъ часто; «лучше грѣхъ явный, нежели тайный.»

Онъ любилъ правду, даже въ такихъ случаяхъ, когда она могла бы другому показаться оскорбительною. «Князь Яковъ въ сенатѣ» отзывался онъ о Долгоруковѣ, «прямой помощникъ. Онъ судить дѣльно и мнѣ не потакаетъ; безъ красноречія рѣжетъ прямо правду, не смотря на лицо.»

День Петра Великаго.

Во время своего пребыванія въ Петербургѣ, Царь жилъ во дворцѣ Лѣтняго сада, зимою въ Зимнемъ, находившемся на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Эрмитажъ. Онъ ложился въ 10 часовъ, вставалъ лѣтомъ и зимою въ три утра; и ходилъ часъ по комнатѣ; читалъ въ это время С. Петербургскія вѣдомости, которымъ иногда самъ держалъ корректуру, или пересматривалъ въ рукописи переводы книгъ, сдѣланные по его повелѣнію. Петръ зналъ хорошо по-латыни, по-нѣмецки, и по-голландски, и понималъ французскій языкъ, хотя не могъ на немъ изъясняться. Ни одна книга не выходила изъ печати, не бывъ пересмотрѣнною самимъ Государемъ. Въ 4 или 5 часовъ Петръ, безъ чаю и безъ кофею, выпивъ рюмку анисивой водки, отправлялся, съ тростью въ одной и записною книжкою въ другой рукѣ, смотрѣть производившіяся въ Петербургѣ работы, а послѣ того въ свой натуральный кабинетъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ Смольный монастырь, или въ адмиралтейство. Однажды назначилъ онъ вновь пріѣхавшему въ Петербургъ брандербургскому посланнику приемную аудіенцію въ 4 часа утра. Аудіенція сія была, вѣрно, единственная въ своемъ родѣ. Посланникъ, не полагая, чтобъ Государь вставалъ такъ рано, думалъ, что не опоздаетъ, явившись во дворецъ въ пять; но уже не засталъ Петра. Онъ былъ на верфѣ и работалъ на марсѣ какого-то военного корабля. Посланникъ, имѣвшій важныя порученія и не могши вступить въ переговоры съ русскими министрами, не видавъ Царя, принужденъ былъ отправиться въ слѣдъ за нимъ въ адмиралтейство. «Пусть побезпокоится взойти сюда, если не умѣлъ найти меня въ назначенный часъ въ аудіенцъ-залѣ,» сказалъ Петръ, когда ему доложили о пріѣздѣ. Посланникъ принужденъ былъ, по веревочной лѣстницѣ, взбираться на гротъ-мачту, и Государь, сѣвъ на бревно, принялъ отъ него вѣрующую грамоту и обыкновенныя при подобныхъ случаяхъ привѣтствія подъ открытымъ небомъ, на корабельной мачтѣ.

Въ шесть или семь часовъ Петръ отправлялся въ сенатъ или другую-нибудь изъ коллегій и оставался тамъ до одиннадцати, слу-

шалъ дѣла и споры сенаторовъ, излагалъ свои мнѣнія, и надписывалъ на дѣлахъ рѣшенія. Дѣятельность его при семъ случаѣ достойна удивленія. Одинъ современный писатель говоритъ, что онъ въ одинъ часъ дѣлалъ болѣе, нежели другой успѣлъ бы сдѣлать въ четыре. За то Государь умѣлъ и беречь время. Это примѣтно въ его разговорахъ, указахъ, письмахъ и во всемъ, что выходило изъ-подъ его пера. Нигдѣ не найдете больше ясности и менѣе многословія. 16 марта 1711 года, отправляясь въ Прусскій походъ, написалъ онъ о совершенно разныхъ предметахъ 32 собственноручныхъ указа въ сенатъ, изъ коихъ ни одинъ не занималъ болѣе четырехъ строкъ. Въ 11 часовъ Петръ обыкновенно уходилъ изъ сената; при чемъ подносили ему рюмку анисовой водки и крендель. Время до полудня назначено было для приѣма просителей. Государь давалъ имъ аудіенцію въ средней галлерей Лѣтняго сада, построенной на берегу Невы, или, въ хорошую погоду, въ главной аллеѣ. Туда могъ приходиться всякій: и богатый и нищій, и знатный вельможа и человѣкъ простаго званія. Петръ отбиралъ у просителей просьбы, выслушивалъ ихъ жалобы и немедленно давалъ свои рѣшенія. Въ 11 часовъ ворота Лѣтняго сада запирались. Царь садился за столъ и всегда почти обѣдалъ въ своемъ семействѣ. Чтобъ кушанья не простывали, столовая его была обыкновенно рядомъ съ кухней; поваръ передавалъ въ столовую блюда прямо изъ печи, чрезъ окошечко, и всегда одно за другимъ, а не вмѣстѣ. Молодой радисъ, лимбургскій сыръ, тарелка щей, студень, ветчина, каша и жареная утка въ вѣскомъ соусѣ, который приправлялся лукомъ съ огурцами или солеными лимонами, были любимыми блюдами Петра, необходимымъ условіемъ его обѣдовъ. Мозельскія, венгерскія вина и вино эрмитажъ предпочиталъ онъ всѣмъ прочимъ. У прибора его клался всегда деревянная ложка, оправленная слоновою костью, ножикъ и вилка съ зелеными костяными черенками, и дежурному деньщику вмѣнялось въ обязанность носить ихъ съ собою и вѣсть передъ Царемъ, если даже ему случалось обѣдать въ гостяхъ.

Петръ не терпѣлъ много прислуги. Дежурный деньщикъ служилъ Государю, Императрицѣ и Великимъ Князямъ. Онъ нахо-

дился при Царѣ безотлучно днемъ и ночью; былъ довѣренною его особою и занималъ мѣсто камердинера, адъютанта, секретаря.

Откушавъ, Петръ обыкновенно читалъ голландскія газеты и дѣлалъ на поляхъ замѣчанія карандашомъ, съ означеніемъ, что должно переводить въ С.-Петербургскія вѣдомости; потомъ уходилъ на свою яхту, стоявшую передъ дворцомъ, ложился тутъ и отдыхалъ часъ или два. Иногда, во время торжественныхъ обѣдовъ, онъ для этого вставалъ изъ-за стола, приказавъ однакожъ гостямъ не расходиться прежде его возвращенія. Въ четыре часа уходилъ онъ въ товарную или въ кабинетъ: сюда приходили къ нему по дѣламъ. Окончивъ дѣла государственныя, Петръ развертывалъ свою записную книжку, въ которой отмѣчалъ все, что ему приходило въ тотъ день на мысль, и удостовѣрившись, что все означенное въ ней исполнено, остальное время дня посвящалъ собственнымъ занятіямъ.

«Трудиться надобно, братецъ,» говорилъ Петръ Ив. Ив. Неплюеву, когда опредѣлялъ его лейтенантомъ во флотъ: «я и Царь вашъ, а у меня на рукахъ мозоли, а все для того, чтобъ показать вамъ примѣръ и хотя бѣ подъ старость увидѣть мнѣ достойныхъ изъ васъ помощниковъ и слугъ отечеству.»

Море было любимую стихію Петра. Одинъ голландскій шкиперъ сказалъ ему, когда Государь объявилъ, что предпринимаетъ катанья по Невѣ, чтобы не забыть морскихъ эволюцій: «нѣтъ, Царь, ты не забудешь! я чаю ты и во снѣ командуешь флотомъ.» Всѣ его дворцы въ Петербургѣ и окрестностяхъ, или построены на морскомъ берегу, или окружены каналами, надъ которыми онъ частію самъ трудился. Движимый сею страстію къ морю, Петръ всегда присутствовалъ при спускахъ кораблей, проводилъ по нѣсколькимъ часамъ съ зрительною трубою въ Монплезиръ или въ Екатерингофскомъ *подзорномъ* дворцѣ, ожидая прибытія купеческихъ судовъ къ Петербургу; выѣзжалъ на встрѣчу тѣмъ, которые приходили къ Кронштату, и самъ, какъ искусный лоцманъ, вводилъ ихъ въ гавань, за что получалъ отъ хозяевъ по талеру или по кронѣ.

Механика была одною изъ любимыхъ наукъ Петра. Онъ практически занимался ею въ Амстердамѣ у знаменитаго Фанъ-деръ-Гейдена; трудился у него надъ дѣланіемъ часовъ и въ знакъ при-

знательности оставилъ ему нѣсколько моделей своей работы. Вообще онъ былъ самый послушный и понятливый ученикъ; безъ ропота исполнялъ самыя трудныя порученія, переносилъ строгіе выговоры. Вотъ тому доказательство. Герцогу Мальбургу, находившемуся въ Голландіи въ 1697 году, хотѣлось видѣть Петра. Онъ пріѣхалъ нарочно изъ Ло въ Амстердамъ и явился для этого къ хозяину, у котораго Царь былъ въ ученіи. Домъ сего мастера находился на берегу залива Эй: передъ окнами между плотниками работалъ Петръ. «Я назову его по имени, сказалъ мастеръ Мальбургу: онъ обратится и вы успеете свободнѣе разсмотрѣть его.» Въ это время нѣсколько человѣкъ пронесли на плечахъ большое бревно. «Петръ изъ Саардама, чтожь ты зѣваешь? поди помогать другимъ,» продолжалъ мастеръ, обращаясь къ Царю. Государь тотчасъ всталъ, бросилъ топоръ, и подставивъ плечо свое подъ бревно, перенесъ его съ другими въ надлежащее мѣсто.

Но я никогда не кончилъ бы, если бы захотѣлъ теперь исчислять всѣ роды упражненій Императора Петра I, если бы вздумалъ подробно рассказывать, какъ онъ ткалъ въ Утрехтѣ на фабрикахъ Моллема полотно; ковалъ желѣзо на заводѣ Миллера не подалеку отъ Истецкихъ минеральныхъ водъ и бралъ за пудъ по алтыну; какъ работалъ у разныхъ слесарей, стекольщиковъ, и т. п. Довольно, если скажу, что не было науки, не было ремесла, которыми бы онъ не занимался, или по крайней мѣрѣ, о коихъ не имѣлъ бы яснаго понятія. Самый отдыхъ Петра былъ работою. Онъ отдыхалъ или за токарнымъ станкомъ или вырѣзывая ламѣи достопамятные случаи своего царствованія.

Петръ чувствовалъ цѣну великихъ дѣлъ своихъ и гордился ими, потому что видѣлъ въ нихъ благо Россіи. Онъ охотно говорилъ о своихъ походахъ, о сраженіяхъ, въ которыхъ участвовалъ; охотно рассказывалъ объ опасностяхъ, которымъ подвергался на сушѣ и на морѣ; и съ особеннымъ удовольствіемъ распространялся о томъ времени, когда онъ въ 1716 году командовалъ на Балтійскомъ морѣ флотами четырехъ державъ: англійскимъ, голландскимъ, датскимъ и россійскимъ. Обыкновенно былъ онъ молчаливъ, говорилъ отрывисто, изъяснялся коротко: тутъ румянецъ выступалъ на блѣдномъ лицѣ, въ глазахъ блистали ра-

достныя слезы; слова лились рѣкою, и одна мысль быстро смѣняла другую. Съ какимъ жаромъ описывалъ онъ выгоды, которыхъ ожидалъ отъ учрежденія 12 коллегій, мечты о благодѣтельныхъ послѣдствіяхъ просвѣщенія, насаждаемаго имъ въ Россіи! Какъ сильно опровергалъ пристрастныя сужденія иностранцевъ, называвшихъ его жестокимъ, тираномъ, варваромъ! Онъ любилъ изображать себя въ видѣ каменщика, обтесывающаго молотомъ обрубокъ мрамора, до половины обдѣланный, или кормщика, прошедшаго чолнъ чрезъ бурю и уже близкаго къ благополучной пристани, цѣли постоянныхъ его трудовъ и пламенныхъ желаній.

Изъ руск. стар. Корниловска.

ПОЛТАВСКАЯ БИТВА.

1709 г. 27 іюня.

Горить востокъ зарею новой.
Ужъ на равнинѣ, по холмамъ
Грохочутъ пушки. Дымъ багровой
Кругами всходитъ къ небесамъ
На встрѣчу утреннимъ лучамъ.
Полки ряды свои сомкнули.
Въ кустахъ разсыпались стрѣлки.
Катятся ядра, свищутъ пули;
Нависли хладныя штыки.
Сыны любимыя побѣды,
Съвозъ огнь окоповъ рвутся Шведы:
Волнуясь конница летитъ;
Пѣхога движется за нею
И тяжелой твердостью боею
Ея стремленія кривитъ.
И битвы поле ровное
Гремитъ, пылаетъ здѣсь и тамъ:
Но ясно счастье боевое
Служить ужъ начинаетъ намъ.
Тьснимъ мы Шведовъ рать за ратью;
Темнѣетъ слава ихъ знаменъ,
И Бога бравей благодатью
Нашъ каждый шагъ запечатлѣвъ.

Тогда-то слыше вдохновенный
Раздался звучный гласъ Петра:
«За дѣло, съ Богомъ!» Изъ шатра,
Толпой любимцевъ окруженный,
Выходитъ Петръ. Его глаза
Сіяютъ. Ликъ его ужасенъ.
Движенія быстры. Онъ прекрасенъ,
Онъ весь, какъ Божія гроза.
Идетъ. Ему коня подводятъ.
Ретивъ и смиренъ вѣрный конь;
Почуя роковой огонь,
Дрожитъ, глазами косо водитъ
И мчится въ прахъ боевомъ,
И гордятся могучимъ съюзомъ.
Ужъ близокъ полдень. Жаръ пылаетъ.
Какъ пахарь, битва отдыхаетъ.
Кой-гдѣ гардюютъ казаки.
Ровняясь строятся полки.
Молчитъ музыка боевая.
На холмахъ пушки, присмирѣвъ,
Прервали свой голодный ревъ.
И се — равнину оглашая,
Далече грянуло ура:
Полки увидѣли Петра.

И онъ промчался предъ полками,
Могущъ и радостенъ какъ бой.
Онъ поле пожиралъ очами.
За нимъ вослѣдъ неслись толпой
Син птенцы гнѣзда Петрова —
Въ премѣнахъ жребія земнова,
Въ трудахъ державства и войны,
Его товарищи, сыны:
И Шереметевъ благородный,
И Брюсъ, и Боуръ, и Рѣпинъ,
И, счастья баловень безродный,
Полудержавный властелинъ.

И передъ синими рядами
Своихъ воинственныхъ дружинъ,
Несомый вѣрными слугами,
Въ качалкѣ, блѣденъ, недвижнъ,
Страдал раной, Карлъ явился.
Вожди героя шли за нимъ.
Онъ въ думу тихо погрузился.
Смущенный взоръ изобразилъ
Необычайное волненье.
Казалось, Карла приводилъ
Желанный бой въ недоумѣнье...
Вдругъ слабымъ мавнемъ руки
На русскихъ двинулъ онъ полки.

И съ ними Царскія дружины
Сошлись въ дыму среди равнины:
И грянулъ бой, Полтавскій бой!
Въ огнѣ, подъ градомъ раскаленнымъ,
Слѣпой живою отраженнымъ,
Надъ падшимъ строемъ свѣжій строй

Б о р о д и н о .

«Слажи-ка, дядя, вѣдь не даромъ
Москва, спаленная пожаромъ,
Французу отдана?
Вѣдь были жъ схватки боевыя?
Да, говорятъ, еще какія!
Не даромъ помнить вся Россія
Про день Бородинна!»

Штыки смыкаетъ. Тяжкой тучей
Отряды конницы летучей,
Браздами, саблями звуча,
Сшибаясь, рубится съ плеча.
Брасая груди тѣлѣ на грудь,
Шары чугунные повсюду
Межъ ними прыгаютъ, разятъ,
Прахъ роютъ и въ крови шипятъ.
Шведъ, Русскій — колетъ, рубитъ,
рѣжетъ.
Бой барабанный, клики, скрежетъ,
Громъ пушекъ, топотъ, ржанье, стонъ.
И смерть и адъ со всѣхъ сторонъ.

Но близокъ, близокъ мигъ побѣды.
Ура! мы ломимъ; гнутся Шведы.
О славный часъ! о славный видъ!
Еще напоръ — и врагъ бѣжить,
И слѣдомъ конница пустилась,
Убийствомъ тупятся мечи,
И падшими вся степь покрылась,
Какъ роетъ черной саранчи.

Пируетъ Петръ. И гордъ, и ясенъ,
И славы полонъ взоръ его;
И Царскій пиръ его прекрасенъ.
При кликахъ войска своего,
Въ шатрѣ своемъ онъ угощаетъ
Своихъ вождей, вождей чужихъ,
И славныхъ плѣнниковъ ласкаетъ,
И за учителей своихъ
Заздравный кубокъ поднимаетъ.

Изъ поэмы А. Пушкина.

— Да, были люди въ наше время,
Не то, что нынѣшнее племя:
Богатыри — не вы!
Цюлая имъ досталась доля:
Немногое вернулись съ поля...
Не будь на то Господня воля,
Не отдали бъ Москвы?

Мы долго, молча, отступали.
Досадно было, боя старки,
Ворчали старики:
«Что жъ мы? на зимнѣ квартиры?
Не смѣютъ что ли наши командиры
Чужие изорвать мундиры
О русскіе штыки?»

И вотъ нашли большое поле:
Есть разгуляться гдѣ на волю!
Построили редутъ.
У нашихъ уши на макушки!
Чуть утро освѣтило пушки,
И лѣса, синія верхушки —
Французы тутъ-какъ тутъ.

Забилъ зарядъ я въ пушку туго,
И думалъ: угощу я друга!
Постой-ка, братъ, мусью!
Что тутъ хитрить, пожалуй къ бою;
Ужъ мы пойдемъ лопить стѣною,
Ужъ стоимъ мы головою
За родину свою!

Два дня мы были въ перестрѣлкѣ;
Что толку въ такой бездѣлкѣ?
Мы ждали третій день.
Повсюду стали слышны рѣчи:
«Пора добратся до картечи!»
И вотъ на полѣ гнѣзной сѣчи
Нечная пала тѣнь.

Прилежъ вздремнуть я у лафета,
И слышно было до разсвѣта,
Какъ ликовалъ французъ.
Но тихъ былъ нашъ биваль (открытый):
Кто киверъ чистить весь избитый,
Кто штыкъ точилъ, ворча сердито,
Кусая длинный усъ.

И только небо засвѣтилось,
Все шумно вдругъ зашевелилось,
Сверкнувъ за строемъ строй.
Полковникъ нашъ рожденъ былъ хватомъ:
Слуга царю, отецъ солдатамъ...
Да жаль его: сраженъ булатомъ,
Онъ спитъ въ землѣ сырой.

И молвилъ онъ, сверкнувъ очами:
«Ребята! не Москва ль за нами?
«Умремте жъ подъ Москвою,
«Какъ наши братья умирали!»
— И умереть мы обѣщали,
И клятву вѣрности сдержали
Мы въ Бородинскій бой.
Ну-жъ былъ денекъ! Сквозьдымъ летучій
Французы двигались какъ тучи,
И все на нашъ редутъ.
Уланы съ пестрыми значками,
Драгуны съ конскими хвостами,
Всѣ промелькнули передъ нами,
Всѣ побывали тутъ.

Вамъ не видать такихъ сраженій!...
Носились знамена какъ тѣни,
Въ дыму огоньъ блестѣлъ,
Звучалъ булатъ, картечь визжала,
Рука бойцовъ колоть устала,
И ядрамъ пролетать мѣшала
Гора кровавыхъ тѣлъ.
Извѣдалъ врагъ въ тотъ день немало,
Что значитъ русскій бой удалый,
Нашъ рукопашный бой!...

Земля тряслась — какъ наши груди;
Смѣшались въ кучу кони, люди,
И залпы тысячи орудій
Слились въ протяжный вой!...
Вотъ смерклось. Были всѣ готовы
Завтра бой затѣять новый
И до конца стоять...

Вотъ загремали барабаны —
И отступили бусурманны.
Тогда считать мы стали равны,
Товарищей считать.
Да; были люди въ наше время,
Могучее, лихое племя,
Богатыри — не вы.
Плоская имъ досталась доля:
Не многие вернулись съ поля.
Когда бъ на то не Божья воля,
Не отдали бъ Москвы!

М. Лермонтовъ.

М а н и ф е с т ь .

19 февраля 1861 г.

Посмотри, въ избѣ, мерца,
Свѣтитъ огонекъ;
Возлѣ дѣвочки-малютки
Собрался кружокъ;
И съ трудомъ, отъ слова къ слову
Пальчикомъ вода,
По печатному читаетъ
Мужичкамъ дитя.
Мужички въ глубокой думѣ
Слушаютъ, молчатъ,
Развѣ крикнетъ кто, чтобъ бабы
Уняли ребятъ:
Бабы суютъ дѣтямъ соску,
Чтобы ротъ замкнуть,
Чтобы самими хоть краемъ уха
Слушать что нибудь...
Даже съ печи не слѣзавшій
Много, много лѣтъ,
Свѣсилъ голову и смотритъ,
Хоть не слышитъ, дѣдъ:
Что жъ такъ слушаютъ малютку,
Аль ужъ такъ умна?...
Нѣтъ, одна въ семьѣ умѣтъ
Грамотъ она.

И пришлось ей, младенцу,
Старикамъ прочесть
Про желанную свободу
Дорогую вѣсть!
Самой вѣсти смыслъ покажетъ
Темень имъ и ей,
Но все чувятъ надъ собою
Зорю новыхъ дней.
Вспыхнетъ, братцы, эта зорька!
Тьма идетъ къ концу!
Ваши дѣтки ужъ увидятъ
Свѣтъ лицомъ къ лицу!
Тьма пускай еще ярится!
День взойдетъ могучь!
Вѣщимъ окомъ я ужъ вижу,
Первый сладкій лучъ!
Онъ горитъ ужъ на головкѣ,
Онъ горитъ въ очахъ
Этой умницы-малютки
Съ книжкою въ рукахъ!
Воля, братцы, это только
Первая ступень
Въ царство мысли, гдѣ сияетъ
Вѣковѣчный день.

А. Майковъ.

ОТДѢЛЪ III.

ИЗЪ ГЕОГРАФІИ.

Вблизи и вдали.

У кого зрѣніе хорошо, тотъ можетъ ясно читать на разстояніи аршина; но если ту же книгу отодвинуть аршинъ на пять, на шесть, то и дальноройкій человѣкъ будетъ видѣть однѣ только чер-

нѣющіяся строчки и много-много, если различитъ большія буквы. Пусть же кто нибудь возьметъ въ руки книгу и, продолжая держать ее такъ, чтобы мы могли видѣть листы и на нихъ строчки, станетъ уходить съ нею все дальше и дальше: за десять, за пятнадцать саженей строчки исчезнутъ; саженей за сто вся книга покажется бѣлымъ пятномъ; еще десятка два саженей дальше—и не только нельзя будетъ разобрать, что держитъ уходящій человѣкъ въ рукахъ, но и самого человѣка будетъ трудно узнать по лицу на такомъ разстояніи. За версту нельзя уже различить цвѣта одежды уходящаго человѣка, а за пять, за шесть—и весь человѣкъ покажется чуть замѣтною точкою и, притомъ, точкою почти не подвижною, хотя бы онъ шелъ очень скоро: еще нѣсколько саженей далѣе—и самая эта точка исчезнетъ!

Случалось ли вамъ видѣть, какъ орелъ или коршунъ, снявшись съ камня или съ дерева, быстро начнетъ подыматься кверху? Сначала вы очень ясно различаете широкія крылья, хвостъ и голову хищной птицы; но чрезъ минуту вся птица, быстро улетающая кверху, покажется вамъ чернымъ и почти неподвижнымъ пятномъ, хотя она улетааетъ съ прежнею быстротою: еще мнута, другая—пятно превращается въ точку, а потомъ и самая точка исчезаетъ въ синевѣ небесной.

Все предметы, какъ бы они велики не были, дома, церкви, цѣлые города, громадныя горы уменьшаются для насъ по мѣрѣ того, какъ мы отъ нихъ удаляемся; и если вамъ скажутъ, что черточка, которую вы видите на горизонтѣ, находится отъ васъ на разстояніи десяти верстъ, то вы, зная, какъ уменьшаются предметы вдали, вѣроятно, догадаетесь, что эта черточка совсѣмъ не такъ мала, какъ вамъ кажется, и что это должно быть какое нибудь очень высокое зданіе, если можно еще видѣть его на разстояніи десяти верстъ. Но если вы увидите какой нибудь предметъ на горизонтѣ, на разстояніи пятидесяти, шестидесяти верстъ, то хотя бы этотъ предметъ казался вамъ небольшою болотной кочки, вы, безъ сомнѣнія, подумаете, что это должна быть какая нибудь громадная гора.

Но что же подумаете вы, если вамъ скажутъ, что луна, которая вамъ кажется величнною съ большую тарелку, находится отъ

васъ почти за 400 тысячъ верстъ? Вѣроятно, вы повѣрите послѣ этого, что луна на-самомъ-дѣлѣ только въ 49 разъ меньше всей этой земли, на которой мы живемъ. Солнце же, которое кажется не меньше луны, еще гораздо, гораздо дальше! Можно себѣ представить, какъ громадно должно быть оно, если мы его еще видимъ такимъ большимъ почти за 150 милліоновъ верстъ? Многія звѣзды еще гораздо, гораздо дальше отъ насъ, чѣмъ самое солнце; какъ же должны быть велики эти маленькія звѣздочки, когда мы ихъ видимъ на такомъ неизмѣримо-далекомъ разстояніи!

Земля.

Мы уже знаемъ, что звѣздочки, которыя кажутся намъ блестящими, мигающими точками, такія большія земли, что на нихъ весьма просторно могли бы помѣститься многіе и многіе милліоны людей. Живутъ ли тамъ люди, мы не знаемъ; но знаемъ только то, что если бы съ одной изъ этихъ звѣздочекъ можно было взглянуть на нашу землю, то ее или совсѣмъ не было бы видно, или она показалась бы намъ такою же крошечною блестящею точкою, какою съ земли кажутся намъ звѣзды. Однако на этой точкѣ довольно мѣста для тысячи милліоновъ людей, для ихъ городовъ, селъ и полей, многъ необитаемыхъ пустынь, хотя болѣе трехъ третей всей земной поверхности занято водою: океанами и морями.

Естественно, что человѣку захотѣлось узнать, какую форму имѣетъ та звѣздочка, на которой онъ живетъ. Но какъ это сдѣлать? Мы знаемъ, что форму предметовъ человѣкъ узнаетъ посредствомъ зрѣнія и осязанія, и когда хотимъ узнать форму яблока, то беремъ его въ руки и осматриваемъ со всѣхъ сторонъ; но нельзя не согласиться, что съ землею это довольно трудно сдѣлать. Въ руки ее не возьмешь, да и осмотрѣть съ разу невозможно. Представьте себѣ, что по огромному, почти шарообразному куполу какой нибудь церкви ползетъ маленькая мошка: трудно будетъ ей узнать форму этого купола и долго она проползаетъ по немъ, прежде чѣмъ узнаетъ, что это шаръ. Человѣкъ же въ отношеніи земли, на которой онъ живетъ, меньше, чѣмъ самая маленькая мошка въ отношеніи самаго большаго церковнаго купола. И долго человѣкъ

ходилъ и ѣздилъ по землѣ, прежде чѣмъ догадался, что Богъ далъ ей форму большаго шара.

Если человѣку удавалось быть на морѣ, или на большой равнинѣ, гдѣ ни лѣса, ни горы не мѣшали его взору, то онъ видѣлъ только крошечную частичку земли, которая на краю повсюду сходилась съ небомъ. Неудивительно, что прежде чѣмъ угадали люди истинную форму земли, они считали ее плоскимъ кругомъ и полагали, что гдѣ-то далеко есть край земли, съ котораго, пожалуй, можно и соскочить; но куда соскочить—неизвѣстно. Были, правда, такіе умные люди, которые догадывались, что это не такъ, и что у земли нѣтъ краевъ, какъ нѣтъ ихъ у шара; но такихъ людей было не много и имъ мало вѣрили. Но вотъ люди выучились дѣлать хорошіе корабли и стали плавать на нихъ по морю, каждый разъ заходя все дальше и нигдѣ не находя края земнаго. Наконецъ нашлись такіе смѣльчаки, которые плыли, плыли и, не возвращаясь назадъ, доплыли до того мѣста, съ котораго отправились. Точно то же случилось бы съ мухою, если бы она ползла все прямо по куполу, не возвращаясь назадъ: она приползла бы наконецъ къ тому мѣсту, съ котораго отправилась.

Г л о б у с ь .

Смотря на картинку, на которой нарисована ловля кита, мы говоримъ: какое большое животное! А между тѣмъ на картинкѣ это животное не больше вершка. Но китъ намъ кажется и на картинкѣ большимъ, потому что возлѣ него нарисована лодка, въ которой сидятъ человѣкъ десять китолововъ; а лодка эта въ десять разъ меньше кита. Зная же, какъ великъ человѣкъ въ натурѣ, мы заключаемъ и о величинѣ громаднаго морскаго звѣря. На картинахъ, по большей части, всѣ предметы изображаются гораздо меньше ихъ натуральной величины. Иная высокая гора на картинкѣ точно небольшое пятнышко; за то возлѣ такой горы человѣкъ и нарисовать нельзя: такъ онъ будетъ малъ; если же рисуемъ человѣка, хотя въ вершокъ величиною, то самую гору сочтемъ за маленькій холмикъ. На картинахъ, слѣдовательно, пред-

Метры изображаются по ббльшей части въ уменьшенномъ видѣ, но *пропорціонально*, т. е. во сколько разъ уменьшенъ на картинкѣ одинъ предметъ, во столько разъ уменьшенъ и другой. Если же на картинкѣ иногда рисуютъ человѣка больше дерева или горы, то это для того, чтобы показать, что человѣкъ стоитъ ближе, а гора гораздо дальше; потому что, какъ вы уже знаете, чѣмъ дальше отъ насъ предметъ, тѣмъ онъ намъ кажется меньше.

На полу нашего класса можно умѣстить много листовъ бумаги; но весь полъ можно нарисовать на одномъ листѣ: стдить только вымѣрить, сколько будетъ нашъ полъ въ длину, сколько въ ширину, и нарисовать на бумагѣ такой четырехугольникъ, который столько же будетъ имѣть въ длину и въ ширину вершковъ, сколько самъ полъ имѣетъ саженей. На этомъ маленькомъ четырехугольникѣ, представляющемъ полъ нашего класса, мы можемъ легко означить, гдѣ стоятъ наши скамьи, гдѣ доска, гдѣ печка и т. д. Такъ же можемъ мы нарисовать и цѣлый садъ. Если мы нарисуемъ деревья, кусты, бесѣдки, и представимъ всѣ эти предметы въ такомъ видѣ, какъ они представляются глазамъ нашимъ, т. е. тѣ, которые поближе—въ болшомъ видѣ, а тѣ, которые дальше—въ меньшемъ, то это будетъ *картина* сада. Но если мы вымѣряемъ нашъ садъ во всѣхъ направленіяхъ и начертимъ на бумагѣ фигуру пространства, занимаемаго садомъ, конечно въ уменьшенномъ видѣ, а потомъ означимъ на этой фигурѣ положеніе дорожекъ, бесѣдокъ, пруда, деревьевъ, словомъ, всѣхъ предметовъ, которые находятся въ нашемъ саду, не изображая самихъ предметовъ, то это будетъ уже не картина, а *планъ* сада. Можно нарисовать такой же планъ большаго города, означивъ на планѣ теченіе рѣки, положеніе улицъ, площадей, церквей и даже всякаго дома по одиночкѣ. Имѣя такой планъ въ рукахъ, мы уже не можемъ заблудиться, куда бы мы ни зашли: намъ стдить узнать названіе улицъ, и, взглянувъ на планъ, мы сейчасъ поймемъ, гдѣ мы находимся и куда намъ должно идти.

Можно нарисовать не только планъ дома, сада, города; но и планъ цѣлой большой страны и означить на этомъ планѣ всѣ рѣки, озера, моря, положеніе горъ, лѣсовъ, границы губерній, города. Такой планъ называется уже *картою*. Но понятно, что

рѣка, длиною въ двѣсти или триста верствъ въ натурѣ, будетъ на планѣ маленькою, узенькою черточкою въ полвершка длиною, цѣлый большой городъ — одною точкою; а домовъ или церквей и вовсе не будетъ, потому что ихъ слѣдовало бы сдѣлать такими маленькими, что и нарисовать невозможно. Можете же себѣ представить, какъ надобно уменьшить всѣ предметы, рѣки, озера, моря и цѣлыя государства, чтобы нарисовать планъ, или *карту* всей земли! Здѣсь уже рѣка, въ тысячу верствъ длиною, будетъ небольшою чертою въ полвершка.

Но какъ же нарисовать карту земли: земля вѣдь шаръ, а бумага плоска? Дѣйствительно, это довольно трудно. Для этого дѣлаютъ шаръ изъ дерева и обклеиваютъ его бумагой, на которой уже нарисованы океаны, моря и земли съ озерами, горами и рѣками, въ томъ положеніи, въ которомъ они находятся на земномъ шарѣ. Такой шаръ, представляющей землю, называется *глобусомъ*. Если же хотить представить земной шаръ на плоской бумагѣ, т. е. нарисовать карту земнаго шара, то обыкновенно рисуютъ её въ двухъ кругахъ, представляющихъ два *полушарія*, но не выпуклыхъ, какъковы полушарія въ натурѣ, а плоскихъ: въ одномъ кругѣ рисуютъ *карту* одной половины земнаго шара, въ другомъ—другой.

Первое знакомство съ полушаріями.

Взглянувъ на карту двухъ земныхъ полушарій, легко узнать, гдѣ нарисована вода, а гдѣ земля, или суша. Вода покрываетъ двѣ трети земнаго шара и вся вмѣстѣ называется *океаномъ*. Земля составляетъ остальную треть и расположена посреди воды огромными островами, которые зовутъ *материками* и между которыми разбросано множество маленькихъ *острововъ* и островковъ. Среди материковъ вы замѣчаете еще воду въ видѣ *озеръ*, окруженныхъ со всѣхъ сторонъ землею, или въ видѣ рѣкъ, изображенныхъ тоненькими, извивающимися черточками, потому что рѣки и въ натурѣ никогда не текутъ прямо, а всегда извиваются. Вы видите, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ море вдается въ землю и образуетъ *заливы*; въ другихъ мѣстахъ земля выдается въ море.

и образуетъ *полуострова*. Иногда два моря, или заливъ съ моремъ, соединяются узкимъ водянымъ проходомъ: такой проходъ называется *проливомъ*. Иногда два куска суши соединены узкимъ *перешейкомъ*. Большія части океана, лежащія у береговъ или вдавшіяся въ материки, называются *морями*.

Присмотрѣвшись внимательно къ изображеніямъ обонхъ полушарій, вы замѣтите, что на одномъ изъ нихъ земли, или суши, больше чѣмъ на другомъ. На томъ полушаріи, гдѣ больше воды, изображенъ Новый Свѣтъ; на другомъ — Старый. Длинный, вытянутый материкъ, составленный изъ двухъ большихъ кусковъ, соединенныхъ перешейкомъ, называется Новымъ Свѣтомъ или Америкой. Америка называется Новымъ Свѣтомъ потому, что европейцы долго не знали объ ея существованіи. Между Новымъ и Старымъ Свѣтомъ, къ востоку отъ Новаго, лежитъ Атлантический океанъ, а къ западу — Тихій океанъ; на югъ земнаго шара — Южный, а на сѣверъ — Сѣверный или Ледовитый. Всѣ эти океаны суть только части одного великаго океана земнаго шара, посреди котораго разбросаны материки и острова.

Въ Старомъ Свѣтѣ вы легко различите три части: Африку, Азію, соединенныя небольшимъ перешейкомъ, и Европу, самую малую часть свѣта, но жители которой, какъ вы знаете, распространяютъ теперь образованіе и христіанскую вѣру по всему земному шару.

Всѣ три части Стараго Свѣта, Европа, Азія и Африка, окружаютъ довольно большой заливъ Атлантическаго океана, называемый Средиземнымъ моремъ. Въ настоящее время почти во всей Европѣ живутъ образованные люди, тогда какъ въ другихъ частяхъ свѣта еще много дикарей; но двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ и въ Европѣ образованные народы были только на югѣ, по берегамъ Средиземнаго моря, а далѣе къ сѣверу жили дикія, необразованные племена, незнавшія ни торговли, ни наукъ, ни искусствъ.

На одной части азіятскаго берега Средиземнаго моря жили финикіяне, народъ небольшой, но предприимчивый, который первый выучился строить хорошіе корабли и, отыскивая товары или развозя ихъ, пускался въ далекія морскія путешествія. Говорятъ

даже, что финикіяне, по порученію одного египетскаго царя, по морю объѣхали кругомъ Африки; а это, по тогдашнимъ познаніямъ людей, было подвигомъ необыкновенно-смѣлымъ, такъ что послѣ финикіянь ни одинъ народъ долго не могъ на него рѣшиться. На африканскомъ берегу, тамъ, гдѣ течетъ большая рѣка Ниль, жили египтяне, народъ тоже очень умный, но не любившій пускаться въ морскія поѣздки. Далѣе къ западу, на африканскомъ же берегу, жили кареагеняне, предки которыхъ вышли изъ Финикіи. Кареагеняне были тоже народомъ торговымъ, и странствовали, по тогдашнему времени, довольно далеко, — ѣздили даже въ самую Англію, населенную тогда дикарями.

На европейскомъ берегу Средиземнаго моря, на полуостровахъ, изъ которыхъ одинъ называется теперь Балканскимъ, а другой Аппенинскимъ, или Итальянскимъ, жили два самые образованные народа того времени: греки и римляне. Греки и римляне были люди очень умные, скоро полюбили науки и искусства, занимались и торговлею; но пускаться далеко въ море боялись. Не имѣя хорошихъ кораблей, не зная употребленія компаса, они плавали больше по Средиземному морю и выѣхавъ изъ Средиземнаго моря, за *Гибралтарскій проливъ*, казалось для нихъ великимъ подвигомъ, на который рѣшались не многіе. Если же какой-нибудь корабль и выплывалъ за проливъ, казавшійся тогда для грековъ и римлянъ концомъ свѣта, то старался держаться береговъ и не пускался въ открытое море, которому, по понятіямъ тогдашняго времени, и конца не было.

Изъ этого вы можете заключить, какою небольшою частью земли знали даже самые образованные люди изъ грековъ и римлянъ. Въ далекія образованныя страны Азіи, Китай и Индію, пробраться сухимъ путемъ, черезъ огромныя пустыни, по которымъ тамъ и сямъ бродятъ необразованные, полудикія племена людей, и теперь не легко, а тогда еще было труднѣе. Торговля съ Индіей, откуда привозили въ Европу золото, слоновую кость, дорогія ткани, различныя рѣдкія произведенія растительнаго царства, шла очень трудно и медленно. А между тѣмъ ходили слухи, что въ Индіи богатствамъ и счету нѣтъ, такъ что многіе думали, какъ бы найти туда болѣе удобный путь; но не могли придумать.

Мы уже говорили, что и въ это время нѣкоторые умные люди догадывались, что земля не плоскій кругъ, а шаръ; но никому не приходило въ голову, что, отправившись изъ Европы *на западъ*, не возвращаясь назадъ, можно доѣхать до Индіи, хотя она лежитъ *на востокъ* отъ Европы. Да если бы и пришла кому нибудь такая мысль, то этого было бы еще недостаточно: согласитесь, что не легко было, выѣхавъ за Гибралтарскій проливъ, пуститься въ открытое море, которому никто тогда не зналъ предѣловъ.

Прошло много лѣтъ: Римъ покорилъ Карфагенъ, Грецію и Египетъ, почти весь извѣстный міръ того времени и, наконецъ, самъ былъ завоеванъ полудикими германскими племенами, пришедшими съ сѣвера. Исчезла торговая Финикія, исчезъ и Карфагенъ; образовались новыя государства, между которыми своею торговлею и своими далекими морскими путешествіями славилась Венеція, Генуя, Испанія и Португалія. Нашлись европейцы, которые сухимъ путемъ добирались до Индіи и даже до Китая; но никто не рѣшался пуститься въ открытое море за Гибралтарскій проливъ,—никто не рѣшался попробовать объѣхать земной шаръ вокругъ. Наконецъ нашелся человекъ, у котораго было довольно ума и мужества, чтобы рѣшиться на такой великій подвигъ: этотъ человекъ былъ Христофоръ Колумбъ.

Христофоръ Колумбъ.

Христофоръ Колумбъ, сынъ генуэзскаго ткача, родился въ 1436 году. Въ молодости своей онъ много и прилежно учился; занимался географіей и астрономіей и совершилъ нѣсколько морскихъ путешествій, и уже въ то время зачала у него мысль, отправившись по морю на западъ, найти морской путь въ Индію. Долго обдумывалъ онъ эту мысль и наконецъ рѣшился ее выполнить. Но для этого нуженъ былъ флотъ. Напрасно предлагалъ Колумбъ свои услуги правительствамъ Генуи, Португаліи, Англіи: никто не рѣшался ввѣрить ему флотъ для такой, какъ думали тогда, безумной цѣли. Послѣ долгихъ неудачныхъ искательствъ, удалось ему наконецъ выпросить у испанскаго короля Фердинан-

да и его супруги Изабеллы три небольшіе корабля и сто двадцать человекъ экипажа.

Маленькій флотъ Колумба отправился изъ Испаніи 3-го августа 1492 года и дней черезъ девять былъ уже за Гибралтарскимъ проливомъ, у Канарскихъ острововъ. Спутники Колумба были все люди смѣлые и предприимчивые; но, выѣхавъ въ открытое и неизвѣстное море, стали призадумываться; одинъ только Колумбъ былъ вполне увѣренъ въ успѣхъ своего предпріятія.

Послѣ недолгаго затишья, которое задержало смѣлаго адмирала у Канарскихъ острововъ, 9-го сентября подулъ наконецъ попутный вѣтеръ, паруса наполнились, суда понеслись къ западу— и возвышенности острова Ферро скоро потонули въ морѣ: старыи міръ исчезъ позади мореходцевъ, впереди же растиался безграничный и неизвѣданный океанъ. Плывутъ день, плывутъ другой, ничего невидно, кромѣ неба и моря. Наконецъ, на пятый день, показались птицы: бѣлая хохлатая цапля и бѣлая трясогузка. Мореходцы обрадовались, не зная еще какъ далеко отъ берега могутъ улетать эти птицы. Плывутъ еще нѣсколько дней и надежда начала потухать въ сердцахъ моряковъ. Вѣтеръ постоянно былъ попутный, потому что тамъ, гдѣ испанцы плыли, дуютъ осенью *пассатные* вѣтры; но самое это постоянство вѣтра пугало подчиненныхъ Колумба. Что будетъ съ нами, думали они, если вѣтеръ постоянно будетъ дуть все въ одну сторону? Завдемъ то мы далеко, но какъ же воротимся назадъ?

Погода все время стояла отличная. Прохладный, освѣжающій воздухъ, кроткое, постоянно ясное небо, тихое море— все было хорошо: Колумбъ радовался, что ему благоприятствовала погода; но спутники его, неимѣвшие ни его ума, ни его мужества, начинали призадумываться и, можетъ быть, скоро перестали бы повиноваться своему адмиралу, еслибы различныя, обманчивыя впрочемъ, явленія по временамъ не пробуждали въ морякахъ надежды, что берегъ близко. Скоро показалось на поверхности моря множество травы и чѣмъ далѣе плыли испанцы на западъ, тѣмъ болѣе ея появлялось: море казалось зеленымъ лугомъ. Нѣкоторые изъ этихъ растений были такого рода, что могли, казалось, расти только на берегу; другіи были такъ свѣжи и зелены, какъ буд-

то сейчас только отделились от почвы. Часто возлѣ кораблей появлялись птицы, а летучія рыбы безпрестанно проносились надъ поверхностью моря. Но вотъ прошло уже пятьдесятъ дней съ тѣхъ поръ, какъ суда оставили Испанію и, не смотря на все явленія, показывающія близость берега, берега не было. Въ сердца суевѣрныхъ спутниковъ Колумба начала закрадываться опасная мысль, что можетъ быть враждебныя силы нарочно заманиваютъ ихъ этими явленіями все впередъ да впередъ, чтобы тѣмъ удобнѣе погубить ихъ. Матросы начинали роптать.

Еще прошло нѣсколько дней и количество морской травы такъ умножилось, что испанцы стали бояться, какъ бы имъ не попасть на подводную скалу. Чтобы разсѣять этотъ страхъ, адмиралъ велѣлъ бросить лотъ: бросили и — не достали дна. Еще прошло нѣсколько дней: берега все не видать. Подчиненные Колумба стали роптать, собираться толпами, почти громко сожалѣть, что они ввѣрили свою судьбу упрямому человѣку, который хотѣлъ, во что-бы-то ни стало, прославить свое имя. Колумбъ видѣлъ всю опасность такого расположенія умовъ; но притворялся веселымъ: однихъ онъ успокоивалъ ласковыми словами, другимъ сулилъ близкія богатства и строго наказывалъ тѣхъ, которые своимъ упрямствомъ мѣшали путешествію. Тому, кто первый увидитъ землю, адмиралъ обѣщалъ большую награду; а съ какимъ нетерпѣливымъ ожиданіемъ онъ самъ смотрѣлъ на западъ, объ этомъ и говорить нечего: цѣлые дни онъ почти не сходилъ съ палубы. Въ одну изъ такихъ минутъ вдругъ послышался выстрѣлъ съ корабля, ѣхавшаго впереди, командиръ котораго, стоя на палубѣ махалъ шляпою и въ восторгѣ кричалъ: «Земля, земля! Сеньоръ, мнѣ слѣдуетъ награда!» Все взволновалось: матросы ползли на мачты, карабкались по снастямъ и все утверждали, что земля видна на юго-западѣ; самъ Колумбъ поколебался и велѣлъ повернуть въ ту сторону, гдѣ показалась земля. Но къ утру земля исчезла: облачко, которое все приняли за землю, разсѣялось. Колумбъ снова велѣлъ править на западъ, но ему повиновались еще неохотнѣе прежняго: ничто такъ дурно не дѣйствуетъ на человѣка, какъ обманутая надежда.

По счету Колумба, флотилія его отѣхала отъ Испаніи на семь-

сотъ морскихъ миль, а берега не только не было видно, но 2-го октября исчезла трава и птицы перестали показываться. Матросы думали, что они миновали уже тотъ берегъ, откуда прилетали птицы, и роптали на упрямство Колумба, который не поворачивалъ ни къ северу, ни къ югу, а все правилъ прямо на западъ. Къ счастью адмирала, черезъ два дня снова показались птицы и признаки близости земли такъ умножились, что надежда возродилась въ сердцахъ матросовъ, и они, желая получить обѣщанную награду, стали такъ часто кричать: «земля! земля!», что не давали покою. Колумбъ долженъ былъ объявить, что тотъ, кто всполошитъ экипажъ напраснымъ крикомъ, теряетъ право на награду, еслибъ потомъ въ самомъ дѣлѣ увидалъ землю. Число птицъ съ каждымъ днемъ увеличивалось; показался даже пеликанъ, который, какъ думалъ Колумбъ, никогда не улетаетъ далеко отъ берега; самый воздухъ казался Колумбу напоеннымъ благоуханіями деревьевъ.

Однако, прошло еще нѣсколько дней, а берега не было! Экипажъ начиналъ терять терпѣніе, и когда, наконецъ, на семидесятый день пути, солнце, не освѣтивъ берега, снова погрузилось въ безграничный океанъ, — на корабляхъ началось возмущеніе. Все требовали, чтобы Колумбъ повернулъ назадъ, и положеніе адмирала было самое отчаянное. Но къ великому счастью, признаки земли на слѣдующій день такъ умножились, что самые невѣрующіе стали вѣрить: появилась вѣточка съ ягодами, которая, казалось, еще недавно была оторвана отъ дерева, и наконецъ даже палка со всѣми признаками прикосновенія къ ней руки человѣческой. Снова все стали глядѣть впередъ и каждый желалъ первый увидеть землю.

Оставшись ночью на палубѣ. Колумбъ не спускалъ глазъ съ запада: онъ чувствовалъ, что еще одинъ день, и ему будетъ уже невозможно удержать въ повиновеніи своихъ матросовъ, — еще одинъ день и планъ цѣлой жизни разрушенъ навсегда! Вдругъ, около десяти часовъ вечера, показалось Колумбу, что вдали мелькаетъ огонекъ. Опасаясь снова возбудить ложную надежду, адмиралъ подозвалъ одного изъ своихъ спутниковъ и тотъ подтвердилъ его замѣчаніе. Однако же оба молчали, потому что огонекъ то появлялся, то исчезалъ. Борясь между страхомъ и надеждою, адмиралъ смотрѣлъ на мерцающій огонекъ до двухъ часовъ утра, ког-

да наконецъ пушечный выстрѣлъ съ одного изъ судовъ возвѣстилъ о появленіи земли—и на этотъ разъ уже дѣйствительной земли, берегъ которой видѣлся ясно не вдалекѣ, не болѣе, какъ на разстояніи двухъ морскихъ миль.

Такъ совершилъ Колумбъ свое великое предпріятіе и разоблачилъ тайну, долго скрываемую океаномъ. Мечта Колумба наконецъ осуществилась, и онъ добылъ себѣ славу, которая не исчезнетъ до тѣхъ поръ, пока міръ будетъ стоять.

Утромъ, 12-го октября 1492 года, увидѣлъ Колумбъ Новый Свѣтъ. Передъ испанцами лежалъ большой и прекрасный островъ, до того свѣжій, зеленый и покрытый деревьями, что казался однимъ огромнымъ садомъ. Однако же, не смотря на всю дикую роскошь природы, на островѣ были люди. Они выбѣгали на берегъ и съ величайшимъ изумленіемъ и страхомъ смотрѣли на приближающіяся суда. Колумбъ велѣлъ бросить якорь, спустить шлюпки и самъ, держа въ рукѣ королевское знамя и одѣтый въ пурпуровое платье, сѣлъ на одну изъ нихъ съ толпою вооруженныхъ людей.

Приближаясь къ берегамъ, испанцы любовались громадными лѣсами, которые въ жаркомъ климатѣ растутъ съ необыкновенною роскошью; на деревьяхъ были очень красивые, но незнакомые испанцамъ цвѣты и плоды. Чистота и пріятность воздуха, необычайная прозрачность моря придавали всей этой картинѣ такую прелесть, что чувствительная душа Колумба была глубоко потрясена. Выйдя на берегъ, онъ бросился на колѣни, цѣловалъ землю и со слезами благодарилъ Бога. Всѣ послѣдовали его примѣру и сердца всѣхъ были переполнены чувствомъ благодарности. Колумбъ всталъ, вынулъ мечъ, распустилъ королевское знамя—и торжественно принялъ островъ въ обладаніе испанскихъ монарховъ. Острову онъ далъ имя Сантъ-Сальвадоръ, что значитъ Спаситель. Потомъ Колумбъ потребовалъ, чтобы его спутники принесли ему клятву въ вѣрности, какъ адмиралу и вице-королю. Всѣ свѣшили выразить Колумбу свою любовь и преданность: одни обнимали его, другіе цѣловали его руки, а тѣ, которые недавно еще оскорбляли его рономъ и недоверіемъ, со слезами умоляли о прощеніи.

Жители острова, завидя въ утреннемъ полусвѣтѣ корабли, приняли ихъ сначала за чудовищъ, вынырнувшихъ ночью изъ морской глубины. Быстрое движеніе судовъ безъ видимыхъ усилій, паруса, напоминавшіе собою крылья громадной птицы, приводили дикарей въ крайнее изумленіе. Но когда они увидѣли, что изъ лодокъ выходятъ какіе то диковинные бѣлые люди въ блестящихъ одеждахъ, то бросились бѣжать въ лѣсъ. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени, они ободрились и стали понемногу приближаться къ испанцамъ, выражая глубочайшее благоговѣніе, падая на колѣни и простирая руки къ невѣдомымъ пришельцамъ, которыхъ они, казалось, приняли за боговъ, спустившихся съ голубаго неба на землю.

Вѣшность дикарей не выказывала ни богатства, ни образованія. Они были безъ одежды и раскрашены яркими красками; цвѣтъ ихъ кожи напоминалъ цвѣтъ мѣди, а борода у нихъ вовсе не было; волосы на головѣ были гладки и длинны; черты лица довольно пріятны.

Такъ какъ Колумбъ все продолжалъ думать, что онъ пріѣхалъ къ одному изъ индѣйскихъ острововъ, то и назвалъ этихъ жителей индѣйцами. Это имя такъ и осталось за жителями Америкъ, и даже острова, открытые Колумбомъ, до сихъ поръ называются Западною Индіею, въ отличіе отъ Восточной Индіи, до которой отъ Америки еще очень далеко.

Дикари были очень просты и добродушны, вооружены только копьями, въ концы которыхъ, вмѣсто желѣзныхъ наконечниковъ, были вѣланы камни, зубы животныхъ и рыбы кости. Желѣза дикари, казалось, не видали и, хватаясь неосторожно, какъ дѣти, за блестящіе мечи, обрѣзывали себѣ руки. Они придавали величайшую цѣнность самымъ пустымъ подаркамъ и съ восторгомъ принимали отъ испанцевъ стеклянные бусы и разноцвѣтные камешки, предлагая въ обмѣнъ попугаевъ и вкусные плоды. Но вниманіе испанцевъ было устремлено на небольшія золотыя украшенія, которыя у нѣкоторыхъ изъ дикарей были продѣты въ носъ. Дикари охотно мѣняли эти украшенія на бусы и маленькіе колокольчики, удивляясь простотѣ испанцевъ, и знаками объясни-

ли Колумбу и его спутникамъ, что къ западу отъ ихъ острова есть большая земля, гдѣ много золота и драгоцѣнныхъ камней.

Запасшись прѣсною водою, адмиралъ пустился далѣе и, плавая между множествомъ роскошныхъ острововъ, не хотѣлъ пристать ни къ одному изъ нихъ, жажда большихъ открытій. Наконецъ, 28-го ноября, приблизился онъ къ большому острову Кубъ и бросилъ якорь въ устьѣ прекрасной рѣки. Жители при приближеніи кораблей покинули свои хижины и разбѣжались. Адмиралъ послѣдилъ двѣ изъ этихъ хижинъ и нашелъ въ нихъ бѣдное имущество: пару свѣтей, сплетенныхъ изъ волоконъ пальмы, крючки, багры изъ костей и, кромѣ того, собакъ, замѣчательныхъ тѣмъ, что онѣ никогда не лаютъ. Плыва вверхъ по рѣкѣ, испанцы видѣли роскошные пальмовые лѣса, покрытые плодами и цвѣтами; огромными листьями этихъ пальмъ индѣйцы покрывали свои хижины.

Колумбъ былъ въ восторгѣ и въ своемъ дневникѣ не можетъ нахвалиться прелестями открытой имъ страны. По его словамъ, эти чудныя тропическія страны поражаютъ дивнымъ разнообразіемъ и роскошью растительности. Зеленъ лѣсовъ и краски цвѣтовъ на поляхъ и на деревьяхъ кажутся необыкновенно яркими въ этомъ прозрачномъ воздухѣ, подъ этимъ яснымъ, синимъ небомъ; лѣса оживлены множествомъ птицъ съ яркими, роскошными перьями; пестрые попугаи мелькаютъ въ темной зелени деревьевъ; крошечныя колибри, похожія на кусочки разбитой радуги, перепархиваютъ съ цвѣтка на цвѣтокъ; ряды ярко-красныхъ птицъ (фламинго) показываются иногда вдали; милліоны блестящихъ, какъ бриліанты, насѣкомыхъ сверкаютъ въ воздухѣ; разноцвѣтныя, пестрыя рыбы наполняютъ воды и у иныхъ изъ этихъ рыбъ чешуя отлиываетъ, подъ лучами яркаго солнца, то драгоцѣнными камнями, то золотомъ, то серебромъ. Необыкновенная прозрачность Антильскаго моря, со дна котораго индѣйцы доставали драгоцѣнныя жемчужины, поражала испанцевъ. Словомъ, Куба показала Колумбу земнымъ раемъ.

Послѣ этого онъ открылъ еще нѣсколько прекрасныхъ острововъ и на одномъ изъ нихъ, который былъ названъ Испанолой,

или маленькой Испаніей, выстроилъ крѣпость и основалъ первую испанскую колонію.

Оставивъ въ новой крѣпости 30 человекъ своихъ спутниковъ, Колумбъ отправился назадъ въ Испанію. На дорогѣ онъ вытерпѣлъ до того сильную бурю, что уже потерялъ надежду спастись; а потому написалъ извѣстіе о своемъ открытіи на свертокъ пергамента, вложилъ этотъ свертокъ въ бутылку и, закупоривъ ее плотно, пустилъ въ море. Однакоже буря миновалась, и 14 марта, при звонѣ колоколовъ, флотъ Колумба вѣхалъ въ Палосскую гавань. Король и королева приняли Колумба съ величайшими почестями, возвели его въ достоинство гранда и назначили королемъ ново-открытыхъ земель.

Мы не будемъ рассказывать въ подробности всей дальнѣйшей исторіи Колумба. Скажемъ только, что онъ предпринималъ еще нѣсколько экспедицій въ Новый Свѣтъ, пытаясь найти дорогу въ Восточную Индію, но не успѣлъ въ этомъ. Великій человекъ въ продолженіи остальной своей жизни много вынесъ отъ зависти и неблагодарности людей. Разъ даже король, повѣривъ наушникамъ, назначилъ другаго вице-короля и послалъ его смѣнить Колумба. Бобадилла, такъ звали этого злаго человека, прибывъ въ Испаньолу, заковалъ въ цѣпи Колумба и двухъ его братьевъ и въ такомъ видѣ отославъ ихъ въ Испанію. Колумбъ оправдался; но никогда не могъ забыть страшнаго оскорбленія и, умирая, завѣщалъ положить къ себѣ въ гробъ цѣпи, которыми былъ скованъ.

Колумбъ умеръ 15 мая 1506 года въ бѣдности, преслѣдуемый злобой и неблагодарностью. Тѣло его, по завѣщанію, было перевезено на Сентъ-Доминго; но потомъ, когда Сентъ-Доминго былъ уступленъ французамъ, тѣло Колумба перевезли на островъ Кубу.

Васко-де-Гама.

Колумбъ, какъ мы видѣли, поѣхалъ открывать путь въ Восточную Индію, а вмѣсто того открылъ Новый Свѣтъ, Америку. Въ это же самое время португальцы, тоже народъ предприимчивый и торговый, старались пробраться въ Индію другимъ путемъ, а именно объѣхавъ вокругъ Африку.

Придерживаясь африканскихъ береговъ, португальцамъ уже удавалось забираться далеко на югъ, но никто изъ нихъ не рѣшался окончить предпріятія. Наконецъ, король португальскій, Эмануиль-Великій, снарядилъ четыре корабля и отдалъ ихъ въ распоряженіе опытному и умному мореходцу, по имени Васко-де-Гама. Выборъ короля палъ на достойнаго человѣка.

9-го іюля 1497 года Васко-де-Гама со своимъ небольшимъ флотомъ вышелъ изъ лиссабонской гавани и направился къ югу. Противный вѣтеръ задерживалъ мореходцевъ, и только 20-го ноября обогнули они южную оконечность Африки, мысъ Доброй-Надежды, и поворотили къ сѣверо-востоку. Васко-де-Гама также, какъ и Колумбъ, терпѣлъ много отъ недовѣрія и упрямства своихъ подчиненныхъ; но также имѣлъ довольно ума и силы характера, чтобы преодолѣть это упрямство. Попутный вѣтеръ принесъ наконецъ португальцевъ къ тому мѣсту, гдѣ нынѣ находится Софаль. Въ началѣ марта 1498 года достигли они Зангвебарскаго берега Африки. Здѣсь ждала португальцевъ другая опасность: арабы или, какъ ихъ еще называютъ, мавры, жившіе и торговавшіе на этомъ берегу, узнали въ португальцахъ тотъ самый народъ, который такъ храбро и упорно сражался съ ними на сѣверномъ берегу Африки. Неправильность къ христіанамъ, а болѣе всего опасеніе, чтобы богатая индѣйская торговля не перешла въ руки европейцевъ, заставила мавровъ возбуждать въ жителяхъ африканскихъ береговъ недовѣріе къ новымъ пришельцамъ.

Надобно замѣтить, что столѣтій черезъ шесть послѣ Рождества Христова, одинъ предпримчивый арабъ, по имени Магометъ, выдавая себя за пророка, успѣлъ основать сильное и воинственное государство въ Аравіи. Государство это скоро распространило свои предѣлы завоеваніями, и мало по малу владычество *магометанъ* установилось не только во всей западной Азіи, но даже въ Египтѣ, на сѣверныхъ берегахъ Африки и въ Европѣ, гдѣ магометане завоевали Грецію и весь Балканскій полуостровъ. Съ этимъ вмѣстѣ вся индѣйская торговля перешла тогда въ руки магометанъ, такъ что испанцы, португальцы и жители торговыхъ городовъ Италіи, Венеціи, Генуи и друг. вели торговлю съ Индією не иначе, какъ черезъ посредство магометанъ. Сообразивъ все

это, мы поймемъ, почему маврамъ такъ непріятно было видѣть, что смѣлая толпа христіанъ, обогнувъ Африку, сама, безъ ихъ посредства, пробирается въ богатую Индію. Много нужно было мужества и ума предпримчивому португальскому адмиралу, чтобы преодолѣть всѣ тѣ препятствія и опасности, которыя выставляли ему мавры вездѣ, какъ только онъ приставалъ гдѣ нибудь къ африканскому берегу. Но уже дорога въ Индію была найдена, и 20-го мая прибылъ Васко-де-Гама въ Каликутъ, цвѣтущій городъ на Малабарскомъ берегу Индіи, гдѣ въ то время сосредоточивалась торговля Индіи, Аравіи и восточнаго берега Африки. Здѣсь также португальцы были встрѣчены враждебными маврами; но адмиралу удалось приобрести благосклонность государя этой страны.

Довольный сдѣланными открытіями, Васко-де-Гама отправился назадъ и въ сентябрѣ 1499 года прибылъ въ Лиссабонъ, гдѣ король осыпалъ его милостіями. Въ другую свою экспедицію, по тому же пути, Васко-де-Гама основалъ на восточномъ берегу Африки двѣ португальскія колоніи: Мозамбикъ и Софаль, которыя существуютъ и до настоящаго времени. Силою оружія наказалъ онъ мавровъ, строившихъ ему козни, и вошелъ въ дружескія сношенія со многими индѣйскими государями. Исполнивъ все это въ самое короткое время, Васко-де-Гама въ декабрѣ 1503 года возвратился въ Лиссабонъ съ тринадцатію богато-нагруженными судами.

Вскорѣ послѣ того Васко-де-Гама назначенъ былъ вице-королемъ португальскихъ владѣній въ Азіи. Онъ умеръ въ Индіи, въ 1534 году. Тѣло его было перевезено въ Португалію и предано землѣ съ большими почестями, посреди огромнаго стеченія народа, которому геніальный человѣкъ подарилъ богатую, чрезвычайно выгодную торговлю.

Васко-де-Гама отличался необыкновеннымъ умомъ, присутствіемъ духа, честностію, непоколебимою вѣрностію своему слову и истиннымъ благочестіемъ. Его подвиги воспѣлъ одинъ великій португальскій поэтъ, Камозансъ.

Магелланъ.

Великія открытія сдѣлали Колумбъ и Васко-де-Гама; но ни тотъ ни другой не объѣхали вокругъ земнаго шара. Это пред-

стояло сдѣлать третьему великому путешественнику, испанскому моряку, Фердинанду Магеллану, который, впрочемъ, по рожденію былъ португалецъ. Магеллану пришло въ голову выполнить мысль, невыполненную Колумбомъ, и, отправившись изъ Испаніи на западъ, доѣхать до Восточной Индіи, обогнувъ Америку съ юга. Онъ изложилъ свой планъ испанскому королю Карлу V-му и этотъ государь далъ Магеллану всѣ средства для достиженія великой цѣли.

Утромъ 20-го сентября 1519 года, Магелланъ съ пятью кораблями оставилъ испанскіе берега и поплылъ сначала по тому самому пути, по которому, какъ мы видѣли, плылъ Колумбъ; но, доплывая до Америки, повернулъ къ югу и направился вдоль береговъ Южной Америки, заходя иногда въ устья ея большихъ рѣкъ. Вѣтеръ дулъ попутный; но, несмотря на это, только въ декабрѣ слѣдующаго года флотъ Магеллана сталъ подходить къ южной оконечности Америки, проплывъ отъ Испаніи около шести тысячъ верстъ.

Экипажъ, столь давно оставившій родину, много терпѣлъ отъ суровости климата и недостатка провизіи. Моряки были недовольны; недовольство скоро превратилось въ ропотъ, а ропотъ въ открытое возмущеніе: только необыкновенное мужество, присутствіе духа и твердость спасли Магеллана. Онъ унялъ бунтъ и заставилъ своихъ подчиненныхъ плыть далѣе.

Въ послѣднихъ числахъ того же мѣсяца флотъ Магеллана въѣхалъ въ проливъ, который отдѣляетъ материкъ Америки отъ острова Огненной земли. Высокія горы стояли по обѣимъ сторонамъ пролива; но плыть было свободно, и скоро испанцы вышли изъ пролива въ огромный океанъ, который, какъ вы видите на картѣ, лежитъ по ту сторону Америки, занимаетъ болѣе половины земнаго шара и идетъ до береговъ Азіи или Стараго Свѣта. Отыщите на картѣ маленькій американскій полуостровъ Калифорнію, на которомъ недавно еще нашли такъ много золота, и найдете въ Старомъ Свѣтѣ Китай: отъ береговъ Китая до береговъ Калифорніи около тридцати тысячъ верстъ. Теперь вы поймете, что это океанъ не маленький. Четыре мѣсяца плылъ по немъ Магелланъ, не видя нигдѣ земли. Погода все это время была такъ хо-

роша и такъ тиха, что Магелланъ назвалъ это огромное собраніе воды Тихимъ океаномъ; а проливъ, которымъ испанцы проѣхали въ Тихій океанъ, назвали потомъ, въ память смѣлаго морехода, Магеллановымъ проливомъ. И надобно согласиться, что стоило сдѣлать безсмертнымъ имя Магеллана. Теперь, правда, плаваютъ по Тихому океану очень покойно и очень скоро; но теперь всякій матросъ знаетъ, что ждетъ его впереди; а тогда не знали этого ни капитанъ, ни матросы и, пожалуй, многіе изъ нихъ думали, что вотъ—доплывутъ до края земли, да и свалятся куда-нибудь въ бездонную пропасть. Надобно имѣть много смѣлости, чтобы четыре мѣсяца плыть, не зная куда, не видя земли, и все идти впередъ, да впередъ!

Первая земля, до которой въ Тихомъ океанѣ достигъ маленький флотъ, оказалась группою острововъ, обитаемыхъ дикарями. Эти дикари были большіе охотники до чужихъ вещей; а потому Магелланъ и самые острова назвалъ Воровскими или Разбойничьими. Отъ Разбойничьихъ острововъ смѣлый морякъ опять отправился далѣе на западъ и скоро достигъ другой группы острововъ, которые назвалъ Филиппинскими. На Филиппинскихъ островахъ король тамошнихъ дикарей принялъ Магеллана очень ласково и просилъ его помочь ему въ войнѣ съ другимъ сосѣднимъ королемъ, обѣщая за это принять христіанство и призвать своимъ властителемъ короля Испаніи. Магелланъ согласился и съ частью матросовъ высадился на островъ, гдѣ жилъ тотъ король, съ которымъ онъ общалъ воевать. Но едва испанцы вступили на враждебную землю, какъ были окружены огромною толпою дикарей, которые смѣло встрѣтили враговъ камнями, стрѣлами, дубинами. Испанцы, слышавшіе отъ прежнихъ путешественниковъ, какъ дикари, не зная употребленія пороха, боятся огнестрѣльнаго оружія, смѣло подвигались впередъ. Но на этотъ разъ дикари не испугались и такъ храбро защищали свою землю, что испанцы, видя какъ мало у нихъ остается зарядовъ, начали отступать. Какъ только дикари замѣтили это, то напали вдвое яростнѣе; испанцы спѣшили добраться до лодокъ. Корабельныя пушки однѣ могли бы устроить дикихъ; но, къ несчастью, корабли, по причинѣ мели, стояли слишкомъ далеко отъ берега. Смѣлый Магелланъ шелъ ти-

ше всѣхъ, защищаясь какъ левъ, и только приказывалъ своимъ товарищамъ спастись. Дикари замѣтили Магеллана, догадались, что это должно быть начальникъ и осыпали его градомъ стрѣлъ и копій. Скоро Магелланъ, пораженный дубиною въ ноги, упалъ и былъ убитъ. Король же, за котораго Магелланъ потерялъ свою жизнь, поступилъ какъ настоящій дикарь и язычникъ: забыть всѣ свои обѣщанія и измѣнически перебилъ тѣхъ изъ испанцевъ, которые возвратились на его острова.

Когда испанцы, оставшіеся на корабляхъ, узнали печальную судьбу своихъ товарищей и своего капитана, то рѣшились, такъ какъ ихъ было слишкомъ мало, чтобы управлять тремя кораблями, съечь одинъ изъ нихъ и идти далѣе. Скоро они достигли Молукскихъ острововъ и были ласково приняты тамошнимъ королемъ. Здѣсь корабли разстались: одинъ изъ нихъ попробовалъ было воротиться въ Европу мимо Америки, но попалъ въ руки враждебныхъ португальцевъ; другой же подъ начальствомъ Себастьяна дель-Кано, проѣхавъ мимо мыса Доброй-Надежды, возвратился въ Испанію, 6-го сентября 1522 года. Такимъ образомъ совершилось первое кругосвѣтное плаваніе, доказавшее, что землю можно объѣхать вокругъ. Корабль, на которомъ было сдѣлано это первое *кругосвѣтное* путешествіе, назывался Витторія (по-испански — побѣда). Испанцы вытащили его на берегъ и хранить теперь, какъ память о замѣчательномъ подвигѣ ихъ предковъ.

Въ настоящее время кругосвѣтное путешествіе нерѣдко: множество кораблей и пароходовъ, уже изъ однихъ торговыхъ выгодъ, безпрестанно обходятъ землю вокругъ. Особенно часто совершаютъ это путешествіе англійскіе корабли, которые, отправляясь изъ *метрополи*, идутъ мимо мыса Доброй Надежды въ англійскія же *колоніи*, находящіяся въ Австраліи, плывутъ потомъ по Тихому океану, и черезъ Магеллановъ проливъ, мимо мыса Горна, выходятъ въ Атлантическій океанъ; а тамъ уже прямая дорога до Англій.

Капитанъ Кукъ.

Изъ всѣхъ знаменитыхъ мореплавателей, открытія которыхъ

распространили наши познанія о поверхности земнаго шара, едва ли кто-нибудь, за исключеніемъ Колумба, прибавилъ столько новыхъ географическихъ свѣдѣній, какъ капитанъ Джемсъ Кукъ. Дважды онъ объѣхалъ земной шаръ по морямъ, тогда почти еще неизвѣстнымъ, и только смерть, постигшая его на отдаленномъ островѣ Тихаго океана, помѣшала ему совершить третье кругосвѣтное путешествіе; кромѣ того, жизнь капитана Кука замѣчательна еще и потому, что въ ней мывидимъ примѣръ, какъ умъ и прилежаніе, постоянство и сила характера могутъ торжествовать надъ всякаго рода препятствіями.

Джемсъ Кукъ родился въ одной англійской деревнѣ 27 октября 1728 года. Родители его были люди очень бѣдные и не могли дать сыну хорошаго воспитанія. Едва выучившись читать и писать, молодой Кукъ поступилъ сидѣльцемъ въ лавку одного мелкаго торговца, жившаго въ приморскомъ городѣ. Должность сидѣльца, конечно, не представляла ничего привлекательнаго для молодаго человѣка и хотя онъ исполнялъ ее очень добросовѣстно, но часто заглядывался на безграничный океанъ и съ жаднымъ любопытствомъ провожалъ взорами каждый парусъ, скрывавшійся за горизонтомъ.

По смерти отца, Кукъ оставилъ должность сидѣльца и опредѣлился простымъ матросомъ на одинъ купеческій корабль. Мечта его наконецъ исполнилась: онъ былъ на кораблѣ; но, увы! на такомъ кораблѣ, который плавалъ постоянно по одному направленію вдоль береговъ, перевоза каменный уголь изъ одного мѣста въ другое. Новая должность была не многимъ веселѣе прежней, но за то гораздо труднѣе. Нельзя не удивляться, какъ молодой Кукъ, пробывъ въ такой тяжелой должности около двѣнадцати лѣтъ и, находясь постоянно въ обществѣ грубыхъ необразованныхъ матросовъ, не потерялъ охоты и способности къ ученю. Напротивъ, суровая жизнь матроса была лучшею школою для будущаго великаго мореплавателя; онъ приобрѣлъ въ ней смѣтливость, опытность въ морскомъ дѣлѣ, привычку къ трудамъ и лишениямъ и желѣзную твердость характера.

При первомъ представившемся случаѣ Кукъ бросилъ купеческій корабль и перешелъ въ службу на военное судно, гдѣ умъ,

прилежаніе и опытность необыкновеннаго матроса скоро обратили на него вниманіе начальства. Получая повышение за повышеніемъ и вездѣ обнаруживая свои способности, знаніе и твердость характера, Кукъ черезъ нѣсколько лѣтъ занялъ уже довольно важное мѣсто въ англійскомъ флотѣ и воспользовался первымъ свободнымъ временемъ, чтобы пополнить недостатокъ первоначальнаго воспитанія. Будучи уже сорока лѣтъ, Кукъ принялся изучать геометрію и астрономію, убѣдившись опытомъ въ необходимости этихъ наукъ для моряка; не пренебрегалъ и литературою и, читая сочиненія лучшихъ англійскихъ писателей, скоро самъ привыкъ излагать свои мысли правильно и ясно.

Кукъ на практикѣ доказалъ, что учиться никогда не поздно, и скоро такъ успѣлъ въ астрономіи, что сдѣланныя имъ въ Америкѣ наблюденія надъ солнечнымъ затменіемъ обратили на наблюдателя вниманіе лучшихъ астрономовъ Англии. Эти наблюденія и молва о твердомъ характерѣ и добросовѣстности Кука, побудили одно англійское ученое общество назначить его начальникомъ экспедиціи, отправляемой въ южное полушаріе для нѣкоторыхъ астрономическихъ наблюденій и открытія новыхъ земель. Нечего говорить, что Кукъ, у котораго страсть къ далекимъ путешествіямъ не только не остыла съ годами, но еще болѣе усилилась, принялъ съ восторгомъ предложеніе общества.

23 августа 1768 года корабль, по названію «Попытка», на которомъ Кукъ былъ капитаномъ, поднялъ паруса и вышелъ изъ плимутской гавани. Обогнувъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ мысъ Горна, Кукъ, только въ апрѣль слѣдующаго года бросилъ якорь у острова *Отаити*, лежащаго на Тихомъ океанѣ. Окончивъ здѣсь все предписанныя ему астрономическія наблюденія, капитанъ отправился далѣе и вскорѣ открылъ цѣлую группу маленькихъ острововъ, которымъ далъ названіе острововъ *Товарищества*, въ честь общества, или товарищества, снарядившаго экспедицію. Вслѣдъ за этимъ, повернувъ къ юго-западу, Кукъ открылъ два большіе острова, которымъ далъ названіе *Новой-Зеландіи*. Узкій проливъ, раздѣляющій эти два острова, и теперь называется проливомъ Кука. Описавъ эти острова, на что потребовалось болѣе шести мѣсяцевъ, капитанъ поплылъ обратно и едва было не погибъ,

въ Ботанибейскомъ заливѣ, гдѣ корабль его попалъ на коралловый *рифъ*. Отсюда, мимо сѣверныхъ береговъ Австраліи, черезъ Торресовъ проливъ, достигъ Кукъ Индѣйскаго архипелага и датскихъ поселеній въ Ботании; и наконецъ, мимо мыса Доброй Надежды, воротился въ Англію, сдѣлавъ множество открытій, важность которыхъ была оцѣнена только впоследствии.

Въ слѣдующемъ же году, капитанъ Кукъ, командуя двумя кораблями, снова отправился на открытія, съ порученіемъ объѣхать землю вокругъ и подойти, какъ можно ближе, къ южному полюсу. Кукъ отправился къ югу; но проплавалъ нѣсколько мѣсяцевъ вблизи полярныхъ льдовъ и, не находя нигдѣ земли *), повернулъ на сѣверъ, посѣтилъ открытые имъ прежде острова Товарищества, описалъ множество острововъ, открытых прежде, открылъ снова нѣсколько маленькихъ острововъ и одинъ очень большой, которому далъ имя *Новой-Каледоніи*. Отсюда Кукъ повернулъ снова на югъ, сдѣлавъ еще нѣсколько открытій, прошелъ мимо южной оконечности Америки и мыса Горна въ Атлантическій океанъ и воротился въ Англію, потерявъ во все время путешествія одного только матроса, не смотря на долгое плаваніе у полярныхъ льдовъ.

На родинѣ Кукъ получилъ прекрасное мѣсто и пользовался великою извѣстностью; но онъ былъ не изъ тѣхъ людей, которые, добившись хорошаго положенія, наслаждаются потомъ спокойно плодами своихъ трудовъ, и въ слѣдующемъ же году предложилъ свои услуги для новаго кругосвѣтнаго плаванія. Онъ убѣдился уже, что у южнаго полюса нѣтъ сколько-нибудь значительной и интересной земли; но сѣверный полюсъ оставался для него еще тайною, и Кукъ надѣялся открыть сѣверный морской проходъ изъ Тихаго океана въ Атлантическій, чего никому еще не удавалось, не смотря на смѣлыя попытки многихъ мореплавателей и богатую премію, назначенную за этотъ подвигъ англійскимъ правительствомъ.

Кукъ самъ заботился о снаряженіи двухъ своихъ кораблей и

*) Теперь уже открыты здѣсь берега большой, но пустынной, никогда не оттаивающей, земли.

даже взялъ съ собою нѣсколько штукъ рогатаго скота и барановъ, чтобы высадить ихъ на берега различныхъ острововъ. Замѣтимъ при этомъ, что много разъ бѣдствующія суда благодарили Кука за эту умную предусмотрительность. 12-го іюля 1786 года Кукъ покинулъ, и въ этотъ разъ уже навсегда, берега своей родины. Когда экспедиція, уже въ слѣдующемъ году, достигла Тихаго океана, то было слишкомъ поздно, чтобы предпринять путешествіе на сѣверъ. Не теряя даромъ времени, Кукъ описалъ въ подробности безчисленные острова Товарищества и, когда пришло время, отправился къ сѣверному полюсу. Открывъ по пути группу *Сандвичевыхъ* острововъ, Кукъ уже въ мартъ мѣсяцъ прибылъ къ берегамъ Сѣверной Америки и только въ августъ вошелъ въ Беринговъ проливъ. Но напрасно старался смѣлый мореплаватель проникнуть за Беринговымъ проливомъ далѣе на западъ или на востокъ: массы льда, безпрестанныя бури и противные вѣтры заставили его удовольствоваться описаніемъ береговъ и воротиться назадъ на Сандвичевы острова, въ ожиданіи будущей весны. Но на этихъ островахъ ожидалъ Кука печальный конецъ. На островѣ Овайги началась у англичанъ ссора съ дикарями, которые безсовѣстно обкрадывали моряковъ, и въ этой ссорѣ, перешедшей скоро въ кровопролитную драку, знаменитый Кукъ былъ убитъ. Такъ неожиданно погибъ, въ 1788-мъ году, этотъ замѣчательный человѣкъ, подарившій Англію множествомъ новыхъ земель, а всѣхъ насъ множествомъ новыхъ географическихъ свѣдѣній.

Небесный сводъ.

Когда мы стоимъ у себя въ комнатѣ, то подъ ногами нашими находится полъ, а надъ головою потолокъ. Но когда выйдемъ на улицу, въ садъ или на поле, то подъ ногами нашими будетъ земля, а надъ головою небо: не низкій потолокъ, который иногда не трудно достать и рукою, но громадно-высокій, чистый какъ хрусталь, голубой сводъ.

На этомъ высокомъ, дивно-прекрасномъ сводѣ мы видимъ мно-

жество замѣчательныхъ явленій: днемъ—ярко блестящее солнце, ночью—кратко сіяющую луну, мириады весело сверкающихъ звѣздъ и изрѣдка, въ иные года, замѣчаемъ между звѣздами бродящую комету съ ея длиннымъ хвостомъ, который такъ пугаетъ суевѣрныхъ людей. Кромѣ того, почти всегда носятя по небу множество измѣнчивыхъ облаковъ, то темныхъ, лиловыхъ или синеватыхъ, то будто вылитыхъ изъ серебра, то отливающихъ, подъ лучами восходящаго или заходящаго солнца, пурпуромъ и золотомъ. Нерѣдко въ облакахъ мы видимъ сверкающую молнію, а послѣ дождя часто тѣшитъ наши взоры великолѣпная радуга: будто разноцвѣтная арка какихъ-то громадныхъ торжественныхъ воротъ, протягивается она красивою дугою черезъ весь небесный сводъ, упираясь концами въ края земли, обнятой со всѣхъ сторонъ голубымъ небомъ.

Если мы стоимъ на совершенно ровномъ полѣ и ничто не мѣшаетъ нашему взору, ни дома, ни лѣса, ни горы, то намъ кажется, что вездѣ небесный сводъ своими краями упирается въ землю, какъ круглая чаша, опрокинутая на столъ; а та черта, гдѣ небо сходится съ землею, кажется намъ громаднымъ кругомъ, *посреди* котораго мы стоимъ. Но этотъ кругъ, называемый *горизонтомъ*—какой-то заколдованный кругъ: идите, куда хотите, летите за тысячу верстъ, и вы не только не выйдете изъ этого круга, но будете всегда находится какъ-разъ по срединѣ его. Куда ни заѣзжалъ человѣкъ, вездѣ онъ видѣлъ небесный сводъ, поднимающійся высоко надъ головою и себя въ срединѣ горизонта, какъ-разъ подъ самую высокую точку свода. Наконецъ, объѣхавъ вокругъ весь земной шаръ, люди окончательно убѣдились, что нигдѣ небо съ землею не сходится, и что, слѣдовательно, оно только кажется намъ сводомъ; на самомъ же дѣлѣ вовсе не сводъ, а просто прозрачный воздухъ, обливающий землю со всѣхъ сторонъ, который въ огромной массѣ (*атмосфера* имѣетъ верстъ пятьдесятъ въ толщину), кажется намъ голубымъ. Сквозь этотъ голубоватый воздухъ мы видимъ солнце, луну и звѣзды; облака же не ходятъ по небу, а плаваютъ въ воздухѣ. Что же касается до радуги, то она вовсе не упирается въ землю своими концами, не пьетъ воды, какъ думаютъ иногда дѣти, и есть не что иное,

какъ преломленіе солнечныхъ лучей въ дождевыхъ капляхъ. Поставьте графинъ съ водою на окошко, въ которое смотритъ солнце, и вы увидите кусочекъ радуги на подоконникѣ. Брызнувъ водою, можно иногда замѣтить въ солнечный день, какъ въ брызгахъ сверкнетъ на мгновение разноцвѣтная радуга. Следовательно, радуга только кажется намъ дугою, а небо — только кажется намъ сводомъ.

Движеніе земли.

Паровозъ движется въ десять разъ быстрѣе, чѣмъ можетъ идти человѣкъ; но если бы вокругъ земнаго шара была обведена желѣзная дорога, то паровозъ, ѣдучи день и ночь, не останавливаясь ни на минуту, объѣхалъ бы землю въ дней тридцать; потому что земной шаръ въ поперечникѣ имѣетъ около 12-ти тысячъ верстъ, а въ окружности болѣе 37 тысячъ. Шаръ не маленький! По вычисленію же ученыхъ земля, со всѣми своими камнями и металлами, гораздо тяжелѣе гранита и всякаго другаго камня, хотя и легче желѣза. Можете же себѣ представить, какова должна быть тяжесть такого шара въ тридцать семь тысячъ верстъ въ окружности. Но, объѣхавъ всю землю вокругъ, люди нигдѣ не замѣтили подставокъ, на которыхъ этотъ тяжелый шаръ могъ бы держаться, и убѣдились, что вокругъ земли вездѣ воздухъ, а за нимъ пустое пространство.

Въ этомъ безграничномъ пространствѣ *вселенной*, земля не остается на одномъ мѣстѣ; но, постоянно вращаясь вокругъ самой себя, какъ мячикъ, брошенный въ воздухъ, въ то же самое время обходитъ или, какъ говорятъ, описываетъ около солнца громадный кругъ, болѣе чѣмъ въ 1000 милліоновъ верстъ въ окружности. Вокругъ самой себя земля оборачивается въ двадцать четыре часа; вокругъ солнца успѣваетъ обойти только въ триста шестьдесятъ пять дней и шесть сличнимъ часамъ, хотя въ каждую минуту пробѣгаетъ болѣе 1800 верстъ. Но отчего же мы не замѣчаемъ, что земля мчится съ такою быстротою? Именно потому, что земля несется въ пустомъ пространствѣ, гдѣ ей не за что задѣть, не за что

зацѣпиться; а останови ее что-нибудь въ ея быстромъ полѣтѣ, хотя на мгновение, то отъ страшнаго сотрясенія погнбло бы не только все живущее на землѣ, но и она сама разсыпалась бы въ куски. Если же мы при такой быстротѣ движенія земли не задыхаемся, то обязаны этимъ тому, что вмѣстѣ съ нею движется и воздухъ или *атмосфера*, окружающая землю прозрачнымъ слоемъ, верстъ въ пятьдесятъ толщиною.

Мы несемся и вертимся вмѣстѣ съ землею и съ ея атмосферою совершенно не замѣчаемъ этого и намъ кажется, наоборотъ, что солнце ходитъ по небу, а земля стоитъ. Кому случалось бы, стро плыть въ лодкѣ или, еще лучше, на пароходѣ, тотъ вѣроятно замѣчалъ, какъ убѣгаютъ берега въ противоположную сторону, хотя въ дѣйствительности бѣгутъ не берега, а пароходъ, на которомъ мы плывемъ. Точно также, обращаясь съ запада на востокъ, вмѣстѣ съ землею, мы видимъ, что солнце какъ будто идетъ съ востока на западъ. Но, посмотрѣвъ на колеса парохода, на воду, которую они разсѣкаютъ, мы убѣждаемся, что движется пароходъ, а не берега; тогда какъ ни что подобное не можетъ убѣдить насъ въ движеніи земли; потому что все, что есть на ней, вращается и несется въ пространствѣ вмѣстѣ съ нею.

Подумавъ хорошенько обо всемъ этомъ, мы будемъ изумляться не тому, что люди нѣсколько тысячъ лѣтъ считали землю неподвижною; но тому, какъ они узнали, наконецъ, что земля движется, измѣрили ея величину, свѣсили ея тяжесть, вычислили быстроту, съ которою она вращается вокругъ самой себя и мчится вокругъ солнца, и опредѣлили даже количество верстъ въ громадномъ кругѣ, который она описываетъ. И дѣйствительно, люди, открывшіе эти истины, были великіе, гениальные люди.

Пифагоръ.

Первый, кому въ голову пришла мысль, что земля движется, былъ великій греческій мудрецъ, по имени Пифагоръ, жившій бо-

лѣе чѣмъ за пятьсотъ лѣтъ до Р. Хр. Въ молодости своей Пифагоръ много путешествовалъ и повсюду прилежно узнавалъ все, что знали другіе люди, и внимательно наблюдалъ все, что ему встрѣчалось. Возвратившись на родину, въ Грецію, Пифагоръ собралъ вокругъ себя множество учениковъ и передалъ имъ много очень умныхъ мыслей; между прочимъ говорилъ онъ также и о томъ, что земля не стоитъ неподвижно, а вертится; что отъ этого происходятъ на землѣ день и ночь, и что, когда какое нибудь мѣсто земнаго шара повертывается къ солнцу, тогда на этомъ мѣстѣ начинается день, а когда оно уходитъ изъ-подъ лучей солнца, тогда на этомъ мѣстѣ начинается ночь.

Пифагоръ велъ самую строгую жизнь, былъ умѣренъ въ удовольствіяхъ и хотя былъ язычникъ, но вѣрилъ въ безсмертіе души, во всемогущество и благость Божію; а потому спокойно ожидалъ будущаго и хладнокровно переносилъ мелкія несчастья жизни. Поэтому неудивительно, что онъ жилъ очень долго, хотя подъ старость терпѣлъ много отъ несправедливости людей и, какъ говорятъ, умеръ въ страшной бѣдности, почти отъ голода. Но если это и правда, то все же можно позавидовать участи великаго мудреца, который отъ своихъ занятій получалъ столько истиннаго счастья, сколько не можетъ получить самый богатый человѣкъ отъ своихъ богатствъ.

Коперникъ.

Не смотря на слова Пифагора, люди не вѣрили въ движеніе земли очень долго, и прошло около двухъ тысячъ лѣтъ, пока явился другой человѣкъ, подтвердившій истину, открытую греческимъ мудрецомъ. Въ началѣ XV-го столѣтія одинъ католическій священникъ, по имени Коперникъ, родомъ изъ Польши, жившій въ нѣмецкомъ городѣ Фрауэнбургѣ, сталъ наблюдать надъ движеніемъ солнца и звѣздъ и пришелъ къ тому убѣжденію, что земля, кажущаяся неподвижною, непрерывно обращается, какъ колесо, вокругъ своей оси и, вмѣстѣ съ тѣмъ, мчится вокругъ солнца и что вокругъ него, кромѣ земли, обращаются еще и нѣкоторыя дру-

гія звѣздочки. Эти движущіяся звѣзды, въ отличіе отъ *неподвижныхъ*, необращающихся вокругъ нашего солнца, названы были *планетами*. Коперникъ изложилъ свои наблюденія въ особомъ сочиненіи и вскорѣ послѣ того, а именно въ 1543 году, умеръ, прежде чѣмъ мысли его стали извѣстны повсюду. Домъ, въ которомъ жилъ Коперникъ, сохранился во Фрауэнбургѣ до настоящаго времени и путешественники съ любопытствомъ осматриваютъ дыру, продѣланную въ стѣнѣ этого дома, черезъ которую знаменитый астрономъ наблюдалъ теченіе небесныхъ свѣтилъ.

Галилей.

Открытіе Коперника, хотя и было замѣчено, но не обратило на себя особеннаго вниманія, такъ что почти черезъ сто лѣтъ другой великій астрономъ, Галилей, долженъ былъ повторить людямъ ту же истину.

Галилей родился въ италіанскомъ городѣ Пизѣ, и учился такъ прилежно, что уже на двадцать пятомъ году своей жизни былъ профессоромъ математики въ пизанскомъ университетѣ. Въ молодости еще сдѣлалъ Галилей множество очень важныхъ открытій и приобрѣлъ большую извѣстность. Узнавъ, что одинъ датчанинъ изобрѣлъ подзорную трубу, въ которую хорошо видны очень далекіе предметы и которою многіе забавлялись, какъ игрушкою, Галилей нашелъ, что изъ этой игрушки можетъ выйти очень важное дѣло; принялся самъ за нее и скоро сдѣлалъ первый *телескопъ*. Этотъ телескопъ еще былъ очень плохъ; но, тѣмъ не менѣе, помогъ Галилею повѣрить справедливость открытій Коперника и сдѣлать, кромѣ того, много новыхъ.

Галилей всегда и прежде думалъ, что звѣзды не маленькія искорки, а цѣлыя большіе міры, движущіяся въ пространствѣ. Теперь же, съ помощію своего, еще очень несовершеннаго телескопа, онъ убѣдился въ справедливости своихъ предположеній. Смотря въ телескопъ на луну, онъ увидѣлъ, что на ней есть пропасти и горы, и даже нашелъ возможность измѣрить высоту этихъ горъ; смотря на солнце, онъ открылъ, что на немъ есть пятна и

что эти пятна движутся, то скрываются, то вновь показываются; и заключилъ изъ этого, что солнце есть огромный шаръ, гораздо больше земли, и что этотъ шаръ, облитый вокругъ свѣтящеюся атмосферою, обращается около своей оси. Потомъ Галилей сталъ разсматривать вечернюю, блестящую различными цвѣтами планеты, известную подъ именемъ Венеры, и увидалъ, что она похожа на нашу луну, прибываетъ и убываетъ, какъ луна, и иногда тоже превращается въ тоненькій рожекъ. Возлѣ другой планеты, Сатурна, Галилей, замѣтилъ что-то въ родѣ блестящихъ крыльевъ; но не могъ еще разсмотрѣть, что это не крылья, а два блестящія кольца, идущія вокругъ планеты. Продолжая наблюдать далѣе, онъ убѣдился, что вокругъ Юпитера, другой бодшой планеты, вертятся четыре хорошенькія звѣздочки, убѣдился что это четыре луны, которыя съ различною быстротою обращаются вокругъ Юпитера; точно такъ же, какъ наша луна обращается вокругъ земли.

Мы можемъ себѣ представить, что всѣ эти открытія были сдѣланы Галилеемъ не въ одинъ день и даже не въ одинъ годъ: молодой профессоръ успѣлъ состарѣться, пока увидалъ все то, что мы рассказали здѣсь кое какъ въ нѣсколькихъ словахъ.

Въ это время имя Галилея, который сдѣлалъ много и другихъ важныхъ и полезныхъ для людей открытій, стало известнымъ по всей Европѣ. Но гдѣ слава, тамъ непременно явится и зависть. Завистники, а за ними и невѣжды, оклеветали Галилея, доказывая, что его открытія противорѣчатъ будто бы словамъ Священнаго Писанія; тогда какъ, напротивъ, открытія Галилея показывали только безграничную премудрость Создателя и его всемогущество. Однакоже инквизиція (такое дурное и злое судилище, которое воображало, что ложь и насиліе могутъ быть пріятны Господу Богу, и забывало, что Богъ далъ человѣку разумъ и свободную волю не для того, чтобы онъ ничего не дѣлалъ съ этими великими дарами) — инквизиція приговорила Галилея къ тюремному заключенію. Великаго, гениальнаго старца, который всю жизнь свою провелъ въ трудахъ для пользы науки и своихъ ближнихъ, посадили въ мрачную и сырую темницу. Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ заключенія, бѣдный старикъ былъ выпущенъ

съ тѣмъ тяжелымъ условіемъ, чтобы онъ публично отказался отъ своихъ открытій. Но, произнося торжественное отреченіе отъ великихъ истинъ, въ которыхъ былъ убѣжденъ, Галилей не выдержалъ и, ударивъ ногою о землю, сказалъ съ гнѣвомъ: «*пусть будетъ по вашему, а все же она движется*». За эти слова Галилея опять присудили запереть въ тюрьму и уже на всю жизнь. Впрочемъ, черезъ нѣсколько времени, по ходатайству сильныхъ людей и изъ снисхожденія къ старости Галилея, его выпустили изъ тюрьмы: но приказали ему жить безвыѣздно въ уединенномъ мѣстѣ, недалеко отъ Флоренціи. Здѣсь Галилей провелъ остатокъ своей жизни въ ученыхъ занятіяхъ, въ кругу немногихъ друзей, и еще подарилъ человечеству нѣсколькими новыми истинами. Скоро, отъ безпрестанныхъ занятій Галилей потерялъ зрѣніе; но до самой послѣдней минуты, пока владѣлъ еще однимъ глазомъ, продолжалъ наблюденія. Слепота, глухота, бессонница и боль во всѣхъ членахъ, слѣдствіе тюремной сырости, отравили послѣдніе годы жизни великаго старца. Наконецъ, 6 января 1651 года, гениальный человѣкъ навсегда скрылся отъ всякихъ преслѣдованій. Тѣло Галилея похоронено теперь въ церкви Святаго Креста во Флоренціи, а великій художникъ, Микель-Анджело, соорудилъ надъ нимъ прекрасный памятникъ.

НЬЮТОНЪ.

Лѣтъ за полтораста до нашего времени жилъ въ Англіи одинъ гениальный человѣкъ и великій ученый, по имени Исаакъ Ньютонъ (родился въ 1642, въ годъ смерти Коперника, а умеръ въ 1727 году). Онъ былъ такъ уменъ и такъ много зналъ, что часто, смотря на самые обыкновенные предметы, видѣлъ въ нихъ то, чего не видали прежде него тысячи людей.

Однажды Ньютонъ, прогуливаясь по саду, увидѣлъ, какъ яблоко, сорвавшись съ вѣтки, упало на землю. Тысячу разъ видѣлъ онъ, какъ падали яблоки, и не обращалъ на это вниманія: но теперь въ умъ его родился вопросъ: почему яблоко, оторвавшись отъ вѣтки, упало на землю, а не полетѣло вверхъ или въ сторо-

ну? Ньютонъ зналъ, что каждое явленіе должно имѣть причину и спросилъ самого себя: какая причина, что всѣ тѣла падаютъ на землю, а не летятъ кверху или не остаются висѣть въ воздухѣ? Подумавъ хорошенько объ этомъ обыкновенномъ явленіи, на которое до тѣхъ поръ никто не обращалъ вниманія, Ньютонъ рѣшилъ, что въ землѣ, должно быть, находится такая же притягательная сила, какую давно уже замѣтили люди въ магнитѣ, съ тою только разницею, что магнитъ притягиваетъ желѣзо и сталь, а земля притягиваетъ всѣ тѣла, и твердыя, и жидкія, — и воду, которая потому не выливается изъ морей, и воздухъ, который потому не разлетается во всѣ стороны.

Ньютонъ не остановился на такомъ рѣшеніи: онъ сталъ наблюдать далѣе и скоро замѣтилъ, что не одна земля притягиваетъ къ себѣ всѣ тѣла, но что всякое тѣло притягиваетъ къ себѣ другое. Если на спокойную поверхность воды, налитой въ тарелку, бросить нѣсколько маленькихъ, легкихъ тѣлъ, т. е. такихъ, которыя притягиваются землею не очень сильно, то всѣ они мало-по-малу сблизятся другъ съ другомъ или пристанутъ къ краямъ тарелки. Маленькая щепка, пущенная на рѣку, держится у большой барки, а листья и другія легкія тѣла пристають къ берегамъ. Скоро Ньютонъ убѣдился, что всѣ тѣла притягиваютъ одно другое, и что если камень не летитъ къ другому камню, лежащему возлѣ, то только потому, что притягательная сила земли во столько разъ больше притягательной силы камня, во сколько земной шаръ больше самаго камня; т. е. въ нѣсколько сотъ милліоновъ разъ. Если одинъ мальчикъ везетъ колясочку, а другой станетъ удерживать ее сзади, то перетянетъ тотъ, кто изъ двухъ сильнѣе. Но если тотъ же мальчикъ схватится сзади за коляску, которую везетъ четверка лошадей; то лошади даже и не почувствуютъ, что кто-то уцѣпился сзади. Точно также, хотя всѣ тѣла, находящіяся на землѣ, притягиваются другъ къ другу, но ихъ взаимная притягательная сила, въ сравненіи съ притягательною силою земли, гораздо ничтожнѣе, чѣмъ сила мальчика въ сравненіи съ силою четверки лошадей.

Что же такое тяжесть тѣла? Подымая камень съ земли, мы чувствуемъ, какъ онъ тяжелъ, или, другими словами, чувствуемъ,

какъ сильно тянетъ его къ себѣ земля: это большее или меньшее притяженіе тѣла землею и даетъ большую или меньшую тяжесть тѣлу. Сравняя тяжесть тѣла съ какою нибудь испытанною тяжестью, напр. съ тяжестью фунтовика, мы открываемъ *вѣсъ* тѣла: узнаемъ, сколько въ немъ фунтовъ, пудовъ и т. д.

Желая опредѣлить тяжесть всѣхъ тѣлъ, или, другими словами, ту силу, съ которою каждое тѣло притягивается землею, ученые стали сравнивать тяжесть каждаго тѣла съ тяжестью совершенно чистой воды, и нашли, что стаканъ воды въ тринадцать съ половиной разъ легче стакана ртути, что желѣзо въ восемь съ половиной разъ тяжелѣе воды, золото въ девятнадцать съ половиной и т. д. Такой вѣсъ тѣлъ, взятый сравнительно съ вѣсомъ чистой воды того же объема, называется *относительнымъ* или *удѣльнымъ вѣсомъ*.

Теперь, подумавъ немного, вы легко поймете, почему маленькая свинцовая пуля, брошенная въ воду, быстро идетъ ко дну, тогда какъ большое бревно не тонетъ. Возьмите столько воды, сколько могло бы помѣститься въ бревнѣ, если оно было пусто въ серединѣ, взвѣсьте ее — и вы увидите, что такая масса воды будетъ въ нѣсколько разъ тяжелѣе всего бревна. Бревно не тонетъ, потому что *удѣльный вѣсъ* дерева менѣе *удѣльнаго вѣса* воды. Вода, какъ мы знаемъ, превращаясь въ ледъ, занимаетъ болѣе мѣста и разрываетъ бутылку, если бутылка была полна и крѣпко закупорена; а потому ледъ плаваетъ на водѣ. Масло, наоборотъ, замерзая, сжимается, и потому кусокъ замерзнувшаго масла потонетъ въ жидкомъ маслѣ точно такъ же, какъ кусокъ твердаго свинца потонетъ въ растопленномъ свинцѣ.

Но всѣ эти наблюденія не удовлетворили Ньютона; онъ обратилъ вниманіе и на то явленіе, что мячъ или камень, брошенные въ сторону, или пуля, пущенная изъ ружья, летятъ туда, куда ихъ бросили: но въ то же время, склоняясь мало-по-малу, понемногу опускаются къ землѣ. Ньютонъ объяснилъ это явленіе слѣдующимъ образомъ: здѣсь, думалъ онъ, борются двѣ силы: одна, съ которою я бросаю камень въ сторону, а другая — притягательная сила земли, которая тянетъ его книзу.

Ньютонъ зналъ уже, что луна обращается вокругъ земли, а

земля вокругъ солнца, и ему стало ясно, почему луна не отлетаетъ отъ земли, земля не удаляется отъ солнца. Безъ сомнѣнія потому, что земля больше луны, а солнце гораздо больше земли, и земля притягиваетъ луну, а солнце землю. Но почему же луна не упадетъ на землю, а земля не упадетъ на солнце? Безъ сомнѣнія потому, что луна движется вокругъ земли, а земля вокругъ солнца съ необыкновенною силою и быстротою.

Это взаимное притяженіе всѣхъ небесныхъ тѣлъ названо было *тяготѣніемъ*. Но мало было открыть тяготѣніе: слѣдовало еще показать, какъ оно дѣйствуетъ. Наблюдая, какъ падаютъ тѣла различной тяжести, Ньютонъ вычислилъ, съ какою скоростью падаютъ тѣла на землю и какъ увеличивается эта скорость, по мѣрѣ приближенія тѣла къ землѣ. Онъ доказалъ, что если тѣло въ первую секунду своего паденія пролетаетъ 16 футовъ, то во вторую пролетитъ 16×3 , т. е. 48 футовъ; въ третью 16×5 , т. е. 80 футовъ; въ четвертую 16×7 , т. е. 112 ф. и т. д.

Приложивъ открытый имъ законъ тяготѣнія къ наблюденіямъ надъ движеніемъ земли, луны, солнца и планетъ, Ньютонъ открывалъ законы движенія свѣтилъ небесныхъ, высчитывалъ съ величайшею точностью ихъ разстояніе отъ земли, быстроту ихъ движенія, ихъ величину и вѣсъ, величину круговъ, которые они описываютъ около солнца, словомъ, далъ прочное основаніе великой наукѣ *астрономіи*.

Будучи однимъ изъ величайшихъ людей, какіе когда либо существовали на земномъ шарѣ, по необычному уму своему, Ньютонъ былъ въ то же время необыкновеннымъ человѣкомъ и по своему истинно христіанскому характеру. Онъ былъ чрезвычайно кротокъ, ласковъ со всѣми, правдивъ во всемъ, простъ въ обращеніи, и вовсе не думалъ о томъ, что громадному генію его удивляются милліоны людей и будутъ удивляться отдаленнѣйшіе потомки. Вычисляя съ необыкновенною точностью движенія безчисленныхъ міровъ, взвѣшивая тяжесть этихъ громадныхъ тѣлъ, открывая законы свѣта, измѣряя быстроту его движеній, онъ считалъ себя «ребенкомъ, играющимъ камешками на берегу безграничнаго океана вселенной». Во всемъ же, что удавалось ему

открыть, онъ признавалъ помощь Творца — источника всякой истины.

Въ глубокой старости, когда сѣдины покрывали голову Ньютона, онъ, по живости своего ума и чувства, казался прекраснымъ юношею. Можно было думать, что самое время не смѣетъ коснуться Ньютона! Однакоже, пришелъ часъ смерти — и великій человѣкъ былъ отозванъ къ Тому, чье имя онъ воспоминалъ такъ часто и всегда съ такимъ благоговѣніемъ. Ньютонъ скончался въ 1727 году, на 84 году своей жизни, занимаясь изученіемъ Слова Божія.

Земная ось, полюсы и экваторъ.

Вы, вѣроятно, умѣете заставить круглую монету вертѣться быстро по гладкому столу и, вѣроятно, замѣчали, что часто она вертится на одномъ мѣстѣ. Но присмотритесь внимательнѣе, и вы замѣтите, что монета при быстромъ движеніи кажется намъ полупрозрачнымъ шаромъ, въ серединѣ котораго протянута темноватая линія. Остановите же монету, и вы не найдете на ней никакой линіи. Что же это такая за линія, которую мы видѣли, когда монета вертѣлась! Это именно та линія въ монетѣ, которая не перемѣняла мѣста, когда всѣ другія точки монеты описывали круги вокругъ этой линіи, и описывали ихъ такъ быстро, что вся монета казалась намъ вертящимся шаромъ. Возьмите ту же монету между двумя пальцами такъ, чтобы, ударяя по одному ея краю, вы могли заставить ее вертѣться, и вы увидите, что вся монета вертится, но мѣста своего не перемѣняетъ или, лучше сказать, что всѣ точки монеты обращаются, кромѣ тѣхъ двухъ точекъ, къ которымъ вы прикасаетесь, удерживая монету между пальцами, и линіи, которую можно провести между этими двумя точками и которая казалась намъ темноватою линіею, когда монета быстро вертѣлась. То же самое будетъ, конечно, если вмѣсто монеты мы будемъ вертѣть шарикъ; только линіи, не перемѣняющей своего мѣста, вы не замѣтите, потому что она будетъ внутри шара.

Такъ какъ земля есть тоже вертящейся шаръ, то и въ ней,

какъ въ каждомъ вращающемся шарѣ, должны быть двѣ точки, которыя при обращеніи шара не перемѣняютъ своего мѣста. Эти двѣ точки на земномъ шарѣ называются *полюсами*: одинъ *сѣвернымъ* полюсомъ, а другой *южнымъ*. Линія же, соединяющая эти точки, не перемѣняющая своего мѣста, какъ та темненькая линія, которую мы замѣтили въ серединѣ вращающейся монеты, называется *земною осью*; потому что она также не перемѣняетъ своего мѣста, какъ и ось вращающагося колеса. Земная ось соединяетъ оба полюса, сѣверный и южный, и проходитъ черезъ самый центръ земнаго шара. Но, разумѣется само-собою, что если бы вы могли разрѣзать шаръ земной вдоль оси на двѣ равныя половины, какъ разрѣзываютъ яблоко, то не увидѣли бы тамъ никакой оси, какъ не видали темненькой линіи посрединѣ остановившейся монеты.

Если на краю вращающейся монеты вы сдѣлали прежде нѣсколько мѣтокъ въ разныхъ мѣстахъ, то убѣдитесь, что чѣмъ ближе мѣтка къ одной изъ тѣхъ двухъ точекъ, которыя прикасаются къ вашимъ пальцамъ, тѣмъ меньшій кругъ будетъ она описывать при обращеніи монеты. Самый же большой кругъ будетъ описывать та мѣтка, которую вы положите посрединѣ, въ одинаковомъ разстояніи отъ обѣихъ точекъ, не перемѣняющихъ мѣста. Точно также и на земномъ шарѣ: чѣмъ дальше отстоитъ какое нибудь мѣсто отъ обоихъ полюсовъ разомъ, тѣмъ больше кругъ будетъ описывать оно при обращеніи земнаго шара. Но какая же точка на поверхности земнаго шара будетъ дальше всѣхъ отъ обоихъ полюсовъ разомъ? Конечно та, которая лежитъ посрединѣ, т. е. въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ. Такихъ точекъ можно, конечно, наставить на шарѣ множество, одна возлѣ другой; но всѣ эти точки вмѣстѣ составятъ одну круговую линію. Этотъ кругъ, всѣ точки котораго находятся въ одинаковомъ разстояніи отъ обоихъ полюсовъ, можетъ быть, конечно, только одинъ. Такой кругъ на земномъ шарѣ называется *экваторомъ*. На глобусѣ экваторъ чертятъ; но на земномъ шарѣ, конечно, никто его не начертить, и этотъ кругъ такой же *предполагаемый* кругъ, какъ земная ось предполагаемая линія. Такъ какъ экваторъ опоясываетъ землю въ одинаковомъ разстояніи

отъ обоихъ полюсовъ, то слѣдовательно и раздѣляетъ землю на двѣ равныя половины, на два равныхъ *полушарія*: изъ которыхъ одно, гдѣ находится сѣверный полюсъ, называется *сѣвернымъ*, а другое, противоположное, *южнымъ* полушаріемъ. Это не тѣ полушарія, которыя произойдутъ, если мы разрѣжемъ землю вдоль оси: тѣ полушарія будутъ уже не сѣверное и южное, а восточное и западное.

Солнечные часы.

Проведите какую угодно прямую линію по поверхности шара—эта линія не будетъ уже совершенно прямая линія, а дуга. Если же вы будете вести линію все прямо по поверхности шара, то наконецъ обойдете весь шаръ и начертите на немъ правильный кругъ. Замѣтьте же какую нибудь точку на экваторѣ и ведите отъ нея линію по поверхности шара все прямо къ сѣверному полюсу, потомъ отъ сѣвернаго полюса по другой сторонѣ шара, не отклоняясь ни вправо, ни влево, ведите ту же линію къ полюсу; достигнувъ южнаго полюса, ведите далѣе до экватора; и если вы проводили вашу линію вѣрно, не отклоняясь ни на право ни на лѣво, ни къ востоку, ни къ западу, то она непремѣнно придетъ къ той точкѣ, отъ которой вы начали ее вести и вы начертите совершенно правильный кругъ, который пройдетъ черезъ оба полюса и пересѣчетъ экваторъ въ двухъ точкахъ. Такой кругъ, проходящій чрезъ оба полюса, называется *полуденникомъ* или *меридіаномъ*. Подумавъ немного, вы поймете и сами, что тогда какъ экваторъ можно провести только одинъ, полуденниковъ можно провести безчисленное множество: всѣ эти полуденные круги, сколько бы ихъ ни провели, непремѣнно пересѣкутся между собою въ каждомъ изъ полюсовъ. Вы легко также сообразите, что всѣ эти полуденники будутъ одинаковой величины.

Не то произойдетъ, если вмѣсто того, чтобы проводить круги черезъ полюсы, вы станете проводить ихъ *параллельно* экватору, т. е. такъ, чтобы всѣ точки проводимаго вами круга находились

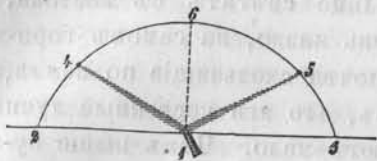
на одинаковомъ разстояніи отъ экватора. Вы увидите, что всякій кругъ, параллельный экватору, будетъ меньше экватора и тѣмъ меньше, чѣмъ дальше онъ будетъ отъ экватора и чѣмъ ближе къ полюсу. Такихъ круговъ, точно также какъ и полуденныхъ, можно провести безчисленное множество; но конечно одинъ никогда не сойдется съ другимъ, какъ не сходятся никогда двѣ параллельныя линіи. Такіе, тоже воображаемые круги, называютъ *параллельными кругами*, потому что они параллельны экватору.

Черезъ всякую точку земнаго шара можно провести параллельный кругъ и полуденникъ, а слѣдовательно ихъ можно провести и черезъ ту точку, на которой мы теперь находимся. Станемъ же на точку, гдѣ пересѣкутся эти два круга и, оборотившись лицомъ къ югу, будемъ наблюдать, какъ ходитъ солнце по небу. Прежде всего мы замѣтимъ, что утромъ солнце покажется изъ-за горизонта, на *востокъ*, и будетъ подыматься все выше и выше, а потомъ станетъ спускаться, все ниже и ниже, и наконецъ спрячется за горизонтъ, на *западъ*. Если бы солнце, проходя по небу, оставляло по себѣ слѣды, то мы увидѣли бы дугу, подобную дугѣ радуги, и эта дуга однимъ концомъ упиралась бы въ горизонтъ на западъ, а другимъ на востокъ. Самая высшая точка этой дуги будетъ та, поднявшись до которой, солнце начало спускаться. Эта точка будетъ какъ-разъ посрединѣ дуги, такъ что солнце употребляетъ столько же времени, чтобы подняться до этой точки, сколько и для того, чтобы спускаться отъ нея къ западу. Слѣдовательно, въ этой *срединной* точкѣ солнце бываетъ какъ-разъ посреди дня, т. е. равно въ 12 часовъ. Если бы мы могли съ точностію замѣтить, когда солнце бываетъ въ этой точкѣ, то намъ ничего не стоило бы повѣрить наши часы. Но слѣдить за ходомъ солнца и подмѣтить ту точку, съ которой оно начинаетъ спускаться, очень трудно.

Однакоже есть одно довольно легкое средство повѣрять часы по солнцу. Стоитъ только на чистомъ и открытомъ мѣстѣ, усыпанномъ бѣлымъ пескомъ, и которое бы съ утра до вечера освѣщалось солнцемъ, воткнуть въ землю отвѣсно палку и замѣчать цѣлый день, какъ падаетъ на бѣлый песокъ тѣнь съ этой палки. Когда солнце поутру покажется на востокъ изъ-за горизонта, то

отъ палки протянется по направленію къ западу такая длинная тѣнь, что трудно даже замѣтить, гдѣ она оканчивается. Къ западу тѣнь протянулась потому, что солнце свѣтитъ съ востока; длинна же она потому, что солнце очень низко, на самомъ горизонтѣ, и бросаетъ оттуда косвенные, почти скользящіе по землѣ, лучи. Мы замѣтимъ также, мимоходомъ, что эти косвенные лучи освѣщаютъ предметы хорошо, но грѣютъ мало. Чѣмъ выше будетъ подыматься солнце, тѣмъ тѣнь отъ палки будетъ становиться короче и тѣмъ далѣе будетъ она подвигаться по направленію отъ запада къ востоку. Въ полдень тѣнь будетъ самая короткая и будетъ падать по направленію отъ юга къ сѣверу. Тѣнь отъ палки будетъ направлена къ сѣверу, потому что солнце въ полдень стоитъ на югѣ; коротка она будетъ потому, что солнце стоитъ высоко и бросаетъ на нашу палку далеко не столь косвенные лучи, какіе бросало утромъ. При этомъ мы замѣтимъ также, что эти почти отвѣсные лучи грѣютъ гораздо сильнѣе, чѣмъ тѣ косвенные, которые бросало солнце утромъ. Наблюдая далѣе, мы замѣтимъ, что послѣ полудня тѣнь отъ палки начнетъ снова увеличиваться и при закатѣ солнца будетъ такою же длиною, какою была при восходѣ, только протянется уже не къ западу, а къ востоку, и вмѣстѣ съ тѣмъ, чѣмъ ниже станетъ спускаться солнце къ горизонту, чѣмъ косвеннѣе будутъ падать его лучи на землю, тѣмъ и грѣть они будутъ все слабѣе и слабѣе. Если же полуденный жаръ не начинаетъ спадать тотчасъ послѣ 12-ти часовъ, то это безъ сомнѣнія потому, что за день воздухъ, земля и всѣ тѣла на землѣ нагрѣются сильно и не скоро успѣютъ охладиться; но къ вечеру солнце все же станетъ грѣть гораздо слабѣе. Отмѣчая на песокъ движеніе тѣни, отбрасываемой палкою, мы замѣтимъ и ту точку, когда тѣнь была самою короткою и отъ которой она стала опять увеличиваться и повернула къ востоку. Въ то самое время, когда солнце отбрасывало самую короткую тѣнь, оно стояло на срединѣ своего пути отъ востока на западъ; слѣдовательно, въ эту минуту былъ ровно полдень, т. е. 12 часовъ. Такъ, или почти такъ, устроиваются и солнечные часы, самые вѣрные часы на свѣтѣ, только очень неудобные, потому что въ пасмурный день палка не будетъ отбрасывать тѣни. Отмѣтимъ на

пескъ линією, самую короткую полуденную тѣнь, и эта линія пройдетъ какъ-разъ по направленію нашего полуденнаго круга, будетъ небольшимъ кускомъ меридіана. Вотъ почему этотъ кругъ и называется полуденникомъ или меридіаномъ: когда солнце станетъ надъ нимъ прямо, тогда у насъ бываетъ полдень.

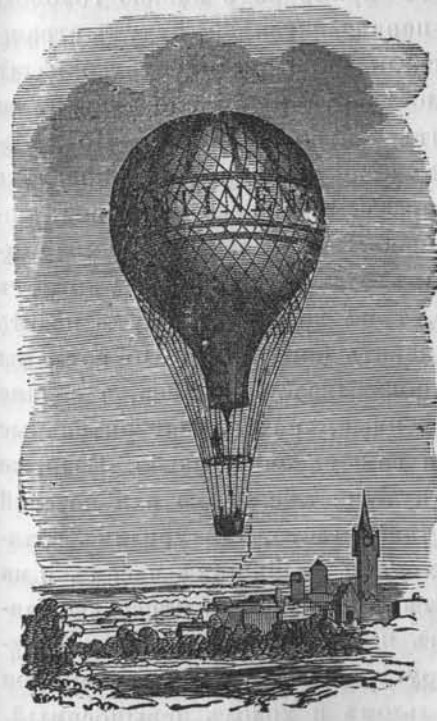

Теперь предположимъ себѣ, что мы обладаемъ съ вами *ковромъ-самолетомъ*, на которомъ въ одно мгновеніе можно перелетать тысячу верстѣ. Повѣримъ свои часы по солнцу и, сѣвши ровно въ 10 часовъ утра на диковинный коверъ, полетимъ сначала на востокъ, придерживаясь одного и того же параллельнаго круга; пролетимъ нѣсколько сотъ верстѣ отъ того мѣста, гдѣ мы наблюдали солнце, и остановимся дѣлать новыя наблюденія. Здѣсь надъ нами будетъ такой же сводъ неба, упирающійся въ землю краями, вокругъ такой же горизонтъ, и солнце, идя по небу, будетъ описывать такую же огромную дугу. Устроимъ опять солнечные часы и замѣтимъ на нихъ, когда бываетъ полдень. Взглянемъ теперь на наши карманные часы: что это сдѣлалось съ ними? какъ они страшно отстаютъ? На нихъ всего еще 10 часовъ, тогда какъ на солнечныхъ уже 12-ть. Но не браните напрасно ваши карманные часы; они ни въ чемъ не виноваты: они показывали время исправно только для того мѣста, на которомъ мы ихъ поставили по солнцу. На оставленномъ нами мѣстѣ дѣй-

Рисунокъ, объясняющій находеніе полуденной линіи: 1) палка, отвѣсно воткнутая въ землю на ровномъ мѣстѣ, освѣщенномъ солнцемъ; 2) и 3) полу-кругъ, описанный на землѣ, центромъ для котораго служитъ основаніе палки; 4) когда тѣнь отъ палки, укорачиваясь, дойдетъ поутру до окружности полу-круга, то слѣдуетъ на немъ отмѣтить эту точку, которая на рисункѣ означена цифрою 4; когда потомъ послѣ полудня тѣнь, снова удлиняясь, дойдетъ до того же круга, то слѣдуетъ замѣтить и эту точку, отмѣченную на рисункѣ цифрою 5; если дугу, находящуюся между этими замѣченными точками, раздѣлить ровно пополамъ, и если точку, обозначенную середину дуги, соединить съ основаніемъ палки, то эта линія будетъ частью меридіана. Для удобства наблюденій провѣдять не одну, а нѣсколько круговъ.

ствительно теперь только 10 часовъ и только черезъ два часа настанетъ тамъ полдень. Чѣмъ дальше къ востоку, тѣмъ полдень бываетъ раньше, и наоборотъ: чѣмъ дальше къ западу, тѣмъ полдень настаетъ позже. Но еслибы мы по тому же параллельному кругу пронеслись въ одно мгновеніе на противоположную точку земнаго шара, то увидѣли бы, что часы наши опять показываютъ вѣрно, только на небѣ вовсе нѣтъ солнца: часы же наши показываютъ полночь.

Но возвратимся опять на то мѣсто, гдѣ мы устроили первые солнечные часы и, поднявшись надъ землею, ровно въ полдень, остановимся на одномъ мѣстѣ,—остановимся и будемъ смотрѣть на землю. Съ изумительною быстротою улетятъ изъ подъ насъ не только наши солнечные часы, но и вся знакомая намъ страна *).

Быстро замелькаютъ подъ нами города, цѣлыя незнакомыя страны, рѣки, горы, моря, океаны; а солнце все будетъ стоять надъ нами неподвижно, какъ-разъ на полуднѣ. Ровно черезъ 12 часовъ мы можемъ преспокойно опуститься на противоположной точкѣ земнаго шара, противоположной той, гдѣ мы ставили солнечные часы. Но какъ же мы доберемся домой? Очень легко: подыдемся опять кверху и ровно черезъ двѣнадцать часовъ наши солнечные часы будутъ подъ нашими ногами.

Прекрасно было бы путешествовать такъ быстро по землѣ, не трогаясь съ мѣста, да то бѣда, что это не возможно: все, что на землѣ, вращается вмѣ-

*) Каждая точка экватора, при обращеніи земли около своей оси, пролетаетъ болѣе 1500 верстѣ въ часъ.

ствъ съ нею, и самая атмосфера, которая ее окружаетъ, такъ что воздушный шаръ, поднявшись надъ землею, летитъ съ запада на востокъ вмѣстѣ съ атмосферой, въ которой онъ плаваетъ. Примиримся же съ этой невозможностью и станемъ снова наблюдать наши краснорѣчивые солнечные часы. Они еще не сказали намъ всего того, что могутъ сказать.

Вотъ мы стоимъ снова на точкѣ пересѣченія параллельнаго круга и меридіана. Солнце достигло самой высшей точки своего небеснаго пути, а на часахъ у насъ полдень. Выше уже солнце не подымается, но оно далеко еще не стоитъ прямо надъ нашею головою. Что же случится, если мы полетимъ прямо къ югу по направленію нашего меридіана? Не долетимъ ли мы до того мѣста, гдѣ солнце будетъ стоять прямо надъ нами? Какъ только долетимъ по меридіану до экватора, то солнце въ полдень будетъ прямо надъ нашею головою и его лучи, падающіе совершенно перпендикулярно, будутъ страшно жечь насъ. Мы очутимся посреди африканской пустыни, гдѣ отъ страшнаго жара все вымерло вокругъ: нѣтъ ни травки, ни деревца, и даже дикіе звѣри ходятъ только по ночамъ. Не хорошо здѣсь. Воротимся же поскорѣе домой и попробуемъ полетѣть на сѣверъ, придерживаясь по прежнему нашего меридіана: посмотримъ, не будетъ ли тамъ лучше. Чѣмъ ближе будемъ мы подлетать къ сѣверному полюсу, тѣмъ ближе къ горизонту будетъ намъ казаться полуденное солнце, тѣмъ косвеннѣе будутъ падать его лучи и тѣмъ менѣе будутъ давать они тепла. Но вотъ мы приближаемся къ полюсу: часы показываютъ полдень, а солнце почти лежитъ на горизонтѣ; косвенные, почти горизонтальные лучи его чуть задѣваютъ землю и грѣютъ очень слабо. Если же мы совершаемъ наше воздушное путешествіе зимою или поздней осенью, то можемъ прилетѣть въ такое мѣсто, гдѣ увидимъ солнце скрывающимся за горизонтъ, хотя и на нашихъ часахъ и на часахъ тамошнихъ жителей будетъ полдень. Еще нѣсколько далѣе къ сѣверу—мы солнца и днемъ не увидимъ. Но въ какія пустынные мѣста мы залетѣли! Вокругъ также нѣтъ ни деревца, ни кустика, ни травки; море покрыто льдомъ и холодъ невыносимый. Подъ экваторомъ, въ африканской пустынѣ, нѣтъ жизни отъ палящаго жара; у полюсовъ, на берегахъ Ледовитаго океана, нѣтъ

жизни отъ страшнаго холода. Поблагодаримъ же Создателя, который далъ намъ родину по срединѣ этихъ двухъ крайностей и назначилъ намъ жить въ умѣренномъ климатѣ.

РАЗНООБРАЗІЕ КЛИМАТОВЪ.

Если бы климатъ того и другаго мѣста зависѣлъ единственно отъ большой или меньшей близости мѣста къ полюсу или къ экватору, то во всѣхъ мѣстностяхъ, лежащихъ въ одномъ и томъ же разстояніи отъ экватора, между одними и тѣми же параллельными кругами, долженъ же быть и одинаковый климатъ. Однако же мы часто замѣчаемъ противное, и если мы возьмемъ, на примѣръ, какое нибудь мѣсто по срединѣ Сибири, лежащее на томъ же разстояніи отъ экватора, на какомъ лежитъ Петербургъ, то увидимъ, что въ Сибири въ этомъ мѣстѣ климатъ будетъ гораздо суровѣе, чѣмъ въ Петербургѣ, хотя солнце въ обѣихъ этихъ мѣстностяхъ, въ одно и то же время года, будетъ одинаково подыматься надъ горизонтомъ и въ продолженіи одинаковаго времени будетъ оставаться на небѣ. Это явленіе зависитъ отъ многихъ причинъ, изъ которыхъ мы перечислимъ главныя.

Первая причина—близость моря. Море у полюсовъ и зимою и лѣтомъ загромождено пловучими льдинами, громадными ледяными горами; во всѣхъ же другихъ мѣстахъ море или вовсе не замерзаетъ, или замерзаетъ только у береговъ. Незамерзнувшее море лѣтомъ охлаждаетъ воздухъ, вбирая изъ него излишній жаръ; а зимою согрѣваетъ воздухъ, отдавая ему набранное лѣтомъ тепло.

Вторая причина—вѣтеръ. Мы уже читали о вліяніи вѣтра на тепло и холодъ. Въ той странѣ, которую высокія горы заслоняютъ отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, будетъ всегда гораздо теплѣе, чѣмъ въ той, которую горы заслоняютъ отъ южныхъ вѣтровъ, несущихъ на сѣверъ нагрѣтый на югѣ воздухъ. Сибирь заслонена отъ южной Азии высокими горами; а съ сѣвера совершенно открыта къ океану, на которомъ и лѣтомъ плаваютъ громадные льдины. Вотъ почему въ Сибири такъ холодно.

Третья причина—возвышенность мѣста. Сидя въ комнатѣ, силь-

но нагреваемой солнцемъ черезъ стекло въ окошкахъ, мы можемъ сдѣлать слѣдующій опытъ: дотронемся до стола, пола, мебели, освѣщенныхъ солнцемъ, и мы замѣтимъ, какъ они нагрѣлись; дотронемся до стекла въ однѣ, чрезъ которое проникаютъ солнечные лучи, и мы замѣтимъ, что оно осталось холоднымъ. Изъ этого мы можемъ вывести, что солнечный лучъ, проходя удобно сквозь прозрачное тѣло, мало его согреваетъ. Воздухъ еще прозрачнѣе стекла и потому солнечный лучъ, проходя сквозь воздухъ, мало его согреваетъ и тѣмъ меньше, чѣмъ воздухъ рѣже и прозрачнѣе; если же воздухъ нагрѣвается, то это отъ земли, нагрѣтой солнцемъ. Вотъ почему, чѣмъ дальше подыматься отъ земли, тѣмъ становится все холоднѣе: теплота земли достигаетъ все меньше и меньше, а воздухъ все прозрачнѣе и рѣже. Земля, нагрѣтая солнцемъ, согреваетъ воздухъ и ночью, когда солнца не видать. Теперь мы поймемъ, почему вершины очень высокихъ горъ, лежащихъ даже въ самомъ тепломъ климатѣ, покрыты вѣчнымъ льдомъ и снѣгомъ, какъ земли лежащія у полюсовъ; тогда какъ у подошвы тѣхъ же горъ круглый годъ не только не бываетъ снѣгу, но даже листъ не спадаетъ съ деревьевъ, растутъ померанцы, лимоны, виноградъ, миндаль и даже пальма—растеніе, свойственное только жаркому климату. Подымаясь на такую гору, мы испытаемъ всѣ тѣ же перемѣны климата и будемъ видѣть то же разнообразіе растительности, какое замѣтили бы, еслибъ полетѣли отъ экватора къ полюсу.

Телескопъ.

Есть одному ученому человѣку, который любилъ заниматься астрономіей и часто по цѣлымъ ночамъ наблюдалъ за движеніемъ небесныхъ свѣтилъ, пріѣхала въ гости его сестра съ своимъ сыномъ, Сашей, мальчикомъ лѣтъ тринадцати. Послѣ довольно поздняго обѣда, кончившагося при свѣчахъ, сестра хозяина подошла къ огню и любовалась множествомъ яркихъ звѣздъ, блестящихъ на темномъ небѣ, и полною луною, которая плыла по небу, обливая землю своимъ мягкимъ, пріятнымъ свѣтомъ. Въ это время подошелъ къ ней братъ и сказалъ:

— Я давно обѣщалъ Сашѣ показать луну и звѣзды въ телескопъ: не хочешь ли ты, чтобъ я исполнилъ теперь свое обѣщаніе?

Сестра согласилась охотно на предложеніе брата, а Саша былъ въ восторгѣ: онъ давно ужъ слышалъ, что у дяди есть такая большая зрительная труба, въ которую онъ по ночамъ смотритъ на мѣсяцъ и звѣзды. Саша даже видѣлъ эту трубу, стоявшую на окнѣ въ кабинетѣ и ему давно хотѣлось знать, что можно въ нее видѣть. Всѣ вошли въ кабинетъ.

Хозяинъ направилъ одинъ конецъ трубы на полный мѣсяцъ и Саша, взглянувъ въ телескопъ, сказалъ съ восторгомъ:

— Теперь я вижу своими глазами, что луна не плоскій кругъ, но совершенный шаръ и что на ней находится дѣйствительно большія горы. Какъ странно видѣть горы на лунѣ!

Дядя. Есть телескопы еще больше моего, и въ нихъ такъ ясно видны горы и долины на лунѣ, что астрономы нарисовали подробную ея карту. Луна—самое ближайшее къ намъ небесное тѣло и находится отъ насъ очень недалеко: всего-то какихъ нибудь 350 тысячъ верстъ или 50 тысячъ миль.

Саша. Неужели это не далеко? Да это такъ далеко, что и подумать страшно.

Дядя. Паровозъ идетъ въ часъ не болѣе восьми миль, и если бы отъ земли до луны была проведена желѣзная дорога, то при самой быстрой ѣздѣ, ѣдучи день и ночь, нужно было бы ѣхать двѣсти шестьдесятъ сутокъ, чтобы доѣхать до луны. Но это разстояніе ничтожно въ сравненіи съ разстояніемъ земли отъ солнца: до солнца отъ земли болѣе двадцати милліоновъ миль, и еслибы туда была проведена желѣзная дорога, то паровозъ долженъ былъ бы ѣхать почти сто сорокъ три года, чтобы доѣхать до солнца.

Саша. Сто сорокъ три года? Да для этого нужна не одна, а двѣ человѣческія жизни.

Дядя. Конечно: человѣкъ живетъ около семидесяти лѣтъ, а а въ семдесятъ лѣтъ онъ не проѣхалъ бы и половины пути отъ земли до солнца.

Мать Саша. Это такъ далеко, что если рай находится на свѣтломъ солнышкѣ, то не скоро же до него доберется душа наша послѣ нашей смерти.

Дядя (*улыбнувшись*). Конечно, если бы она отправлялась туда так же медленно, как идет паровозъ. Но не должно забывать, что свѣтъ долетаетъ отъ солнца до земли въ 8 минутъ и 13 секундъ, а духъ нашъ, безъ сомнѣнія, быстрее свѣта. Но солнце еще не очень далеко отъ насъ. (*Направляетъ телескопъ на одну изъ звѣздъ*). Взгляните вотъ на эту звѣзду.

Саша. Ахъ, какой хорошенькій золотой шарикъ, и какъ блещать вокругъ него какія-то четыре серебрянныя точечки!

Дядя. Это Юпитеръ съ своими четырьмя спутниками или лунами: самая большая изъ всѣхъ планетъ, обращающаяся вокругъ нашего солнца. Онъ въ четыре раза дальше отъ насъ, нежели солнце, и нашъ паровозъ едва бы добрался до него въ тысячу лѣтъ. Уранъ еще дальше Юпитера и паровозъ, проѣзжая каждый часъ восемь миль, доѣхалъ бы до него только въ шесть тысячъ пятьсотъ лѣтъ. А есть одна планета, которую не давно открыли, Нептунъ,—та еще гораздо дальше.

Мать Саша. О, какъ же велика, какъ неизмѣримо-велика вселенная!

Дядя. Всѣ эти разстоянія весьма малы въ сравненіи съ тѣми, въ которыхъ находятся отъ насъ *неподвижныя звѣзды*; здѣсь уже самое измѣреніе становится невозможнымъ. Мы можемъ только предполагать, что самая близкая изъ неподвижныхъ звѣздъ находится отъ насъ не ближе четырехъ билліоновъ миль.

Сестра. Но какъ же могли высчитать такія громадныя разстоянія?

Дядя. Это дѣйствительно должно казаться удивительнымъ тому, кто не знакомъ съ астрономическими наблюденіями. Но вы знаете, какъ астрономы вѣрно предсказываютъ затменія солнца и луны и появленія кометъ; по этому судите, что они считаютъ не дурно. (*Перемѣляетъ направленіе телескопа*). Посмотрите-ка теперь.

Саша. Боже мой, какой блескъ, какое множество звѣздъ!

Дядя. Это Плеяды—сорокъ четыре громадныя солнца, а издали намъ кажется, что они такъ близко отстоятъ одно отъ другаго. Но этого мало: посмотрѣвъ на *млечный путь* въ болѣе сильный телескопъ, мы увидали бы, что вся эта серебрястая полоса

состоитъ изъ такихъ же звѣздъ или солнцевъ, которыя только по своему страшному отдаленію сливаются для насъ въ одну серебристую полосу.

Саша. Видно, нельзя пересчитать всѣхъ звѣздъ

Дядя. Можетъ ли слабый человекъ счесть творенія Создателя? И представь себѣ еще, что, по всей вѣроятности, наша земля, или, лучше сказать, наше солнце со всѣми его планетами и съ землею, составляютъ только одну звѣздочку млечнаго пути, въ которомъ для насъ ближайшія звѣзды кажутся стоящими отдѣльно другъ отъ друга, а дальнѣйшія сливаются въ одну слабо-блещущую серебристую полосу, протянувшуюся черезъ все небо. Но нѣтъ сомнѣнія, что кромѣ нашего млечнаго пути, есть еще множество такихъ же собраній безчисленныхъ звѣздъ, которыя и въ самые сильные телескопы кажутся намъ едва видными *туманными пятнами*. А каждое изъ этихъ туманныхъ пятенъ такой же млечный путь, какъ и нашъ.

Саша. О, какъ безконечно-великъ Создатель Вселенной!

Дядя. Да, и припомни теперь слова псалмонѣвца Давида: «Небеса повѣдаютъ славу Божию».

Саша. Но какъ же малъ и ничтоженъ человекъ въ сравненіи со всѣми этими безчисленными мірами!

Дядя. Конечно малъ; но не забудь, что звѣзды ничего не видятъ и не понимаютъ, а мы удивляемся ихъ безконечности и громадности, вычисляемъ ихъ пути, измѣряемъ ихъ отдаленность и величину—и возносимся душою ко всемогущему Создателю всѣхъ міровъ.

Сестра. Но, безъ сомнѣнія, на этихъ планетахъ также живутъ люди или какія-нибудь существа, подобныя людямъ.

Дядя. Этого, конечно, никто не знаетъ; но нельзя же предполагать, чтобы сознательныя существа жили только на одной нашей землѣ—*маленькой планетѣ*, которая въ милліонъ триста тысячъ разъ меньше солнца; тогда какъ такихъ солнцевъ, вокругъ которыхъ также обращаются свои планеты, безчисленное множество. Мы видимъ только тѣ планеты, которыя обращаются вокругъ нашего солнца; планетъ же другихъ солнечныхъ системъ мы и видѣть не можемъ. Но не правда ли, что и то немногое, что я могъ показать вамъ сегодня, довольно уже поражаетъ вашъ

умъ безпредѣльностью созданія и безконечностью всемогущества и мудрости Создателя.

Горная страна.

Живя посреди Россіи, мы не можемъ составить себѣ яснаго понятія о томъ, что такое горная страна. Наши невысокіе, отлогіе холмы, на которые вѣзжаешь, почти ихъ не замѣчая, подымающіеся много что на сто или полтораста сажени, и по скатамъ которыхъ мы видимъ все одни и тѣ же поля, лѣса, роши, села и деревни, конечно, мало походятъ на высокія горы, вершины которыхъ покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ, и подымающіяся на три, на четыре версты вверхъ, уходятъ далеко за облака. Въ равнинѣ вы идете сто, двѣсти верстъ, повсюду встрѣчая одинаковые виды, одинаковую растительность, одинаковый образъ жизни. Не то въ горахъ! Сколько разнообразія представляетъ даже одна большая гора, если взбираться на нее по дорогамъ, проложеннымъ въ долинахъ, а потомъ и по опаснымъ горнымъ тропинкамъ, которыя извиваются по ея уступамъ. Вамъ кажется тепло и даже жарко, когда вы стоите у подошвы горы: кругомъ васъ лѣто, сады съ поспѣвающими плодами и поля съ созрѣвшимъ уже хлѣбомъ; но запаситесь теплой одеждой, если думаете добраться до вершины; потому что тамъ встрѣтятъ васъ полная зима—снѣгъ, ледъ, холодъ, и вы, посреди лѣта, легко можете отморозить себѣ руки и ноги. Запаситесь также прочными сапогами съ крѣпкими подошвами, чтобы онѣ не истерлись о камни, крѣпкою палкою съ желѣзнымъ наконечникомъ и провизіей; но главное—запаситесь силою и терпѣніемъ, потому что вамъ придется неутомимо работать ногами цѣлый день, а можетъ быть и два. Хотя вершина горы подымается только на три или на четыре версты, но это, вѣдь, считается въ отвѣсъ, и чтобы добраться до вершины, вамъ придется сдѣлать 15 или 20-ть верстъ самаго труднаго пути по крутымъ уступамъ. Запаситесь также и смѣлостью, чтобы у васъ не закружилась голова, когда, взобравшись на иной уступъ, взглянете внизъ. Но прежде всего возьмите

опытнаго проводника, потому что безъ него легко можно заблудиться между скалистыми вершинами горы, въ ея темныхъ лѣсахъ, между безчисленными ручьями и рѣчками, скатывающимися съ ея боковъ, въ ея снѣжныхъ поляхъ и ледникахъ. Иногда, пожалуй, можно взобраться на такую вершину и зайти въ такую глушь, въ средину неприступныхъ уступовъ или на край сіяющей пропасти, что не будешь знать, какъ и выбраться. Надобно хорошо знать горныя тропинки, чтобы пуститься въ горы.

Подняться на высокую заоблачную гору большой трудъ; но трудъ этотъ окупается удовольствіемъ. Сколько разнообразной растительности встрѣтите вы отъ подошвы до вершины! Сколько разнообразія въ образѣ жизни людей! Если гора, на которую вы взбираетесь, лежитъ въ тепломъ климатѣ, то у подошвы ея вы покинете лимонныя и померанцовыя роши; выше встрѣтятъ васъ деревья умѣренныхъ странъ: тополь, букъ, каштанъ, липа, яленъ, дубъ; далѣе найдете вы угрюмые хвойныя лѣса и деревья сѣвера: осину, березу. Еще выше и деревья уже прекращаются, цвѣтовъ и травы даже очень мало—только альпійская роза будетъ провожать васъ до самой границы вѣчныхъ снѣговъ, да тощій мохъ напомнитъ вамъ о полярныхъ странахъ, гдѣ онъ составляетъ почти единственную пищу сѣверныхъ оленей. Еще выше—и вы вступите въ страну вѣчныхъ льдовъ, хотя можетъ быть и вы найдете за нѣсколько тысячъ верстъ отъ полярнаго моря.

Внизу вы покинули шумныя, дѣятельныя города; поднявшись выше, встрѣчали хорошенькія деревеньки, еще окруженныя обработанными полями и плодовыми садами: далѣе вы не встрѣтите ни полей, ни садовъ, а только тучныя луга въ горныхъ долинахъ и полюбуетесь на прекрасныя стада; небольшія пастушьи деревеньки прислонены къ горамъ, такъ что иной домикъ лепится у скалы, точно птичье гнѣздо; на крышахъ домовъ наложены рядами большіе камни; безъ этой предосторожности, буря, заревавшая въ горахъ, могла бы легко свести крышу. Далѣе, вы еще найдете кое-гдѣ отдѣльныя хижины горныхъ жителей: это лѣтнія жилища пастуховъ, оставляемыя зимою. Сочная, прекрасная трава привлекаетъ сюда лѣтомъ стада. Еще выше—и вы не будете встрѣчать уже человѣческихъ жилищъ. Цѣпкія домашнія козы еще

лѣнятся по уступамъ; но еще немного далѣе и вамъ попадутся, можетъ быть, одинъ небольшой стада легконогихъ дикихъ сернь и кровожадные орлы; а затѣмъ, вы вступите въ страну, гдѣ нѣтъ ни растительной, ни животной жизни.

Какъ хороши и говорливы горные потоки, какъ чиста и холодна въ нихъ вода! Они берутъ свое начало въ ледникахъ и образуются изъ такаго льда; начинаются маленькими чуть замѣтными струйками; но потомъ эти струйки соберутся вмѣстѣ— и шумный быстрый потокъ, то, извиваясь серебрянной лентой, то прыгая съ уступа на уступъ водопадомъ, то скрываясь въ темномъ ущельѣ и снова появляясь на свѣтъ, то журча по камнямъ, поватится внизъ смѣло и быстро, пока не доберется до болѣе отлогой долины, по срединѣ которой побѣжитъ уже спокойной и порядочной рѣчкой.

Если буря не реветъ въ горахъ, то чѣмъ выше вы будете подниматься, тѣмъ безмолвнѣе будетъ окрестность. На самой вершинѣ, среди вѣчныхъ снѣговъ и льдовъ, гдѣ солнечные лучи, отражаясь отъ снѣговыхъ полей, ослѣпляютъ глаза— царствуетъ мертвая тишина; развѣ камень, сдвинутый вашею ногою, надѣляетъ шуму и стуку на всю окрестность. Но вдругъ раздается страшный и продолжительный грохотъ, повторяемый горнымъ эхомъ; вамъ кажется, что гора дрожитъ подъ вашими ногами, и вы спрашиваете у проводника: «что это такое?»— «Это лавина,» отвѣчаетъ онъ вамъ спокойно: большая масса снѣгу сорвалась съ вершины, и увлекая съ собою камни, а пониже деревья, стада, людей и даже дома пастуховъ, понеслась внизъ по горнымъ уступамъ. Дай Богъ, чтобы она не рухнула на какую нибудь деревню и не похоронила подъ собою ея домовъ и жителей! Лавины чаще всего скатываются съ горъ весною и осенью: весною потому, что снѣгъ, напавшій зимою, подтаеетъ; осенью потому, что снѣгу наляжетъ на вершину черезъ чуръ много.

Но если, преодолевъ всѣ эти трудности и страхи, вы доберетесь наконецъ до высокой горной площадки, гдѣ проводникъ посоветуетъ вамъ усѣсться на камняхъ, позавтракать и отдохнуть, то будете вполне вознаграждены. Хотя здѣсь довольно холодно и каждое, сколько нибудь сильное движеніе утомляетъ васъ, сердце

бьется часто и дыханіе ускорено; но вамъ какъ-то легко и пріятно и вы вполне наслаждаетесь величественною картиною. Вокругъ васъ скалы и ледники, повсюду видны пропасти и ущелья; вдали поднимаются вершины другихъ горъ, то темныя, то лиловыя, то розовыя, то отливающія серебромъ; а внизу верстъ на шестьдесятъ открывается зеленая, цвѣтущая долина, врѣзывающаяся далеко въ горы: извивающіяся по ней рѣки, блестящія озера, города и деревни будто на ладони передъ вами. Большія стада кажутся вамъ движущимися точками, а людей и вовсе не видать. Но вотъ подъ вашими ногами стало все закрываться туманомъ: это облака стягиваются вокругъ горы; надъ вами блеститъ яркое солнышко, а внизу изъ этого тумана идетъ, можетъ быть, проливной дождь.

Нельзя долго оставаться на такой высотѣ—для груди вредно дышать слишкомъ рѣдкимъ воздухомъ—и какъ ни хорошо здѣсь, а придется спускаться внизъ.

Самая прекрасная горная страна въ Европѣ—Швейцарія. Альпійскія горы всю ее наполняютъ; нѣкоторыя изъ нихъ достигаютъ страшной высоты: Юнгфрау (Дѣвичья гора) подымается на 12 т. футовъ надъ уровнемъ моря, а Монбланъ (Бѣлая гора) на 14 т. футовъ. Изъ Швейцаріи Альпійскія горы распространяются по всей западной Европѣ; отрасли ихъ идутъ отсюда въ Германію, Австрію, Италію и Францію. Съ альпійскихъ же лѣдистыхъ вершинъ текутъ въ разныхъ направленіяхъ и самыя большія европейскія рѣки: Рейнъ въ Нѣмецкое море, Рона въ Средиземное и По въ Адриатическое.

Швейцарскія Альпы, находясь въ срединѣ западной Европы, раздѣляютъ собою самыя образованныя и богатыя ея страны и прекрасныя величественныя вершины этихъ горъ сильно затрудняютъ сообщенія. Сколько трудностей должны были преодолѣть люди, чтобы проложить удобную дорогу, отличное шоссе, чрезъ такія вершины, каковы Сень-Готтардъ и Симпльонъ! Эта дорога то подымается, то опускается, то идетъ по краю страшныхъ пропастей, то по мостамъ, висящимъ надъ бездною, то въ срединѣ скалъ, которыя нужно было пробить для этой цѣли. Много трудовъ стоила симпльонская дорога; но за то по ней ѣздить теперь

очень удобно и безопасно, и путешественникъ, нисколько не утомляясь и не опасаясь за свою жизнь, наслаждается чудными картинами горной природы.

М о р е .

Кто первый разъ увидитъ передъ собою безбрежное море, тотъ, безъ сомнѣнія, будетъ пораженъ этимъ величественнѣйшимъ явленіемъ земнаго шара. Хорошо оно, когда, отражая въ себѣ небо, солнце и облака, тянется къ горизонту гладкою, блестящею, какъ зеркало, поверхностью. Оно кажется тогда безпредѣльнымъ и сходится вдали съ небомъ, такъ, что глазъ не различаетъ, гдѣ оканчивается вода и начинается небо. Хорошо море и тогда, когда вѣтеръ колышетъ его поверхность; хорошо, хотя и страшно немного. Высокія волны съ пѣнистыми гребнями бѣгутъ одна за другою безконечными рядами, набѣгаютъ съ шумомъ на свалистый берегъ, какъ будто хотятъ вскопичить на него; но, отпрынувъ назадъ отъ твердаго камня, съ жалобнымъ стономъ и плескомъ руются снова въ море, уступая свое мѣсто другимъ. Весело смотрѣть, когда разбрызгается, расходится море; весело слушать его грозный говоръ; но только весело тогда, когда стоишь на высокой и твердой скалѣ и знаешь, что, бушуй оно, сколько хочешь, до тебя не дохватитъ. Но должно очень привыкнутьъ съ моремъ, чтобы наслаждаться этою неумолкающею игрою волнъ, стоя на палубѣ корабля, когда его кидаетъ то вверхъ, то внизъ, словно легкую щепку.

Но и безъ вѣтру два раза въ день высоко подымается море, заливая далеко отлогіе берега, и два раза въ день опускается снова, открывая далеко отлогое, мелкое дно и оставляя на берегу песокъ, небольшіе камни, раковины, множество морскихъ животныхъ и растений. Это постоянное движеніе моря называется *приливомъ* и *отливомъ*. Въ небольшихъ моряхъ, далеко вдавшихся въ средину суши, приливы и отливы бываютъ малы, а часто и вовсе незамѣтны; но въ открытомъ океанѣ они очень сильны.

Хотя въ морѣ есть много органическихъ остатковъ, гниющихъ

труповъ животныхъ и гниющихъ растений, но вода въ немъ никогда не портится, какъ портится она въ небольшомъ, отовсюду закрытомъ и неподвижномъ пруду, — никогда не цвѣтетъ и не покрывается плѣсенью. Это происходитъ, во первыхъ, отъ того, что океанъ со всѣми своими морями, обливающий весь земной шаръ, очень великъ; во вторыхъ, отъ того, что море постоянно движется, и въ третьихъ, отъ того, что вода въ немъ пропитана солью.

Но не только вѣтеръ, приливы и отливы приводятъ море въ движеніе: въ немъ есть еще свои особенные *морскіе потоки* или *теченія*.

Въ Тихомъ океанѣ, начиная отъ крутыхъ береговъ Чили и Перу, движется вода подобно громадной рѣкѣ, берега которой составляютъ то же море, и движется безпрестанно отъ востока къ западу, тогда какъ земля обращается съ запада на востокъ; этотъ морской потокъ, доходящій до восточнаго берега Азіи, прорываетъ потомъ между островами индійскаго архипелага, Борнео, Целебесомъ, Явою, идетъ къ Цейлону и Мадагаскару и, ударяясь о восточные берега Африки, раздѣляется на два потока: одинъ проникаетъ въ Черное море, потопившее когда-то Фараона и его войнство; а другой идетъ на югъ и огибаетъ мысъ Доброй Надежды.

Другое морское теченіе направляется отъ западныхъ береговъ Африки къ восточному берегу Америки и называется экваторіальнымъ; оно раздѣляется на южное и сѣверное. Сѣверный морской потокъ носитъ особое названіе *гольфстрема*, *заливнаго потока*, потому что выходитъ изъ Мексиканскаго залива. Онъ идетъ сначала къ сѣверу, вдоль береговъ Америки, потомъ поворачиваетъ на востокъ къ западнымъ берегамъ Европы и Африки. Задолго до открытія Америки, гольфстремъ приносилъ къ европейскимъ берегамъ американскіе плоды, растенія и сѣмена; это наводило на мысль, что къ западу отъ Европы, за моремъ, котораго никто еще не рѣшался проѣхать, должна быть большая земля. Нагрѣвшись въ жаркихъ странахъ, этотъ потокъ приноситъ также тепло къ западнымъ берегамъ Европы, почему на этихъ берегахъ могутъ поспѣвать самые нѣжные плоды.

Морскія теченія очень полезны для мореплаванія: корабль, кото-

рый попадаетъ въ средину такого потока, уносится его течениемъ, какъ лодка течениемъ рѣки.

Бури, когда сильный вѣтеръ страшно волнуетъ поверхность моря, — самые опасные враги мореходцевъ. Если корабль находится въ открытомъ морѣ, вдали отъ береговъ, то искусный капитанъ легко можетъ его спасти и въ самую сильную бурю; но когда корабль застигнутъ бурейю вблизи отъ берега, да еще такого берега, возлѣ котораго есть мели и подводные камни, тогда онъ легко можетъ разбиться объ эти камни или съѣсть на мель. Когда начинается буря, то всѣ отверстія на кораблѣ, *люки*, плотно запираютъ, чтобы волны не могли пробраться въ средину корабля. Матросы лѣзутъ по веревочнымъ лѣстницамъ и проворно убираютъ паруса: и безъ парусовъ вѣтеръ слишкомъ сильно упираетъ въ корабль и бросаетъ его во всѣ стороны. Матросу не въ диковинку, если соленая вода окатитъ его съ головы до ногъ; корабль кидаетъ какъ мячикъ, а матросъ бѣгаетъ по палубѣ, какъ по неподвижному полу, и съ быстротою и цѣпкостью бѣлки карабкается по веревкамъ. Если вѣтеръ ужъ слишкомъ силенъ, то иногда приходится даже рубить мачты, чтобы только дать вѣтру какъ можно меньше упору. Безъ мачтъ и парусовъ корабль, впрочемъ, какъ птица безъ крыльевъ: несется по морю, куда угодно вѣтру, и можетъ легко нанестись на скалу или на мель.

Безвѣтріе или *штиль* если не опасно, какъ буря, то за то гораздо несноснѣе для мореходца. Море неподвижно, какъ зеркало; въ воздухѣ не шелохнется, паруса висятъ; а тропическое солнце (штиль бываетъ чаще между тропиками), стоя прямо надъ головою, льетъ свои жгучіе лучи на спящее море и на корабль, который не можетъ двинуться съ мѣста. Пароходы штилей не боятся; онъ движется силою пара и если паруса его, не наполняемые вѣтромъ, не помогаютъ ему идти впередъ, за то колеса его дружно работаютъ.

Морскіе *смерчи* или *тромбы* напоминаютъ отчасти тѣ крутящіяся вихри пыли, которые бѣгутъ иногда по пыльнымъ дорогамъ. Но *тромбъ* не струйка пыли, а огромный крутящійся столбъ воды, который подымается до облака и вмѣстѣ съ нимъ бѣжитъ по морю съ необыкновенною быстротою. Часто они появляются

по-нѣскольку вмѣстѣ, и плохо кораблю, если на него обрушится такая масса воды. Завидя смерчей, корабль старается свернуть съ ихъ дороги, а иногда разбиваетъ ихъ пушечными ядрами.

При *попутномъ*, свѣжемъ вѣтрѣ, парусное судно несется быстро; но при вѣтрахъ, сколько нибудь *противныхъ*, оно должно, безпрестанно перемѣняя паруса, ловить вѣтеръ, и, *лавируя* изъ стороны въ сторону, неправильной, ломаной линіей, медленно приближаться къ своей цѣли. Движеніе парохода не столько зависитъ отъ вѣтра, хотя и пароходу идти гораздо легче при попутномъ вѣтрѣ, распустивъ паруса въ помощь колесамъ.

Къ прекраснѣйшимъ морскимъ явленіямъ принадлежит *морское сіаніе*. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ океана судно, гонимое вѣтромъ или парами, оставляетъ за собою длинный пламенный слѣдъ; волны, всплескиваясь, рассыпаются огненнымъ дождемъ, и даже въ глубинѣ моря видны маленькія свѣтащіяся точки. Этотъ свѣтъ зависитъ отчасти отъ гниющихъ маленькихъ морскихъ животныхъ и растений; а отчасти и отъ такихъ животныхъ, которыя и при жизни свѣтятся въ темнотѣ. Первое явленіе напоминаетъ намъ наши свѣтащіяся гнилушки, а другое нашихъ ивановскихъ червячковъ. Мы замѣтимъ здѣсь только одно изъ такихъ свѣтащихся животныхъ, принадлежащихъ къ породѣ полиповъ, — *морское перо*. Это не одно животное, но тысячи крошечныхъ живот-

ныхъ, расположенныхъ, какъ пушистая бородка пера, на одномъ стержнѣ. Всѣ эти животныя движутся разомъ, какъ будто управляемая одною волей; въ темную ночь, двигаясь и сверкая своимъ тѣломъ по поверхности воды, доставляютъ они прекрасное зрѣлище.

Чтобы измѣрять глубину моря, употребляютъ *лотъ* — кусокъ свинца, привязанный къ веревкѣ, на которой узлами отмѣчены сажени. Во многихъ мѣстахъ море довольно мелко; въ другихъ глубина его идетъ на нѣсколько верстъ, такъ что мореходцы не могутъ и лотомъ достать дна. Дно морское не ровно, такъ какъ и поверхность суши: на немъ также есть равнины, холмы, простыя и огнедышущія горы, скалы, ущелья, источники, лѣса коралловъ. Иная гора, подымаясь со дна моря на многія тысячи футовъ, высовывается на поверхность небольшимъ островкомъ. Случается и такъ, что, вдругъ изъ моря выдвинется огнедышущая гора, нѣсколько дней выбрасываетъ пламя, лаву, камни и дымъ; а потомъ также быстро снова скроется подъ водою. Мы уже въ другомъ мѣстѣ говорили о такихъ островахъ, которые появленіемъ своимъ обязаны неутомимой работѣ коралловыхъ полиповъ.

Безчисленное множество живыхъ существъ, большихъ и малыхъ рыбъ, громадныхъ морскихъ звѣрей, изъ которыхъ мы знаемъ уже кита, тюлена и моржа, обитающихъ преимущественно, въ холодныхъ моряхъ, и неисчислимое множество мелкихъ морскихъ животныхъ населяютъ глубину моря. Здѣсь мы упомянемъ только о невинныхъ дельфинахъ, которые выпрыгивая изъ воды, играми своими забавляютъ мореходцевъ, летучихъ рыбахъ, которыя иногда стаями проносятся надъ поверхностью теплыхъ морей, и о зубастой акулѣ, которая, своею жадностью и дерзостью приводитъ въ ужасъ моряка, когда ему приходится или купаться возлѣ корабля, или спускаться къ водѣ, чтобы осмотрѣть его бока. Акулы жадными толпами провожаютъ корабли, на которыхъ гнусные торговцы людьми уводкой перевозятъ негровъ. Жадные морскія звѣри, разѣвая свою широкую пасть, усѣянную острыми зубами, поджидаютъ невольничьихъ труповъ. Они какъ будто знаютъ, что несчастные черные люди умираютъ десятками во время этихъ страшныхъ переѣздовъ, — умираютъ отъ тѣсноты, дурна-

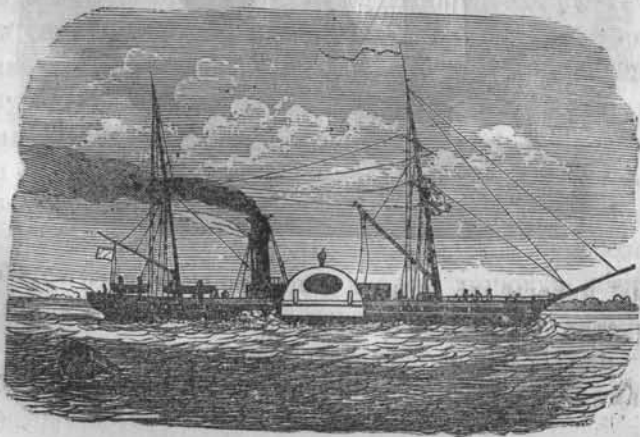
го содержанія въ душныхъ каютахъ, но болѣе всего отъ невыносимой тоски по родинѣ и свободѣ.

На днѣ морскомъ скрыто много богатствъ: есть безъ сомнѣнія и дорогіе камни и драгоценные металлы; но они недоступны челобѣту. Въ Индѣйскомъ морѣ преимущественно достаютъ жемчугъ, который находится на днѣ моря въ створчатыхъ раковинахъ, называемыхъ жемчужными. Эта ловля особенно прибыльна у береговъ Цейлона. Жители этихъ береговъ очень привыкли нырять на дно моря: опустившись туда съ лодки на веревкѣ, они спѣшатъ набрать въ коробъ какъ можно больше жемчужныхъ раковинъ и могутъ пробыть въ водѣ до двухъ минутъ; но у бѣдняковъ, не смотря на то, что они затыкаютъ себѣ ноздри и уши хлопчатую бумагою и берутъ въ ротъ губку, напитанную масломъ, кровь часто идетъ горломъ и носомъ. Однакоже, отдохнувъ минутъ двадцать на берегу, смѣльчани опять пускаются на свой опасный промыселъ.

Если вы никогда не видали большого стройнаго корабля, когда онъ, распустивъ свои бѣлые паруса, гордо, несется по морскимъ волнамъ, или большого сильнаго парохода, когда онъ, разрѣзывая колесами морскую поверхность, разстилаетъ по воздуху длин-

ный хвостъ дыма,—то вы не видали одного изъ величайшихъ созданийъ человеческого гения. У большихъ военныхъ кораблей, которые называютъ линейными, видны надъ водой четыре этажа, да подъ водою скрываются еще два. Грозныя жерла ста двадцати пушекъ четырьмя рядами выглядываютъ въ его люки; для тысячи человѣкъ экипажа достаточно мѣста на кораблѣ; множество пороха, ядеръ, провіанта, дровъ или каменнаго угля и наконецъ прѣсной воды въ бочкахъ скрывается въ его нижней части. Можно себѣ представить, что постройка и вооруженіе такого огромнаго судна обходится недешево и что не напрасно считаютъ великимъ бѣдствіемъ для цѣлаго государства, если десятокъ подобныхъ кораблей погибнетъ въ морскомъ сраженіи: если одни изъ нихъ пойдутъ ко дну, а другіе взлетятъ на воздухъ отъ взрыва пороха. Хорошо построенный корабль, если съ нимъ не случится никакого несчастія, можетъ прослужить около пятидесяти лѣтъ. До тысячи большихъ деревьевъ нужно для постройки сто-пушечнаго корабля. Купеческіе корабли и пароходы бываютъ меньше, не такъ стройны и красивы; но за то, перевозя товары между самыми отдаленными странами, они повсюду развозятъ довольство и образованіе;—тогда какъ военныя суда охраняютъ берега отъ нападеній или грозятъ неприятельскому флоту или прибрежнымъ неприятельскимъ городамъ своими страшными пушками. Можно себѣ представить, какой адъ творится тогда, когда десятка три такихъ морскихъ колоссовъ заревутъ другъ на друга въ морскомъ сраженіи, изрыгая изъ своихъ боговъ пламя и тысячи бомбъ и ядеръ!

Рейнскій водопадъ.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстѣ. Приѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ вылезли мы на высокой утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галерею, построенную такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая преодолевая въ теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростью, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разнообразныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, міриадами поднимаются вверхъ и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ не проникаемой, пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки ниспадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Феноменъ дѣйствительно величественный! Воображеніе мое одушевляло хладную стихію: давало ей чувство и голосъ: она вѣщала мнѣ о чемъ-то неизглаголанномъ! Долѣе часа стояли мы въ сей галереѣ; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Рейнъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли, что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цюрихскомъ берегу и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается Рейнъ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два

огромные камни, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимо; а другой едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старый замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, виноградные сады, деревья: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятный ландшафтъ.

Н. Карамзинъ.

ГЕРКУЛАНЬ.

Когда я пріѣхалъ въ Неаполь, Везувій дремалъ. Днемъ надъ нимъ лѣниво клубился дымокъ, бѣлый какъ страусово перо; ночью, когда море исчезло подъ темною синевою сумрака, и у подножія горы, вдоль берега, засвѣчивались огоньки; вулканъ по временамъ выкатывалъ изъ своего жерла багровую звѣзду пламени, которая, блеснувъ на вершинѣ, быстро потухала. Эти грозные огненные вздохи подъ небесами и эти мирные вечерніе огоньки внизу, сонный заливъ и шумный, суетящійся, осыпанный газовыми огнями Неаполь—все это сливалось въ магическую картину, отъ которой невозможно отвести глазъ безъ сожалѣнія.

Перваго августа подземные огни работали дѣятельнѣе, чѣмъ обыкновенно. Густые клубы сѣраго дыма вырывались изъ жерла и длинной цѣпью стлались надъ «кратеромъ»,—такъ неаполитанцы называютъ свой заливъ. Вечеромъ, когда солнце готово было опуститься за величественные скалы Искіи, я помчался въ Портичи по желѣзной дорогѣ. Нигдѣ въ мірѣ рельсы не разлеглись по болѣе живописнымъ мѣстамъ: справа весело блестя яхонтовый заливъ, омывая амфитеатръ бѣлыхъ, желтыхъ, розовыхъ домовъ Неаполя; слева холмы, покрытые гранатовыми, персиковыми деревьями, виллы, потопленные въ зеленомъ морѣ лимонныхъ садовъ и виноградниковъ; и надъ всѣмъ этимъ мрачный Везувій, мѣняющій свой цвѣтъ и утромъ, и въ полдень, и вечеромъ. При послѣднемъ вечернемъ освѣщеніи онъ былъ бархатисто-фіолетоваго цвѣта. Обворожителей этотъ берегъ; но какъ безподобенъ былъ онъ за двѣ тысячи лѣтъ до насъ, когда, вмѣсто нынѣшнихъ прозаическихъ городишекъ,

макаронныхъ фабрикъ и загроможденныхъ пепломъ развалинъ, широкое основаніе Везувія было окаймлено изящными портиками, амфитеатрами, колонадами и статуями.

Въ Резинѣ я вспомнилъ, что хожу по пластамъ лавы, затопившей изящный Геркуланъ. Резина—это собраніе довольно пошлыхъ каменныхъ домиковъ. Въ одномъ изъ тѣсныхъ переулковъ городка указали мнѣ на жалкій домишко, и объявили, что тутъ входъ въ Геркуланъ. Глубоко подъ массаи лавы, отвердѣвшій до степени камня, лежитъ античный городъ, этотъ изящный Геркуланъ, охваченный вулканическими потоками.

Съ зажженнымъ факеломъ сошелъ я въ могилу погребеннаго города; спустившись въ глубокое подземелье по каменнымъ ступенямъ, мы очутились въ мрачномъ корридорѣ, это галерея театра. Сначала вы не можете сообразить, какимъ случаемъ эти правильныя архитектурныя линіи попали сюда, въ нѣдра громады, подобныхъ граниту. Воображеніе отказывается представить вамъ потокъ расплавленнаго камня, нахлынувшій на самый городъ и—застывшій на вѣки! Лава такъ тверда, что уступаетъ только топору и лому. Она вкатилась во внутренность домовъ, охватила памятники, колонны, многіе изъ нихъ пошатнула, нѣкоторые уронила. Не такъ губительна была налетавшая сюда вулканическая зола: она ложилась легкими слоями, наполнила собою вазы, вытѣснила изъ амфоръ вино, изъ могильныхъ урнъ пепелъ и, вѣроятно, еще была горяча: многія двери найдены обугленными даже въ тѣхъ жилищахъ, куда лава не проникла, такъ-что множество папирусовъ, хлѣбъ, рожь—уцѣлѣли, сохранили свои формы. Везувій губить, но онъ же и сохраняетъ. Онъ залилъ своей смолой, закупорилъ въ прокъ два три изъ древнихъ городовъ роскошной Кампаніи, на удивленіе и въ назиданіе потомству.

Извѣстно, что Геркуланъ открытъ въ началѣ прошлаго столѣтія. Рыли колодезь, и заступы остановились на ступеняхъ полуциркулярнаго театра. Теперь, съвозъ этотъ цилиндрической, значительно расширенной колодезь, на днѣ котораго я стою, проливаетъ сюда слабый свѣтъ дневной. Впослѣдствіи, были откапываемы многія зданія и храмы древняго города, расписанные фресками, но все это не долго было пищей законнаго любопытства

ученыхъ и туристовъ: опасенія разрушить Резину, заставили правительство снова завалить всё подковы подъ ея домами. Разумѣется, это дѣлалось не прежде, какъ по тщательномъ обобраніи древнихъ жилищъ.

Ночь на Везувіи.

Я вскочилъ на добраго коня, проводникъ мой взобрался на осла и мы поѣхали между виноградниками, которыми покрыта подошва Везувія. Далѣе—сырая, угрюмая пустыня. Это море лавы, нѣкогда бушевавшее. Конь мой шагаль по стариннымъ русламъ огненныхъ потоковъ. Часа черезъ два ѣзды мы были на небольшой платформѣ, лежащей маленькимъ оазисомъ посреди безмолвной нагорной пустыни. Я успѣшилъ насытить мои глаза зрѣлищемъ блистательной панорамы, открывшейся съ этой высоты. Прекрасная поляна, озаренная розовымъ и золотымъ блескомъ вечера, разстилалась подо мной, какъ эдемъ, охраняемый со всѣхъ сторонъ горами, которыя, принимали различные оттѣнки опаловъ. Улыбающіяся виллы дремали посреди лавровыхъ и миртовыхъ садовъ.

Теперь понимаю, почему широкіе скалы Везувія усыяны виллами и селеніями, почему каждый лоскутъ земли такъ смѣло оспаривается у волкана. Неаполитанцу дорога его *гора*, какъ кормилица; онъ былъ бы глубоко огорченъ, еслибъ небо лишило Неаполь благодѣтельнаго волкана. Всѣ эти города построенные на развалинахъ другихъ городовъ, погубленныхъ и лавой, и пепельнымъ дождемъ, и землетрясеніями, всѣ они спятъ спокойно, охраняемые изображеніемъ святаго Януарія. Настанетъ грозный часъ: колодези мгновенно высыхаютъ, земля колеблется какъ море, волкана не видно, но слышенъ ревъ его и рѣки лавы, огненными цѣпями, медленно, неотразимо, спускаются къ садамъ и жилищамъ; пышные виноградники блѣднѣютъ и чахнутъ въ одно мгновеніе; листья деревьевъ желтѣютъ, и огонь отъ корня разливается по вѣтвямъ... Когда же постигнутые несчастіемъ люди, изумленные, видятъ, что

палящая рѣка переступила за деревянный крестъ, поставленный ей преградой, тогда ужасъ заступаетъ мѣсто безопасности.

Прошло нѣсколько дней, и на мѣстѣ гибели и разрушенія громоздятся новыя плоско-кровельныя жилища. При видѣ здѣшнихъ очаровательныхъ мѣстъ, эта безопасность понятна. Природа, когда перестаетъ губить, становится здѣсь такъ обольстительна, съ такою изумительною щедростію торопится прикрыть слѣды своей ярости. Везувій губить впродолженіи немногихъ дней, оплодотворяя почву на цѣлые вѣка. Поглядите на Резину, построенную на трупѣ Геркулана. Справа и слѣва — слѣды страшнаго разрушенія; высоко, надъ городомъ — вѣчно дымящійся сосѣдъ, ежеминутно грозящій гибелью. Но куда ни поглядишь, — жизнь здѣсь кипитъ, какъ будто эта земля никогда не знала ни единой могилы. Веселые горожане, въ алыхъ колпакахъ на черныхъ кудряхъ, при звонкихъ пѣсняхъ, сплетаютъ виноградныя лозы съ вѣтвями шелковичныхъ деревьевъ. Женщины, сидящія у своихъ дверей, прядутъ ленъ, и мелодическая итальянская болтовня звучитъ по улицѣ, между тѣмъ какъ черноглазые ребятишки прыгаютъ въ шумныхъ хороводахъ... И ни одной изъ этихъ матерей не приходится на память открытый въ Геркуланѣ домикъ, гдѣ въ ваннѣ найдены два младенческіе скелета.

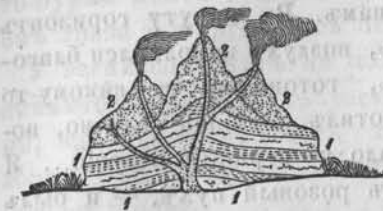
Сумракъ палъ. Я зажегъ мой факель и черезъ нѣсколько минутъ былъ уже у самой крути горы. Отсюда кажется, что вершины можно достигнуть менѣе, чѣмъ въ четверть часа. Дорога крута, ноги тонутъ въ сыпучей золѣ; но я шагаю съ энергіею отъявленнаго туриста и оставляю проводника далеко за собою. Чтобъ подвинуться впередъ на шагъ, надо шагнуть три раза. Между тѣмъ сумракъ густѣетъ, но какой сумракъ! Это голубое небо, опускающееся на землю. Живописцы сознаются, что такого колера на палитрѣ не существуетъ.

Мы подвигались впередъ весьма не прытко. Глубокія волны пепла и шлаковъ были намъ помѣхою. Вѣтеръ потушилъ мой факель. Я продолжалъ подыматься посреди глубокаго мрака. Вдругъ путь мой озарился адскимъ блескомъ. Я былъ уже во владѣніяхъ огня: желтые слѣды его прикосновенія замѣтны здѣсь на каждомъ камнѣ: но ни кратера, ни пламени не видно до той

минуты, покуда не ступишь на вершину, или точище, на плечо горы: это обширная площадь, изрытая, изборожденная взрывами волкана. Посреди ея, въ сотнѣ шаговъ отъ меня, поднимается коническій холмъ; это кратеръ, это голова волкана съ вѣчно-открытою чудовищною пастью, изъ которой поднимается черный дымъ. Сильный сѣрный запахъ захватываетъ дыханіе; кругомъ меня опять темно; рѣзкій вѣтеръ, дующій здѣсь непрерывно, убѣдилъ меня, что вершина волкана — самое прохладное мѣсто въ Неаполѣ. Подъ ногами у меня черная, нерасплавленная, но уже нагрѣтая лава; а тамъ на ребрахъ конуса блещутъ два широкіе потока, яркіе какъ растопленное золото: это раскаленная лава.

Часть площадки, отдѣлявшей меня отъ кратера, волновалась; толстая кора волкана лопалась, раздиралась на полосы, на мелкіе куски; широкія трещины зіяли кровавымъ огнемъ и изъ нихъ съ свистомъ вырывался густой желтый дымъ; почва раскалилась до бѣла, и расплавленная, струями подвигалась къ краю площадки, потомъ медленно лилась внизъ по склону горы, — вотъ лава! Забывъ опасность, я пытался приблизиться къ этимъ адскимъ потокамъ. Сильный вѣтеръ оледнялъ мнѣ затылокъ, между тѣмъ какъ жаръ, пышущій отъ лавы, палилъ мнѣ лицо; подошвы мои обугливались... Я старался вонзить оконечность моего посоха въ это раскаленное вещество, но напрасно: лава вовсе не жидкость; она имѣетъ видъ и плотность раскаленного желѣза, хотя течетъ подобно растопленному свинцу. Я еще не могъ отвести глазъ отъ этого невиданнаго зрѣлища, — вдругъ облако дыма надъ кратеромъ побагровѣло, послышался гулъ подземныхъ громовъ, вся громада Везувія страшно дрогнула, и широкій снопъ ослѣпительнаго огня вырвался изъ жерла... Багровые шары высоко взлетѣли къ небу, посреди огненного дождя пепла: это раскаленные камни, фута въ два величиною, отрываемые силою огня отъ внутреннихъ стѣнъ кратера. Меня уже предупредили, что этихъ каменныхъ ядеръ нечего бояться. Брошенные вверхъ перпендикулярно, они упадаютъ въ томъ же самомъ направленіи въ жерло или на его окраины. Нѣсколько секундъ волканъ дрожалъ подъ моими ногами и снова все погрузилъ въ мракъ; но глухое влокотаніе въ

жерлѣ не умолкало, и тяжело движущаяся лава разливала кругомъ себя красноватое зарево.

Я чувствовалъ неодолимое влеченіе къ этому грозному дѣятелю природы; мнѣ хотѣлось заглянуть въ лабораторію, гдѣ работаютъ ея таинственныя силы: я былъ отъ этой мастерской такъ недалеко... Ни удушливые газы, ни сѣрнистый дымъ, ни зола, взвѣваемая вѣтромъ, не могли остановить меня. Я покушался взобраться на самый конусъ, до края широкой бездны, — но колебавшаяся подъ моими ногами кора кратера и новые взрывы волкана остановили меня на пол-пути. По скользкимъ сугробамъ золы я скатился назадъ на площадку, ошеломленный, черный и опаленный.

Я провелъ ночь на волканѣ. Луна взошла поздно. Мой вожатый развѣжился, лежа въ теплой золѣ, и заснулъ какъ убитый. Я, сидя на грудѣ камней, глядѣлъ внизъ. Подъ яркимъ блескомъ италянскон луны, море свервало, и ясно обозначалось бѣлѣющее зданіями полукружіе береговъ Неаполя; ночные огни, и неподвижныя, и перебѣгающіе одинъ за другимъ, постепенно погасали. Утро было близко. Звѣзды блѣднѣли; на востокѣ, за темной стѣной Апеннинъ, бѣлесоватая полоса яснила и яснила! Воздухъ становился неизъяснимо прозраченъ. Небеса были пріятнаго фіалковаго цвѣта. Вдали, утесистые берега Сорренто, скалы Капри сбрасывали съ себя ночныя] покрывала, и являлись въ полномъ блескѣ цвѣтистыхъ утреннихъ нарядовъ. Не помню ни одной картины, не знаю ни одной страницы, гдѣ бы эти магическіе эффекты были выражены такъ удовлетворительно.

Свѣжій разсвѣтанный вѣтерокъ вызвалъ десятки парусовъ на голубыя зыби залива. До меня долеталъ шопотъ пробудившихся селеній, вмѣстѣ съ утреннимъ ароматомъ лимонныхъ садовъ. Мор-

Дѣйствующій вулканъ: 1) пласты земной коры, сквозь которые лава пробралась изъ внутренности земли наружу; 2) конусообразныя вершины (похожія на сахарныя головы), образовавшіяся изъ вулканическихъ камней и золы, выброшенныхъ дѣйствующимъ вулканомъ.

свой вѣтерокъ заколыхалъ фестоны виноградныхъ лозъ, сплетенные съ вѣтвями тополей. Солнце, поднявшееся надъ мертвой Помпеей, разсыпало свои искры по волнамъ. Въ минуту горизонтъ былъ потопленъ золотистымъ паромъ, воздухъ наполнился благоуханіемъ, все въ природѣ, казалось, готовилось къ какому-то торжеству. Волканъ трепеталъ и бормоталъ. Румяное облачко, ночевавшее на сосѣдней горѣ, подплывало къ вершинѣ Везувія... Я воображала, что сейчасъ зарююсь въ розовый пухъ, — и былъ окутанъ густымъ, холоднымъ туманомъ... Нѣсколько минутъ, проведенныхъ въ тучѣ, подарили меня лихорадкой. Потомъ я видѣлъ, какъ облако, улетаая, таяло въ воздухъ на первыхъ лучахъ солнца.

(Изъ путешествія Яковлева).

Эскимосы.

Въ полярныхъ странахъ земнаго шара въ продолженіи девяти мѣсяцевъ въ году, все, и земля, и вода, покрыто однообразной снѣжной пеленою; а въ продолженіи трехъ мѣсяцевъ изъ этихъ девяти, солнце не показывается ни на минуту и тьма, нарушаемая только свѣтомъ луны и сѣвернымъ сіяніемъ, покрываетъ печальную снѣжную пустыню. Однакоже и въ этой негостепримной странѣ живутъ люди; тамъ рождаются и остаются всю жизнь, лѣто и зиму, не подозревая даже, что есть на землѣ другія страны, болѣе теплыя и счастливыя. Таковы дикія племена, живущія въ трехъ частяхъ свѣта, на ихъ сѣверныхъ границахъ; но мы займемся только однимъ изъ этихъ племенъ — эскимосами.

Эскимосы живутъ въ Сѣверной Америкѣ, по берегамъ Ледовитаго и Тихаго океановъ, отчасти въ русскихъ американскихъ владѣніяхъ, отчасти по независимымъ землямъ, рѣдко удаляясь отъ берега далѣе шестидесяти или семидесяти верстъ. Это племя, и безъ того немногочисленное, раздѣлено на множество мелкихъ поколѣній, которыя всѣ носятъ разныя названія.

Съ виду эскимось очень некрасивъ: круглая, несоразмѣрно большая голова, широкое, плоское лицо съ выдавшимися скулами, маленькій, запавшій носъ, черные, длинные, жесткіе волосы,

замѣчательно небольшія руки и ноги, короткіе пальцы, красновато-бурый цвѣтъ кожи, вѣчно холодной и покрытой толстымъ слоемъ грязи и жиру, — вотъ отличительныя черты эскимоса.

У эскимосовъ нѣтъ ни полей, ни садовъ, и вообще они не занимаются разведеніемъ растений; да это и не возможно въ странѣ, гдѣ десять мѣсяцевъ въ году почва бываетъ скована морозомъ. Они по необходимости должны ограничиваться одною животною пищею.

Море, у береговъ котораго преимущественно живутъ эскимосы, изобилуетъ множествомъ различной рыбы, а также морскими звѣрями, а именно: тюленями, моржами и китами. Сѣверные олени, лисицы, волки и бѣлые медвѣди также бродятъ по снѣжнымъ пустынямъ. Охота за этими звѣрями даетъ эскимосу пищу, одежду и топливо. Но у эскимоскаго охотника нѣтъ ни ружья, ни пороху, ни лошади. Онъ самъ себѣ дѣлаетъ копье, лукъ, стрѣлы, багры и крючки, заостривая всѣ эти оружія костями, потому что употребленіе желѣза не было извѣстно эскимосамъ до ихъ знакомства съ европейцами, да и теперь еще желѣзо распространено между дикарями весьма мало. У эскимосовъ нѣтъ пеньки, а потому нѣтъ и нашихъ веревокъ; вмѣсто ихъ, они употребляютъ жилы и кожи звѣрей, разрѣзанныя длинными волосами. Изъ этихъ кожаныхъ веревокъ и изъ крючьевъ приготовляютъ они западни и, устроивъ ихъ, терпѣливо выжидаютъ добычу. Съ этими скудными средствами дикарь ловитъ однако быстроногаго оленя, кровожаднаго волка и сѣвернаго силача, медвѣдя; собравшись же значительною толпою, эскимосы одолеваятъ даже царя морей, кита.

Эскимосы ѣдятъ необыкновенно много, такъ что обжорство ихъ приводитъ въ ужасъ европейца; но за то они и голодаютъ иногда по цѣлымъ недѣлямъ, потому что рѣшительно не знаютъ предусмотрительности и не запасаютъ пищи на черный день. Они наслаждаются покоемъ, пока у нихъ есть что ѣсть, и только голодъ выгоняетъ ихъ изъ жилищъ. Непредусмотрительность и лѣнь, вообще отличающая дикаго человека отъ образованнаго, доходитъ у эскимосовъ до высшей степени. Все удовольствіе ихъ состоитъ въ томъ, чтобы набить себѣ животъ, какъ можно туже. Особенно

любить они жиръ, котораго очень много у всѣхъ животныхъ полярныхъ странъ, и который составляетъ для эскимоса пищу, топливо и освѣщеніе. Когда англійскій мореплаватель, капитанъ Парри, встрѣтился съ эскимосами на полуостровѣ Мельвилѣ и предложилъ имъ разныя европейскія сласти и сахаръ, то не произвелъ этимъ на дикарей никакого пріятнаго впечатлѣнія; но, получивъ салныя свѣчи, эскимосы начали пожирать ихъ съ такою быстротою, что матросы съ трудомъ могли вырвать изо-рта у нихъ свѣтильни, которыми они могли подавиться. Вкусъ дикарей такъ не развитъ и они такъ мало имѣютъ понятія о чистотѣ, что европейца тошнить, когда онъ смотритъ на ихъ обѣдъ. Пристрастіе эскимосовъ къ жиру объясняется впрочемъ тѣмъ, что это вещество всего способнѣе поддерживать въ тѣлѣ теплоту, которая такъ нужна бѣдному жителю отдаленнаго сѣвера: обжорство же зависитъ отъ недостатка предусмотрительности. Завидя пищу, эскимосъ старается съѣсть ея какъ можно болѣе, и дѣйствительно съѣдаетъ за одинъ присѣсть такое количество смердящаго жира, какаго, будь эта пища гораздо вкуснѣе, не съѣсть европейцу и въ десять дней.

Жилища эскимосовъ также очень оригинальны: не имѣя ни дерева, ни кирпичей, эскимосы строятъ свои дома изъ единственнаго матеріала, котораго у нихъ много — изъ снѣгу. Какъ только начинается зима, они сбиваютъ снѣгъ въ твердые и большіе куски и, складывая одинъ кусокъ на другой, выводятъ стѣны своего круглаго жилища, похожаго формою на копну сѣна, оставляя небольшое отверстіе вмѣсто двери и вставляя вмѣсто оконъ большія льдины. Ко входу они придѣлываютъ также изъ снѣгу нѣчто въ родѣ снѣней или, лучше сказать, длинной трубы, черезъ которую они на четверенькахъ влѣзаютъ въ свой снѣжный домъ. Теплота подъ снѣгомъ сохраняется довольно хорошо, потому, что снѣгъ *дурной проводникъ тепла*; но можно себя представить, какъ неудобно жить въ такомъ снѣговомъ домѣ. Впродолженіи зимы жилища эскимосовъ совершенно заносятся снѣгомъ, и тогда можно сказать, что эскимосы живутъ какъ звѣри — въ норахъ. При наступленіи недолгаго, но жаркаго лѣта, когда солнце, невидимое нѣсколько мѣсяцевъ, почти не сходитъ съ неба, эскимоскія

деревни таютъ быстро и жители ихъ на все лѣто остаются подъ открытымъ небомъ.

Одежда эскимосовъ приспособлена къ холодному климату ихъ страны. У нихъ, конечно, нѣтъ ни сукна, ни полотна, а потому, они дѣлаютъ себѣ платье изъ оленьихъ шкуръ, шивая ихъ звѣриными жилами и притомъ по двѣ кожи вмѣстѣ: одну — вмѣсто подкладки, внутрь шерстью, другую наружу. Одежда эта состоитъ изъ оленьей рубашки съ капишономъ, надѣваемымъ на голову, оленьихъ же широкихъ панталонъ и такихъ же сапоговъ. Платье женщинъ почти ничѣмъ не отличается отъ платья мужчинъ; только голенища ихъ сапоговъ необыкновенно широки, потому что за голенищами лежатъ у нихъ дѣти.

Благоустроеннаго государства и правительства эскимосы не знаютъ: они живутъ *семьями* и *родами*, уважаютъ только мужество и физическую силу. Понятія о Богѣ у нихъ самыя скудныя.

Сравнивъ жизнь эскимоса съ жизнью жителей Петербурга, Лондона или Парижа, трудно повѣрить, что было время, когда на мѣстѣ этихъ великолѣпныхъ городовъ жили дикари, подобные самодѣдамъ. Однакоже это *фактъ*, подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію. Въ старыхъ могилахъ, которыхъ много уже разрыто и на британскихъ островахъ, и по берегамъ Балтійскаго моря, находятъ оружія, сдѣланныя изъ заостренныхъ камней; а это показываетъ ясно, что было время, когда жители этихъ мѣстностей не знали употребленія ни желѣза, ни мѣди, и слѣдовательно, вели тяжелую жизнь дикарей.

Любопытно бы знать, какимъ образомъ многіе народы вышли изъ дикаго состоянія и достигли высокой степени образованности; какъ люди сдѣлали множество открытій, о которыхъ и не мечталъ дикарь; какъ бросили они дикій бытъ и установили благоустроенныя государства; какъ изъ язычниковъ сдѣлались христіанами, а изъ грубыхъ дикарей, которые видомъ и жизнью своею напоминаютъ животныхъ, образованными людьми. Все это современемъ расскажетъ намъ *исторія*, когда мы будемъ изучать ее.

САМОѢДЫ.

При этомъ имени, какъ живая, возстаетъ теперь въ моемъ воображеніи жалкая фигура приземистаго, низенькаго самоѣдина, съ лицомъ обезображеннымъ оспою и украшеннымъ снизу рѣденькой бородежкой, плохо выросшей, а сверху — черными, жесткими волосами, торчащими копной. При входѣ въ дверь моей комнаты, онъ обѣими руками быстро схватилъ съ головы своей шапку — пыжицу съ длинными ушами, разукрашенными по мѣстамъ разноцвѣтными сукнами, и повалился въ ноги. Тяжело приподнявшись, онъ промычалъ, искоса взглядывая на меня:

— Чумъ, ѣхать, ну!...

И онъ махнулъ при этомъ правой рукой съ шапкой въ сторону окна, уставившись потомъ глазами въ землю.

Это былъ мой проводникъ, присланный самоѣдскимъ старшиной — истинный типъ, годный для фотографіи, какъ лучший образецъ самоѣдскаго облика.

Мы отправились. Опять снѣжныя поля раскинулись со всѣхъ сторонъ; опять скакали впереди саночекъ наши олешки, понуривъ головки; опять приходилось мнѣ прятать свое лицо, поворачиваясь спиной къ сѣверу, откуда тянуло невыносимымъ морозомъ, хотя при полномъ безвѣтріи. Наконецъ, мы выѣхали изъ кустарника на поляну. Вся она уже была подернута густыми сумерками; въ трехъ разныхъ мѣстахъ ея мелькали огоньки: одинъ словно теплина, которую раскладываютъ волжскіе пастухи на *починицъ*; два другихъ пускали пламя и дымъ, густой, стоявшій неподвижнымъ столбомъ. Кругомъ — олени; по всей полянѣ разбрелись они, и бѣлая поляна превратилась почти въ сплошную, черную; одинъ постукиваетъ то правой, то лѣвой передними ногами въ снѣгъ, перестаетъ на время, наклоняется, какъ будто обнюхиваетъ то мѣсто и опять начинаетъ стучать копытами, смѣняя одно другимъ, и стучить долго, настойчиво. Другой олень стоитъ неподвижно на одномъ мѣстѣ, какъ будто вросъ въ него, уткнувшись мордой въ черную тундру; нѣсколько другихъ оленей бѣгаютъ въ круги, двое дерутся рогами. И надъ всѣмъ этимъ глубокое, невозмутимое ни-

чѣмъ, молчаніе. Какъ копны, какъ стоги сѣна, уединенно стоятъ поодаль конусообразные чумы — цѣль нашей повздки. Войдемъ въ ближайшій, или лучше, пролѣземъ въ него черезъ узенькое отверстіе и дальше лѣзть уже не можемъ: прямо передъ нами, посрединѣ чума, разложены горящіе дрова, надъ ними кипитъ котелокъ и клокочетъ вода; дымъ свободно лѣзетъ въ отверстіе наверху и все-таки много этого дыма остается въ чумѣ; дымъ ѣстъ глаза, не позволяя и подняться на ноги. Сядишь на корточки и, при свѣтѣ довольно-сильно разгорѣвшихся дровъ, видишь изумленные, недоумѣвающія лица: одно, сколько можно судить по ребенку на груди, принадлежит *инькѣ*, можетъ быть, женѣ хозяина чумы, другое — ему самому, потому что всѣ остальные моложавы, хотя уже съ поразительными задатками на то, чтобы черезъ пять, шесть лѣтъ рѣшительно, капля въ каплю, походить на отца или, все равно и на мать. Въ чумѣ тепло, сколько можно судить объ этомъ потому, что у мальчишекъ на рубашкахъ растегнуты ворота и видны голыя смуглыя груди. Самоѣдъ-хозяинъ стружетъ ножомъ мерзлую рыбу и, видимо, съ наслажденіемъ ѣстъ эти стружки; инька, покормивши ребенка, садится съ иглой и шиваетъ оленьими жилами одну оленью постель съ другою; ребятинки, тоже какъ-будто освоившись съ новымъ лицомъ, продолжаютъ дѣлать свое; одинъ скоблитъ оленью постель, другой мастеритъ какую-то игрушку. И все это творится въ глубокомъ сосредоточенномъ молчаніи. Осмотришься кругомъ: закоптѣлыя и значительно подержанныя олени постели лежатъ на шесткахъ, сближающихся къ верхнему отверстию. Оттуда, по временамъ, какъ-будто дунетъ кто-то и чумъ вслѣдъ за тѣмъ вплотную наполнится дымомъ, который слѣпнѣтъ глаза и мѣшаетъ производить дальнѣйшій обзоръ чума. Вырвется этотъ дымъ на волю, и опять все старые виды: инька шьетъ, мужъ ея стружетъ рыбу, надъ котломъ въ дыму и на деревянной решеткѣ коптится или вялится мясо, можетъ быть, *песцевина* (мясо песца), можетъ быть *лисицевина*, или, наконецъ, даже оленина. По временамъ мясо это пускаетъ отъ себя непріятный, одуряющій запахъ, и, того гляди, не усидишь дольше въ чумѣ на этомъ коврѣ, плетеномъ изъ тростника ерки, подлѣ этихъ *латъ* — деревянныхъ досокъ, которыми огороженъ со всѣхъ сторонъ огонь.

— Давно ли вы стоите здѣсь? спросилъ я самоѣда, чтобы чѣмъ о nibудь заговорить съ нимъ.

— Вчера, отвѣчалъ онъ урывисто, по обыкновенію, и по обыкновенію потупилъ глаза.

— А когда снимаетесь!

— А вонъ!

Самоѣдъ тряхнулъ головой и, не отвѣтивъ ничего больше, медленно приподнялся съ мѣста, отбросилъ рыбу въ сторону и, нагнувшись на себя малицу, вышелъ вонъ. Я сталъ прислушиваться: глухо раздавался вдали лай собаченокъ по разнымъ мѣстамъ на полянѣ, мать-самоѣдка и ребятѣнки стали снѣшно подбирать подручное, укладывая все это въ коробки, плетушки, мѣшки. Я поспѣшилъ вылѣзть на воздухъ. На встрѣчу попадаетъ самоѣдъ, останавливается и всматривается въ меня, тоже какъ-будто недоумѣвая и удивляясь.

— Что такъ рано снимаетесь? спрашиваю я его, желая хоть этимъ вопросомъ вывести его изъ недоумѣнія. Самоѣдъ улыбается, однако находится на отвѣтъ.

— Олешка мохъ съѣлъ.... велить дальше!....

И, съ этими словами, ловко бросаетъ онъ петлю на рога набѣжавшаго на насъ оленя; тотъ останавливается, испуганный, дрожа всѣмъ тѣломъ. Самоѣдъ привязываетъ его къ чуму; ловитъ другаго, третьяго... и съ ними дѣлаетъ то же. Между тѣмъ три холматыхъ собаченки продолжаютъ обѣгать съ удушливимъ лаемъ, вокругъ стада, останавливаясь передъ тѣми оленями, которые, не слушаясь лая, еще шиплютъ мохъ; собаки лаютъ на нихъ долго и много; наконецъ, и этихъ спугиваютъ съ мѣста и ихъ обращаютъ въ бѣгство на настороженный арканъ хозяевъ. Вскорѣ уже много оленей стояли привязанными къ чумамъ; остальные сбиты собаченками въ неподвижную, послушную кучу. Откинутые отъ чумовъ, санки стоятъ уже на готовѣ, нагруженные кое-какимъ мелкимъ скарбомъ, снесеннымъ иньками; на остальные изъ нихъ складываются затѣмъ нюки, поднучья (тѣ же олени шкуры, которыя въ чумѣ замѣняютъ нижнюю настилку); на третьи санки кладутъ шесты, на четвертыя садятся ребятѣнки, по одному и по два, на шестыя мать съ груднымъ ребенкомъ, на седьмыя бросаютъ хо-

хлатыхъ собаченокъ, сдѣлавшихъ свое дѣло и прикурнувшихъ, на осьмыя, переднія, взлѣзаетъ самъ хозяинъ чума и—*аришиз* готовъ. И ѣдетъ онъ на другое мѣсто, гдѣ больше моху, еще невытравленного, и гдѣ также оставитъ онъ послѣ себя тундру взбитою и такою же почернѣлою, такъ и эту, которая лежитъ теперь передъ глазами моими во всемъ пустынномъ однообразіи. На новомъ мѣстѣ, верстъ за 50 отсюда, разобьютъ въ полчаса эти же чумы самоѣды и опять постоятъ на немъ два, много три дня, какъ бы исключительно для того, чтобы перебраться на иныя мѣста. Самоѣды всегда зависятъ отъ прихоти своихъ оленей, которымъ нужна свѣжая пища, новыя мѣста, и *становятся чумами* тамъ, гдѣ указываетъ инстинктъ этихъ животныхъ. И вотъ почему и самая жизнь самоѣда тѣсно сливается съ проявленіемъ животнаго существованія тѣхъ же самыхъ оленей, которые поставлены въ необходимость отыскивать себѣ пищу тамъ, гдѣ она есть—и самоѣды плетутся за ними туда же, какъ вѣрные слуги. Этимъ оправдывается и кочевая жизнь этого инородческаго племени сѣверной Россіи.

(Изъ соч. Максимова).

Киргизскія степи.

Купеческій караванъ уже собрался и черезъ нѣсколько дней уже готовъ былъ выступить изъ Семипалатинска по направленію къ Чугучаку и Кульжѣ. Мы отправились впередъ, въ степь къ султану Кошъ-Магоммету, чтобы потомъ присоединиться къ каравану.

15-го ноября мы оставили Семипалатинскъ. Два слова о Семипалатинскѣ: это маленькій пограничный городокъ въ Западной Сибири, на Иртышѣ. Лѣтомъ въ Семипалатинскѣ чрезвычайно жарко и весь онъ занесенъ сугробами песка. Зимой въ Семипалатинскѣ очень холодно и весь онъ занесенъ сугробами снѣга. Одно въ немъ постоянно,—вѣтеръ, который лѣтомъ дуетъ съ раскаленныхъ, отовсюду обнаженныхъ степей, а зимою со снѣжныхъ горъ.

Дня через два мы уже приближались къ зимовью султана. Десятки юртъ, бѣдныхъ и побогаче, смотря потому, принадлежатъ ли онѣ слугамъ или женамъ султана, и посрединѣ маленькой, кое-какъ сложенный, деревянный домикъ, подъ затишьемъ пригорковъ, окружающихъ озеро Сарыбулакъ, подъ защитою сотни казаковъ, составляли зимнее жилище султана, въ которое онъ не задолго до нашего прибытія перекочевалъ. Все было пестро и въ разладѣ одно съ другимъ.

Послѣ радушнаго приема, султанъ, желая выказать въ высшей степени свое къ намъ расположеніе и довѣренность, пригласилъ насъ посѣтить кибитку своей жены. Но пояснимъ, хотя нѣсколько, слово кибитка:—это куполообразный, войлочной шатерь, съ войлочнымъ запоромъ вмѣсто двери, съ отверстіемъ вверху, замѣняющимъ окно и трубу. Основаніемъ кибитки служитъ круглая, деревянная рѣшетка, а куполь поддерживаетъ жерди, прикрѣпленные петлями снизу къ рѣшеткѣ, сверху къ правильному кругу. Избавляемъ читателей отъ киргизскихъ названій всѣхъ принадлежностей кибитки. Снаружи кошмы или войлоки обтягиваются веревками и тесьмами, которыя проходятъ внутрь и закрѣпляются близъ дверей. Все это на случай похода снимается въ пять минутъ; рѣшетка плотно сжимается, жерди собираются въ пучокъ, то и другое обвивается кошмами, и въ двѣ минуты кибитка уложена, навьючена на верблюда и отправлена; еще пять минутъ—и она вновь разставлена.

Кибитка старшей султанши, въ которую насъ вводили, была убрана богато. Рѣшетка внутри застилалась тонкимъ войлокомъ, испещреннымъ тесьмами, а полъ коврами; съ правой стороны стоялъ рядъ раскрашенныхъ казанскихъ сундуковъ, надъ которыми возвышался другой; турсукъ, или большой кожаный мѣшокъ съ кумысомъ, занималъ почетное мѣсто и отличался роскошью отдѣлки; далѣе, нѣсколько тюяковъ и другихъ постелей и сѣдалищъ были расположены вдоль рѣшетки и покрыты богатыми одѣлами и коврами; одна постель была застлана краснымъ сукномъ, окаймленнымъ мишурной бахромой. На этотъ разъ кибитка была очищена отъ всѣхъ душистыхъ предметовъ киргиз-

ской гастрономіи, и все показывало нѣкоторый порядокъ и приготовленіе къ принятію русскихъ.....

Мало по малу собирались къ намъ отдѣльныя толпы киргизовъ, караванныхъ возчиковъ, съ навьюченными верблюдами; наконецъ, оставивъ гостепріимный кровъ султана, мы вскорѣ увидѣли въ дали обширный таборъ: это была часть каравана, вышедшая изъ Семипалатинска черезъ нѣсколько дней послѣ насъ, съ караванъ-башемъ Мирза-Баемъ, и уже поджидавшая нашего прихода: тутъ же были базарчи—киргизы, ходившіе въ Семипалатинскъ для мѣны и возвращавшіеся съ хлѣбомъ въ свои аулы; все смѣшалось въ одну общую, нестройную массу; начались споры и совѣщанія относительно направленія пути; наконецъ, условились, какъ хотѣлось караванъ-башу: соединились въ одинъ огромный караванъ и двинулись впередъ, придерживаясь китайской пограничной линіи. По соединеніи своемъ въ одно, весь караванъ состоялъ изъ 1500 купеческихъ верблюдовъ и 1000 принадлежавшихъ базарчіймъ, изъ которыхъ большая часть должна была впоследствии отдѣлиться отъ насъ.

Какая безконечная пустыня! Горе страннику безъ путевода-теля: ни холма, по которому бы онъ замѣтилъ направленіе пути, ни ручья, гдѣ бы могъ утолить жажду, ни пріюта отъ бури, ни защиты отъ звѣря. Одинъ киргизъ усвоилъ себѣ это безбрежное пространство степи; здѣсь онъ дома, хоть бы переходилъ отъ устья Эмбы до вершины Аяузы, отъ береговъ Каспійскихъ—на Иртышъ; все служить ему указателемъ пути: звѣзда, направленіе вѣтра, наклоненіе травы; каждая мулла (мазарка, киргизская могила) ему знакома. Пищей для него служатъ, въ случаѣ нужды, коренья, кусокъ кожи, доскутъ его сальной одежды; воду киргизъ находитъ въ извѣстныхъ ему мѣстахъ, углубившись не болѣе какъ на поларшина отъ поверхности, а нѣтъ—онъ обойдется и безъ нея; ни одно животное не въ состояніи перенести того, что можетъ перенести киргизъ; окрѣпшіи привычкою безпрерывной нужды, онъ подавилъ въ себѣ всѣ страсти, онъ довелъ свои чувства до того огрубѣлаго состоянія, которое равняетъ его съ животнымъ въ нравственномъ отношеніи, между тѣмъ какъ въ отношеніи физическомъ и по дару инстинкта, онъ превосходитъ большую часть

животныхъ, съ которыми ему приходится имѣть дѣло чаще, чѣмъ съ людьми.

Какое грустное однообразіе: сегодня какъ завтра, завтра какъ вчера. Далеко до разсвѣта пробуждаетъ васъ ревъ верблюдовъ, изрѣдка прерываемый словами «чокъ, чокъ» или дребезжащимъ голосомъ караванъ-баши. Скорость выюченья верблюдовъ, разставленія джулумы, да еще кипяченіе чайника составляетъ славу и гордость караванныхъ людей; въ часъ все готово: джулумы сняты и навьюченные верблюды отправлены; огоньки, дотолѣ прикрытые джулумами, вырвавшись на свободу, вспыхиваютъ ярко и переигрываютъ со звѣздами своимъ блескомъ; темнота ночи дѣлается еще чернѣе. Наконецъ, пускаются и вершники въ догонку за своими верблюдами; оглянитесь назадъ: еще мерцаютъ огоньки; но какъ все глухо и пусто тамъ, гдѣ нѣсколько минутъ до того кипѣла дѣлая движущаяся община, съ ея желаніями, страстями и пороками.

(Изъ пут. Ковалевскаго).

Голландцы.

Кто пріѣдетъ въ Голландію и взглянетъ на жизнь голландцевъ, на ихъ набережныя, каналы, рвы, шлюзы, плотины, на ихъ прекрасныя гавани, верфи, шоссе, желѣзныя дороги, чистенькіе города, крѣпости, башни:—кто присмотрится къ голландской смѣлости, предусмотрительности, чистотѣ, умѣренности, ясности въ словахъ и отчетливости въ поступкахъ:—тотъ будетъ пораженъ изумленіемъ. Но кто узнаетъ голландцевъ поближе и познакомится съ ихъ исторіей, тотъ съ почтеніемъ будетъ смотрѣть на этотъ народъ. Вся эта богатая страна, эти прекрасныя города, эти миленькія, блестящія чистотою деревни созданы рукою человѣка,—созданы на землѣ, отняты большою частью у морскихъ волнъ. Войдя въ городъ или деревню и взглянувъ на этихъ спокойныхъ, важно двигающихся людей, которые встрѣчаютъ васъ всегда кроткой улыбкой и медленной рѣчью, трудно подуматъ, чтобы всѣ эти гигантскія постройки были сдѣланы ими. Взглянувъ на

голландца, на его чистое платье, на его причесанный парикъ, на цвѣты и травы, которые въ самомъ строгомъ порядкѣ украшаютъ его сады и палисадники; заглянувъ на голландское гумно и въ голландскій хлѣвъ, въ которомъ такъ чисто, разодѣтая барыня не запачкаетъ краевъ своего платья—не вѣрится, чтобы эти спокойные, чопорные люди создали такую чудную землю изъ болота, въ которомъ плодились только жабы, да лягушки; не вѣрится, чтобы эти медленные, спокойные, осторожные люди могли бороться съ моремъ и побѣдить его. Все, что вы видите въ Голландіи, дѣло могучихъ рукъ голладца, рукъ вооруженныхъ заступомъ, лопатою и весломъ.

На морѣ тяжеловѣсный, спокойный голландецъ перерождается: взоръ его сверкаетъ, въ сильныхъ рукахъ кипитъ работа, и виднѣ въ немъ человѣкъ, привыкшій заставлять повиноваться себѣ морскія волны. Голландецъ тихъ, хладнокровенъ, спокоенъ; но въ душѣ его желѣзная воля, отвага и рѣшимость. Разъ выбравши цѣль, онъ идетъ къ ней твердо, рассчитанно и вѣрно, и никакое препятствіе не заставитъ его своротить съ дороги.

Голландецъ любитъ строжайшій порядокъ и безукоризненную чистоту, и соблюдаетъ ихъ вездѣ и во всемъ, не только въ домѣ, въ платьѣ, но въ словахъ и поступкахъ. Цвѣты и домашнее хозяйство составляютъ страсть голландца. Онъ любитъ комфортъ; но когда дѣло дойдетъ до труда, никакая работа не кажется ему ни слишкомъ грязною, ни слишкомъ тяжелою; онъ знаетъ, что нѣтъ такой работы, которая не облагороживала бы человѣка; онъ убѣжденъ, что нѣтъ такого тяжелого труда, котораго не могъ бы побѣдить человѣкъ своимъ постоянствомъ. Болѣе всего на свѣтѣ боится голландецъ нечистоты, беспорядка и лѣни, и видитъ въ нихъ или причину, или слѣдствіе всѣхъ возможныхъ пороковъ, нищеты и невѣжества.

Въездъ въ Лондонъ съ моря.

Пароходъ, на которомъ мы ѣхали, шелъ себѣ да шелъ впередъ, и когда завтракъ въ каютѣ кончился, мы были уже въ Темзѣ. Но гдѣ кончилось море, гдѣ началась рѣка, вѣрно никто изъ насъ не

могъ бы сказать. Очертанія береговъ справа и слѣва были еще неясны. Казалось, пароходъ вступилъ въ широкую морскую бухту, и только отъ того не шелохнется.

Нѣтъ другой рѣки въ мѣрѣ, которая была бы такъ, какъ Темза, способна къ громаднѣйшему развитію торговой дѣятельности. За то неугомонно-випучая жизнь, которая завладѣла ея берегами и взмутила ея воды, поражаетъ и подавляетъ своимъ грознымъ движеніемъ каждаго чужестранца. Темза судоходна на протяженіи ста восьмидесяти восьми англійскихъ миль *) и на семьдесятъ миль подвержена вліянію морскаго прилива и отлива. До Лондонскаго моста, не нужно во время отлива ни парусовъ, ни пара, чтобы пуститься въ путь: отливъ выноситъ ихъ безъ хлопотъ въ открытое море.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались впередъ, все чаще и чаще попадались намъ на встрѣчу большіе суда и пароходы, отправлявшіеся, можетъ быть, въ очень далекія странствованія, и все ближе сдвигались берега, пока еще не загороженные лѣсами и черными зданіями верфей.

Скоро показался справа и первый англійскій городъ, Гревзендъ, расположенный на пологомъ скатѣ берега. Контуры его зданій виднѣлись, какъ сквозь легкую прозрачную дымку. Туманъ начиналъ уже тихо подниматься съ рѣки и власть на все свою сѣрую тушеву.

До пристани оставалось намъ еще двадцать двѣ мили: но тутъ и берега и рѣка начпали уже кипѣть жизнью, и путь не могъ казаться скучнымъ. Кромѣ большихъ и малыхъ пароходовъ, кромѣ парусныхъ судовъ, качавшихся на всѣхъ моряхъ и новыхъ кораблей, только что спустившихся съ подмостковъ мастерской, намъ безпрестанно попадались большія барки и маленькія лодки съ грудями каменнаго угля и рыбацкія челноки съ крашенными, коричневыми парусами. Запахъ угля становился все сильнѣе, даль все куталась въ туманъ. Солнца, которое свѣтило очень ярко, когда мы вступали въ устье Темзы, нельзя было

*) Англійская миля—верста и три четверти.

узнать. Оно то сквозилось краснымъ раскаленнымъ ядромъ изъ-за густыхъ, черныхъ клубовъ дыма, подымавшагося надъ пароходами, то прорѣзывалось тонкимъ золотымъ кольцомъ, когда дымъ на минуту рѣдѣлъ, и растирался по небу мутнымъ пологомъ. У береговъ сѣрый туманъ начиналъ превращаться въ черный, и изъ этого унылаго мрака слышался непрерывный стукъ тысячи молотовъ. Рѣзко и грозно разносились вдоль по рѣкѣ ихъ тяжелые и частые удары по наковальнямъ; къ нимъ примѣшивался по временамъ гулъ машинныхъ колесъ и свистъ плъ.

Почти на протяженіи цѣлой мили, тянутся у праваго берега, на которомъ стоитъ Вульвичъ, мрачные навѣсы военной верфи. Подъ ними мы различали порой огромные остовы и рсбра кораблей: но не людей, кующихъ тутъ въ чадной угольной тьмѣ морское величіе Британіи, ни ихъ тяжелой работы нельзя было разглядѣть, и тьмѣ грознѣ казался безустанный и не умолчный грохотъ этого невидимаго движенія. За высовой стѣной, ограждающей полосу берега, на которой построена вульвичская верфь, изъ-за ея высокихъ навѣсовъ, изъ-подъ глухихъ кровель ея мастерскихъ—солнца не увидишь иначе, какъ въ вѣчномъ затменіи.

Едва началъ становиться за нами глуше и смутнѣе стукъ молотковъ и машинъ, до насъ сталъ доноситься такой же гулъ и грохотъ спереди. Мы миновали мѣстечко Блэкволъ, гдѣ у пристани тѣснились пароходы, и пассажиры ихъ спѣшили на желѣзную дорогу, которая идетъ отсюда по улицамъ Лондона и надъ его домами, въ самую средину Сити. Пароходъ нашъ приближался къ громаднѣйшей вестъ индскимъ докамъ. Рѣка дѣлаетъ тутъ поворотъ влѣво и, поворачивая дальше вправо на линію своего прежняго теченія, образуетъ большой мысъ, который прорѣзанъ насквозь каналами и бассейнами доковъ.

Пароходъ нашъ пошелъ тише. Темза становилась своей суетой похожа на нашу Садовую въ Вербную субботу; вся разница была въ томъ, что вмѣсто омнибусовъ, каретъ и саней, тутъ сновали корабли, пароходы, барки и лодки. Провъзжая дорога сѣззилась. Къ берегамъ тѣсно жались въ нѣсколько рядовъ суда всевозможныхъ размѣровъ и формъ. Число имъ легионъ, хотя, можетъ быть, только десятая доля судовъ, стоящихъ у Лондона, стоитъ въ рѣкѣ.

Остальные пристають къ докамъ, и безчисленные иглы ихъ мачтъ видны изъ-за прибрежныхъ домовъ. Глазу безпрестанно кажется, что эти дома выстроились на узкой полоскѣ земли, за которою лежитъ если не море, то такая же широкая рѣка, какъ Темза.

Дома, или лучше сказать, черныя кирпичныя стѣны на обѣихъ сторонахъ рѣки жались другъ къ другу все плотнѣе и плотнѣе. На каждой стѣнѣ бѣлѣли большія прописныя буквы надписей, объяснявшихъ, что за стѣной помѣщается или верфь, или мастерская, или складочное мѣсто. За первымъ рядомъ стѣнъ виднѣлся другой рядъ, выше, съ такими же надписями, а черезъ него глядѣли опять стѣны и опять выѣски. Порой, вмѣсто втораго и третьаго ряда стѣнъ, снова подымались сотни мачтъ. Мы были около лондонскихъ доковъ св. Екатерины. Въ тѣсныя ущелья между двухъ домовъ, то и дѣло осторожно входили или пароходъ, или парусное судно. Оставайся всѣ они на рѣкѣ, по ихъ палубамъ можно было бы пройти, не замочивъ подошвы, отъ Лондонскаго моста до Гревзэнда.

Мы уже почти у пристани. Вотъ и Лондонскій мостъ съ его тяжелыми сѣрыми арками, предѣлъ собственно-морской жизни. За его сводами видны вдаль своды другаго моста; если бы не туманъ, который здѣсь особенно густъ, мы увидали бы и еще мостъ третій. Всѣхъ ихъ въ Лондонѣ семь, и всѣ кипятъ жизнью; но первенство въ этомъ отношеніи принадлежитъ Лондонскому мосту. Глядя съ парохода, можно подумать, что въ этой давкѣ не пройдеши. Тихо движутся по срединѣ громадныя возы, чудовищныя омнибусы, кареты и кэбы; тысячи круглыхъ мужскихъ шляпъ на тротуарѣ кажутся изъ-за стѣнъ моста какимъ-то чернымъ потокомъ.

Почти такая же толкотня, какъ на мосту, и у пристаней, по сю и по ту сторону. Однѣ толпы тѣнятся къ пароходамъ, другія бѣгутъ плотною массою съ пароходовъ имъ на встрѣчу, еще толпы пробираются по живому мосту сдвинувшихся судовъ. Всѣ голоса и звуки мѣшаются въ одинъ смутный гулъ: и крики матросовъ, и шипѣніе выпускаемаго пара, и шумъ водяныхъ колесъ. Надо родиться на этихъ туманныхъ берегахъ и съ дѣтскихъ лѣтъ привыкнуть къ этому страшному движенію, чтобы не почувство-

вать какой-то невольной робости, какого-то испуганнаго одиночества.

(Изъ ст. Михайлова).

Иерусалимъ.

Мнѣ казалось, что я сталъ дышать свободнѣе, когда мы начали подниматься на торжественныя крутизны Иудей. Взвѣхавъ на горы, мы скоро поровнялись съ древними развалинами мѣстечка *Латрунг*, гдѣ, по преданію, родился распятый одесную Спасителя преступникъ, которому одинъ вздохъ отверзъ двери рая. Съ крестнымъ знаменіемъ мы промчались мимо, и конечно не одинъ изъ насъ воскликнулъ мысленно: «Помяни мя, Господи, во царствіи Твоемъ!»

Ущелья горъ дѣлались ежеминутно тѣснѣе и живописнѣе; благовоіе розъ и незнакомыхъ мнѣ бѣлыхъ цвѣтовъ разнослись по воздуху; стада паслись по обрывистымъ скатамъ. Часа черезъ три пути мы выѣхали въ узкій дефилей, самой дикой наружности; онъ задержалъ наше стремленіе. Горы Иудейскія носятъ на себѣ отпечатокъ чего-то необыкновенно-вдохновительнаго. Вскорѣ нѣсколько ветхихъ маслинъ и фиговыхъ деревьевъ обозначаютъ границу земель Рамлы и Иерусалима. Раза два мы утолили жажду сыю и усталыхъ лошадей нашихъ у колодезей. Часы быстро летѣли и я сгоралъ нетерпѣніемъ увидѣть святой городъ. Горы начали становиться диче и обнаженнѣе, но лиловый отливъ скалъ, смѣшанный съ зелеными полосами мховъ, пріятно отбѣялъ ихъ. Путь въ иныхъ мѣстахъ едва былъ проходимъ для лошадей. Поднимаясь съ горы на гору, я былъ въ безпрестанномъ ожиданіи открыть Иерусалимъ; но горы продолжали вставать передо мною, перемѣнивъ прежній оттѣнокъ свой на красноватый. Я началъ приходить въ уныніе, что не увижу святаго города при свѣтѣ дня;— я далеко опередилъ своихъ спутниковъ; въ самое это время встрѣтился мнѣ прохожій арабъ,—и конечно, пораженный написаннымъ на лицѣ моемъ грустнымъ нетерпѣніемъ, поровнявшись со мною, закричалъ мнѣ: *скоро! скоро!*—Такое предвѣдѣніе поразило меня

удивленіемъ; я ему сказалъ все, что зналъ по-арабски нѣжнаго за радостное извѣстіе. Я поднялся на высоту, — вдругъ предсталъ Іерусалимъ! Кинувъ поводъ лошади, я бросился на землю съ сладкими слезами. Я узналъ гору Элеонскую по ея священнымъ маслинамъ; вздохи стѣснили грудь мою. Спутники мои нагнали меня и также поверглись на землю. Въ нѣмомъ восторгѣ и не сводя глазъ съ этого священнѣйшаго мѣста земнаго шара, мы спускались уже пѣшіе по разметаннымъ камнямъ. Небо было облачно, — покровъ печали облегалъ Іерусалимъ.... Вожатый сказалъ мнѣ, что если не сядемъ на лошадей, то съ захоженіемъ солнца, близкаго уже къ горизонту, ворота Іерусалима затворятся; — это меня испугало; — я убоился, чтобы святыня не скрылась отъ меня по грѣхамъ моимъ — и поспѣшилъ въ лоно святаго города вкусить полную чашу блаженства, совершивъ свой обѣтъ.

Мы въѣхали въ укрѣпленные Виелеемскія или Ясскія ворота, и очей скоро сошли у дверей патриаршей обители. Это было марта 31 числа. Сынъ далекаго сѣвера, и не менѣе того вступилъ въ Іерусалимъ, какъ въ свою родину, близкую сердцу моему. Послѣ долгаго пребыванія съ невѣрными, радостно было мнѣ посреди братій, подъ кровомъ иконъ нашей церкви. Я едва вѣрилъ, что нахожусь близъ Гроба Христова, и поспѣшилъ въ храмъ; но двери его, стрегомыя мусульманами, были еще закрыты. Митрополитъ пригласилъ меня идти вмѣстѣ съ нимъ къ заутрени.

Среди тишины темной ночи, я приступилъ въ первый разъ къ величественному преддверію храма Гроба Господня. Обѣ половны огромныхъ воротъ были открыты настежь. Безчисленные огни свѣчей блистали передъ большими стѣнными иконами, изображающими снятіе со креста и погребеніе Спасителя. Тотчасъ при входѣ, въ ложъ привратника, увидѣлъ сидящихъ, поджавшихъ ноги, турокъ, съ трубками во рту и играющихъ въ шахматы; — мое сердце сжалось грустію. Толпа разступилась передъ нашимъ янычаромъ; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ лежалъ на помостѣ камень, одѣтый желтымъ мраморомъ и окруженный большими свѣчами, — это тотъ самый, на которомъ благообразный Іосифъ облекалъ въ плащаницу снятое со креста тѣло Іисусово. «Господи!» сказалъ я невольно, павъ ницъ со слезами: «страданія Твои

еще не прекратились! Крещенные во святое Имя Твое и искупленные Тобою владычествуютъ этимъ міромъ, а нечестивые стерегутъ святилища твои!» Но христіане не должны смущаться, что такіе великіе святыни находятся въ униженіи языческомъ: Спаситель міра и себя подвергнулъ на землѣ тяжкимъ страданіямъ. Въ смятеніи чувствъ, я не помню, какъ я дошелъ до гроба Спасителя. Тутъ я дышалъ свободнѣе; отдѣльный придѣлъ скрываетъ погребальный вертепъ Господа. Тамъ я пролилъ слезы покаянія, и первая молитва моя была за давшихъ мнѣ жизнь и за близкихъ сердцу моему. Не могу описывать, — и какъ выразить восторгъ, умиленіе, горестъ христіанина-грѣшника у Гроба Спасителя, и наконецъ на Голгоѣ, у отверстія, гдѣ стоялъ крестъ, у разсѣдны распавшейся скалы!

Началась заутрени. Не только что помостъ храма былъ весь закрытъ народомъ, но всѣ придѣлы, всѣ хоры, всѣ галереи и даже нѣкоторые карнизы имѣли своихъ богомольцевъ или зрителей. Нынѣшній годъ для всѣхъ христіанъ Пасха приходилась въ одинъ и тотъ же день. Зрѣлище этой необъятной толпы, чьи лица рѣзко изображали представителей всѣхъ частей свѣта, — поразительно! Глухой шумъ слитыхъ голосовъ сначала удивляетъ и беспокоитъ европейскаго христіанина, привыкшаго къ благочестію храмовъ Божіихъ; но при видѣ непоколебимаго и ни чѣмъ неразвлекаемаго благочестія многихъ истинно молящихся людей — этотъ шумъ кажется шумомъ бурной стихіи. Возженіе свѣчей съ принятіемъ ваи вдругъ обнаружило несмѣтное число нашихъ единовѣрцевъ. Весь ходъ направился съ хоругвями и съ пальмовыми ваиями въ рукахъ, отъ греческаго алтаря, сквозь царскія двери, прямо ко гробу Христову, который находится на противной сторонѣ оконечности храма. Съ разрѣшенія митрополита, тѣ свѣтскія лица, которыя находятся въ алтарѣ, должны слѣдовать за духовенствомъ черезъ царскія двери, чтобы охраниться отъ толпы; съ трудомъ покорился я этой необходимости. Впереди священнаго хода шелъ мусульманскій привратникъ храма, и съ крикомъ разгонялъ бичомъ напирющую толпу. Вотъ какъ изображено смиренное шествіе Искупителя въ Іерусалимѣ.

Кіевъ.

Высоко передо мною
Старый Кіевъ надъ Днѣпромъ;
Днѣпръ сверкаетъ подъ горою
Переливнымъ серебромъ.
Слава, Кіевъ многовѣчный,
Руской славы колыбель!
Слава, Днѣпръ нашъ быстротечный,
Руси чистая купель!
Громко пѣсни раздался,
Въ небѣ тихъ вечерній звонъ:
«Вы откуда собралися,
Богомольцы на поклонъ?»
— «Я оттуда, гдѣ струится
Тихій Донъ, краса полей».
— «Я оттуда, гдѣ клубится
Безпредѣльный Енисей!»
— «Край мой — теплый берегъ Ев-
кейна!»
— Край мой — брегъ тѣхъ дальнихъ
странъ,

Гдѣ одна сплошная лѣдина
Оковала океанъ».
— «Дикъ и страшень верхъ Алтая,
Вѣчень блескъ его снѣговъ:
Тамъ страна моя родная!»
— «Мнѣ отчина старый Псковъ»,
— «Я отъ Ладоги холодной, —
«Я отъ синихъ волнъ Невы».
— «Я отъ Камы многоводной»,
«Я отъ матушки Москвы».
Слава, Днѣпръ — сѣдыя волны!
Слава, Кіевъ — чудный градъ!
Мракъ пещеръ твоихъ безмолвный
Краше царственныхъ палатъ.
Знаемъ мы: въ вѣка былые,
Въ древню ночь и мракъ глубокъ,
Надъ тобой блеснула Россія
Солнца вѣчнаго Востока!

*Холмкова.***Москва.**

Городъ чудный, городъ древній!
Ты вмѣстилъ въ свои концы
И посады, и деревни,
И палаты, и дворцы!
Опоясанъ лентой пашень,
Весь пестрѣешь ты въ садахъ:
Сколько храмовъ, сколько башень
На семи твоихъ холмахъ!
Исполнскою рукою
Ты, какъ хартія развита,
И надъ малою рѣкою
Сталъ великъ и знаменитъ!
На твоихъ церквахъ старинныхъ
Вырастаютъ деревья;
Глазъ не схватитъ улицъ длинныхъ...
Это — матушка Москва.

Кто силачъ, возьметъ въ охапку
Холмъ Кремля-богатыря?
Кто собьетъ златую шапку
У Пвана знояра?
Кто царь-колоколъ подыметъ
Кто царь-пушку повернетъ?
Шляпы кто, гордецъ, не сниметъ
У святыхъ въ Кремлѣ воротъ?...
Ты не гнула крѣпкой выи
Въ бѣдовой своей судьбѣ;
Развѣ пасынки Россіи
Не поклонятся тебѣ!
Ты, какъ мученикъ горѣла,
Блочнокаменная!
И рѣка въ тебѣ кипѣла,
Бурнопламенная!

И подъ пепломъ ты лежала
Полоненною,
И изъ пепла ты возстала
Неизмѣнною!...

Прощѣтай же славою вѣчною,
Городъ храмовъ и палатъ!
Градъ срединный, градъ сердечный,
Коренной Россіи градъ!

*Глинки.***Кавказъ.**

Кавказъ подо мною. Одинъ въ вышнѣ стою надъ снѣгами у
края стремнины: орелъ, съ отдаленной поднявшись вершины, па-
ритъ неподвижно со мной наравнѣ. Отселъ я вижу потоковъ
рожденъе и первое грозныхъ обваловъ движенъе.

Здѣсь тучи смиренно идутъ подо мной; сквозь нихъ, низвер-
гаясь, шумятъ водопады; подъ ними утесовъ нагія громады; тамъ
ниже мохъ тощій, кустарникъ сухой; а тамъ уже роши, зеленія
сѣни, гдѣ птицы щебечуть, гдѣ скачутъ олени.

А тамъ ужъ и люди гнѣздятся въ горахъ; и ползаютъ овцы
по вѣчнымъ стремнинамъ, и пастырь нисходитъ къ вселымъ
долинамъ, гдѣ мчится Арагва въ тѣнистыхъ берегахъ, и нищій
набздникъ таится въ ущельи, гдѣ Терекъ играетъ въ свирѣпомъ
весельи; играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой, завидѣвшій пищу
изъ клѣтки желѣзной, и бьется о берегъ въ враждѣ бесполезной
и лижетъ утесы голодной волной.... Вотще! нѣтъ нищѣ ему,
ни отрады: тѣснятъ его грозно нѣмыя громады.

*Пушкина.***Финляндія.**

Суровый край: его красамъ, пугаясь, дивятся взоры; на горы
каменные тамъ поверглись каменные горы. Снѣга, всходятъ до
небесъ ихъ своенравныя громады; на нихъ шумитъ сосновый
лѣсъ, съ нихъ бурно льются водопады. Тамъ холмъ очей не ве-
селитъ; онъ лавой каменной облитъ. Главу одѣвши въ мохъ
печальный, огромнымъ сторожемъ стоитъ на немъ гранитъ пи-
рамидальный. По дряхлымъ скаламъ бродитъ взглядъ; пришлецъ
исполненъ смутной думы: не міра ль давняго лежатъ предъ нимъ
развалны угрюмы?

Батюшкова.

ПЕТЕРБУРГЪ.

На берегу пустынныхъ волнъ стоялъ Онь, думъ великихъ полнъ, и вдалъ глядѣль. Предъ Нимъ широко рѣка неслася; бѣдный чолнъ по ней стремился одиноко. По мшистымъ топкимъ берегамъ чернѣли избы здѣсь и тамъ, пріютъ убогаго чухонца; и лѣсъ невѣдомый лучамъ, въ туманѣ спрятаннаго солнца, кругомъ шумѣлъ.

И думалъ Онь: «Отсель грозить мы будемъ шведу; здѣсь будетъ городъ заложенъ, на зло надмѣнному сосѣду; природой здѣсь намъ суждено въ Европу прорубить окно, ногою твердой стать при морѣ; сюда, по новымъ имъ волнамъ, всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—и запируемъ на просторѣ.»

Прошло сто лѣтъ—и юный градъ, полночныхъ странъ краса и диво— изъ тьмы лѣсовъ, изъ топи блатъ вознесся пышно, горделиво: гдѣ прежде финскій рыболовъ, печальный пасынокъ-природы, одинъ у низкихъ береговъ бросалъ въ невѣдомыя воды свой ветхій неводъ, нынѣ тамъ, по оживленнымъ берегамъ, громады стройныя тѣсятся дворцовъ и башенъ; корабли толпой со всѣхъ концовъ земли къ богатымъ пристанямъ стремятся; въ гранитъ одѣлася Нева; мосты повисли надъ водами; темнозелеными садами ея покрылись острова, — передъ младшею столицей главой склонилася Москва, какъ передъ новою царицей порфиросная вдова. Люблю тебя, Петра творенье, люблю твой строгій, стройный видъ, Невы державное теченье, береговой ея гранитъ; твоихъ оградъ узоръ чугунный, твоихъ задумчивыхъ ночей прозрачный сумракъ, блескъ безлунный, когда я въ комнатахъ моей пишу, читаю безъ лампы, и ясны спящія громады пустынныхъ улицъ, и свѣтла адмиралтейская пгла. И, не пуская тьму ночную на золотыя небеса, одна заря смѣнить другую спѣшитъ, давъ ночи полчаса. Люблю зимы твоей жестокой недвижный воздухъ и морозъ, бѣгъ санокъ вдоль Невы широкой, дѣвичьи лица ярче розъ. Люблю воинственную живость потѣшныхъ Марсовыхъ полей, пѣхотныхъ ратей и коней однообразную красноту, въ ихъ стройно-зыблемомъ строю, доскутыя ихъ знамена побѣдныхъ, сѣдые шапки этихъ

мѣдныхъ, насквозь прострѣленныхъ въ бою. Люблю, военная столица, твоей твердыни дымъ и громъ, когда полночная Царица даруетъ сына въ Царскій домъ, или побѣду надъ врагомъ Россіи снова торжествуетъ, или, взломавъ свой синій ледъ, Нева къ морямъ его несетъ и, чуя вешни дни, лпкуетъ.

Красуйся, градъ Петровъ, и стой неколебимо, какъ Россія! да умирится же съ тобой и побѣжденная стихія. Вражду и плѣнь старинный свой пусть волны Финскія забудутъ, и тщетной злобою не будутъ тревожить вѣчный сонъ Петра!

Пушкина.

Путешествіе по Волгѣ.

(ПИСЬМА КЪ ПРИЯТЕЛЮ.)

1-е письмо

(Отъ Петербурга до Твери.)

Прощаясь съ тобою на Петербургской станціи, я далъ тебѣ слово описать свое путешествіе по Волгѣ. «Не давши слово крѣпись, а давши держись:» въ слѣдствіе этой пословицы, я опишу тебѣ хотя нѣсколько тѣ впечатлѣнія, которыя сдѣлала на меня эта великая рѣка; но если бы я захотѣлъ рассказать тебѣ все, что видѣлъ, проѣхавши отъ Твери до Нижняго-Новгорода, то долженъ былъ бы написать цѣлую и большую книгу, а не короткое письмо.

Паровозъ быстро унесъ насъ изъ туманнаго и сыраго Петербурга. Болота, прорывающіяся лужами, жалкіе, жиденькіе еловые лѣски, напоминающіе щетинистую бороду худо выбритаго чело-вѣка, форменныя будки сторожей,—словомъ, окрестности Петербурга быстро мелькали передомною въ окошкѣ вагона. Какою печальною представляется мнѣ вся эта низменная и бѣдная страна отсюда, послѣ того, какъ я видѣлъ прекрасные берега Волги! Окрестности сѣверной столицы и такъ не очень пышны, а мос-

ковская желѣзная дорога, какъ нарочно летитъ стрѣлою по самымъ неприятнымъ пустырямъ.

Чѣмъ далѣе уѣзжали мы отъ Петербурга, тѣмъ болѣе оживлялась мѣстность: становилась холмистѣе, зеленѣе; лѣса дѣлались гуще и разнообразнѣе; луга и поля суше и цвѣтистѣе; деревни болѣе похожи на добровольныя поселенія людей, чѣмъ тѣ вытянутые въ струнку ряды домовъ, которые выдаютъ за села и деревни въ окрестностяхъ Петербурга; въ воздухѣ было замѣтно болѣе свѣта и тепла и менѣе той зубатой сырости, которая гложетъ въ Петербургѣ гранитъ и чугуны, а не только уже прохватываетъ до костей бѣднаго человѣка.

Новгородская губернія, въ которую мы въѣхали изъ петербургской, также не очень привлекательна, но все немного повеселѣе. Когда нашъ поѣздъ готовился переѣзжать мутный Волховъ, по великолѣпному мосту, будто висящему въ воздухѣ, я, выйдя на платформу небольшой станціи, въ первый разъ полюбовался окрестностью. По обѣимъ сторонамъ моста—бездна воды; у пристани дымился пароходъ, и къ нему посиѣшали пассажиры, желавшіе подняться вверхъ по Волхову до великаго Новгорода, который, какъ говорятъ, теперь очень невеликій и очень обыкновенный губернской городъ, хотя и стоитъ по прежнему не вдалекѣ отъ истока Волхова изъ озера Ильменя. Съ другой стороны моста видно было множество барокъ, которыя отправлялись внизъ къ Ладогѣ, съ тѣмъ—чтобы оттуда по Ладожскому каналу, мимо южныхъ береговъ бурнаго и каменистаго Ладожскаго озера, у Шлиссельбурга, войти въ Неву и прибыть къ вамъ въ Питеръ. Это уже волжскіе гостинцы Петербургу. Когда мы отправились, я спросилъ у одного ладожанина, который ѣхалъ съ нами въ Тверь: есть ли какіе нибудь слѣды пребыванія Рюрика въ Ладогѣ, оставшіеся съ тѣхъ поръ, когда этотъ князь, призванный новгородцами, поселился тамъ, чтобы запретить другимъ сѣвернымъ варягамъ входить въ устье Волхова—эти ворота въ Новгородскую область?

— Съ тѣхъ поръ прошло уже тысяча лѣтъ, отвѣчалъ мнѣ ладожанинъ: могло ли же что нибудь сохраниться? Большихъ построекъ тогда не дѣлали, а защищали страну болѣе грудью. Не доѣзжая до Ладоги, на лѣвомъ берегу Волхова, есть, правда,

остатки валовъ и каменныхъ стѣнъ крѣпости; но эта крѣпость строилась позже для защиты отъ шведовъ, приходившихъ тѣмъ же путемъ грабить богатый Новгородъ. Эти грабежи продолжались бы долго, еслибъ Петръ Великій не завоевалъ сначала Орѣшка, нынѣшняго Шлиссельбурга, а потомъ не завладѣлъ бы устьемъ Невы и не выстроилъ бы кронштатской крѣпости, около которой напрасно еще недавно разгуливалъ англо-французскій флотъ. Да, Кронштатъ важная крѣпость! За ея пушками мы плаваемъ и торгуемъ здѣсь спокойно. Но не такъ было прежде, и въ воды Волхова много пролито крови, а по берегамъ много могильныхъ холмовъ, показывающихъ, что здѣсь не разъ отстаивали новгородцы свой вольный городъ.

Подѣзжая къ Валдаю и за Валдаемъ мѣстность становится очень холмиста; но эти отлогія Валдайскія горы, покрытыя лѣсами и болотами, мало похожи на горы, хотя порядочно затрудняютъ поѣздъ. Желѣзная дорога то подымается на отлогіе бока холмовъ, то спускается съ нихъ; гдѣ же подъемъ или спускъ сколько нибудь круты, тамъ сдѣланы часто огромныя насыпи, соединяющія два холма; иногда дорога прорѣзываетъ холмы, и тогда зеленые валы стоятъ, какъ крѣпостныя стѣны, по обѣимъ сторонамъ летящаго вагона. Какъ хороши пные мосты, смѣло висящіе въ воздухѣ! Взглянешь внизъ—голова закружится! Далеко внизу, подъ мостомъ, протекаетъ рѣка, по которой тянутся барки, на берегу—деревни, лѣски,—и все такъ мнѣмътирно, что кажется хорошенькою игрушкою. Хотѣлось бы мнѣ оттуда, снизу, взглянуть на нашъ паровозъ и цѣлый рядъ вагоновъ, несущихся высоко надъ головою.

Какіхъ страшныхъ трудовъ и издержекъ стоило провести въ этомъ мѣстѣ желѣзную дорогу; но не потому, чтобы горы Валдайскія были слишкомъ высоки—это ли горы?—но потому, что здѣсь неисчислимое множество болотъ, лежащихъ даже по вершинамъ горъ, и такихъ глубокихъ, что у пныхъ и дна не достали. Говорятъ, что когда нужно было на нѣкоторыхъ болотахъ дѣлать насыпи, то вбивали огромнѣйшія сваи, одна за другою, и онѣ, входя въ болото, пропадали, а потомъ черезъ нѣсколько времени выплывали гдѣ нибудь на озерѣ, версты за три. Это объ-

ясняется тѣмъ, что многія изъ здѣшнихъ болотъ—не что иное какъ озера, только сверху заросшія тонкимъ слоемъ торфа, образовавшагося изъ гниющихъ растений и мховъ. Водное богатство этой страны неизмѣримо. Да и можетъ ли быть иначе, когда она питаетъ три такія рѣки, какъ Волга, Днѣпръ и Западная Двина и безчисленное множество мелкихъ рѣкъ и рѣчекъ? Всѣ эти три громадныя рѣки берутъ свое начало почти въ одномъ мѣстѣ: на холмистыхъ возвышеніяхъ помѣщающихся въ самомъ центрѣ Европейской Россіи и покрытыхъ лѣсамъ, болотами и озерами. Говорятъ, что индійцы поклоняются источникамъ Ганга, вытекающаго изъ высокихъ ледниковъ Гималая: если-бы русскіе, будучи язычниками, знали хорошо географію своей страны и причины ея воднаго богатства, то вѣроятно поклонялись бы болотамъ нынѣшней Тверской и Новгородской губерніи. Эти болота поятъ безчисленныя рѣки Россіи, а эти рѣки поятъ, кормятъ и одѣваютъ десятки милліоновъ русскихъ людей.

Городовъ я почти не видалъ при проѣздѣ по желѣзной дорогѣ, потому что она почти не проходитъ черезъ города. О близости Торжка я узналъ только по вышитымъ золотымъ башмакамъ, которые мнѣ навязывали на станціи; о близости Валдая—по *малиновому* звону колокольчиковъ, вынесенныхъ на продажу, да по связкамъ барановъ. Одинъ Вышній Волочекъ успѣлъ я рассмотреть лучше: это хорошенькій дѣятельный городокъ, обремененный своею богатою торговлею тому, что онъ стоитъ на перекресткѣ двухъ важнѣйшихъ путей сообщенія: московской желѣзной дороги, или чугуни, какъ ее здѣсь называютъ, и воднаго *Вышневолоцкаго* пути, главнѣйшаго изъ трехъ водныхъ путей, связывающихъ Волгу съ Невкою и, слѣдовательно, съ Балтійскимъ моремъ.

Рано утромъ мы пріѣхали въ Тверь, и городской извозчикъ перевезъ меня въ городъ, отстоящій довольно далеко отъ станціи желѣзной дороги, въ гостиницу, стоящую на берегу Волги. Съ большимъ нетерпѣніемъ побѣжалъ я взглянуть на царцу европейскихъ рѣкъ, которая на 1070 верстъ длиннѣе Рейна и на 630 вер. длиннѣе Дуная,—пришелъ на набережную и увидалъ очень неширокую и очень неполноводную рѣку, втрое уже и бѣднѣе водою нашей прекрасной Невы: ширина Волги у Твери не болѣе

100 сажень. Тверь—чистенькій городокъ, а множество очень старинныхъ церквей и монастырей говорятъ краснорѣчиво о древности бывшей столицы Великаго Княжества Тверскаго, соперничествовавшей когда-то съ Великимъ Новгородомъ. Но и Новгородъ и Тверь должны были пасть передъ юною, а теперь очень древнею Москвою; Москва же въ свою очередь склонилась передъ молодымъ щеголеватымъ Петербургомъ.

Множество тяжело-нагруженныхъ барокъ и 5—6 пароходовъ стояли у пристани. Мнѣ сказали, что готовится цѣлый *караванъ* барокъ для отправки въ Петербургъ по Вышневолоцкой *системѣ* рѣкъ и каналовъ. Но я, къ стыду моему, не замѣтилъ даже Тверцы, которая впадаетъ въ Волгу у самой Твери и вверхъ по которой идутъ барки до Вышневолоцкаго канала, соединяющаго Тверцу съ рѣкою Мстою, впадающею въ Ильмень: такъ боялся я опоздать на пароходъ, уже неистово свистѣвшій внизу, подъ крутою лѣстницею, ведущею съ высокой красивой набережной. Черезъ полчаса пароходъ нашъ уже отчалилъ и понесся, — нельзя сказать чтобы очень быстро,—внизъ по рѣкѣ, «внизъ по матушкѣ по Волгѣ.» Пассажировъ было много; они не успѣли еще усѣсться, суетились, возились съ вещами. Я стоялъ у перилъ и смотрѣлъ на знаменитую Волгу. Признаюсь, что послѣ Невы, она казалась мнѣ очень узкою и бѣдноводною рѣкою, на которой съ трудомъ разъѣзжали безпрестанно встрѣчающіеся пароходы и барки; бородатый помощникъ еще болѣе бородатаго лодмана, сидя на носу парохода, безпрестанно мѣрялъ глубину, и глубина оказывалась незначительная. Волга не только не широка но и не глубока; на ней множество мелей, на которыя попасть не пріятно. Волжскіе лодманы, провожающіе суда и пароходы по Волгѣ, должны быть люди очень опытные и зоркіе, должны хорошо знать *фарватеръ* Волги, и быть насторожѣ каждую минуту, чтобы избѣгнуть счастливо безчисленнаго числа скрывающихся подъ водою мелей, которыя къ тому жъ, послѣ весеннихъ разливовъ, несущихъ песокъ, илъ и карчи, очень часто мѣняютъ свое мѣсто, и появляются тамъ, гдѣ ихъ еще въ прошломъ году не было.

На пароходѣ я встрѣтился съ знакомымъ мнѣ почтеннымъ старикомъ, купцомъ, барки котораго ежегодно совершаютъ пу-

тешествіе отъ Саратова и Нижняго до Петербурга и который приходитъ въ восторгъ при одномъ имени Волги, можетъ быть потому, что она выстроила ему въ Петербургѣ три громадныя каменные дома.

— Не широка же ваша хваленая Волга, сказалъ я купцу, съ намѣреніемъ вызвать его на бесѣду.

— Вы бы заѣхали еще повыше, къ самому Иордану, сказалъ онъ съ маленькой досадою: тамъ можно, пожалуй, и перешагнуть черезъ Волгу.

— Что это за Иорданъ? спросилъ я: конечно, это не знаменитая рѣка Палестины?

— Иорданомъ называется, отвѣчалъ мнѣ купецъ, родникъ, обдѣланный въ колодезь, изъ котораго беретъ начало свое Волга. Этотъ колодезь находится въ Осташковскомъ уѣздѣ Тверской губерніи, при деревнѣ, которую и зовутъ *Воло*. Тамъ Волга маленькій ручеекъ — и только; но чрезъ нѣсколько же верстъ, благодаря множеству впадающихъ въ нее ручейковъ, обилію болотъ и множеству большихъ и малыхъ озеръ, которыя она протекаетъ, Волга становится очень порядочною рѣкою. Особенно много воды даетъ Волгѣ озеро Селигеръ, изъ котораго, подъ Осташковымъ, вытекаетъ небольшая рѣчка Селижаровка, впадающая въ Волгу. Здѣсь ужъ Волга и въ *меженное время* имѣетъ сажени 20 въ ширину. Когда же волются въ Волгу Вазуза съ Гжатью, тогда она становится порядочною *судоходною* рѣкою, по которой ходятъ довольно большія барки.

— Какія все странныя названія! замѣтилъ я: Селигеръ, Селижаровка, Вазуза, все это, кажется, не русскія слова.

— Должно быть, не русскія, а чухонскія, или по ученому финскія; финновъ и теперь можно еще найти въ Тверской губерніи, а прежде они занимали всю эту лѣсную и болотистую мѣстность, въ которой находятся верховья Волги, Западной Двины и Днѣпра.

— Куда же они потомъ дѣлись?

— Должно быть обрусѣли, т. е. позабыли свой языкъ, приняли православную вѣру и русскіе обычаи, такъ что ихъ теперь и не отличишь отъ русскихъ. А вы Волги прежде времени не хулите: я послушаю, что вы скажете о ней дня черезъ три, при-

бавилъ старикъ и принялся за чай, который подали намъ на па-лубу.

Однакоже письмо мое вышло неприлично-длинно; а я еще только начинаю путешествовать: прощай, до будущаго письма.

Письмо 2-е.

(Отъ Твери до Нижняго).

Отъ Твери до Рыбинска я видѣлъ мало замѣчательнаго. Берега Волги, впрочемъ, довольно живописны и холмы появляются то на правой, то на лѣвой ея сторонѣ. Прибрежныя села велики и красивы, во многихъ старинныя каменные церкви. По всему видно, что здѣсь давно живутъ люди и живутъ не дурно, благодаря кормилицѣ Волгѣ. Одно изъ этихъ селъ, Кямры, замѣчательно тѣмъ, что въ немъ и вокругъ него, верстъ на 60, живутъ все сапожники, произведеніями которыхъ набиты наши гостинныя дворы. Говорятъ, что въ двѣнадцатомъ году импріе успѣвали снабжать обувью всю нашу армию. И въ другихъ селахъ, почти въ каждомъ, есть свой особенный промыселъ, переходящій наслѣдственно отъ отцовъ къ дѣтямъ.

Но города Корчева и Колизинъ не замѣчательны. На колязинской площади, огромномъ пустырьѣ, скучно обставленномъ плохими домиками, меня чуть не разорвали собаки: странно даже подумать, что это приволжскіе города. За то Угличъ, городъ Ярославской губерніи, очень меня заинтересовалъ: онъ стоитъ на высокомъ, довольно живописномъ берегу и множество старинныхъ церквей даютъ ему оригинальный видъ. Пока пароходъ нашъ запасался дровами, а пассажиры различной провизіей — кто рыбой, кто хлѣбомъ, молокомъ, ягодами, всѣмъ, что продавалось тутъ же у пристани — я успѣлъ посмотреть дворецъ несчастнаго Дмитрія Царевича. Это очень небольшой и ветхій каменный двухъ-этажный домикъ, въ верхнемъ этажѣ котораго всего одна комната, обращенная теперь въ церковь. Передъ домикомъ площадка и, стоя на ней я невольно вспомнилъ прекрасное описаніе страшнаго дѣла, изъ разсказа почтеннаго старца Цимена въ Пушкинской

драмѣ, «Борисъ Годуновъ». Помнишь, какъ Пименъ рассказываетъ будущему самозванцу это страшное событіе, имѣвшее такое вліяніе на судьбу Россіи:

Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло,
Кровавый грѣхъ. Тогда я въ дальній Угличъ
На нѣкое былъ усланъ послушанье.
Пришолъ я въ ночь. На утро въ часъ обѣдни,
Вдругъ слышу звонъ, ударили въ набать;
Крикъ, шумъ; бѣгутъ на дворъ Царицы. Я
Спѣшу тудажъ, а тамъ уже весь городъ.
Гляжу — лежитъ зарѣзанный царевичъ;
Царица-мать въ безпамятствѣ надъ нимъ;
Кормилица въ отчаяннѣ рыдаетъ;
А тутъ народъ, остервенясь, волочптъ
Безбожную предательницу-маму...
Вдругъ между нихъ, свирѣпъ, огъ злости блѣднъ,
Является Иуда Битяговскій:
«Вотъ, вотъ злодѣй!» раздался общій вопль
И вмгъ его не стало. Тутъ народъ
Вслѣдъ бросился бѣжавшимъ тремъ убійцамъ;
Укрывшихся злодѣевъ захватили
И привели предъ теплый трупъ младенца.
И чудо! вдругъ мертвецъ затрепеталъ.
«Покайтесь!» народъ имъ завопилъ:
И въ ужасѣ, подъ топоромъ, злодѣи
Покаялись — и назвали Бориса!

Отъ Углича до самой Мологи Волга течетъ почти прямо на сѣверъ; а у Мологи круто поворачиваетъ къ юго-востоку. Этотъ большой изгибъ Волги къ сѣверу очень важенъ для торговли, потому что въ этомъ изгибѣ впадаютъ въ Волгу съ лѣвой стороны двѣ большія рѣки, Молога и Шексна, изъ которыхъ первая соединяетъ Волгу съ Балтійскимъ моремъ, а вторая — съ Балтійскимъ и Бѣлымъ. Смотря на этотъ изгибъ, кажется, что Волга какъ будто хотѣлось проложить себѣ путь на сѣверъ; но она встрѣтила лѣсистые холмы, называемые *увалами*, идущіе отъ Уральскихъ горъ, и поворотила къ юго-востоку.

Мы пріѣхали въ Мологу очень поздно вечеромъ; пароходъ остановился у пристани недолго, и я не успѣлъ побывать въ городѣ. Издали Молога мнѣ понравилась: она стоитъ на довольно высокомъ мысу, который образуется здѣсь слияніемъ Мологи и Волги. Устье Мологи все было заставлено судами и плотами. Нѣкоторые изъ судовъ были нагружены и, казалось, готовились идти вверхъ по Мологѣ; другія, тоже нагруженные, отправлялись по видимому на Волгу; третьи были еще пусты: это новыя суда, сдѣланныя гдѣ нибудь въ верховьяхъ Мологи, протекающей въ очень лѣистой сторонѣ. Нѣсколько небольшихъ рѣчекъ и озеръ и, наконецъ, *Тихвинскій каналъ* соединяютъ Мологу съ Тихвинкой, которая впадаетъ въ Сясь. По теченію Сяси суда идутъ до Ладожскаго озера; но не входятъ въ это бурное и каменистое озеро, а отправляются по обводному каналу до Новой Ладоги, гдѣ входятъ въ Ладожскій каналъ.

По имени главнаго канала и весь этотъ водный путь называется *Тихвинскимъ*. По тихвинской системѣ ходятъ только большія суда, но она имѣетъ то преимущество передъ Вышневолоцкою, что по ней суда могутъ ходить не только изъ Волги въ Неву, но и обратно, изъ Невы въ Волгу. Вотъ почему по Тихвинской системѣ каналовъ и рѣкъ приходятъ на Волгу и доставляются въ южныя губерніи и въ Астрахань всѣ заграничныя товары, виноградныя вина, фрукты, кофе, издѣлія заграничныхъ фабрикъ и проч.

Уже совсѣмъ стемнѣло, когда мы отъѣхали отъ Мологи, и я заснулъ въ каютѣ. Но скоро разбудилъ меня страшный шумъ надъ головою: на палубѣ бѣгали, суетились и до меня долетали какіе-то неистовые крики: «направо! держи лѣвѣй: куда-тѣ несеть, окаянный? али ослѣпъ, что-ли! бока проломишь! куды прешь, лѣшій, на якорь наѣхалъ!» Эти грубые крики раздавались со всѣхъ сторонъ. «Экъ, плоты-то растянули,» кричалъ нашъ капитанъ: «посторонись, берегись,» ревелъ онъ въ рупоръ. Спать не было никакой возможности. Я вышелъ на палубу и остановился въ изумленіи: пароходъ, чуть пошевеливая колесами, пробирался посреди безчисленнаго множества плотовъ и барокъ, составлявшихъ почти одну сплошную массу во всю ширину рѣ-

ки. Лѣтняя ночь была тепла, но очень темна, не то что у васъ въ Петербургѣ, гдѣ въ это время ночи почти совершенно нѣтъ. Тысячи огоньковъ горѣли на обоихъ берегахъ; разноцвѣтные фонари сверкали на верху парходовъ; безчисленные барки казались въ темнотѣ громадами, на нихъ кое-гдѣ шевелились люди; по рѣкѣ разносился громко голоса перебранивающихся рабочихъ, которые особенно сердились на нашъ парходъ, *затесавшійся промежъ барокъ* такъ поздно. Мы были въ Рыбинскѣ; но я не видалъ еще города, а только огоньки въ окнахъ его домовъ, сверкавшіе въ темнотѣ, на высокомъ, правомъ берегу Волги.

Я проснулся очень рано и тотчасъ же пошелъ въ городъ. Богатые каменные дома, тянувшіеся стройнымъ рядомъ по высокому берегу, прекрасная, устланная камнемъ, набережная съ хорошенькими перилами, отличный тротуаръ вдоль набережной—все показывало, что жители Рыбинска люди небѣдные. Городъ еще спалъ; только въ открытыхъ окнахъ трактировъ половые постукивали чашками. Съ высокой набережной открывался прекрасный и очень оригинальный видъ на широкую рѣку, на безчисленные суда, на противоположный берегъ, застроенный складочными магазинами, амбарами и сараями.

Рыбинская пристань тянется на нѣсколько верстъ, и суда располагаются у берега правильными отдѣленіями, смотря по тому, съ какимъ они грузомъ и куда идутъ: плывутъ ли внизъ по Волгѣ, поднимаются ли вверхъ до Твери, съ тѣмъ, чтобъ по Тверцѣ пробраться дальше къ Вышнему Волочку, къ Мологѣ ли, имѣя въ виду Тихвинскую систему, или войдутъ тутъ же, у Рыбинска, въ Шексну и по *Маринской системѣ* рѣкъ и каналовъ отправятся до общей цѣли всѣхъ стремленій—петербургскаго порта. Въ Рыбинскѣ происходитъ главная перегрузка товаровъ съ большихъ судовъ на малыя; потому-что большія волжскія суда, прийдя къ Рыбинску съ низовья—изъ Нижняго, Казани, Саратова, Астрахани, — не могутъ идти далѣе вверхъ по Волгѣ, а тѣмъ болѣе пробираться по узкимъ каналамъ. Многія изъ этихъ судовъ доставлены въ Рыбинскъ парходами на буксирѣ, но большая часть—бурлаками съ помощію лошадей. Бурлаковъ и всякаго рода рабочихъ людей, приходящихъ въ Рыбинскъ для выгрузки и пере-

грузки товаровъ, собирается лѣтомъ такое множество, что въ небольшомъ городкѣ, въ которомъ постоянныхъ жителей не болѣе 6000 душъ, бываетъ въ иную пору, лѣтомъ, до 100,000 человекъ. Конечно, городъ не могъ-бы вмѣстить и половины этого числа; но эти лѣтніе гости не прихотливы, и располагаются на баркахъ и плотяхъ; а барокъ достаточное количество, иногда болѣе 2000 собирается ихъ въ одно время у рыбинскихъ пристаней! Волга, ширина которой достигаетъ въ Рыбинскѣ до 230 сажень, покрывается почти сплошною массою судовъ, такъ что для проѣзда по ней остается весьма немного мѣста. А какъ разнообразны эти суда! Въ одномъ углу глазъ останавливается невольно на легкой, изящной *блѣзеркѣ*, съ двумя стройными мачтами и опрятной палубой; тамъ торчитъ безобразный *шитикъ* съ плоскимъ дномъ, круглыми бортами и палубой въ видѣ ослинаго хребта. Шитикомъ назвали судно потому, что прежде сшивали доски ивовыми прутьями. У однихъ судовъ выстроены на палубахъ цѣлые домики, на другихъ палубы совсѣмъ нѣтъ, и они имѣютъ видъ огромныхъ длинныхъ, широкихъ лодокъ. Но нѣтъ барки, которая не была бы изукрашена самой узорчатой рѣзбой; при чемъ, конечно, какъ и при постройкѣ избы, главную роль играетъ топоръ да ножъ,—изрѣдка развѣ долото.

Между судами, наиболѣе употребительны на верхней Волгѣ и по ея притокамъ въ этихъ частяхъ, а также и по каналамъ, первое мѣсто занимаютъ такъ называемыя *барки* и *полубарки*: первое мѣсто занимаютъ такъ называемыя *барки* и *полубарки*: первыя имѣютъ отъ 17 до 18 сажень въ длину, и поднимаютъ до 7000 пудовъ груза; полубарки немного менѣе, и поднимаютъ не болѣе 5000 пудовъ. Вообще, должно замѣтить, что суда, плавающія по Волгѣ и ея притокамъ, очень разнообразны, и зватоки насчитываютъ ихъ до 40 родовъ. Почти каждая значительная рѣка и каждая система воднаго сообщенія имѣетъ исключительно ей принадлежащія суда; но нуженъ опытный глазъ, чтобы различить эти мокшаны, тихвинки, соминки, коломенки, блѣзерки и т. д. Всѣ почти барки строятся по берегамъ рѣкъ, впадающихъ въ Волгу съ лѣвой стороны и текущихъ съ лѣсистыхъ отроговъ Урала. На одной Шекснѣ выстраивается въ годъ до 2000 барокъ. Многія мелкія барки, доставивъ товаръ на мѣсто, не возвращаются

назадъ, а идутъ на дрова или легкія постройки; но большія суда берегутъ, потому что постройка ихъ обходится дорого.

Яростный свистокъ парохода увѣдомилъ меня, что я слишкомъ долго расхаживалъ по рыбинской набережной. На палубѣ знакомый мнѣ купецъ, умывшись, расчесавъ съдую голову и бороду, помолился на рыбинскіе церкви и усѣлся за чай. Онъ пригласилъ меня и еще одного своего знакомаго купца, только что прибывшаго изъ Бѣлозерска, распить вмѣстѣ чашку чаю. Между купцами скоро завязался разговоръ, интересный для моего знакомаго, потому что барки его, пробравшись на сѣверъ, вверхъ по Шекснѣ до Бѣла-озера, тянулись теперь по обводному Бѣлозерскому каналу.

Странно, что всѣ наши сѣверныя озера—Ильмень, Ладожское, Онежское, Бѣло-озеро — бурны, каменисты, и неудобны для плаванія, что заставило устроить вдоль ихъ береговъ громадныя обводныя каналы. Бѣло-озеро получило даже свое названіе отъ бѣлыхъ пѣнистыхъ волнъ, которыми оно часто покрывается. Изъ Бѣлозерскаго канала суда идутъ вверхъ по рѣкѣ Ковжѣ, впадающей въ Бѣло-озеро; а изъ Ковжи, Маринскимъ каналомъ, входятъ въ р. Вытегру, которая впадаетъ въ Онежское озеро. Изъ Шексны можно проѣхать водою и въ Бѣлое море, если, не доѣзжая до Бѣла-озера, поворотить направо и, посредствомъ Александровскаго канала и небольшой рѣчки Порозовицы, въѣхать въ Кубенское озеро. Изъ Кубенскаго озера выходитъ р. Сухона, главный притокъ Сѣверной Двины, впадающей у Архангельска въ Бѣлое море; такимъ образомъ, одинъ великій водный путь, центромъ котораго является Волга, соединяетъ три отдаленнѣйшіе и главнѣйшіе пункта Европейской Россіи: Петербургъ на Балтійскомъ морѣ, Астрахань на Каспійскомъ и Архангельскъ на Бѣломъ. Но путь по Сухонѣ, по причинѣ пороговъ, мелей и камней, довольно затруднителенъ.

Рыбинскъ недавно скрылся у насъ изъ виду, а вотъ появляется новый городъ Ярославской губерніи, Романовъ-Борисоглѣбскъ. Это прежде были два города, стоящіе другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ Волги: Романовъ на правомъ, Борисоглѣбскъ на лѣвомъ. Города старинные со множествомъ ста-

ринныхъ красивыхъ церквей. Говорятъ, что въ настоящее время въ этихъ городахъ особенно занимаются кузнечнымъ дѣломъ. У Борисоглѣбской пристани мы оставались всего нѣсколько минутъ, спустили нѣсколько пассажировъ, приняли новыхъ и полетѣли далѣе.

По дорогѣ отъ Романова къ Ярославлю я видѣлъ очень печальную картину: громадное судно—расшива, что ли, право не помню—нагруженное солью и доплывшее сюда благополучно, можетъ быть, изъ Камы, съло на мель и отъ собственной своей тяжести переломилось. Множество народу хлопотало вокругъ него, перекладывая грузъ на двѣ барки. Говорятъ, что бѣда случилась отъ неосторожности лоцмана, но перегрузка обойдется хозяину не дешево.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до Ярославля, мы проѣхали мимо Тольгскаго монастыря, стоящаго на лѣвомъ берегу Волги. Мнѣ сказали, что противъ этого монастыря скончался на баркѣ знаменитый патріархъ Никонъ, бывший другъ царя Алексѣя Михайловича, возвращаясь при Феодорѣ Алексѣевичѣ изъ тяжелой ссылки. — Въ монастырскомъ саду много кедровъ, на которыхъ, говорятъ, вырѣваютъ шишки съ орѣхами. Далѣе къ сѣверу, въ лѣсахъ Вологодской губерніи, сибирскій кедръ растетъ уже дико и во множествѣ.

Наконецъ мы у Ярославля. Какой это хорошенькій чистенькій городъ, когда смотришь на него съ Волги! Надъ широкой рѣкой возвышается крутой берегъ, словно высокій крѣпостной валъ. Шесть лоцинъ прорѣзываютъ берегъ. По этимъ лощинамъ, выложеннымъ камнемъ, очень удобно подыматься въ городъ; черезъ нихъ по набережной перекинуты красивые мостики. Съ Волги изъ за деревъ бульвара, идущаго по набережной, видна только передняя часть города съ красивыми строениями, надъ которыми царятъ высокія колокольни пятидесяти двухъ церквей, по большой части очень старинныхъ. На крутомъ мысу, который образуется при впаденіи рѣки Которосли въ Волгу, бѣлѣтъ въ зелени деревьевъ красивое зданіе Демидовскаго лиція. На лѣвомъ, луговомъ берегу Волги, видна еще значительная часть Ярославля; говорятъ, что во время разлива по улицамъ этой части можно плавать на

лодкахъ. Пароходъ нашъ оставался у ярославской пристани болѣе часа, и я воспользовался этимъ временемъ, чтобы побывать въ городѣ, столь заманчивомъ издали. Улицы Ярославля красивы, но ни на улицахъ, ни на хорошенькомъ бульварѣ почти не видать людей; посреди огромной пустынной площади, которую окружаютъ лицей и присутственные мѣста, стоитъ старинный соборъ и сильно попорченный памятникъ основателю лицея, Демидову. Говорятъ однако, что Ярославль—торговый и промышленный городъ, замѣчательный своими полотняными фабриками и обширною торговлею; но тѣмъ не менѣе, онъ показался пустыннымъ.

Въ устьяхъ Которосли стояло множество судовъ. Которосль, небольшая, но довольно судоходная рѣчка, выходитъ въ Ярославской же губерніи изъ Ростовскаго озера (по-фински Неро). Богатые черноземомъ берега озера вызвали у жителей Ростова,—города, очень древняго, построеннаго еще финнами—особую промышленность, огородничество, которою ростовцы славятся по всей Россіи. Ростовскіе огородники не только развозятъ далеко произведенія своихъ огородовъ, сушеный сахарный горошекъ, бобы и пр., но снимаютъ огороды въ столицахъ и большихъ городахъ. Всѣ петербургскіе огородники большею частію ростовцы.

Есть преданіе, что городъ Ярославль основанъ Великимъ княземъ Киевскимъ Ярославомъ Мудрымъ, который будто бы на этомъ мѣстѣ, гдѣ былъ тогда глухой лѣсъ, убилъ огромнаго медвѣдя. Такъ это или нѣтъ—повѣрить трудно; но медвѣдь попалъ въ гербъ Ярославской губерніи.

Ярославцы извѣстны по всей Россіи своею ловкостью, смѣтливостью, необыкновенными способностями къ промышленности и торговлѣ. Трудно найти въ Россіи трактиръ, гдѣ бы изъ-за прилавка не выглядывала веселая фізіономія ярославца. Въ большей части петербургскихъ и московскихъ мелочныхъ лавокъ и хозяинъ и мальчикъ—ярославцы. Говорятъ также, что въ Ярославлѣ выдѣлываютъ очень много *иностранныхъ* винъ изъ астраханскаго и кизлярскаго чихиря.

Верстахъ въ десяти отъ Ярославля, я еще первый разъ встрѣтилъ такъ называемую *машину*, громадное, не увлужее судно, которое тащило за собою два или болѣе громадные *подчалка*, нагру-

женные горами товара. Сама машина имѣетъ сажень 30 въ длину и около 7 въ ширину; на палубѣ ея ходятъ по вертящемуся кругу пять паръ лошадей, и вертятъ огромный чугунный брусъ; на этотъ огромный брусъ при его обращеніи наворачивается толстый канатъ, другой конецъ котораго, съ тяжелымъ якоремъ, завезенъ на лодкѣ впередъ машины и брошенъ въ воду. Такимъ труднымъ способомъ подвигается впередъ, около 15-ти верстъ въ день, эта громада, занимающая въ длину со своими подчалками около четверти версты и тянущая иногда до 100,000 пудовъ груза. Это изобрѣтеніе механика Пуадбарда, вошедшее въ употребленіе съ 1816 года, облегчаетъ тяжелый трудъ человѣка; но еще лучше будетъ, если, вмѣсто этихъ *коноводныхъ машинъ*, будутъ употребляться для *буксировки* судовъ пароходы, что нынче уже и начинаетъ входить въ употребленіе.

Скажу при этомъ случаѣ и о другихъ большихъ судахъ, встрѣчавшихся мнѣ на Волгѣ: *мокшаны*, строящіяся на рѣкѣ Мокшѣ, болѣе 20 саженей въ длину и поднимаютъ до 40,000 пудовъ груза: *гусянки* везутъ на себѣ до 30,000; *суряки*, приходящіе изъ Суры, до 20,000; *барки* до 12,000; *коломенки* до 8,000; *досчанки* до 1,000. — Рабочихъ на большомъ суднѣ бываетъ болѣе 100 человѣкъ; на меньшихъ — отъ 4-хъ до 10 ти. Пять, шесть человѣкъ тащатъ по берегу за канатъ, привязанный къ мачтѣ, судно съ грузомъ тысячи въ четыре пудовъ. Разочти-ка, сколько нужно было бы лошадей, тельгъ и людей, чтобы везти такой грузъ сухимъ путемъ, и по этому суди о благодѣяніи, которое оказываетъ людямъ Волга и другіе водные пути. Люди, взявшіе на себя доставить судно, составляютъ артель. Главныя лица въ артели: *лоцманъ*, который долженъ хорошо знать Волгу, чтобы не посадить судна на мель; *водоливъ*, завѣдывающій хозяйствомъ судна, и *кашевара*, котораго выбираетъ артель для неприхотливой стряпни. Всѣ эти суда, исключая машинъ, называются *парусными*, потому что при

попутномъ вѣтрѣ идутъ на парусахъ; но такой попутный и сильный вѣтеръ случается рѣдко. Большою же частью суда тянутся *бурлаками*, иногда съ помощью лошадей. Бурлаки, надѣвъ на себя лямку, привязанную къ канату, тянутъ судно за мачту, и тихо, тяжело, утѣшая себя грустными пѣснями, идутъ по берегу. Тяжела эта работа и неприбыльна: по большей части бурлакъ, дотащивъ судно отъ Саратова или Нижняго до Рыбинска, проѣдетъ дорогой все свое небольшое жалованье и возвращается домой, за тысячи верстъ, пѣшкомъ и безъ гроша въ карманѣ. Странно, что всѣ эти бурлаки большою частію изъ приволжскихъ, *низовыхъ* губерній, гдѣ земля такъ хороша и земли такъ много. Но эти люди любятъ бродячую жизнь, и охотно оставляютъ свои дома и поля. Къ счастью, впрочемъ, пароходы подрываютъ теперь сильно бурлацкій промыселъ, и скоро заставятъ, можетъ быть, бурлаковъ сидѣть дома и пахать землю. Грустно смотрѣть, какъ эти люди, оборванные, обожженные солнцемъ и вѣтромъ, грудью напираютъ на лямку, пробираясь по берегу, то песчаному, то каменистому, то обрывистому, то заросшему кустами. Одна партія смѣняетъ другую, которая идетъ отдыхать на барку, и судно безпрестанно подвигается медленно, чуть замѣтно. Неужели эти люди, эти заросшія головы, эти черныя груди, въ которыхъ также бьется человѣческое сердце, неспособны ни къ чему лучшему, кромѣ этой лошадиной работы, отъ которой въ другихъ странахъ даже и лошадей освободилъ теперь благодѣтельный паръ?

Понятно, какъ радуются бурлаки, когда сильный попутный вѣтеръ надуетъ громадные паруса судна, бѣлые полотняные, иногда рогожанные, и самъ потащитъ судно вверхъ, освобождая бурлаковъ отъ труда. Подѣзжая къ Костромѣ и видѣлъ прекрасную картину: десятки громадныхъ судовъ, обрыленныхъ бѣлыми парусами, поднимались вверхъ по рѣкѣ и казались издали какими-то чудовищными птицами; бурлаки спали на палубахъ, раскинувшись въ самыхъ живописныхъ позахъ; другіе горланили какую-то пѣсню; до меня долетѣло нѣсколько словъ и мнѣ показалось, что они пѣли:

Ахъ, туманы ль — вы, туманушки,
Вы туманы мой непроглядные,

Какъ печаль, тоска, ненавистные!
Изушили туманушки молодцовъ,

Сокрушили удалыхъ до крайности!

Ты взойди, взойди красно солнышко,
Надъ горой взойди, надъ высокою,
Надъ дубровушкой, надъ зеленою,
Надъ урочищемъ, добра молодца,
Что Степана свѣтъ Тимофееча,
По прозванію Стеньки Разина.
Ты взойди, взойди, красно солнышко,

Обогрѣй ты насъ людей бѣдныхъ:

Мы не воры, не разбойнички,
Стеньки Разина мы работнички.
Мы несломъ махнемъ — корабль возь-
мемъ,
Кистенемъ махнемъ — караванъ со-
бьемъ,
Мы рукой махнемъ — дѣвицу возьмемъ.

О Костромѣ я не могу сказать тебѣ многого, потому что не выходилъ на берегъ. Красивый городъ расположенъ на высокомъ, лѣвомъ берегу Волги, при самомъ впаденіи въ нее судоходной рѣки Костромы. Издали видѣлъ я Ипатьевскій монастырь. Онъ обнесенъ крѣпкими стѣнами съ бойницами, и за этими стѣнами укрылся Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ со своею матерью, когда предудушленный Сусанинымъ объ отыскивавшей его шайкѣ злодѣевъ, ушелъ изъ своего помѣстья, Домнина. Здѣсь же принялъ онъ, 14-го марта 1613-го года, русскій престолъ, предложенный ему торжественнымъ посольствомъ изъ Москвы, по избранію всей Россіи. Ипатьевскій монастырь стрсенъ предками царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, и здѣсь похороненъ его дѣдъ, а также отецъ и мать; могила же самого царя Бориса въ Троицкой лаврѣ, въ 60-ти верстахъ отъ Москвы. Въ Ипатьевскомъ же соборѣ похороненъ, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, и крестьянинъ-герой, Иванъ Сусанинъ. Въ Костромѣ же есть и памятникъ Сусанину; а подвигъ его тебѣ, безъ сомнѣнія, извѣстенъ. Въ Угличѣ я былъ на той самой площади, гдѣ началась кровавая драма междуцарствія, гдѣ погибъ послѣдній потомокъ царствующаго Рюрикова дома; здѣсь передо мною — тотъ самый монастырь, гдѣ избранъ на царство родоначальникъ новой династіи Романовыхъ; далѣе ждетъ меня городъ, на площади котораго простой человѣкъ, Мининъ, положилъ начало спасенія Россіи въ тяжелые годы междуцарствія.

Отъ Костромы до Нижняго Волга становится все красивѣе; громадные села, часто съ нѣсколькими каменными церквями, не въ примѣръ больше, богаче и промышленнѣе многихъ уѣздныхъ городовъ, виднѣются на холмахъ, подымающихся то на правомъ, то на лѣвомъ берегу Волги. Многія изъ этихъ селъ славятся сво-

ими издѣліями; такъ въ селѣ Святомъ выдѣлывается отличное полотно и обрабатывается превосходный ленъ; села — Сидоровское и Пожня работаютъ различныя крестьянскія украшенія — серьги, кольца, и проч.; въ Плесѣ выдѣлываются хорошіе топоры, расходящіеся отсюда далеко по Россіи. Мы ночевали у Плеса. Это заштатный и очень древній городъ, расположенный на живописномъ, гористомъ берегу. Здѣсь русскіе въ 1540-мъ году разбили татаръ, пробравшихся къ Костромѣ; здѣсь костромичи въ 1612-мъ году встрѣтили Минина и Пожарскаго, шедшихъ на освобожденіе Москвы. Здѣсь почти каждое село чѣмъ нибудь да замѣчательно, или въ историческомъ, или въ промышленномъ отношеніи. Вообще, надобно замѣтить, что приволжскіе города и села, а часто и цѣлые округи селъ и деревень дружно раздѣлили между собою различныя отрасли промышленности; въ одномъ всѣ занимаются тканьемъ полотна, въ другомъ точаютъ сапоги, въ третьемъ куютъ топоры; тамъ цѣлое село сбиваетъ бочки, ушаты, ведра, а тамъ всѣ выдѣлываютъ ножи; тамъ топятъ сало, дѣлаютъ свѣчи; а тамъ цѣлыя села занимаются постройкой судовъ; жители одной мѣстности идутъ въ извозъ, жители другой — прирожденные бурлаки, жители третьей — доцмана, а Волга съ ея безчисленными притоками соединяетъ всѣ эти промышленные и ремесленные города и села въ одинъ громадный городъ, работающій на всю Россію.

По дорогѣ отъ Костромы до Нижняго многія мѣстности ознаменованы битвами, или съ татарами, или съ поляками. Замѣчательны въ этомъ отношеніи городъ Кинешма и находящаяся въ верстахъ двадцати отъ нея, слобода Рѣшма. Кинешма и Рѣшма не хотѣли признать власти поляковъ и были разорены до тла. Видно вообще по всему, что въ этой приволжской сторонѣ жили истинно русскіе люди, которые лучше хотѣли умирать, чѣмъ признавать надъ собою ненавистную власть. Недалеко за Рѣшмой впадаетъ въ Волгу судоходная рѣка Унжа, берущая свое начало въ лѣсахъ Вологодской губерніи. По Унжѣ сплавляется въ Волгу большое количество строеваго лѣса, барокъ, смолы и дегтю.

Противъ устья Унжи, на крутизнахъ гористаго праваго берега Волги, стоитъ старинный, теперь незамѣчательный и бѣдный го-

родъ, Юрьевецъ Поволжскій, также разоренный сначала татарами, а потомъ поляками. Жители его занимаются постройкой судовъ; судостроеніе вообще составляетъ главный промыселъ приволжскихъ селъ, недалеко отъ Нижняго. Посадъ Пучежъ гораздо богаче города Юрьевца. На границѣ Нижегородской губерніи замѣчательно также село Катунка, въ которомъ выдѣлываются опойки. Въ огромномъ селѣ Городцѣ съ его приселками, болѣе семи тысячъ жителей. Недалекъ отъ него расположены на горѣ Оползень остатки валовъ стараго Городца. На этой горѣ, по преданію, ночью будто бы горятъ огоньки на забытыхъ могилахъ князей городецкихъ. Про другую городецкую гору, Кирилову, одинъ изъ пассажировъ рассказалъ намъ довольно поэтическое преданіе.

— Если, говорилъ онъ, мимо Кириловой горы раннимъ утромъ проходить судно, на которомъ всѣ люди благочестивы, то Кирилова гора раскрывается; изъ нея выходятъ старые монахи, кланяются и просятъ свезти поклонъ братьямъ ихъ, жигулевскимъ старцамъ (Жигули, или Жигулевскія горы, расположенныя на правомъ берегу Волги въ Симбирской губерніи). Подъѣзжая къ Жигулямъ, стоитъ только крикнуть: «жигулевская братія! шлютъ вамъ поклонъ старцы Кириловой горы;» тогда разступаются Жигулевскія горы, изъ нихъ выходятъ старые монахи и кланяются до земли.

Отъ Юрьевца Поволжскаго Волга поворачиваетъ почти прямо на югъ, и далѣе, съ каждымъ часомъ ѣзды, воздухъ замѣтно становится теплѣе и теплѣе; холмистые берега зеленѣе, цвѣтистѣе; лѣса и рощи полнѣе, гуще и разнообразнѣе; хвойныхъ деревьевъ видно менѣе, дубъ и липа встрѣчаются чаще и растутъ роскошнѣе. Правый гористый берегъ Волги здѣсь иногда чрезвычайно живописенъ.

Но я не сказалъ тебѣ еще ничего о моей жизни на пароходѣ, а она стоитъ того, чтобы описать ее подробнѣе. Пассажиры на нашей палубѣ мѣнялись безпрестанно и, не сходя съ парохода, можно было бы изучать образцы почти всѣхъ русскихъ племенъ и народностей, встрѣтить представителей всѣхъ губерній и всѣхъ возможныхъ промысловъ. Изъ Твери почти до самаго Нижняго,

но болѣе до Костромы и Ярославля, ѣхало съ нами множество молодыхъ людей и даже мальчиковъ изъ петербургскихъ и московскихъ лавокъ, трактировъ, гостинницъ, кузницъ, слесаренъ, булочныхъ, пивоваренъ и т. д. Этотъ молодой народъ, просидѣвъ два, три года въ какой нибудь лавкѣ, гостинницѣ или мастерской, ѣхалъ теперь домой *на побыску*, т. е. погостить два, три лѣтние мѣсяца у родныхъ. Приятно было видѣть, какъ счастливы и веселы были эти маленькіе половые, кузнецы, слесаря, съ какимъ нетерпѣніемъ дожидали они той пристани, гдѣ могли выйти на берегъ съ тѣмъ, чтобы отправиться въ родимое село, отстоящее иногда за десятки верстъ отъ берега. Съ узелкомъ за плечами, въ которомъ непременно скрываются гостинцы отцу, матери, сестрѣ или маленькому брату, весело вбѣгаетъ молодой работникъ на пристань, и бодро идетъ по знакомой ему дорогѣ. Случалось иногда и такъ, что старикъ-отецъ или старушка-мать встрѣчали тутъ же на пристани своего ненагляднаго Ванюшу, котораго не видали 5 или 6 лѣтъ. При этомъ не лишнее будетъ замѣтить еще разъ, что костромичи и въ особенности ярославцы цѣлыми толпами уходятъ на заработки въ Петербургъ и Москву; потому что почва этихъ губерній представляетъ мало удобствъ для земледѣлія, но еще болѣе потому, что бойкому, смѣливому ярославцу не сидится на мѣстѣ.

Письмо 3-е.

Нижній Новгородъ.

Отправившись отъ Балахны, мы скоро увидели издали Нижний. Это было рано утромъ. Какой-то прозрачный паръ стоялъ надъ Волгою, и сквозь него заблестѣли главы множества старинныхъ церквей и верхушки крѣпостныхъ башенъ. Скоро показался и весь городъ, стоящій на довольно высокой и крутой горѣ, у подошвы которой сливаются двѣ большія рѣки—Волга и Ока; послѣдняя показалась мнѣ здѣсь немногимъ уже Волги. Цѣлый лѣсъ мачтъ, дымящіяся трубы пароходовъ, множество пристаней, толпы народа, суетившагося по берегу—все это придавало чрезвы-

чайно оживленный видъ Нижнему. Странно только, что у Нижняго почти не существуетъ искусственной набережной и что люди и лошади на пристани тонуть въ грязи.

По крутой, довольно неудобной дорогѣ взвезъ меня извожигъ на высокую гору, на которой расположенъ верхній городъ. Улицы въ Нижнемъ показались мнѣ такими же пустыми, какъ и въ Ярославлѣ. Плохая, грязная, но дорогая гостинница дала мнѣ на время пріютъ. Половой, впрочемъ, утѣшалъ меня, говоря, что во время ярмарки я за ту же самую комнату заплатилъ бы въ пять разъ дороже.

Переодѣвшись, поспѣшилъ я прежде всего въ Нижегородскій Кремль. Его древняя стѣна и многочисленныя, красивыя башни манили меня еще издали. Съ почтеніемъ взглянулъ я на старинный Спасо-Преображенскій соборъ, существующій уже болѣе 600 лѣтъ. Сколько великихъ историческихъ событій видѣлъ этотъ соборъ на своемъ вѣку! Въ склепѣ, подъ соборомъ, посреди гробницъ князей и епископовъ, стоитъ и гробница простаго человѣка, нижегородскаго мясника, Козьмы Захаревича Минина-Сухорукаго. Посѣтивъ здѣшнюю соборную усыпальницу, Петръ Великій поклонился до земли гробницѣ Минина и сказалъ: «здѣсь лежитъ избавитель Россіи». Другіе императоры и императрицы наши, бывавшіе въ Нижнемъ, не забывали также гробницы нижегородскаго мясника. На площади Кремля, теперь пустынной, совершилось великое событіе, положившее начало побѣдоносному выходу Россіи изъ тяжелой годины междоусобія, когда толпы поляковъ и шайки разбойниковъ расхаживали по ней изъ конца въ конецъ, города и села обливались кровью, пылали или уже лежали въ развалинахъ, оставленные жителями; — когда самое сердце Россіи, Москва, была въ рукахъ наглыхъ пришельцевъ, — когда, наконецъ, русскій народъ еще существовалъ, но русскаго государства уже не было. Въ это безотрадное время великая и необычайно смѣлая мысль зародилась въ умѣ простаго нижегородскаго ремесленника. Онъ задумалъ спасти Россію ея собственными силами, любовью русскаго народа, не призывая на помощь никакихъ иноземцевъ. Нижегородцы знали Минина за честнаго, простодушнаго, умнаго человѣка; но подозрѣвалъ ли кто нибудь, что въ этомъ

простомъ человѣкѣ скрывается герой, имя котораго переживетъ вѣка? Когда Мининъ началъ говорить о необходимости спасти отечество, то въ его словахъ было столько силы, столько любви къ родной странѣ, что они подѣйствовали на слушавшихъ, тѣмъ болѣе, что всѣ чувствовали то же, о чемъ Мининъ сталъ говорить громко. Сюда, на эту площадь, стекались нижегородцы толпами, принося все свое имущество на дѣло спасенія отчизны; отсюда отправились они освобождать Москву. Въ память этого величайшаго событія русской исторіи стоитъ теперь на кремлевской площади весьма небольшой и не очень красивый памятникъ; но такія событія не нуждаются въ великолѣпныхъ памятникахъ: никто ихъ безъ памятниковъ не забудетъ.

Осмотрѣвъ соборъ, памятникъ, взглянувъ на дворецъ, въ которомъ живетъ губернаторъ, и на пустынную площадь, окруженную какими-то казармами, я отправился на кремлевскую стѣну и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по ней, остановился, пораженный необыкновенно обширнымъ и красивымъ видомъ. Внизу, подъ горою, на которой стоитъ Кремль, расположенъ *нижній городъ*, который показался мнѣ гораздо оживленнѣе *верхняго*. Устья Оки почти не видно за множествомъ судовъ. На другомъ, плоскомъ берегу ея расположены ярмарочныя зданія, между которыми шевелится множество народа, хотя знаменитая ярмарка еще не началась. Но какой очаровательный видъ открывается вдаль, внизъ и вверхъ по Волгѣ и на ея луговую сторону, которой кажется, и конца нѣтъ! Какое обиліе воды! какія синія волны! какой прозрачный воздухъ и какъ его много! Большая барка, посреди Волги, кажется отсюда маленькою лодкою, а лодка, поднимавшая свой бѣлый парусъ, — бѣлокрылою чайкою, которая, сверкая на солнцѣ своими крыльями, купается въ синей волнѣ. Въ первый разъ въ моей жизни я видѣлъ такую даль, такое обиліе воды и зеленыхъ луговъ, и потому неудивительно, что, усѣвшись между крѣпостными зубцами, я не могъ оторвать взора отъ очаровательной картины. Не знаю, долго-ли бы я просидѣлъ такъ, если бы чья-то мощная рука не налегла мнѣ на плечо. Я оглянулся: это былъ мой знакомый старикъ, петербургскій купецъ.

— Ну, что скажете вы теперь о матушкѣ-Волгѣ? спросилъ онъ меня съ улыбкой.

— Удивительно! превосходно! Чудная рѣка! отвѣчалъ я ему: я сижу здѣсь уже цѣлый часъ, и не могу рѣшиться уйти.

— Это понятно: вы въ первый разъ видите Волгу въ Нижнемъ. Я выросъ и состарѣлся на Волгѣ, я проѣхалъ ее съ верха до низу и съ низу вверхъ безсчетное число разъ; мало этого — что грѣха таить? былъ молодцу не укорь! — истопталъ своими ногами всѣ берега Волги: — а между тѣмъ всякій разъ, какъ бываю въ Нижнемъ и взойду вотъ сюда, на стѣну, то смотрю, смотрю — и не могу насмотрѣться, не могу отвести глазъ! А въ разливъ, когда затопитъ водою вотъ всю ту луговую сторону Волги, — это просто море. Недурно также взглянуть на ярмарочную площадь въ июль и августъ; тутъ, батюшка мой, тогда всякаго народу и всякаго товару, чего только душа пожелаетъ. Не говоря уже о нашихъ русскихъ, которые съѣзжаются на Макарьевскую ярмарку изъ всѣхъ самыхъ отдаленныхъ губерній; кого только и кого здѣсь не бываетъ! И нѣмцы-то изъ за-границы, и татары, и турки, греки, армяне, бухарцы, персіяне, башкирцы, киргизы, калмыки. И всякой-то свой товаръ везетъ на Макарьевскую, и всякій съ другимъ товаромъ увѣзаетъ. Какіе тутъ миллионы ворушаются! Иной разъ товару миллионъ на 70 серебромъ навезутъ и миллионъ на 50 продадутъ. Кромѣ того, на Макарьевской же многіе торговцы сводятъ свои годовые, миллионные счета: долги платятъ, долги получаютъ, товаромъ ли, деньгами ли.

— Почему Нижегородская ярмарка называется Макарьевскою?

— Потому, что въ 1818 году эта ярмарка переведена въ Нижний изъ Макарьева. Я самъ еще ѣзжалъ въ Макарьевъ на ярмарку и привыкъ называть ее по прежнему.

— Какое множество судовъ на Окѣ, замѣтилъ я.

— Ока, батюшка, правая рука Волги, отвѣчалъ словоохотливый купецъ: какіе у нея чудные берега — холмы, разлоги, зеленые, бархатные дуга, старинные русскіе города, чисто русскія, великорусскія села и деревни! Волгу можно назвать первою рѣкою русскаго государства; по берегамъ ея живетъ много разнообразныхъ племенъ: русскіе, чуваші, черемисы, татары, башки-

ры, киргизы, калмыки; Ока же великорусская рѣка: только на Мокшѣ, что впадаетъ въ Оку съ юга, живетъ мордва, да и та уже русѣетъ, а то все русскіе. Истокъ Оки находится почти у границы благословенной, хлѣбной Малороссіи, гдѣ царствуетъ уже не Волга, а Днѣпръ. Скоро сбѣжавшись порядочною судоходною рѣчкою, Ока протекаетъ или задѣваетъ своимъ теченіемъ богатія губерніи, богатія или хлѣбомъ или пенькою, или промысломъ и торговлею: Орловскую, Тульскую, Калужскую, Московскую, Владимірскую, Рязанскую, Тамбовскую, Нижегородскую. А какіе славные, замѣчательные города стоятъ на Окѣ и ея притокахъ: на самой Окѣ — Орелъ, Калуга, Рязань, Нижній; на Упѣ — Тула; на рѣкѣ Москвѣ — наша матушка Москва, блочкаменная; на Клязьмѣ — Владиміръ, древняя столица Руси, еще древнѣе Москвы, хотя и помоложе Кіева; на Цпѣ, впадающей въ Мокшу, — Тамбовъ; а Мокша притягиваетъ къ Окѣ и Пензенскую губернію, одну изъ самыхъ хлѣбородныхъ нашихъ губерній. На сѣверной сторонѣ Оки, гдѣ земля похуже, особенно въ губерніяхъ Владимірской, Московской, Калужской, занимаются болѣе фабричнымъ дѣломъ и торговлею; по южной, гдѣ идетъ богатая черноземная полоса, какъ напримѣръ въ Тамбовской, Пензенской, занимаются болѣе хлѣбопашествомъ. Такъ уже, видно, Богъ раздѣлилъ это мѣсто: однимъ назначилъ прясть, ткать, ковать, другимъ — землю пахать. Во Владимірской губерніи, напримѣръ, что ни село, то фабрика, а иногда и десятокъ: тамъ ткуть полотна, парусину, тамъ вьютъ канаты, набиваютъ ситцы, дѣлаютъ ножи и всякаго рода стальные товары; тамъ пишутъ образа на всю Россію; оттуда офени, съ коробками за плечми, расходятся по всѣмъ губерніямъ. Побывайте только въ Шуѣ, уѣздномъ городѣ Владимірской губерніи, и вы увидите столько ситцевыхъ фабрикъ, сколько насчитаете развѣ подь Москвою; а село Иваново, Павлово... это, батюшка, дѣлые фабричные города, хоть и называются селами.

— Мнѣ-бы хотѣлось знать, сказалъ я, смотря вдаль на уходящую изъ глазъ Волгу: какова-то Волга тамъ, дальше?

— За Нижнимъ она почти нигдѣ уже версты не бываетъ; правый берегъ ея кругъ и высокъ, лѣвый низменный, ровный и на-

зывается луговымъ, или просто *луговою*, потому что по немъ стеются безконечные и богатые луга. Какъ выходитъ Волгѣ изъ Нижегородской губерніи, тутъ впадаютъ въ нее двѣ довольно большія рѣки: съ лѣвой стороны Ветлуга, съ правой Сура. Ветлуга — это лыковая рѣка: по ней каждое лѣто сплавляется множество лубья, лыкъ, мочаль, рогожъ.

— Не важный товаръ, замѣтилъ я съ улыбкой.

— Ну, не говорите: товаръ, конечно, не дорогой; но много его надобно на коробки, на рогожи, на лапти, и въ иной годъ на Макарьевскую ярмарку привозятъ этого товару на полтора ста рублей серебромъ и болѣе.

— Изъ чего же дѣлаютъ лыко?

— Изъ луба молодыхъ липовыхъ деревьевъ: весною надрѣзываютъ на молодыхъ липахъ кору, и она потомъ легко сдирается, а подь нею лежитъ лубъ, изъ котораго выходитъ и лыко и лубье для коробовъ; мочало же дѣлается изъ луба съ вѣтокъ; потомъ лыко мочать въ водѣ, а къ осени вынимаютъ и сушатъ. Вотъ и все производство, а много людей живутъ этимъ нехитрымъ промысломъ! По берегамъ Ветлуги дѣлые лѣса липъ, и на лыко идетъ только молодой лѣсъ, который скоро опять вырастаетъ.

— Чѣмъ же замѣчательна Сура?

— По ней много сплавляется хлѣба изъ Пензенской и Нижегородской губерніи; за Сурой же пойдутъ уже татары, чуваша, черемисы, все народъ не русскій, хоть живутъ и въ русскомъ царствѣ. Сама Казань уже полутатарскій городъ, бывшая столица казанскаго царства, а теперь самый красивый изъ нашихъ губернскихъ городовъ, въ которомъ есть и университетъ. Когда поѣдете отъ пристани къ Казани, то увидите широкую, каменную пирамиду, поставленную въ воспоминаніе взятія Казани грознымъ Царемъ. Съ этого времени татарское царство кончилось на вѣки; за Казанью покорилась Астрахань, за Астраханью Сибирь, а тамъ дошла очередь и до Крыма, а тамъ мы побывали и въ Андріанополѣ. — Верстахъ въ семидесяти за Казанью съ лѣвой стороны впадаетъ въ Волгу Кама, самый большой изъ волжскихъ притоковъ. Она несетъ въ Волгу безчисленные богатства Урала и губерній приуральскихъ: мѣдь, желѣзо, соль, лѣсъ, разные цѣнные

камни—мраморъ, малахитъ. Кама сама течетъ не менѣе 2 т. верстъ и принимаетъ двѣ большія рѣки—Вятку, на которой стоитъ Вятка, и Бѣлую, по берегамъ которой живутъ башкиры.

— А за Камою какова Волга?

— За Камою Волга дѣлается истинно великаномъ—рѣкою и разливается въ меженное время отъ 4 хъ до 5-ти верстъ, а въ разливъ на десять верстъ. Съ одного берега на другой человекъ не видать! А какія все богатые хлѣбныя губерніи протекаетъ она въ этомъ мѣстѣ: Казанскую, Симбирскую, Самарскую, Саратовскую. Изъ этихъ-то низовыхъ губерній везутъ къ намъ въ Питеръ золотую пшеницу, а изъ Питера везутъ ее на корабляхъ въ чужія земли. Отъ самой Казани до Царицына правый берегъ высокъ и красивъ, горы покрыты чудесными лѣсами, и въ этихъ-то лѣсистыхъ горахъ жилали когда-то знаменитые волжскіе разбойники. Отъ Царицына Волга пойдетъ уже бесплодною степью, и хотя здѣсь рѣка еще шире, но безпрестанно дѣлится на рукава. Когда же подѣ Астраханью, во время разлива, всѣ эти рукава сольются въ одно, тогда уже Волга—просто цѣлое море, и въ бурю волны ходятъ по ней горами. За Царицынымъ идутъ берега все невеселые; пустая степь по обѣ стороны, а постепи бродятъ калмыки и киргизы. Въ Каспійское море Волга впадаетъ множествомъ рукавовъ, но мелка, что очень затрудняетъ судоходство.

— А вы и въ Астрахани бывали?

— Какъ не бывать! сколько разъ! Она построена на довольно высокомъ островѣ Волги, верстахъ въ 70-ти отъ моря. Здѣсь Волга дробится уже на безчисленное число рукавовъ, которые то раздѣляются, то соединяются, и образуютъ множество острововъ. Здѣсь, въ Нижнемъ, на городъ смотреть съ кремлевской стѣны. Въ Астрахани такой высокой горы и стѣны нѣтъ, и охотники взбираются на соборную колокольню, чтобы оттуда взглянуть на городъ. Улицы Астрахани широки, красивы, обсажены аллеями; за ними видна гавань, покрытая кораблями и барками, течетъ широкая Волга, усѣянная безчисленными зелеными островами. Народъ на астраханскихъ улицахъ—самый пестрый: тамъ сидятъ на лавкахъ передъ своими домами хивинцы въ высокихъ овчинныхъ шапкахъ; тамъ прохлаждаются важные персіане; тамъ

идетъ армянинъ, а ему на встрѣчу—гускій мужикъ въ своей рубахѣ; ѣдетъ верхомъ киргизъ, калмыкъ гризный, оборванный, съ такою широкою, плоскою образиною, что и взглянуть страшно. Однакоже соловья баснями не кормятъ, прибавилъ старикъ, взглянувъ на часы, и отъ хорошаго вида сытъ не будешь. Вы гдѣ остановились?

— Я назвалъ гостиницу.

— Ба! такъ мы съ вами сосѣди. Пойдемте же ко мнѣ завтракать, а за завтракомъ, коли есть охота слушать, еще поболтаемъ о Волгѣ.

Въ гостиницѣ, въ ожиданіи завтрака, купецъ показалъ мнѣ отличную карту Волги, на которой онъ своей рукой сдѣлалъ множество замѣтокъ: крестиковъ, точекъ, черточекъ.

— Вотъ она, матушка, какъ растинулась, говорилъ старикъ, водя пальцемъ по картѣ: почитай, что всю Россію обогнула; начнется тамъ, гдѣ растутъ только елки да сосны и оканчивается тамъ, гдѣ можно найти и виноградъ и шелковичное дерево; треть Европейской Россіи занимаетъ она со своими притоками; связываетъ три далекія моря; а сколько городовъ, губерній, сколько народу живетъ и кормится Волгой! Что была бы Россія безъ Волги? такая же дикая степь, какъ та, по которой бродятъ теперь киргизы и калмыки. Да, мой родимый, Волга величайшій даръ Божій Русской Землѣ!

— Вы, кажется, замѣтилъ я, отлично знаете эту рѣку.

— Да, не дурно, а благодаря ей, и всю Россію: я, батюшка, погами выгонталъ себя русскую географію.

— Какъ такъ?

— Да такъ! моя судьба—преудивительная судьба, и вы, видя меня петербургскимъ купцомъ, конечно, не подозреваете, что я въ молодости былъ бурлакомъ, таскалъ лямку по берегамъ Волги и Оки, а потомъ присталъ къ владимірскимъ офенимъ и съ коробомъ за плечами разносилъ бездѣлушки по святой Русь; потомъ ѣздилъ на своей собственной тройкѣ, развози товары, куда приходилось; потомъ занялся хлѣбной торговлей—и сталъ, какъ видите, петербургскимъ купцомъ. Теперь у меня и дома каменные, и капиталъ есть, и уваженіемъ добрыхъ людей, слава Богу,

пользуюсь; а какъ вспомню свое бурлачество, то, ей, всякій разъ вздохну. Сильно я состарѣлся; семья у меня теперь большая, внуки уже торгуютъ; а не могу отвыкнуть отъ бродячей жизни. Зимой еще туда-сюда, сижу дома, да почитываю кое-что, больше все же о Волгѣ; но какъ только наступитъ весна, какъ только я завижу на Невѣ первую лодку, слышу первый свистокъ парохода, такъ меня и подмываетъ на родимую мою Волгу: на ней я счастливъ, весель, молодъ по прежнему, и только тогда грустно станеть, какъ подумаю, что вижу ее, можетъ быть, въ послѣдній разъ.

—Ваша жизнь должна быть прелюбопытна, сказалъ я, замѣтивъ, что почтенный старикъ разговорился.

—Да, есть что поразсказать; но когда нибудь въ другое время; а теперь пора завтракать.

Пора и мнѣ кончить къ тебѣ письмо, а то, пожалуй, его и въ пакетъ не упрячешь. Прощай, будь здоровъ, и при первой возможности повзжай самъ взглянуть на Волгу.

ОТДѢЛЪ IV.

ПЕРВЫЕ УРОКИ ЛОГИКИ *)

Роза и гвоздика.

(Образецъ самаго простаго сравненія).

Роза и гвоздика имѣютъ много *сходства*: и роза, и гвоздика—растения; у обѣихъ есть корень, листья, стволъ и цвѣты; обѣ раз-

*) Само собою разумѣется, что статьи, собранныя здѣсь въ одинъ отдѣлъ, не могутъ быть читаемы по порядку, а должны сопровождать постоянно чтеніе 2-й части «Дятскаго Міра.» Кромѣ того, слѣдуетъ предварительно, уже при чтеніи 1 й части, упражнять дѣтей въ логическомъ мышленіи того или другаго рода, и потомъ уже, прочитавъ статьи логики, возвестъ къ сознанію логическаго закона.

виваются изъ почекъ; обѣ цвѣтутъ недолго и вянутъ очень быстро; цвѣты розы и цвѣты гвоздики имѣютъ пріятный запахъ.

Но между гвоздикою и розою есть также и большое *различіе*: цвѣты ихъ имѣютъ различный запахъ; роза бываетъ одного цвѣту—розовая, бѣлая или желтая; а гвоздика обыкновенно бываетъ разноцвѣтная, пестрая; у розы широкіе, круглые листья, у гвоздики — узкіе и длинные; на розѣ есть шипы, на гвоздикѣ нѣтъ.

Классная доска и грифельная доска.

(Образецъ сравненія).

— *Сходство*: 1) Классная доска черна и грифельная также. 2) У классной доски четыре угла, у грифельной тоже. 3) Обѣ употребляются для письма. 4) Классная доска сдѣлана изъ дерева, на грифельной также есть дерево.

Различіе: 1) Классная доска стоитъ посреди класса на ножкахъ; грифельныя лежатъ на столахъ предъ учениками. 2) Классная доска въ классѣ бываетъ одна, рѣдко двѣ или три; а грифельныхъ бываетъ много: у каждаго ученика должно быть по одной. 3) Классная доска вся черна, грифельная нѣтъ. 4) Классная доска вся изъ дерева, грифельная изъ камня, только рамка у нея деревянная. 5) На классной доскѣ пишутъ мѣломъ, на грифельной—грифелемъ. 6) Классная доска больше грифельной.

Все, чѣмъ одинъ предметъ отличается отъ другаго, или, въ чемъ одинъ предметъ имѣетъ сходство съ другимъ, называется *признакомъ*. Сравнивая два предмета одинъ съ другимъ, мы находимъ въ нихъ сходные или различные признаки.

Что такое различіе и сходство?

Сынъ. Я часто слышу слова: сходство, различіе, но не совѣмъ ихъ понимаю.—*Отецъ*. Вотъ два стула стоятъ рядомъ: какъ ты думаешь, похожи ли они одинъ на другой?—*Сынъ*. Я думаю, что

похожи—*Отецъ*. И я думаю тоже. Они имѣютъ очень много сходныхъ признаковъ: оба назначены для того, чтобы на нихъ сидѣть; оба сдѣланы изъ дерева; оба одинаковой величины и одинаковой формы; словомъ, эти стулья различаются только по мѣсту; одинъ стоитъ направо, а другой налево. Вотъ почему мы можемъ сказать, что эти стулья похожи одинъ на другой.—*Сынъ*. Да, они очень похожи.—*Отецъ*. Но вотъ подлѣ стула я поставлю деревянную скамейку: похожа ли скамейка на стулъ?—*Сынъ*. Писколько.—*Отецъ*. Чѣмъ же они различаются?—*Сынъ*. Стулъ обитъ кожей, а скамейка—нѣтъ; стулъ выкрашенъ черною краскою, а скамейка бѣлая; у стула есть спинка, у скамейки—нѣтъ.—*Отецъ*. Однакоже у нихъ есть и сходные признаки: ножки.—*Сынъ*. Какое же между ними сходство? Кажется, никакого.—*Отецъ*. Скамейка сдѣлана изъ дерева, а стулъ?—*Сынъ*. Стулъ тоже изъ дерева.—*Отецъ*. У скамейки четыре ножки... *Сынъ*. И у стула тоже.—*Отецъ*. Стулъ назначенъ для того, чтобы на немъ сидѣть; а скамейка?—*Сынъ*. И скамейка назначена для тогоже.—*Отецъ*. Стулъ и скамейка, слѣдовательно, составляютъ двѣ различныя вещи, но сходны уже потому, что и стулъ и скамейка—мебель. Вотъ двѣ монеты: сходны ли онѣ между собою?—*Сынъ*. Нѣтъ, онѣ очень различны.—*Отецъ*. Однакоже у нихъ много сходныхъ признаковъ. Посмотри: онѣ обѣ одинаковой величины, обѣ круглы, обѣ тяжелы, обѣ употребляются на то, чтобы на нихъ покупать различныя вещи; обѣ сдѣланы изъ металла.—*Сынъ*. Однакоже одна монета сдѣлана изъ мѣди, а другая изъ серебра, и цвѣтъ у нихъ совершенно различный.—*Отецъ*. Слѣдовательно, между этими двумя монетами есть сходство по величинѣ и по формѣ; но онѣ совершенно различаются по цвѣту, по металлу, изъ котораго каждая изъ нихъ сдѣлана; по цѣнѣ: одна гораздо дороже другой. Слѣдовательно, между этими двумя монетами есть сходство и есть... *Сынъ*. Есть различіе.—*Отецъ*. Теперь ты понимаешь, что между двумя или нѣсколькими предметами всегда есть сходство и различіе, и если мы на примѣръ говоримъ, что одинъ человѣкъ не похожъ на другаго, то это только потому, что принимаемъ въ расчетъ одни тѣ признаки, по которымъ двое людей одинъ отъ другаго отличаются, и не думаемъ въ то же время о тѣхъ, по кото-

рымъ они сходны. Не правда ли, что между всѣми людьми много сходныхъ признаковъ?—*Сынъ*. Конечно.—*Отецъ*. Человѣкъ, который бы не имѣлъ никакихъ человѣческихъ признаковъ, не былъ бы... *Сынъ*. Не былъ бы человекомъ.—*Отецъ*. По нѣтъ и такихъ двухъ сходныхъ предметовъ, между которыми не было бы никакого различія. Вотъ два листочка съ одного и того же дерева: кажется, они совершенно похожи одинъ на другой; но всмотрись хорошенько, и ты найдешь между ними различіе. Нѣтъ въ мірѣ двухъ предметовъ, между которыми не было бы какого нибудь различія и сходства.

Различіе признаковъ.

Отецъ. Мы знаемъ теперь, что называется признакомъ. Признаками могутъ быть: цвѣтъ предмета, запахъ, вкусъ, величина, тяжесть, форма, матеріалъ, изъ котораго предметъ сдѣланъ и т. д. Но вотъ два одинаковые листа бумаги; между ними, вѣроятно, можно бы найти различіе; но должно очень долго всматриваться; не знаешь ли ты, какъ бы различить ихъ съ перваго взгляда?—*Сынъ*. Очень легко: одинъ листъ лежитъ на скамейкѣ, а другой на столѣ.—*Отецъ*. Хорошо; но здѣсь ты различаешь два предмета не по цвѣту, не по формѣ, не по вѣсу, а по положенію. Я могу передожить одинъ предметъ на мѣсто другаго и тогда положеніе ихъ перемѣнится. Но если одинъ листъ будетъ черный, а другой бѣлый, то гдѣ бы я не положилъ ихъ, они все будутъ различаться по цвѣту. Тѣ признаки, которые принадлежатъ самому предмету, называются *качествами или свойствами* предмета. Положеніе предмета тоже можетъ быть признакомъ, но не будетъ свойствомъ. Но кромѣ свойствъ и положенія предмета, можно еще различать предметы по времени. Такъ мы говоримъ: вчерашній день, вчерашній обѣдъ, завтрашній урокъ, утреннія занятія, вчерашній чай; здѣсь мы различаемъ предметы по времени. Вчерашній обѣдъ можетъ быть совершенно похожъ на сегодняшній, но тѣмъ не менѣе онъ вчерашній, и мы имъ сыты не будемъ. Для такого отличія мы употребляемъ названія мѣсяцевъ, дней недѣли,

считаемъ часы, числа, годы. Можно еще отличать одинъ предметъ отъ другаго *по количеству*: въ этой комнатѣ шесть стульевъ, въ той двѣнадцать; два аршина сукна меньше трехъ и т. д. Но вотъ двѣ одинаковые книги: какъ ты думаешь, чѣмъ всего скорѣе можно ихъ различить? — *Сынъ*. Одна изъ нихъ закрыта, а другая раскрыта. — *Отецъ*. Вотъ двѣ одинаковые монеты: возьми ихъ въ руки и скажи проворнѣе, чѣмъ онѣ отличаются. — *Сынъ*. Одна изъ нихъ холодна, а другая тепла. *Отецъ*. Вотъ два стула: найди различіе между ними. — *Сынъ*. Одинъ изъ нихъ лежитъ другой стоитъ. — *Отецъ*. Здѣсь предметы различаются *по состоянію*, въ которомъ они находятся. Одинъ человекъ стоитъ, другой сидитъ, третій читаетъ, четвертый пишетъ, пятый бѣгаетъ: всѣ эти люди различаются по состоянію, въ которомъ они находятся. Можно еще различать предметы *по дѣйствию*, которое производитъ одинъ предметъ на другой, или которое онъ самъ претерпѣваетъ отъ другаго дѣйствующаго предмета: одинъ мальчикъ рѣжетъ палочку, а другой пускаетъ змѣя; одинъ крестьянинъ погоняетъ лошадь, а другой рубитъ дрова; одинъ мальчикъ былъ строго наказанъ отцемъ за шалости, а другой былъ награжденъ за прилежаніе. Часто также предметы различаются *по назначенію*: печка назначена для того, чтобы нагрѣвать комнату, а окошко для того, чтобы освѣщать ее; перочинный ножикъ назначенъ для того, чтобы чинить имъ перо и т. д. Не перечислишь ли ты мнѣ теперь, какими признаками можно различать предметы?

Сужденіе.

Отецъ. Находить сходство и различіе между предметами и приписывать имъ какіе либо признаки значить *судить, рассуждать*; а способность рассуждать называется *разсудкомъ*. Если я говорю, что у лошади нѣтъ роговъ, а у коровы нѣтъ гривы; что у льва втяжные, острые когти, а у лисы пушистый хвостъ; то, значить, я приписываю предметамъ тѣ или другіе признаки, или рассуждаю. Сужденія, какъ ты видишь, могутъ быть *отрицательныя* и *положительныя*. Положительнымъ называется такое сужденіе, въ

которомъ я приписываю предмету какой нибудь признакъ, отрицательнымъ—такое, въ которомъ я утверждаю, что какого нибудь признака въ предметѣ нѣтъ. Во всемъ, что мы говоримъ и думаемъ, есть непременно сужденіе. Всякая мысль въ нашей головѣ, всякая фраза, если только въ ней есть какой нибудь смыслъ, непременно заключаетъ въ себѣ *сужденіе*. — *Сынъ*. Неужели? Но если я скажу что нибудь на удачу? — *Отецъ*. Скажи, что хочешь. — *Сынъ*. Что бы мнѣ сказать такое? (*подумавъ*.) Сегодня холодно. — *Отецъ*. Здѣсь есть сужденіе: сегодняшнему дню ты приписываешь признакъ—холодъ. *Сынъ*. Я хочу быть большимъ. *Отецъ*. Опять сужденіе; ты приписываешь себѣ признакъ—желаніе быть большимъ. Придумай еще что нибудь. — *Сынъ*. Нѣтъ, я ничего не могу придумать: во всемъ, что приходитъ мнѣ на мысль, есть сужденіе, есть предметъ и есть признакъ, который я ему приписываю. Какъ это странно! я никогда объ этомъ прежде не думалъ.

Тѣло.

Сынъ. Я вычиталъ сегодня въ книгѣ, что мѣсяцъ есть тѣло; я этого не понимаю: тѣло есть у человека, какое же у мѣсяца тѣло? — *Отецъ*. Книга говоритъ правду: тѣломъ называется всякій предметъ, который занимаетъ какое нибудь мѣсто, такъ что другой предметъ въ то же время того же мѣста занимать не можетъ. — *Сынъ*. Этого я что-то не понимаю. — *Отецъ*. Налей полный стаканъ воды и брось туда порядочный камешекъ. Что сбѣлалось съ водою? — *Сынъ*. Воды не много вылилось черезъ край. *Отецъ*. Вотъ видишь-ли, вода уступила свое мѣсто камню: одного и того же мѣста въ одно и то же время камень и вода занимать не могли: слѣдовательно, и камень и вода—тѣла. Ты помнишь также, что въ опытѣ, который мы дѣлали надъ воздухомъ, воздухъ не пускалъ воды въ стаканъ, вотъ почему и невидимый воздухъ мы называемъ тѣломъ. Въ этомъ смыслѣ и луна называется тѣломъ. Она занимаетъ мѣсто въ пространствѣ, точно также, какъ и наша земля. — *Сынъ*. Понимаю; но такимъ тѣломъ можно назвать всякій

предметъ. Всѣ предметы—тѣла, не правда ли?—*Отецъ*. Многіе, очень многіе; но не всѣ. Видалъ ли ты тѣнь, которую оконныя рамы отбрасываютъ въ солнечный день на полъ? Можетъ ли эта тѣнь помѣшать тебѣ двинуть рукою, или поставить что нибудь на томъ самомъ мѣстѣ, и уходитъ ли она прочь, какъ воздухъ, когда ты двигаешь рукою?—*Сынъ*. Нѣтъ, тѣнь хотя и видна, а притронуться къ ней нельзя: притронешься къ полу, а не къ тѣни. —*Отецъ*. Да; но подумай, отчего произошла тѣнь. Солнечныя лучи, проходя сквозь прозрачное стекло, не могутъ пройти сквозь непрозрачную раму: вотъ почему фигура рамы изобразилась на полу. Тѣнь есть только отсутствіе свѣта, слѣдовательно, ее нельзя назвать тѣломъ: но мы можемъ думать и говорить о тѣни, она можетъ быть предметомъ нашихъ сужденій; слѣдовательно, и тѣнь— предметъ. Всякое тѣло непременно должно занимать какое нибудь мѣсто и, слѣдовательно, должно имѣть три свойства: длину, ширину и толщину.

РАЗЛИЧІЕ ПРЕДМЕТОВЪ.

— *Отецъ*. Всѣ предметы, которые занимаютъ какое-нибудь опредѣленное мѣсто, называются *тѣлами*, или предметами *тѣлесными*. Но кромѣ тѣни, есть еще множество предметовъ, которыхъ нельзя назвать тѣлесными. Посмотри—я напишу на доскѣ слово *столъ*: что это, тѣлесный предметъ, или нѣтъ?—*Сынъ*. Столъ есть предметъ тѣлесный.—*Отецъ*. Правда; но то, что я написалъ на доскѣ, есть не самый предметъ, а только названіе предмета тѣлеснаго. Но вотъ я напишу 3, 4, 5—какихъ предметовъ это названія, тѣлесныхъ или безтѣлесныхъ?—*Сынъ*. Это цифры.—*Отецъ*. Да, цифра есть названіе числа. Два стола, это будутъ тѣлесные предмета, а просто *два* будетъ названіемъ такого предмета, о которомъ мы можемъ думать, названіе котораго можемъ написать даже на доскѣ, но котораго не можемъ видѣть, ни осязать, который, словомъ, не имѣетъ тѣла.—*Сынъ*. Я понимаю, что чиселъ самихъ по себѣ видѣть нельзя.—*Отецъ*. Не однихъ чиселъ. Ты можешь видѣть и размѣрять длину, ширину и толщину какого

нибудь предмета; но можешь ли ты видѣть или осязать длину, ширину, толщину сами по себѣ, безъ предмета?—*Сынъ*. Конечно, нѣтъ.—*Отецъ*. Ты слыхалъ уже, что такое *земная ось*; но неужели земля вертится на своей оси, какъ колесо на оси телеги?—*Сынъ*. О, нѣтъ! ось земная есть линія воображаемая, умственная.—*Отецъ*. Однакоже мы говоримъ о ней; даже вычислили, сколько въ ней веретъ. Видалъ ли ты черныхъ птицъ, черное сукно, черные волосы, черную краску или тушь?—*Сынъ*. Конечно.—*Отецъ*. А видѣлъ ли ты черный цвѣтъ?—*Сынъ*. Да.—*Отецъ*. Гдѣ же ты его видѣлъ? *Сынъ*. Да вотъ черная шляпа стоитъ на окнѣ.—*Отецъ*. Это черная шляпа, но не черный цвѣтъ. Видѣлъ ли ты черный цвѣтъ само по себѣ, а не на какомъ нибудь тѣлѣ?—*Сынъ*. Конечно, нѣтъ.—*Отецъ*. Однако же ты говоришь: я люблю черный цвѣтъ, или я не люблю его; слѣдовательно, черный цвѣтъ есть предметъ, о которомъ можно думать и говорить; но не тѣло. Ты видалъ добрыхъ мальчиковъ, но доброты самой по себѣ ты никогда не видалъ; точно также нельзя видѣть ни злости, ни храбрости, никакихъ другихъ душевныхъ качествъ, хотя о нихъ можно думать и говорить. Предметы, о которыхъ можно думать и говорить, но которые не имѣютъ тѣла и отдѣльно отъ другихъ предметовъ сами по себѣ не существуютъ, называются предметами *мысленными* или *отвлеченными*. Но какъ ты думаешь: можно ли видѣть или осязать нашу душу?—*Сынъ*. Нѣтъ, я уже знаю, что она безтѣлесна.—*Отецъ*. Но почему же ты знаешь, что она существуетъ?—*Сынъ*. Потому, что она во мнѣ слышитъ, видитъ, чувствуетъ, думаетъ, заставляетъ двигаться мое тѣло; безъ души тѣло было бы мертво.—*Отецъ*. А какъ ты думаешь, видитъ ли насъ въ это время Господь?—*Сынъ*. Какъ же не видѣть всего Тому, Кто далъ намъ зрѣніе?—*Отецъ*. Но почему же мы Его не видимъ?—*Сынъ*. Потому, что онъ безтѣлесенъ, потому, что Онъ—духъ.—*Отецъ*. Тѣмъ не менѣе ты знаешь уже, какъ Онъ насъ любитъ; ты знаешь, что Онъ создалъ міръ, что Онъ всѣмъ управляетъ. Такіе предметы, которые, хотя не имѣютъ тѣла, но тѣмъ не менѣе живутъ, чувствуютъ, думаютъ, сдѣйствуютъ,—называются предметами *духовными*. Таковы: Богъ, ангелы и безсмертная душа человека, или

духъ.—*Сынъ*. Что же касается предметомъ вообще?—*Отецъ*. Все, о чемъ мы можемъ только что нибудь подумать, или чему можемъ приписать какой нибудь признакъ.

Роды и виды.

Отецъ. Какое общее названіе дашь ты борзымъ, гончимъ, лягавымъ, мердашкамъ, пуделямъ, водолазамъ?—*Сынъ*. Все это собаки.—*Отецъ*. Хорошо: вотъ это будетъ нѣсколько *видовъ* одного и того же собачьяго *рода*. А какое общее названіе дашь ты собакъ, волку и лисицъ?—*Сынъ*. Это все звѣри *псоваго* семейства.—*Отецъ*. Въ зоологiи это называется семействомъ: здѣсь же, для однообразія, и семейства, и отряды, и отдѣлы мы будемъ называть *родами* и *видами*. Такимъ образомъ ты видишь, что собаки, и лисицы и волки будутъ тремя *видами* звѣрей одного и того же *рода*, псоваго. Но какое общее названіе дашь ты звѣрямъ псоваго *рода*, звѣрямъ кошачьяго *рода* и медвѣдямъ?—*Сынъ*. Все это будутъ хищные звѣри.—*Отецъ*. Да, это три *вида* одного и того же *рода*, звѣрей хищныхъ. Но кромѣ хищныхъ звѣрей, ты знаешь еще грызуновъ, животныхъ однокопытныхъ, жвачныхъ, толстокожихъ и проч. Къ какому *роду* будутъ относиться всѣ эти *виды* животныхъ?—*Сынъ*. Къ *роду* животныхъ млекопитающихъ.—*Отецъ*. А животныя млекопитающія, птицы, земноводныя, пресмыкающіяся и рыбы будутъ пятью *видами* одного и того же *рода*... *Сынъ*. Животныхъ позвоночныхъ.—*Отецъ*. Какихъ же животныхъ ты знаешь, кромѣ позвоночныхъ. *Сынъ*. Такихъ, у которыхъ нѣтъ позвоночнаго хребта.—*Отецъ*. Слѣдовательно, животныя позвоночныя и животныя безпозвоночныя будутъ двумя *видами* одного и того же *рода* животныхъ вообще. Но кромѣ животныхъ, не зналъ ли ты еще какихъ нибудь органическихъ тѣлъ.—*Сынъ*. Знаю—растения.—*Отецъ*. Растенія и животныя, слѣдовательно, будутъ двумя *видами* одного и того же *рода* тѣлъ органическихъ. Но какия есть еще природныя тѣла, кромѣ органическихъ?—*Сынъ*. Тѣла неорганическія: вода, воздухъ, газы, минералы.—*Отецъ*. Тѣла органическія и неорганическія будутъ, слѣдовательно, двумя *видами* тѣлъ природныхъ; тѣла природныя и искусственныя будутъ двумя

видами тѣлъ вообще; предметы тѣлесныя, отвлеченныя и духовныя будутъ тремя *видами* одного и того же *рода*—предмета вообще *). Теперь ты знаешь, что такое *роды* и *виды*. Эти слова ты будешь часто встрѣчать въ *логикѣ*.—*Сынъ*. А что такое логика?—*Отецъ*. Въ ботаникѣ изучаютъ, какъ живетъ растеніе, въ зоологiи изучаютъ, какъ живетъ животное: въ логикѣ же изучается, какъ думаетъ человѣкъ. Ты уже знаешь кое-что изъ логики: знаешь, напримѣръ, что во всякой нашей мысли есть предметъ и призракъ, который мы приписываемъ предмету.

Признаки видовые и родовые.

Отецъ. Ты вѣроятно не забылъ, какия отличительныя признаки лошади.—*Сынъ*. У лошади цѣльныя копыта.—*Отецъ*. Но и у осла также цѣльныя копыта.—*Сынъ*. Но у осла уши длинныя и хвостъ коровій.—*Отецъ*. Слѣдовательно, лошадь отличается отъ другихъ *видовъ* лошадинаго *рода* хвостомъ и ушами. Но по какимъ признакамъ причисляешь ты лошадь къ звѣрямъ лошадинаго *рода*?—*Сынъ*. Всѣ звѣри лошадинаго *рода* имѣютъ цѣльныя копыта.—*Отецъ*. Хорошо. Но по какому признаку ты относишь всю лошадиную породу къ звѣрямъ или млекопитающимъ?—*Сынъ*. Потому, что жеребенокъ питается молокомъ матери.—*Отецъ*. Слѣдовательно, лошадь на всѣхъ млекопитающихъ похожа тѣмъ, что питается жеребятъ своимъ молокомъ; а отличается отъ другихъ млекопитающихъ тѣмъ, что у нея цѣльныя копыта. Тѣ признаки, по которымъ одинъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того же *рода*, какъ особый видъ этого *рода*, называется *видовыми признаками*; а тѣ признаки, по которымъ предметъ причисляется къ извѣстному *роду* предметовъ, называются *признаками родовыми*. Скажи мнѣ: къ какому *роду* предметовъ относятся всѣ искусственныя предметы?—*Сынъ*. Къ *роду* предметовъ тѣлесныхъ.—*Отецъ*. Какой же видовой признакъ всякаго искусственнаго предмета?—

*) Слѣдуетъ начертить на доскѣ таблицу этой статьи и по ней научить дѣтей различать роды и виды; это имѣетъ большое значеніе. Таблица чертится также, какъ и родословныя таблицы.

Сынъ. Тотъ, что всякій искусственный предметъ слѣланъ человекомъ. — *Отецъ.* Но какой же родовой признакъ всякаго искусственнаго предмета, по которому ты причисляешь его къ роду предметовъ тѣлесныхъ? — *Сынъ.* Всякій искусственный предметъ есть тѣло, занимаетъ извѣстное мѣсто и имѣетъ вѣсъ.

С П О Р Ъ.

(Понятіе.)

Коля. Саша, а Саша, видалъ ли ты когданибудь птицу? — *Саша.* Вотъ нашелъ диковинку! Конечно, видалъ. — *Коля.* А я тебѣ говорю, что ты никогда птицы не видалъ. — *Саша.* Ты шутишь. — *Коля.* Нѣтъ, я не шутя говорю тебѣ, что ты никогда не видалъ птицы. — *Саша.* Вотъ вздоръ какой! Да я вотъ и теперь вижу канарейку, что виситъ въ клеткѣ на окнѣ. — *Коля.* Это канарейка, а не птица. — *Саша.* Да развѣ канарейка не птица? — *Коля.* Канарейка — птица; но я говорилъ, что ты не видалъ не канарейки, а птицы вообще: не вороны, не курицы, не голубя, а вообще птицы, которая не была бы никакою особенною птицею. — *Саша.* Ну, такой птицы, конечно, я не видалъ: всѣ птицы бываютъ или канарейки, или голуби, или вороны; а птицы, которая была бы себѣ просто птицей и болѣе ничѣмъ, — такой нѣтъ. — *Коля.* Но хочешь я тебѣ докажу, что ты и канарейки никогда не видалъ. — *Саша.* Нѣтъ, ужъ этого ты мнѣ не докажешь. — *Коля.* Нѣтъ, докажу. Какого цвѣта наша канарейка? — *Саша.* Желтенькая; но въ крылышкахъ у нея есть и сѣроватыя перья. — *Коля.* А на головѣ? — *Саша.* На головѣ у нея хохолокъ. — *Коля.* У всѣхъ ли канареекъ есть на головѣ хохолокъ, а въ крыльяхъ сѣренькія перья? — *Саша.* Нѣтъ: у нашего сосѣда канарейка вся желтенькая и безъ хохолка. — *Коля.* Слѣдовательно, канарейки бываютъ разныя, и ты не видалъ всѣхъ канареекъ, какія есть на свѣтѣ. Не правда ли? — *Саша.* Конечно, нѣтъ. — *Коля.* Слѣдовательно, ты видалъ ту или другую канарейку: нашу канарейку, канарейку нашего сосѣда; а канарейки вообще не видалъ. — *Саша.* Ты, кажется, смѣешься надо мною. — *Отецъ.* Нѣтъ, Саша, Коля говоритъ тебѣ правду. Мы можемъ видѣть только отдѣльные пред-

меты: а говоря, напр., птица, звѣрь, лошадь, мы говоримъ часто о цѣломъ собраніи предметовъ, имѣющихъ общіе признаки. Но ты самъ, если только подумаешь, легко различишь, когда дѣло идетъ о цѣломъ родѣ или видѣ предметовъ, и когда о какомънибудь опредѣленномъ *единичномъ* предметѣ. Слушай: у лошади цѣльное копыто, а сзади хвостъ; она ѣстъ траву, и поэтому называется животнымъ травояднымъ; какъ ты думаешь, говорю ли я здѣсь объ одной какойнибудь лошади, или о лошади вообще? — *Саша.* О лошади вообще: у всякой лошади есть грива, хвостъ и цѣльныя копыта, и всѣ лошади ѣдятъ траву. — *Отецъ.* А если я скажу: сегодня я купилъ лошадь. — *Саша.* Здѣсь, конечно, дѣло идетъ объ одной лошади, которую вы купили. — *Отецъ.* Вотъ видишь ли, что Коля правъ. Но слушай же, что теперь я скажу тебѣ: въ мірѣ существуютъ только отдѣльные, единичные предметы, *особи*, какъ еще называютъ ихъ; но вообще лошади, дерева, цвѣтка — нѣтъ, точно такъ же, какъ нѣтъ вообще человекъ, города, села или рѣки. Подъ каждымъ изъ этихъ словъ разумѣется множество *единичныхъ* предметовъ, которые мы соединяемъ въ одно *понятіе*, потому что находимъ между ними общіе признаки и даемъ этому *понятію* какоенибудь названіе: городъ, село, дерево, птица, канарейка, лошадь, человекъ; каждое изъ этихъ словъ есть названіе понятія, а не отдѣльнаго предмета. Если же я хочу отличить какойнибудь единичный предметъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того же вида или того же понятія, то я даю этому предмету собственное имя: говорю — Волга, а не рѣка вообще; Тула, Черниговъ, а не городъ вообще; Иванъ, Петръ, а не человекъ вообще. Если же дѣло идетъ о такихъ предметахъ, которыми собственныхъ именъ не даютъ, то я отличаю одинъ предметъ отъ другаго, говоря: *вотъ этотъ* стулъ, *вотъ эта* лошадь, или указываю *мѣсто и время*, гдѣ и когда я предметъ видалъ; потому что одного и того же мѣста, въ одно и тоже время, два тѣлесные предмета занимать не могутъ. Имя, которое мы даемъ какомунибудь единичному предмету, чтобы отличить его отъ всѣхъ предметовъ того же рода, называется *собственнымъ* именемъ; а то имя, которое мы даемъ цѣлому роду предметовъ, сходныхъ между собою по признакамъ, называется *нарицательнымъ* именемъ.

Въ каждомъ собственномъ имени заключается *понятіе* объ единичномъ какомъ либо предметъ со всѣми его отличительными признаками; въ каждомъ нарицательномъ имени заключается *понятіе* о цѣломъ родѣ предметовъ или, лучше сказать, о множествѣ признаковъ, которыми эти предметы отличаются отъ другихъ предметовъ. Понятія не существуютъ между тѣлесными предметами; но суть созданія нашего ума, и всякое имя собственное или нарицательное заключаетъ въ себѣ понятіе, т. е. собраніе родовыхъ и видовыхъ признаковъ, которые мы можемъ перечислить, если это понятіе намъ извѣстно.

Опредѣленіе.

Всѣ мы очень хорошо знаемъ воду; но попробуйте сказать, что такое вода, и вы увидите, что это не такъ легко, какъ кажется: для этого надобно перечислить всѣ тѣ признаки, которыми вода отличается отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Попробуйте же перечислить эти признаки.

Прежде всего мы видимъ, что вода есть *предметъ*, какъ и все, о чемъ мы можемъ говорить или думать; потомъ мы видимъ, что кромѣ того вода есть *тѣло* (почему?), которое занимаетъ мѣсто и имѣетъ вѣсъ. Если станемъ отличать воду отъ тѣлесныхъ предметовъ, то мы увидимъ, что вода есть тѣло *неорганическое* (почему?). Но мало ли другихъ неорганическихъ тѣлъ, кромѣ воды? Сравнивая воду съ другими неорганическими тѣлами, мы видимъ, что она есть тѣло *жидкое* или *жидкость* (чѣмъ это можно доказать?). Соединимъ же всѣ признаки воды, которые мы до сихъ поръ нашли: *вода есть тѣло неорганическое и жидкое*. Вмѣсто этихъ трехъ признаковъ, мы можемъ назвать только одинъ: сказать просто, что *вода есть жидкость*. Само собою разумѣется, что всякая жидкость есть тѣло и вмѣстѣ съ тѣмъ не есть организмъ: такихъ организмовъ, которые были бы совершенными жидкостями, — нѣтъ.

Но, назвавъ воду жидкостью, мы еще не отличали ее отъ дру-

гихъ жидкостей, а только отъ всѣхъ твердыхъ тѣлъ, съ одной стороны, и отъ тѣлъ воздухообразныхъ, или газовъ, съ другой. Чтобы отличить воду отъ другихъ жидкостей, должно сравнивать ее съ другими жидкостями. Сравнивая, напримѣръ, воду со ртутью, мы найдемъ, что ртуть непрозрачна, а вода прозрачна. Прибавимъ же этотъ новый признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли: *вода есть прозрачная жидкость*. Но вода не единственная прозрачная жидкость: сквозь постное масло и вино, налитыя въ стаканъ, также отчасти видны предметы. Сравнивая воду съ постнымъ масломъ или съ виномъ, мы найдемъ, что масло и вино имѣютъ имъ свойственный цвѣтъ; у чистой же воды, взятой въ небольшомъ количествѣ, какое, напримѣръ, вмѣщается въ графинъ, своего собственного цвѣта нѣтъ. Прибавимъ же этотъ признакъ къ тѣмъ, которые мы уже нашли, и скажемъ, что *вода есть жидкость прозрачная и безцвѣтная*.

Но спиртъ также есть жидкость безцвѣтная и прозрачная. Чтобы различить эти двѣ жидкости, стоитъ только ихъ понюхать и попробовать: у спирта есть свой особенный, ему свойственный запахъ и особенный вкусъ; у воды нѣтъ ни запаха, ни вкуса. Такимъ сравненіемъ мы нашли для воды еще два признака и можемъ прибавить ихъ къ прежнимъ: *вода есть жидкость прозрачная, безцвѣтная, не имлющая ни вкуса, ни запаха*. Еслибы мы нашли другую такую же жидкость, то должны были бы искать новыхъ признаковъ, отличающихъ воду. Но такъ какъ другой такой жидкости мы не знаемъ, то намъ и не нужно отыскивать другихъ признаковъ для воды. Мы отличили ее отъ всѣхъ прочихъ предметовъ. Такое отличіе предмета по его признакамъ отъ всѣхъ прочихъ предметовъ и называется *опредѣленіемъ*. Мы *опредѣлили*, что такое вода.

Каждое понятіе, какъ и понятіе воды, заключаетъ въ себѣ множество признаковъ. Перечислить всѣ тѣ отличительные признаки, которые заключаются въ понятіи предмета, значитъ опредѣлить предметъ. Чтобы опредѣлить предметъ, должно сравнивать его съ другими предметами того же рода и отыскивать его отличительные признаки. Тотъ имѣетъ ясное понятіе о предметѣ, кто умѣетъ указать родъ, къ которому предметъ относится и перечислить от-

личительные признаки, которыми этотъ предметъ отличается отъ другихъ предметовъ того же рода. Попробуйте опредѣлить нѣсколько знакомыхъ вамъ предметовъ: опредѣлите, что такое бѣлка, что такое кремьнь, что такое яблоко, что такое неорганическій предметъ, что такое тѣло. Если же мы хотимъ опредѣлить какой нибудь единичный предметъ, то должны отличить его отъ всѣхъ прочихъ предметовъ того вида, къ которому этотъ предметъ принадлежитъ.

Явленіе, причина и слѣдствіе.

Сынъ. Въ книжкѣ, которую мнѣ дала сестра, я встрѣтилъ на первой же страницѣ слово *явленіе*, и не понимаю, что оно значитъ.—*Отецъ.* Ты помнишь, какъ я объяснилъ тебѣ слово признаковъ? *Сынъ.* Помню.—*Отецъ.* Не можешь ли ты перечислить признаковъ этой шторы?—*Сынъ.* Она зеленаго цвѣта.... *Отецъ.* Довольно: возьмемъ этотъ одинъ признакъ. Штора, говоришь ты, зеленаго цвѣта: но какъ ты думаешь, всегда ли она останется зеленою?—*Сынъ.* О, нѣтъ! Она, вѣроятно, полиняетъ, какъ полиняла старая.—*Отецъ.* Слѣдовательно, ты видишь, что этотъ признакъ шторы не постоянный признакъ, что онъ измѣняется. Но скажи мнѣ: какой главный признакъ воды? Мы объ этомъ уже говорили.—*Сынъ.* Вода жидка: ее можно переливать и разливать; но нельзя ни сыпать въ кучу, какъ песокъ, ни разбивать на куски, какъ сахаръ или камень.—*Отецъ.* Хорошо; но какъ ты думаешь, если я вынесу воду на морозъ, останется ли она жидкою?—*Сынъ.* Нѣтъ, она замерзнетъ, превратится въ ледъ; а ледъ можно разбивать на куски.—*Отецъ.* Видишь ли: жидкое состояніе воды не есть постоянный признакъ. Ты конечно замѣтилъ, какъ въ теченіе лѣта измѣняется цвѣтъ листьевъ и плодовъ; величина дерева въ теченіе времени также измѣняется. А ты останешься ли всегда однимъ и тѣмъ же?—*Сынъ.* Нѣтъ, я выросту.—*Отецъ.* А потомъ станешь старѣться. У старика волосы сѣдѣютъ, на лицѣ появляются морщины. Животныя также растутъ и старѣются, какъ и люди. Значитъ, признаки всего на свѣтѣ безпрестанно

измѣняются. Даже камень и тотъ измѣняется.—*Сынъ.* Этого я не замѣтилъ.—*Отецъ.* И трудно тебѣ было бы замѣтить, потому что ты живешь еще очень мало, а камни измѣняются очень медленно; но наблюдательные люди замѣтили, что и камни трескаются и разсыпаются въ песокъ. Да, все измѣняется: только одинъ Богъ вѣченъ и неизмѣненъ. Нѣтъ такого признака ни у одного предмета, который бы не могъ перемѣниться.—*Сынъ.* Но что же такое явленіе?—*Отецъ.* Вотъ эта-то *перемѣна признаковъ предмета и называется явленіемъ*. Дерево растетъ, становится толще, больше; человекъ старѣется; вода на морозъ превращается въ ледъ, а на огнѣ въ паръ; камень, выпущенный изъ руки, перемѣняетъ свое мѣсто, падаетъ на землю; воздухъ переносится съ мѣста на мѣсто, отчего происходитъ вѣтеръ; свѣча горитъ и мало-по-малу сгораетъ; вода въ рѣкѣ течетъ, т. е. перемѣняетъ свое мѣсто: все это явленія. Явленіе, слѣдовательно, есть перемѣна признаковъ предмета.—*Сынъ.* Теперь я знаю, что такое явленіе: но отъ чего происходитъ эта перемѣна признаковъ?—*Отецъ.* Эта перемѣна не дѣлается сама собою, но всегда отъ того, что одинъ предметъ оказываетъ дѣйствіе на другой. Если бы огонь не дѣйствовалъ на желѣзо, то оно не сдѣлалось бы мягкимъ; еслибы холодъ не дѣйствовалъ на воду, то она не превратилась бы въ ледъ, если бы земля не притягивала къ себѣ тѣлъ, то онѣ никогда бы не падали; если бы воздухъ и влага, которая въ немъ находится, не дѣйствовали на камень, то онъ никогда не превратился бы въ песокъ; если бы тотъ же воздухъ не прикасался къ желѣзу, то желѣзо никогда бы не ржавѣло: словомъ, если бы одинъ предметъ не дѣйствовалъ на другой, то не было бы никакихъ явленій. То, что дѣйствуетъ на предметъ и заставляетъ его измѣнять свои признаки, называется *причиною* явленія. Всякое явленіе непременно имѣетъ причину, и безъ причины не бываетъ никакихъ явленій. Какъ ты думаешь, какая причина того явленія, что зимою вода замерзаетъ?—*Сынъ.* Холодъ.—*Отецъ.* А какая причина того явленія, что крылья мельницы вертятся?—*Сынъ.* Вѣтеръ.—*Отецъ.* А какая причина вѣтра?—*Сынъ.* Та, что воздухъ нагревается солнечными лучами неодинаково въ разныхъ мѣстахъ.—*Отецъ.* Теперь ты знаешь, что такое причина. То, что происхо-

дить от той или другой причины, называется *слѣдствіемъ*. Какая причина можетъ превратить кусокъ воску въ жидкость?—*Сынъ*. Жаръ.—*Отецъ*. Какое будетъ слѣдствіе, если кусокъ воску положить на горячую плиту? *Сынъ*. Онъ растопится и потечетъ, какъ вода.—*Отецъ*. Теперь ты знаешь, что такое *явленіе*, что такое *причина* и что такое *слѣдствіе*. Чѣмъ больше ты будешь учиться, тѣмъ больше будешь узнавать явленій, понимать ихъ причины и знать, отъ какихъ причинъ какихъ должно ожидать послѣдствій. Какъ ты думаешь, если поднести тряпку очень близко къ огню, то какого должно ожидать слѣдствія?—*Сынъ*. Тряпка загорится.—*Отецъ*. Но если сначала помочить тряпку водою,—такъ же ли скоро она загорится?—*Сынъ*. Нѣтъ, сначала ей нужно будетъ высохнуть.—*Отецъ*. Но если ты обмокнешь тряпку не въ воду, а въ спиртъ или масло,—помынаетъ ли это ей загорѣться?—*Сынъ*. Нѣтъ, она загорится еще скорѣе.—*Отецъ*. Почему же это?—*Сынъ*. Потому, что спиртъ и масло горятъ, а вода нѣтъ.—*Отецъ*. Но почему же спиртъ и масло горятъ, а вода—нѣтъ?—*Сынъ*. Этого я не знаю.—*Отецъ*. Слѣдовательно, ты не знаешь причины, почему спиртъ загорается. И много еще есть явленій, причинъ которыхъ ты не знаешь. Учись прилежнѣй—узнаешь многое; но узнаешь также, что въ мірѣ есть множество явленій, причинъ которыхъ никто не знаетъ. Скажи же мнѣ теперь нѣсколько явленій и объясни ихъ причины; потомъ скажи мнѣ нѣсколько причинъ, отъ которыхъ непременно произойдетъ то или другое слѣдствіе.

Существо и явленіе.

Отецъ. Что ты такъ пристально смотришь на часы?—*Сынъ*. Хочу подмѣтить, какъ движется часовая стрѣлка; движеніе минутной я, кажется, вижу.—*Отецъ*. Это потому, что минутная движется быстрѣе часовой; движеніе же часовой стрѣлки слишкомъ медленно, чтобы можно было его замѣтить. Но почему же ты убѣжденъ, что она движется?—*Сынъ*. Потому что черезъ полчаса она будетъ на другомъ мѣстѣ.—*Отецъ*. Мнѣ приятно, что ты думаешь о томъ, что видишь. Но скажи мнѣ, случилось ли тебѣ подмѣтить,

какъ краснѣетъ вишня на деревѣ и какъ она изъ зеленой дѣлается ярко-красною?—*Сынъ*. Нѣтъ; потому что она краснѣетъ очень медленно.—*Отецъ*. Точно также не можемъ мы замѣтить, какъ желтѣетъ листокъ дерева; но, взглянувъ дня черезъ два или три на листокъ, который мы видѣли зеленымъ, мы находимъ, что онъ уже пожелтѣлъ. Ростъ дерева нельзя замѣтить не только черезъ день или два, но даже черезъ мѣсяцъ, хотя черезъ нѣсколько лѣтъ мы ясно видимъ, что дерево выросло. Чѣмъ медленнѣе совершается перемѣна признаковъ въ какомъ нибудь предметѣ, тѣмъ больше нужно времени, чтобы замѣтить эту перемѣну. Нѣкоторые предметы измѣняются до того медленно, что мало человѣческой жизни, чтобы подмѣтить эту перемѣну. Крѣпкое каменное зданіе кажется намъ неизмѣннымъ; но пройдетъ нѣсколько сотъ лѣтъ, и оно разрушится. Этого мало: твердыя скалы и высокія горы, которыя кажутся намъ вѣчными, тоже измѣняются, но только измѣняются впродолженіи многихъ тысячелѣтій. Ученые люди доказываютъ, что песокъ образовался изъ скалъ, которыя трескались и разсыпались отъ дѣйствія воздуха и воды; что твердый гранитъ былъ когда-то въ жидкомъ, а прежде даже въ газообразномъ состояніи; что въ теченіи многихъ вѣковъ образуются новыя горы, новыя острова, новыя земли; словомъ, что все на землѣ безпрестанно измѣняется, и только одинъ Богъ остается неизмѣннымъ и вѣчнымъ. Скажи же мнѣ теперь, что мы назвали явленіемъ?—*Сынъ*. Мы назвали явленіемъ перемѣну признаковъ въ предметѣ.—*Отецъ*. Но такъ какъ всѣ тѣлесные предметы измѣняются, и все, что существуетъ, безпрестанно, хотя многое и незамѣтно для насъ, перемѣняетъ свои признаки, то не въ правѣ ли мы сказать, что всякое существо есть въ то же время явленіе; что весь міръ, слѣдовательно, есть одно безграничное и безконечное явленіе? Но, какъ уже ты знаешь, всякое явленіе имѣетъ свою причину; причина же явленія всего міра—Господь Богъ, а потому Его именуютъ Творцемъ и Вседержителемъ.

Цѣль и назначеніе.

Одни явленія происходятъ безъ участія человѣка и называютъ

ся *естественными* или *природными*; другія—человѣкъ производитъ по своей волѣ. Вѣтеръ дуетъ въ окно и перевортываетъ листы книги; онъ не можетъ не перевортывать ихъ, если дуетъ: человекъ также перевортываетъ листы книги, но можетъ и не перевортывать ихъ, если захочетъ. Здоровое сѣмя, попавшее въ плодородную и влажную землю, согрѣтое солнцемъ, *непрѣменно* проростетъ: человекъ также производитъ множество измѣненій въ предметахъ; но можетъ и не производить ихъ, если ему не захочется.

Если человекъ производитъ какое-либо явленіе, то большею частію съ какою-либо *цѣлію*: рубить лѣсъ, чтобы выстроить себѣ домъ; пахать землю, чтобы посѣять хлѣбъ. Предметы бездушные не могутъ имѣть сами никакой цѣли, потому что не сознаютъ того, что съ ними дѣлается. Но тѣмъ не менѣе ничто въ мірѣ не дѣлается безъ цѣли, и если весною идетъ дождь и осенью дуетъ вѣтеръ, то мы знаемъ, для чего это дѣлается. Вѣтеръ и дождь не могутъ имѣть цѣли; но цѣль для нихъ указана Создателемъ: такая цѣль называется *назначеніемъ*. Все въ мірѣ имѣетъ свое назначеніе, хотя мы и не знаемъ назначенія многихъ явленій. Присмотритесь къ какому хотите растенію и подивитесь, какъ оно вѣрно выполняетъ свое назначеніе, какъ все въ немъ направлено къ тому, чтобы оно могло расти, приносить плоды и сѣмена, давать жизнь новымъ растеніямъ. Растенія не могутъ имѣть цѣли, потому что ничего не понимаютъ; но какъ они вѣрно выполняютъ свое назначеніе, какъ дѣятельно, какъ успѣшно покрываютъ землю зеленой одеждой и готовятъ пищу безчисленнымъ живымъ существамъ!

Животныя могутъ чувствовать, могутъ желать; а потому могутъ имѣть цѣль. Но цѣли животныхъ весьма однообразны; всякое изъ нихъ заботится только о томъ, чтобы поддержать свою жизнь и жизнь своихъ дѣтенышей, заботится о пищѣ, питьѣ и жилищѣ. Однакоже мы знаемъ, что многія животныя, достигая своей собственной *цѣли*, вмѣстѣ съ тѣмъ выполняютъ какое нибудь *назначеніе*. Паукъ, разстилая свою искусную паутину, думаетъ только о томъ, какъ бы утолить свой голодъ: но, утоляя голодъ, онъ истребляетъ вредныхъ насѣкомыхъ. Кротъ, роясь подъ землею, ищетъ пищи, какъ и паукъ, и нисколько не забо-

тится о корняхъ растеній: а между тѣмъ его острые зубы охраняютъ эти корни отъ червей. Такимъ образомъ мы видимъ, что животныя въ своей дѣятельности имѣютъ *цѣль*, которую не сознаютъ, и имѣютъ *назначеніе*, о которомъ ровно ничего не знаютъ.

Человѣкъ также, достигая своихъ собственныхъ цѣлей, вмѣстѣ съ тѣмъ часто выполняетъ то, что назначено ему сдѣлать, съ тою только разницею, что животное, преслѣдуя свои цѣли, не понимаетъ своего назначенія и выполняетъ его *неволью*, а человекъ понимаетъ свое назначеніе и выполняетъ его *свободно*. Такъ крестьянинъ обрабатываетъ землю съ тою цѣлію, чтобы прокормить и одѣть себя и свою семью; но въ то же время понимаетъ, что трудами его и ему подобныхъ кормятся всѣ, и что трудъ его не только полезенъ ему самому, но и его ближнимъ.

Всякій честный человекъ старается выбрать для себя такую дѣятельность, которая была бы полезна не только ему самому, но и всѣмъ людямъ. Земледѣлецъ, ремесленникъ, купецъ, воинъ, чиновникъ, писатель, учитель, священникъ кормятъ себя и свою семью своими трудами; но эти труды приносятъ пользу всѣмъ людямъ.

Бываютъ, впрочемъ, и такіе *добрые* люди, которые изъ любви къ своимъ *ближнимъ* жертвуютъ своей собственной пользой; бываютъ, наоборотъ, и такіе *злые*, которые для достиженія своихъ собственныхъ цѣлей жертвуютъ благомъ другихъ; кормятся и богатѣютъ,—не только не принося никому пользы, но даже нанося вредъ. Эти несчастные люди живутъ безчестно. Есть и такіе *бѣдняки*, которые и рады бы потрудиться для себя и на общую пользу, да не могутъ: таковы безсильныя дѣти, оставшіяся бѣдными сиротами, бѣдные старики и старухи, которые не могутъ уже работать калѣки, слабоумные и юродивые. Эти бѣдные люди имѣютъ право кормиться трудами здоровыхъ, богатыхъ и сильныхъ: Богъ даетъ намъ здоровье, силу, умъ и богатство не для насъ однихъ.

Законъ.

Отецъ. Какой урокъ ты долженъ приготовить на завтрашній день?—*Сынъ.* Урокъ изъ Закона Божія.—*Отецъ А.* знаешь ли ты,

что такое Законъ Божій.—*Сынъ*. О, да! Законъ Божій все равно, что воля Божія, по которой мы должны поступать.—*Отецъ*. Но откуда же мы знаемъ, что угодно Господу Богу?—*Сынъ*. Изъ Священнаго Писанія.—*Отецъ*. Ты правъ! поступая такъ, какъ повелѣно въ Священномъ Писаніи, мы исполняемъ волю Божию. Но какъ ты думаешь: по чьей волѣ растетъ дерево, приноситъ плодъ и сѣмена, не по своей ли собственной?—*Сынъ*. Конечно нѣтъ, у дерева нѣтъ воли; точно также какъ нѣтъ ея у камня, воды или желѣза.—*Отецъ*. Правда твоя. Однако же ты видишь, что камень, брошенный вверху, снова падаетъ на землю, и чѣмъ болѣе приближается къ землѣ, тѣмъ быстрѣе летитъ; ты знаешь также, что вода сжимается отъ холода, но когда начинаетъ замерзать, то вдругъ расширяется:—что намагниченная стрѣлка однимъ концомъ непремѣнно указываетъ сѣверъ, а другимъ югъ;—что дерево беретъ изъ земли, воды и воздуха именно тѣ элементы, которые ему нужны, и что на орѣшинахъ не вырастетъ вишня, а на вишняхъ орѣхъ. Откуда же всѣ эти существа знаютъ, что и какъ они должны дѣлать?—*Сынъ*. Это бездушныя существа; они ничего не знаютъ и знать не могутъ. Они уже такъ созданы.—*Отецъ*. Да, ты говоришь правду: всѣ эти существа уже такъ созданы, что не могутъ дѣлать ничего другаго, кромѣ того, что должны дѣлать. Богъ далъ всѣмъ этимъ существамъ такія свойства, что каждое изъ нихъ производитъ только тѣ явленія, для которыхъ оно назначено. Камень не можетъ сегодня падать на землю, а завтра не падать; желѣзо не можетъ сегодня тонуть въ водѣ, а завтра плавать по ней. Люди замѣчаютъ, какъ совершается каждое явленіе, и когда замѣтятъ, то говорятъ, что имъ извѣстенъ законъ явленія, по которому всѣ подобныя явленія совершаются непремѣнно. Такъ, напримѣръ, люди замѣтили, что кусокъ дерева плаваетъ на водѣ, а кусокъ камня или желѣза тонетъ; стали сравнивать тѣ тѣла, которыя тонутъ, съ тѣми, которыя плаваютъ; взвѣсили ихъ, взвѣсили и воду, и узнали, что всякое тѣло, удѣльный вѣсъ котораго больше удѣльнаго вѣса воды, тонетъ въ ней, и, наоборотъ, что всякое тѣло, удѣльный вѣсъ котораго меньше удѣльнаго вѣса воды, плаваетъ на ея поверхности. Узнавъ этотъ законъ, люди стали повѣрять его *опытами*, и убѣ-

дились, что онъ совершенно вѣренъ, и что нѣтъ такого тѣла, которое, будучи легче воды, тонуло бы въ ней, или такого, которое, будучи тяжелѣе воды, плавало бы на ея поверхности. Вотъ что называется *закономъ* явленія. Законы, по которымъ совершаются всѣ естественныя явленія въ природѣ, называются *естественными* законами; а науки, открывающія эти законы,—*естественными* науками.

Законъ естественный и нравственный.

Отецъ. Ты знаешь уже, что естественнымъ закономъ называется такое правило, выраженное Творцемъ въ свойствахъ различныхъ тѣлъ, по которому совершается въ природѣ какое нибудь естественное явленіе. Законъ этотъ, выраженный въ самыхъ свойствахъ того или другаго тѣла не можетъ быть имъ нарушенъ. Но какъ ты думаешь: всегда ли люди выполняютъ тотъ законъ, который начерталъ для нихъ Господь въ Священномъ Писаніи?—*Сынъ*. О, нѣтъ! люди часто грѣшатъ и не выполняютъ закона Божьяго.—*Отецъ*. Слѣдовательно, бездушныя вещи поступаютъ лучше людей?—*Сынъ*. Да, это правда.—*Отецъ*. Но бездушныя вещи поступаютъ такъ потому, что не могутъ поступать иначе.—*Сынъ*. Хорошо было бы, если бы и люди не могли грѣшить и не могли поступать иначе, какъ по закону Божию.—*Отецъ*. Едва ли это такъ. Послушай, я расскажу тебѣ сказку. У одного богатаго хозяина было двое дѣтей: одинъ изъ нихъ былъ очень уменъ, любилъ отца и не только всегда охотно исполнялъ его желанія, но даже угадывалъ и предупреждалъ ихъ; другой, напротивъ, былъ очень тупъ и безчувственъ: никого не любилъ и нечего не понималъ, а главное былъ такъ лѣнивъ, что самъ собою ничего не дѣлалъ, и ко всему его должно было принуждать. Однажды хозяину понадобилось послать своихъ дѣтей на торгъ, съ тѣмъ чтобы они продали товаръ и на вырученные деньги закупили различныхъ необходимыхъ вещей для дома. Одному изъ сыновей отецъ далъ только товаръ и, не говоря больше ничего, отправилъ его въ дорогу, зная, что этотъ сынъ такъ его любитъ и такъ

умень, что самъ будетъ знать, что ему дѣлать. Но на другаго своего сына хозяинъ понадѣяться не могъ, и зная, что онъ ничего не сдѣлаетъ по собственному желанію и безъ принужденія, отдалъ его подѣ надзоръ двухъ слугъ. Продавъ товары и закупивъ все, что было нужно, оба брата воротились домой и оба одинаково хорошо исполнили порученія. Но отецъ одного изъ своихъ сыновей обнялъ, поцѣловалъ, назвалъ своимъ милымъ сыномъ и посадилъ обѣдать съ собою, а другому не сказалъ даже спасибо, и отправилъ его обѣдать вмѣстѣ со слугами. Какъ ты думаешь, съ которымъ изъ сыновей такъ поступилъ отецъ? — *Сынъ.* Конечно съ тѣмъ, который исполнилъ данныя ему порученія подѣ надзоромъ слугъ. — *Отецъ.* Но онъ однакоже исполнилъ свое порученіе не хуже брата! — *Сынъ.* Да, но не по своей волѣ: онъ не могъ бы исполнить его дурно, если бы и хотѣлъ. — *Отецъ.* Ты правъ: теперь ты понимаешь, почему Богъ далъ человѣку свободную волю и, давъ ему законъ, далъ ему возможность исполнять и не исполнять его. Законы *естественные*, по которымъ совершаются всѣ естественныя явленія, не могутъ не исполняться; законъ же *нравственный*, который данъ человѣку Богомъ и выраженъ въ Священномъ Писаніи и въ совѣсти каждаго человѣка, исполняется человѣкомъ *свободно*, изъ любви къ Богу и ближнему и изъ пониманія премудрости божественныхъ законовъ. Вотъ почему Господь одарилъ любимое свое созданіе, человѣка, разумомъ и свободою.

ХРИСТОМАТІЯ.

ОТДѢЛЪ I.

СТИХИ.

ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы	Что-то слышится родное
Пробирается луна,	Въ долихъ пѣсняхъ ямщика:
На печальныхъ поляхъ	То разгулье удалое,
Льетъ печально свѣтъ она.	То сердечная тоска...
По дорогѣ зимней, скучной,	Ни огня, ни черной хаты....
Тройка борзая бѣжитъ,	Глушь и снѣгъ.... На встрѣчу мнѣ
Колокольчикъ однозвучный	Только версты полосаты
Утомительно гремитъ.	Попадаются одиѣ.

А. Пушкинъ.

ДВѢ БОЧКИ.

Двѣ Бочки ѣхали: одна съ виномъ, другая пустая. Вотъ первая—себѣ безъ шуму и шажкомъ плетется, другая вскачь несется; отъ ней по мостовой и стукотня и громъ, и пыль столбомъ; прохожіи къ сторонѣ скорѣй отъ страху жметса, ее слышавши издалека. Но какъ та бочка ни громка, а польза въ ней не такъ, какъ въ первой, велика.

Шли два пріятели вечернею порой, и дѣльный разговоръ вели между собой, какъ-вдругъ изъ подворотни дворняшка тявкнула на нихъ; за ней другая, тамъ еще двѣ-три, и вмгъ, со всѣхъ дворовъ, Собакъ сбѣжалоса съ полсотни. Одинъ, было, уже Прохожій камень взялъ:

— «И, полно, братецъ!» тутъ другой ему сказалъ: «Собакъ ты не уймешь отъ лаю, лишь пуще всю раздражнишь стаю; пойдемъ впередъ: я ихъ натуру лучше знаю.»

И подлинно, прошли шаговъ десятковъ пять, Собаки начали помалу затихать, и стало, наконецъ, совсѣмъ ихъ не слышать.

Завистники, на что ни взглянуть, подымутъ вѣчно лай; а ты себѣ своей дорогою ступай: полагаютъ да отстанутъ.

КРЕСТЬЯНИНЪ и РАБОТНИКЪ.

Старикъ-крестьянинъ съ Батракомъ шелъ подвѣчерь лѣскомъ, домой, въ деревню, съ сѣнокосу, и повстрѣчали вдругъ медвѣдя носомъ къ носу. Крестьянинъ ахнуть не успѣлъ, какъ на него медвѣдь набѣлъ. Подмялъ Крестьянина, ворочаетъ, ломаетъ, и, гдѣ бы его почать, лишь мѣсто выбираетъ: конецъ приходитъ старику.

«Степанушка родной, не выдай, милой!» изъ-подъ медвѣдя онъ взмолился Батраку.

Вотъ, новый Геркулесъ, со всей собравшись силой, что только было въ немъ, отнесъ пол-черепа медвѣдю топоромъ, и брюхо прокололъ ему желѣзной вилой. Медвѣдь взревѣлъ, и за-мертво упалъ: медвѣдь мой издыхаетъ. Прошла бѣда; Крестьянинъ всталъ, и онъ же Батрака ругаетъ. Опѣшилъ бѣдный мой Степанъ.

«Помилуй,» говорить: «за что?»

— За что, болванъ! чему обрадовался съ-дуру! Знай колоть: всю испортилъ шкуру!»

И. Крыловъ.

ТРИ ПАЛЬМЫ.

(Восточное сказаніе).

Въ песчаныхъ степяхъ аравійской земли три гордыя пальмы высоко росли. Родникъ между ними изъ почвы безплодной, журча, про-

бывался волною холодной, хранимый, подъ сѣнью зеленыхъ листовъ, отъ знойныхъ лучей и летучихъ песковъ.

И многіе годы не слышно прошли; но странникъ усталый, изъ чуждой земли, пылающей грудью ко влагѣ студеной, еще не склонялся подъ кущей зеленой, и стали ужъ сохнуть отъ знойныхъ лучей роскошныя листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать: «на то ль мы родились, чтобъ здѣсь увядать? Безъ пользы въ пустынѣ росли и цвѣли мы, колеблемы вихремъ и зноемъ палимы, ни чей благосклонный не радуя взоръ?... Не правъ твой, о небо, святой приговоръ!»

И только замолкли—въ дали голубой столбомъ ужъ крутился песокъ золотой: звонковъ раздавались нестройные звуки, пестрѣли коврами покрытыя выюки, и шелъ, колыхаясь, какъ въ море челнокъ, верблюдъ за верблюдомъ, взрывая песокъ.

Мотаясь, висѣли межъ твердыхъ горбовъ узорныя полы походныхъ шатровъ; ихъ смуглыя ручки порой подымали, и черныя очи оттуда сверкали... И, станъ худощавый къ лукѣ наклоня, арабъ горячилъ вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой, и прыгалъ, какъ барсъ, пораженный стрѣлой; и бѣлой одежды красивыя складки по плечамъ фариса вились въ безпорядкѣ; и, съ крикомъ и свистомъ несясь по песку, бросалъ и ловилъ онъ коше на скаку.

Вотъ къ пальмамъ подходитъ, шумя, караванъ; въ тѣни ихъ веселый раскинулся станъ. Кувшины, звуча, налилися водою и, гордо кивая махровой главою, привѣтствуютъ пальмы нежданныхъ гостей, и щедро поить ихъ студенымъ ручей.

Но только-что сумракъ на землю упалъ, по корнямъ упругимъ топоръ застучалъ, и пали безъ жизни питомцы столѣтій! Одежду ихъ сорвали малыя дѣти; изрублены были тѣла ихъ потомъ, и медленно жгли ихъ до утра огнемъ.

Когда же на западъ умчался туманъ, урочный свой путь совершалъ караванъ: и слѣдомъ печальнымъ на почвѣ безплодной видѣлся лишь пепель сѣдой и холодной; и солнце остатки сухіе дожгло, а вѣтромъ ихъ въ степи потомъ разнесло.

И нынѣ все дико и пусто кругомъ—не шепчутся листья съ гремучимъ ключемъ: напрасно пророка о тѣни онъ просить—его лишь

песокъ раскаленный заносить, да коршунъ хохлатый, степной, не-людимъ, добычу терзаетъ и щиплетъ надъ нимъ.)

М. Лермонтовъ.

ЧТО ТЫ СПИШЬ, МУЖИЧОКЪ?

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь весна на дворѣ, вѣдь сосѣди твои работаютъ давно. Встань, проснись, подымись, на себя погляди: что ты былъ? и что сталъ? и что есть у тебя?

На гумнѣ — ни снопа, въ закромахъ — ни зерна; на дворѣ — по травѣ — хоть шаромъ покати! Изъ клѣтей домовой соръ метлою посмелъ, и лошадокъ за долгъ по сосѣдямъ развелъ. И подъ лавкой сундукъ опрокинутъ лежитъ и, погнувшись, изба, какъ старушка стоитъ. Вспомни время свое: какъ катилось оно по полямъ и лугамъ золотою рѣкой, — со двора и гумна по дорожкѣ большой, по селамъ, городамъ, по торговымъ людямъ! И какъ двери тебѣ растворяли вездѣ; и въ почетномъ углу было мѣсто твое? А теперь, подъ окномъ, ты съ бѣдою сидишь, и весь день на печи безъ просыпу лежишь. А въ поляхъ сиротой хлѣбъ не кошенъ стоитъ; вѣтеръ точить зерно, птица клюетъ его!

Что ты спишь, мужичокъ? Вѣдь ужъ лѣто прошло, вѣдь ужъ осень на дворъ черезъ прясло глядитъ. Вслѣдъ за нею зима въ теплой шубѣ идетъ, путь снѣжкомъ пороситъ, подъ санями хруститъ. Всѣ сосѣди на нихъ хлѣбъ везутъ, продаютъ, собираютъ казну, — бражку ковшикомъ пьютъ.

РАЗДУМЬЕ СЕЛЯНИНА.

Сяду я за столъ — да подумаю: какъ на свѣтѣ жить одинокому?

Нѣтъ у молодца друга вѣрнова, золотой казны, угла теплова, бороны-сохи, коня-пахаря.... Вмѣстѣ съ бѣдностью, далъ мнѣ ба-тюшка лишь одинъ талантъ — силу крѣпкую; да и ту, какъ разъ, нужда горькая по чужимъ людямъ всю истратила.

Сяду я за столъ — да подумаю: какъ на свѣтѣ жить одинокому?

Кольцовъ.

СУДЬ ВОЖИЙ НАДЪ ЕПИСКОПОМЪ.

Были и лѣто и осень дождливы; были потоплены пажити, нивы;

хлѣбъ на поляхъ не созрѣлъ и пропалъ; сдѣлался голодъ, народъ умиралъ. Но у Епископа, милостью неба, полны амбары огромные хлѣба; жито сберегъ прошлогоднее онъ: былъ остороженъ Епископъ Гаттонъ.

Рвутся толпой и голодный и нищій въ двери Епископа, требуя пищи; скупъ и жестокъ былъ Епископъ Гаттонъ: общей бѣдою не тронулся онъ. Слушать и вопли ему надоѣло; вотъ онъ рѣшился на страшное дѣло; бѣдныхъ изъ ближнихъ и дальнихъ сторонъ, слышно, скликаетъ Епископъ Гаттонъ. «Дожили мы до неожиданнаго чуда: вынулъ Епископъ добро изъ-подъ спуда; бѣдныхъ къ себѣ на пирушку зоветъ.» Такъ говорилъ изумленный народъ.

Къ сроку собралися званые гости, блѣдные, чахлые, кожа да кости; старый, огромный сарай отворенъ; въ немъ угостить ихъ Епископъ Гаттонъ. Вотъ ужъ столпились подъ кровлей сарая всѣ прищельцы изъ окружнаго края.... Какъ же ихъ принялъ Епископъ Гаттонъ? — Былъ имъ сарай и съ гостями сожженъ!

Глядя Епископъ на пепель пожарный, думаетъ: будутъ мнѣ всѣ благодарны; разомъ избавилъ я шуткой моею край нашъ голодный отъ жадныхъ мышей. Въ замокъ Епископъ къ себѣ возвратился, ужинать съѣлъ, пировалъ, веселился, спалъ какъ невинный, и снова не видалъ.... Правда! Но болѣ съ тѣхъ поръ онъ не спалъ.

Утромъ онъ входитъ въ покой, гдѣ висѣли предковъ портреты, и видитъ, что съѣли мыши его живописный портретъ, такъ что холстины и признака нѣтъ. Онъ обомлѣлъ; онъ отъ страха чуть дышетъ. Вдругъ онъ чудесную вѣдомость слышитъ: «наша округа мышами полна, въ житницахъ съѣденъ весь хлѣбъ до зерна.» Вотъ и другое въ ухахъ загремѣло: «Богъ на тебя за вчерашнее дѣло! Крѣпкій твой замокъ, Епископъ Гаттонъ, мыши со всѣхъ осаждаютъ сторонъ.» Ходъ былъ до Рейна отъ замка подземный: въ страхѣ Епископъ дорогою темной къ берегу выдти изъ замка спѣшитъ: «въ Рейнской башнѣ спасусь» (говорить).

Башня изъ Рейнскихъ водъ подымалась; издали острымъ угломъ казалась, грозно изъ пѣны торчащимъ, она; стѣны кругомъ ограждала волна. Въ легкую лодку Епископъ садится; къ башнѣ причалилъ, дверь заперъ, и мчитъ вверхъ по гранитнымъ, крутымъ ступенямъ; въ страхѣ одинъ затворился онъ тамъ. Стѣны изъ стали казались слиты, были рѣшетками окна забиты, ставни чугунныя, ка-

менный сводъ, дверью желѣзною запертый входъ. Узникъ не знаетъ, куда пріютиться: на полъ, закуривъ глаза, онъ ложится.... Вдругъ онъ испуганъ стenanьемъ глухимъ: вспыхнули ярко два глаза надъ нимъ. Смотритъ онъ.... кошка сидитъ и мяучитъ; голосъ тотъ грѣшника давить и мучитъ; мечется кошка, не весело ей: чуетъ она приближеніе мышей. Паль на колѣни Епископъ и крикомъ Бога зоветъ въ изступленіи дикомъ. Воетъ преступникъ.... а мыши плывутъ... ближе и ближе... допыми... ползутъ.

Вотъ ужъ ему въ разстояніи близкомъ слышно, какъ лѣзутъ съ ропаньемъ и пискомъ; слышно, какъ стѣну ихъ лапки скребутъ; слышно, какъ камень ихъ зубы грызутъ.

Вдругъ ворвались неизбежные звѣри; сыплются градомъ сквозь окна, сквозь двери, спереди, сзади, съ боковъ, съ высоты.... Что тутъ, Епископъ, почувствовалъ ты? Зубы объ камни они наострили, грѣшнику въ кости ихъ жадно впустили, весь по суставамъ раздернуть былъ онъ... Такъ былъ наказанъ Епископъ Гаттонъ.

В. Жуковский.

ВОЛКЪ НА ПСАРНѢ.

Волкъ, ночью, думая залѣзть въ овчарню, попалъ на псарню. Поднялся вдругъ весь псарный дворъ. Почуя сѣраго такъ близко забяку, псы залились въ хлѣвахъ, и рвутся вонъ на драку; псари кричатъ: «Ахти, ребята, воръ!» и вмгъ ворота на запоръ; въ-минуту псарня стала адомъ. Бѣгутъ: иной съ дубьемъ, иной съ ружьемъ. — «Огня!» кричатъ, «огня!» — Пришли съ огнемъ. Мой волкъ сидитъ, прижавшись въ уголь задомъ, зубами щелкая и оцетина шерсть; глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть; но, видя то, что тутъ не передъ стадомъ, и что приходится, наконецъ, ему расчесться за овецъ, — пустился мой хитрецъ въ переговоры, и началъ такъ:

«Друзья! къ чему весь этотъ шумъ? Я, вашъ старинный свать и кумъ, пришелъ мириться къ вамъ, совсѣмъ не ради ссоры; забудемъ прошлое, оставимъ общій ладъ! а я, не только впредь не трону здѣшнихъ стадъ, но самъ за нихъ съ другими грызться радъ, и волчьей клятвой утверждаю, что я...»

— «Послушай-ка, сосѣдь,» тутъ ловчій перервалъ въ отвѣтъ:

«ты сѣрь, а я, пріятель, сѣдь, и волчью вапу я давно натуру знаю; а потому обычай мой: съ волками иначе не дѣлать мировой, какъ слявши шкуру съ нихъ долой.» — И тутъ же выпустилъ на Волка гончихъ стаю.

И. Крыловъ.

СОЛНЦЕ И МѢСЯЦЪ.

Ночью, въ колыбель младенца Мѣсяцъ лучъ свой заронилъ.

— «Отъ чего такъ свѣтитъ мѣсяцъ? робко онъ меня спросилъ.

— Въ день-деньской устало Солнце, и сказалъ ему Господь: «лягъ, засни — и за тобою все задремлетъ, все заснетъ.» И взмолилось солнце брату: «другъ мой, Мѣсяцъ золотой! Ты зажги фонарь — и ночью обойди ты край земной. Кто тамъ молится, кто плачетъ, кто мѣшаетъ людямъ спать: все развѣдай — и поутру приходи и дай мнѣ знать.» Солнце спитъ, а Мѣсяцъ ходитъ, сторожитъ земли покой, завтра-жъ рано-рано къ Солнцу постучится братъ меньшой. «Стукъ-стукъ-стукъ!» отворять двери. «Солнце, встань! Грачи летять, пѣтухи давно пропѣли, и къ заутренѣ звонять!» — Солнце встанетъ, Солнце спроситъ: «что, голубчикъ, братецъ мой? Какъ тебя Господь-Богъ носить? что ты блѣденъ? что съ тобой?» И начнетъ рассказъ свой Мѣсяцъ, кто и какъ себя ведетъ. Если ночь была спокойна, солнце весело взойдетъ. Если нѣтъ, взойдетъ въ туманъ; вѣтеръ дунетъ, дождь пойдетъ: въ садъ гулять не выйдетъ няня, и дитя не поведетъ.

И задумался младенецъ, долго на небо глядѣль, долго онъ молчалъ и няню онъ позвать къ себѣ велѣлъ, и велѣлъ старушкѣ-нянѣ Богородицу читать, и за ней, сложа ручки, сталъ молитву повторять.

Полонскій.

КОСАРЬ.

Не возьму я въ толкъ, не придумаю... Отчего же такъ не возьму я въ толкъ? Охъ, въ несчастный день, въ безталанный часъ, безъ сорочки я родился на свѣтъ. У меня ль плечо — шире дѣдова; грудь высокая — моей матушки. На лицѣ моемъ кровь отцовская въ молоко зажгла зорю красную; кудри черныя лежатъ скобкою: что работаю — все мнѣ спорится; да въ несчастный день, въ безталанный часъ, безъ сорочки я родился на свѣтъ!

— «Охъ, кумъ, бѣды моей, что вижу, ты не знаешь! Богъ посѣтилъ меня: я сжегъ до-гла свой дворъ,

И по міру пошелъ съ тѣхъ поръ.»

— «Какъ-такъ? Плохая, кумъ, игрушка!»

— «Да такъ! О Рождествѣ была у насъ пирушка:

Я со свѣчей пошелъ дать корму лошадямъ;

Признаться, въ головѣ шумѣло;

Я какъ-то заронилъ, насилу спасся самъ;

А дворъ и все добро сгорѣло.

Ну, ты какъ?» — «Охъ, Оаддей, худое дѣло!

И на меня прогнѣвался, знать, Богъ:

Ты видишь, я безъ ногъ;

Какъ самъ остался живъ, считаю, право, дивомъ.

Я, то жъ о Рождествѣ, пошелъ въ ледникъ за пивомъ,

И тоже черезъ-чуръ, признаться, я хлебнулъ

Съ друзьями полугару:

А чтобъ въ хмѣлю не сдѣлать мнѣ пожару,

Такъ я свѣчу совсѣмъ задулъ:

Анъ бѣсъ меня въ потьмахъ такъ съ лѣстницы толкнулъ,

Что сдѣлалъ изъ меня совсѣмъ не-человѣка,

И вотъ я съ-той-поры калѣка.»

— «Пеняйте на себя, друзья!»

Сказалъ имъ свать Степанъ. «Коль молвить правду, я

Совсѣмъ не чту за чудо,

Что ты сожегъ свой дворъ, а ты на костыляхъ:

Для пьянаго и со свѣчю худо,

Да вридь, не хуже ль и въ потьмахъ.»

И. Крыловъ.

ОВСЯННЫЙ КИСЕЛЬ.

Дѣти, овсянный кисель на столѣ: читайте молитву; смирно сидѣть, не марать рукавовъ и къ горшку не соваться; кушайте: всякій намъ даръ совершенъ и даяніе благо; кушайте, свѣты мои, на здоровье, Господь васъ помилуй.

Въ полѣ отецъ посѣялъ овесъ и весной заскородилъ. Вотъ Господь-Богъ сказалъ: «поди домой, не забойся; я не засну,—безъ тебя

онъ взойдетъ, раздвѣтетъ и созрѣетъ.» Слушайте-жъ, дѣти: въ каждомъ зернышкѣ тихо и мирно спитъ невидимкой малютка-зародышъ. Долго, долго спитъ онъ, какъ въ люлькѣ; не вѣтъ, и не пьетъ, и не пикнетъ, доколѣ въ рыхлую землю его не положить и въ ней не сгрѣбютъ. Вотъ онъ лежитъ въ бороздѣ, и малюткѣ тепло подъ землею; вотъ въ тихомолку проснулся, взглянулъ и сосетъ, какъ младенецъ, сокъ изъ роднаго зерна, и растетъ, и невидимо зрѣетъ; вотъ уползъ изъ пеленъ, молодой корешекъ пробуравилъ; роется въ глубь, и корма ищетъ въ землѣ, и находитъ. Что же?... Вдругъ скучно и тѣсно въ потемкахъ.... «Какъ бы провѣдать, что тамъ, на бѣломъ свѣтѣ тво-рится?...» Тайкомъ, боязливо выглянулъ онъ изъ земли.... Ахъ! Царь мой небесный, какъ любо?—Смотришь,—Господь-Богъ Ангела шлетъ къ нему съ неба: дай росинку ему и скажи отъ Создателя: здравствуй! Пьетъ онъ.... Ахъ, какъ-же малютчкѣ сладко, свѣжо и свободно!

Рядится красное солнышко: вотъ нарядилось, умылось, на горы вышло съ своимъ руководѣлемъ; идетъ по небесной свѣтлой дорогѣ: прилежно работая, смотреть на землю, словно какъ мать на дитя, и малюткѣ съ небесъ улыбнулось,—такъ улыбнулось, что всѣ корешки молодые взыграли! «Доброе солнышко, даромъ вельможа, а всякому ласка!» Въ чемъ же его руководѣле? Точетъ облачко дождевое; смотришь: посмеркло; вдругъ каплетъ; вдругъ полилось, зашумѣло. Жадно зародышекъ пьетъ; но подулъ вѣтерокъ—онъ обсохнулъ. «Нѣтъ (говорить онъ) теперь ужъ подъ землю меня не заманять. Что мнѣ въ потемкахъ? Здѣсь я останусь; пусть будетъ, что будетъ.» Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!

Ждетъ и малютку тяжкое время: темныя тучи и день и ночь на небѣ стоятъ, и прячется солнце; снѣгъ и мятель на горахъ, и градъ съ гололедицей въ полѣ. Ахъ, мой бѣдный зародышекъ, какъ-же онъ зябнетъ! какъ ноетъ! Что съ нимъ будетъ! Земля заперлась п—негдѣ взять пищи. «Гдѣ-же (онъ думаетъ) красное солнышко? Что не выходитъ? или боится замерзнуть? или и его нѣтъ на свѣтѣ? Ахъ, зачѣмъ покидалъ я родимое зернышко? Дома было мнѣ лучше: сидѣть бы въ пріютномъ теплѣ подъ землею.» Дѣтушки, такъ-то бываетъ на свѣтѣ, и вамъ доведется вчужѣ межъ злыми, чужими людьми, съ трудомъ добывая хлѣбъ свой насущный, сквозь слезы ска-зывать въ одинокой печали: «худо мнѣ: лучше бы дома сидѣть у ро-

димой за печкой...» Богъ васъ утѣшить, друзья, всему есть конецъ; веселѣе будетъ и вамъ какъ былиночкѣ. Слушайте: въ ясный день майскій свѣжесть повѣяла... солнышко яркое на горы вышло, смотритъ: гдѣ нашъ зародышекъ? что съ нимъ? и крошку цѣлуетъ. Вотъ онъ ожилъ опять и себя отъ веселья не помнитъ. Мало по малу одѣлись поля муравой и цвѣтами; вишня въ саду зацвѣла; зеленѣетъ и слива, и въ полѣ гуще становится рожь, и ячмень, и пшеница, и просо; наша былиночка думаетъ: «я назади не останусь! Кстати-ль!» Листки распустила.... Кто такъ прекрасно соткалъ ихъ? Вотъ стебелекъ показался.... Кто изъ жилочки въ жилку чистую влагу провелъ отъ корня до маковки сочной? Вотъ проглянулъ, налился и качается въ воздухѣ колось.... Добрые люди, скажите: кто такъ искусно развѣсилъ почки по гибкому стеблю на тоненькихъ, шелковыхъ нитяхъ? Ангелы! кто-же другой? Они отъ былинки къ былинкѣ, по полю взадъ и впередъ, съ благодатью небесной летаютъ.

Вотъ ужъ и цвѣтомъ вѣжнѣй, зыбучій колосикъ осыпанъ; наша былинка стоитъ, какъ невѣста въ уборѣ вѣнчалномъ. Вотъ налилось и зерно и тихохонько зрѣетъ; былинка шепчетъ, качая въ раздумьи головкой: «я знаю, что будетъ.» Смотритъ: слетаются мошки, жучки, молодую поздравить; пляшутъ, толкутся кругомъ, припѣваютъ ей: многія лѣта!!! Въ сумерки-жъ, только что мошки, жучки позаснутъ и замолкнутъ, тащится въ травкѣ свѣтлякъ съ фонаремъ—посвѣтитъ ей въ потемкахъ. Кушайте, свѣты мои, на здоровье; Господь васъ помилуй!

Вотъ ужъ и Троицынъ день миновался, и сѣно скосили: собраны вишни; въ саду ни одной не осталось сливы; вотъ ужъ пожали и рожь, и ячмень, и пшеницу, и просо; ужъ и на жниво собирать босякомъ ребятишки сходились колось оброненный: имъ помогла тихомолкомъ и мышка.... Что-то былиночка дѣлаетъ! О, ужъ давно пополнила; много, много въ ней зернушекъ; гнется и думаетъ: «полно: время мое миновалось; зачѣмъ мнѣ одной оставаться въ полѣ пустомъ межъ картофелемъ, пухлою рѣпой и свеклой!» Вотъ съ серпами пришли и Иванъ, и Лука, и Дуняша: ужъ и морозъ покусалъ имъ утромъ и вечеромъ пальцы; вотъ и снопы ужъ сушили въ овинѣ; ужъ ихъ молотили съ трехъ часовъ по утру до пяти по полудни на ригѣ; вотъ и гнѣдко потащился на мельницу съ возомъ тяжелымъ; началъ жерновъ молоть; и зернышки стали мукою; вотъ молочка

надоила отъ пестрой коровки родная полный горшечикъ; сварила кисель, чтобъ дѣтушкамъ кушать; дѣтушки скушали, ложки обтерли, сказали: «спасибо!»

Жуковский.

И В А.

По нивѣ прохожу я узкою межой, поросшей кашкою и цѣпкой лебедой. Куда ни оглянусь—повсюду рожь густая! Иду—съ трудомъ ее руками разбирая. Мельгаютъ и жужжать колосья предо мной, и колютъ мнѣ лицо.... Иду я, наклоняясь, какъ-будто бы отъ пчелъ тревожныхъ отбиваясь, когда, перескочивъ чрезъ ивовый плетень, среди яблонь въ пчельникѣ проходишь въ ясный день.

О, Божья благодать!... о, какъ прилечь отрадно мнѣ въ тѣни высокой ржи, гдѣ сыро и прохладно! Заботы полные, колосья надо мной бесѣду важную ведутъ между собой. Имъ внемля, вижу я—на всемъ полей просторѣ и жницы, и жнецы, ныряя точно въ морѣ, ужъ вяжутъ весело тяжелые снопы: вонъ—по зарѣ стучать проворные цѣпы; въ амбарахъ воздухъ полнъ и розана и меда; вездѣ скрыты везы; среди шумнаго народа на пристаняхъ кули валяются; вдоль рѣки, гуськомъ какъ журавли, проходятъ бурлаки, нагнувши головы, плечами напирая, и длинной бичевой по влагѣ ударяя.

А. Майковъ.

УТРО НА БЕРЕГУ ОЗЕРА.

Ясно утро. Тихо вѣетъ теплый вѣтерокъ; лугъ, какъ бархатъ, зеленѣетъ, въ заревѣ востокъ. Окаймленное кустами молодыхъ ракичь, разнообразными огнями озеро блеститъ. Тишинѣ и солнцу радо, по равнинѣ водъ, лебедей ручное стадо медленно плыветъ; вотъ одинъ взмахнулъ лѣнливо крыльями—и вдругъ влага брызнула игриво жемчугомъ вокругъ.

Привязавъ къ ракичамъ лодку, мужики, вдвоемъ, близъ осоки, втихомолку, тянутъ сѣть съ трудомъ. По травѣ, въ рубашкахъ бѣлыхъ скачутъ босякомъ два мальчишка загорѣлыхъ на прутахъ верхомъ. Крупный потъ съ нихъ градомъ льется и лицо горитъ: звучно смѣхъ ихъ раздается, голосокъ звенитъ. «Ну, катай на перегонки!» А на шалуновъ, съ тайной завистью, дѣвчонка смотритъ изъ кустовъ.

«Тянуть, тянуть!» закричали ребяташки вдруг: «вдоволь, чай, теперь поймали и ливей и шукъ».

Вотъ на берегѣ отлогомъ показалась сѣть.—«Ну вытряхивай-ка сѣь Богомъ, нечего глядѣть!» Такъ сказалъ старикъ высокой, весь какъ лунь сѣдой, съ грудью выпукло-широкой, съ длинной бородой. Сѣть намокшую подняли дружно рыбаки; на пескѣ затрепетали окуни, линьки. Дѣти весело шумѣли: «будетъ на денежъ!» и на короточки присѣли рыбу власть въ мѣшокъ.

«Ты подкидывшъ, къ намъ откуда? Не зови,—придетъ.... Убирайся-ка отсюда! Не пойдешь,—такъ вотъ!...» И подкидыша мальчишка оттолкнулъ рукой.

— «Ну за что ее ты, Мишка?» Упрекнулъ другой.

«Экой малый уродился, — говорилъ старикъ; все-бъ дрался онъ, да бранился, экой озорникъ! Ты бы внука-то маленько за вихорь подралъ: онъ взялъ волю-то раненько!» свату свать сказала.

«Эхъ!... дѣвчонка надоѣла.... Самъ я, знаешь, голъ; тутъ подкидыша безъ дѣла одѣвать изволь.»

— «Потерпи: чай, не забудетъ за добро Господь! Вѣдь она работаетъ будетъ, Богъ дастъ, подрастетъ.»

«Такъ-то такъ.... вѣстимо, надо къ дѣлу приучить; да теперь беретъ досада безъ-толку кормить. И дѣвчонка-то больная: сохнетъ, какъ трава, да все плачетъ.... дрянъ такая! а на грѣхъ жива.»

Мужики потолковали и въ село пошли; вслѣдъ мальчишки побѣжали, рыбу понесли. А дѣвчонка провожала грустнымъ взглядомъ ихъ и слеза у ней дрожала въ глазкахъ голубыхъ.

МЕЛЬНИЦА.

Кипитъ вода, реветъ ручьемъ, на мельницѣ и стукъ и громъ, колеса-то въ водѣ шумятъ, а брызги вверхъ огнемъ летятъ; отъ пѣны-то бугоръ стоитъ, что мостъ живой, весь полъ дрожитъ. Шумитъ вода, рукавъ трясеть, на камни рожъ дождемъ течетъ, подъ жерновомъ муку родить, идетъ мука, въ глаза пылитъ.

НОЧЛЕГЪ ВЪ ДЕРЕВНѢ.

Душный воздухъ, дымъ лучины,
Подъ ногами соръ,
Соръ на лавкахъ, паутины

По угламъ узоръ;
Закопѣлыя палаты,
Черствый хлѣбъ, вода.

Кашель прахи, плачь дитяти....

Нищимъ умереть....

О, нужда, нужда!

Вотъ гдѣ нужно бы учиться

Мыкать горе, вѣкъ грудиться,

Вѣрить и терпѣть.

И. Никитинъ.

ДЕМЬЯНОВАЯ УХА.

«Сосѣдушка, мой свѣтъ! Пожалуй-ста, покушай.»

— «Сосѣдушка, я сытъ по горло.»

— «Нужды нѣтъ, еще тарелочку; послушай: ушица, ей-же-ей, на славу сварена!»

— «Я три тарелки съѣлъ.»

— «И, полно, что за счеты; лишь стало бы охоты, — а то во здравье, ѣшь до дна! Что за уха! Да какъ жирна: какъ будто янтареи подернулась она; погѣшь же, миленькій дружочекъ! Вотъ лещикъ, по-троха, вотъ стерляди кусочекъ! Еще хотя ложечку! Да кланяйся жена!»

Такъ подчивалъ сосѣдъ-Демьянъ сосѣда-Фоку, и не давалъ ему ни отдыху, ни сроку; а съ Фоки ужъ давно катился градомъ потъ. Однако же еще тарелку онъ беретъ: собирается съ послѣдней силой, и очищаетъ всю.

«Вотъ друга я люблю!» вскричалъ Демьянъ: «зато ужъ чванныхъ не терплю. Ну, скушай же еще тарелочку, мой милой!»

Тутъ бѣдный Фока мой, какъ ни любилъ уху, но отъ бѣды таковой, схвата въ охапку кушакъ и шапку, — скорѣй безъ памяти домой, и съ той поры къ Демьяну ни ногой.

ТРИ МУЖИКА.

Три мужика зашли въ деревню ночевать. Здѣсь, въ Питерѣ, они извозомъ промышляли; поработали, погуляли, и путь теперь домой на родину держали. А такъ какъ мужичокъ не любитъ тощій спать, то ужинать себѣ спросили гости наши. Въ деревнѣ что за разносолъ; поставили пустыхъ имъ чашку щей на столъ, да хлѣба подали, да, что осталось, каши. Не то бы въ Питерѣ, — да не о томъ ужъ рѣчь; все лучше чѣмъ голоднымъ лечь. Вотъ мужики перекрестились и къ чашкѣ приютились. Какъ тутъ оинъ, по-смѣтливѣй

изъ нихъ, увидя, что всего немного для троихъ, смѣкнулъ, какъ дѣломъ тѣмъ поправить (гдѣ силой взять нельзя, тамъ надо полукавить).

«Ребята,» говоритъ: «вы знаете Оому, вѣдь въ нынѣшній наборъ забрѣютъ лобъ ему.»

— «Какой наборъ!»

— «Да такъ.» — Есть слухъ — война съ Китаемъ: нашъ Батюшка велѣлъ взять дань съ китайцевъ чаемъ.»

Тутъ двое принялись судить и разсуждать (они же грамотѣ, къ несчастью, знали: газеты и, подѣ-часъ, реляціи читали), какъ быть войнѣ, кому повелѣвать. Пустился мой ребята въ разговоры, пошли догадки, толки, споры: а нашъ того, лукавецъ, и хотѣлъ: пока они судили, да рядили, да войско разводили, онъ ни гугу — и щи и кашу, все прѣлъ.

И. Крыловъ.

КАКЪ МЫШИ КОТА ХОРОНИЛИ.

(Разсказъ мышенка).

Глупымъ мышенкомъ былъ я еще и не зналъ ничего. И мнѣ захотѣлось высунуть носъ изъ подполья. Но мать Царица Парасковья съ крысой Онуфріемъ крѣпко-на-крѣпко мнѣ запретили норку мою покидать: но я не послушался, въ щелку выглянулъ; вижу камнемъ выстанный дворъ; освѣщало солнце его, и окна огромнаго дома свѣтились; птицы летали и пѣли. Глаза у меня разбѣжались. Выдти не смѣя, смстрю я изъ щелки, и вижу: на дальнемъ краѣ двора звѣрекъ усастый, сизая шкурка, розовый носъ, зеленые глазки, пушистыя уши, тихо сидитъ и за птичками смотреть; а хвостикъ, какъ змѣйка, такъ и виляетъ. Потомъ онъ своею бархатной лапкой началъ рыльце себѣ умыть. Облилося радостью сердце мое, и я ужъ собрался покинуть щелку, чтобъ съ милымъ звѣркомъ познакомиться. Вдругъ зашумѣло что-то вблизи; оглянувшись, такъ я и обмеръ: какой-то страшный уродъ ко мнѣ подходилъ: широко шагая, черныя ноги свои подымалъ онъ и когти кривые съ острыми шпорами были на нихъ; на уродливой шеѣ длинныя косы висѣли змѣями; носъ крючковатый; подъ носомъ трясся какой-то мохнатый мѣшокъ и какъ-будто красный съ зубчатой верхушкой колпакъ, съ головы перегнувшись, по носу бился; а сзади какіе-то длинные крючья разнаго

цвѣта торчали снопомъ. Не успѣлъ я отъ страха въ память прійти, какъ съ обоихъ боковъ поднялись у урода словно какъ парусы, начали хлопать, и онъ, раздвоивши острый носъ свой, такъ заоралъ, что меня какъ дубиной треснуло. Какъ прибѣжалъ я назадъ въ подполье, не помню. Крыса Онуфрій, услышавъ о томъ, что случилось со мною, такъ и ахнулъ. «Тебя помиловалъ Богъ,» онъ сказалъ мнѣ: «свѣчку ты долженъ поставить уроду, который такъ кстати крикомъ своимъ тебя испугалъ; вѣдь это нашъ добрый сторожъ пѣтухъ; онъ горланъ и съ своими большою забіяка; намъ-же мышамъ онъ приносить и пользу: когда закричитъ онъ, знаемъ мы всѣ, что проснулись наши враги; а пріятель, такъ обольстившій тебя своей лицемерной харей, былъ не иной кто, какъ нашъ злодѣй записной, обѣдало, котъ Мурлыка; хорошъ-бы ты былъ когда-бы съ знакомствомъ къ этому плуту подѣхалъ; тебя-бъ онъ порядкомъ погладилъ бархатной лапкой своею: будь же впередъ осторожень.»

Долго разсказывать мнѣ объ этомъ проклятомъ Мурлыкѣ: каждый день отъ него у насъ недочетъ. Разскажу я только то, что случилось недавно.

Разнесся въ подпольѣ слухъ, что Мурлыку повѣсили. Наши лазутчики сами видѣли это глазами своими. Вскружилось подполье: шумъ, бѣготня, пискотня, скаканье, кувырканье, пляска, — словомъ, мы всѣ одурѣли, и самъ мой Онуфрій премудрый съ радости такъ напился, что подрался съ царицей, и въ дракѣ хвостъ у нея откусилъ, за что былъ и высѣченъ больно. Что-же случилось потомъ? Не развѣдавши дѣла порядкомъ, вздумали мы kota погребать; и надгробное слово тотчасъ поспѣло. Его сочинилъ поэтъ нашъ подпольный, Климъ, по прозванію Бѣшеный Хвостъ; такое названіе ему дали за то, что, стихи читая, всегда онъ въ мѣру вилялъ хвостомъ, хвостъ, какъ маятникъ, стучалъ. Все изготовивъ, отправились мы на поминки къ Мурлыкѣ. Вылѣзло множество насъ изъ подполья; глядимъ мы, и вправду котъ Мурлыка въ вѣтчинѣ виситъ на бревнѣ и повѣшенъ за ноги, мордою внизъ; оскалены зубы; какъ палка вытянуть весь, и спина и хвостъ, и переднія лапы словно какъ мертвья; оба глаза глядятъ не моргая. Всѣ запищали мы хоромъ: «повѣшенъ Мурлыка, повѣшенъ котъ окаянный; довольно ты, котъ, погулялъ; погуляемъ нынче и мы.» И шесть смѣльчаковъ тотчасъ взобрались вверхъ по бревну, чтобъ Мурлыкини лапки распутать; но

лапы сами держались, когтями вцѣпились въ бревно, а веревки не было тамъ никакой, и лишь только къ нимъ прикоснулись наши ребята, какъ вдругъ распустились когти, и на полъ хлопнулся котъ, какъ мѣшокъ. Мы всё по угламъ разбѣжались въ страхѣ, и смотримъ, что будетъ. Мурлыка лежитъ и не дышетъ, усы не тронется, глазъ не моргнетъ; мертвецъ — да и только.

Вотъ, ободрясь, изъ угловъ мы къ нему подступать понемногу начали; кто посмѣлѣе, тотъ дернетъ за хвостъ, да и тягу дастъ отъ него; тотъ лапкой ему погрозитъ; тотъ подразнитъ сзади его языкомъ; а кто еще посмѣлѣе, тотъ, подкравшись, хвостомъ въ носу у него пощекочетъ. Котъ ни съ мѣста, какъ пень. «Берегитесь», тогда намъ сказала старая мышь Степанида, которой Мурлыкины когти были знакомы (у ней онъ весь задъ ободралъ, и на силу какъ-то она отъ него ушла) «берегитесь: Мурлыка старый мошенникъ; вѣдь онъ висѣлъ безъ веревки, а это знакъ не добрый; и шкурка цѣла у него.» То услыша, громко мы всё засмѣялись. «Смѣйтесь, чтобъ послѣ не плакать, мышь Степанида сказала опять: а я не товарищъ вамъ.» И поспѣшно, созвавъ мышенятюкъ своихъ, убралася съ ними въ подполье она. А мы принялись, какъ шальные, прыгать, скакать и ката тормозить.

Наконецъ, поуставши, всё мы усѣлись въ кружокъ передъ мордой его и поэтъ нашъ Климъ, по прозванью Бѣшеный Хвостъ, на Мурлыкино пузо взлѣзши, началъ оттуда читать намъ надгробное слово, мы же при каждомъ стихѣ хохотать; и вотъ что прочелъ онъ: «жилъ Мурлыка, былъ Мурлыка котъ Сибирскій, ростъ богатырской, сизая шкурка, усы, какъ у Турка; онъ былъ бѣшенъ, на кражѣ помѣшанъ, за то повѣшенъ. Радуйся, наше подполье!»...

Но только успѣлъ проповѣдникъ это слово промолвить, какъ вдругъ нашъ покойникъ очнулся. Мы бѣжать.... Куда ты! Пошла ужасная травля. Двадцать изъ насъ остались на мѣстѣ, а раненыхъ втрое болѣе было. Тотъ воротился съ ободраннымъ пузомъ, тотъ безъ уха, другой съ обѣденной мордой; иному хвостъ былъ оторванъ; у многихъ такъ страшно искусаны были спины, что шкурки мотались какъ тряпки; Царицу Парасковью чуть успѣли въ нору уволочъ за заднія лапки, царъ Иринушъ спасся съ рубцемъ на носу; но премудрый крыса Онуфрій съ Климомъ поэтомъ достались Мурлыкѣ прежде другихъ на обѣдъ. Такъ кончился пиръ нашъ бѣдою.

В. Жуковский.

НЕВОЛЬНИЧІЙ КОРАВЛЬ.

I.

Поставщикъ товаровъ, Мингерръ Ванъ-Коекъ, въ каютѣ ведетъ свои счеты: примѣрную прибыль и грузъ корабля считаетъ онъ, полонъ заботы. «Всѣхъ триста боченковъ и тюковъ: дадутъ и перецъ и гумми доходець; слоновая кость тоже славный товаръ, но прибыльнѣй черный народецъ. Смѣхъ дешевы эти рабы: я шесть-сотъ отмѣнныхъ досталъ въ Сенегалѣ, по твердости мяса, по крѣпости жилъ все вылитыхъ будто изъ стали. Даль бусъ я въ обмѣнъ, да желѣзныхъ вещицъ, да водку, а славное дѣло! Пускай половина живеть: осемьсотъ процентовъ рассчитывай смѣло. Да, пусть только триста негровъ свезу до гавани Рио Жанейро, по сотнѣ дукатовъ за штуку возьму я съ фирмы Гонзалесъ Перейра.» Такъ высчитывалъ вѣрно Мингерръ Ванъ-Коекъ, и этою мыслию дѣльной былъ занятъ: какъ вдругъ появился къ нему Ванъ-Смиссенъ, хирургъ корабельной. То былъ господинъ самъ, какъ щепка, сухой, а носъ угреватый, багровый. «Ну, что мои дѣтки?» спросилъ Ванъ-Коекъ, «что черные? всѣ-ли здоровы?» И докторъ сказалъ: «честь имѣю донести, что мы къ сожалѣнью въ потерѣ: усилилась смертность въ послѣднюю ночь межъ ними въ значительной мѣрѣ. Въ день по двое гибло ихъ среднимъ числомъ, а нынче мы семь потеряли: четыре мужчины, три женщины вдругъ.... отмѣтилъ я убыль въ журналѣ. Всѣ трупы я тщательно самъ осмотрѣлъ: порой плутовскому народу прикинуться мертвымъ приходитъ на мысль, чтобъ только ихъ бросили въ воду. Оковы я снялъ съ мертвецовъ, и потомъ, какъ это устроено мною, всѣ трупы я выкинуть въ море велѣлъ ранехонько утромъ съ зарею! Посмотришь, ужъ цѣлая стая акулъ пныряетъ, отколь ни взялася: мои вѣдь нахлѣбники эти, они такъ падки до чернаго мяса. Съ тѣхъ поръ, какъ мы отплыли, гнались они за нами съ какою-то страстью, ужъ чуютъ у насъ мертвечину скоты, и жадною, чавкаютъ пастью. Забавно глядѣть, какъ порой этотъ звѣрь несчастные трупы хватаетъ: тотъ голову цапнетъ, тотъ ногу порой, а этотъ обрывки глотаетъ. Какъ все ужъ поглотятъ, вокругъ корабля тѣснится, ликуетъ ихъ стая: таращатъ глаза на меня, будто мнѣ за завтракъ любовь изъ-

являя.» Но грустно прервалъ его рѣчь Вань-Коекъ! «Какое же злу облегченье? Въ виду возрастающей смертности сей какое принять намъ рѣшенье?» «Да черные сами, хирургъ отвѣчалъ, виною, что такъ умираютъ: въ каютѣ имъ тѣсно, а воздухъ они дыханьемъ еще заражаютъ. При томъ въ меланхоліи многіе мрутъ, тоска ихъ смертельная гложетъ: но музыка, пляска и воздухъ какъ разъ все это въ болѣзни поможетъ.» «Советъ превосходный! вскричалъ Вань-Коекъ: мой докторъ искуснѣе втрое, чѣмъ самъ Аристотель, имѣвшій своимъ шенцомъ Александра героя. Да, музыки, музыки! черныхъ плясать, на палубѣ здѣсь мы принудимъ, а кто заупрямится прыгать, того и плеткою пользоваться будемъ.»

II.

Въ далекой и ясной тверди голубой несчетныя звѣзды мерцаютъ; большія и умныя, нѣгой онѣ, какъ очи красавиць, сіяютъ. Глядятъ на широкое море съ небесъ: свѣтя фосфорическимъ блескомъ, далеко пурпурное льется оно съ чуть слышнымъ и сладостнымъ плескомъ. Какъ будто совсѣмъ разснащенный, корабль недвиженъ, и парусъ не бьется— на палубѣ только блестятъ фонари и музыки гулъ раздается. Тамъ штурманъ усердно на скрипкѣ гудитъ, сталъ поваръ неволею флейщикъ, и юнга гремитъ въ барабанъ, а въ трубу тамъ трубятъ нашъ докторъ затѣйщикъ: до сотни невольничьихъ дѣвъ и мужчинъ ликують, и въ дикомъ весельи кружатся и скачутъ: при каждомъ прыжкѣ въ тактъ музыкѣ цѣпи звенѣли.. А *maître des plaisirs* все глядитъ палачемъ: имѣя веселье въ предметѣ, лѣнивыхъ танцоровъ не разъ понукалъ онъ бойко ударами плети.

(Изъ Гейне; перев. В. Водовозова).

ШОССЕ и ОБЫКНОВЕННАЯ ДОРОГА.

Прямая дорога, большая дорога!
Простору не мало взяла ты у Бога;
Ты вдаль протянулась, пряма какъ стрѣла.
Широкою гладью, что скатерть, легла!
Ты камнемъ убита, жестка для копыта,
Ты мѣрена мѣрой, трудами добыта!....

Въ тебѣ, что ни шагъ, мужикъ работалъ:
Прорѣзывать горы, мосты настилалъ:
Все дружною силой и съ пѣснями въ ято,—
Вколачивалъ молотъ, и рыла лопата,
И дебри топоръ вѣковья просѣкъ....
Куда какъ упоренъ въ трудѣ человекъ!
Чего онъ не сможетъ, лишь было бѣ терпѣнье,
Да разумъ, да воля, да Божье хотѣнье!
А съ каменной рядомъ, поодаль немножко,
Окольная вьется живая дорожка!
Дорожка, дорожка, куда ты ведешь,
Безъ званья ли ты, или со званьемъ слывешь?
Идешь, колесишь ты, не зная разбору,
По рвамъ и долинамъ, чрезъ рѣчку и гору!
Не много ты мѣста себѣ отняла:
Просторомъ тельженнымъ легла, гдѣ могла!
Тебя не ровняли топоръ и лопата,
Мягка ты копыту, и пылью богата,
И кочки мѣстами, и взрѣжетъ соха....
Грязна ты въ ненастье, а въ ведро суха!

И. Аксаковъ.

КТО ОНЪ?

Лѣсомъ частымъ и дремучимъ, по тропинкамъ и по мхамъ, ѣхалъ всадникъ, пробираясь къ свѣтлымъ невскимъ берегамъ. Только вотъ— рыбацья хата; у рѣки старикъ стоялъ, чолнъ осматривалъ дыривый, бранился и вздыхалъ. Всадникъ подлѣ— онъ не смотритъ. Всадникъ молвилъ: «здравствуй, дѣдъ!» а старикъ въ сердцахъ чуть глянулъ на привѣтствіе въ отвѣтъ. Все ворчалъ себѣ онъ подъ носъ: «Поздорвится тутъ, жди! Времена ужъ не такія... жди, да у моря сиди. Вамъ вѣдь все ничто баярамъ, а челнокъ для рыбака тожъ, что бабѣ веретена, а въ конь для сѣдока. Шведы ль, наши ль шли тутъ утромъ, кто ихъ знаетъ— ото всѣхъ нынче пахнетъ табачищемъ.... ходитъ въ мірѣ, ходитъ грѣхъ! Чуть кого вдали завидишь— смотришь, въ лѣсъ бы.... Вѣдь грѣшно!.... лодка, вишь, имъ помѣшала и давай рубить ей дно.... Да, ужъ стала здѣсь сторонка за теперешнимъ

царемъ!... Изъ-подъ Пскова вѣдь на лѣто промышлять сюда идемъ.» Всадникъ прочь съ коня, и молча за работу принялся: живо дѣло закипѣло и поспѣло въ полчаса. Самъ топоръ вотъ такъ и ходитъ, такъ и тычетъ долото — и челнокъ на славу вышелъ, а вѣдь былъ, что рѣшето. «Ну, старикъ, теперь готово, хоть на Ладогу ступай, да закинуть сѣть на счастье на Петрово попытай.» «На Петрово! Эко слово молвилъ! — думаетъ рыбакъ — съ топоромъ гляди какъ лавокъ.... а по рѣчи.... Какъ же такъ?..» И развелъ старикъ руками, шапку снялъ и смотритъ въ лѣсъ, смотритъ долго въ ту сторону, гдѣ чудесный гость исчезъ.

А. Майковъ.

ПѢСНЯ ЛИХАЧА КУДРЯВИЧА.

Съ радости-веселья хмѣлемъ кудри вьются; ни съ какой заботы они не сбьются. Ихъ не гребень чешеть — золотая доля, завиваетъ въ кольца молодецка удалъ.

Не родись богатымъ, а родись кудрявымъ: по щучью вельнью все тебѣ готово. Чего душа хочеть — изъ земли родится; со всѣхъ сторонъ прибыль ползеть и валится. Что шути задумалъ — пошла шутка въ дѣло; а тряхнулъ кудрями — въ одинъ мигъ поспѣло. Не возьмутъ гдѣ лоскомъ, возьмутъ кудри силой; а что худо — смотришь, по водѣ поплыло!

Любо жить на свѣтѣ молодцу съ кудрями, весело на бѣломъ съ черными бровями! Во время да въ пору, медомъ рѣки льются и съ утра до ночи пѣсенки поются.

Честь и слава кудрямъ! Пусть ихъ волосъ вьется — съ ними все на свѣтѣ ловко удастся! не подъ шапку горе головѣ кудрявой! — Разливайтесь, пѣсни! ходи, парень, браво!

Колцовъ.

Н и щ и й.

И вечерней и ранней порою
Много старцевъ и вдовъ и сиротъ
Подъ окошками ходитъ съ сумою,
Христа-ради на помощь зоветъ.
Надѣваетъ ли сумку неволя,
Неохота ли вѣзаться за трудъ, —

Тяжела и горька твоя доля,
Безпріютный, оборванный людъ!
Не откажутъ тебѣ въ подаянии,
Не умрешь ты безъ крова зимой, —
Жаль разумное, Божье созданье,
Человѣка въ грязи и съ сумой!

Никитинъ.

КАПИТАНЪ ВОПШЪ.

На кораблѣ купеческомъ Медузѣ, который плылъ изъ Лондона въ Бостонъ, былъ капитаномъ Вощъ, морякъ искусный, но человѣкъ не добрый; онъ своихъ людей такъ притѣснялъ, былъ такъ безстыдно развратенъ, такъ ругался дерзко всякой святыней, что его весь экипажъ смертельно ненавидѣлъ; наконецъ готовъ былъ вспыхнуть бунтъ и капитану бы не одобровать.... но Богъ рѣшилъ иначе. Вдругъ занемогъ опасно капитанъ; надъ кораблемъ команду принялъ штурманъ; больной же, всѣми брошенный, лежалъ въ каютѣ: экипажъ рѣшилъ, чтобъ онъ безъ помощи издохъ, какъ зараженный чумой, и это съ злобнымъ смѣхомъ было ему объявлено. Ужь дня четыре, снѣдаемый болѣзнію лежалъ одинъ онъ, и никто не смѣлъ къ нему войти, чтобы хоть каплею воды его языкъ изсохшій освѣжить, или голову повисшую его подушкой подпереть, или добрымъ словомъ его больную душу ободрить; онъ былъ одинъ, и страшно смерть глядѣла ему въ глаза. Вдругъ слышитъ онъ однажды, что въ дверь его вошли, и что ему сказалъ умильный голосъ: «каковы вы, капитанъ?» — То мальчикъ Робертъ былъ, ребенокъ лѣтъ двѣнадцати; ему сталъ жалокъ капитанъ; но на вопросъ больной сурово отвѣчалъ: тебѣ какое дѣло? убирайся прочь! Однако на другой день мальчикъ снова вошелъ въ каюту и спросилъ: «не нужно ль чего вамъ, капитанъ?» — Ты это, Робертъ? чуть слышнымъ голосомъ спросилъ больной. — «Я, капитанъ.» — Ахъ! Робертъ, я страдалъ всю ночь. — «Позвольте мнѣ, чтобъ я умылъ вамъ руки и лицо; васъ это можетъ немного освѣжить.» — Больной кивнулъ въ знакъ своего согласія головою. А Робертъ, оказавъ ему услугу любви, спросилъ: «могу ли, капитанъ, теперь обречь васъ?» Это тоже было ему позволено. Потомъ больного Робертъ тихонько приподнял, его подушки поправилъ; наконецъ, смѣлѣе ставши, сказалъ: теперь я напою васъ чаемъ. И капитанъ спокойно соглашался на все; онъ глубоко вздыхалъ и съ грустной улыбкою на мальчика смотрѣлъ. Увѣренъ будучи, что отъ своихъ людей онъ никакого милосердія надѣяться не долженъ, въ злобѣ сердца рѣшился онъ ни съ кѣмъ не говорить ни слова. Лучше умереть сто разъ, онъ думалъ, чѣмъ отъ нихъ принять услугу. Но милая заботливость ребенка всю внутренность его поколебала; непримиримая его душа смягчилась и въ гла-

захъ его, дотолѣ свирѣпо мрачныхъ, выступили слезы. Но дни его ужъ были сочтены; онъ видимо слабѣлъ и наконецъ увѣрился, что жизнь его была на тонкомъ волоскѣ; и ужасъ душу его схватилъ, когда предстали разомъ ей смерть и вѣчность; съ страшнымъ крикомъ совѣсть проснулась въ немъ; но ей не поддавалась бы его желѣзная душа; онъ молча бѣ покинулъ свѣтъ озлобленный, ни съ кѣмъ не примиренный, еслибъ милый голосъ ребенка, посланнаго Богомъ, вдругъ его не пробудилъ. И вотъ однажды, когда опять къ нему вошедши, Робертъ спросилъ: «не лучше ли вамъ, капитанъ?» онъ простоналъ отчаянно: ахъ! Робертъ, мнѣ тяжело; съ моимъ погибшимъ тѣломъ становится ежеминутно хуже. А съ бѣдною моею душою!... Что мнѣ дѣлать? Я великій нечестивецъ! Меня ждетъ адъ; я ничего инаго не заслужилъ; я грѣшникъ, я на вѣки погибшій человекъ. — «Нѣтъ, капитанъ, васъ Богъ помируетъ; молитесь.»—Поздно молиться; для меня ужъ болѣ нѣтъ надежды на спасенье. Что мнѣ дѣлать? Ахъ! Робертъ, что со мною будетъ?—Такъ свое дотолѣ безчувственное сердце онъ исповѣдывалъ передъ ребенкомъ; и Робертъ дѣлалъ все, чтобъ возбудить въ немъ бодрость—но напрасно. Разъ, когда по-прежнему вошелъ въ каюту мальчикъ, больной, едва дыша, ему сказалъ: послушай, Робертъ, мнѣ пришло на умъ, что, можетъ быть, на корабль найдется евангеліе; попробуй, поищи. И подлинно евангеліе нашлося. Когда его больному подалъ Робертъ, въ его глазахъ сверкнула радость.—Робертъ, сказалъ онъ, это мнѣ поможетъ, вѣрно поможетъ. Другъ, читай; теперь узнаю, что мнѣ ждуть и въ чѣмъ мое спасенье. Сядь, Робертъ, здѣсь; читай; я буду слушать.—«Да что же мнѣ читать вамъ, капитанъ?»— Не знаю, Робертъ; я ни разу въ руки не бралъ евангелія; читай, что хочешь безъ выбора, какъ попадется.—Робертъ раскрылъ евангеліе и сталъ читать, и два часа читалъ онъ. Капитанъ, къ нему съ постели голову склонивъ, его съ великой жадностію слушалъ; какъ утопающій за доску, онъ за каждое хватался слово; но при каждомъ словѣ молніею страшной душа въ немъ озарялась; онъ вполне все недостоинство свое постигнулъ, и правосудіе Творца предстало ему съ погубелью неизбѣжимой; хотя и слышалъ онъ святое имя Спасителя, но вѣрить онъ не смѣлъ спасенію. Оставшись одинъ, во всю ту ночь онъ размышлялъ о томъ, что было читано; но въ этихъ мысляхъ его душа отрады не нашла. На слѣдующій день, когда

опять вошелъ въ каюту Робертъ, онъ ему сказалъ: мой другъ, я чувствую, что мнѣ земли ужъ не видать; со мною дѣло идетъ къ концу поспѣшно; скоро буду я брошенъ черезъ бортъ; но не того теперь боюсь я... что съ моею душою, съ моею бѣдною душою будетъ! Ахъ, Робертъ, я погибъ, погибъ на вѣки! Не можешь ли помочь мнѣ? Помолись, другъ, за меня. Вѣдь ты молитвы знаешь?— «Нѣтъ, капитанъ; я никакой другой молитвы, кромѣ «Отче нашъ», не знаю; я съ матерью вседневно поутру и ввечеру ее читалъ.»— Ахъ! Робертъ, молись за меня; стань на колѣни; проси, чтобъ Богъ явилъ мнѣ милосердіе, за это онъ тебя благословитъ. Молись, другъ, молись о твоёмъ отверженномъ безбожномъ капитанѣ.— Но Робертъ медлил; а больной его просилъ и убѣждалъ, ежеминутно со стономъ восклицая: Царь небесный, помилуй грѣшника меня. И оба рыдали.— Ради Бога на колѣни стань, Робертъ, и молись за меня.— И увлеченный жалостію, мальчикъ сталъ на колѣни и, сложивши руки, въ слезахъ воскликнулъ: «Господи, помилуй ты моего больного капитана. Онъ хочетъ, чтобъ Тебѣ я за него молился— я молиться не умѣю. Умилосердись Ты надъ нимъ; онъ бѣдный боится, что ему погибнуть должно. Ты, Господи, не дай ему погибнуть. Онъ говоритъ, что быть ему въ аду— Ты, Господи, возьми его на небо; онъ думаетъ, что дьяволъ овладѣетъ его душой— Ты, Господи, вели, чтобъ Ангелъ твой вступился за него. Мнѣ жалокъ онъ; его больного всѣ покинули; но я, пока онъ живъ, ему служить не перестану; только спасти его я не умѣю; сжался надъ нимъ Ты, Господи, и научи меня молиться за него.»— Больной молчалъ; невинность чистая, съ какою ребенокъ за него молился, всю его проникла душу; онъ лежалъ недвижимъ, стиснувъ руки, погруживъ въ подушки голову и слезъ потоки изъ глазъ его бѣжали. Робертъ, кончивъ свою молитву, вышелъ; онъ былъ также встревоженъ; долго онъ, едва дыханье перевода, на палубѣ стоялъ и перегнувшись черезъ бортъ, смотрѣлъ на волны. Ввечеру онъ, возвратившись къ больному, до ночи ему читалъ евангеліе, и капитанъ его съ невыразимымъ слушалъ умиленіемъ. Когда же Робертъ на другое утро опять явился, онъ былъ пораженъ, взглянувъ на капитана, перемѣной, въ немъ происшедшей: страхъ, который такъ усиливалъ естественную дикость его лица, носившаго глубокихъ страстей и бурь душевныхъ отпечатокъ, исчезъ; на немъ сквозъ покрывало

скорби, сквозь блѣдность смертную сіяло что-то смиренное, веселое, святое, какъ будто лучъ той свѣтлой благодати, которая отъ Бога къ намъ на вошь молящаго раскаянья нисходитъ. — Ахъ! Робертъ, тихимъ голосомъ больной сказалъ, какую ночь провелъ я! Что со мною было! Я того, мой другъ, словами выразить не въ силахъ. Слушай: когда вчера меня оставилъ ты, я впалъ въ какой-то полусонъ; душа была полна евангельской святыней, которая проникнула въ нее, когда твое я слушала чтеніе; вдругъ передъ собою, здѣсь, въ ногахъ постели, увидѣлъ я — кого же? Самаго Спасителя Христа; Онъ пригвожденъ былъ ко кресту; и показалось мнѣ, что будто всталъ я и приползъ къ Его ногамъ и закричалъ, какъ тотъ слѣпой, о коемъ ты читалъ мнѣ: сынъ Давидовъ, Иисусъ Христосъ, помилуй. И тогда мнѣ показалось, будто на меня — да! на меня, мой другъ, на твоего злодѣя капитана, Онъ взглянулъ... О, какъ взглянулъ! какими описать словами этотъ взглядъ! Я задрожалъ; вся къ сердцу кровь прихлынула; душа наполнилась тоскою смерти; въ страхъ, но и съ надеждой, я къ нему подвять осмѣлился глаза... и что же? Онъ... да, Робертъ!... Онъ отверженному мнѣ съ небесной милостию улыбнулся! О! что со мною сдѣлалось тогда! На это слово языкъ мой не имѣетъ. Я на Него глядѣлъ... глядѣлъ... и ждалъ... чего я ждалъ? Не знаю: но о томъ мое трепещущее сердце знало. А Онъ съ креста, который весь былъ кровью, бѣжавшею изъ ранъ Его облить, смотрѣлъ такъ благостно, съ такой прискорбной и нѣжной жалостию на меня... И вдругъ Его уста пошевелились, и я Его услышалъ голосъ... чистый, пронзающій всю душу, сладкій голосъ, и Онъ сказалъ мнѣ: «ободришь и вѣруй!» Отъ радости разорвалося сердце въ моей груди, и я передъ крестомъ упалъ съ рыданіемъ и крикомъ... но видѣніе исчезло; и тогда очнулся я; мои глаза открылись... Не сонъ ли это былъ? Нѣтъ, не сонъ. Теперь я знаю: Тотъ меня спасетъ, кто ко кресту за всѣхъ и за меня былъ пригвожденъ; я вѣрую тому, что Онъ сказалъ на Вечери Святой, переломивши хлѣбъ и вливши въ чашу вино во оставленіе грѣховъ. Теперь ужъ мнѣ не страшно умереть: мой искупитель живъ; мои грѣхи мнѣ будутъ прощены. Выздоровленія не жду я болѣе и не желаю; я чувствую, что съ жизнью разстаться мнѣ должно скоро, и ее покинуть теперь я радъ... — При этомъ словѣ Робертъ, дотолѣ плакавшій въ молчаньи, вдругъ съ рыданіемъ воскликнулъ: «капитанъ,

не умирайте; нѣтъ, вы не умрете.» — На то больной съ усмѣшкой отвѣчалъ: не плачь, мой добрый Робертъ; Богъ явилъ свое мнѣ милосердіе, и теперь я счастливъ; но тебя мнѣ жаль, какъ сына роднаго жаль; ты долженъ здѣсь остаться на кораблѣ межъ этихъ нечестивыхъ людей, одинъ, неопытный ребенокъ... Съ тобой будетъ то же, что со мной! Ахъ! Робертъ, берегись, не попади на страшную мою дорогу; видишь, куда ведетъ она. Твоя любовь ко мнѣ была, другъ милый, велика; тебѣ я всѣмъ обязанъ; ты мнѣ Богомъ былъ посланъ въ страшный часъ... ты указалъ мнѣ, и самъ того не зная, путь спасенія; благослови тебя за то Всевышній! Другимъ же всѣмъ на кораблѣ скажи ты отъ меня, что я прошу у нихъ прощенья, что я самъ ихъ всѣхъ прощаю, что я за нихъ молюсь. — Весь этотъ день больной провелъ спокойно; онъ съ глубокимъ вниманіемъ евангеліе слушалъ. Когда жъ настала ночь, и Робертъ съ нимъ простился, онъ съ благословеніемъ, любовію и грустью проводилъ глазами до дверей каюты. Рано на слѣдующій день приходитъ Робертъ въ каюту; двери отворивъ, онъ видитъ, что капитана нѣтъ на прежнемъ мѣстѣ: поднявшись съ подушки, онъ приползъ къ тому углу, гдѣ крестъ ему во снѣ явился: тамъ, къ стѣнѣ оборотясь лицомъ, въ дугу согнувшись, головой припавъ къ постелѣ, крѣпко стиснувъ руки, лежалъ онъ на колѣняхъ. То увидя, встревоженный, въ дверяхъ каюты Робертъ остановился. Онъ глядитъ и ждетъ, не смѣя тронуться; минуты двѣ прошло... и вотъ онъ наконецъ шепнулъ тихонько! — отвѣта нѣтъ. Онъ, два шага ступивъ, шепнулъ опять погромче: капитанъ! но тихо все и все отвѣта нѣтъ. Онъ подошелъ къ постелѣ. Капитанъ! сказалъ онъ вслухъ. По-прежнему все тихо. Онъ рукой его ноги коснулся: холодна нога, какъ ледъ. Въ испугѣ закричалъ онъ громко: капитанъ! и за плечо его схватилъ. Тутъ положеніе тѣла перемѣнилось; медленно онъ навзничъ упалъ и тихо голова легла сама собою на подушку; были глаза закрыты, щеки блѣдны, видъ спокоенъ, руки сжаты на молитву.

В. Жуковскій.

БАДА - ПРОПОВѢДНИКЪ.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой	На мальчика онъ опирался рукой,
вѣтрами,	По камнямъ ступая босыми ногами.
Пустынной тропою шель Бада слѣпой;	И было все глухо и дико кругомъ;

Однѣ только сосны росли вѣковыми;
Однѣ только скалы торчали сѣдыя,
Босматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.

Но мальчикъ усталъ; ягодъ свѣжихъ
отвѣдать,

Иль просто слѣнца онъ хогѣлъ обмануть:

«Старикъ! — онъ сказалъ — я пойду
отдохнуть;

А ты, если хочешь, начини проповѣ-
дать —

Съ вершинъ увидали тебя пастухи;

Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;

Вонъ, жены съ дѣтьми; говори имъ о
Богѣ,

О Сыгѣ, распятомъ за наши грѣхи!»

И старца лицо просіяло мгновенно,

Какъ ключъ, пробивающій каменный
слои,

Изъ усть его блѣдныхъ живою волной

Высокая рѣчь потекла вдохновенно...

Безъ вѣры такихъ не бываетъ рѣчей!

Казалось — слѣпцу въ славѣ небо явля-
лось;

Дрожащая къ небу рука поднималась,

И слезы текли изъ потухшихъ очей!

Но вотъ, ужъ сгорѣла заря золотая,

И мѣсяца лучъ блѣдный въ горы про-
никъ;

Въ ущелье повѣяла сырость ночная...

И вотъ, проповѣдая, слышитъ старикъ,

Зоветь его мальчишь, смѣясь и толкая:

«Довольно, пойдемъ! никого уже нѣтъ...»

Замолкъ грустно старецъ, glavой по-
никая;

Но только замолкъ онъ — отъ края до
края

«Аминь!» ему грянули камни въ от-
вѣтъ.

Я. Полонскій.

ОТДѢЛЪ II.

П Р О З А.

ПШЕНИЦА и ПЛЕВЕЛЫ.

(Притча).

Послалъ однажды хозяинъ работниковъ своихъ въ поле и приказалъ имъ засеять его пшеницею. Работники, засеявъ поле, легли отдохнуть и заснули: когда же они спали, пришелъ на поле недругъ ихъ хозяина и посеялъ между пшеницею плевелы. Взшла и вы-

росла пшеница, взшли и выросли плевелы. Работники скоро замѣтили ихъ, пришли къ хозяину и сказали ему: «Господинъ, между пшеницею выросли плевелы; не сходить ли намъ на полѣ и не вырывать ли ихъ?» — «Нѣтъ, не ходите, отвѣчалъ имъ хозяинъ: вырывая плевелы, вы нечаянно можете вырвать и пшеницу; пускай они растутъ вмѣстѣ, пока придетъ жатва. Когда же придетъ время жатвы, тогда я прикажу моимъ жнецамъ собрать отдѣльно плевелы и, связавъ ихъ въ снопы, сжечь, — а пшеницу перевезти ко мнѣ въ житницу.»

ВОСПИТАНІЕ.

Ребенокъ видѣлъ, какъ отецъ посадилъ въ своемъ саду дикую, лѣсную яблоньку. — Зачѣмъ ты это дѣлаешь! — спросилъ онъ отца: вотъ ужъ такому негодному деревцу я бы не далъ мѣста въ саду.

— А почему ты знаешь, что это деревцо никуда не годится? — спросилъ отецъ.

— Это видно съ перваго взгляда, — отвѣчалъ мальчикъ.

— Да, оно, конечно, мало и не завидно; но въ немъ скрывается большая сила, и современемъ оно можетъ вырасти и приносить плоды.

Черезъ нѣсколько времени мальчикъ опять увидѣлъ, что отецъ его заботливо возится около новой яблоньки: ставитъ колья, привязываетъ къ нимъ однѣ вѣтки, а другія срѣзываетъ.

— Зачѣмъ ты не даешь деревцу расти свободно? — спросилъ мальчикъ.

— Затѣмъ, чтобы вѣтеръ его не сломалъ и чтобы оно могло расти прямо и стройно.

Потомъ отецъ вскопалъ землю около корня и окружилъ деревцо кольями, чтобы скотъ не могъ его сломать.

— Посмотри, — сказалъ онъ сыну, — какъ я люблю это молодое деревцо; а люблю я его за ту жизненную силу, которая въ немъ скрыта, и о ней-то я хлопочу и забочусь.

На слѣдующую весну отецъ пришелъ къ деревцу съ отросткомъ, срѣзаннымъ съ другой, хорошей яблони, и съ ножомъ въ рукахъ: онъ разомъ срѣзалъ всю верхушку молодого деревца.

— Что ты дѣлаешь? — вскричалъ мальчикъ въ испугѣ: теперь всѣ труды твои пропали даромъ!

Но отецъ улыбнулся, раскололъ немного стволъ деревца и, всадивъ въ него принесенную имъ вѣточку, заклеилъ разрѣзъ замазкою и тщательно обвязалъ тряпкою.

— Вотъ видишь ли, — сказалъ онъ сыну, когда работа была кончена: еслибъ деревцо осталось въ лѣсу, оно было бы и криво, и сучковато, и приносило бы современемъ такую кислицу, которой ѣсть было бы невозможно. Но я позаботился, чтобы оно росло прямо; а теперь, при наступленіи весны, даль, скрытымъ въ немъ силамъ новое, лучшее направленіе, прицепивъ къ нему вѣточку отъ хорошаго дерева, плоды котораго уже извѣстны.

Скоро молодое деревцо выросло, пустило новыя вѣтви и покрылось почками и цвѣтами; а къ осени вѣтки его уже гнулись подъ тяжестью большихъ румяныхъ яблокъ.

— Ну, что скажешь теперь? — спросилъ отецъ сына.

— Ахъ—отвѣчалъ тотъ: какое это прекрасное, благодарное дерево; труды твои не пропали даромъ.

— Дай Богъ,—продолжалъ отецъ: чтобы ты такъ же отблагодарилъ меня за мои заботы о твоёмъ воспитаніи.

ОТЦОВСКІЙ ДОЛГЪ.

Происшествіе, о которомъ веду я свой разсказъ, не вымышленное: я слышалъ его отъ достовѣрныхъ людей. Случилось оно въ Московской губерніи, кажется, въ Звенигородскомъ уѣздѣ.

«Жилъ-былъ одинъ крестьянинъ, не то чтобы зажиточный, а хорошимъ домомъ, человекъ работающій и честный. Кромѣ жены, семья его состояла изъ трехъ дочерей да сына-молодца. Въ животѣ, въ смерти Богъ воленъ: кажись, крѣпокъ былъ нашъ Захаръ Антоновъ, а вдругъ свалился и отдалъ Богу душу. Новая изба, которую началъ было онъ строить, собираясь женить своего Ваню, осталась недоконченою, — и долги нашлось на немъ не мало: сосѣдямъ — кому пять, кому десять рублей, а одному городскому купцу, у котораго забиралъ онъ кое-какой товаръ, безъ малаго пятьсотъ. Деньги браны были, какъ водится у простаго народа, на честномъ словѣ, безъ векселей и заемныхъ писемъ; должникъ умеръ; кажется, и дѣлу бы конецъ, анъ нѣтъ; по крестьянскому разумѣнію, отдать надобно; честное имя должно остаться незапятнаннымъ. Пристаютъ кредиторы

ко вдовѣ, одинъ даже грозитъ пожаловаться начальству....—«Пообождите, кормильцы,—молить она: вотъ управлюсь маленько съ дѣлами, къ Петрову дню телать пару, да лошадь продамъ...» Куда—и слышать не хотять. Что дѣлать? Словно ножъ въ сердцѣ было слышать Ивану Захарову, какъ корятъ память отца: такъ и думается ему, что при всякомъ попрекѣ ворочаются въ могилѣ старыя кости.... Эхъ-ма!... и задумалъ онъ что-то.

По губерніи объявленъ былъ рекрутскій наборъ; въ деревнѣ, гдѣ жилъ Иванъ, чередъ выставлять рекрута палъ на одинъ семьянистый, но богатый домъ. Приходится отдавать одного изъ троихъ взрослыхъ парней. Рады бы они нанять охотника, да негдѣ взять: время горячее, спѣшное.—«Да не возьмешь ли меня?» спрашиваетъ вдругъ Иванъ Захаровъ у сосѣда.

— Иль шутить вздумалъ, Ванюха?—проговорилъ тотъ съ сердцемъ.—«Какія шутки! пойду я за твою семью служить Богу и великому Государю.» — Да какъ же, любезникъ ты мой, мать-то твоя... тово..., вѣдь ты одинъ у нея, какъ персть....—«Ну ужъ это мое дѣло! Сколько же дашь?»—Ахъ, родной! выручи! Тысячу рублей новенькими бумажками тебѣ отсчитаю; избу дострою.—«Эва, дешево больно! Мнѣ непременно надо двѣ, и копѣйки не уступлю!»—Побойся Бога, Ваня, разорить хочешь.—«Вотъ то-то и есть, дядя Герасимъ; за пару хорошихъ коней, что ѣздить у тебя въ Москвѣ, заплатилъ почестъ тысячу, а тутъ.... Небойсь, не оскудѣешь!»

И какъ ни жался Герасимъ, а долженъ былъ порѣшиться съ охотникомъ на двухъ тысячахъ.

Иванъ Захаровъ немедленно же отправился въ городъ, къ главному кредитору своего отца.—«Что, привезъ деньги!» спрашиваетъ тотъ.—«Со мной теперь нѣтъ, а извольте завтрашній день придти вотъ въ такой-то домъ, и получите, что слѣдуетъ. Только лишь рописочку изготовьте.—«Ладно.»

И прочимъ кредиторамъ повѣстилъ онъ то же самое.

На другой день всѣ они явились въ рекрутское присутствіе. Глядь, Иванъ, въ чемъ мать родила, стоитъ ужъ въ приѣмѣ: дошла очередь и до охотника. Присутствующіе начали разсматривать списокъ.

— Какъ же, братъ, ты одинъ сынъ у матери, а продаешься въ солдаты? спросилъ у Ивана одинъ изъ членовъ присутствія.

— Такъ слѣдуетъ, ваше благородіе.

— Какъ слѣдуетъ? Что нибудь да те такъ! Позвать сюда мать. Старушка подошла, вся въ слезахъ; за нею три дочери, то же заплаканныя.

— Вѣрно, забубенная голова твой сынъ?— говорятъ ей.

— Избави Богъ, батюшка, ваше сіятельство! Онъ у меня послушливѣе овечки...

— Ну такъ, знать, дѣло не спорится у него?

— Да работающѣ его во всей деревнѣ нѣтъ.... Да я бы, ваше благородіе, скорѣе живая легла въ могилу, чѣмъ расстаться съ нимъ.... да вотъ долгъ-то.... Вишь, онъ не хочетъ; баить: успокою батюшку....

— Какой долгъ?

— Матушка!—крикнулъ Иванъ, прерывая мать, которая начала-было свой рассказъ; полно плакать-то! А вы, ваше благородіе, не извольте беспокоиться на счетъ этаго. Матренѣ, сестрѣ моей, вотъ что стоитъ передъ вашей милостью, семнадцатый годъ пошелъ, а къ Красной Горкѣ она и невѣста. Мы ужъ и ударили по рукамъ съ однимъ бобылемъ, принимаемъ его къ себѣ въ домъ; онъ малый знатный, у кого хотите извольте спросить. Такъ ужъ не беспокойтесь.... А я, осмѣлюсь доложить, по усердію иду на царскую службу.

Дѣлать нечего; поставили охотника въ мѣру, и крикнуло нѣсколько голосовъ: любь!

Получивъ отъ покушника деньги, Иванъ Захаровъ позвалъ къ себѣ отцовскихъ кредиторовъ.—«Вотъ тебѣ, Степанъ Кузьмичъ, пятьсотъ рублевъ; ты, свать Андрей, получай свои безъ четверти двадцать пять».... тому столько-то, этому столько, и расплатился со всѣми до послѣдней копейки. Поняли тогда несговорчивые займодавцы, откуда взялись у него деньги; иные стали отговариваться, не брать; кто предлагаетъ ихъ ему на дорогу.—«Ничего не надо мнѣ, родимые: деньги не мои, а батюшкины; не поминайте же его лихою, не говорите, что заѣлъ чужое добро.... А ужъ коли кто хочетъ награждать меня: такъ пусть запишетъ имя раба Божія Захара въ свое поминанье, да отслужитъ по немъ панихиду. Это дороже всего. Больше ни о чемъ не прошу. Да вотъ, если матушкѣ случится какая нужда....»— Не покинемъ сиротъ, отвѣчали въ одинъ голосъ всѣ займодавцы.

Послѣ расплаты остается у молодого рекрута только два полу-

имперіала. Одинъ отдаетъ онъ матери, другой сестрѣ на новую шубку, какъ пойдетъ за мужъ.

— Голубчикъ, Ваня, съ чѣмъ же ты самъ-то останешься! со слезами промолвливаетъ мать.

— Меня будетъ кормить самъ надежа-Государь. Съ деньгами, пожалуй, еще избалуешься. Да не плачь же, родимая! Помнишь уговоръ? Въ побывку скоро приду.... Благослови меня, родная!

Рыдая, сняла съ груди своей осиротѣлая мать мѣдный крестъ, и надѣла его на своего ненагляднаго. Святая материнская слеза прошибла и Ваню: не вытерпѣло ретивое,—заплакалъ и онъ, и замерли оба, обнявъ другъ друга.

Вѣсть о необыкновенномъ доказательствѣ сыновней любви тотчасъ же дошла до присутствующихъ; начальству сдѣлано было особенное представленіе — и молодцоватый собою Иванъ Захаровъ поспешилъ въ царскую гвардію.

И. Кокоревъ.

ВЪЛЕНЬКІЙ ЦВѢТОЧЕКЪ.

За городомъ, у самой дороги, стоялъ хорошенькій хуторокъ, окруженный прекраснымъ садомъ. Въ саду былъ богатый цвѣтникъ съ гордыми, блестящими цвѣтами; а на валу, окружавшемъ садъ, въ густой зеленой травѣ, росъ, ни для кого незамѣтно, самый скромный маленькій дикій цвѣточекъ съ бѣлыми лепестками, съ золотымъ сердечкомъ. Доброе солнце освѣщало и грѣло его съ такою же любовью, какъ и великолѣпные цвѣты въ прекрасныхъ клумбахъ. Дикій, бѣленькій цвѣточекъ не думалъ о томъ, что на его долю выпала такая скромная жизнь; былъ доволенъ своею судьбою, поворачивалъ свою головку за солнцемъ, любясь его блескомъ, и заслушивался серебряныхъ трелей жаворонка, вьющагося высоко въ воздухѣ.

Въ одно свѣтлое утро маленькій цвѣточекъ былъ такъ счастливъ, какъ будто бы для него наступилъ великій праздникъ, а между тѣмъ это былъ только поведѣльничъ, и всѣ дѣти сидѣли въ школѣ; но тогда какъ они сидѣли на своихъ скамьяхъ и учились, — бѣленькій цвѣточекъ также сидѣлъ на своемъ маленькомъ стебелькѣ и также учился у грѣющаго солнца и у всего, что видѣлъ вокругъ, учился, какъ добръ и милостивъ Создатель. Бѣленькому цвѣточку казалось, что маленькій жаворонокъ въ своихъ звонкихъ пѣсняхъ выражалъ

прекрасно эти же самые чувства, и цвѣточекъ съ благоговѣніемъ смотрѣлъ на счастливую птичку, которая могла лѣтъ и летать, и нисколько не огорчался, что самъ остается на одномъ мѣстѣ и не имѣетъ такого прекраснаго голоса. «Я слышу и вижу все это, думалъ цвѣточекъ: солнце освѣщаетъ меня и грѣетъ, вѣтеръ цѣлуетъ мои лепестки... О, какъ я счастливъ!»

Въ саду возвышалось очень много важныхъ цвѣтовъ, и чѣмъ меньше у нихъ было запаха, тѣмъ болѣе они важничали. Ярко-красные піоны раздувались изо-всѣхъ силъ, чтобы быть больше и пышнѣе розъ; но величина и пышность не сдѣлаютъ еще піона розой! Ярко-цвѣтные, пестрые тюльпаны знали очень хорошо, что они красивы, и держались прямо, чтобы всѣ могли любоваться ихъ красотою. Они, конечно, не замѣчали, что тамъ, на валу, цвѣтетъ маленькій цвѣточекъ; но за то онъ смотрѣлъ на нихъ во всѣ глаза — смотрѣлъ и думалъ: «какъ они богаты и прекрасны! къ нимъ, навѣрное, къ нимъ слетитъ чудная птичка. Слава Богу, что я расту такъ близко и могу видѣть все это.» — Въ самомъ дѣлѣ, крикъ птички раздался близехонько, и она спустилась на землю... только не къ величественнымъ піонамъ и не къ гордымъ тюльпанамъ, а въ зеленую траву около самаго бѣленькаго цвѣточка, у котораго отъ счастья занялось дыханіе.

Маленькая птичка весело прыгала вокругъ цвѣтка, прыгала и щебетала: «Ахъ, какая мягкая, зеленая, какая свѣжая травка! ахъ, какой хорошенькій, миленькій цвѣточекъ, сердечко золотое, платье серебряное!»

Какъ былъ счастливъ маленькій, бѣленькій цвѣточекъ, — я и рассказать вамъ не могу; о, какъ онъ былъ счастливъ! — Жаворонокъ осторожно клюнулъ носикомъ въ самую середину цвѣточка, прощепеталъ что-то милое, очень милое, вспорхнулъ и снова полетѣлъ въ глубокую высь.

Прошло вѣрно не менѣе получаса, пока цвѣточекъ успѣлъ опомниться отъ своего счастья. Ему даже было немножко стыдно, но каждый листочекъ его трепеталъ отъ восторга. Боязливо взглянулъ цвѣточекъ на гордые тюльпаны: они видѣли, какое счастье выпало на долю бѣленькаго цвѣточка, и должны понимать, какою радостью бѣется его золотое сердечко.

Но тюльпаны стояли по-прежнему прямо, и, вѣрно отъ зависти,

краснѣли еще больше и отъ досады подымали свои головы еще выше. Какое счастье, что тупоголовые піоны не могутъ говорить, а то бы они наговорили много дерзостей маленькому бѣленькому цвѣточку. Счастливицу казалось, что пышные цвѣты не въ духѣ, и онъ отъ всей души пожалѣлъ о нихъ.

Въ это самое время пришла въ садъ дѣвушка съ острымъ блестящимъ ножомъ въ рукахъ — пошла прямо къ тюльпанамъ и по-срѣзывала ихъ гордые головы.

— Охъ! почти вскрикнулъ бѣленькій цвѣточекъ, какъ это страшно: теперь для нихъ все кончено!

Цвѣточекъ радовался, что спрятанъ въ травѣ и что онъ не болѣе, какъ простой бѣленькій цвѣточекъ; а когда зашло солнце, свернулъ свои листики и спокойно заснулъ. Но и во снѣ онъ видѣлъ солнце и милую птичку. Утромъ бѣленькій цвѣточекъ, полный счастья, снова распустилъ свои серебряные лепестки и скоро услышалъ пѣніе жаворонка. Но, Боже мой, какую печальную пѣсню пѣла теперь птичка! И было чего печалиться: бѣдный жаворонокъ попался въ клѣтку, которая висѣла у открытаго окна. Птичка оплакивала свою свободную и счастливую жизнь, открытое поле, и съ тоской вспомнила, какъ свободно порхала она еще вчера въ чистомъ синемъ воздухѣ. Бѣдная птичка была въ самомъ дурномъ расположеніи духа: она сидѣла въ клѣткѣ.

Маленькій бѣленькій цвѣточекъ желалъ отъ всей души помочь бѣдной птичкѣ; но трудно было что нибудь придумать. Цвѣточекъ позабылъ, какъ все вокругъ него прекрасно, позабылъ даже яркое теплое солнышко, и думалъ только о плѣнной птичкѣ, которой не могъ помочь ни чѣмъ — рѣшительно ни чѣмъ!

Въ это самое время вошли въ садъ два мальчика, и въ рукахъ одного изъ нихъ блестѣлъ тотъ самый острый ножъ, которымъ дѣвушка срѣзала вчера головы гордымъ тюльпанамъ. Мальчики прямо шли къ бѣленькому цвѣточку; но онъ рѣшительно не понималъ, что имъ отъ него нужно.

— Вотъ гдѣ мы можемъ вырѣзать прекрасный кусокъ дерна для нашего жаворонка, сказалъ одинъ изъ мальчиковъ, и вырѣзалъ ножомъ изъ дерна четверугольникъ, въ срединѣ котораго остался и бѣленькій цвѣточекъ.

— «Сорви цвѣтокъ,» сказалъ другой мальчикъ, и бѣленькій цвѣточекъ задрожалъ: ему такъ хотѣлось жить именно теперь.

«Зачѣмъ? сказалъ первый мальчикъ: онъ такъ мило выглядываетъ изъ зеленой травы.» Бѣленькій цвѣточекъ остался и былъ отнесенъ вмѣстѣ съ дерномъ въ клѣтку къ жаворонку.

Но бѣдная птичка, громко оплакивала свою потерянную свободу, билась крылышками о желѣзные прутья клѣтки; а бѣленькій цвѣточекъ, не смотря на все желаніе, не могъ сказать ей ни одного утѣшительнаго слова: такъ прошло все утро.

«Здѣсь нѣтъ воды» щебетала бѣдная птичка: «они всѣ ушли и забыли оставить мнѣ хоть одну каплю воды; горлышко мое пересохло, я весь горю, я не могу дышать; ахъ, я должна умереть, должна покинуть навсегда и теплое солнышко, и свѣжую зелень — всё, всё! И птичка сунула свой носикъ въ холодный кусокъ дерна, чтобы освѣжиться хоть немного: — тутъ она увидала знакомый, бѣленькій цвѣточекъ, поцѣловала его въ самое сердечко и сказала: «и ты долженъ здѣсь засохнуть, ты бѣдный, маленькій цвѣточекъ! Тебя и маленькій кусочекъ зеленого дерна — вотъ все, что дали мнѣ люди — въ замѣнъ цѣлаго міра. Ахъ, вы напоминаете мнѣ только, какъ много я потеряла.»

Что же можетъ тебя утѣшить? думалъ съ тоскою бѣленькій цвѣточекъ, но не могъ двинуть ни однимъ листикомъ. Птичка однако же поняла его мысль, и хотя отъ тоски и жажды вырывала она изъ дерна травку за травкой, но бѣленькаго цвѣточка не тронула.

Наступилъ вечеръ, и никто не принесъ воды бѣдной птичкѣ. Она распустила свои длинные крылышки, упала, склонившись головой къ цвѣточку, задрожала — и умерла отъ тоски и жажды. Бѣленькій цвѣточекъ не могъ уже, какъ вчерашній вечеръ, свернуть своихъ листочковъ и заснуть спокойно: онъ увялъ, и головка его печально повисла.

Только уже на другой день утромъ пришли мальчики, и когда увидали мертвую птичку, то горько заплакали и плакали долго; потомъ вырыли хорошенькую могилку, убрали ее цвѣтами, положили птичку въ хорошенькій ящикъ и зарыли въ землю съ большою почестью. Бѣдная птичка! когда она жила и цвѣла, всѣ ее забывали, оставляли сидѣть въ клѣткѣ, заставляли терпѣть голодь и жажду; а

теперь, когда она замолкла навсегда, ее оплакиваютъ и убираютъ цвѣтами.

Кусокъ дерна съ увядшимъ бѣленькимъ цвѣточкомъ выбросили изъ клѣтки на пыльную дорогу; никто не подумалъ о томъ, кто больше всѣхъ на свѣтѣ любилъ маленькую птичку и такъ сильно желалъ ее утѣшить!

ГОСТИННИЦА ВЪ СТЕПИ.

Въ одну изъ тѣхъ декабрьскихъ ночей, когда, какъ говорится, свѣту Божьяго не видно, а вьюга злится и воетъ; когда ставни дрожатъ, а старушка, сидя на лежанкѣ, охаетъ и крестится, — шелъ по безлюдной степи молодой студентъ семинаріи; шелъ онъ на рождественскіе праздники, изъ города, гдѣ учился, въ село, въ которомъ отецъ его былъ священникомъ. Отъ города до села было верстъ сорокъ. Студентъ вышелъ рано утромъ и къ вечеру надѣялся быть дома. Уже мечталъ бѣднякъ, какъ встрѣтитъ его старикъ-отецъ, какъ обрадуется ему добрая мать, какъ заблестятъ глазки сестры, которую онъ очень любилъ, какъ выбѣгутъ къ нему на встрѣчу два младшіе брата, для которыхъ были у него въ карманѣ двѣ недорогія игрушки. Но съ полудня началась мятель, и студентъ, должно быть, сбился съ дороги; потому что ночь уже наступала, а родимаго села все еще не было видно.

Не хорошо было бѣдняку: темно, холодно; яростная вьюга била ему прямо въ грудь и въ лицо, засыпала его мокрымъ снѣгомъ. Она какъ будто задала себѣ задачу свалить съ ногъ бѣднаго молодого челоука; а упади онъ только — и въ полчаса она намела бы надъ нимъ страшный сугробъ снѣгу.

Странникъ уже выбился изъ силъ и едва передвигалъ ноги, самъ не зная, куда идетъ; колѣна его подгибались, мысли путались, чувства переставали дѣйствовать; онъ почти ничего не видѣлъ, не слышалъ. Ему хотѣлось покориться своей судьбѣ: упасть на землю и заснуть, — заснуть, во что бы то ни стало: но онъ понималъ еще смутно, что если поддастся этому желанію, то неминуемо погибнетъ. Еще минутъ десять, съ отчаяніемъ въ душѣ, боролся онъ съ непогодой; съ усиліемъ вытаскивалъ свои ноги изъ глубокаго снѣгу, но мало подвигался впередъ. Наконецъ онъ не выдержалъ и, поручивъ себя милосердію Божію, въ изнеможеніи упалъ на снѣгъ.

Погибъ бы бѣднякъ непременно, еслибъ чья-то сильная рука не подняла его и не повлекла насильно впередъ. Безъ мысли, безъ чувства, машинально шель студентъ, куда влекла его невидимая рука, и минутъ черезъ пять очутился передъ огромнымъ, ярко освѣщеннымъ домомъ, откуда неслись звуки музыки и веселые голоса гостей. Студентъ смутно ощущалъ, какъ невѣдомый благодѣтель взвелъ его на крыльцо, отворилъ передъ нимъ двери свѣтлаго дома и почти втолкнулъ его въ большую, теплую и освѣщенную комнату. Переходъ отъ глубокой тьмы къ яркому свѣту былъ такъ неожиданъ, что бѣднякъ студентъ лишился чувствъ и непременно бы упалъ; но встрѣтившіе его люди поддержали его и усадили на диванъ.

Скоро студентъ почувствовалъ, какъ отрадная теплота начинала разливаться по его окоченѣвшимъ членамъ, и открылъ глаза. Передъ нимъ стояла прекрасная женщина; въ своихъ теплыхъ рукахъ отогрѣвала она его оледенѣвшія руки и глядѣла ему прямо въ лицо такъ ласково и нѣжно, что бѣднякъ полюбилъ ее съ перваго взгляда.

— Ты усталъ, бѣдняжка, и вѣрно очень голоденъ, сказала она студенту: поди же за мною, я накормлю тебя.

Студентъ, не говоря ни слова, повиновался этому ласковому голосу: ему казалось, что это былъ голосъ его матери. Въ роскошно-убранной, теплой и свѣтлой комнатѣ, куда прекрасная женщина привела студента, было накрыто множество столовъ, а за столами шировало множество людей. Студенту было неловко войти въ такое многолюдное собраніе въ своемъ старомъ, измокшемъ, изорванномъ платьѣ; но, взглянувъ въ большое зеркало, висѣвшее на стѣнѣ, онъ увидѣлъ, что платье на немъ было уже перемѣнено, вѣроятно въ то время, когда онъ лежалъ безъ чувствъ.

— Вотъ мѣсто, которое я тебѣ приготовила, мой милый гость, сказала прекрасная женщина студенту, подводя его къ одному изъ столовъ и указывая на свободный приборъ: садись и кушай.

Студентъ не заставилъ себя долго упрашивать: онъ чувствовалъ сильный голодъ, и кушанья, которыя подавала ему добрая женщина, исчезали мгновенно. Сама же она сидѣла противъ него, облокотясь на столъ и, казалось, наслаждалась его аппетитомъ. Она предлагала ему одно блюдо за другимъ и, когда онъ уже былъ совершенно сытъ, спросила его, не хочется ли ему еще чего нибудь.

— Мнѣ остается только благодарить тебя за твою доброту, за

твою материнскую доброту. Скажи, какъ мнѣ называть тебя, моя спасительница?

— Зови меня матерью, если это тебѣ нравится, отвѣчала добрая женщина; а я буду звать тебя сыномъ; но благодарить меня тебѣ не-за что. Все, что я дала тебѣ, не мое: я сама здѣсь такая же гостья, какъ и ты. Но если въ твоемъ сердце говорить благодарность, то обратись съ нею къ доброму господину этого дома, къ тому, кто выстроилъ его для бѣдныхъ странниковъ пустыни, освѣтилъ, обогрѣлъ, приготовилъ въ немъ пищу и питье. Онъ-то и замѣтилъ тебя во мракѣ, подаль тебѣ руку помощи, ввелъ сюда и поручилъ мнѣ заботиться о тебѣ, какъ о родномъ сынѣ.

— Кто же господинъ этого дома и гдѣ найти его? Укажи мнѣ его, матушка: сердце мое переполнено благодарностію.

— У тебя хорошее, благодарное сердце, сынъ мой, сказала ему названная мать; но господинъ этого прекраснаго дома не показывается гостямъ, и никто изъ насъ его не видалъ.

— Какъ же мнѣ поблагодарить его?

— Мы его не видимъ, но онъ насъ видитъ; онъ даже знаетъ, что мы думаемъ и чувствуемъ и теперь уже видитъ твою благодарность. Но мало быть благодарнымъ на словахъ: должно быть благодарнымъ на дѣлѣ.

— Чѣмъ же я, бѣдный студентъ, отвѣчалъ молодой человѣкъ, могу отблагодарить хозяина такого роскошнаго дома? Ты знаешь, что самое платье, которое на мнѣ,—не мое, прибавилъ онъ, краснѣя.

— Не стыдись этого, сынъ мой! Здѣсь всѣ, кого ты видишь одѣты и накормлены его щедрою рукою; все, что есть, принадлежитъ ему; но, тѣмъ не менѣе, ты можешь на дѣлѣ показать свою благодарность господину дома.

— Скажи же скорѣе—чѣмъ? Что я могу для него сдѣлать? Я всѣмъ ему обязанъ—самою жизнію, и готовъ для него отдать ее!

— Онъ требуетъ очень немногаго, сказала, улыбаясь, добрая женщина: помни только всегда, что ты здѣсь гость; не безчинствуй въ его домѣ, веди себя, какъ слѣдуетъ порядочно человѣку въ гостяхъ; будь вѣжливъ, ласковъ, услужливъ съ другими гостями, и одоужай каждаго изъ нихъ, чѣмъ можешь:—вотъ и все, чего желаетъ владыка дома.

— Боже мой! отвѣчалъ студентъ: да это долгъ каждаго поря-

дочного человѣка, который пришелъ въ гости и знаетъ, что такое вѣжливость. Но скажи мнѣ, матушка, долго ли я могу пребыть въ этомъ прекрасномъ домѣ? прибавилъ молодой человѣкъ, невольно содрогаясь, потому что въ это самое время онъ поднялъ глаза на окно, въ которое смотрѣла со двора угрюмая, непроглядная ночь.

— Тебѣ еще рано думать объ этомъ, отвѣчала мать: для каждаго изъ гостей рано или поздно приходитъ время опять пуститься въ путь; невидимый крылатый слуга господина является, налагаетъ свою невидимую руку на того, кому уже пришелъ срокъ, и уводитъ его изъ дому навсегда. Но не бойся, милый сынъ мой, прибавила она, замѣтивъ, что студентъ печально опустил голову: у нашего господина не одинъ, а множество такихъ прекрасныхъ домовъ. Подойди со мною къ окну и взгляни безъ робости въ эту непроглядную тьму. Видишь ли ты, сколько тамъ вдали блеститъ огоньковъ? и числа имъ нѣтъ? Это все такіе же дома, какъ и тотъ, въ которомъ мы теперь гостимъ. Кто ведетъ себя здѣсь, какъ слѣдуетъ порядочному гостю, того невидимый слуга Владыки переноситъ мгновенно въ одинъ изъ этихъ прекрасныхъ домовъ; но кто забываетъ обязанности гостя, того оставляетъ онъ блуждать въ этой мрачной пустынѣ. Нашъ хозяинъ богатъ, могучъ, мудръ и добръ, — добръ до безконечности. Довѣрься ему, какъ довѣряется сынъ любимому отцу, и онъ не покинетъ тебя ни здѣсь, ни тамъ! — прибавила прекрасная женщина, указывая рукою на окно, за которымъ, посреди мрака пустыни, горѣли, какъ звѣздочки, тысячи яркихъ огоньковъ.

Сердце юноши исполнилось живою благодарностію и благоговѣніемъ къ невидимому владыкѣ дома, и онъ жалѣлъ только объ одномъ, что не можетъ видѣть его — и со слезами благодарности припасть къ его стопамъ.

Прекрасная женщина угадала мысль своего названного сына.

— Живи, какъ онъ хочетъ, сказала она; не забывай его никогда и люби его; исполняй его волю; люби его гостей, какъ своихъ братьевъ; служи и помогай имъ, чѣмъ можешь, и ты увидишь его самого, когда придетъ время.

— Но ты сама видѣла ли его? спросилъ студентъ.

— Я уже сказала тебѣ, что никто изъ живущихъ здѣсь его не видалъ; мы всѣ только гости, смѣнившіе другихъ гостей: пришли не на долго и уйдемъ скоро, уступая свое мѣсто другимъ.

— Откуда же ты узнала все, что говорила мнѣ?

— Прежде всего, отвѣчала она, мнѣ сказало это мое собственное сердце. Я также, какъ и ты, стала отыскивать, кого бы мнѣ поблагодарить за жизнь въ этомъ прекрасномъ домѣ, за тепло, за свѣтъ, за пищу, за все счастье, которое мы здѣсь испытываемъ; скоро нашла я почтеннаго старика, который живетъ здѣсь съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ выстроены этотъ домъ, видѣлъ хозяина лицомъ къ лицу и рассказываетъ о немъ всѣмъ, кто только хочетъ слушать. Вотъ этотъ старикъ! посмотри: онъ идетъ сюда; я хочу тебя съ нимъ познакомиться.

Въ это время къ нимъ подошелъ старикъ, сѣдой какъ лунь, но высокій и бодрый. Онъ былъ одѣтъ въ поношенное бархатное платье, похожее на одежду священника, и опирался на толстый костыль. Обнаженное высокое чело его говорило о глубокой мудрости; голубые, задумчивые глаза смотрѣли привѣтливо, хотя немного грустно; бѣлая, какъ снѣгъ, борода разстилалась по широкой груди.

— Святой отецъ, сказала старику, цѣлуя его руку, названная мать студента: вотъ сынъ мой; молю тебя не оставь его, какъ не оставлялъ ты меня во всю мою жизнь здѣсь; научи его, чему меня училъ; не допусти его сбиться съ дороги и, когда ударить его часъ, приведи его къ владыкѣ дома; будь ему отцомъ, наставникомъ и другомъ; замѣни ему меня; мой же часъ насталь.

— Ты знаешь, отвѣчалъ старикъ, глядя ласково на юношу, что я никому не отказываю въ своемъ совѣтѣ и покровительствѣ; но ты знаешь также, что не всѣ хотятъ ими пользоваться. Я надѣюсь, впрочемъ, что сынъ твой будетъ похожъ на тебя; тогда мы разстанемся съ нимъ, и я сдамъ его съ рукъ на руки крылатому слугѣ владыки.

— Намъ пора разстаться, сказала прекрасная женщина, обращаясь къ студенту; иди за святымъ отцомъ; не оставляй его ни на минуту; онъ покажетъ тебѣ все, что здѣсь есть. Люби его и слушайся, сынъ мой!

Голосъ женщины дрожалъ. Студентъ взглянулъ на нее: лицо ея было грустно и страшно-страшно блѣдно.

— Прощай, сказала она ему, протягивая руку, холодную, какъ ледъ. Если ты любишь меня, люби и слушайся его, прибавила она, указывая на старика: прощай, — будь счастливъ!

Студентъ хотѣлъ схватить руку прекрасной женщины, — ему

было смертельно жаль расстаться съ нею; но ея уже не было: видно, невидимый слуга владыки унесъ ее.

Какъ грустно, какъ тяжело стало бѣдному юношѣ! Онъ оглянулся вокругъ: все чужія, незнакомыя лица; одинъ только старикъ стоялъ передъ нимъ и ласково смотрѣлъ на него.

— Пойдемъ сынъ мой, сказалъ онъ юношѣ: я любилъ мать твою и, надѣюсь, мы будемъ друзьями; пойдемъ я покажу тебѣ все, что здѣсь есть: полюбуйся и восхвали мудрость и доброту владыки этого дома. Не тоскуй о своей матери; слушайся меня — и ты увидишься съ нею, когда придетъ твое время.

Студентъ пошелъ за старикомъ по безчисленнымъ комнатамъ дома и былъ пораженъ и восхищенъ убранствомъ, роскошью и красотою зданія. Высокіе потолки темно-синяго-цвѣта сдѣланы были сводомъ и такъ искусно, что, казалось, уходили въ небо: они были украшены золотыми и серебряными звѣздами и легкія облака были разбросаны по нимъ тамъ-и-сямъ рукою отличнаго художника. Стѣны почти было совершенно невидны: такъ убраны были они роскошными живыми растеніями; многія изъ растеній были въ полномъ цвѣту, другія съ плодами; на вѣткахъ перепархивали рѣдкія птицы. Прекрасныя картины, нарисованныя до того искусно, что глазъ обманывался ими, видны были во множествѣ; фонтаны прохлаждали воздухъ, наполненный ароматами; а полы были устланы мягкими, зелеными коврами. Комнатъ было такое безчисленное множество, что, казалось, счету имъ не было; дѣйствительно, можно было подумать, что этому великолѣпному зданію нѣтъ предѣловъ, еслибы повсюду въ окна не глядѣла темная непроглядная ночь.

Все, что сдѣлалъ хозяинъ, было удивительно хорошо и показывало его безконечную мудрость и неистощимую доброту; но, Боже мой! какъ странно, какъ неприлично вели себя многіе гости!

Въ одной изъ комнатъ, за большимъ столомъ, десятка два гулякъ безчинствовали до-того, что молодой человѣкъ остановился и съ удивленіемъ посматривалъ то на ихъ, то на сѣдаго спутника. Драгоцѣнное вино лилось и по столу, и на полъ; пьяныя, безумныя рѣчи, брань, неистовые крики раздавались громко; нѣкоторые изъ пирующихъ уже лежали подъ столомъ; другіе, задыхаясь отъ обжорства, все еще протягивали руки къ роскошнымъ кушаньямъ и драгоцѣннымъ винамъ.

— Боже мой! сказалъ молодой человѣкъ, отворачиваясь отъ этой сцены и спѣша уйти изъ комнаты за своимъ проводникомъ. Боже мой! какъ должно быть прискорбно Владыкѣ дома смотрѣть на эту отвратительную сцену; видѣть, какъ неприлично, какъ безумно растрачиваются его драгоцѣнные дары.

— О, ему не даровъ своихъ жаль! возразилъ старикъ: богатствамъ его нѣтъ счета! Ему жаль этихъ безумцевъ; ему грустно видѣть ихъ развращенныя лица, слышать ихъ безумныя рѣчи; знать, что они позабыли обязанности гостей, и употребляютъ его богатые дары на то, чтобы уподобиться животнымъ.

Въ другой комнатѣ видѣлъ юноша сцену, еще болѣе отвратительную: гости передрались между собою за хозяйскія серебряныя блюда, и до-того разсвирѣпѣли, что здѣсь уже не вино, а кровь лилась рѣкою. Безумцы схватились за ножи, душили другъ друга за горло, и спорили на-смерть за то, что никому изъ нихъ не принадлежало и съ чѣмъ они должны были такъ скоро расстаться навсегда.

Въ одной изъ комнатъ увидѣлъ молодой человѣкъ страннаго, отвратительнаго старика, безуміе котораго превосходило все, что только можно себѣ вообразить: дряхлый, изможденный, дрожащій, едва переводя дыханіе, сидѣлъ онъ въ углу, стараясь прикрыть собою кучу серебряныхъ стакановъ, кубковъ и тарелокъ. Онъ умиралъ отъ голода; но боялся отойти отъ сокровищъ, чтобы кто нибудь не воспользовался его отсутствіемъ и не унесъ ихъ.

— Посмотри, до чего можетъ дойти безуміе человѣческое! сказалъ студенту его сѣдой спутникъ: — черезъ пять минутъ этого старика здѣсь больше не будетъ: онъ не возьметъ съ собою ни одного изъ этихъ серебряныхъ кубковъ, ни одной изъ этихъ золотыхъ чашъ: все останется, его самого только не будетъ болѣе здѣсь. Но погляди, какими волчьими глазами смотритъ онъ на каждаго, кто только близко подойдетъ къ нему: такъ онъ бонется, чтобы кто нибудь не коснулся его сокровищъ.

Не смотря на роскошь и изобиліе, царствовавшія повсюду, молодой человѣкъ съ удивленіемъ видѣлъ множество несчастныхъ, оборванныхъ, голодныхъ людей, которые съ завистью смотрѣли на роскошные столы, занятые другими, и часто безъ пользы молили о кускѣ хлѣба.

— Развѣ это не такіе же гости, какъ и всѣ? спросилъ юноша у старика, указывая на этихъ несчастныхъ.

— Да! это такіе же гости, отвѣчалъ старикъ, но ты видишь, какъ поступаютъ съ ними тѣ, кто посильнѣе и попроворнѣе: Владыка дома предоставилъ его въ распоряженіе гостей своихъ,—и вотъ, что они здѣсь дѣлаютъ!

— Но почему же онъ не прогонитъ отсюда такихъ гостей? вскричалъ юноша: зачѣмъ онъ позволяетъ имъ безчинствовать?

— Видишь ли, сынъ мой, онъ любитъ своихъ гостей: онъ знаетъ, какая страшная ночь, какой лютый холодъ и непроглядный мракъ ожидаютъ ихъ за стѣнами этого дома, и ему жаль этихъ безумцевъ, онъ все ждетъ не исправятся ли они.

Юноша вспомнилъ, что испытывалъ онъ въ открытой степи, и невольно содрогнулся.

— О, да! сказалъ онъ старику, ихъ дѣйствительно жаль; но пойдемъ же къ нимъ, напомнимъ имъ, чѣмъ они были, чѣмъ обязаны хозяину этого дома, и что съ ними будетъ, если они не исправятся.

— Не думай, чтобы они этого не знали, отвѣчалъ старикъ, — впрочемъ, слѣдуй внушенію твоего добраго сердца: напоминай имъ ихъ обязанности, напоминай имъ о Владыкѣ дома; старайся помогать тѣмъ, которые страдаютъ; но знай, что при этомъ ты встрѣтишь много препятствій. Чтобы ты могъ судить, какъ Владыка дома любитъ своихъ гостей и какъ сожалѣетъ о нихъ, я расскажу тебѣ, что случилось здѣсь нѣсколько времени тому назадъ. Видя, что безчинство страшно возрасло, что гости грабятъ и убиваютъ другъ друга, что сильные притѣсняють слабыхъ, что всѣ забыли о томъ, кто хозяинъ всему дому, Владыка послалъ къ нимъ единственнаго сына своего, что бы тотъ напомнилъ имъ ихъ обязанности, и показалъ примѣромъ, какъ должны они жить. Сынъ Владыки явился сюда подъ видомъ самаго скромнаго гостя. Онъ не сѣлся за столы съ веселыми и богатыми; но жилъ въ обществѣ бѣдныхъ, помогалъ несчастнымъ, излечивалъ больныхъ, кормилъ голодныхъ, и всѣмъ говорилъ о Владыкѣ дома, всѣхъ хотѣлъ спасти отъ предстоящей имъ злой доли. Во все свое недолгое пребываніе здѣсь онъ не только не обидѣлъ никого, не только что нибудь не отнял у другихъ, но помогалъ всѣмъ, кто только нуждался въ его помощи. Не было и не будетъ здѣсь никого, кто бы велъ себя скромнѣе сына Владыки

дома; онъ говорилъ только о любви, хотѣлъ примирить всѣхъ и всѣхъ обратить къ отцу своему. Что же ты думаешь, сдѣлали съ нимъ гости? Озлобленные его словами, въ которыхъ было много горькой для нихъ правды, они собрались и убили сына Владыки, убили за то, что будучи полновластнымъ властелиномъ всего, онъ жилъ нищимъ,—за то, что онъ помогалъ несчастнымъ,—за то, что хотѣлъ спасти всѣхъ! Поступать, какъ онъ поступалъ, ты не можешь, сынъ мой; но старайся сдѣлать все, что только можешь изъ того, что онъ дѣлалъ.

Рѣчь старика глубоко запала въ сердце юноши. Кроткій образъ сына Владыки съ тѣхъ поръ стоялъ неотступно передъ его глазами. Вмѣшавшись въ толпу нищихъ, старыхъ, слѣпыхъ, хромыхъ, студентъ старался помочь всякому, чѣмъ только могъ! Долго ходилъ онъ со старикомъ изъ комнаты въ комнату, помогая бѣднякамъ, стараясь помирить противниковъ, напоминая о Владыкѣ дома всѣмъ тѣмъ, которые о немъ позабыли. Были такіе, на которыхъ подѣйствовали слова и примѣръ юноши, и они исправились; но были и такіе, которые встрѣчали совѣты молодаго человѣка грубо и отвергали ихъ съ презрѣніемъ; другіе бранили дерзкаго выскочку; третьи осыпали его насмѣшками; нашлись даже и такіе между гостями, которые замахивались на юношу, чѣмъ попало: такъ глубоко кололи ихъ слова истины! Но когда гордость молодаго человѣка возмущалась противъ такого обращенія съ нимъ, тогда старикъ, не покидавшій его ни на минуту, напоминалъ ему о сынѣ Владыки дома, который, будучи хозяиномъ всему, безъ злобы выносилъ насмѣшки, брань, побои и вынесъ даже самую смерть отъ тѣхъ, кто жилъ и питался щедрыми дарами его отца.

Страшный шумъ въ одной изъ комнатъ привлекъ вниманіе молодаго человѣка и его сѣдаго спутника. Они заглянули туда, и увидѣли кровопролитную драку. Роскошный столъ былъ опрокинутъ; черепки разбитыхъ блюдовъ и вазъ, раскиданная серебряная посуда, обрывки дорогихъ цвѣтовъ попирались ногами дерущихся. Одни изъ гостей отчаянно боролись, другіе вѣпились другъ другу въ волосы, третьи кусались, какъ волки; у большей части въ рукахъ блестѣли ножи; на полу уже было нѣсколько убитыхъ и множество раненыхъ, и послѣдніе, попираемые безжалостно ногами своихъ братьевъ, страшно вопили. Юноша поблѣднѣлъ, взглянувъ на эту сцену; но болѣе

всего поразило его лицо одной женщины, которая, стоя на колѣняхъ, съ растрепанными волосами, въ изорванномъ и забрызганномъ кровью платьѣ, старалась закрыть собою маленькихъ дѣтей; а они, блѣдныя, дрожащія, прижимались къ ней въ испугѣ. Несчастная мать порывалась было нѣсколько разъ уйти изъ комнаты, но у дверей шла страшная свалка; надъ головою бѣдняжки поминутно сверкали ножи, и она каждую минуту могла ожидать, что тотъ или другой изъ разъяренныхъ бойцовъ раздавитъ или задѣнетъ ножомъ ея дорогихъ дѣтей. Она вопила, громко призывая хозяина дома.

Юношѣ показалось, что кто-то сказалъ ему въ эту минуту: «иди и спасай!» Не думая долго, онъ пробился сквозь толпу сражающихся и, не замѣчая ударовъ, которые сыпались на него со всѣхъ сторонъ, почти вынесъ на рукахъ бѣдную женщину и ея малютокъ.

Когда они были уже въ другой комнатѣ, то спасенная женщина кинулась на колѣни передъ молодымъ человѣкомъ и, крѣпко прижимая къ груди своихъ дѣтей, со слезами благодарила его за спасеніе. Старикъ, спутникъ молодаго человѣка, былъ тутъ же, смотрѣлъ на юношу, ласково улыбаясь, и говорилъ ему: «ты кончилъ свое дѣло, теперь усни спокойно».

Въ эту самую минуту студентъ почувствовалъ сильную боль въ груди и, оглянувшись на себя, увидѣлъ, что былъ тяжело раненъ ножомъ въ грудь и изъ широкой раны обильно струилась горячая кровь. Ноги подкосились у молодаго человѣка, и онъ непременно упалъ бы на полъ, еслибъ старикъ не поддержалъ его на своей широкой груди.

— Я умираю, подумалъ молодой человѣкъ, и въ это самое мгновеніе увидѣлъ предъ собою крыматаго юношу ослѣпительной красоты, одѣтаго въ бѣлыя ризы, блестящія, какъ снѣгъ. Крыматый юноша протягивалъ молодому человѣку руку и говорилъ ему: «ты кончилъ свое дѣло, пойдемъ за мною: — Владыка дома зоветъ тебя.»

Невыразимо пріятное чувство разлилось по всему существу умирающаго: онъ затрепеталъ и вскрикнулъ отъ восторга, вскрикнулъ... и проснулся!

Передъ нимъ, вмѣсто ангела, стояла его добрая сестра и держала его за руку; голова его дѣйствительно покоилась на груди отца, стараго священника, а мать съ младшими братьями, стоя на колѣняхъ передъ образами, молилась Богу, чтобы Онъ возвратилъ

ей старшаго сына. На столѣ, у образовъ, передъ которыми теплилась лампадка, лежала Библия въ истертомъ бархатномъ переплетѣ.

— Слава Богу, ты наконецъ очнулся, сказала сестра, увидѣвъ, что братъ ея открылъ глаза.

Нужно ли говорить, въ какомъ восторгѣ была вся семья?

Молодой человѣкъ, идя по стѣпи, изнемогъ и упалъ; онъ вѣроятно погибъ бы; но одинъ крестьянинъ, ѣхавшій въ это время въ стѣпи, поднялъ его. Узнавъ въ безчувственномъ молодомъ человѣкѣ сына своего священника, добрый мужичокъ привезъ его домой, прямо къ отцу; но не раньше, какъ черезъ часъ, успѣли привести студента въ чувство.

Молодой человѣкъ жилъ долго послѣ того, но никогда не забывалъ своего сна; ему всегда казалось, что весь этотъ міръ не болѣе, какъ гостинница, за дверьми которой ждетъ насъ ея невидимый хозяинъ.

Окончивъ курсъ семинаріи, студентъ сдѣлался священникомъ и былъ благодѣтелемъ своего прихода; всѣ несчастные, бѣдные, калѣки видѣли въ немъ истиннаго отца. Онъ не щадилъ денегъ на добрыя дѣла, и хотя самъ былъ бѣденъ, но раздавалъ все, что имѣлъ. Когда сосѣди и знакомые упрекали его въ такой, какъ они говорили, безразсудной щедрости, то онъ всякій разъ отвѣчалъ имъ:

— Все это не мое и не ваше; все это принадлежитъ Хозяину земли; всѣ мы здѣсь гости и должны помогать другъ другу.

Такъ глубоко вѣзался сонъ въ его душу.

ИСТИННО ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Въ одной изъ гористыхъ мѣстностей Франціи, посреди скалистыхъ Вогезовъ, вдали отъ богатыхъ городовъ и большихъ путей сообщенія, расположено нѣсколько деревень, составляющихъ одинъ округъ, который и носилъ названіе *Скалистаго*. Жители этого округа, лѣтъ семдесятъ тому назадъ, отличались бѣдностью, невѣжествомъ, предразсудками, грубостью нравовъ и вообще были очень несчастны. Они лѣниво обрабатывали свои покрытыя камнями поля, не знали никакихъ ремеселъ, рѣдко сообщались съ остальнымъ міромъ по причинѣ дурныхъ и опасныхъ горныхъ дорогъ, не имѣли ни садовъ, ни по-

рядочныхъ огородовъ, ни больницы, ни школы, — и толпы нищихъ осаждали рѣдкаго путешественника, попадавшаго случайно въ эту полудикую страну.

Въ этотъ-то глухой округъ, въ 1767-мъ году, назначенъ былъ священникомъ Жанъ Фридрихъ Оберлейнъ, человѣкъ еще очень молодой, сынъ бѣднаго учителя страсбургской гимназіи, получившій, впрочемъ, отличное воспитаніе. Прибывъ на мѣсто, въ мѣстечко Вальдбахъ, гдѣ стоялъ скромный священническій домъ, Жанъ Оберлейнъ скоро убѣдился въ жалкомъ положеніи своихъ прихожанъ, жившихъ какъ въ Вальдбахѣ, такъ и въ окрестныхъ деревняхъ. Другой, быть можетъ, искалъ бы случая убѣжать изъ такой глуши; но молодой священникъ думалъ, что здѣсь-то именно и нужна его дѣятельность, и положилъ цѣлью своей жизни: извлечь несчастныхъ горцевъ изъ ихъ жалкаго состоянія.

— «Прежде всего надобно ихъ учить,» сказалъ самъ себѣ Оберлейнъ: «люди, лишенные образованія, не могутъ понимать даже и собственной своей пользы; и такъ въ учрежденіи школы должно начать преобразование моего прихода.»

Но невѣжество горныхъ жителей было такъ велико, что когда Оберлейнъ купилъ для постройки школьнаго дома кусокъ земли въ Вальдбахѣ, то горожане допустили его приступить къ постройкѣ школы не иначе, какъ получивъ отъ него формальное обязательство, что онъ не будетъ требовать отъ нихъ денегъ на содержаніе школы. Оберлейнъ далъ это обязательство, и тридцать лѣтъ содержалъ школу изъ своихъ собственныхъ, всегда очень скудныхъ средствъ. Но въ продолженіе этого времени школа, основанная Оберлейномъ, оказала свое дѣйствіе: прихожане поняли пользу ученья и уже сами учредили мало по малу пять школъ въ различныхъ деревняхъ своего округа.

Но не одно обученіе дѣтей занимало Оберлейна: онъ скоро сдѣлался ангеломъ-хранителемъ всѣхъ несчастныхъ своего прихода. То онъ являлся утѣшителемъ въ семейства, пораженные какимъ нибудь горемъ, то исправлялъ увѣщаніями людей, увлекшихся какими нибудь дурными стремленіями; то помогалъ бѣднымъ, то посѣщалъ больныхъ. Ни дурная погода, ни опасности пути не могли удержать его, когда онъ шелъ на какое нибудь доброе дѣло. Нерѣдко горцы видали, какъ Оберлейнъ, поздно вечеромъ, верхомъ на своей ло-

шадкѣ, отправлялся въ Страсбургъ, до котораго было десять миль очень труднаго и опаснаго пути. Тамъ цѣлый день онъ хлопоталъ безъ устали по дѣламъ своего прихода, и чтобы не терять даромъ драгоценнаго времени, возвращался домой снова поздно вечеромъ; а рано поутру онъ уже разносилъ по больнымъ лекарства, купленные въ городѣ.

Но минутной помощью тѣмъ, которые въ ней нуждались, Оберлейнъ не ограничился. Онъ хотѣлъ по возможности уничтожить самыя причины бѣдствій, и старался вводить между своими прихожанами разныя полезныя учрежденія.

Понятно само собою, что нововведенія, которыя задумывалъ Оберлейнъ, встрѣчали сильное сопротивленіе въ людяхъ, закрутившихъ въ своей невѣжественной жизни, и они часто осыпали Оберлейна не только насмѣшками, но и угрозами. Но пасторъ побѣдилъ всѣ эти препятствія своею твердостью, хладнокровіемъ, благоразуміемъ, и современемъ самыя жаркіе его противники сдѣлались самыми ревностными его сотрудниками въ дѣлѣ преобразованій.

Сообщеніе между жилыми мѣстами прихода было очень затруднительно: Оберлейнъ уговорилъ прихожанъ исправить дороги. Но у пастора былъ планъ еще болѣе обширный: нужно было проложить удобный выходъ изъ скалистаго округа до большой дороги въ Страсбургъ; сдѣлать это было очень трудно; однакоже неутомимый пасторъ не испугался затрудненій. Вооружившись самъ ломомъ, онъ прилежно принялся за работу; примѣръ его подѣйствовалъ на всѣхъ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ прекрасная дорога, версты въ три длиною, открыла для жителей прихода удобное сообщеніе съ остальнымъ міромъ. Рѣчка Ла-Брѣнь, сбѣгая быстро съ горъ, не имѣла опредѣленнаго русла и затопляла поля: пасторъ и прихожане вырыли ей русло и построили на ней нѣсколько мостовъ.

Чтобы избавить жителей Скалистаго округа отъ бѣдности, Оберлейнъ старался улучшить хозяйство крестьянъ: подъ его руководствомъ, они очистили поля отъ камней, и теперь эти камни, мѣшавшіе прежде хлѣбопашеству, показываютъ границы полей и ограждаютъ посѣвы отъ скота. Оберлейнъ сообщалъ молодымъ людямъ полезныя свѣдѣнія о сельскомъ хозяйствѣ и постановилъ правиломъ, чтобы каждый молодой человѣкъ, прежде чѣмъ будетъ допущенъ въ первый разъ къ св. причащенію, посадилъ собственными своими ру-

нами, по крайней мѣрѣ, два дерева. Земледѣльцы съ большимъ трудомъ и съ большими издержками доставали земледѣльческія орудія: пасторъ устроилъ лавку, гдѣ необходимыя для земледѣльца орудія продавались по возможно дешевой цѣнѣ и притомъ въ долгъ. Крестьяне Скалистаго округа знали только дикую яблонь: Оберлейнъ собственнымъ примѣромъ побудилъ ихъ воспитывать плодовые деревья лучшихъ сортовъ; а чтобъ побѣдить ихъ отвращеніе къ этому нововведенію, собственными руками развелъ садъ у самой дороги, такъ что всѣ, проходя мимо, могли видѣть плоды его трудовъ. Земля, истощенная невѣжественною обработкою, плохо вознаграждала трудъ земледѣльца: Оберлейнъ научилъ крестьянъ удобрять землю; улучшилъ породу домашняго скота, ввелъ искусственные луга и искусственное орошеніе. Картофель, главная пища жителей, на плохой землѣ выродился совершенно: Оберлейнъ выписалъ новыя сѣмена изъ Швейцаріи и Голландіи, и картофель сдѣлался главнымъ предметомъ торговли для жителей Скалистаго округа. Оберлейнъ ввелъ посѣвъ клевера и выписалъ лучшія льняныя сѣмена изъ Риги. Всякое нововведеніе онъ прежде испытывалъ самъ; а чтобы поддерживать улучшенія, устроилъ изъ крестьянъ общество сельскаго хозяйства.

Ремесла почти были неизвѣстны жителямъ Скалистаго округа: Оберлейнъ уговорилъ нѣсколькихъ родителей отдать своихъ дѣтей въ ученіе различнымъ ремесленникамъ. Онъ ввелъ пряжу хлопчатой бумаги, и этимъ занятіемъ поправилъ очень скоро состояніе жителей.

Во время болѣзней, жители Скалистаго округа оставались безъ всякой помощи; не было ни лекарствъ, ни медиковъ: Оберлейнъ завелъ аптеку въ собственномъ своемъ домѣ, гдѣ лекарства раздавались даромъ, и послалъ одного смышленнаго молодого человѣка въ Страсбургъ учиться медицинѣ и хирургіи, а нѣсколькихъ женщинъ приучилъ ходить за больными; кромѣ того, онъ распространилъ между крестьянами свѣдѣнія, какъ помогать утопленникамъ, замерзшимъ и задохшимся. Пожары часто истребляли жилища крестьянъ,—и Оберлейнъ завелъ нѣсколько пожарныхъ инструментовъ: крючья, лѣстницы, пожарныя трубы.

Въ этой отдаленной и мало извѣстной мѣстности, заброшенной въ средину Вогезскихъ горъ, Оберлейнъ ввелъ множество такихъ

учрежденій, облегчающихъ жизнь человѣка, которыя мало были распространены тогда даже въ самыхъ богатыхъ странахъ. Такъ, напримеръ, онъ учредилъ сберегательную кассу съ тѣмъ условіемъ, что тотъ, кто хочетъ принять въ ней участіе, долженъ посылать своихъ дѣтей въ школу. Изъ этой кассы деньги раздавались въ долгъ безъ заклада и процентовъ, — чѣмъ мало по малу было совершенно уничтожено нищенство въ Скалистомъ округѣ. Чтобы поддерживать и распространять между крестьянами образованіе, Оберлейнъ завелъ *странствующую* бібліотеку, и первый подаль примѣръ тѣхъ странствующихъ бібліотекъ, которыхъ теперь такъ много развелось въ Англіи и Соединенныхъ Штатахъ.

Всѣ дни своей жизни посвящалъ Оберлейнъ благу своихъ прихожанъ и во всемъ приходѣ не было радости, которой онъ хотя отчасти не былъ бы виновникомъ; не было горя, котораго бы онъ не облегчилъ по возможности; не было ссоры, въ которой бы онъ не былъ посредникомъ и примирителемъ. Его безчисленныя благодѣянія пріобрѣли ему такое уваженіе и такую любовь прихожанъ, что всѣ повиновались ему, какъ отцу; онъ пріобрѣлъ большую власть надъ ихъ умами, и былъ между ними самымъ могущественнымъ законодателемъ. Вотъ поразительный примѣръ его могущества: когда ассигнаціи потеряли во Франціи всякую цѣну, отчего многіе разорились совершенно и впали въ нищету, Оберлейнъ своимъ авторитетомъ поддержалъ цѣнность ассигнацій въ Скалистомъ округѣ. Не желая, чтобы ущербъ, происходящій отъ упадка ассигнацій, упалъ на нѣкоторыхъ, но разложился понемногу на все народонаселеніе, Оберлейнъ постановилъ, чтобы ассигнаціи, переходя изъ рукъ въ руки, уменьшались въ цѣнѣ своей на десять сантимовъ при каждомъ переходѣ.

Нужно-ли говорить, что всѣ жители прихода видѣли въ Оберлейнѣ своего отца и благодѣтеля? Они и не называли его иначе, какъ отцомъ. Когда же, удрученный годами, онъ не могъ уже болѣе взбираться на скалы, чтобы посѣщать деревни своего прихода,—тогда крестьяне возили его на смирной и спокойной лошаdkѣ, и день, когда Оберлейнъ посѣщалъ какую нибудь деревню, былъ для нея праздникомъ.

Оберлейнъ прожилъ 86-тъ лѣтъ и до конца своей жизни сохра-

нилъ въ полной свѣжести всѣ свои душевныя силы, хотя ослабѣвшее тѣло и отказывалось уже служить ему.

1826 года 1-го іюня, въ шесть часовъ утра, еще разъ помолившись за своихъ дорогихъ прихожанъ, патриархъ Скалистаго округа уснулъ вѣчнымъ сномъ. Общая горестъ и общій трауръ проводили его до могилы. Памятникъ, изваянный знаменитымъ художникомъ и представляющій добрыя, кроткія черты истинно великаго человѣка, стоитъ теперь въ вальдбахской церкви; но и безъ этого памятника жители Скалистаго округа не забудутъ никогда Жана Оберлейна.

Вотъ, друзья мои, біографія истинно великаго человѣка, болѣе великаго, чѣмъ всѣ возможные Цезари, Наполеоны, Августы и Александры Македонскіе!

А какъ сильно и благодѣтельно дѣйствовалъ на прихожанъ высокій примѣръ истинно-христіанской жизни пастора! Одна шестнадцатилѣтняя крестьянка Скалистаго округа, Луиза Шеплеръ, хотя имѣла свое состояніе и могла бы жить самостоятельно, но поступила въ услуженіе къ Оберлейну и, не получая никакой платы за свою службу, около пятидесяти лѣтъ была самою ревностною исполнительницею его добрыхъ намѣреній; а послѣ смерти Оберлейна еще долго оставалась ангеломъ-утѣшителемъ для цѣлаго округа. Имя Луизы Шеплеръ, не смотря на ея скромныя обязанности, должно сохраниться въ исторіи, потому что она, пораженная тѣмъ, что дѣти, по уходѣ родителей на полевые работы, остаются совершенно однѣ безъ всякаго призора, — изобрѣла *дѣтскіе пріюты*, и это благодѣтельное учрежденіе быстро распространилось по всей Европѣ. Какъ было бы хорошо, еслибы и въ наши деревни, гдѣ дѣти, предоставленныя самимъ себѣ, часто производятъ пожары, дѣлаются сами калѣками на всю жизнь и портятъ другъ друга нравственно, проникло благодѣтельное учрежденіе Луизы Шеплеръ, — и дѣти, собираясь въ одинъ домъ, подъ присмотръ какой нибудь доброй и умной женщины, проводили бы время не только безъ вреда для себя, но даже и съ пользою: пріучались къ порядку, опрятности, и играя, учились читать и писать. Сколько уже по всей Европѣ спасено дѣтей — изобрѣтеніемъ смиренной служанки Оберлейна!

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗЪ РѢКУ.

Молодой человѣкъ, еще никогда не ѣздившій по водѣ, подошелъ къ берегу широкой и быстрой рѣки и попросилъ лодочника, чтобы тотъ перевезъ его на другую сторону. Деревня, куда нужно было прійти юношѣ, лежала на другой сторонѣ, какъ-разъ противъ того мѣста, гдѣ онъ стоялъ; но перевозчикъ, вмѣсто того, чтобы ѣхать, куда хотѣлъ молодой человѣкъ, сталъ подыматься вверхъ по рѣкѣ и давно уже миновалъ деревню. — «Куда же ты ѣдешь, пріятель?» спросилъ его юноша. — «Прямо туда, куда нужно,» отвѣчалъ перевозчикъ. — «Если это называется прямо,» сказалъ юноша, «то я ужъ и не знаю, что значить криво. Если мы будемъ все такъ ѣхать, то пристанемъ шаговъ за пятьсотъ отъ деревни.» — «Да, мой добрый баринъ, еслибы мы все такъ ѣхали,» возразилъ перевозчикъ; «но когда мы выѣдемъ на середину рѣки, то сильное теченіе снесетъ насъ далеко внизъ. Мой покойный батюшка, дай Богъ ему царство небесное, говаривалъ часто: хорошій перевозчикъ, который хочетъ переѣхать прямо черезъ рѣку, точно также, какъ и хорошій христіанинъ, должны поставить себѣ цѣль повыше: одного снесетъ внизъ теченіе воды, а другаго теченіе жизни.» И дѣйствительно, подѣзжая къ другому берегу, перевозчикъ долженъ былъ употребить всѣ свои силы, чтобы не пристать ниже деревни. Выходя изъ лодки, молодой человѣкъ заплатилъ перевозчику двойную плату. — «Вотъ, тебѣ,» сказалъ онъ, «за перевозъ и за добрый совѣтъ.»

СМЕРТЬ И СОНЪ.

Обнявшись по-братски, пролетали надъ землею Ангелъ смерти и Ангелъ сна. Это было вечеромъ и они остановились на холмѣ, невдалекѣ отъ людскихъ жилищъ. Кругомъ царствовала глубокая тишина. Тихо, молча, сидѣли оба благодѣтельные генія человѣчества. Ночь наступала.

Тогда поднялся Ангелъ сна на своихъ крыльяхъ и началъ неслышимо сѣять вокругъ невидимыя сѣмена дремоты. Вечерній вѣтерокъ понесъ ихъ къ тихимъ жилищамъ усталыхъ крестьянъ, — сладкій сонъ обнялъ жителей мирныхъ хижинъ: отъ старика, опирающагося на посохъ, до груднаго младенца, лежащаго въ колыбели,

все наслаждалось сномъ. Больной забылъ свою болѣзнь, печальный— свое горе, бѣднякъ— свои заботы. Окончивъ свое дѣло, благодѣтельный Ангелъ сна воротился къ своему грустному брату.— «Когда наступитъ утро,» сказалъ онъ, веселый и счастливый, «тогда поблагодарятъ меня люди, какъ своего друга и благодѣтеля. О, какъ приятно незримо, въ тиши, разсыпаться благодѣянiя! Какъ счастливы мы съ тобою, милый братъ! Какъ прекрасно наше назначенiе!» Такъ говорилъ дружественный Ангелъ сна. Ангелъ смерти посмотрѣлъ на брата съ горестью и слезы заблестали въ его большихъ темныхъ глазахъ.— «Ахъ!» сказалъ онъ: «почему и я вмѣстѣ съ тобою не могу наслаждаться благодарностию людей? Жители земли зовутъ меня самымъ страшнымъ врагомъ своимъ!»— «О, братъ мой,» отвѣчалъ Ангелъ сна, «но развѣ, пробудившись, они не вспомнятъ тебя съ благодарностию и не пошлютъ тебѣ благословенiя, какъ своему другу и благодѣтелю? Развѣ мы не братья съ тобою и не посланники одного и того же Небеснаго Отца?»

Такъ говорилъ Ангелъ сна и оба брата обнялись еще нѣжнѣе.

КОРОНА СТАРОСТИ.

На разумной и почтенной головѣ сѣдые волосы составляютъ прекрасную корону. Три глубокие, сѣдые старика собрались разъ вмѣстѣ и рассказывали своимъ дѣтямъ, почему Богъ довелъ ихъ до такихъ лѣтъ. Одинъ изъ нихъ, священникъ и учитель, сказалъ: «я никогда не тяготился своею должностию и когда благословлялъ, то благословлялъ отъ всей души; вотъ почему я дожилъ до такой старости.»— Другой, купецъ, сказалъ: «я никогда не обогащался на счетъ моего ближняго и ничье проклятiе не тревожило моего сна; я охотно помогаль бѣднымъ: и вотъ почему Господь подарилъ мнѣ такую старость.»— Третiй, судья, сказалъ: «я никогда не бралъ взятокъ и всегда старался узнать правду, какъ бы мнѣ это ни было трудно; вотъ почему благословилъ меня Господь глубокою старостию.»

Тогда подошли къ старикамъ ихъ дѣти и внуки и увѣнчали ихъ сѣдые волосы цвѣтами; отцы благословили своихъ потомковъ и сказали: «пусть ваша старость будетъ подобна вашей юности! пусть ваши дѣти и внуки будутъ и для васъ цвѣтущимъ розовымъ вѣнкомъ на сѣдыхъ волосахъ.»

Старость есть прекрасный вѣнецъ жизни; но этого вѣнца достигаетъ только тотъ, къмъ управляютъ всю жизнь — умѣренность, справедливость и мудрость.

ВОЗВРАЩЕНIЕ НА РОДИНУ.

День былъ осеннiй и пасмурный. Прибывъ на станцію, съ которой должно было мнѣ сверотить на Горохино (такъ называлась наша деревня), нанялъ я вольныхъ и поѣхалъ проселочною дорогою. Хотя я права отъ природы тихаго, но нетерпѣнiе увидѣть вновь мѣста, гдѣ провелъ я лучшие свои годы, такъ сильно овладѣло мной, что я поминутно погонялъ моего ямщика; ямщикъ погонялъ свою тройку, но мнѣ казалось, что онъ, по обыкновенiю ямскому, уговаривая лошадей и размахивая кнутомъ, все-таки затягивалъ возжи. Наконецъ я завидѣлъ Горохинскую рошу и черезъ десять минутъ въѣхалъ на барскiй дворъ; сердце мое сильно билось: я смотрѣлъ вокругъ себя съ волненiемъ необыкновеннымъ; восемь лѣтъ не видалъ я Горохина. Березки, которыя при мнѣ посажены были около забора, выросли и стали теперь высокими, вѣтвистыми деревьями. Дворъ, нѣкогда украшенный тремя правильными цвѣтниками, межъ которыхъ шла широкая дорога, усыпанная пескомъ, теперь обращенъ былъ въ некошенный лугъ, на которомъ паслась бурая корова. Бричка моя остановилась у передняго крыльца. Человѣкъ пошелъ отворить двери, но онѣ были заколочены, хотя ставни открыты и домъ казался обитаемымъ. Баба вышла изъ людской избы и спросила, кого мнѣ надобно. Узнавъ, что баринъ прiѣхалъ, она снова побѣжала въ избу, и вскорѣ вся дворня меня окружила. Я былъ тронутъ до глубины сердца, увидя знакомыя и незнакомыя мнѣ лица и дружески со всѣми ими цѣлуясь: мои потѣшныя мальчишки были мужиками, а дѣвочки, нѣкогда сидѣвшiя на полу для посылокъ, замужними бабами. Мужчины плакали. Женщинамъ говорилъ я безъ церемонiи: «какъ ты постарѣла.» И мнѣ отвѣчали съ чувствомъ: «какъ вы-то, батюшка, подурнѣли!» Повели меня на заднее крыльцо; на встрѣчу мнѣ вышла моя кормилица и обняла меня съ плачемъ и рыданiемъ, какъ многострадальнаго Одиссея. Побѣжали топить баню. Поваръ, давно въ бездѣйствiи отростившiй себѣ бороду, вызвался приготовить мнѣ обѣдъ или ужинъ, ибо уже смеркалось. Тотъ-

часть очистили мнѣ комнаты, въ коихъ жила кормилица съ дѣвушками покойной матушки. Такъ очутился я въ смиренной отеческой обители и заснулъ въ той самой комнатѣ, въ которой за двадцать три года родился.

А. Пушкинъ.

ПЕРВЫЕ КАНИКУЛЫ ГИМНАЗИСТА.

Мы кое-какъ пообѣдали и сейчасъ принялись укладываться. Намъ какъ-то страшно было оставаться въ К—и, и каждый часъ промедленія казался долгимъ днемъ; къ вечеру все было готово. Вечеръ наступилъ теплый, совершенно лѣтній, и мы съ матерью легли спать въ каретѣ. На разсвѣтѣ, безъ всякаго шума, заложили лошадей и, не разбудивъ меня, тихо выѣхали изъ К—и. Когда я проснулся, яркое солнце свѣтило въ карету. Это было 19 мая, день рожденія моей милой сестры. Прекрасное, даже жаркое, весеннее утро настоящего майскаго дня обливало горячимъ свѣтомъ всю природу. Въ окна кареты заглянули зеленя, молодые хлѣбныя поля, луга и лѣса; мнѣ такъ захотѣлось окинуть глазами всѣ края далекаго горизонта, что я попросилъ остановиться, выскочилъ изъ кареты и началъ и бѣгать и прыгать, какъ самое рѣзвое пятилѣтнее дитя; тутъ только я вполне почувствовалъ себя на свободѣ. Мать любовалась, глядя на меня изъ кареты. Я обнялъ Евсеича и Федора*), поздоровался съ кучеромъ и форрейторомъ, который успѣлъ сказать мнѣ, что рыба начинала шибко клевать, когда онъ уѣзжалъ изъ Аксакова. Я поздоровался также со всѣми лошадьми; Евсеичъ взялъ меня на руки, поднялъ, и я погладилъ каждую изъ нихъ. Это былъ славный шестерикъ, бурой и караковой масти, такой породы лошадей, о какой давно и слуху нѣтъ въ Оренбургской губерніи; но лѣтъ двадцать помнили ее и говорили о ней. Дѣдушка мой вывелъ такую породу, лошади были крупныя, четырехъ-вершковыя, сильныя до невѣроятности, рысистыя, не задушливыя на бѣгу и не знавшія усталости. Въ тяжелыхъ экипажахъ дѣлали на нихъ по 80 и по 90 верстъ въ день. Боже мой, какъ было мнѣ весело! Насилу усадили меня въ карету, но я высунулся въ окошко и ѣхалъ такъ до самой кормежки, ра-

*) Евсеичъ — дядька мальчика, отправляющагося въ деревню родителей, а Федоръ — слуга.

достными восклицаніями привѣтствуя все, что попадалось на дорогѣ. Наконецъ сверкнула полоса воды — это была рѣка Мѣша, не очень большая, но глубокая и чрезвычайно рыбная; по ней ходилъ довольно плохой плотъ на веревкѣ. Мы переправлялись долго: лошадей ставили только по одной парѣ, а карету едва перевезли; ее облегчили отъ сундуковъ и другихъ тяжестей, и не смотря на то, плотъ погружался въ воду. Мы съ матерью переѣхали прежде всѣхъ на другой берегъ; цвѣтущая и душистая урема покрывала его. Я не помнилъ себя въ восхищеніи. Запасливый форрейторъ, страстный охотникъ удить, взялъ съ собою изъ деревни совсѣмъ готовую удочку съ удищемъ, которая и была привязана подъ каретой къ дрожинѣ; ее сейчасъ отвязали, и куда совершалась переправа, я уже удилъ на хлѣбъ и таскалъ плотву. Кромѣ Дѣмы, я не видывалъ рѣки рыбнѣ Мѣши; рыба кипѣла въ ней, какъ говорится, и такъ брала, что только успѣвай закидывать. Мудрено ли, что послѣ освобожденія изъ гимназическаго плѣна, эта кормежка показала мнѣ блаженствомъ! На оставленномъ нами берегу находилась чья-то господская деревня; тамъ достали овса, сѣна, курицу, яицъ и всѣ нужные припасы. Какой обѣдъ на дорожномъ таганѣ приготовилъ намъ Евсеичъ, который былъ немножко и поварь! Скородода жареной рыбы также показала очень вкуснымъ блюдомъ. Мы уже отѣхали тридцать верстъ отъ К—ни, кормили четыре часа и пустились въ дальнѣйшій путь. Набѣжали тучи, загремѣлъ громъ, дождь вспрыснулъ землю, и ѣхать было не жарко и не пыльно; сначала ѣхали шагомъ, а потомъ бѣжали такую рысью, что уѣзжали болѣе десяти верстъ въ часъ. Скоро небо прояснилось и великолѣпное солнце осушило слѣды дождя; мы отѣхали еще сорокъ верстъ и остановились ночевать въ полѣ, потому что на кормежкѣ запаслись всѣмъ нужнымъ для ночевки. Опять множество новыхъ удовольствій, новыхъ наслажденій! Выпрягли, спутали лошадей и пустили ихъ на сочную молодую траву; развели яркій огонь, наложили дорожный самоваръ, то-есть огромный чайникъ съ трубою, постлали кожу возлѣ кареты, поставили погребецъ и подали чай. Какъ онъ былъ хорошъ на свѣжемъ вечернемъ воздухѣ! Черезъ два часа напоили остывшихъ коней, разбили хребтуги съ овсомъ, привязавъ ихъ къ дышлу и вколоченнымъ въ землю кольямъ, и припустили къ овсу лошадей. Мы съ матерью улеглись въ каретѣ, и сладко заснулъ я, слушая, какъ жевали кони овесъ и

фыркали отъ попадавшей въ ноздри пыли. На другой день поутру мы переправились немного повыше Шурана, через Каму, которая была еще въ разливъ. Я боялся (и теперь боюсь) большой воды; а тогда дулъ порядочный вѣтеръ. На перевозѣ оказалась *посуда**) большая и новая: на одну завозню поставили всѣхъ лошадей и карету; меня заперли въ нее, опустили даже гардинки и подняли жалюзи, чтобъ я не видалъ волнующейся воды; но я сверхъ того закуталъ голову платкомъ и все-таки дрожалъ отъ страха во все время переправы; дурныхъ послѣдствій не было. Весенняя пристань находилась еще въ Мурзыхъ; лѣтомъ она спускалась нѣсколько верстъ ниже. Мать отыскала въ Мурзыхъ своихъ провожатыхъ; она всѣмъ привезла хорошіе гостинцы; подарки были приняты безъ удивленія, но съ удовольствіемъ и благодарностью. Мы проѣхали еще пятнадцать верстъ до мѣста своей кормежки. Такъ продолжался нашъ путь, и на пятый день пріѣхали мы ночевать въ деревню, Татарскій Байтуганъ, лежащую на рѣкѣ Сокъ, всего въ двадцати верстахъ отъ Аксакова. Рѣка Сокъ также очень рыбна; но, боясь вечерней сырости, мать не пустила меня поудить, а форрейторъ сбѣгалъ и принесъ нѣсколько окуней и плотицъ. Поднявшись съ ночлега, по обыкновенію на зарѣ, мы имѣли возможность не заѣхать въ село Неглюдово, гдѣ жили родные намъ по бабушкѣ, Кальминскіе и Луневскіе; а также и въ Бахметевку, гдѣ недавно поселился новый помѣщикъ Осоргинъ съ молодою женою: и мы, и они еще спали во время нашего проѣзда. Версты за четыре до Аксакова, на самой межѣ нашего владѣнія, я проснулся, точно кто разбудилъ меня; когда проѣхали мы между Липовымъ и Общимъ Колкомъ и выѣхали на склонъ горы, должно было немедленно отѣрнуться наше Аксаково, съ огромнымъ прудомъ, мельницей, длиннымъ порядкомъ избъ, домовъ и березовыми рощами. Я безпрестанно спрашивалъ кучера: «не видно ли деревни?» И когда онъ сказалъ наконецъ, наклонясь къ переднему окошку: «вотъ наше Аксаково, какъ на ладонкѣ.»— я сталъ такъ убѣдительно просить мою мать, что она не могла отказать мнѣ, и позволила сѣсть съ кучеромъ на козлахъ. Не берусь передать, что чувствовало мое сердце, когда я увидѣлъ милое мое Аксаково! Нѣтъ словъ на языкѣ человѣческомъ для выраженія такихъ чувствъ!....

С. Аксаковъ.

*) Такъ называются завозни, досчаники, паромы и проч.

ЕРМОЛАЙ И ЕГО ВАЛЕТКА.

Мы съ Ермолаемъ отправились на охоту, но, извините, господа: я долженъ васъ сперва познакомить съ Ермолаемъ.

Вообразите себѣ человѣка лѣтъ сорока пяти, высокаго, худаго, съ длиннымъ и тонкимъ носомъ, узкимъ лбомъ, сѣрыми глазами, взъерошенными волосами и широкими, насмѣшливыми губами. Этотъ человѣкъ ходилъ и зиму и лѣто въ желтоватомъ нанковомъ кафтанѣ нѣмецкаго покроя, но подпоясывался кушакомъ: носилъ синіе шаровары и шапку со смушками, подаренную ему, въ веселый часъ, раззорившимся помѣщикомъ. Къ кушаку привязывались два мѣшка, одинъ спереди, искусно перекрученный на двѣ половины, для пороху и для дробы,—другой съзади—для дичи; хлопки-же Ермолай доставалъ изъ собственной, повидимому, неистоимой шапки.

Онъ бы легко могъ на деньги, вырученные имъ за проданную дичь, купить себѣ патронташъ и суму, но ни разу даже не подумалъ о подобной покупкѣ, и продолжалъ заряжать свое ружье по-прежнему, возбуждая изумленіе зрителей искусствомъ, съ какимъ онъ избѣгалъ опасности просыпать или смѣшать дробь и порохъ. Ружье, у него было одноствольное, съ кремнемъ, одаренное притомъ скверной привычкой жестоко «отдавать», отчего у Ермолая правая щека всегда была пухлѣе лѣвой. Какъ онъ попадалъ изъ этого ружья— и хитрому человѣку не придумать, но попадалъ. Была у него и лягавая собака, по прозванію Валетка, преудивительное созданіе. Ермолай никогда ее не кормилъ. «Стану я пса кормить, рассуждалъ онъ— притомъ песь— животное умное, самъ найдетъ себѣ пропитанье.» И, дѣйствительно: хотя Валетка поражалъ даже равнодушнаго прохожаго своей чрезмѣрной худобой, но жилъ, и долго жилъ; даже, не смотря на свое бѣдственное положеніе, ни разу не пропадалъ и не изъвѣялъ желанія покинуть своего хозяина. Замѣчательнѣйшимъ свойствомъ Валетки было его непостижимое равнодушіе ко всему на свѣтѣ. Онъ обыкновенно сидѣлъ подвернувши подъ себя свой кучій хвостъ, хмурился, вздрагивалъ по временамъ и никогда не улыбался. (Извѣстно, что собаки имѣютъ способность улыбаться, и даже очень мило улыбаться). Онъ былъ крайне безобразенъ, и ни одинъ праздный дворовый человѣкъ не упускалъ случая ядовито насмѣяться надъ его наружностью; но всѣ эти насмѣшки и даже

удары Валетка переносилъ съ удивительнымъ хладнокровіемъ. Особенное удовольствіе доставлялъ онъ поварамъ, которые сейчасъ отрывались отъ дѣла и съ крикомъ и бранью пускались за нимъ въ погоню, когда онъ, по слабости, свойственной не однѣмъ собакамъ, просовывалъ свое голодное рыло въ полурастворенную дверь соблазнительно теплой и благовоной кухни. На охотѣ онъ отличался неутомимостью и чутье имѣлъ порядочное; но если случайно догонялъ подраненнаго зайца, то ужъ и съѣдалъ его съ наслажденіемъ всего, до послѣдней косточки, гдѣ-нибудь въ прохладной тѣни подъ зеленымъ кустомъ, въ почтительномъ отдаленіи отъ Ермолая, ругавшагося на всѣхъ извѣстныхъ діалектахъ.

Ермолай принадлежалъ одному изъ моихъ сосѣдей, помѣщику стариннаго покроя. Ермолаю было приказано доставлять на господскую кухню разъ въ мѣсяцъ пары двѣ тетеревей и куропатокъ, а впрочемъ, позволялось ему жить, гдѣ хочетъ и чѣмъ хочетъ. Отъ него отказались, какъ отъ человѣка, ни на какую работу не годнаго — «лядащаго,» какъ говорится у насъ въ Орлѣ. Пороху и дроби, разумѣется, ему не выдавали, слѣдуя точно тѣмъ же правиламъ, въ силу которыхъ и онъ не кормилъ своей собаки. Ермолай былъ человѣкъ престраннаго рода: беззаботенъ, какъ птица, довольно говорливъ, разсѣянъ и неловокъ съ виду; сильно любилъ выпить, не уживался на мѣстѣ, на ходу шмыгалъ ногами и переваливался съ боку на бокъ, — и, шмыгая и переваливаясь, улепетывалъ верстъ шестьдесятъ въ сутки. Онъ подвергался самымъ разнообразнымъ приключеніямъ: ночевалъ въ болотахъ, на деревьяхъ, на крышахъ, подъ мостами, сиживалъ не разъ взаперти на чердакахъ, въ погребяхъ и сараяхъ, лишался ружья, собаки, самыхъ необходимыхъ одѣяній, бывалъ битъ сильно и долго, — и все-таки, черезъ нѣсколько времени, возвращался домой одѣтый, съ ружьемъ и съ собакой. Нельзя было назвать его человѣкомъ веселымъ, хотя онъ почти всегда находился въ довольно изрядномъ расположеніи духа; онъ вообще смотрѣлъ чужакомъ. Ермолай любилъ покаякать съ хорошимъ человѣкомъ; особенно за чаркой, но и то не долго: встанетъ, бывало, и пойдетъ. — «Да куда ты, чортъ, идешь? Ночь на дворѣ.» — А въ Чаплино. — «Да на что тебѣ тащиться въ Чаплино, за десять верстъ?» — А тамъ у Софрона-мужичка переночевать. — «Да ночуй здѣсь.» — Нѣтъ ужъ, нельзя. И пойдетъ Ермолай съ своимъ Валеткой въ темную ночь, че-

резъ кусты да водомойни; а мужичокъ Софронъ его, пожалуй, къ себѣ на дворъ не пуститъ, да еще, чего добраго, шею ему намнетъ: не безпокой-де честныхъ людей! За то никто не могъ сравниться съ Ермолаемъ въ искусствѣ ловить весной, въ полую воду, рыбу, доставать руками раковъ, отыскивать по чутью дичь, подманивать перепеловъ, вынашивать ястребовъ, добывать соловьевъ.

Л Ъ Г О В Ъ .

— Поѣдемъ-те въ Льговъ, сказалъ мнѣ однажды, уже извѣстный читателямъ, Ермолай: — мы тамъ утокъ настрѣляемъ вдоволь.

Хотя для настоящаго охотника дикая утка не представляетъ ничего особенно-плѣнительнаго; но, за неимѣніемъ пока другой дичи, я послушался моего охотника и отправился въ Льговъ.

Льговъ — большое степное село, съ весьма древней каменной, одноглавой церковью и двумя мельницами на болотистой рѣчкѣ Росотѣ. Эта рѣчка, верстъ за пять отъ Льгова, превращается въ широкій прудъ, по краямъ и кой-гдѣ по срединѣ заросшіи густымъ тростникомъ, по орловскому — майеромъ. На этомъ-то прудѣ, въ заводяхъ или затишьяхъ, между тростниками, выводилось и держалось безчисленное множество утокъ всѣхъ возможныхъ породъ: кряквыхъ, полукряковыхъ, шилохвостыхъ, чирковъ, нырковъ и пр. Небольшія стаи то-и-дѣло перелетывали и носились надъ водою, а отъ выстрѣла поднимались такія тучи, что охотникъ невольно хватался одной рукой за шапку и протяжно говорилъ: фу-у! — Мы пошли было съ Ермолаемъ вдоль пруда, но, во-первыхъ, у самаго берега утка птица осторожная, не держится; во-вторыхъ, если даже какой-нибудь отсталый и неопытный чирокъ и подвергнется нашимъ выстрѣламъ и лишался жизни, то достать его изъ сплошнаго майера наши собаки не были въ состояніи: не смотря на самое благородное самоотверженіе, онѣ не могли ни плавать, ни ступать по дну, а только даромъ рѣзали свои драгоценные носы объ острые края тростниковъ.

— Нѣтъ! промолвилъ, наконецъ, Ермолай: — дѣло не ладно: надо достать лодку.... Пойдемте назадъ въ Льговъ.

Мы пошли. Не успѣли мы ступить нѣсколько шаговъ, какъ намъ на встрѣчу, изъ-за густой ракуты выбѣжала довольно дрянная ля-

гавая собака, и вслѣдъ за ней появился человѣкъ средняго роста, въ синемъ, сильно потертомъ сюртукѣ, желтоватомъ жилетѣ, панталонахъ цвѣта гри-де-лень или блен-д-амуръ, наскоро засунутыхъ въ дырявые сапоги, съ краснымъ платкомъ на шеѣ и одноствольнымъ ружьемъ за плечами. Пока наши собаки, съ обычнымъ, ихъ породѣ свойственнымъ, китайскимъ церемоніаломъ, снюхивались съ новой для нихъ личностью, которая видимо трусила, поджимала хвостъ, закидывала уши и быстро перевертывалась всѣмъ тѣломъ, не сгибая колѣней и скаля зубы, — незнакомецъ подошелъ къ намъ и чрезвычайно вѣжливо поклонился. Ему на видъ было лѣтъ двадцать-пять; его длинные русые волосы, сильно пропитанные квасомъ, торчали неподвижными косицами; небольшіе каріе глазки привѣтливо моргали; все лицо, повязанное чернымъ платкомъ, словно отъ зубной боли, сладостно улыбалось.

— Позвольте себя рекомендовать, началъ онъ мягкимъ и вкрадчивымъ голосомъ: — я здѣшній охотникъ—Владиміръ.... Услышавъ о вашемъ прибытіи и узнавъ, что вы изволили отправиться на берега нашего пруда, рѣшился, если вамъ не будетъ противно, предложить вамъ свои услуги.

Охотникъ Владиміръ говорилъ, ни дать ни взять, какъ провинціальный молодой актеръ. Я согласился на его предложеніе и, не дойдя еще до Льгова, уже успѣлъ узнать его исторію. Онъ былъ вольноотпущенный дворовый человѣкъ; въ нѣжной юности обучался музыкѣ, потомъ служилъ камердинеромъ, зналъ грамогѣ, почитывалъ, сколько я могъ замѣтить, кой-какія книжонки и, живя теперь, какъ многіе живутъ на Руси, безъ гроша наличнаго, безъ постоянного занятія, питался только-что не манной небесной. Выражался онъ необыкновенно изящно и видимо щеголялъ своими манерами. Между прочимъ, онъ мнѣ далъ замѣтить, что посѣщаетъ иногда сосѣднихъ помѣщиковъ, и въ городъ ѣздитъ въ гости, и въ преферансъ играетъ, и съ столичными людьми знаетъ. Улыбался онъ мастерски и чрезвычайно разнообразно; особенно шла къ нему скромная, сдержанная улыбка, которая играла на его губахъ, когда онъ внималъ чужимъ рѣчамъ. Онъ васъ выслушивалъ, онъ соглашался съ вами совершенно; но все-таки не терялъ чувства собственного достоинства, и какъ будто хотѣлъ вамъ дать знать, что и онъ можетъ, при случаѣ, изъяснить свое мнѣніе. Ермолай, какъ человѣкъ неслишкомъ об-

разованный и уже вовсе не «субтильный» началъ-было его «тыкать.» Надо было видѣть, съ какой усмѣшкой Владиміръ говорилъ ему: вы-сь....

— Зачѣмъ вы повязаны платкомъ? спросилъ я его. Зубы болятъ?

— Нѣтъ-сь, возразилъ онъ: это болѣе пагубное слѣдствіе неосторожности. Былъ у меня пріятель, хорошій человѣкъ-сь, но вовсе не охотникъ, какъ это бываетъ-сь. Вотъ-сь, въ одинъ день говоритъ онъ мнѣ: любезный другъ мой, возьми меня на охоту, я любопытствую узнать — въ чемъ состоитъ эта забава. Я, разумѣется, не захотѣлъ отказать товарищу: досталъ ему, съ своей стороны, ружье-сь и взялъ его на охоту-сь. Вотъ-сь мы, какъ слѣдуетъ, поохотились; наконецъ, вздумалось намъ отдохнуть-сь. Я сѣлъ подъ деревомъ; онъ-же, напротивъ того, съ своей стороны, началъ выкидывать ружьемъ артикуль-сь, при чемъ цѣлился въ меня. Я попросилъ его перестать, но, по неопытности своей, онъ не послушался-сь. Выстрѣлъ грянулъ, и я лишился подбородка и указательнаго перста правой руки.

Мы дошли до Льгова. И Владиміръ и Ермолай оба рѣшили, что безъ лодки охотиться было невозможно.

— У Сучка есть дощаникъ*), замѣтилъ Владиміръ: — да я не знаю, куда онъ его спряталъ. Надобно сбѣгать къ нему.

— Къ кому? спросилъ я.

— А здѣсь человѣкъ живетъ, прозвище ему Сучокъ.

Владиміръ отправился къ Сучку съ Ермолаемъ. Я сказалъ имъ, что буду ждать ихъ у церкви, и сталъ разсматривать могилы на кладбищѣ....

...Приходь Ермолая, Владиміра и человѣка съ страннымъ прозвищемъ Сучокъ — прервалъ мои размышленія.

Босоногій, оборванный и взъерошенный, Сучокъ казался съ виду отставнымъ дворовымъ, лѣтъ шестидесяти.

— Есть у тебя лодка? спросилъ я.

— Лодка есть, отвѣчалъ онъ глухимъ и разбитымъ голосомъ: — да больно плоха.

— А что?

— Расклеилась, да изъ дырвевъ клепки повываливались.

— Велика бѣда! подхватилъ Ермолай: — паклей заткнуть можно.

*) Плоская лодка, сколоченная изъ старыхъ барочныхъ досокъ.

— Извѣстно, можно, подтвердилъ Сучокъ.

— Да ты кто?

— Господскій рыболовъ.

— Какъ-же это ты рыболовъ, а лодка у тебя въ такой не-исправности?

— Да въ нашей рѣкѣ и рыбы-то нѣту.

— Рыба не любитъ ржавчины болотной, съ важностью прибавилъ мой охотникъ.

— Ну, сказала я Ермолаю: — поди, достань пакли и справь намъ лодку, да поскорѣй.

Ермолай ушелъ.

— А, вѣдь, этакъ мы, пожалуй, и ко дну пойдёмъ? сказалъ я Владиміру.

— Богъ милостивъ, отвѣчалъ онъ. Во всякомъ случаѣ должно предполагать, что прудъ не глубокъ.

Да, онъ не глубокъ, замѣтилъ Сучокъ, который говорилъ какъ-то странно, словно съ просонья: — да на днѣ тина и трава, и весь онъ травой заросъ. Впрочемъ, есть то же и колдобины *)

— Однакоже, если трава такъ сильна, замѣтилъ Владиміръ: — такъ и грести нельзя будетъ.

— Да кто-жъ на дощаникахъ гребетъ? Надо пихаться. Я съ вами поѣду; у меня тамъ есть шестикъ, — а то и лопатой можно.

— Лопатой неловко: до дна въ иномъ мѣстѣ, пожалуй, не до-станешь, сказалъ Владиміръ.

— Оно правда, что неловко.

Я присѣлъ на могилу въ ожиданіи Ермолая. Владиміръ отошелъ, для приличія, нѣсколько въ сторону и то же сѣлъ. Сучокъ продолжалъ стоять на мѣстѣ, повѣся голову и сложивъ руки за спиной.

Черезъ четверть часа мы уже сидѣли на дощаникѣ Сучка. (Собака мы оставили въ избѣ подъ надзоромъ кучера Іегудила). Намъ не очень было ловко, но охотники — народъ неразборчивый. У у-паго, задняго конца стоялъ Сучокъ и «пихался»; мы съ Владиміромъ сидѣли на перекладинѣ лодки; Ермолай помѣстился спереди, у самого носа. Не смотря на паклю, вода скоро появилась у насъ подъ ногами. Къ счастью, погода была тихая, и прудъ словно заснулъ.

*) Глубокое мѣсто, яма въ прудѣ или рѣкѣ.

Мы плыли довольно медленно. Старикъ съ трудомъ выдергивалъ изъ вязкой тины свой длинный шестъ, весь перепутанный зелеными нитями подводныхъ травъ: сплошные, круглые листья болотныхъ лилій тоже мѣшали ходу нашей лодки. Наконецъ, мы добрались до тростниковъ, и пошла потѣха. Утки шумно поднимались, «срывались» съ пруда, испуганные нашимъ неожиданнымъ появленіемъ въ ихъ владѣніяхъ; выстрѣлы дружно раздавались вслѣдъ за ними и весело было видѣть, какъ эти кургузья, тяжелыя птицы кувыркались на воздухъ, тяжело шлепались объ воду. Всѣхъ подстрѣленныхъ утокъ мы, конечно, не достали: легко пораненныя выряли, иныя, убитыя на-поваль, падали въ такой густой майеръ, что даже рысьи глазки Ермолая не могли открыть ихъ; но все-таки къ обѣду лодка наша черезъ край наполнилась дичью.

Владиміръ, къ великому утѣшенію Ермолая, стрѣлялъ вовсе не отлично и послѣ каждаго неудачнаго выстрѣла удивлялся, осматривалъ и продувалъ ружье, недоумѣвалъ и, наконецъ, излагалъ намъ причину, почему онъ промахнулся. Ермолай стрѣлялъ, какъ всегда, побѣдоносно, я — довольно плохо по обыкновенію. Сучокъ посматривалъ на насъ глазами человѣка, смолоду состоявшаго на барской службѣ, изрѣдка кричалъ: «вонъ, вонъ еще утица!» — то и дѣло почесывалъ спину — не руками, а приведенными въ движеніе плечами. Погода стояла прекрасная: бѣлая, круглая облака высоко и тихо неслись надъ нами, ясно отражаясь въ водѣ; тростникъ шшукалъ кругомъ; прудъ мѣстами, какъ сталь, сверкалъ на солнцѣ. Мы уже собирались вернуться въ село, какъ вдругъ съ нами случилось довольно неприятное происшествіе.

Мы уже давно могли замѣтить, что вода къ намъ повемногу все набиралась въ дощаникъ. Владиміру было поручено выбрасывать ее вонъ посредствомъ ковша, похищеннаго, на всякій случай, моимъ предусмотрительнымъ охотникомъ у зазѣвавшейся бабы. Дѣло шло, какъ слѣдовало, пока Владиміръ не забывалъ своей обязанности. Но къ концу охоты, словно на прощанье, утки стали подниматься такими стадами, что мы едва успѣвали заряжать ружья. Въ пылу перестрѣлки мы не обращали вниманія на состояніе нашего дощаника, — какъ вдругъ, отъ сильнаго движенія Ермолая (онъ старался достать убитую птицу и всѣмъ тѣломъ валегъ на край), наше ветхое судно наклонилось, зачерпнулось и торжественно пошло ко

дну, къ счастью, не на глубокомъ мѣстѣ. Мы вскрикнули, но уже было поздно: черезъ мгновеніе мы стояли въ водѣ по горло, окруженные всплывшими тѣлами мертвыхъ утокъ. Теперь я безъ хохота вспомнить не могу испуганныхъ и блѣдныхъ лицъ моихъ товарищей (вѣроятно, и мое лицо не отличалось тогда румянцемъ); но въ ту минуту, признаюсь, мнѣ и въ голову не приходило смѣяться. Каждый изъ насъ держалъ свое ружье надъ головой, и Сучокъ, должно быть, по привычкѣ подражать господамъ, поднялъ шестъ свой кверху. Первый нарушилъ молчаніе Ермолай.

— Тьфу ты пропасть! пробормоталъ онъ, плюнувъ въ воду: — какая оказія! А все ты, старый чортъ! прибавилъ онъ съ сердцемъ, обращаясь къ Сучку: — что это у тебя за лодка?

— Виноватъ, пролепеталъ старикъ.

— Да и ты хорошъ, продолжалъ мой охотникъ, повернувъ голову въ направленіи Владиміра: — чего смотрѣлъ? чего не черпалъ? ты, ты, ты...

Но Владиміру было ужъ не до возраженій; онъ дрожалъ, какъ листъ, зубъ на зубъ не попадалъ, и совершенно бессмысленно улыбался. Куда дѣвалось его краснорѣчіе, его чувство тонкаго приличія и собственного достоинства?

Проклятый дощаникъ слабо колыбался подъ нашими ногами... Въ мигъ кораблекрушенія вода намъ показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпѣлись. Когда первый страхъ прошелъ, я оглянулся: кругомъ, въ десяти шагахъ отъ насъ, росли тростники; вдали, надъ ихъ верхушками, виднѣлся берегъ. «Плохо!» подумалъ я.

— Какъ намъ быть? спросилъ я Ермолая.

— А вотъ, посмотримъ; не ночевать-же здѣсь, отвѣтилъ онъ. На, ты, держи ружье, сказалъ онъ Владиміру.

Владиміръ безпрекословно повиновался.

— Пойду съцу бродъ, продолжалъ Ермолай, съ увѣренностью, какъ-будто во всякомъ прудѣ непременно долженъ существовать бродъ, — взялъ у Сучка шестъ и отправился въ направленіи берега, осторожно выщупывая дно.

— Да ты умѣешь-ли плавать? спросилъ я его.

— Нѣтъ, не умѣю, раздался его голосъ изъ-за тростника.

— Ну, такъ утонетъ, равнодушно замѣтилъ Сучокъ, который и прежде испугался не опасности, а нашего гнѣва, и теперь, совер-

шенно успокоенный, только изрѣдка отдувался, и, казалось, не чувствовалъ никакой надобности перемѣнить свое положеніе.

— И безъ всякой пользы пропадетъ-съ, жалобно прибавилъ Владиміръ.

Ермолай не возвращался болѣе часу. Этотъ часъ намъ показался вѣчностью. Сперва мы перекикивались съ нимъ очень усердно; потомъ онъ сталъ рѣже отвѣчать на наши возгласы, наконецъ умолкъ совершенно. Въ селѣ зазвонили къ вечернѣ. Межъ собой мы не разговаривали, даже старались не глядѣть другъ на друга. Утки носились надъ нашими головами, инья собирались сѣсть подлѣ насъ, но вдругъ поднимались кверху, какъ говорится, «коломъ», и съ крикомъ улетали. Мы начинали костенѣть. Сучокъ хлопалъ глазами, словно спать располагался.

Наконецъ, къ неописанной нашей радости, Ермолай вернулся.

— Ну, что?

— Былъ на берегу; бродъ нашель.... Пойдемте.

Мы хотѣли-было тотчасъ отправиться; но онъ сперва досталъ подъ водой изъ кармана веревку, привязалъ убитыхъ утокъ за лапки, взялъ оба конца въ зубы и побрелъ впередъ; Владиміръ за нимъ, я за Владиміромъ. Сучокъ замыкалъ шествіе. До берега было около двухъ-сотъ шаговъ. Ермолай шелъ смѣло и безостановочно (такъ хорошо замѣтилъ онъ дорогу), лишь изрѣдка покрикивая: «лѣвѣй, — тутъ направо колдобина!» или: «правѣй, — тутъ налѣво завязнень...» Иногда вода доходила намъ до горла, и раза два бѣдный Сучокъ, будучи ниже всѣхъ насъ ростомъ, захлебывался и пускалъ пузыри. — «Ну, ну, ну!» грозно кричалъ на него Ермолай, — и Сучокъ карабкался, болталъ ногами, прыгалъ и таки выбирался на болѣе мелкое мѣсто, но даже въ крайности не рѣшался хвататься за полу моего сюртука. Измученные, грязные, мокрые, мы достигли, наконецъ, берега.

Часа два спустя, мы уже всѣ сидѣли, по мѣрѣ возможности обсушенные, въ большомъ сѣнномъ сараѣ, и собирались ужинать. Кучеръ Іегудилъ, человекъ чрезвычайно медлительный, тяжелый на подъемъ, разсудительный и заспанный, стоялъ у воротъ и усердно подчивалъ табакомъ Сучка. (Я замѣтилъ, что кучера въ Россіи очень скоро дружатся). Сучокъ нюхалъ съ остервененіемъ, до тошноты: плевалъ, кашлялъ и, повидимому, чувствовалъ большое удовольствіе.

Владиміръ принималъ томный видъ, наклонялъ головку на бокъ и говорилъ мало. Ермолай вытиралъ наши ружья. Собаки съ преувеличенной быстротой вертели хвостами въ ожиданіи овсянки; лошади топали и ржали подь навѣсомъ.... Солнце садилось; широкими багровыми полосами разбѣгались его послѣдніе лучи; золотыя тучки разстились по небу все мельче, словно вымытая, расчесанная волна.... На селѣ раздавались пѣсни.

И. Тургеневъ.

В И Р Ю К Ъ.

Я ѣхалъ съ охоты вечеромъ одинъ, на бѣговыхъ дрожкахъ. До дому еще было верстѣ восемь; моя добрая рысистая кобыла бодро бѣжала по пыльной дорогѣ, изрѣдка похрапывая и шевеля ушами; усталая собака, словно привязанная, ни на шагъ не отставала отъ заднихъ колесъ. Гроза надвигалась. Впереди огромная лиловая туча медленно поднималась изъ-за лѣса; надо мною и мнѣ на встрѣчу неслись длинныя, сѣрыя облака; ракиты тревожно шевелились и лепетали. Душный жаръ внезапно смѣнился влажнымъ холодомъ; тѣни быстро густѣли. Я ударилъ возжей по лошади, спустился въ оврагъ, перебрался черезъ сухой ручей, весь заросшій лозняками, поднялся въ гору и вѣхалъ въ лѣсъ. Дорога вилась передо мною между густыми кустами орѣшника, уже залитыми мракомъ; я подвигался впередъ съ трудомъ. Дрожки прыгали по твердымъ корнямъ столѣтнихъ дубовъ и липъ, безпрестанно пересѣкавшимъ глубокія продольныя рытвины — слѣды телѣжныхъ колесъ; лошадь моя начала спотыкаться. Сильный вѣтеръ внезапно загудѣлъ въ вышинѣ, деревья забушевали, крупныя капли дождя рѣзко застучали, зашлепали по листьямъ, сверкнула молнія и гроза разлилась. Дождь полилъ ручьями. Я поѣхалъ шагомъ и скоро принужденъ былъ остановиться: лошадь моя вязла, я не видѣлъ ни зги. Кое-какъ приютился я къ широкому кусту. Сгорбившись и закутавши лицо, ожидалъ я терпѣливо конца невѣстья, какъ вдругъ, при блескѣ молніи, на дорогѣ почудилась мнѣ высокая фигура. Я сталъ пристально глядѣть въ ту сторону, — та же фигура словно выросла изъ земли подлѣ моихъ дрожекъ.

— Кто это? спросилъ звучный голосъ.

— А ты кто самъ?

— Я здѣшній лѣсникъ.

Я назвалъ себя.

— А, знаю! вы домой ѣдете?

— Домой. Да видишь, какая гроза....

— Да, гроза, отвѣчалъ голосъ.

Бѣлая молнія озарила лѣсника съ головы до ногъ; трескучій и короткій ударъ грома раздался тотчасъ вслѣдъ за нею. Дождикъ хлынулъ съ удвоенной силой.

— Не скоро пройдетъ, продолжалъ лѣсникъ.

— Что дѣлать!

— Я васъ, пожалуй, въ свою избу проведу, отрывисто проговорилъ онъ.

— Сдѣлай одолженіе.

— Извольте сидѣть.

Онъ подошелъ къ головѣ лошади, взялъ ее за узду и сдернулъ съ мѣста. Мы тронулись. Я держался за подушку дрожекъ, которыя колыхались, «какъ въ морѣ челнокъ,» и кликалъ собаку. Бѣдная моя кобыла тяжело шлепала ногами по грязи, скользила, спотыкалась; лѣсникъ покачивался передъ оглоблями направо и налево, словно привидѣнье. Мы ѣхали довольно долго; наконецъ мой проводникъ остановился. — «Вотъ мы и дома, баринъ,» промолвилъ онъ спокойнымъ голосомъ. — Камитка заскрипѣла, нѣсколько щенковъ дружно залаяли. Я поднялъ голову и, при свѣтѣ молніи, увидалъ небольшую избушку посреди обширнаго двора, обнесеннаго плетнемъ. Изъ одного окошечка тускло свѣтилъ огонекъ. Лѣсникъ довелъ лошадь до крыльца и застучалъ въ дверь. — «Сичасъ, сичасъ!» раздался тоненькій голосокъ, послышался топотъ босыхъ ногъ, засовъ заскрипѣлъ, и дѣвочка лѣтъ двѣнадцати, въ рубашонкѣ, подпоясанная покромкой, съ фонаремъ въ рукѣ, показалась на порогѣ.

— Посвѣти барину, сказалъ онъ ей: — а я ваши дрожки подь навѣсъ поставлю.

Дѣвочка глянула на меня и пошла въ избу. Я отправился вслѣдъ за ней.

Изба лѣсника состояла изъ одной комнаты, закоптѣлой, низкой и пустой, безъ палатей и перегородокъ. Изорванный тулупъ висѣлъ на стѣнѣ. На лавкѣ лежало одноствольное ружье, въ углу валялась груда тряпокъ; два большихъ горшка стояли возлѣ печки. Лучина

горѣла на столѣ, печально вспыхивая и погасая. На самой серединѣ избы висѣла люлька, привязанная къ концу длиннаго шеста. Дѣвочка погасила фонарь, присѣла на крошечную скамейку и начала правой рукой качать люльку, лѣвой поправлять лучину. Я посмотрѣлъ кругомъ, — сердце во мнѣ заняло; не весело войти ночью въ мужицкую избу. Ребенокъ въ люлкѣ дышалъ тяжело и скоро.

— Ты развѣ одна здѣсь? спросилъ я дѣвочку.

— Одна, произнесла она едва внятно.

— Ты лѣсникова дочь?

— Лѣсникова, прошептала она.

Дверь заскрипѣла, и лѣсникъ шагнулъ, нагнувъ голову, черезъ порогъ. Онъ поднялъ фонарь съ полу, подошелъ къ столу и зажегъ свѣтильню.

— Чай, не привыкли къ лучинѣ? проговорилъ онъ, и тряхнулъ кудрями.

Я посмотрѣлъ на него. Рѣдко мнѣ случалось видѣть такого молодца. Онъ былъ высокаго роста, плечистъ и сложенъ на славу. Изъ-подъ мокрой замашной рубашки выпукло выставлялися его могучія мышцы. Черная курчавая борода закрывала до половины его суровое и мужественное лицо; изъ-подъ сросшихся широкихъ бровей смѣло глядѣли небольшіе каріе глаза. Онъ слегка уперся руками въ бока и остановился передо мною.

Я поблагодарилъ его и спросилъ его имя.

— Меня зовутъ Ѳомой, отвѣчалъ онъ:—а по прозвищу Бирюкъ*).

— А, ты Бирюкъ?

Я съ удвоеннымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на него. Отъ моего Ермолая и отъ другихъ я часто слышалъ рассказы о лѣсникѣ Бирюкѣ, котораго всѣ окрестные мужики боялись, какъ огня. По ихъ словамъ, не бывало еще на свѣтѣ такого мастера своего дѣла: «Вязанки хворосту не дасть утащить; въ какую-бы ни было пору, хоть въ самую полночь, нагрянетъ, какъ снѣгъ на голову, и ты не думай сопротивляться, — силенъ, дескать, и ловокъ какъ бѣсъ.... И ничѣмъ его взять нельзя: ни виномъ, ни деньгами; ни на какую приманку не идетъ. Ужъ не разъ добрые люди его сжить со свѣту собирались, да нѣтъ — не дается.»

*) Бирюкомъ называется въ Орловской губерніи человекъ одинокій и угрюмый.

Вотъ какъ отзывались сосѣдніе мужики о Бирюкѣ.

— Такъ ты Бирюкъ, повторилъ я:—я, братъ, слышалъ про тебя. Говорять, ты никому спуску не даешь.

— Должность свою справляю, отвѣчалъ онъ угрюмо: — даромъ господскій хлѣбъ ѣсть не приходится.

Онъ досталъ изъ-за пояса топоръ, присѣлъ на полъ и началъ колоть лучину.

— Аль у тебя хозяйки нѣтъ? спросилъ я его.

— Нѣтъ, отвѣчалъ онъ, и сильно махнулъ топоромъ.

— Умерла, знать?

Ребенокъ проснулся и закричалъ; дѣвочка подошла къ люлкѣ.— На, дай ему, проговорилъ Бирюкъ, сунувъ ей въ руку запачканный рожокъ.

— Да.... умерла, прибавилъ онъ и отвернулся.

— Вы, чай, баринъ, началъ онъ:—нашего хлѣба ѣсть не станете, а у меня окромя хлѣба....

— Я не голоденъ.

— Ну, какъ знаете. Самоваръ-бы я вамъ поставилъ, да чаю у меня нѣтъ.... Пойду, посмотрю, что ваша лошадь....

Онъ вышелъ и хлопнулъ дверью. Я въ другой разъ осмотрѣлся. Изба показалась мнѣ еще печальнѣе прежняго. Горькій запахъ остывшаго дыма неприятно стѣснялъ мнѣ дыханіе. Дѣвочка не трогалась съ мѣста и не поднимала глазъ; изрѣдка поталкивала она люльку, робко наводила на плечо спускающуюся рубашку; ея голыя ноги висѣли, не шевелились.

— Какъ тебя зовутъ? спросилъ я.

— Улитой, проговорила она, еще болѣе понутивъ свое печальное личико.

Лѣсникъ вошелъ и сѣлъ на лавку.

— Гроза проходитъ, замѣтилъ онъ, послѣ небольшого молчанія: — коли прикажете, я васъ изъ лѣсу провожу.

Я всталъ. Бирюкъ взялъ ружье и осмотрѣлъ полку.

— Это зачѣмъ? спросилъ я.

— А въ лѣсу шалить.... У Кобыльяго Верху *) дерево рубить, прибавилъ онъ въ отвѣтъ на мой вопрошающій взоръ.

*) Верхомъ называется въ Орловской губерніи оврагъ.

— Будто отсюда слышно?

— Со двора слышно.

Мы вышли вмѣстѣ. Дождикъ пересталъ. Въ отдаленіи еще толпились тяжелыя громады тучъ, изрѣдка вспыхивали длинныя молніи; но надъ нашими головами уже виднѣлось кое-гдѣ темносинее небо, звѣздочки мерцали сквозь жидкія, быстро летѣвшія облака. Очерки деревьевъ, обрызганныхъ дождемъ и взволнованныхъ вѣтромъ, начинали выступать изъ мрака. Мы стали прислушиваться. Лѣсникъ снялъ шапку и потупился. — «Во... вотъ, проговорилъ онъ вдругъ и протянулъ руку: вишь какую ночку выбралъ.» — Я ничего не слышалъ, кромѣ шума листьевъ. Бирюкъ вывелъ лошадь изъ-подъ навѣса. «А эдакъ я, пожалуй, прибавилъ онъ вслухъ: — и прозѣваю его.» — «Я съ тобой пойду... хочешь?» — «Ладно, отвѣчалъ онъ и попятилъ лошадь назадъ: — мы его духомъ поймаемъ, а тамъ я васъ провожу. Пойдемте.»

Мы пошли: Бирюкъ впереди, я за нимъ. Богъ его знаетъ, какъ онъ узнавалъ дорогу, но онъ останавливался только изрѣдка, и то для того, чтобы прислушаться къ стуку топора. — «Вишь, бормоталъ онъ сквозь зубы: слышите? слышите?» — «Да гдѣ?» Бирюкъ пожималъ плечами. Мы спустились въ оврагъ, вѣтеръ затихъ на мгновенье — мѣрные удары ясно достигли до моего слуха. Бирюкъ глянулъ на меня и качнулъ головой. Мы пошли далѣе по мокрому папоротнику и крапивѣ. Глухой и продолжительный гулъ раздался...

— Повалилъ... пробормоталъ Бирюкъ.

Между тѣмъ небо продолжало расчищаться: въ лѣсу чуть-чуть свѣтлѣло. Мы выбрались наконецъ изъ оврага. — «Подождите здѣсь,» шепнулъ мнѣ лѣсникъ, нагнулся и, поднявъ ружье къ верху, исчезъ между кустами. Я сталъ прислушиваться съ напряженіемъ. Сквозь постоянный шумъ вѣтра чудились мнѣ невдалекѣ слабыя звуки: топоръ осторожно стучалъ по сучьямъ, колеса скрипѣли, лошадь фыркала... «Куда? стой!» загремѣлъ вдругъ желѣзный голосъ Бирюка. — Другой голосъ закричалъ жалобно, по заячьи... Началась борьба. «Вре-ешь, вре-ешь, твердилъ, задыхаясь, Бирюкъ: — не уйдешь...» Я бросился въ направленіи шума и прибѣжалъ, спотыкаясь на каждомъ шагу, на мѣсто битвы. У срубленнаго дерева, на землѣ копошился лѣсникъ; онъ держалъ подъ собою вора и закручивалъ ему кушакомъ руки на спину. Я подошелъ. Бирюкъ поднималъ и поста-

вилъ его на ноги. Я увидалъ мужика мокраго, въ лохмотьяхъ, съ длинной растрепанной бородой. Дрянная лошаденка, до половины закрытая угловатой рогожкой, стояла тутъ-же вмѣстѣ съ телѣжнымъ ходомъ. Лѣсникъ не говорилъ ни слова; мужикъ то же молчалъ и только головой потряхивалъ.

— Отпусти его, шепнулъ я на ухо Бирюку: — я заплачу за дерево.

Бирюкъ молча взялъ лошадь за холку лѣвой рукой: правой онъ держалъ вора за поясъ. «Ну, поворачивайся, ворона!» промолвилъ онъ сурово. — «Топорикъ-то, вонъ, возьмите», пробормоталъ мужикъ. — «Зачѣмъ ему пропадать?» сказалъ лѣсникъ и поднялъ топоръ. Я шелъ позади... Дождикъ началъ опять накрапывать, и скоро полилъ ручьями. Съ трудомъ добрались мы до избы. Бирюкъ бросилъ пойманную лошаденку посреди двора, ввелъ мужика въ комнату, ослабилъ узелъ кушака и посадилъ его въ уголъ. Дѣвочка, которая заснула-было возлѣ печки, вскочила и съ молчаливымъ испугомъ стала глядѣть на насъ. Я сѣлъ на лавку.

— Экъ его какой полилъ, замѣтилъ лѣсникъ: — переждать придется. Не хотите-ли примечъ?

— Спасибо.

— Я-бы его, для вашей милости, въ чуланчикъ заперъ, продолжалъ онъ, указывая на мужика: — да, вишь, засовъ...

— Оставь его тутъ, не трогай, перебилъ я Бирюка.

Мужикъ взглянулъ на меня изъ подлобья. Я внутренно далъ себѣ слово, во что бы то ни стало, освободить бѣдняка. Онъ сидѣлъ неподвижно на лавкѣ. При свѣтѣ фонаря я могъ разглядѣть его испитое, морщинистое лицо, нависшія желтыя брови, безпокойные глаза, худые члены... Дѣвочка улеглась на полу у самыхъ его ногъ и опять заснула. Бирюкъ сидѣлъ возлѣ стола, опершись головою на руки. Кузничикъ кричалъ въ углу... дождикъ стучалъ по крышѣ и скользилъ по окнамъ; мы всѣ молчали.

— Ома Кузьмичъ, заговорилъ вдругъ мужикъ голосомъ глухимъ и разбитымъ: — а Ома Кузьмичъ?

— Чего тебѣ?

— Отпусти.

Бирюкъ не отвѣчалъ.

— Отпусти... съ голодухи... отпусти.

— Знаю я васъ, угрюмо возразилъ лѣсникъ: — ваша вся свобода такая — воръ на ворѣ.

— Отпусти, твердилъ мужикъ, — прикадишь... раззорены, во-какъ... отпусти!

— Раззорены!... Воровать никому не слѣдь...

— Отпусти, Ѳома Кузьмичъ... не погуби. Вашъ-то, самъ знаешь, заѣсть, во-какъ.

Бирюкъ отвернулся. Мужика подергивало, словно лихорадка его колотила. Онъ встряхивалъ головой и дышалъ неровно.

— Отпусти, повторилъ онъ съ унылымъ отчаяніемъ: — отпусти, ей-Богу, отпусти! я заплачу, во-какъ, ей-Богу. Ей-Богу, съ голодухи... дѣтки пищать, самъ знаешь. Круто, во-какъ приходится.

— А ты все-таки воровать не ходи.

— Лошаденку, продолжалъ мужикъ: — лошаденку-то, хоть ее-то... одинъ животъ и есть... отпусти!

Говорятъ, нельзя. Я то же человѣкъ подневольный: съ меня взыщутъ. Васъ баловать то же не приходится.

— Отпусти? Нужда, Ѳома Кузьмичъ, нужда, какъ есть того... отпусти!

— Знаю я васъ!

— Да отпусти!

— Э, да что съ тобой толковать, сиди смирно, а то у меня, знаешь? Не видишь, что-ли барина?

Бѣднякъ поступился... Бирюкъ зѣвнулъ и положилъ голову на столъ. Дождикъ все не переставалъ. Я ждалъ, что будетъ.

Мужикъ внезапно выпрямился. Глаза у него загорѣлись, и на лицѣ выступила краска. «Ну, на, ѣшь, на, подавись, на,» началъ онъ, прищуривъ глаза и опустивъ углы губъ: — «на, душегубецъ окаянный: пей христіанскую кровь, пей...»

Лѣсникъ обернулся.

— Тебѣ говорю, тебѣ, азятъ, кровопійца, тебѣ!

— Пьянь ты, что-ли, что ругаться вздумалъ? заговорилъ съ изумленіемъ лѣсникъ. — Съ ума сошелъ, что-ли?

— Пьянь... не на твои-ли деньги, душегубецъ окаянный, звѣрь, звѣрь?

— Ахъ, ты... да я тебя!...

— А мнѣ что? Все едино — пропадать; куда я безъ лошади

пойду? Пришиби — одинъ конецъ; что съ голоду, что такъ — все едино. Пропадай все: жена, дѣти, — околѣвай все... А до тебя, погоди доберемся!

Бирюкъ приподнялся.

— Бей, бей, подхватилъ мужикъ свирѣбымъ голосомъ — бей, на, на, бей... (Дѣвочка торопливо вскочила съ полу и уставилась на него). Бей! бей!

— Молчать! загремѣлъ лѣсникъ и шагнулъ два раза.

— Полно, полно, Ѳома, закричалъ я: — оставь его... Богъ съ нимъ.

— Не стану я молчать, продолжалъ несчастный. Все едино — околѣвать-то. Душегубецъ-ты, звѣрь, погибели на тебя нѣту... Да постой, не долго тебѣ чваниться: затянуть тебѣ глотку, постой.

Бирюкъ схватилъ его за плечо... Я бросился на помощь мужику...

— Не троньте, баринъ! крикнулъ на меня лѣсникъ.

Я-бы не побоялся его угрозы и уже протянулъ было руку; но къ крайнему моему изумленію, онъ однимъ поворотомъ сдернулъ съ локтей мужика кушакъ, схватилъ его за шиворотъ, нахлобучилъ ему шапку на глаза, растворилъ дверь и вытолкнулъ его вонъ.

— Убирайся къ чорту съ своею лошадью! закричалъ онъ ему вслѣдъ: — да смотри, въ другой разъ у меня...

Онъ вернулся въ избу и сталъ копаться въ углу.

— Ну, Бирюкъ, примолвилъ я наконецъ: — удивилъ ты меня: ты, я вижу, славный малый.

— Э, полноте, баринъ, перебилъ онъ меня съ досадою: — не извольте только сказывать. Да ужъ лучше я васъ провожу, прибавилъ онъ: — звать дождика-то вамъ не переждать...

На дворѣ стучали колеса мужицкой телѣги.

— Вишь, поплелся, бормоталъ онъ: — да я его!...

Черезъ полчаса онъ простился со мной на опушкѣ лѣса.

И. Тургеневъ.

АФАНАСІЙ ИВАНОВИЧЪ И ПУЛЬХЕРІЯ ИВАНОВНА.

Я до-сихъ-поръ не могу позабыть двухъ старичковъ прошедшаго вѣка, которыхъ, увы! теперь уже нѣтъ; но душа моя полна еще до-сихъ-поръ жалости, и чувства мои странно сжимаются, когда вообразу себѣ, что приѣду современемъ опять на ихъ прежнее, нынѣ

опустѣлое жилище, и увижу кучу развалившихся хатъ, заглохшій прудъ, заросшій ровъ на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ низенькій домикъ— и ничего болѣе. Грустно, мнѣ заранѣе грустно! Но обратимся къ разсказу. Аѳанасій Ивановичъ Товстогубъ и жена его Пульхерія Ивановна Товстогубиха, по выраженію окружающихъ мужиковъ, были тѣ старики, о которыхъ я началъ разсказывать. Еслибы я былъ живописецъ и хотѣлъ изобразить на полотнѣ Филемона и Бавкиду, я бы никогда не избралъ другаго оригинала, кромѣ ихъ. Аѳанасію Ивановичу было шестьдесятъ лѣтъ, Пульхеріи Ивановнѣ пятьдесятъ пять. Аѳанасій Ивановичъ былъ высокаго роста, ходилъ всегда въ бараньемъ тулупчикѣ, покрытомъ камлотомъ, сидѣлъ согнувшись и всегда почти улыбался, хотя-бы разсказывалъ или просто слушалъ. Пульхерія Ивановна была нѣсколько серьезна, почти никогда не смѣялась; но на лицѣ и въ глазахъ ея было написано столько доброты, столько готовности угостить васъ всѣмъ, что было у нихъ лучшаго, что вы вѣрно нашли бы улыбку уже черезъ-чуръ приторною для ея добраго лица. Легкія морщины на ихъ лицахъ были расположены съ такою пріятностію, что художникъ вѣрно бы укралъ ихъ. По нимъ можно было, казалось, читать всю жизнь ихъ, ясную, спокойную жизнь, которую вели старыя національныя, простосердечныя и вмѣстѣ богатая фамилія, всегда составляющія противоположность тѣмъ низкимъ малороссіянамъ, которые выдираются изъ дягтерей, торгашей, наполняютъ, какъ саранча, палаты и присутственныя мѣста, дерутъ послѣднюю копѣйку съ своихъ же земляковъ, наполняютъ Петербургъ ябедниками, наживаютъ наконецъ капиталъ и торжественно прибавляютъ къ фамиліи своей, оканчивающейся на *о*, слогъ *ъ*. Нѣтъ, они не были похожи на этихъ презрѣнныхъ и жалкихъ твореній, также какъ и всѣ малороссійскія старинныя и коренныя фамиліи. Нельзя было глядѣть безъ участія на ихъ взаимную любовь. Они никогда не говорили другъ другу ты, но всегда вы: вы Аѳанасій Ивановичъ; вы, Пульхерія Ивановна. «Это вы продавали стулъ, Аѳанасій Ивановичъ?» — «Ничего, не сердитесь, Пульхерія Ивановна, это я.»

Н. Гоголь.

ПЕРЕВЪЗДЪ ВЪ ГОРАХЪ.

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей телѣжки состояла изъ одного небольшого чемодана, который до поло-

вины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ-счастію для васъ, потеряна; а чемоданъ съ остальными вещами, къ-счастію для меня, остался цѣль.

Уже солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я вѣхалъ въ Койшаурскую долину. Осетинъ-извозчикъ неугомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшенные зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя купами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ, высоко-высоко, золотая бахрома снѣговъ; а внизу Арагва, обнявшись съ другой безымянной рѣчкой, шумно вырывающейся изъ чернаго, полного мглоу ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ, какъ змѣя, своею чешуею.

Подѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два грузинъ и горцевъ: по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобы втащить мою телѣжку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколько осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За мою телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до-верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шель ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что онъ давно знакомъ съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соответствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился: онъ молча отвѣчалъ мнѣ на поклонъ и пустил огромный клубъ дыма.

«Мы съ вами попутчики, кажется?»

Онъ, молча, опять поклонился.

«Вы вѣрно ѣдете въ Ставрополь?»

— Такъ-съ точно... съ казенными вещами.

«Скажите, пожалуйста, отъ чего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шута, а мою, пустую, шесть скотовъ едва поднимаютъ съ помощію этихъ осетинъ?»

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня. — Вы вѣрно недавно на Кавказѣ?

«Съ-годъ,» отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

«А что-жъ?»

— Да такъ-съ! Ужасныя бестіи эти азіаты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнуть по своему, быки всѣ ни смѣста... Ужасныя плуты? А что съ нихъ возьмешь... Любятъ деньги брать съ проѣзжающихъ... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю — меня не проведутъ!

«А вы давно здѣсь служите?»

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ*), отвѣчалъ онъ, пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на линію, я былъ подпоручикомъ — прибавилъ онъ — и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ горцевъ.

«А теперь вы?»

— Теперь считаюсь въ третьемъ линейномъ батальионѣ. А вы, смѣю спросить?...

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солице закатилось и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ: но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла на гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину, но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый звукъ не долеталъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ

*) Ермоловъ.

разбѣжались. — «Вѣдь этакій народъ!» сказалъ онъ: «и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку!» Ужъ Татары по-мнѣ лучше: тѣ хоть непыющіе...»

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. Налѣво чернѣло глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темно-синія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

«Завтра будетъ славная погода!» сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова, и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

«Что-жъ? спросилъ я.»

— Гуть-гора.

«Ну такъ что-жъ?»

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ-дѣлѣ, Гуть-гора курилась; по бокамъ ея ползли легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло, и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана...

— Намъ придется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою: въ такую мятежь черезъ горы не переѣдешь. Что, были-ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извозчика.

— «Не было, господинъ,» отвѣчалъ осетинъ-извозчикъ: «а виситъ много, много.»

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника вы-

пить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мною былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользяія, мокрая ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ куда дѣваться; тутъ блеять овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ-счастью въ сторонѣ блеснуль тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверстіе на подобіе двери. Тутъ открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещаль огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверстія въ крышѣ, разтисался вокругъ такой густой неленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать, мы приютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

«Жалкіе люди!» сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые молча на насъ смотрѣли въ какомъ-то ослѣбленіи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите-ли? ничего не умѣютъ, неспособны ни къ какому образованію! Ужь по-крайней-мѣрѣ наши кабардинцы или чеченцы, хотя разбойники, голыши, зато отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію никакой охоты нѣтъ: порядочнаго кивжала ни на одномъ не увидишь. Ужь подлинно осетины!

«Вы долго были въ Чечнѣ!»

— Да, лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго-брода, — знаете?

«Слыхалъ.»

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смириѣе; а бывало на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ-нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ; чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!...

М. Лермонтовъ.

К О Н Е Ц Ъ .